

«Первый луч солнца...»
«Давай замрём...»
«Заметки июльских волн...» (Прибрежный мотив)
«Под осенним покрывалом...»
«Отголоски нот осенних...»
«Похитит ночь слова...»
«Шуршит листва потоком строк...»
«Сгорает в небе...»
«Потерялась...»
«В жилах декабря...»
«Зимние улицы тянутся...»
«На шершавых языках обочин...»
«Цепями звёзд...»
«Пустота ночной реки...»
«Проводит кончиками пальцев...»
«Молчалива как ночь...»
«В час по чайной ложке...»
«Нежно-нежно...»
«И снова падаю в весну...»
«Эта светлая ночь...»
«Играет утро пыльным светом...»
«В красноречивой пустоте...»
«Твой полуденный блеск...»
«Я себя отпущу...»
«Как россыпь тенистых сосен...»
«Остывает кофе...»
«Лотос белых ночей...»
«Ты молча встала у окна...»
«В театре весны...»
«Ты проста и чиста как пламя...»
«По стеклу растекается вечер...»
«Вспыхнет ост, расплавив иней...»
«Драгоценные камни зари...»
«Твои волосы пахнут ночью...»
«Горит пыльца ...»
«Мгла горизонта стелется...»
«Сети серебра, бессонных окон блеск...»
«В дымке августа растворяется...»
«Зелёный прибой...»
«Я нарисую...»
«Позднее лето...»
«Плач рябины за окном...»
«Распустилась луна...»
«Листва на ветру...»
«Ветвей чернильных вязь...»
«В лучах приглушённого света...»
«Я не слышу тебя...»
«Посмотри...»
«Помнишь чёрную магию ночи...»
«Туманная музыка...» (Трезвучия - 1)
«Дыхание поздней осени...» (Трезвучия - 2)
«Осеннее солнце...»

«В осенний сумрак...»
«Это ангел небесный на лестнице...»
«Луна бросает в небе якорь...»
«У меня нет другой дороги...»
«Снег закончился...»
«Между светом и тенью...»
«Метель...»
Терновник
Вновь
Осенние тени
Галерея
Сырая земля
Зимний город
Погружение
Аскеза
Холодный танец
Осколок
Прикосновение
Сны
Письма
Апрельский блюз
Струны
Цвет вишни
Продолжение
100цветие. Летний джаз
Песни июля
Синяя пыль
Осенний плен
Свинец
Каменный сад
Ожерелье
Лёгкость
Лебедь
Тонкий лёд
Туман
Росчерк
Пастух
Каллиграфия
Огонь
Белые страницы
Никогда
Скандинавский пейзаж
Чёрное солнце
Улей
Зимняя роза
Левитация
Взмах
Исчезновение
Дыши
Неизменно
Космос
Оберег

Шанс
Ветвь
Вереница
Дымка
Штиль
Гуашь
Отблеск
Полумрак
Зарисовка
Скрипка
Фиалка
Чёрный этюд
Горящий уголь
Конец письма
Неизбежность
Речной песок
Двенадцать строк о любви
Яблоко
Ласточка дождя
Звезда августа
Поодаль
Пастушья флейта
Соль
Кварта
Ось
Прохлада
Декабрьская пастель
Иней
Белая пустыня
Снежная вода
Отголосок
Зимний блюз
Серый ветер
Хмель
Раненый лев
Холод
Апрельский вечер
Наедине
Узор
Рядом
Безвозвратность
Посеянное дождём
Ледяная трава
Следы на песке
Пьяный воздух
Задумчивая ночь
Элегии
Январский диптих
Сюрреализм
Пепел и снег
Белый мёд
Время невесомости

Она рассказывала сны
Пейзаж из-за стекла
Дальше
Затмение
Панно
Мышьяк
Осколки нефрита
Кома
Река
Пион
Здесь
Однажды
Отрешённость
Асимптотика
Дочь
Прогулка сквозь полночь
Излом
Минимализм
Медитативное танго
Мгла июля
Дробь
Колыбельная ре-минор
Точка отсчёта
Витраж
Набережная
Берег августа
Интимный пейзаж
Вполголоса
Осенняя миниатюра
Дельта-блюз
Чёрная луна
Искра
Тень раскинутых крыльев
Шесть строк
Первый снег
Разлука
Близость
Лилия полночи
Метель
Белая магия
В полушаге
Дар
Ореол
Шёпот
Пепел
Переливы
Безмятежность
Роза льда
Предисловие к зимней ночи
Под февральским небом
Лунный свет
Призрак дождя

Шелест
Утро
След
Вдаль
Ветер губ
Зона молчания
Оттенки
Песня
Дыхание
Пауза
Голод
Ключ
Diptychos
Фреска
Музыка
Путешествие
Душа
Вода
От запястья до кончиков пальцев
Визави
Полотно
Море, увиденное издалека
Май
Взгляд
Признание
Печаль
Сонет
Отпусти
Словно
Эпизод
Контур
Вид
Ночь
Буколика
Сказка
Оптика
Арабеска
Ремарка
Пока тени бредут на запад
Судьба
Ракушка
Каждый
Мотив
Ля
Кайма
Благословение
Кардиограмма
Клинопись
Плеяда
Есть бледный свет, есть красное вино
Перемотка
Паутина

Бай
Предвкушение
Сто один вид моря
Трилистник
Осенняя ночь
Белый ноктюрн
Сердце осени
Тяжесть золотой руды
Предисловие к первому снегу
Только тень
Полиэдр
Мания
Флэнжер
Фузз
Интерлюдия
Поздний октябрь
Восточный ветер
Море вчера
Холст
Доленге
Черновсполох
Кротость
Неспроста
Каскад
Один на один
Reverence
Новь
Опиум
Вслед за весной
Срез
Кошки и тени
От окончания дня
Нитевидно
Обещание
Протяжённость
Сердцепроводность
Вровень
Модерато
Зазеркалье
Уик-энд
Постимпрессионистический блюз
Горный снег
Песчаная эфа
Альбом
Сельское кладбище
Послушник
Силуэты
Спектр
Ступеньки дождя
Эпилог
Стекло
Блажь

Мир в песчинке
Влага
Осенний ренессанс
Летнее шоссе
Сухие слёзы
Последнее
Колумбийские фрески
Незаконченное одиночество
Этюды на свободную тему
Подражание древним
Шоколад, клубника, ваниль
Кружево
Русский жанр
Преддверие
Рельеф
Там
Сомнамбула
Тёплый туман
Равноденствие
Скоро
Важно
Вместо
Она
Горсть
Практика пустоты
Инкогнито
Секвенции
Нагота
Элементы нежности
Воск
Струны
Господин Никто
Пропись
Тиховой
Септаккорды весенней воды
Хинодэ
Центр тяжести
Октябрь
Сепия
Оптические иллюзии
Катарсис
Тайна
Дегустация
Мозаика
Без вести
Моно
Chaussee
Легко
Гравюры
Виньетка
Старик Ла-Морт
Колокольчик

Воздух бронзовых крон
Азалия
Нюансы
И глаз твоих горячий шоколад
Морская пена будет твоим плачем
Аз, Буки, Веди
Зимовье
В сугроб лица. Оборванные строфы
Пыль
Филомела
Зелёный
Красный
Реггей
Морская болезнь
Каприс
Туманность Орла
Кадмий
Олеандр
Гипнос
Волянка
Тиамат
Бабочка в кювете
Дикий декабрь
Голубой топаз
Ассоль
Сокровищница
Девочка
Заклинание змей под солнцем пустыни
Осадок света лёг в фонтан
Химия выцветших глаз в прозрении вечного новолуния
Всё глубже тишина, всё беспредметней слово
Размытые следы с палитры блюза
Музыка, обнаженная до кости
Сиюминутная слабость, доведённая до совершенства ожога
Смиреной тенью листопада
Тридцать зим
Я полюбил янтарь деревьев ломких
Растопленный лёд в прожилках старого клёна
Перекрёсток
Перекрёсток. Фраза вторая
Противоядие
Отголоски живого хмеля
Муар
Рождение Венеры Боттичелли
Брамс. Prelude and Fugue in A minor
Сикстинская Мадонна Рафаэля
Гайдн. Concerto for Flute and Orchestra in D major
Персей и Андромеда Рубенса
Бетховен. Piano Sonata No.23 in F minor, Op.57 Appassionata
Лютнист Караваджо
Шуман. Introduction and Allegro appassionato
Олимпия Мане

Голубые танцовщицы Дега
Шуберт. Ave Maria
Оперный проезд в Париже Писсарро
Исповеди. Шёлк
Исповеди. Осенний монолог
Исповеди. Долгий закат
Молитва камням
Untitled
Меридианы
Слушая тело
Пустыня
Кукла
Реконструкция памяти
Утренняя миниатюра. Нью
Натюрморт
Атмосфера
Взмах крыла бабочки
Untitled-2
Цунами
Ноябрьская элегия
Слепота
Дионис
Элевсинские мистерии
Исида
Поклонение деревьям
Сводка
Мария-Антуанетта Австрийская
Оскар Уайльд. Последняя проза
Ходасевич. Смерть
Вуонапарте
Текстура
Приглушённый ритм
Орнаментация
Магдалина
Абстракция
Поток
Полиритмия
Диссонансы
Монохромия
Апликация
Пленэр
Меццо-пиано, меццо-форте
Гало
Мрамор
Колыбель
Декор
Барокко
Поседели от ветра аллеи
Расплескалась чаша волос
Выплакав могильник горизонта
Фонарей неровный почерк
Пульс свечи отдаётся в висках

Сентиментальное
Житейское
Обертон восходящего солнца
Аристокл
Кун-цзы
Фома
Бенедикт. Импровизация
Иммануил
Фридрих
Вне холода
Вчера
Чёрная желчь
Гиперборейский романс
Примечания на ночь
Апостериори
Айрин
Лайдж
Панорамирование
Доминикана
Убитый снег
Капля весенней крови
Освободи
Au revoir
Bonjour
Эрос и холод
Малая сцена
Легато
Только
Поговори со мной
Я люблю тебя
Дождь шевелит крыльями
Молитвослов
Расфокусировка
Присела на карниз
Каданс
Флуктуации
Неотправленные письма
“Цветет луна в обрыве ночи...”
“Жизнь, обреченная на выживание – красота строки, вытянутой...”
“Белоснежным январским шелком она стелется...”
One
Поздно
Preuve de la poésie
Пейзаж
Воздухоплавание
Воображение
Развертка
Тема воздуха
Теплая кровь
Силовые линии
Дополни
После

Минус двадцать по Цельсию
Еще раз о поэте
Крупный план
Женщина
Amore
Проспать под диктовку снега
Nerve
Тому, кто всегда рядом
Тихо
Иные следы
Плавно
Одиннадцать дней
Резонанс
Церера
Идиллия
Закадровый текст
Идиллия II. Romantic
Жребий
Очертания
Вино
Полуслова
Лайт
Спираль
Спираль. Действие II
Contrasto
Весна
Март. Coda
Неисповедимо
Венок
Фон
Каменный берег Сены
Джем
Белозеров
Магнитуда. Трансперсональные формы
Нью-Йорк. Концентрат
Дерево
Всплеск
Фристайл
Однотонный спектр слабеющего дня
Ворожба
Лепестки воды
Мгновенный снимок неба
Одно стихотворение
Бисер
Как спящий могильный камень
Художник нарисует воздух
Остыло пламя запада
Штриховка
Штриховка. Послесловие
Штриховка. Послесловие. El acorde final
Траектория тихого шума
Приметы

Эхо
Капля уюта
Тополь
Прибрежная
Аллегро
Июньская исповедь
Невидимка-утро
Пропеть волны
Углекислота. Urban
Солнцестояние
Адажио
Декаданс
Терции
Фесвитянин, из жителей Галаадских
Orange
Дождь в тебе
Адам и Ночь
Летоизъявление
Эспаньола
Рассвечение
Завтрак третьего тысячелетия н.э.
Птицы
Caramel
Вслед
Турбулентность
Диптих
Амальгама
Гидра
Записки на клочках летнего света
Дактилоскопия
Сядет печаль под смоковницей
Золототечение
Гидротермальная кровь
Mer de citron
Облако June
Протуберанцы
Роса Марианской впадины
Побережье тающего запада. День 265-й
Поцелуй
Цветами нежными срывая слезы
Предел желания
Чешуя дракона
Надрывно шумит тополь
Менуэт
Соцветия кристалла
Блэк Дог
Венецианский карнавал
Роспись по ветру июля
На полынь клюет. Anima
Увертюра №3. Пробуждение
Переплеть
Бабочка взгляда в разводах лунной мишени

Агат
Туман
Покой твоих глаз. Фантазия
Игра в цвета
Стоп-кадр на вдохе
Подсолнух
Линзовый свет
Горный сон
Искушение
Безнадежно ласково
Ноктюрн
Секрет улыбки лета
Шепот песка
Narcotic
Экстатическая единица вдохновения
Гранат
Летаргия
Грани
Лютня
Die Lichter und Farben
Полонез
Фотон. Сопричастность
Пастораль
Импровизация #1. Вечернее
Импровизация #2. Изумрудный пепел
Identification
Соул-дождь
Жемчужина
Карусель
Шафран
Предсмертное дыхание листопада
Неизлечимая доза любви
Адью
Готика
Poet
Экспрессио
Nei giorni feriali tranquilla
Густая свежесть
Ожог
Импровизация #3. Полночный вальс
Тишина Sunrise
Леди Либерти и Тысячелетний прилив
Снежно-дождливой свечой
mélodie
Свободные колебания
Фразировки
Любовник осени
Тонкий шарм
В янтарно-вельветовом платье
Ты убила меня на рассвете. Признание
légende
Осень. Дождь. Окно

Талое золото
Талое золото #2. Флер
Храни тишину своих слез
Писать твой портрет углем
Земляника
Сутта
Докурю полдень
@ромат
Багрянец (Blues)
Blues #2
Диапазон Silence (Blues #3)
Лаборатория
Охра (Blues #4)
Пастель
Ткань дождя. Баллада #3
Люминесценция
phantom отчуждения
“Ты не заметишь, как быстро умрут эти праздники...”
Перспектива
Набросать ночной октябрь (нуар)
Чаровница
Жди, девочка (Нежней мадонны Рафаэля...)
Слезы рябины
Ночигарь
Отголоски
Фиолетовый саван
Стена
Эолийский лад
Метроном
Черновики листопада
Черновики листопада. Акт второй
По ходу движения воды
Лихорадка Yellow
Мед с молоком (miniature)
Миниатюра #2
Кобальт
Распахнутые двери приглашали парус на рассвете
На ощупь
Классико
Лаунж
Свинг-таун
Отравленный саунд
Классико. Дубль 2
Убежище
A18
Воспоминания, которых, возможно, и не было
“Бесприютная душа, путешествуй во времени...”
“Так случается иногда, по пятницам, или субботам...”
“Пью кофе, смотрю на снег...”
“На белом свитере зимы оборванная нить...”
“Черный снег под колесами...”
Букварель

Акценты
Внутривенно. Триптих
Декабрьский дождь
Прожигатель слов
Плеск ручья
Лотос
Свирель
Иордан
“Вишни губ звенящей весной...”
“Сгоревшая осень в лиловые сумерки бредит...”
Плодородие
Атомы
Тет-а-тет
Цветением февраля. Impressions
Слушая Рахманинова, читая Бергмана. Improvisation
Поймавший за хвост время. Connection
Соло
Предсновидение
Имэйджин
Подснежники
Млечное
Перламутр
Андалузия
Обморожение. 0,166(6) до марта
Самопоглощение – Долгострой – Расщепление
Весенница
Дефиниции поэзии
Центр масс
“Сквозь твои туманы...”
Яшмовый берег
Открытый космос
“Крики новорожденного...”
Железо тьмы
Во мне спит ночь
Единичное
Роза
Иней марта. Впечатления
Хокку
Лазурь
Экспромт
Головокружение
Всесильный холод, нескончаемость дороги
Dialogue
Письмо. Белый дождь
Словообразование
Хайвэй
Увертюра
Увертюра №2
Целлофан
Цветомузыка
Ранний Матисс
На алтаре из лунного камня

Органная fuga растаявших ледников
Сердолик
Жатва. Импровизация слуха
Гвоздика
Вдох-мгновение
Писать о золоте в дыханье малахита
Парижская школа
Фарфоровая меланхолия
“Больничным халатом березовой роши...”
Жреческая соль
Неврастения. Весенний ритм-н-блюз
Баллада
Миднайт. Баллада #2
Жаворонком
Гобелены
Parterre de fleurs
В саду расходящихся хокку
Каприз ля-минор
Визионер
Дождепитие
Пространство der freien Assoziation
Притяжение
Интродукция
Склоняющая слух. Парафразис
Фианитовая капель
Полутона
Пастухи звезды востока. Холст. Масло
Заговор
Контрасты с привкусом ностальгического сна
Авриль. Колыбельная
594 знака кармы
Иритэ. Японская старинная музыка
Зенит Фудзиямы
Агни-полдень
Зимцерла
Химера
Бельканто
Черная соль
Блаженная
Лимонад
Синестезия
Поток И цзин
Искры клена
Пить из прозрачных губ
Крест
Вавилонянка
Мадригал
“День склоняется розовым паром...”
Шкатулка со льдом
Инсайт
Прелюдия А
Прелюдия В

Прелюдия С
Прелюдия D
Ракурс 03052011. Прелюдия E
Предания диких орлов
Сталактит
Гирлянда
Синяя метель и слезы лаванды
Мотылек
Меланхолиум
Цянь. Прожигатель слов -2
Из дневников
Мопостихия
Вариации
Esquise
Дочь критского царя
Жизненный цикл бабочки
Ночь пьяным пьяна от гари
Вытекающий август
Собираю я песни, как вина
Пробуждение в осень
Прахом агатовых ветров
Архетип чувственности
Легкость Моцарта бродит...
На перепутье. Каприз
Нашедший дыхание океана
Folklore. Ласковая
Лимит
Эффект расстояния
Пары
Фламенко живописи
Колыбель музыки
Дочь леса
До генуэзца
Моси-оа-Тунья
Уран 235
Безумство к лицу
Убей меня тонко
Архаика. Праздник потерянной плоти
Река ночи
Старуха и собаки
Медь, хрусталь, гранит и смола
Археология
Пыль весны. Из записных книжек
Где-то утерянное
Тихая тайна
На разрыв. Повенчанный в танце
Сентябрьский дождь
Маэстро Паганини, рвите струны
Многоточие
Underground
Aphrodite
Осенний свет

Ностальгия
1-я сюита Баха
Триумvirат поэзии, музыки и живописи
Огонь-листопад
Солнце октября
Послание великого грешника (отрывки)
Ведь если б я знал. Эфирная плоть
Проникающее мгновение
Келья. Медитация
В доме горит огонь
Черный ангел
Quotidie Eternity
Возьми на радость из моих ладоней
Рукав Оки
Жажда жизни
Белоствольная роща. Театрализация
Пространство облачности
Твои патриции давно погребены
Седые сны в садах из алебастра
В проеме дверей кто-то играет блюз
Врубель. Одиночество
На осколках темноты
Движение в сторону сердца
Душа пишет стихи от неволи
Fas ferrum, fer spem
До ласточки зари
Короткий метр
Обреченное время поэтов
L'espoir
Конспект номер минус один
Конспект номер минус два
Антигравитация
Засечки
Вероника
Балкон. Рождественский штрих
Грехопадение
Наскальная живопись подъездов
Алый уголь
Утренний дым да крик журавлиный
Отель "Данте Парадиз"
На Лорку
Инициация
Crystal
Нота Востока
Распятница
Неомистицизм
Таяние расстояния
Зимнее хокку
И маки плавилась душистым соком зорь
Сапфировые пятистишия
Тула-Москва
Проба чистой любви

Под диктовку Селены
Делириум
Отдохновение
Пролонгация
Journal. Январь
Fly Caesar Poems (стихи Мухи Цезарева)
На миллиметре
Прибрежная песня Ромео
За вестниками родникового света
Серебряным ключом
Читать по глазам
Сезоны любви. На глубине
Мягкость снега на безветрии
Сквозь дым неоновых цветов
Кромка. Заточенный под нерв
Шлейф самолета на айсберге неба
Вспыльчивых струн резец под языком
Путешествие к истокам
Constanta
Шампанское, прокуренный подъезд (Мята губ)
Парение в восходящих потоках воздуха
Кристаллизация
Вкус диких трав
Как стройность птиц, зимующих вдоль Нила
Ощущение музыки
Кем ветры выгнаны
Обворуем рассвет
Песни Эдема
Тепло февраля, пластика сна
Возгораньем вина, дымом лунного луга
Слезы нордового ветра
Проникающее ранение
Слушай пустыню вечернего моря
Предел вдохновения обжигающим холодом
К Ренуару
Со дна таинства. Декабрь
Под наркозом туманного месяца. Волчий бриз
Бальзам
Заклинание
Украшенная, лишь собой
Бархатом тает весна
Чуткость воды
Фантазия
Слалом
В тишине небесной рубахи
Соловьиная
Нежность
Предчувствие. Март
В лесах мелодических Феба
Цыганочка
Закат Филадельфии
Осязаемо к свету

Нитью накаливания
Двадцать четыре часа. Безвозвратно
Срисую чистую полночь
В тишине моих слов
Неделимость
Фигуры Байкала
Философия цветов
Двери в желтую чешую пустыни
Не забудь, о чем просит мой ветер
Внутриутробно
Жертвенник
Четки
Самовозгорание льда
Совокупление жизни и смерти
Попутчица
Мост в Аржантее Сислея
Юродивые
Освобождение в обездвиживание
Золотая пыль
Хлеб и вино
Кофе, блюз и немного тоски
*** (восход был тонок)
Дикая лань – душа
Тетивою дождя натянулось осеннее небо
Где душа твоя ждет моих ветров степных?
Корабль-призрак
Бродил туман
Северный ветер
Святая любовь
Прозрачное восприятие
Я мусорю стихами осенней икоты
Нищета
Помни
Зороастр, Ахурамазды пророк
Иуда Искарот
Откровение Иоанна
Великое Безымянное
Ласкающая магией тела
Грация сновидения
Пляски духов
Плоть Евы
Мое доброе горе
Цветущим ритмом луговин
Один путь на двоих
Из плеяды моего сердца
Боль утихнет и останется, только лесная молва
Я хочу слышать, как ты играешь на струнах безмолвия
Стрелок. Эта пуля жаждет новых мишеней
Священнодействие
Июль. Уединение в цвет
Зелье августа
Сюрреалистическая Мадонна

***(в мехах облаков)

Неизреченная надежда

Цветок заката

Апрельская роса

Пеленай, оборачивай руки. Звездой на поднос

Собиратель горизонтов

Шепот и влага кофейных глаз

На дорогу тень упала. К Андрею Белому

Vacuum

В колодцах парковых прудов

Держись моих рук, беги в мою ночь

Overturning

Reflections

Березовый свет

Circulation

Patterns

Черный бриллиант

Плачем священного леса

Вест. Закат, согревший лед

Полная чаша

Вдыхая дождь

Молись за тех, кто умер от солнца любви

Когда нежный лев теряет своих детей

Собирай мой воздух

Шелк. Говорящая с ночью

Точка возврата

В перекрестках июньской жары

Тени поют

Потусторонность

Процесс. Динамика. Направление

Диалог. Nature

Я седой, как туман и в глазах моих скрежет метели

Пряный прилив июля

Амедео

Элегия. Пока я рядом

Этюды

Форма

Вдохновением полной луны

Пьяная осень

Леность озёрной сини

Призрак Питера

Я претендую на ласку мертвого солнца

Кровавое солнце ацтеков

Потенциальная реальность Дали в исполнении сновидения

Изживай свое тело, убивай своё "Я"

Волчица

Весь в скитаниях нараспашку

Шамбала внутри

Гармония сфер и магия слов

Преодоление разума

Непал. Расходясь амплитудой гор

Я ночь захлеб до краев

Наедине с Куинджи
Метафизика Анжелики
Бриллиант прохлады
Глазами импрессиониста
Чья здесь пуля моя?
Коньячное небо закат оросил
Венеция. Фрагменты на воде
Пластилиновая меланхолия желтого вечера
Тонкая природа слабого взаимодействия
Покажи мне путь в Аваллон
Алхимик. Он просто любил слушать ветер
Творческий дух несовершенства
Инстинкт самодостаточности
Пшеничное солнце
Прописалась ты во мне
Летал ворон черною судьбою
Странник пойманной зари
Пыльные трубы Иерихона
Звонок в далекое близкое
Песнь инка
Степь. Чешуей заката
Костры ночного Диониса (Марина, посмотри на ночь)
Моне и лилии на воде
Попробуй молочную грусть
Кочевая закваска. Охотники, кочевники и воины
Я кофейной смолой гримирую рассвет
Пьяное просветление
Блудница
Свалка из лиц
Другие контрасты, та же печаль
Поблагодари зарю
*** (кто ценит не потерей)
Собери мою боль
Бродяги
Вера команданте
Зима, зима, распутная метель
Вольнопахец
Сокрытое в лунной осени
Дрожащая мантра
Во мне твой свет
Иррациональное Дао
Осознание линии холода
Возбуждение невесомости
Небесный лед
Сливки теплого вечера
Монблан
И только смиренная флейта
Аффективная психоделика воды
Пейзажные зарисовки дхвани
Зодиакальный свет в вечернем благовесте
Ромашковым отваром облаков
Находящая Адониса

Лица багрянец жжет истерикой метель
Гимны вольных хлебов
Восхождение Ницше
Лига неприкаянных
Затмение пополам
На ладонях снег
Нефритовое море
Блеф осенней души (Аморфное насыщение)
Сиддхартха, познающий собственную смерть
Импровизация на фоне дождя
Нежность моя, о тебе лишь радуется
Узнай меня лучше
Перемытый в закатной пыли
К Винсенту
Последний огонь
Режь по живому
Янтарно-лазурный Христос
Летопеснь
Накрахмаленные мальчики, обезвоженные девочки
Не порвешь струны, не сыграешь
Белоснежное имя
Эх, душа березовая
Дай мне огня, развяжи мне руки
Красота ты моя нагая
Ночной певец
Истина огня
Давай разведем теплым медом
Беспокойное время стихов
Я – волк
Саморожденная вера
Мама, послушай, твой сын, как дворняга
Чувствуйте!
Черный блокнот (из цикла)
Опыты бессознательного. На грани (из цикла)
А мне захотелось в ключья бумагу
Будь ближе в ночь
Сартр открывает сезон
Добавь в меня лилий
Можно прыгнуть в теплую ночь
Блюз вечерней звезды
Псалмы разлитого полдня
Какие тонкие струны
На золотом нерве
Я прочитаю по знакам
Здесь бродят пьяные боги
Вечерний шлейф сползает черным змеем
Виноградным напитком твоих поцелуев
На склонах горного застолья
Ветхозаветный Одиссей
Распахни себя
Триэтерии
Вождение снега

Вслушиваясь в тишину
Я пропитан железной дорогой
Не трави ты меня взглядом пепельным
В кашле майских зефиров
Гимны Осириса
Сладкой черемухой в чуткость души
С растрепанного неба
Снежный плач
Воля вольничья степная сестрица
Тень обнаженных проспектов
Пять минут страха свинцом у виска
Мы идем по пескам забвенья
Союз воды и огня
Возвращение. Иди мелодией Орфея
Проникновение июньского неба в созвездие осени
Джаз разбитых стекол
Пожары июньских окон
Тяжесть дыхания
Освещение зари родниковой нимфой
*** (Перебинтуй меня листьями нежными)
Черная Африка. Сны из залгани
Ночь под ломками отрекается
Я видел в тебе море
Дары Дианы
Пред ритуальными кострами городского сна
Танцы у горного озера
Ангелы облачных сфер и звездных атоллов
Морфием небо твое ползет
Круги на воде. Чувствуя осень
Играя демиурга
Нервы вязать лазурью
Мистерия хвойных покоев
Пока распускалась вселенная
Жемчуг с рук твоих собирать
Эклектика гетеры
Кислота
Архив снов
Алкоголь
Деформация
Тринадцатый. Обращение Савла
Серебряный кубок холода
Легенды
В атмосферных фронтах сентября
Ренессанс Италии
Импульс полусна
Призраки девственной памяти
Жажда-осень
Рерих. Канченджунга
Белым ожерельем
Лисицей дым
Волхвы с востока
Смерть собаки

Одетая в воздух
Три четверти
Расстрел
Сворачивая время
Солнечная мать
Цыганская любя
Мистификация нового дня
Свет на серебро
Плачет по нам тишина, да убитая горем осень
Все как прежде
Змеиный яд - в орлиный клюв, и с богом
Спящий город
Морская песнь
Никому неизвестная проза
Рукописным штрихом прокладываю
Милая окраина
Люблю я зиму русскую
После дождя
Тройка
Солнечный джаз
На берегу реки в ноябрьскую пору
Оскал рубиновый заката
И эти холода переживем
Мари
Дорога
Молодецкая
Егерь
И вот я снова, как ребенок
Румяный вечер стынет мирно
Выбивают пыль копытца
Нанизывают гроздьями дождя
Ходить по улицам вечерним
Дайте хлеба теплого с золотых полей
Осень запрягает сани золотые
Морская пьеса
Чистый образ детских снов
Бичуют капли зеркала размытых лужиц
Дышать Богом
Приросла к земле под солнцем деревенским
Зимняя
Зимний день
Мимолетная Москва
Законсервированная душа
Вечер скован, ветер стонет
Ты слов не жалея
Распинали на сердце любовь и надежду
Сумасшедший поэт с большой дороги
Кто умеет видеть
Зачехлило зиму половодье горластых ручьев
Кто я, бард, иль поэт, нет, не знаю
То ли дождь, то ли снег
Исповедь сердцу

Я сам дизайнер своих снов
Солнца всплеск лимонной сетью
Пульс жизни
Серпом месяц косит ночку
Станцуй мне фламенко
Раздели со мною
Спадает облачная пена
Кому грех, а кому жизнь
Город
Не живется по накатанной
Играй на бубне мне шаман
Стояла девушка у моря
Желоба размытых дорог
Мы маскируемся под лица
Янтарная река
Моя жизнь
Отзовись мне
Собираю с неба
Воскресла утра поцелуем стать земли
В поле хмурый закат
Вишневые зори
Танец сезонов
Болото вязкое, густая поросль
Над морским холстом бескрайним
Блудная тень прошлого лета
Ты отзывалась на эпитет Афродиты
Театр теней
Помолись за меня, ночь
Воспетая сладость
Четырехсезонье
Когда осень слетает прохладой
Глаза, отлитые в рассвет
Стоптан морозом в тулупы зимы
Молодые рассветы с востока ведут
Еще одна подведена черта
Весна, я твой великий грешник
Доброю приметой
Грустная песня
Жил-был дурак
Легкая вода
Вплетаю в струны неба
Черная ночь твоих глаз
Солнца спелого яблоко
И я вернусь с крылатой колесницей весенних гимнов
Переверните небо
Я вырос на пастбище жгучих ветров
Белым голубем в синь воздушную
Душа ее – Атлантида
Ноябрь
Дай мне терпения горсть
Значит, вечность моя задышала весной
Свет мой, Александрия

Время зажечь костры
Крова родные стены
Бессонница
Колокольным звоном с молитвою
Идем на север
Молитва отступника
Назови ее ласточкой
Снежное сердце
Когда обрушатся стены Иерусалима
Пряди волос
Снам собирать серебро
Рассыпаться
Прозрение одиночества
Тот, кто уходит в ночь
Если ты слеп
Боль, как лекарство от скуки
Напиши свое имя, дождь
Выпить алую зарю
Ночь-тигрица
Небо-наркотик
У меня есть путь
Созревший плод
Ах, эти смолы черных очей
По инерции время катится
Воскресение
Любовь
Я смазал солнцем связки, я грудь проветрил вьюгой
Убиваю время в закваске дней спеченных
То, брат, не тоска
Прелюдия полнолуния
Опять ты ждешь
Вольница
Осенний дождливый кефир
Под рубашкой зимней
Разбуди меня поутру
Пилигрим
В доме моем лунная гавань
Август
Перед сном в деревне
Разлетелась весточка в округе
Луг, околица, домишко...
Вслед осенним ветрам
Научи меня
Чайка-Робинзон
Сияют горбатые волны мятежного моря
Осыпаюсь перхотью снегов
За семью ветрами
Ночная фея
Зеленоглавых сосен частокол
Отпускает ветер затрещины
Весенняя песня
Долина солнечных палат

Напутственная
Эх, ты воля
Песня казака
Летучий голландец
Звездочет
Весна-сестрица
Пряная девка любовь
В июньском солнечном бурьяне
Как приятен у камина, треск поленьев, крас углей
Душ небесный – дожди
Подоспела осень
Судьбинушка
Живослов
Матросы
Поступь ночи
Изгнанный ангел
Я выносил лиру стройную из духа противоречия
А по полю кони
Стервенеют вечерние краски
Танец ночного огня
Можно, я буду с тобою нежен
Чувства
Лилии губ твоих распускаются сахарной ватой
Ты опять смываешь краски
Богиня
В болотных оперениях древесных
Сокровенное
Любовь – это...
Я пахал, я сеял
Ночи черной акварель
Городская лирика
Истечение слабости сердца
Сведи все краски желаний
Для тебя и для меня
Скажи...
И иступленьем снова за тобой (акростих)
Вот тебе три строки
В зеркале нового дня
Берег
Разлетаются мысли осенней листвой
Бедный край мой - пустырь, тишина, да молитва
Голгофа
Созерцательное в себе
Не обижай того, кто нравом робок
На старой лавочке, в старом двореке
Тайная вечеря
Мистик Мо
Вера, надежда, любовь
Шаманка
Проезжая часть
Город в северном сиянье
Дерево песен (отрывок)

У ног ковер листвою осенней...(отрывок)

Путь самурая (отрывок)

Девять стрел

Первый луч солнца
превращается в ласточку,
вырывая сердце
из клетки ночи.
Я слышу далёкий ветер,
касающийся
твоих волос.
Я чувствую боль
умирающих звёзд,
принесённых
в жертву рассвету.
Я учусь у песка
беспамятству.

Давай замрём
в пространстве
пустого города,
будто ряска
вечерних огней
на стекле
спящей витрины.
Будем смотреть
на скользкие тени
в тёмной воде,
вдыхая рубиновый ветер,
ласкающий простыни неба,
словно нежный иней
сковал наши губы,
словно мягкий холод
застыл в наших пальцах.
Будем просто молчать,
как пена берёз
на волнах
июльского солнца.

I

Заметки июльских волн
на страницах безмолвия.
Утро, как сон

белого лебедя.
Стеклянное небо
с беглой царапиной жаворонка
отражает
блеск полусонных глаз.
Холст. Масло.

II

Ветер
гадает по книге стихов,
оставленной
на столе незнакомкой.
Догорает огонь
вечерних цветов.
Над медью воды
колышутся
одуванчики
солнечных бликов.
Васильковая даль
будет вечно хранить
следы мотылька.

III

Сквозь дым берёз
скользит седая гладь
рассвета.
Играет хвойный ветерок
В табачной мгле.
Зелёный плач воды
накроет тёплым пледом
уставший слух
и пилигрим уснёт в траве.

IV

Июль
набрасывает
полутона зари.
Мерцание птиц,
как искры
над спящим костром.
Поговорим,
касясь взглядом
паутины воды.
Пусть разговор ни о чём
хранит глубину
недосказанности,
пока раздувает
пламя звёзды
холодный ночной ветер.

V

Дождь подбирает аккорды.
Тяжёлое небо
тянет на дно.
Впусти в своё сердце холод,
рождённый в металле волн.
Найди свою дикую тень
под чёрным сукном
леса,
там,
где рождаются
и умирают
последние песни.

VI

В тумане августа
тает случайный кадр.
Лёгкая дрожь листвы
над плёнкой воды,
словно ожившие строки молитвы.
Я подбираю слова,
упираясь
в прибрежный мотив,
оставивший в дар
чёрно-белую тишину
старого фотоснимка.

Под осенним покрывалом
бьётся сердце ночи.
Сентября постель примяла
пламенная роща.
Льётся глаз твоих прохлада,
как протяжный дождь
в сонном плене листопада,
и взмахнув крылом устало,
шепчет ветер, превращаясь
в губ озябших дрожь.

Отголоски нот осенних
в винном пламени заката.
Льёт рубиновое зелье
в придыханье листопада
влажный вечер. Луж осколки

освещают мрак зари.
Словно хищный прищур волка
рыщут блеском фонари.
Сквозняков дворовых свора
ором ледяным кружит,
и в багровых листьях клёна
застывает кровь души.

Похитит ночь слова,
оставив лишь пробелы
в черновиках
нордического неба,
слог обратится в прах,
сквозняк рассеет знаки,
и твои влажные глаза,
горя огнём
бессмертным октября
напротив глаз моих,
в тот миг
мне скажут больше
чем вся мудрость
книг,
пылящихся
в осеннем полумраке.

Шуршит листва потоком строк,
как по страницам книги мёртвых.
Ночь обретает свой исток,
скользнёт ручей души к истоку.

И на стальной луны стекло
дыханием осенним ляжет -
где не был из живых никто,
там непременно будет каждый.

Сгорает в небе
ноября
осенний снег.

Мерцает жемчуг
умирающей звезды.

С равнины северного моря

ворон ночи
несёт на крыльях пепел
сквозняков.

Свеча погаснет,
пламя станет янтарём
рассвета,
словно призраком весны.

Потерялась
в узорах инея
линия жизни.
Спит в тумане
полночных зеркал
юный месяц.
Серебром облачилась
дыхания ветвь,
чуть задев
протяжённый мотив
зимней песни.
Первый снег
распускается
чистым лотосом.
Холод рек
проступил
голубым хрусталём,
отразив
безответной любви
предвкушенье,
что скрывает в груди
вдохновенный отшельник
без имени
и без голоса.

В жилах декабря
вода застыла,
как душа сапфира
в удушающем
молчании
шелков,
и река укрыла
белым илом
всё что было,
и что будет вновь.
Тягостным похмельем
на глазах - метель.

Падает по ветру
от рябины след.
На постели пепел
зимнего рассвета.
Я не жду...
Не ждут меня...
Меня здесь нет.

Зимние улицы тянутся
предновогодним воском.
Горечь табачного дыма
облаком в небе парит.
В белом покое спит,
словно младенец, берёзка,
падает снег на ветви,
как свет
на страницы книг.

На призрачной остановке
жду безымянный автобус.
За мотыльками окон
следует тусклый взгляд,
и исчезает бессрочно,
там, где отблеском звёздным
воздух согрет, где точно
не повернуть назад.

На шершавых языках обочин
тает сахарная вата декабря.
Масло облаков из кубка ночи
льётся в жертвенник закатного огня.

Это всё, что нужно на сегодня,
стон стихии, стрелок мерный ход,
чтобы стать покорным и свободным,
сну покорным и свободным от

самого себя, чтоб тяжесть скинув,
боль укрыть лавандовым плащом,
и смотреть, как расцветает иней
на окне с мерцающей свечой.

Цепями звёзд

гремит ночное небо.

В плену зимы -
озябшая душа.

И памяти
немая кинолента

прокручивает
кадры не спеша.

С растрёпанной подушки
старой ели,

мерцая,
словно дьявольский огонь,

свисают снега
ангельские перья,

и падают
в дороги белый сон.

Пустота ночной реки
отразит молчанья холод,
не написанной строки
красоту подхватят волны.

Обжигающе чиста,
и бездонна, и порочна
пропасть белого листа
в горькой дымке многоточий.

Проводит кончиками пальцев
зимний ветер
по ожерелью
ледяных волос,
и наши тени
превращает в пепел
рождественская ночь.
Нам сбыться удалось.

Молчалива как ночь

и нежна как заря
дорогая моя,
что не встретилась мне,

что с бессонных страниц
не прочтёт этих строк,
не шагнёт на порог
в тишину моих рук,

что скользнёт, словно луч
над холодной землёй,
и в тимьян упадёт
предрассветной росой.

В час по чайной ложке
капает время,
роняет неосторожно
мгновение за мгновением.
Вдох суеты,
глубокий выдох
бесменного
одиночества.
Ради чего?
Ответы, видимо -
в пыльной книге
пророчеств.
Сегодня найдёшь,
значит, завтра расскаешься,
завтра - ответ другой,
ведь истина - это то,
что рождается
и умирает с тобой,
что ищет на ощупь
в полночи летней
лунного света
лезвие,
как крылатый цветок,
играющий с ветром
в тёмном проёме
подъезда.

Нежно-нежно
рассею усталость,
соберу
твои тёплые слёзы,
как осколки зари,

что мерцает
в паутине туманного
оста.

Нежно-нежно
возьму твою руку,
так касается утро
лучами
побережья морского,
и солнцем
тишину твоих губ
увенчаю.

И снова падаю в весну,
в многоголосье вод бессонных,
в прохладу сквозняков зелёных,
ползущих грязью по холсту
едва проснувшейся земли,
где сквозь ветвистые знамёна,
горя румянцем, как влюблённый,
трубит медь солнца гимн любви.

Эта светлая ночь,
как чёрная даль
твоих глаз,
взгляд
что восходит луной безмолвия
и превращается в штрих дождя
на триптихе марта.

Эта светлая ночь,
как дорога в один конец,
где память заката
хранит
мой потерянный след
под сердцем
цветущего сада.

Играет утро пыльным светом,
проснись душа, гори в груди
как солнце, плюнувшее в лето
вишнёвой косточкой зари.

Мы будем петь в простор пустыни,
срываясь на орлиный крик,
под небом ядовито-синим,
где жизнь – один предсмертный миг.

В красноречивой пустоте
нет больше новостей,
лишь отголоски диких песен
разносит ветер,
как стервятник прах,
и шум ветвей
весенних тополей
стоит в ушах
задумчивым мотивом,
и видно всё,
ибо тебя не видно,
и мысли всех мастей
сливаются в единый
ручей, впадающий
молитвой в реку неба,
не знающий влечений
и страстей.

Твой полуденный блеск –
драгоценные камни дождя
в ожерелье полей.

Я приду,
когда смолкнет последняя нота
дрожащей свечи.

Чёрный свет твоих глаз
принесёт с собой
жаркую степь.

Сквозь лиловый туман,
сквозь мерцанье
попутных огней

я приду,
когда солнце заката
тебе прокричит:

“Собирайся скорей,
чтобы жить -
мы должны умереть”.

Я себя отпущу
в бездорожье
лунного света.
Ночь похлопает
по плечу,
словно пьяный приятель.
Мясом звёзд
обрастут скелеты
мёртвых аллей,
и костёр горизонта
раздует во взгляде
ветер разлуки,
как мазки фонарей,
что раскрасили ливень
весеннего сада,
проложили тропу
в неизвестность
апрельского утра.
Я себе дам уйти
сквозь наброски
влаги и глины,
чтобы вспомнить то место,
куда возвращается
сердце.

Как россыпь тенистых сосен
скрывает песни лесные,
так в сердце моей весны
твой голос шепчет сквозь слёзы,

о том, что надежда близко,
о том, что молитва бессмертна,
что пламя, рождённое искрой,
впитало нездешний ветер.

Остывает кофе
в чашке.
В окнах
вечер горит яшмой.
Одинокая дорога
тянет в бездну
взгляд погасший.

В этой бездне –
дым табачный,
спящий облаком
заката;
в этой бездне –
рук дрожащих
ветерок
ласкает локон
тонкой ивы;
здесь незримо
рвётся мысли нить,
как волос,
и как плен тенистый сада
подступает покаянье;
здесь кончается мой голос,
оставляя
лишь дыханье,
оставляя
лишь надежду,
поцелуй прощальный
солнца.

Лотос белых ночей,
где цветущей вишни
туман
одевает влюблённых,
где ива роняет
слёзы ветвей
в холодную воду,
пусть будет тебе
путеводной звездой.

И сотни свечей,
что мерцают
в храме весны
подснежниками
надежды,
ради одной
предзакатной улыбки,
пусть освещают
тебе
дорогу в мой дом.

Ты молча встала у окна,
и тень смиренная оделась
в дурман фруктового вина,

в осенних листьях влажный шелест.

Ты посмотрела в темноту,
сквозняк скользнул дыханьем мая,
лаская сердца наготу
и глаз прохладу обжигая.

В театре весны
солнечный окрик
жаворонка
поднимает
на утреннем небе
занавес.
Первая ласточка
пробуждения,
как лёгкий росчерк
сирени
на белом листе сердца.
Призрак
падающей звезды
оставляет
сиюминутный автограф
своим поклонникам
в распахнутых окнах.
Здесь,
где шёпот страниц
потерянной пьесы,
недописанных строчек
размытая колея,
в декорациях пыльного дня,
можно сыграть
какую угодно роль,
но всё же,
истинное вдохновение —
сыграть самого себя.

Ты проста и чиста как пламя
листопада в берёзовой роще,
как дыхание первого снега
ты наивна, нежна и печальна.
Под ресницами-мотыльками
спят фонарики южной ночи,
и волны золотая нега,
на руках тебя носит как чайку.

Посмотри на меня, Кристина,

улыбнись, чтобы звёзды проснулись,
я услышу своё сердце,
прошептав в тишине твоё имя,
я увижу его мудрость
в глубине изумрудно-синей
твоих глаз, где за солнечным блеском
оживают сказки и песни.

По стеклу растекается вечер
китайской тушью.
Быстротечная бесконечность
ласкает душу.
Прислушайся,
это так далеко и так близко,
что вовсе не докричатся,
а только шептать.
Ибо,
когда обнаружишь
своё место
в пространстве-времени,
воистину
невозможно
не ужаснуться,
тому что
отблеск пылинки,
упавшей
с крыла мотылька,
будет под стать
(или даже больше)
всей твоей жизни,
всех сокровенных
мыслей,
разбросанных,
как осенние листья,
в черновиках.

Вспыхнет ост, расплавив иней
на небесных парусах.
Летний лок волос раскинув,
солнце в сонных облаках

нежится, как голубь в луже,
и касается двери
пламенем рассветной стужи,
снегом утренней зари.

Взгляд лежит на занавеске
горизонта, где сквозь пыль,
в тёплом янтаре небесном
мотылёк души застыл.

Голос тает птицей дикой
в вышине, над хором крыш,
где безмолвная молитва
и молитвенная тишь.

Драгоценные камни зари
рассыпал июнь.
Как гвоздика, румянцем горит
и стремится к огню
облаков мерный строй,
что приюта не ведают ближе,
чем дальний покой,
что взирают как ангелы с крыши
на дьявольский зной
летних улиц, летящих в дыму
и лежащих в пыли,
где рассыпал июнь
драгоценные камни зари.

Твои волосы пахнут ночью,
твоя кожа – нежность тумана,
и в глазах твоих – горный источник
застывает хрустальной прохладой.

Я вдыхаю ночную свежесть,
прикасаюсь к туману ладонью,
и смотрю, как рассвет безбрежный
освещает родник бездонный.

Горит пыльца
вечерних фонарей.
Не разглядеть лица □,
лишь тени у дверей
бессвязно кружат,
словно летний дождь
играет в лужах.
В дом стучится ночь
в такт сердцу позднему,

тревожащему грудь,
и не проснуться
в свете звёзд
и не уснуть.

Мгла горизонта стелется
под колыбельную норда.
Плачет июль, как младенец,
оставленный без присмотра.

Небо спускается вороном
в клетку души безутешной.
Ливень согреет холодом,
свет пустоты – надеждой.

Сети серебра, бессонных окон блеск,
влажный ветер расправляет крылья.
Как дитя в песочнице небес
луч луны играет в звёздной пыли.

Яблоня склонилась, как закат,
взгромоздивший тишь полей на плечи.
Снова вижу свой погасший взгляд
в зеркале дороги бесконечной.

У обочины июльской ночи
вновь наткнусь на свой остывший след.
Дождь клокочет, словно шепчут строчки
писем без надежды на ответ.

В дымке августа растворяется
мимолётная радость вечера.
Горизонта окурок плавится
в мутной пепельнице заречья.

И от песни горящей заката
остаётся лишь шёпота пепел,
что уносится ветром куда-то,
словно трав луговых детский лепет.

Зелёный прибой
разбивается
о скалы рассвета.
Остывает песок
летних звёзд
в пустыне бессонных ночей.
В изумрудной мелодии
ветра
дрожат
священные струны
ветвей.
Я засыпаю с мыслью,
что где-то
она
видит такие же сны,
и, что вскоре,
омыв своё сердце
блеском росы,
я наконец-то
проснусь вместе с ней.

Я нарисую
склянку неба
с букашками звёзд
в руках ребёнка.

Я нарисую
постель
из спящих цветов,
согретую
молодыми любовниками.

Я нарисую
долгое ожидание
мерцающей краской
горящих окон,

и закрашу
кричащую пустошь ночи
последним штрихом
безмолвия.

Позднее лето.
Солнце, разбрызгав янтарь,
нежно целует в лицо.
Плотью ветра

обрастают скелеты
аллей.
Я выхожу на крыльцо,
и в свинцовых глазах
просыпается даль
облаков,
безвозвратная тишина,
чей-то голос,
знакомый до боли,
дороги, вокзалы, мосты,
и чистое поле
души мудреца,
потерявшего всё,
чтобы снова себя обрести.

Плач рябины за окном.
Блеск свечи, как капля крови.
Небо шерстяным платком
укрывает плечи кровель.

Тише, тише, лишь одно
в этом мире остаётся –
солнца горькое вино,
что на сердце веста льётся.

Тише, тише, лишь огонь
шепчет пусть в глазах усталых,
что проник, как вестник, в дом
и растаял в кронах алых.

Распустилась луна
цветком золотым.

Я собрал тебе песни
осенних лугов
и принёс на порог
вместе с шумом листвы.

В небе плачет луна.
и дрожит как узор
паутины лесной
под дождём проливным.

Твоё сердце нашёл я
из сотни сердец
и навстречу плыву

сквозь ночную тоску,
словно чайка
в объятьях зелёной волны.

Приходи, приходи,
голос ветра зовёт
и касается губ
нежной сладостью роз.

Листва на ветру
пропитала печалью
сентябрь.
Солнце растаяло
в мягком дыхании
спящих цветов.
И холодный осенний дождь
пропел для меня
моё право
на одиночество,
словно сыграл фламенко
на струнах глубокой ночи,
словно наполнил мою пустоту
хрупкостью
хрусталя.

Ветвей чернильных вязь
выводит строки сентября
в записках парковых аллей.

И светят инеем ночного неба
осколки слёз твоих,
моя душа.

И листопада пыль на крыльях ветра
напоминает мне
как ненадёжна плоть.

И тает моя тень,
от холода дрожа,
в полутонах свинцовых вод.

В лучах приглушённого света
укрась своё сердце нежным

узором осеннего ветра,
прошившим ткань побережья.

В туманной задумчивой выси
найди свою точку опоры,
за тучей, что мехом лисьим
ласкает медвежьи горы.

Я не слышу тебя,
мой друг,
только спящее море в душе
хранит шёпот
полуденных волн,
ибо каждому
свой путь,
не плохой, не хороший,
но свой.

Посмотри,
как неба открытая рана
ранним утром
сочится на землю
кровью осени,
солнцем пьяным,
прижигающим кровли
золотом белым.

Послушай,
как хрипит ветер в кронах
ржавым свистом,
янтарным ядом,
и забудь себя
среди бледно-холодных
глаз людей,
мельтешащих рядом.

Помнишь чёрную магию ночи,
северное сияние осенних аллей,
где снежное пламя звёзд пророчит
отчаянный шаг на исходе дней
в пропасть нежности и беспамятства,
где находишь главное, всё потеряв,
где последние строчки в приступе ярости,

как взмах мотылька над холодом трав.

I

Туманная музыка
осенней луны
прозрачна для слуха сердца.

Змея реки
играет чешуйками
волн в песках октября.

В открытых глазах
полной луны
пустота обретает резкость,

где бабочка
падающего листка
есть продолжение тебя.

II

В распахнутом небе
птицы поют рассвет,
оттеня души безмолвие.

Мягким дыханием
листопада
прошепчет твоя дорога,

ведущая на восток,
что горит
холодным пламенем осени,

снова и снова
возвращая к истокам
твой одинокий голос.

III

В кричащих лучах зари
вечер научит молитве,
рождённой молчаньем.

Небо опустит занавес,
мгла фонарей упадёт
в складки спящей травы.

Сквозь иней домашнего света

ты ищешь немного солнца
в глотке горячего чая,

чтобы найти себя там,
где нет ничего,
кроме твоей любви.

IV

В твоём венке, октябрь,
горит янтарь травы
и пламенеет золото цветов.

Близ твоего костра
река заката
уносит пепел опадающей листвы.

И нет светлее ничего для созерцанья,
чем мёртвый твой алтарь,
чем жертвенная кровь

последнего луча на горизонте,
что зажигает ночь,
свинцом звезды застыв.

V

Наслаждаясь
умирающим солнцем
оживает осенний цветок

сердца, что ноет в груди,
словно земля
в ожидании ливня.

Лепестки ледяных облаков
собирают заката росу,
и бодрящий дымок

сквозняка
превращает неожиданные слёзы
в смирения иней.

I

Дыхание
поздней осени
на стекле.

Её душа –
парящие голуби
облаков.

Всё, что я потерял,
снова вернётся
ко мне

в её молчаливых кронах,
в листопаде
пророческих слов.

II

Ко мне пришёл дождь
со своей
песней.

Он постучал в окно
как долгожданный
вестник.

Он постучал в дверь,
в дверь
моего сердца,

оставив на сердце печать,
печать
одинокого блеска.

III

Вдохновенное молчанье
в небе октября
повисло.

Плачет влажная
дорога
серебристой пустотой.

Из аллей окаменелых
высекает
искры листьев

ветер и уносит в пламя
горизонта
голос мой.

IV

Горят
осенние цветы

вечерним светом.

Взметнётся
вороном дождя
ночь октября.

Я отрекусь
от слов любимых,
чтоб только ветер

в ветвях венозных
служил речью
для меня.

V

Ожерелье птиц,
сидящих на проводах,
украшает двор.

Сквозняк
перебирает
ржавые струны качелей.

Сквозь небесный пейзаж,
привнесённый
собачей сворой

серых туч,
просвечивает
красота отречения.

VI

Над осенней колыбелью
мать-заря
склонилась.

Слышен тонкий
скрип ветвей
под скрипку сквозняка.

Будто сердца
чуткий стук
о берег волны бились,

и качала
отблеск неба
на руках река.

Осеннее солнце,
как веночек полыни,
брошенный в мутную воду.
Опавшие листья
покрылись хрустальным инеем,
словно сердце
блеском ночного холода.
Ядовитый туман облаков
отравляет лазурь.
Ветер севера
распускается
ледяной хризантемой.
И отблеск зари,
проникая под голую кожу садов,
разливается светом
молитвы
по венам замёрзшей вселенной.

В осенний сумрак
обмакнув перо,
выводит ветер
наготу ветвей,
словно иероглифы
на рисовой бумаге
затянутого неба ноября.
Холодный смог аллея
вбирает солнца пепел.
В фонарном свете
вьются мотыльки,
иль это снега седина
что мне напомнит
о прожитых годах
вдали
от самого себя,
от зова сердца,
что подчас безмолвно,
как музыка луны,
что бережно хранит
при каждом вдохе
пыли –
вино багряных клёнов
у реки,
пустынных улиц
дым,
дождливых струн свеченье,
вкус ночи
на губах,
и шёлк огня

свечи вечерней
на кончиках ресниц,
скользящих блеском
в тонкий иней
сна.

Это ангел небесный на лестнице
или просто играет сквозняк?
Это память, щемящая сердце,
или просто шуршащие листья?
Я вдыхаю вечерний пепел,
я курю натошак
ветер осени,
в красном вине заката
обретая
последнюю искру истины.

Эти звёзды – дорога домой
или просто дорожная пыль?
В этих окнах – огонь ожидания
или просто луна догорает?
Я вдыхаю сырость,
и, пока разливается Нил
долгой ночи,
внимаю
дворовой молитве
собачьего лая.

Луна бросает в небе якорь,
в аллеях тлеют фонари,
я ощущаю тяжесть мрака,
чтобы нащупать свет внутри.

Сквозняк как мотылёк танцует
в осеннем пламени свечи,
я вслушиваюсь в ночь глухую,
чтоб шёпот сердца различить.

Сползают тучи чёрным илом,
я взгляд укрою мглой небес,
чтобы в беспмятстве дождливом
мне не забыть надежды блеск.

У меня нет другой дороги,
кроме той, что шаги твои помнит.
Я не знаю другой ласки,
кроме солнца твоих ладоней,
кроме кротких твоих рук.
У меня нет другого шанса,
кроме выучки ждать и любить,
ибо в каждом случайном звуке –
голос твой и твоя душа;
ибо горечь в сердце моём –
это тихие слёзы твои;
ибо воля моя, как туман,
что лежит по твоим берегам;
ибо жизнь моя – капля росы,
обагрённая твоей зарёй;
ибо ночь моя – цвет твоих глаз,
ибо боль моя – дальний их свет,
что был дан мне тобой, словно нить.

Снег закончился.
Впереди,
ещё тысяча лет тишины,
уместившихся
в пару минут.
Мы останемся здесь,
словно тени
берёзовой рощи
в одиночестве
декабря,
заметая следы
наших сердец.
И в преддверии ночи
ты научишь меня
простоте,
что скрывает
блеск твоих губ.

Между светом и тенью
пространств городских,
в серых красках зимы
проступают,
как лакмус –
сырость камня,
вкус ночи и холод металла.
В ускользающих искрах
молочного снега,

словно в строчках огня,
ты прочтёшь вдохновенно
молитву свою,
и согреешься тусклым
блеском
окна,
растворяя границы
бездонного
сердца,
представляя,
что смерть – это сон.

I

Метель,
что подражает хлопанию крыльев летучей мыши,
свет за окном,
что подобен прохладе подземных вод,
душа,
плывущая медленным облаком
над вереницей гор,
напомните мне,
кто я?
Песчинка в пустыне бездонного неба,
отблеск волны на чешуе океана,
одинокий рассвет и боль пробуждения.

II

Роза ночи в зимнем саду,
я собрал твои замёрзшие слёзы
в дрожащих ладонях,
я пленил свой голос
твоей тишиной.
Будь мне вестницей полной луны,
диким пламенем алтаря.
Я охрип от снега и льда,
от живительной боли твоих родников.
Я познал всё возможное,
чтобы усталость наполнила разум,
чтобы смирение стало последней любовью.
Я дышу через иней твоих занавесок
свинцовым воздухом сна и печали.
Я прикован к твоим дверям
сквозняком пустоты и растраты.

III

Плачет вьюга зимнего полдня

в окаменелом просторе сердца,
в дыме табачном воспоминаний,
в горькой настойке слов и пророчеств,
плачет младенцем новорождённым.
Плачет ветер январской ночи,
его слезами покрою глаза я,
его слезами наполню я чашу,
в его слезах найду я спасенье,
словно скиталец, в дом постучавший,
где никогда не гаснет огонь.

IV

Наслаждайся январским морозным светом,
вонзившим клыки фонарей
в чёрную плоть бессонницы,
словно последним шансом
что-то пропеть ледяными губами,
словно последней нотой вечернего солнца.
Дальше - лишь арктический ветер,
лишь бесконечная глубина
и отрешённость зимнего горизонта.
Иди же, иди по краю и не смотри вниз,
не оборачивайся, а лучше закрой глаза,
и увидишь собственный свет.

V

Ожерелье луны украшает долгую ночь.
Горящее море звёзд разбавляет твоё одиночество,
разделяет твою скорбь, вторит твоим словам,
словно бессмертная тень.
Каждый шаг оставляет здесь след навсегда,
каждый миг несовершенства бесценен,
каждая мысль делает мир другим.
Вслушивайся в безмолвие, покрывшее кроны зимы,
вбирай свечение снега,
ослепляющего пустоту горизонта,
знай, что нет ничего прекрасней,
чем засыпать под музыку
собственного сердца,
хранящего память о том, чего не было.

VI

На сером камне
неба января,
по рунам
обнажённых зимних веток
молитвой льётся
самый чистый снег,
благая весть

из родников забвенья.
Лишь наблюдай
как падают на землю
снежинок лепестки
с цветка седого облака
и свежим ароматом
дурманят сердце,
пыльное от сна,
напоминая,
что в конце пути
ты должен попрощаться
сам с собой,
и превратиться
в созерцания осколок,
что отражает
пустошь всех дорог.

Терновник

I

Поминальные свечи
холодного неба
озаряют
туман сентября.
В тишину упадёт
аромат дождя
осенний цветок.
Отразится в воде
тень прошедшего дня,
словно призрак
в тумане зеркал.
Сквозь полночный огонь
я найду путь домой,
лишь забыв
дорогу назад.

II

Солнце скользнёт в листву
нежным осенним всполохом.
Шелест волос на ветру,
словно шёпот терновника.
Тают в лучах зари
слёзы надломленных хвой.
За горизонтом –
ночь
стонет
в цепях заката.
Сердцу рукой подать
до тишины безлунья.

III

Опусти крылья.
Упади в сырую траву.
У ломаной линии
берега,
в многоточиях
звёзд и песка
оставь свой голос,
пусть повесть ведёт
тростник,
пусть разгорается ветер души
в жерле бессмертной ночи,
где всё обращается в пепел,
словно вернувшись к истоку.

Вновь

Там,
где замирает сердце
в свете прощальных слов,
там,
где вода неба
превращается
в вино заката,
ветер роняет листву
и убегает вновь
в тихую ночь, хранящую
шёпот зимнего сада.
Туда,
где горизонт затаил
тёплую лень облаков,
туда,
где осеннее утро,
словно
прикосновение
к обнажённому
женскому телу,
ветер уносит пыль
и возвращается вновь,
вновь обретённой верой
в проблесках первого снега.

Осенние тени

Октябрьский ветер
воспламеняет листву,
маневрируя
между любовью и ненавистью.

Солнце,
теряющее высоту,
вскользь разбавляет
фонарную плесень.

Превратилась душа
в золотистый ожог,
сердце –
в отблеск далёкой пристани.
На пороге сквозняк,
как пастуший рожок,
и закат, как последняя истина.

Осень
венчает серый простор
с нежной болью
холодных сумерек.
Следуя за своей звездой
ночь обретает безумие.

Галерея

Тревожная свеча рассвета,
осенних ставен мерный скрип,
роняет небо серый пепел
на головы продрогших лип.

По зазеркалью блеклых окон
струится каменный пейзаж -
морщины крыш, кровоподтёки
фасадов, улиц макияж.

Иди, иди в безбрежный сумрак,
сквозь галерею тишины,
чтобы оставить свой рисунок,
рисунок выжженной души.

И погружаясь в сырость будней,
что тянет исподволь на дно,
будь как ребёнок безрассуден,
иного права не дано.

В плену ноябрьского тлена,
где надзирает стылый дождь,
гори, сгорай, люби как в первый,
как в первый раз, иное - ложь.

В тугих силках осенней лени,
где мокрый снег раскинул сеть,
будь как на плахе откровенен
с самим собой, иное - смерть.

Сырая земля

Запах сырой земли,
серая пустошь тумана,
ветер ноет вдали,
словно старая рана.

Мглистая вязь ноября
тянется в дымку обочин,
жухлой соломой горят
призраки тающей ночи.

Тусклый мертвенный свет
в сердце
навязчивым гостем,
и подпирает рассвет
крест на осеннем погосте.

Зимний город

Нордического неба мгла.
Аллей застенчивая россыпь.
Душа с декабрьского дна,
держась за ржавый лучик солнца,
скользит в мерцающий закат.
И разливает зимний яд
сырой сквозняк, как будто отблеск
свинцовой северной волны.
В пустынных переулках - воздух
пронзают плачем фонари.
И угольный беззвёздный холод,
вобрав вечерние огни,
ложится призраком на город,
стирая блеклый след зари.

Погружение

На плечах лежит
мраморным сукном
лёгкий дым луны.

Вороним крылом
за окном дрожит
ветер декабря.

Золотая ночь
дарит тёплый свет,
и мерцает снег

мотыльком огня
в пепельных глазах
зимних фонарей.

У входных дверей,
где замочный ключ -
лучик серебра,

где стеклянных лип
ледяная стать
застилает взгляд,

воронным крылом
отзовётся даль
на немой вопрос,

прижигая боль,
превращая снег
в искры поздних звёзд.

Аскеза

Мелким почерком
прошуршит
метель января
по белым страницам
улиц.
Иней
очертит веточку ивы
у замёрзшего берега
сердца.
Треснувший лёд
луны
отзовётся
молчанием
и обрисует
перспективы
полночной аскезы.

На щеке
застынет слезой
северный свет.
Горизонт
затопит
сиренево-алой
предсмертной краской,
будто время пришло,
ждёшь ты его или нет,
чтобы вписать
ещё одну строчку

в роман
с открытым финалом...

Холодный танец

Смотрят вслед
стервятники звёзд
сквозь разводы луны
на стекле пьяной ночи,
и отравленный воздух
ласкает плоть
тротуаров,
и свинцовый огонь фонарей
обжигает иней
аллей,
и разлуки рубин
разгорается в сердце
последним закатом
зимы.
Всё уходит,
лишь остаётся
голос вдали,
как прощальный отблеск зари,
осветивший дорогу,
где играют искры тепла,
словно мёртвые тени.

Осколок

Скованных рек бирюза.
Неба серый гранит.
Полдень в стеклянных глазах
медленным снегом горит.

Строчки ложатся свинцом
в черновики января.
Холод целует лицо,
словно слепая заря.

Зимних пророчеств вода.
Мёртвый огонь вдалеке.
Я - лишь осколок льда,
тающий в тёплой руке.

Прикосновение

Сердце стонет вьюгой февральской.
Милая, не молчи, не молчи...
Прикосновение нежных пальцев,

словно дрожащий цветок свечи.

Грусть безупречна и безутешна.
Лёд фонарей застывает во мгле.
Тихая полночь почерком снежным
имя выводит твоё на стекле.

Сны

Печаль твоя - весенний сон,
играющий прохладой вечер,
где солнце вышло на поклон,
и поздний свет ласкает плечи.

Печаль твоя - горячий вздох
свечи в безмолвии непрочном,
где бьётся сердце, как восток,
срывающий завесу ночи.

Печаль твоя - осенний сад,
дождливый след в размытом поле,
где ветер шепчет невпопад
о вещих снах и вечной боли.

Письма

Вдалеке, где седой океан
Смотрит в пустошь на тысячи миль,
Где рассвета жемчужный туман,
Словно ангельских крыльев пыль,
Где зари золотистый смог
Превращается в сердца зной,
Я оставил тебе пару строк -
Их прочтёт полусонный прибой.
Там, где ветров солёных престол,
В сокровенной, как полночь, тоске,
Ты оставила мне письмо -
Тёплый след на холодном песке.

Апрельский блюз

Апрель.
Вскрытые вены рек.
Зыбкое вдохновение
под тяжестью век.
Лёгкий излом
солнца
наводит мосты.
В галерее весны -

застывшая краска луж
на грязном холсте
города.
Расставив все точки
над "і",
теряешь
точку опоры.
И снова,
тянет
неумолимо,
отчаянно,
туда,
где лучшая из молитв -
молчание.

Струны

Майский проспект.
Пыль городского
многоголосья.
Солнце,
прыгая с ветки на ветку,
щекочет ресницы.
Воздух
стекает
расплавленным воском
по матовым стёклам
в лёгкие
многоэтажек.
Уже за тридцать
градусов или лет...
Не важно...
Слова,
словно ветер -
вокруг да около,
окрик в пустыне,
след мотылька...
Из глины
бездонного облака
рука
воображения
лепит так,
чтоб на века...
Не спеши,
постой в тишине
собственной тени,
где внутренний голос
не отличить
от эха,
упавшего
за горизонт.

В уголке души
самолётик бумажный
грезит о летнем небе,
будто бы
перелетной птице
снится
родное гнездо.

Цвет вишни

Цвет майской вишни,
как первый снег.
Парит над крышей
рассвета стерх,
туман распутав.
Душа вразброс,
она как будто
незванный гость
во всей вселенной,
на всех фронтах,
и тенью бледной
скользит сквозь прах
на отблеск пришлый,
на ветра звон,
свет майской вишни
укрыв крылом.

Продолжение

Воздух пронизан бронзой.
Листья в осколках света.
Не задавая вопросов,
ты уже знаешь ответы.

Кажется, всё это было,
было неоднократно.
Сердце под толщей ила,
тощее пламя заката,

сумрачный призрак ночи
и безнадёга рассвета.
Время расставит все точки,
точки над грудой пепла.

Вскользь, наугад, где-то между
жизнью и смертью, неброско,
будет дымиться надежда,
словно окурок солнца.

100цветие. Летний джаз

Июньский холст
в мясистых мазках
тополей,
в разводах лип.
Рисунок
летнего сквозняка
искрится
на крыльях бабочки,
и взгляд,
как прикованный,
уносится
вместе с ней
в синюю пустошь,
где спит
ленивое солнце,
будто чахнет над золотом
древний ящер.
Там,
за парящим
смутно-бледным
очертанием облака,
где мгновение
эквивалентно
прожитой жизни,
там останется
моё лето,
в тонкой сладости
тишины и забвения.

Песни июля

I

Дождь врывается
в летний сон.
Бурая вязь облаков
тянется
на восток,
преломляясь
в зелёной прохладе волн.
Вдали догорает
гроза.
Встретимся
на том берегу,
где безликие тени тропинок
и мягкий голос листвы
в лоскутных объятьях леса.
Встретимся,
словно день и ночь.

II

Ночь забирает боль.
Облака над смуглой водой,
словно шум
молодых тополей.
Чайка зари
взмахнула крылом
над пустынной дорогой.
Созерцательное
ожидание
растворится за горизонтом.
Раздели со мной
одинокость
июльского плена.

III

Плен
каменистого берега.
Ожерелье из света
над серебристой водой.
Ледяное молчание
синего леса
и тёплый ветер
сонных полей
на полотне лета.
Незримый художник
бросает белила
на холст
и небо меняет узор,
словно бредит
беспокойное сердце.
Приди же
и разбуди меня,
пока вдали
не высохли слёзы
рассвета.

IV

Ливневым золотом полдня
дышат луга.
Ветер вселяет
лёгкую дрожь
в танец пчелы.
В воздухе тает
солнечный запах
соломы.
Хвойные шапки
мерно качают

предгрозовое небо.
Я ищу
холодное
послесловие волн.

V

Отголосками писем
разлетается
дорожная пыль.
Мимолётные поезда
уносят на запад
протяжное эхо зари.
Последняя искра счастья –
проснуться у тёмно-зелёной реки
под пение птиц
и больше
не закрывать глаза.

VI

Тень ящерицы
скользит
по песку рассвета.
В тумане берёз
теряется
след дождя.
Спящий огонь ночи
тлеет на крыльях бабочки.
Говори тише,
чтобы слышать,
как бьётся
изумрудное сердце воды.

Синяя пыль

Жаркий полдень
окутал ленью
пространство
города N.
От зари до зари
горит
бескрайняя
бирюза августа,
где пропасть безмолвия
обретает
законченность формы.
Солнечный зайчик
вздрагнул
в глазах
беглым цветком грозы.

Пустота
вливается
тягостным опьянением.
Хлёсткие тени
веток сирени
ложатся на кожу,
словно бороздки
зарубцевавшихся вен.
И мгновение
превращается в пыль,
в блик, в ил, в тлен,
в шелест старой травы,
в застывшую глину
лета,
оставив место
для тихой повести
ни о чём,
что прочтёт мне
незванный гость.

Осенний плен

Я шелест слов
собрал в блокнот
опавших листьев,
листая тени
рваных роц,
пустых аллей.
С последней искрой
солнца
тает день,
и мотылёк
находит смерть
в огне осеннем.

Горит печаль
бессонного окна.
Под музыку
лавандового неба
сентябрь разносит
белый шум
берёз.
Печать луны
застыла
тёплым воском,
и в колыбели пепельной
качнётся
рябина,
как бессмертная свеча.

Свинец

Сквозь облаков табачный дым,
разворошивши солнца улей,
скользнул осенний вздох лазури.
Искрился полдень, вместе с ним
в уставшем сердце догорала
листва осеннего костра.
И чайкой раненой с моста
взгляд в серую прохладу падал,
на плечи волн, в сырую ночь,
в свинцовый сон под вечным илом,
а солнце обжигало глину
сентябрьских аллей и рощ.

Каменный сад

В седине облаков
проступает холод зари.
Капли солнца стекают
по белому шёлку берёз,
будто кровь,
обагрившая снег,
будто мерное пламя костра,
что вмерзает
в осенний пейзаж
ледяным маяком.
Ночь согрела каменный сад,
опьянила тенистым вином,
плетью ветра
октябрь задрожал,
умерщвляя янтарную плоть.
Задыхается ветер в листве,
обнажая потерянный след,
и на струнах дождя
замирает
последний аккорд.

Ожерелье

Осень разносится тайной.
Ночь пророчит за дверью.
Я помню
твоё молчание,
запечатлённое в камне,
первые
прикосновения,
под опьянённые
блики огня,
я помню

нежные тени,
что сливаются воедино,
будто бы
в полушаге
от смерти.
И ливень рвёт паутину
фонарного света,
бросая яшму
к твоим ногам,
но ты закрываешь глаза,
падая
в вязкие
сети безлунья,
и только тонкие струйки
дождя
дрожат
на кончиках пальцев,
перекликаясь с лютней.

Лёгкость

Отголоски навязчивых мыслей
тают с хмелем в осеннем закате,
я смотрю на янтарные листья,
как на письма без адресатов.

Фонарей серебристый иней
осыпает прохладой вечер,
словно бледные ветви ивы,
что застыли над медленной речкой.

Выдыхает пустеющий город,
ветер стелется северным лоском,
и незримая точка опоры
превращается в неба плоскость.

Лебедь

Предвестие холода
в небе.
Над осенним лесом
плывёт
сизое облако,
будто лебедь
по тихой воде.
Багровые листья клёна
высекают в сердце
беглое пламя.
На жертвенную солому
вечернего солнца

падает взгляд
ангела.
Прислушайся,
его грустный голос,
словно осевшая пыль,
разбавленная листвою
на пустой
дороге.
Прислушайся -
вот и вся мудрость
с лихвой,
как воздух чиста
и легка.
А дальше,
за тёмным порогом,
лишь бессмертие мотылька.

Тонкий лёд

Я опускаюсь на колени,
припав к осеннему кресту,
шуршат ноябрьские тени
сквозь обнажённую тоску.
Сухие губы пьют молитву
гниющей под дождём листвы,
и ветер дёргает калитку,
словно разводит смерть мосты.
Перебирая сердца струны,
я оставляю за спиной
свой голос в трепете безлунья,
чтоб обрести ночной покой.

Туман

Сырость небо замостила,
как бурьян.
Ветер плачет, слёзы тают
тут и там.
Тлеют тени, вязнут илом
по углам.
Осень в памяти оставит,
лишь туман.

В брызгах фонарей играет
тонкий шарм.
Сердце ищет покаянье
сквозь дурман.
Полночь исповедь направит,
стихнет гам.
Вслушайся, твоё дыханье -

лишь туман.

Росчерк

Сквозь багровый огонь занавесок,
сквозь стекло, что заря перламутром
расписала, сквозь влажные фрески
переулков, сквозь окрики утра,
брось мне восточку взглядом осенним,
мимолётным, прозрачным, незримым,
и, как волны свинцовые ленью
застывают в душе пилигрима,
свет останется (всё остаётся),
будет жить где-то там, по соседству
с тишиной, на страницах неброских
сокровенной ноябрьской пьесы.

Пастух

I

За порогом
гранатом
луна расцвела,
украшая
алтарь декабря.
На разбитом стекле
запеклась
кровь свечи,
украшая
алтарь декабря.
Во дворе ворожит
чёрный дым
воронья,
небо иней
смахнуло с щеки,
и пошёл тихий снег,
заметая следы,
что оставила
долгая ночь...

II

Приглушённый свет
тянет в пропасть
зимнего вечера,
словно пастух
гонит в сумерках
своё уставшее
стадо,

и как будто
уже не вернёшься,
написав напоследок
чистосердечное,
и как будто
тебя здесь не было
и не надо...

III

Загадывай желание -
она уже в пути,
звезда, летящая
самоубийцей
с крыши ночи
в декабрьскую мглу,
через застывший крик
в изломах
рощ стеклянных,
где не забыться,
не исправить, не отсрочить,
лишь вырвать с корнем,
бросить, отпустить,
и слушать,
как шлифуя горечь скал,
играет в сердце
северное море...

IV

Луна, как нищенка
в жёлтых лохмотьях,
крадётся по зимней улице.
Ветер-могильщик
стучится в замёрзшие ставни.
Я хотел бы уйти,
хотел бы вернуться,
я уже не вижу различий
сквозь прозрачную ткань
памяти,
сквозь время,
что остывает
в надтреснутом блюде
жасминовым чаем ...

V

Жемчужиной стужи
покоится солнце
на дне ледяного неба.
Осыпается
снежной побелкой

декабрьский день.
Пустота внутри и снаружи
опьяняет
свободой бездействия,
провожая
крылатую тень
метели.
Отбрось бесполезное
бремя желаний,
и белый источник зимы
утолит твою жажду...

Каллиграфия

Задев
пурпурно-винный
горизонт,
крик декабря
летит метелью
белых песен.
Целует шапки сосен
месяц,
и расцветает инеем
восток.
Дыхание свечи,
словно последний вздох,
что облаком
парит над синим
лесом.
Ночь
мёртвым блеском
подведёт итог,
гирлянды звёзд
сквозь зимний смог
развесив.

Огонь

В белом пламени полей
замерла пастушья песня.
В чёрной пустоте аллея
исчезает метка солнца.
Камни, спящие на дне,
тени призрачного леса
нас научат тишине
в сумерках многоголосья.
Блеск твоих холодных глаз
паутиной неба скован,
ветвей пепельная вязь
вмёрзла в ночь последним словом.

И горит, горит свеча,
словно рябь осенних листьев,
словно дикие колосья,
превратившиеся в искры.

Белые страницы

Всё выпито до дна
с последней каплей света,
лишь пьяный снег
мерцает в тишине,
и ты зовёшь меня
в пустыню ночи,
где вместо сердца -
полная луна,
молчащая в груди
стального неба.
И я иду, не ведая,
не помня,
не помня дня вчерашнего,
не зная,
не зная завтрашнего дня,
держась за воздух
заиндевевшим
порванным крылом,
надеясь на
бессрочное однажды...

Никогда

Холодной нежностью
сковал
январский свет.
В плену аллей
мерцает
синий лёд,
и отдаёт
нордической печалью
воздушный поцелуй
седого ветра.
Тускнеет блеск свечи
под мерный ход часов,
пока ты на стекле
рисуешь ночь
без сна,
и учишься дарить
своё молчанье,
тому,
кто не вернётся никогда.
И слышит он,

как льётся
тишина
в застывшем сердце
зимнего причала.

Скандинавский пейзаж

В дом ветров
цвета пламени вод,
в палаты луны
цвета огня
ложе дракона,
будто змея крови
вонзился
губящий ветви.
Заалела грива поля,
словно роса смерти.
Жадные искры заката
затрепетали
в жилище души,
и радость сна
опустилась на скалы плеч,
как надежда на дождь.

Чёрное солнце

Ничего, ничего не осталось,
трепет сердца - сухая трава,
только чёрного солнца усталость
освещает скупые слова.

Всё прошло, всё молчаньем застыло,
в окнах призрак пустыни горит,
и лишь воронов чёрные крылья
режут снежную дымку зари.

За спиной тает холод полночный,
разливая тоску лунных волн,
и крадётся сквозь память, на ощупь,
моя тень, потерявшая сон.

Улей

Ночь -
как репетиция смерти.
Рассвет -
как сгорающий феникс.
А между ними
искрится

лёгким пламенем
ветер
твоего имени.
В замкнутом круге
созвездий
все взгляды сходятся
в хрупкой
мишени
твоего сердца,
словно холодная бездна
проникновенно
молится
за тебя,
разливая тенистую
влагу
по венам отшельника.

Зимняя роза

В пепельной тени штор,
в предрассветных мгновеньях
ранней весны
ты смотришь на снег,
что танцует в листве
фонарного света.
Я рисую
твой профиль
на запотевшем стекле.
Твои слёзы,
как капли хрустальной росы
подбирает белый сквозняк,
и уносит за пепел
штор,
на восток,
пробуждая зарю в полумгле.

Левитация

Я храню свои тайны
под беглой вуалью снов,
где ночь омывает камни
улиц, проулков, дворов.

В лучах равнодушной вселенной,
разбрызганной чёрной краской,
я вновь выхожу на сцену,
срывая последние маски.

Вдыхая налёт тумана,
что льётся из окон ночи,

я падаю в небо, как пьяный,
трезвеющий от одиночества.

Взмах

Глотни весеннего вина,
умри, чтобы воскреснуть,
моя любовь, пустыни свет,
крик моря, шум травы.
Беги по лезвию струны,
как по стеклу дождя,
моя душа, забытый сон,
звезды упавшей шлейф.
Нет в этой жизни ничего,
чтоб не было тобой.

Исчезновение

Стекло воды залито смолюю неба.
Далёкий свет сырым песком лежит.
И воздух пахнет мокрым мёртвым снегом,
и разрывает тишину души
чуть слышный отзвук мартовской молитвы.
В степь ночи оседает ветра стон.
Скрипит назойливо бессонницы калитка,
и тень мою скрывает горизонт.

Дыши

Жить,
значит тревожить
сердце,
положить его
на алтарь любви,
беззащитное, хрупкое, нежное...
Перед бездной огня,
где искры
как последние капли крови
питают камни,
оставить свои
мысли, надежды, страхи,
и под рубахой
чистого неба
согреться безбрежным
солнцем её глаз,
сегодня, завтра, всегда,
всегда, как в последний раз,
как в последний путь...
Идти

хоть куда-нибудь,
тысячу лет,
вопреки, напрямик, непреклонно,
под шёпот волн,
по песку, хранящему
призрачный след,
сквозь жар и разлуку,
тая весеннем снегом
в её ладонях...

Неизменно

Апрель - нам вновь искать друг друга.
Движенья робки и слова просты.
Тревожит сердце хмель, зелёной вьюгой
смешавший краски на холсте весны.

Но всё одно - вечерних улиц охра,
аллеи, опьянённые дождём,
и бархат облаков в погасших окнах,
где мы опять друг друга не найдём.

Космос

Почувствуй жажду,
пей из хрусталя
апрельской ночи
мёрзлый лунный свет.
Не провожай, не жди,
лишь помни вещей блеск
под рваным флагом
меркнущих созвездий.
Не бойся,
раздувая пламя жизни,
обжечься
ускользающим мгновеньем.
Нет вдохновенья
без греха и боли,
и боли нет,
а есть любовь и смерть,
две стороны медали,
две сестры,
что освещают даль
твоей вселенной,
и заставляют петь
холодный ветер
в набухших венах
молодой весны.

Оберег

Песок укроет исповедь твою,
и призовет к ответу тишину
молитвенной пустыни.
На влажных простынях
солёных волн
уснёт кипящий горизонт,
словно проступит иней.
Мгновением
задев прибрежный склон,
растает голос чайки,
как сахар облака
в горячем чае
неба.
Под золотистый колокольчик бриза
тебя пленит, согрев
охапкой искр,
душа костра,
когда твою услышит.
И будто с чистого листа,
и будто снова дышишь
холодной далью,
переменной мест,
забыв, кем был, кем стал,
и вспомнив, кто ты есть.

Шанс

Где-то спит
над пьяной рекой
серебристая ива,
и ночное небо горит
полевыми цветами.
Ты когда-то там был,
но забыл,
растерял по дороге,
разучился любить
остывающий гул
неприметных окраин.

Посмотри же устало
на пыльные стёкла
горящего марта,
ты увидишь алмазный туман
в мельхиоре рассвета,
что оденется в холод
на голое тело,
и чёрная метка
солнца бледного
станет

чистым золотом
в камере смертника.

Ветвь

Мне бы петь и петь
безымянным эхом
в сторону моря,
каменеть
в прибрежном граните
чёрной волной прохлады.
Мне бы ждать и ждать,
сединою дождя
посыпая голову,
тишину твоих рук,
безутешность
полночного взгляда.

Мне бы литься
весенней слезой
по щекам подворотен,
собирать
в мотив неумелый
шёпот дорожной пыли,
а потом
лететь под откос
безвозвратно и беззаботно,
как звезда,
что сорвалась с ветки
небесной ивы.

Вереница

I

В вечерней акварели улиц
теряется твой силуэт,
но остаётся,
словно пульс
в горящей летописи лета,
улыбки лоск.
И на полях
шуршащего дождя,
что флейтой льётся
в чуткой пустоте,
что застывает ожиданьем
в воске окон
(там, где наука ждать -
всему второе имя),
в плену ветвей,

укрывших неба иней,
кто-то прочтёт
(незримый
и далёкий)
простой набросок,
тонкий эпизод,
и тоже одиноко
улыбнётся.

II

Вечернее вино
в бокале неба.
Будь безмятежно пьян.
В прихожей лета -
зеркало реки,
что отражает
глаз твоих туман.
Всмотрись в туман,
бреди в песках
души
на ощупь.
По коридору дальше -
горизонт
с рассветом восходящей
ночи,
и горы,
где ведёт рассказ
о смерти (или воскрешенье)
закат-отшельник,
заметая тень
седого дня.
А в зеркале -
лишь ветер лижет пепел
сквозь погребальный дым
немых столетий,
и никого уж нет,
и даже нет тебя.

III

По волнам джаза,
фраза за фразой,
нота за нотой,
увязнув
в болоте
полной луны,
мы
находим
друг друга
снова,
скованные

весенней вьюгой
и неизменным
голодом
первых
прикосновений.
По стенам
крадутся
без устали
нежные тени,
и тает
под кожей
иней
небесной
ночи,
оставляя
бессрочный
прощальный
ожог
в сердце,
где
песни
разлуки
преломляются звуками
ливня.

IV

Рождение хаоса,
очарование
огненной смерти -
это танец бабочки
летней ночи.
Ощути, как тянется
ветвь
её тонких движений,
царапая воздух
за окнами.
Выбирай
одинокество,
чтобы не быть одиноким.
Выбирай
многозначность,
чтобы смотреть прямо.
Следуй советам,
тех мудрецов,
что непрерывно
держат рот на замке.
Помни,
свет вдалеке -
это отблеск свечи
в твоих ладонях.
Помни,

что завтра -
всего лишь призрак
в глазах смотрящего;
что день
вчерашний -
лишь плач
оседающей пыли,
развеянный прах
заката,
лишь тень
уставшей листвы.
Помни,
что настоящее -
только шелест
упавшей пыльцы
на атласный рукав
дороги
с лёгких крыльев
летнего сквозняка.

V

Приятная горечь
сухих листьев.
Ветер дрожит
в прожилках
табачного дыма.
Мне приснилось,
что я потерялся
в полуденном сне
голых рощ,
где под нимбом
беспечного неба
искрится
вечная осень
души.

VI

Глубоководное
чёрное небо
в твоих глазах.
Тсс...
Незабудки
гаснущих
фонарей
в твоих глазах.
Тсс...
Нежный узор холода
на твоей коже.
Нагота пробуждения
в первых лучах

звезды.
Не торопись,
это адажио.

Дымка

Утро скользнуло прохладой.
Рассвет приподнял
дымчатый занавес
над коралловым
блеском воды.
Капли февральского яда,
тая мартовской лаской,
тлели весенним ладаном
в ране глубокой
неба.
Сквозь сумрак реки
просвечивал
лёд ветвей.
В сердце старого сада
весточкой
ветер бился.
В мёртвых узорах
чёрного снега,
безмолвия и дождя
терялась
линия жизни,
словно незримый след
падающего
листка ...

Штиль

Самоцветы весеннего ветра
в усталых окнах.
Переворачивая
страницы вечера,
находишь заветную строчку –
глоток кофе
и мягкий табачный дым,
играющий
чешуёй дракона
в ручейках
приглушённого света.
Ночь,
проникая сном
под чёрные кровли,
превращается в ангела
полной луны.
До рассвета

листая
нотную грамоту звёзд,
слушаешь
северный блюз,
пока у порога
курит апрель,
и в приоткрытую дверь
вливается тень,
отброшенная
прозрачным узором берёз...

Гуашь

Шелест оживших аллей
вальсом падает в воздух.
В сердце стекает апрель
тёплым солнечным воском.

Ветер дрожит у виска
нежным огнём сердолика,
словно пламя костра,
лёгкое, тысячеликое.

Снега тающий след
в землю въедается пеплом.
Небо укуталось в плед
из проводов и веток.

Словно распятый Христос,
в красной точке заката
первой ласточкой звёзд
солнца окружность распята.

Отблеск

Капли фонарного света,
словно блики капли.
Пустошь полных проспектов
в прорези глаз апреля.

“Не уходи, останься”, -
шепчет ветер на ушко,
тихо качая ясли,
бледной луны, и в пустошь

сердца падает отблеск,
будто кристаллик соли,
будто знакомый голос,
голос любви и боли.

Полумрак

Сквозь черноту глаз
продирался полночный сумрак.
Рисунок улиц
сливался
в один беспроглядный марш.
На сорочке неба,
среди разбросанных пуговиц
звёзд,
красовалась
серая брошь луны,
освещающая ветки
смуглых дорог,
весенний маршрут норд-оста.
Иди же,
иди в этот холод,
пока тень безмолвия
падает
в самое сердце города,
и пусть голос,
один единственно голос,
среди глиняных идиолов
многоэтажек
и пустых остановок,
будет твоим голосом,
голос молитвы,
заученной
на берегу моря.

Зарисовка

Луна скользнула по холмам
холодных крыш.
Ударил ветер в купола
и прыгнул в тишь

свинцовых тополей. Сквозь сон,
туман берёз
вплетался в полночь, как ладонь
в копну волос.

Плыла дорога в никуда
сквозь ночи воск,
и с неба капала вода
весенних звёзд.

Душа застыла в тишине,
и будто в дверь
стучало сердце, а в окне

горел апрель.

Скрипка

Шафрановый луч
играет на скрипке
майского полдня.
Васильковой лужайкой
отражается небо
в глазах мотылька.
Тополя,
разбросанные
по обочинам
пыльного города,
накрывают улицы,
словно вышедшая
из берегов река.
Частица весны
саднит в сердце,
как старая рана.
Тёплая рябь
сползает на плечи
лисьей поступью,
и в глазах мотылька,
теряющегося
у цветочной поляны,
застывает сверхновая
солнечным зайчиком
майского солнца.

Фиалка

Прорастает фиалкой ночь.
Безысходность лунного света
скользит по стене,
будто струится в траве
мягкость июньского ветра.
Прорастает фиалкой ночь.
Шелестят ночные костры,
и на теле тьмы
проступают
рваные раны пламени.
Прорастает фиалкой ночь.
И вишнёвые ветви
сквозь вспышки теней
разлетаются чёрными искрами.
Прорастает фиалкой ночь.
Раскрываются
восковые цветки фонарей,
и образ песчаного берега,

отражённый в фарфоре звёзд,
говорит
о последнем прибежище музыки.

Чёрный этюд

Даль оседает пылью,
вечер краснеет распятым,
ночь воскресает безлуньем
и прорывается в сердце.
Там, в полумраке июля,
где догорают окна
в полутонах заката,
память дождя и солнца
льётся с твоих ладоней,
там, в тишине занавесок,
прикосновение тает
тихим шелестом листьев,
лёгкое, словно искра,
нежное, как туман.
Там, в полумраке лета,
где через клетку ночи
тянется чёрный холод,
взгляд твой ищет приметы
на беспроглядном небе,
словно раненный ангел
ищет дорогу к дому.

Горящий уголь

Капля июньской крови
солнцем стекает по ветке.
Ветер вздыхает в поле,
словно душа на смертном

одре. Горящий уголь
стёкол в полуденном блеске,
здесь, как шаман на бубне,
ритм отбивает сердце.

Окрик бумажного змея
в небе распахнутом, подле
тает осколком мела
облако в ангельской форме.

Тополь падает солью
в серую рану обочин.
Дай же мне власть над болью
летней бессонной ночи.

Конец письма

Снова в бокале вина
тонет туман вечерних огней,
словно размытый небесный пейзаж.
Август качается тенью бабочки
на лепестках зари.
Ветер колышет
пёструю ткань летнего платья,
и серая рябь побережья
догорает в глазах чайки.
Помнишь ли ты
нашу первую встречу,
нежное пробуждение ночи,
и тёплый рассвет,
скрывающий тайну
наших имён
в сонных лучах?

Неизбежность

Тень лета
накрывает крыльями
кричащую пыль мостовой.
На обнажённом теле проспекта
солнце выводит
строгие линии
супрематического полотна.
На раскалённые камни июня
падает ветер полдня
с неизбежностью мотылька
летающего на огонь.
Твоя ладонь
находит мою ладонь
с неизбежностью ночи...
Словно горный снег
под холодным цветком луны
тихо мерцает светильник,
пока твои губы
ищут тепла,
а сердце -
нежной горечи слёз...

Речной песок

На песок ночи
падают
раскалённые звёзды.

Теплота
случайной попутчицы
тает за горизонтом.

Луна блестит,
словно капля росы
на чешуе дракона.

Ветер
чёрной зари
впивается в гривы костров.

Последняя нота
в море песен –
нота смирения.

Засыпая, помни свой срок,
оставляя себе,
лишь горстку песка в ладони.

Двенадцать строк о любви

Холодный рассвет, мягкий туман,
бездонное синее море в глазах.
Огонь, хранившийся тысячи лет
в недрах далёкой звезды,
распускается розой востока,
падая на твоё лицо.
И только в зеркале ночи,
где плачет гитара под сенью оливы,
где склон ласкает лоза,
остаётся блеск твоих слёз,
за песками ветра,
за чернеющим серебром дороги...

Яблоко

Всё, что было –
скроет туман-река,
унесёт в беспмятство
за горизонт столетий.
Всё что будет –
дрожащей зари рука
нагадает,
подкинув в небо
солнца монету.
Там,
мой голос –
тише осенней полночи,
дыханье строки

на обрывке мятой бумаги.
Там,
мой взгляд –
чёрный ветер на площади,
капля крови
в чернилах дождливой влаги.
Там,
моё сердце –
усталый мотив побережья,
крик чайки над пеплом
ветхой закатной арки.
Там,
моя вера –
ощущение юной свежести
в ладонях мальчишки,
сорвавшего кислое яблоко.

Ласточка дождя

Мы стоим у моста,
под серебряной аркой дождя.
Тает гулкое эхо грозы
над свинцовой дорогой.
Отголоском фламенко
листва проскользнёт,
и сорвётся душа,
сквозь созвездья ручьёв,
в беспокойную мутную воду.

И над влагой пшеничных волос,
над туманом промокших ресниц
растворится небесный пейзаж,
словно сода в бокале.
Тонет лето в глазах,
и глаза опускаются вниз,
будто отблеск вечерней зари,
ускользнувший по краю.

У моста,
под серебряной аркой дождя
тает гулкое эхо грозы,
ветер ходит по кругу,
в такт испанской мелодии
платьем стеклянным дрожа...
И две тихие тени опять
что-то шепчут друг другу...

Звезда августа

Ищи мой голос

в заброшенном доме августа,
где ветер
раскачивает колыбель
вечернего тополя.
Ищи мою тень
в коралловых нитях заката,
где бабочка солнца
дрожит,
как след от струны,
и кроны столетних дубов
падают с лёгкостью облака
в алое небо.
Ищи мой голос
в заброшенном доме августа,
где тёмной гуашью
листья лежат на стёклах,
и догорая,
отблеск погасшего дня
спешит
в дождливую гавань,
под бриз засыпающих лип...

Поодаль

Повеяло холодом.
Осень поодаль
взмахнула крылом.
Над бледным городом
небо
нанизывает
солнце
на сонную рябь облаков.
За углом —
сквозняк
падает в ноты
дворового джаза.
Азбукой морзе
редкие капли
телеграфируют
рваные фразы,
похожие
на осколки тепла.
Из-за стекла
вечер
смотрит мне в спину
янтарным волком.
Тополь склоняет голову
перед киноварью
заката.
На перекрестке —
ветер,

перебежав дорогу
на красный,
разбился в клочья.
И черная кошка ночи,
одевшись в приметы
первого листопада,
свернулась клубочком
в ногах августа.

Пастушья флейта

Ветер осенний дышит
на пламя опавших листьев,
будто бы юное сердце
вырвали северной лаской
и бросили в грязь у оврага.
Отцвели, отцвели его краски,
пылью покрылись страницы,
молчат его нежные песни,
лишь дождь собирает горечь
и уносит в холодную ночь,
лишь луна леденящим блеском
ищет его тень,
словно ястреб ищет добычу.
Корни его иссохли.
Ветви его надломлены.
Воздух его отравлен.
Пепел его рассеян.
Тихой пастушью флейтой
слышен в его дыхании
отзвук – сквозняк оседлый.
Сколько ему ещё таять
в каплях речного тумана?
Вместо крика - безмолвие.
Вместо дороги - смирение.

Соль

I

Серая чешуя берега.
Разбросанный жемчуг волн
на солёных камнях.
Вечерний ветер
тает
в туманной зелени гор.
Холодная рана моря
раскрывается
осенней розой
среди можжевельников

и кипарисов.
Протяжную песню чайки.
встречает
закат сентября.

II

Прибой
врезается медным громом
в осенний рассвет.
Под проснувшимся небом
тает симфония
южных птиц.
На склонах гор
тень вчерашнего дня,
собирая последние звёзды,
соскальзывает
в дымку ущелья.
В прохладном зеркале моря
призрачным парусом
отражается
одинокое горизонто.

III

В тину осеннего солнца
погружаются пихты и пальмы.
Ветер горящего полдня
падает
к подножию скал.
Что скрывает
химера размытого берега?
Тихую даль,
глубину безвозвратного,
дымок облаков
под изумрудной печалью
реликтовых сосен.

IV

Вечер
взрывается багрецом
полумёртвого солнца,
цепляясь за горную рябь.
Солёный воздух,
впиваясь в изгибы хвой,
приносит слухи
седого моря.
Путаясь в паутине
фонарного света,
сонный взгляд
находит свою звезду

на дне осеннего неба.

V

В глубокий надрез ночи
проникает
медленный яд луны.
Дорогу небесной росы
устилают
папоротники облаков.
В чёрном шторме
твоих глаз
пробуждаются
последние песни осени.

VI

Холодная тишина
опустила ладони на камни.
Над огнями долины,
в чёрных излучинах серпантина
прошептала туя,
прошептал дикий кедр,
задрожал шиповник.
Ночь
накрыла Аю-Даг
шёлковой мглой.

VII

Тонкие пальцы
сапфировой мглы
ласкают разбитый берег.
Прибой
ложится солью
на изваяния скал.
Сухая трава неба
воспламеняется
от тусклого солнца,
и огонёк луны
догорает соломенным блеском,
словно сердце,
предчувствующее
близость разлуки.

VIII

Отголоски волн
провожают сентябрь.
Чёрные горы
удерживают
на своих плечах

свинцовые облака
осени.
Я поднимаю глаза –
индиговые
корабли сосен
выбрасывает
на гальку южных звёзд.

IX

Море,
твое спокойствие
подобно священной роще.
Твоя распахнутая душа
омывает мои ноги,
словно уста матери
целуют румяную плоть
новорождённого.
Ночные цикады
в кустарниках роз
вторят
твоим звукам.
Твои синие крылья
хищно вздымаются
над чёрной полоской берега,
и нежно несут тебя
в сердце изломанных гор.
Я слышу в твоём голосе
шум можжевельных рощ,
раскаты грома,
шелест степной травы
и одиночество,
напоминающее о доме.

X

Я ощущаю
терпкий привкус
заходящего солнца
над виноградниками
вечерней долины,
аромат тепла,
соскальзывающий
алым цветком
по стеклу приборя.
Стройные кипарисы
впиваются
чёрными копиями
в тёплый песок звёзд,
и свеча запада,
тускнея
в ладонях залива,

разбавляет
сентябрьский бриз,
осыпающий камни.

XI

Хмель безмолвия
в сердце Ай-Петри.
Известковые зеркала
отражают
крылья горного ветра,
ледяное дыхание
туманной долины,
горящие зеленью склоны
у изрезанной ленты морского берега,
застывшее золото горизонта
и снежное облако,
нависающее
тенью орла
над одинокой фигурой,
бредущей на запад
сквозь пустоту и молчание
каменных идолов.

Кварта

Ночь выходит на дорогу,
загребая мелочь звёзд,
сонно стелется под ноги
лунный свет, как лисий хвост.

Чёрной дымкой тают песни
у потухшего огня,
волчий вой в прихожей леса
льётся ветром ноября.

Среди тысячи оттенков,
среди тысячи теней
осень тлеет, и по веткам
вьюги мрак крадётся к ней.

Вскинув ласточкой полночной
крылья, падает звезда,
и мерцает след над рощей,
как душа под коркой льда.

Ось

Между сумраком вечера
и туманом рассвета

мерцает
сиюминутная
тень мотылька.
Бледный маяк
светит в осеннюю даль
серебряной точкой,
пока
тысячелетняя мгла
тает над пеной леса,
пока тонет звезда
в бронзе реки,
пока бьётся
тяжёлое сердце
сырого песка.
На берегу новолуния
холодным рисунком ветра
прорезался
детский почерк
души –
отголосок безмолвия,
аромат цветка,
оседающий инеем
на стёклах
горящей ночи.
И со страниц
пожелтевшей травы
упал приглушенный свет,
свет недосказанных слов
между сумраком вечера
и туманом рассвета...

Прохлада

Поздний ноябрь.
Ленивый корабль
солнца
причалил в белую гавань.
Стеклянный холод
застыл
безмолвием
на дороге.
Ветер
выковал
стальной занавес
из ветвей.
Под опаловой аркой
неба
ворон
вырезал
траекторию норда,
и сердце осеннего сада

замерло,
наконец-то дождавшись
твоих шагов,
лёгких,
как первый снег...

Декабрьская постель

Раненым волком
ползёт с востока
рассвет декабря.
Пепельный след
дороги
ложится
на тяжесть глаз.
Ветер звенит
колокольчиком
в прожилках календаря,
где белые вены ветвей
каменеют
зимней тоской,
как лаской.

Усни, усни,
усни
и забудь своё имя...
Осеннее солнце застряло
в кронах
посмертной маской.
Сквозь волны холода
благоухают
фиалки
северных звёзд.
Иероглифы инея
на стекле -
твоя последняя азбука.

Иней

Декабрьский блеск,
как застывшие слёзы
Гекаты.
Вечер
несёт свой крест
на Голгофу заката.

Лёд
одевает смирением
ветви.
На бумаге инея -

неизменная
партитура ветра.

Лампадка луны
освещает
снежную рябь,
словно в кровь декабря
проникает
медленный яд.

Тихим пророчеством
падает
бледный свет.
На краю ночи
душа
укрывается в плед.

Белая пустыня

Дыханьем зимнего огня
играют звёзды над порогом.
Глубокой ночи колея
лежит в беспамятстве дороги.

В тумане ледяных аллей
плывёт тайком Селены лодка.
Один лишь путь в душе твоей,
как свет свечи, немой и кроткий.

Глубокой ночи чёрный след.
В фонарной дымке шум метели.
Один лишь путь, возврата нет,
как нет конца пустыне белой.

Снежная вода

Под илом крыш -
ветвей стеклянный свод,
прилив луны
окутал спящий город,
увязли фонари
в тумане нежной боли,
и призраком огня
мерцает тонкий лёд.

Минуты тают,
словно снежная вода,
с цепи февральской
рвётся чёрный ветер,
в замёрзшем небе

ласточка рассвета
взмахнёт крылом,
скользнув над коркой льда.

Отголосок

Воскреснет январь.
Забьётся белое сердце.
Окаменеют вены дорог.
Кровь молодой луны
прольётся
на скатерть снега.
Ветер заденет плечом,
словно случайный прохожий.
Зимние ветви вздрогнут
над колыбелью льда.
За туманом полей
растает
бледной свечой
тысячеликая тень,
оставляя
искру зари
на погасшем небе.
И нежная ночь
с послевкусием холода
напомнит
о каплях тепла
в дрожащих ладонях
матери,
чтобы память
стала вторым домом.

Зимний блюз

В пунцовых проблесках рябины
искал приют вечерний луч,
и над дорогой тёмно-синей
сползала шаль багровых туч.

Блестела даль огнём нездешним,
и тихий свет играл внутри,
суровый норд смахнул, как пешку,
тень облака с доски луны.

И падал, падал взгляд холодный
в небес разбитое окно,
будто застывшая природа
вдруг стала зеркалом его.

Как сквозь туман, сквозь сумрак вязкий

аллей тянулись миражи,
и ореол луны февральской
сливался с угольком души.

Серый ветер

Серый ветер вдали, мокрый снег на висках,
мёртвый свет под свинцовым куполом неба,
беспокойное солнце скользит, как лиса
между глиной осин и берёзовым мелом.

Здесь тебе остаётся всего пара строк
в чёрно-белой февральской тоске бездорожья,
их допишет закат сквозь растаявший смог,
и холодная ночь тишину подытожит.

Хмель

Хмель будоражит голову.
В сердце маячит весна,
как туманная близость облака
в глазах беспризорного пса.

Солнце играет в прятки.
На ржавой подъездной двери
северный ветер распят
под звонкой бронзой капли.

По мартовским кельям разлита
молитва тенистых аллей,
и вторит душа молитве,
как вторит влюблённым хмель.

Раненый лев

Шелест ночи в окне.
На холодной стене
тает отблеск луны,
дарит боль и надежду
скупого тепла.
Одинокая тень
у окна
замирает,
как раненый лев —
это сердце моё
догорает
в лучах тополей,
это теплится взгляд
в свете вешних

туманных созвездий.
И под кровлями марта
скользит
пустота тротуаров.

Холод

Беги, беги как во сне,
крича сквозь глухое пространство.
На сером от пыли холсте
мешай потускневшие краски.
Беги по аллеям пустым
навстречу тенистому плачу,
и в каплях стеклянной росы
ищи отголоски удачи.
А после, присядь у реки
и слушай холодную воду,
как слушает сердце стихи.
И волны отпустят грехи,
чтоб светлой печалью наполнить.

Апрельский вечер

Тает в глазах апрель.
Тонет в проулках дождь.
Сырость струится с полей
в серую известь рощ.

Словно старый винил
ветер трещит за окном.
Неба заоблачный ил
медленно тянет на дно.

Тяжесть холодных тонов
в лёгких набросках весны.
Сердце на чаше весов.
Падает ночь на весы.

Наедине

Скрипнет дверца в апрельское утро.
Ветер звякнет связкой ключей.
Склянки окон в пылице перламутра,
разбазарив остатки уюта,
скроют нежность бессонных ночей.

Солнце бросит крылья на ветки,
вместе с шёпотом веток дрожит
пыльный голос в гортани проспекта,

под унылую флейту рассвета
и усталую песню души.

Не найти здесь прибежища лучше
одиночества скверов пустых,
где под старой иссушенной грушей,
в смоге трав, словно в шерсти верблюжьей,
дремлет солнечный зайчик весны.

Узор

Заря
тает над сизыми волнами,
как сахар в горячем чае.
Брызги моря
становятся отголосками чаек.
Вечернее солнце,
облачившись в алое,
приготовилось к самосожжению.
Тени скал
придают стройность
воображению.
И все это
не более значимо,
чем след ящерицы
на холодном камне,
или полёт мотылька
над мерцающей лампочкой
в спальне...

Рядом

Чёрная кровь ночи,
как застывшая в камне мелодия.
Прочерк пустынной площади
в черновиках города.

Холод фонарного плена.
Тени, влюблённые в прошлое.
Бледная даль Селены
тает в глазах кошки.

Ты теперь вечно рядом
в этом пространстве мгlistом,
музыкой, спящей в камне,
шорохом пыли и листьев.

Ты теперь даже ближе
в этих потухших аллеях,
призраком снежной вишни,

лёгкой слезой апреля.

Безвозвратность

Пыль облаков
наливается кровью вечера.
Под умирающим солнцем
я всматриваюсь
в пустыню улиц.
Безвозвратность
маячит на горизонте
вестником ночи.
Ничего не осталось
в этих холодных лучах весны,
кроме глотка
сонного воздуха,
кроме капли лунного света
на мутных стёклах витрин,
кроме сгоревших минут
и тихих шагов в никуда.

Посеянное дождём

Майский вечер
горит
на окраине города.
Тает горечь дождливого неба,
словно отблеск
домашнего света
в остывшем чае.
Где-то в области
бесконечности
наши взгляды
снова встречаются,
и об этом
шепчут влажные ветви
рябины,
цепляясь за ветер,
и об этом
молчат часы,
остановившиеся
на отметке "полночь",
где царит мимолётная смерть.

Ледяная трава

Блеснёт слеза луны
над колыбелью ночи,
и станет ближе тень

пустынной мостовой.
Под ледяной травой
ты слышишь только ветер
стареющей весны,
что превращает пыль
в подобие огня.
За синим дымом сосен
мелькнёт прощальной строчкой
холодный шлейф звезды,
как зов осенних птиц,
скрывающихся в небе,
к тем птицам,
что остались зимовать.

Следы на песке

I

Чайка несла на крыльях
брызги дождя.
Тёмными изумрудами
играла зелень холмов.
Ветер чертил на песке
узоры подсолнечника,
вырывая из рук
недописанное письмо.
Белый шум волн,
обрываясь на полуслове,
падал на берег июня.

II

Снежная ткань облаков
реет
над наготой волн.
За стеклянной спиной моря
тлеет
бессонница горизонта.
Блеск лазурита
и смоль
обсидиана
замирают в душе пилигрима.
Море смотрит в его глаза,
словно видит своё продолжение
в них.

III

Усталое солнце
бросило взгляд
на смуглый песок.

Вечер,
купаясь в пурпурно-синих
каплях заката,
выдохнул
сонной прохладой маков.
Алмазная пена прилива
лизала ноги,
как прикормленная дворняга.
В сердце отшельника –
тысяча миль безмолвия
и мгновение
падающей звезды
сквозь лунный пейзаж.

IV

Прибой
выбрасывает на берег
раскалённый жемчуг зари.
Над тёмно-зелёной водой
взрывается
синяя пена неба.
Запах соли
вьедается
в сухой рисунок обрыва,
в сладость травы и цветов,
в душу,
жаждущую опустошения.

V

Мерцание волн,
словно шелест старых страниц.
Россыпь ракушек на берегу,
повторяет мотив
звёздного неба.
Глубина нежности
под чёрной фиалкой полночи
становится
последней строчкой романа
с открытым концом.

VI

Вечер
превращает солёную воду
в вино заката.
Сонные розы в саду
вбирают морскую прохладу.
Кипарисовые аллеи
убегают
лёгким головокружением

в чёрную тишину.
На сухих губах
застывает
горечь и хмель
южного поцелуя.

VII

Раскалённый полдень
отливается
чешуёй дракона.
Олово волн
отражает
золото солнца.
Жажда терзает сердце,
затерявшееся в песках.
Прикосновение бриза,
словно глоток
родниковой воды.

VIII

Тёмно-синий туман лаванды
тает на пьяном склоне.
Цвет грозового неба
проникает в глаза.
Первые капли воды
погружают
в беспокойное ожидание,
пока море
вторит “прощай”
на всех языках мира.

IX

Золотисто-зелёные волны
печальны,
как осенние листья.
Искра янтарного ветра
падает
в тень виноградника.
На влажном песке,
растворяется
след незнакомки,
что несёт в глазах
ночную прохладу.

X

Тяжесть дождливого неба
над зеркалом моря.
Лепестки беспокойных волн

падают
на изрезанный берег.
Каменной розой
в зимнем саду
замирает сердце,
предчувствующее
дыхание шторма.

Пьяный воздух

За спиной остаётся
горечь полночных огней.
Что уже не вернётся,
станет в сто крат родней.
Помнишь
мозаику пыльных улиц,
где дорога вьётся
осенней розой,
где ветер
в лицо смеётся,
царапая крыльями
пьяный воздух,
где любое движение
сердца –
наивно, бесстрашно, бессмертно,
где в мутной реке
отражение
бессонницы
и похмелья рассвета.
На краю вселенной
домашним светом
мерцает искра.
То, что уходит в тень,
окажется самым близким.

Задумчивая ночь

I

Ожидание завтра.
Недопетая
песнь жаворонка.
Будто вечный дождь
заливает глаза,
будто вечный туман
клонит ко сну.
Титры неба
ползут за окном
в мыльной опере
пыльного лета.

Между строк
ищешь тайком
знакомое имя,
словно затёртый шрам.
Но всё остаётся
прежним,
и лишь седина
на висках
обнажает
скользкое время.

II

В конечном итоге
приходит время
открыть глаза,
и тогда
перестаёшь
лгать самому себе,
будто сбрасываешь
кожу,
превратившись
в ящерицу
на голом камне,
и страх проникает
в незащитное сердце,
словно лёд клинка
в горячую плоть
приговорённого.

III

Золото осени
предваряет
мёртвую наготу холода.
Душа тяжелеет,
как мокрый песок
под сентябрьским
ливнем.
Больше нет времени
на суету,
остаётся,
лишь груз дыхания,
томящийся
в усталой груди,
словно пора собираться
в последний путь,
не прячущий слёз
и хранящий
сухое молчание
под покровом
задумчивой ночи.

IV

Там,
где одиночество
становится вторым домом,
где гипнотический
маятник волн
ведёт тебя
к краю пропасти,
распростёртой
в собственном сердце,
у остановившихся
солнечных часов,
под дорожкой
падающей звезды,
что бежит
горячей слезой
по материнской щеке,
забудь всё
вопреки всему
и просто люби.

Элегии

I

Северо-западный ветер
всколыхнёт паутину воды.
Ветви споют на ветру
детскими голосами.
Город укроет свои зеркала
под солнцем ноябрьской мглы.
Зима,
как утраченный рай.
Там я искал
твоё отражение –
где в роскоши тонет закат,
где плачет тень у камина,
где волосы пахнут снегом.

II

Послушай –
тишина за тишиной.
Ночь переходит в ноль,
ноль –
в бесконечность.
И тлеют свечи декабря,
как тает лёд,
и в синеве купается луна,

пока ладони сна
качают колыбель,
и звёздным светом
выдыхает неба шар
в пространство позднего огня
и бледных крыш.

III

В прихожей декабря
замочных скважин
иней
запечатлеет поздние шаги.
Найдёт уют
в силках гардины
холод.
И красной мглой
в бокал струится вечер,
и Адриатики далёкий шум
свисает в пустоту
уставших роц,
чтоб успокоить сердце
зимней ночи...

IV

Под тёмной шалью неба
земля дышала снегом.
В немой тоске сошлись —
погосты сонных крыш
и охра фонарей,
и чёрный горизонт,
и зимних штор
печаль,
скрывающая
серый лёд
луны.
Вселенная —
мурлычущая кошка
на ручках малыша —
рассказывала сны свои
украдкой.
Был сон её
так тих,
так одинок, так крепок,
как чашка кофе на комодке,
а поодаль,
будто лежала
недописанная пьеса.
Рождественским теплом
светилась даль
дороги.

И волхвовало сердце.

Январский диптих

I

Кружился снег,
словно табачный дым.
Уснули свечи.
Угольком застыл
восточный ветер,
и январский ил
нашёл луны болото,
лёг на дно...
Через стекло
Туманность Ориона
светилась мотыльками фонарей.
Играл Борей
на флейте,
и под соло
ресницы утра
омывал вчерашний хмель.

II

Тусклые свечи вечера
гаснут на крышах города.
Ночь нам с тобой обеспечена,
долгая, долга, долгая...
Зимняя ночь-жемчужина,
нежный лёд на окраине
сердца, остывший ужин,
ветра стального окалина.
Звёзды метелью стелятся,
тлеют огарками вечности,
словно пропавшую без вести
ждут тебя поздним вечером.
Ветер играет прелюдию,
бьётся в подъездные двери.
Взгляд зажигается вьюгой –
снег, как гусиные перья.

Сюрреализм

I

Словно тысячи роз на обочине
плачут от холода ночи,
так сердце зовёт
последнюю тень января,

так ладонь вечерней зари
гасит свечу.

II

Где камни читают вслух
карту звёздного неба,
где кувшинка луны
полночным огнём
ласкает
стоячие волны
ветвей,
где бегущей строкой
горизонта
осенний ветер
плывёт на закат —
один сон, один вздох
сквозь безмолвие пыли...

III

Летопись снега
между строк
февраля,
как забытая сказка ночи —
и душа,
словно облако пепла
в вечернем небе,
и закат,
словно шёлк
на плечах незнакомки.

Пепел и снег

Коснётся солнце
западного склона,
будто по струнам
проведёт рукой душа,
и Млечный Путь
затянет небо илом.
Твой слух доверится
свирели февраля,
и упадёт в метель,
как листья в воду.
Там,
за причалом городских огней —
бесцветная лампадка дня
безмолвно догорает.
Там,
где никто уже не ждёт —
над белым полем

просыпается луна,
и снег молчит,
как тени над могилой.
И сквозь бессонницу дороги,
сквозь столетья –
ночь освещает жемчуг серебром,
пустыней дышит ветер,
след теряя.
И под молитву тёмного рассвета,
уходит кто-то,
не замеченный никем,
как иногда уходит дождь
в осенний шёпот.

Белый мёд

Уходит день.
Скользит закат по леске.
Крошится на стекле автограф льда.
И тёплой кровью
отголоски марта
струятся вдоль ветвей;
и снежной ваты блеск
глотаёт сумрак и туман созвездий.
Вполголоса
крадётся вьюги гул,
будто поют наяды
белых рек.
И словно тень
от старых занавесок,
душа разглядывает ночь,
и что-то шепчет ей.
Остывшая вселенная,
как чай
на кухонном столе.
И в седине метели,
в плывущих искрах
проводов –
легка печаль,
как только может быть
легка строка
сгоревшего письма...

Время невесомости

Просыпаясь
под мартовским снегом,
собирая губами
капли тёплого воздуха,
на качелях весны

пили кофе
и дорожили молчаньем,
как румянец свечи
оживая в лучах
восходящего солнца.

Безнадёжной зимы отречение
скрепив поцелуем,
проводжали ручки
и встречали
прохладу рассвета.
Ты была,
словно шелест огня –
мимолётна, нежна,
безрассудна...
Раздувал уголёк
в твоём сердце
мартовский ветер.

Она рассказывала сны

Обступала теплота, как майский вечер,
по плечам катился мягкий свет,
тенью ивы вздрагивали плечи,
и речной волной шептал рассвет.

Ты вставала, наливала кофе,
на ресницах таял иней сна,
занавески осыпало охрой
солнца, и дышала вслед весна.

Облака тянулись пыльной степью,
сглаживая небо не спеша,
и твоя ладонь искала ветра,
и ждала дождя твоя душа.

Пейзаж из-за стекла

Последний холод на кармине щёк,
последний выдох гаснущей метели,
солома солнца, облаков мешок,
тряпьём прикрывший бирюзу капели.

Весенний снег и вечная тоска
над тишиной аллеи в пустынном смоге,
и сухость губ, и серебро виска,
как сон луны, застывшей над порогом.

Туман прибился к стёклам, словно тень,
раскрасив утро в розовую слякоть,

матроска света падает в постель,
бросает солнце ржавой баржей якорь.

Последний крик, последний посошок,
суглинок неба под ногами ветра,
и сердце – словно музыки пролог,
и шум дворов, как старая кассета.

Дальше

Там, где оставил жемчуг свой февраль,
где сердце билось мягко и бескровно,
я помнил только ночь,
я забывал
слова и имена,
я помнил,
только холод
вещих снов
под тяжестью молочного опала
луны,
и блеск зеркал, и след огня
в твоих руках,
всё знавших наперёд.
А впереди –
развилка облаков,
весенний воздух, как глоток глинтвейна,
и шелест чёрно-белых сквозняков
берёзовых аллей,
и глаз твоих апрель...

Затмение

Весенний лучик
прыгает
с ветки на ветку,
цепляя тени,
оставляя
засечки, зарубки, заметки.
Серый асфальт
и синее небо
растягивают пространство.
Немного сдают нервы –
но можно списать на пьянство.
Смотрю ещё дальше, шире,
сердце
становится глубже,
отбивая пульс
промозглых
мартовских луж.
Дышу ещё чаще,

резче,
словно весенний сумрак
сбрасывает
трикотаж
вместе с остатком рассудка.

Панно

Сквозь пустошь вечера
просвечивал
тоской
хрустальный шар луны.
Бесшумно падала ладонь
на одеяло,
как будто в мягкость ивняка
струился воздух
пьяный.
Тянулся сон реки,
цепляя проблеск алый
последнего луча на горизонте.
И ты опять
в созвездиях весны
искала
отголоски зимних слёз,
и хмель твоих волос
рассеивала ночь,
и март скользил,
как тень летучей мыши,
и только слышно было,
как над крышей
осадок снега
превращался в первый дождь.

Мышьяк

Серое солнце, прохладное утро,
кухонный свет, словно привкус абсента,
ветер – девять метров в секунду,
влажность воздуха – сорок процентов.

Пыль на висках, пустота переулков,
голые ветви, как скользкие тени,
через стекло, детским рисунком
тянется неба свинцовая пена.

Гул понедельника, эхо апреля,
сводка погоды – словно семь пятниц,
кошка свернулась клубком на постели,
мышью шуршит весенняя ласка.

Осколки нефрита

Дыши,
дыши капель
источником горячим
сквозь вязь ручьёв,
сквозь слякоть пьяных скверов,
сквозь мокрый снег,
летающий мошкаррой;
пиши свои апрельские стихи
в садах ночных,
затянутых безлуньем,
где засыпают, подражая смерти,
чугунные скамейки и ограды,
где клюквенный закат
скользит туманом
тусклым
в мгновение,
застывшее душой,
и тает на губах
пурпурный вечер,
и на ладонях гаснет
след тепла...

Кома

Они сидели рядом
и просто молчали,
просто смотрели
друг другу в глаза,
пили чай с ароматом
лесных ягод,
за окном шумела весна,
было прохладно,
немного сыро,
ветер гудел,
или играл
скрипичный концерт,
на подмости
старой квартиры
падал портьерой
вечерний свет;
закат
подбрасывал в топку
золота,
а они всё молчали,
словно снова учились
прощать друг друга,
словно снова учились
любить,

и, прощаясь,
верить в приметы,
считать минуты...

Река

Там, где причала тихий плеск
на фоне старых фресок леса,
там, где туманный тёплый блеск
травы, где не находит места

вечерний ветер, а в воде
заката тень, как древний ящер,
там, где в прихожей на гвозде
шарф звёзд, луны потёртый плащ,

там, где заход под толщей крыш
скрипит апрельской ржавой дверью,
оставив напоследок, лишь
далёкий свет, размытый берег,

там где латунь волны звенит,
и тает под ногами содой,
душа срывается с цепи,
чтобы упасть котёнком в воду.

Пион

*Живопись — это поэзия, которую видят,
а поэзия — это живопись, которую слышат.
Леонардо да Винчи*

Маленькими глотками
потягиваю
через стекло
вечерний сумрак,
там,
где апрельские тени
ищут себе подобных.
На ткани города
тает весенний снег.
Поодаль крадётся
вечерний холод.
За спиной
перешёптываются
крылья листвы.
Винные кудри заката
спадают
на влажные плечи кровель.
Сердце
пробьёт полночь,

застывая в ладонях весны,
как буря
полночного неба,
что подобна
цветку пиона.

Здесь

Одно мгновенье на двоих
в воспоминаниях июня –
в нём дождь,
ласкавший летний зной,
и полдень
на губах твоих,
хранящий юный шум аллеи;
в нём жар ладоней,
шёпот слёз,
прохладный полумрак волос,
пустынный блеск речной волны,
и сон безлюдных
длинных улиц,
отлитых в мятный
влажный воздух,
где ты выходишь на поклон,
и вечер
падает к подмосткам...

Однажды

Утро рассыпалось пеплом,
ветер обдал похмельем,
сонно шаркало лето
где-то в районе двери.

Солнце стекало маслом
на раскалённый город,
небо мешало краски,
словно водку с ликером.

Ты одевалась молча,
хлопнула дверь, как прочерк,
я вспоминал твой почерк,
почерк недолгой ночи.

Солнце катилось вяло
в август, ломая спицы,
время стирало память,
словно та ночь границы.

Отрешённость

Тёплое небо
шумит за гардиной
облачной пеной.
На стене
кольшется паутина
крупномасштабной
структурой вселенной.
Тина ветвей
лезет в болото зрачка.
Сердце цокает
на мотив сверчка,
передёргивая
будильник.
Утро лепит рассвет из глины.
Патина лета
въедается в бронзу кровель.
Окриком первого снега
бледный свет
падает в окна.
Отрешённость минуты
тает
со скоростью пули,
словно ветер
рвёт паутину
в сердце июня.

Асимптотика

Когда вливается в жерло города
летний бред,
когда вязкий воздух плавится
тёплым воском,
остаётся, только курить
и писать стихи на обрывках газет,
запивая всё это
терпким вином
июньского солнца;

и сквозь пыль облаков
отыскав фотографию дня,
словно листья листать
закладки кратких фантазий,
говорить ни о чём
и о многом шептать про себя,
сочиня то боль,
то любовь –
хоть какой ненавязчивый праздник.

Когда вливается в горло олово

вечернего ветра,
а вдали скрывается
рдеющий уголёк заката,
остаётся только выдохнуть,
и на кусочках пепла
полночным инеем
имя одно
выводить стократно...

Дочь

Июнь крадётся
навстречу.
Глаза разъедает
моль тополей.
В сердце капает
поздний
вечер
чаем с мятой.
Облака
перебросили
шаткий
мостик
через утёсы крыш.
Ещё несколько лун
с оттенком дождя,
и снова тепло
летних звёзд
замерцает
ресничками
инфузорий...
Привет тебе,
маленькое
солнышко,
играй, играй
в свои лошадки,
не думай, о том,
что скоро
придётся взрослеть,
словно терять
память...

Прогулка сквозь полночь

Ночь разбросала звёзды,
словно вымыла сотни
осколков из глаз.
Чёрного неба плоскость
имеет такую же вязкость,
как руки тех,

что когда-то любили,
забыв попрощаться.
Воздух, пахнувший илом,
залезает под плащ
тополей.

Лето рассыпалось веером
шепчущих переулков,
будто наука любви
тихо шуршит страницами.
Нам есть чему поучиться
у этих теней,
у этой унылой волны,
цепляющейся
за гранит
под строгой вспышкой
луны.

Излом

Птицей отбросит
тень на балкон
засыпающий сад.
Качнутся свинцом
изломы созвездий,
будто в жару набухшие вены.
Сумрак вечера
высветит скуку
в усталых глазах,
и это тоже счастье,
как быть с собой
до конца откровенным.

Солнце свалится
в глухую канаву
заката.
Выдохнет призрак луны,
будто весточка
с того света.
На бронзовых струнах ветра
вздрагнет рябина,
как сердце матери,
рядом
фонарной рябью
осядет пыль
городского лета.

Минимализм

Мыльная плёнка полдня.

Пыльная липа
бросает тень
к лапам бродячей собаки.
Голуби сплетничают
в пушкинском сквере.
Окрест
облака чертят графики
фондовых индексов,
и душа,
медленно богатеет
взглядом поверх...
Солнце скользит
по предплечью,
как муравей по соломинке.
Пьяный
рассеянный свет
по-летнему ласков
и колок.
Осталось только —
дождаться вечера,
и забыв своё имя,
с последней искрой
заката
убить в себе веру
в то,
что можно ещё
чего-то желать,
кроме дождя,
присев на пригорок
ночи...

Медитативное танго

В подвальной сырости дождя
июль танцует танго.
Кубинским ромом отдаёт
туманный горизонт —
пей не спеша,
пусть плоть молчит,
как отраженье камня,
пусть шаг навстречу
делает душа,
бросаясь
на оживший мрамор
луж.
Сквозь кольца на воде
всплывёт пустынный город,
и следом
растворится пепел дня,
чтоб ты услышал
как мурлыкает луна

на мозаичном пледе
тёмных кровель...

Мгла июля

Поздний вечер отдаёт черешней,
косточкой летит к ногам закат,
катится луна тоской нездешней,
по стеклу размазав бледный взгляд.

Застывает сумрак тёплым воском,
плещется в бокале каберне,
фонарей свинцовые колосья
будто шепчут: истина в вине.

И крадётся сон, как тень тигрицы
сквозь сурьму созвездий, придушив
всякий звук, чтоб полночь на ресницах
прорастала полночью души...

Дробь

Ночь подметает улицы,
тьма осыпает нежностью,
лета шарманка крутится,
месяц торчит подснежником.

Падает ветер коршуном,
куртку полощет за лацканы,
в левом кармане – прошлое
мелкой монетой бряцает.

Липы вздымаются пеплом
под приглушенным светом,
в правом кармане – ветер,
словно венки сонетов.

Звёзды ползут через полночь,
будто по венам усталость,
сердце – последний безбожник –
дробью стучится в август.

Колыбельная ре-минор

Чёрных фасадов холод,
звёзд раскалённое олово,
ночь распахнула шторы,
вором ввалившись в комнату.

Тьма, приодетая шёлком,
тает над бархатом вязов,
губы находят шёпот,
шепчут ладони лаской.

Тянутся шпильки высоток,
гаснут дворовые свечи,
тени бросаю на окна,
словно руки на плечи.

Льётся лиловый воздух
сонным прибоем; пресный
ветер ложится на простынь,
словно рука на сердце.

Точка отсчёта

Вечер надёжен, как край пропасти.
Отрешённость выходит за рамки доступного.
В пасть горизонта летит пыльной костью
багровый закат. Облака – будто гусениц

след на осенней размокшей пашне.
Переключаемся с чая на кофе.
Таёт прохладой, в замочной скважине
взгляда, июльского солнца Голгофа.

Небо очерчено летними звёздами –
вечная строгость, комар не подточит
носа, и шепчет луна, будто проза
жизни раскрылась поэзией ночи.

Витраж

Там, где скрипка вечера тихо стонет
перед витражными стёклами горизонта,
ветер твоих волос
запутался в моей ладони.
Под крылом заходящего солнца
август гнезвился в высокой траве лета,
переливаясь лавандой,
отдавая жасминовым чаем
в чернильном воздухе.
Луна,
призраком снежного лебедя
проплывая по озеру неба,
вещала
тёплую ночь и холодный рассвет.
И вниз по течению звёзд
замирала чёрная степь

минутой молчания.

Набережная

Ветер. Набережная. Август.
В трёх шагах – осень стоит в подвенечном.
Немного охры, бронзы и красного
в омут заката бросает вечер.

Битым стеклом на смуглые камни
падают волны, и с примесью лени
тает в глазах зеркальная влага,
в слух оседая ноктюрном Шопена.

Жжёной сиеной, умброй и охрой
запад сквозит до последнего вздоха.
Мокрая пыль поднимается в воздух
и оседает в прокуренных лёгких.

Небо, развесив облачный холод,
реет вдали обессточенным блеском.
Окна горят ожиданием, но
дом – это там, где оставил ты сердце.

Берег августа

I

Когда у ночи вкус
бессонницы и ветра,
когда сквозь шапки сосен
льётся влага звёзд,
и в памяти ладоней –
теплота песка,
а на крыльце –
ленивый хор цикад,
я прикасаюсь,
словно к девственной прохладе,
к полночной тишине,
набросив тень на сердце,
и нахожу в луне –
печать Джоконды,
и жду рассвет,
боясь пошелохнуться,
чтоб не спугнуть туман
седой реки.

II

Вечер

разбросал сто дорог.
Солнце качнулось на ветке.
Саван рубиновой пыли
лёг закатом на берег.
Птицы, лесные птицы,
поздней росой звенят.
И под ногами земля
дышит усталым теплом,
и остывает сумрак
камнем на илистом дне.
Падают в воду звёзды,
кольца бегут по воде.
Хлопает август калиткой,
значит ещё не вечер.

III

Солнца жемчуг
отбросил полдня луч.
На бельевой верёвкой реки
кольшется хлопок
мокрого облака.
Вдоль воскового берега –
колокол ветра,
холод травы
и зелёное
полотно леса
плетут паутину августа.
Небо,
как отпечаток заброшенной бухты,
и течение
уносит за горизонт
нежное безразличие бирюзы.

IV

Где солнце
румянец полей омывало
парным молоком,
где синий дым неба
сползал над рекой,
как парус на тысячи миль и веков,
где каждый твой вдох,
опоясавший грудь,
в душе отдавался огнём маяка,
там в двери восхода
стучится туман
тоской
сырых подземелий,
и осень плывёт
в бесконечную даль
на вёслах пурпурной листвы.

V

Словно яблоко надкусана луна.
Воздух ледяным ключом искриться.
Шёлковая тьма,
агат и уголь
на веранду августа летят.
Слышишь, это слёзы камыша.
Слышишь, это тихий гул оврага.
Слышишь, это мятный хруст сосны,
и качели волн, как скрип подошв,
и волчица
на цепи протяжной ночи.

VI

Ветер прилёт на камень
в пепельно-матовой роще.
Флейтой шептали ветви
и рассыпались глиной.
Белой ромашки пламя
выжгло западный берег.
Солнце скатилось с горки
и обнажило мрак.
Вздогнуло сердце ночи,
словно разбилась ваза,
и на песок упала
бледная роза луны.

VII

Призрак позднего лета.
Эхо погасших окон.
Мотыльки
вплетают узор
в жёлтую пыль фонаря.
Чёрная чаша неба,
в звёздах,
как в зёрнах риса.
Над черепичной крышей,
роняя
остатки тепла,
мирно плывёт
мятная полночь.

VIII

Ещё пахло ночным дождём,
словно хмель подступал к гортани,
словно свежесть сосны и ветра
превратились в глоток рассвета.

Над карнизом влажным
паук
сплёл тюльпан из полночной нити.
Я присел на скамейку
у дома,
закурил, и табачный дым
дописал изломанный стебель,
ускользающий в синий холод,
пробуждающий мглу сентября.

IX

Небо
макает в чернила мел.
Склянка фонарной свечи
брызгает соком лимона на ставни.
Склизкая тень
сползает смолой
по драпировкам елей.
Ветками ивы
прожилки луны
хлещут глаза,
и лилии звёзд
меркнут
в чёрной прохладе реки,
будто в кузнеце
снежные искры.
Ветер
несёт сквозь зеркальное поле
спящих колосьев звон,
и клинком
слепо вонзается
в алое тело
горящей рябины
у края дороги.

X

Тишина обступала туманом.
И лазурь
родниковой водой
пересохшие губы рассвета
сквозь серебряный сумрак поила.
Оживало лесное сердце,
и качало стылую кровь
по набухшим венам тропинок.
День спускался,
держась за перила
золотистых лучей зари,
что бросают осколки ветра,
обжигая влюблённый песок,
целовавший вчера твои ноги,

словно иней замёрзшие стёкла.

XI

Таял вечер.
Вздыхали сосны.
И волна подбирала солнца
каменеющую головешку.
И дымились костров
подснежники,
согревая первые звёзды,
отливаясь золотом ночи.

XII

В серебристо-смуглой воде
траурной ленточкой –
тень от осоки.
Чёрный ветер с реки,
словно пыль и песок
из набухших ноздрей вола.
Накренится
пьяный утёс
умирающим стеблем фиалки,
и дрожит струна ручейка,
разбиваясь о стоптанный берег,
и луна золотым наждаком
истирает ветвистые волны,
что качают холодную ночь,
и застывшую изморозь трав.

Интимный пейзаж

Лето гасит огни.
Тень дождя накрывает восток.
Опускается солнце,
мелькая в облачном свете,
словно бабочка,
что порхая с цветка на цветок,
исчезает в прохладе травы,
за собой оставляя, лишь ветер.
В отражении ночи –
сентябрь с его ювелирным теплом,
воздух цвета шафрана, соломы,
как со страниц старой книги.
Проплывающий месяц
устало махает янтарным веслом,
и расходятся звёзды кругами,
как лета последние блики.
Застывает неон,
и пылью оседают шаги

в лепестках мостовой.
Бездорожье листвы лежит грязью на стёклах.
В тёплом мраке прихожей
сквозняк замечает следы,
наливая осеннее сердце
рябиновым соком.

Вполголоса

Осень. Воскресный вечер.
Луна покрывается хромистым льдом.
Сумрак глаз отзывается
самым глубоким молчанием.
Венецианским стеклом
играют свежие лужи,
вдыхая фонарный дым,
и бледное
заиндевевшее облако
напоминает огарок свечи,
оставшейся
от нашей последней встречи.
Я подношу чашку чая к губам,
словно беглый глоток
уходящего лета.
Настольная лампа
отсвечивает
желтизной опустевших аллей.
Камушком, брошенным в озеро,
в молчащее сердце летит
осколок луны,
и рана становится
нежным всплеском воды
у причала застывшего города,
засыпающего
под пледом
угольных кровель...

Осенняя миниатюра

Осени призрачный берег,
солнца иссякший родник.
Ветер шуршит в аллеях,
ветер сивиллиных книг.

Сердце просвечено золотом,
словно пустыня звёздами.
Месяц блюдцем расколотым
замер в промозглом воздухе.

Тени шепчут на ухо

гулом осенних погостов.
В серых глазах переулка –
месяц обглоданной костью.

Волны разносят слепо
песни всех обречённых.
Тихо плывёт по небу
чёрным лебедем полночь.

Дельта-блюз

Ветер в осеннем платье,
окон размытые фрески,
ночь шагнула в объятья,
тень пробежала по сердцу.

Ветви, пропахшие ливнем,
ливень, схлестнувшийся с ночью,
листья ложатся инеем,
сталью вмерзая в обочину.

Кровель неровный почерк,
неба размытая глина,
бриз фонарей, блюз ночи
в порванных струнах рябины.

Чёрная луна

В разноцветном огне листопада
тлеют нотки
осеннего джаза.
Мы пойдём по сентябрьской грязи
собирать
осколки заката.

Мы пойдём дорогой заросшей,
там где ветер,
полночный странник,
поливает ромашку солнца
золотыми слезами
и дрожью.

Мы пройдем сквозь осеннее поле,
где луна,
ледяная сваха,
усыпляет детские страхи,
отпуская сердце
на волю.

В беспроглядной осенней вьюге,

там, где полночь
лучиной тлеет,
обручится душа с мгновеньем,
повенчается сердце
с разлукой.

Искра

*Поэтому ночь да не вся будет у тебя собственным и
исключительным уделом сна...*

Святитель Василий Великий

Ночь плывёт
по волнам тополей.
За бортом - осень.
Промозглый хмель
оседает
в пространство комнаты.
Полная чаша
полной луны
сквозь дым листопада
и фрески фасадов
льёт раскалённое олово
на голые
серые стены.
И мы дышим
тоской
осеннего сада,
где илистый ветер
тянет на дно,
где дыхание,
как лёгкий туман,
где смог фонаря,
как цветок
в пустыне.
Ныне и присно
сквозь иней
взгляда,
только одно -
огонь в камине,
и винный отблеск
в рябиновой кисти
заката...

Тень раскинутых крыльев

Дрожало солнце мотыльком
в осенней паутине
и пряталось за холм
карминовой зари.
Целуя ветер,

дождь, туман и пыль
вверх падали
серебряные липы.
Летучей мышью
прошуршав,
листва над головой,
под сдавленные всхлипы
облаков,
день провожала
и дарила шёпот.
Ночь подбирала краски
для печали;
щербатой наготой
искрилась вдоль дороги
её натурщица –
луна.
И та, что покидает нас
во время сна и смерти,
летела без оглядки
на огонь
сквозь тлеющий рассвет
погасших окон.

Шесть строк

Солнце зашло за облако,
будто небо прикрыло
ладонями рану.
Из листопада соткана
тень пожелтевшего сада,
как и моя тень.
Шесть строк на песке
написал ветер,
шесть строк прочитал
северный дождь,
пока ждал мою тень
в осеннем саду.

Первый снег

Словно речные волны
сонно шептали липы,
сердце встречало холод,
в грудь барабаня хрипом.

Ветви дрожали альтам
и рассыпались эхом,
с неба цвета асфальта
падал осенний снег.

Сквозь беспроглядное поле,
серую грязь и глину
снег наступал на горло
мягкой походкой лавиной,

сквозь опьянённый воздух
рвал облаков бумагу,
и превращался в слёзы,
тая промозглой влагой.

Разлука

Ветер
с лицом невидимки
освещает дорогу
печалью.
Кровь твоих поцелуев,
октябрь,
на моих щеках,
словно остывшая музыка
в серебристых ветвях
тумана.
Пепел листвы
обжигает сердце,
в которое
не достучаться,
если имя
нежданного гостя
не дождь,
что седой пустотой
прикрывает рану
в груди,
и дарит разлуку,
как долгожданный покой.

Близость

Будто сама нежность
заговорила
на языке ночи,
боясь спугнуть
прохладным дыханием
лёгкость осенних листьев.
Легче дыма
сухие кисти ветвей,
легче пепла
вечерний ветер.
Сохрани в своём сердце
жемчуг погасшего дня,
и возвращайся ко мне,

когда вечер зажжёт
первые капли воды
в отблесках
заходящего солнца.

Лилия полночи

I

Огонь погас.
Молчащий сад
укрылся чёрной тенью.
Как лилия
на зеркале воды
туманная луна
нашла приют
в твоём полночном взгляде,
где отголоски звёзд
сливаются
с безмолвием дороги.
Огонь погас
и рядом,
только он,
осенний воздух
плачущих аллей,
зовущий дождь
и падающий в грязь.

II

В глазах твоих
ожил туман луны,
и ночь смиренно
колыбель её качала.
Сквозь фрески тополей
серебряная мгла
тянулась саваном
осенней тишины,
и листья таяли
под сенью полумрака.
Осенних слёз
глаза твои просили,
и шелест винных листьев
вторил им,
вбирая гул
заброшенного сада.
И падала в ладони
нить огня,
и тихо гасли
искры листопада.

Ш

Ты раскроешь книгу дождя
в переплёте осеннего неба,
с пожелтевших страниц осенних
донесётся эхо разлуки,
и услышав далёкий голос,
ледяной, как ветер,
ты снова
обретёшь одиночество ночи
и прохладный шёпот свечи.

Метель

Прокричала метель за окном,
будто в дом постучался огонь,
чище света озёрных волн,
чище шёпота горных вершин.
Сквозь туманную белую степь
будет ночь тебе долгая петь,
будет иней играть на стекле,
словно звёзды над горной грядой.
Обогрей, обогрей, обогрей
под багровым теплом фонарей
своё сердце, слепое, как дым,
потерявшее счёт своих дней.
Отпусти, отпусти, отпусти,
сквозь мелодию белой тоски,
день вчерашний – пыль и песок,
его имя отныне, лишь весть.
Будто искра зари, будто сон,
станет тенью метель за окном,
обнажая мерцание звёзд,
как застывший сельский погост...

Белая магия

Тёплый снег
обрамляет
полдень.
В бледно-серых лучах декабря,
под кровлей
свинцового неба,
затаился
плачущий призрак метели.
Опустевший двор
вдохнул с облегченьем.
Ветер скользнул
по ржавым качелям,
будто скрипнула дверь

в прихожей
после долгой
бессонной ночи,
скованной льдом
ожидания.
Белая магия
серебристых ветвей
разбавляет
тусклый
оттиск дороги.
Одинокое соло
взгляда
теряется
в импровизации улиц,
словно в заснеженном поле,
хранящем подкову
зимнего солнца.

В полушаге

Тает золотом горизонт.
До причала последний шаг
по окрепшему льду декабря.
У причала живёт печаль,
словно чёрную песню поёт
одинокое сердце воды.
У причала душа, как лёд,
и серебряный холод звёзд,
разбиваясь осколками волн,
тихо гаснет в его глазах,
словно шепчет снежная пыль
над седой головой декабря.
У причала душа, как тень,
и с последним дыханием дня,
лишь она будет помнить тебя
на остывшем берегу дня,
под свинцовым блеском луны,
где свернулась волчицей ночь,
истекая кровью зимы.

Дар

Закат пожирает день.
Сумрак ложится
тенью стервятника.
Мерцающий след
белоснежной бабочки
фонаря
теряется в пламени ночи.
Я иду на ощупь

сквозь чёрную ласку
твоих глаз.

Между нами –
лишь гаснущий голос тьмы,
словно тихий всплеск
сонной воды в камышах.
Посмотри, как легко умирает
моё сердце
под звуки зимнего ветра,
превращаясь
в дрожащую тень
ракиты.

Тающий шар луны
благословляет холод
над белой лентой дороги.
Это путь в никуда,
приносящий надежду,
под тяжестью звёзд
декабря.

Ореол

Под сонным блеском
зимнего огня
стонала вьюга,
будто билось сердце
поверженного льва,
и над рубцом луны
вдыхала полночь,
вторя сотням мудрецов.
Холодной тьмой,
как материнской лаской,
укрыло небо
колыбель твою и боль.
Под африканской маской
ночи
вечный страх
тебе дарил дыхание и жизнь.
И слёзы таяли
на простыне дороги.
И кто-то там,
смотрящий сверху вниз,
поглаживая ветер, улыбался.

Шёпот

Эти стены будут хранить
звуки дождя,

словно голос ангела,
вмёрзший инеем
в холод камня.

Эти стены -
всё, что было,
и всё, что будет моим
через тысячи дней ожидания
под растопленным воском
полдня.

Эти стены –
моё сердце,
плачущее
на закате зимы,
словно весенний снег
на обочине,
словно безмолвие
сорванного цветка.

Пепел

Я тем живей, чем длительней в огне.

Микеланджело.

Пепел полночи.
Полночь в глазах.
Поговори со мной,
поговори.
За окнами снег
и бирюза
фонарного света.
Дыханье
в груди –
как окрик ворона
серой вьюги,
вцепившегося
в паутину ветвей.
Сквозь маски фасадов –
сердца гул,
словно
навязчивый
шум дверей.
В который раз
вчерашня свежесть
отдаст вином
заспанных глаз.
Одиночество
или нежность,
уже не важно,
в который раз.

Переливы

Январь.
Рождественский воздух
свеж, как иней,
и чист, как ребёнок.
Падает снег на ладонь,
будто бы
уронила слезу роза
и умерла
от нежности линий.

Улыбнулся туманный месяц.
Время побыть одному,
высекая
искры безмолвия
из каменных глаз
полночи.
Тающий блеск звезды,
словно тающий
снег на ладони.

Безмятежность

В спящем призраке зимней ночи,
под туманной медью луны,
осветившей свинцовую рощу
бледных звёзд, остывают следы

беспокойного дерзкого сердца,
тьма бросает ладонь на плечо,
снежный сон разливается блеском,
догорая тусклой свечой.

В спящем призраке зимней ночи,
где дыхание вьюги дрожит,
жизнь становится, словно прочерк
в послесловии тихом души.

Роза льда

Январский иней
искрится
под белым солнцем
стального неба.
Сквозь стену снега
мерцает узором
арабская вязь
стеклянных ветвей.

Из пепла рассвета
рождается
ветреный день.
Холод
розой льда
падает в ноги.
Вчерашняя ночь,
пригревшись в сердце,
уже не вернётся
туда,
где лёд
у края дороги
горит перламутром.
Утро,
расправив плечи
лилового
горизонта,
оплачет след невидимки,
и в мутной воде неба
утонет шёпот
снежной аллеи,
где ты
опять
один на один...

Предисловие к зимней ночи

Вечерний огонь вливается в сердце.
Закат нависает кузнечным молотом.
В двери стучится протяжный холод,
будто смирения зимний вестник.

Вечер отшельником в келье замёрзшей
перебирает фонарные чётки.
Ржавь горизонта, брякнув защёлкой,
день среди сотни теней подытожит.

Зимние звёзды, расставив все точки
над угловатыми тёмными кровлями,
падают в снег, словно в солому,
и разжигают дыхание ночи.

Под февральским небом

Тень заката
преследует поступь рассвета.
В запотевшем окне –
чёрно-белое бездорожье.
Эхо весны
гудит

за тысячу километров,
пока зимний дождь
растворяется
в сонных глазах кошки.

Мокрым снегом
ветер
стреляет в спину,
будто подталкивая
к краю незримой пропасти.
В полумраке взгляда –
облачная трясина,
и расплывшийся воск
от огарка
февральского солнца.

Самое время
вспомнить печаль,
родную сестру счастья,
ожидая смирения,
словно приметы холода,
пока обочины тянутся
абстракцией
серых клякс,
и под листьями неба
дрожит паутина города.

Лунный свет

Твои волосы пахли полночным ветром,
твои губы искали вечерней прохлады,
и закат, опуская янтарные ветви,
укрывал тебя тенью горящего сада.

И ладони, вбирая безбрежную полночь,
пробегали огнём по листве занавесок.
Среди блеска зеркал, как несметных сокровищ,
ты искала лишь тихого лунного блеска.

Призрак дождя

Тает последний снег.
Призрак дождя на стекле –
с его промокших губ
ночь собирает росу.
Ночь встречает тебя,
словно родную дочь.
Холод серебряных струн
в пальцах твоих зажат.
Дальний огонь чьих-то глаз

тихо тебя зовёт –
это цветок свечи,
капля зари в душе.
Вместе с тенью зимы
ветер уснёт во мгле.
С твоих озябших рук
нежно опустится март.

Шелест

Ты тишину терпением украсишь,
и зимний свет уйдёт корнями в вечер.
Тень растворится одиночеством. Теряй,
теряй себя – в оттенках больше смысла.
Ресницы звёзд благословят слезу.
Сквозь ледяную паутину января
пропустит месяц шёлковую нить,
и преклонят колени фонари.
Во всю околицу вскричит ночное небо,
где пустота, вмещающая пустоту,
покорно принимает тяжесть глаз;
и сквозь коринфские колонны старых сосен –
лишь пробужденье льда, лишь тонкий дым
дыханья на снегу – дар вечности во мраке.
Ночь вдаль скользнёт, цепляя сон могил
у чёрного оврага горизонта,
где беззащитна плоть и благодатно сердце,
как шелест птиц за пеплом облаков.

Утро

Утро. Задумчивым светом
переливаются волны снега.
Грустно шепчутся вслед,
о недоступности лета,
январские окна,
выпадая в осадок рассвета.
Ветер горит на щеках.
Кромка льда на губах
застывает улыбкой.
Солнца улитка,
в час по чайной ложке,
дрожит на лепестке облака.
Смотрю на стекло
и вижу узор
собственной замёрзшей ладони.
Судьба – такая условность,
когда взгляд распускается
снежным цветком
белого поля,

и сонно
тянется вдоль
мягких кровель сугробов.
Всё ближе и ближе
учащённое сердцебиение;
наверное –
оттепель сердца;
наверное –
ветер, тревожащий тени ветвей
на краю январского света;
наверное –
последнее слово
на языке абсолютного холода.
Испарина фонарей
ложится на зеркало снега,
как на пустой холст.
Всё ближе и ближе ставни
остывшего неба –
чтобы видеть больше,
чем есть на ладони,
чтобы молиться инеем глаз
на хрупкость реки,
обёрнутой в саван морозного воздуха,
и преломлять чёрствый хлеб
тонкого льда под ногами...

След

Слух пополняет библиотеку шумов, проплывая над
зимним городом, облаком налегке, местами слега простывшим;
и случайно выловленный из толпы взгляд,
случайный, как порыв ветра,
вдруг напоминает о музыке летних крыш;
и это мгновение – такая же загадка,
как сотворение мира,
когда что-то входит в тебя безвозвратно,
а после молится замёрзшими пальцами у камина
собственному воображению,
выкроенному по образу и подобию
мерцающий тени свечи у окна.

А поблизости – чёрный огонь занавесок,
свято не выходящий за рамки молчания;
и рядом –
почти никого, кроме права дыханья
и права любви
наедине.

А метель всё подбрасывает белые письма,
без обратного адреса, в почтовые ящики; и сквозняк в прихожей,
словно осенние листья,

скрывает наспех следы случайных прохожих;
и тающий лёд в стакане
отражается нежностью беглого взгляда вниз
по течению фонарей, словно дышит над ухом полночная дрожь
ветвей, склонившихся падающей звездой весны.

Вдаль

*Тишина, ты – лучшее
Из всего, что слышал.
Борис Пастернак*

Подышать тишиной листопада
на задворках города,
на ощупь пробуя тонкий лёд –
приглашали глаза, цвета дождя.
Седые облака,
с упорством старика,
прощанию учили,
слова безмолвно подбирая,
и пеплом покрывая блеск волос.
Надежда грела
сквозь туман окна –
как будто всё, как прежде – но не верь.
Всё сбудется на завтра – но не здесь –
сулило сердце
сквозь дымок кофейный.
И просветлённым одиночеством аллея
в осенней полумгле горела
душа настольной лампы –
словно чей-то крест.

Ветер губ

Кожа, сбросившая июльский загар, ищет грубой ласки в плену трикотажа.
Зимнее солнце, облокотившись о липы, стряхивает с себя новогоднюю пыль.
Настольная лампа вслушивается в шорох изжитых слов на мятой бумажке,
где осколком нежности лучик света скользнул и чернильной кляксой застыл.

Подтаявший городской снег похож на старый пергамент из овечьей шкуры.
Геометрия улиц упирается в тишину долгостроев, как в бёдра карнакских колонн.
Когда находишь только себя, в пустой комнате, судорожно рисуя каплю воды на лепестке лотоса – это, быть может, он –

крик души, прикоснувшейся к стеклу обещанием – больше ни звука,
набирающей в поисковой строке горизонта – ночь, холод, луна;
это, может быть, ветер губ, шепчущих что-то про дом, словно про дым разлуки;
или просто сон, сон наяву в ожидании сна.

Зона молчания

Таёт солнце, как кубик льда на ладони,
по февральской дороге летит белый звон;
ветер в колокол бьёт, камнем падая в поле,
и к проспектам холодным спеша на поклон.
Тишина оглушительна, тьма – ей созвучна,
словно ветви поддело обломком струны;
ветер кистью взмахнёт, разнесёт слепой случай
по развилкам игральные кости зимы.
Таёт солнце, и тают слова в одночасье,
на скупых занавесках – следы от когтей,
это ночь скользит в дом, будто нож по запястью,
прикрывая ресницы глухих фонарей.
И под чёрной золой гробового молчания
тянет к сердцу ладонь – лёгкий отблеск весны,
обменявшись теплом, как кольцом обручальным,
с этим тающим солнцем, как с горсткой золы.

Оттенки

Слышишь –
птицы слетаются
на голос медной капли.
Чувствуешь – дым на сетчатке,
слабость сонной воды на плечах –
это губы рассвета пропели

аллилуйю,
пробуя тёплое утро на вкус;
и теперь, возможно,
тебе нужно гораздо больше,
чем видят глаза,
чем вдыхает бледная кожа,

когда набухают почки,
когда просыпаются облака;
ведь скоро придёт весна, чтобы
спросить тебя, в самое сердце,
о хищной химере надежды
в складках прозрачного воздуха –

и ты должен раскрыть ей пустую ладонь,
согревшую талый снег,
и подарить, с первым проблеском дня,
своё одиночество,
всегда возвращающееся
холодной приметой дождя,

приласкавшего чёрный лёд
мартовских тротуаров.
И где-то вдали,

где ложится на камни сердце,
рассекая зелёные волны безмолвия,
будут слетаться птицы, к твоим молитвам,
как к звукам воды.

Песня

Последний день зимы –
свинцовый шлейф земли,
шлак снега на обочине,
тень тишины на площади,
красный муар зари...
И в сердце неразумном,
и в сердце окаянном –
посеребрённый иней,
а, значит – и надежда,
и чёрных глаз пустыня,
и ледяная нежность
безлюдных полустанков,
и горизонта блеск
с окалиной рассвета...
Обрывком шестиструнным
скользнув по проводам,
последний окрик ветра,
подмешивая ладан
в горящие угли,
весну пообещает,
словно благую весть.
Свет облака, лаская
аллей перспективу,
на кровли опуская
оттаявшие крылья,
замолвит своё слово,
за тех, кто умолчал
в людском бездонном море.
И всё начнётся снова,
до боли непрестанно,
как старая любовь –
и полночь глаз, и кома
горячих поцелуев,
и шёпот губ замёрзших
на фоне дальних окон,
и медленная ночь.

Дыхание

Не бойся быть нежной, как тонкий апрельский лёд,
не бойся быть мягкой, подобно зимнему солнцу на склоне
дня; и пусть твои волосы гладит ночной ветерок,
с частотой мотылька, летящего на огонь.

И будто серебряная цепочка упала змейкой в ладонь –
сердце на полпути замрёт, голос на полпути растает.
Исповедь глаз, прикоснувшись душой к стеклу,
пусть не ищет тоски и боли –
больше не будет слов, обещаю.
Останется, только шелест листьев и влажная ночь,
и пропасть окна, застеклившая чёрную розу дороги,
и тень на двоих, тень просветлённого одиночества,
словно привкус крепкого кофе с толикой алкоголя.
Не бойся быть нежной, как стебель дикого винограда,
не бойся быть обездвиженной, кроткой, переходя на полутона;
пусть красный муар вечернего воздуха тебе играет
бесконечный блюз, пока ты читаешь на подоконнике у окна
Бодлера, или Верлена, а искусственный свет плафона,
роняя на хрупкие плечи складки огня,
подражает призраку неба с картин Тёрнера,
или дыханию тихоокеанского маяка.

Пауза

Закат, как цветущая вишня;
солнце, как крона спящего дерева –
это сладость вечера,
когда распускаются бело-розовые цветки табака;
это аромат нежных восточных лилий
в остывающем воздухе;
это дрожащие кончики пальцев,
словно перешёптывающиеся
колокольчики ландышей в тенистом саду,
где гиацинты прячутся от ветра ранней весны,
и с лиловых кистей сирени струится прохладный огонь;
где тёмно-синее небо успокаивает старую боль,
и луна восходит цветком южной магнолии,
оставляя за спиной цикл весенних фресок,
словно росу дыхания.
Закат. И вся жизнь –
будто один брошенный взгляд с моста
на уходящий поезд,
где маска снежного облака, отражённая в холоде луж,
расплывается призрачным одиночеством,
и беспросветные тени перил
напоминают бамбуковый лес Киото.

Голод

Когда дождь, когда ночь, когда всё не с руки,
просто выключи свет, просто-напросто стань
мягкой глиной, деревом, первой любовью,
смертной тенью, скрывающей горечь и пыль.
Когда в ветхой одежде из плоти и крови,

голубыми глазами, пасущими ветер,
соберёшь ты весь пепел осенних надгробий,
сквозь надтреснутый мрамор пробьётся душа.
Утолив поздний голод водой или хлебом,
положив на весы чистый жемчуг с камнями,
тёмно-красного неба горящий светильник
преврати в тишину, в ежедневную жертву.
Делай ход, как сомнамбула за облаками,
в этом северном царстве, лишь так бьётся сердце,
в этом северном царстве, лишь сон, лишь безумье –
твой ладан, и смирна, и твой фимиам.

Ключ

Береги
безмятежность свечи,
как зеницу ока,
пока взгляд балансирует
на нитях дождя,
и расплываются лужи
содой апрельского облака,
и кожа, как снег холодна,
и тонка, как батист.
Пусть ищут ночлег
промокшие ноги;
пусть ивы лёгких ресниц
провожают вечернее солнце;
пусть шорох уставших ладоней,
растворяясь
за полушёлковым тюлем,
прикрывает от влажного ветра
неровное пламя огарка,
словно дыханье,
словно последнюю крошку
пшеничного неба;
ведь всё,
что нужно для счастья
путешествующему налегке –
это капля крепкого кофе,
и дымок из фарфоровой пепельницы,
выводящий над подоконником
мягкую кисть персидской сирени,
словно метафору
бесконечной дороги.

Diptychos

I
глаза твои –
самоубийства грань,

свет недосказанности
сорванной слезы;
душа –
прозрачный холод стёкол
над выцветшими
скверами апреля,
где оживает пыль,
шлифуя тротуары,
и ветер зажигает фонари...

II
глаза твои –
прибоя сизый шум,
далёкий свет,
осевший на ветвях;
душа –
дождливый шёпот вешних кровель
над выцветшими
скверами апреля,
где оживает ночь,
лаская тротуары,
и обжигает свежестью норд-вест...

Фреска

Апрельский полдень тает акварелью.
Сырое небо отдаёт похмельем
и берегом речным.
Сквозь сон огня ползёт туман весенний,
с ресниц свисая, как вода с ветвей;
и вдоль аллей – лавандовые тени
под ледяное солнце фонарей
бросают якорь вязкой паутиной;
и мне тепло,
и голос мой, как глина,
и тишина – надёжней всех дверей.
С петель срывается сквозняк
берёз бумажных,
и в небе влажном
гаснет пустота.
Дыханье камня, бледный ритм пейзажа,
и сонный взгляд,
прохладный, как река –
апрельский холст расписывают маслом.
Со мной – усталость
и немного ласки
дорожной пыли
в шёпоте одежд;
во мне – молчание,
как тысяча надежд,
что отмечают горизонт проезжий;

и горьких слёз доподлинная сладость,
в пустых глазах заделавшая брешь...

Музыка

Деревьев обнажённых канделябры.
Сон фонарей плывёт в перспективу,
словно огни Святого Эльма.
Амальгама
тоски речной рихтует грязь и глину.
Арктическая радуга проспектов.
Мостов и мостовых гудящий улей.
Забьётся сердце, причастившись ветра,
как Шумана квинтет под толщей шума.

И вот – душа весны – протяжный выдох
и право на глубокое сиротство,
где музыка всегда находит выход,
качаясь вслед трамвайным отголоскам;
где чей-то шёпот, выпав из контекста,
скользнул по проводам на нежный голос,
напоминая рваный ритм фламенко,
или янтарь оттаявшего солнца.

Путешествие

Пока ты в сумерках смотришь на пояс Венеры,
я расскажу тебе о голубых пещерах Закинфа,
о песчаных дюнах Сахары и кольцеобразных затмениях,
о гейзерах Йеллоустоуна и великом коралловом рифе,
о песчаных бурях и огненной радуге,
о соляных озёрах Боливии и тосканских холмах,
о бирюзовых волнах и фьордах восточной Исландии,
о пропасти взгляда в разломах сланца, песчаника, известняка,
о синей луне и высокогорных лугах,
о водопаде Жемчужина и рисовых склонах на Филиппинах...
Пока ты смотришь на огненный дождь, неторопливо
помешивая горячий кофе, я прошепчу тебе на ухо –
как хорошо, что не надо опять собираться в дорогу,
словно мраморные пещеры Чили отражаются в твоих глазах,
словно напротив – степь, прокричавшая жаворонком,
и падающие звёзды дрожат золотистым дроком...

Душа

Хочется ветра, или чего покрепче.
Пробивают нагретый воздух
молочные почки.
Господи, Господи, Ты ли это?

Подсохнет акрил зари,
проговорится тёплое небо,
и душа неслышно
скользнёт между строчек.
Щепка взгляда выцарапает, выстрадает
свой кусок хлеба –
крошки молочные света;
и вновь серой мышкой под наволочку тела,
до поры до времени
навёрстывать одиночество.
Господи, Господи,
полно смотреть в глаза –
невыносимо ярко –
невыносимо холодно
от собственной тени.
Полдень. Вербное Воскресение.
Сине-зелёная гамма безмолвия
тянется вдоль реки.
По-соседству – душа,
одна-одинёшенька,
прогорая хворостом
по-весеннему искренне,
испокон не ведая, что творит,
искрой вспыхивает со дна взгляда.
Какая же дурочка, Господи –
алмаз чистой воды.

Вода

Просидеть всю ночь напролёт,
искушая прохладу,
слушая джаз мелководья;
просидеть всю ночь
у чаши воды,
точь-в-точь,
как вчерашний дождь,
уснувший в овраге –
это ли не исход,
в котором шелест осоки
переплетается
с медными струнами волн,
в котором тёмно-лиловое небо,
нависшее сном
над пропастью мира,
проскальзывает
суверенной нотой молчания,
и одинокое сердце
мгновенно
привязывается
к одиночеству
местности,

не замечая
собственной тени.

От запястья до кончиков пальцев

Хлопнет ветер зелёной фрамугой,
зашумит в голове вешний хмель,
чьи-то руки, на грани разлуки,
тёплый вечер проводят за дверь.
Лунный холод скользнёт над кроватью,
запирая дыханье на миг,
чьи-то руки движенье подхватят,
будто холод нуждается в них;
кинут жест беспросветно-бессрочный
в тишины погребальную степь,
чтобы, солнцем полночно-немолчным
согреваясь, опять умереть.
Дым фонарный, не пойманным вором,
окна вскроет, взгляд бросишь, а там –
опускаются руки покорно,
чтобы снова пойти по рукам
в суете городских перебежек,
полуснов, полуслов ни о чём,
проклиная и чувствуя нежность,
что окажется вешним дождём.
Притяжение окон холодных,
полутьмы погребальная тень,
чьи-то руки, дыханьем неровным,
приоткроют полночную дверь;
как щеколда, скользнёт лунный холод,
и задержит дыханье на миг,
чьи-то руки – ничьи на сегодня,
значит, кто-то нуждается в них...

Визави

Небо утреннее
аршинной ладошкой
хватает солнце за шиворот,
шумит незабудкой,
впиваясь вошью
в прохожих живую изгородь.
Луны осадок
взглядом пропойцы
на посошок красуется.
Волы фасадов
сено воздуха
жуют вдоль мозолистых улиц.
Дорожные ветки
гремят колодками

под шорох облачной извести.
В утреннем небе
нервы ни к чёрту –
видно к дождю или к измороси.
Ветви голые
тени роняют
сквозь тени прохожих беглые.
Ты сердце любое
открой, там шрамы
нежные, чёрным по белому.
И нет ничего прекрасней
ига
глаз этих дымчато-чёрных.
Снежный фаянс
облаков, словно вихрь
сердца разоблачённого.

Полотно

Тень надежды – весна, весна –
как близка прохлада твоя,
словно дождь застывает в глазах,
словно ветер врезается в смоль
лип столетних,
и змеи ручьёв
расползаются шорохом леса,
подражая звону зеркал,
набирая холод в гортань.
И все слёзы – лишь смуглая соль
облаков, уносящихся вдаль,
сквозь подвальную сырость и синь,
в поднебесье, где песен не счесть,
и где сердце сходит с ума,
подцепляя морскую болезнь.
Майский рай на земле –
нежный яд
на развилках жилистых роц –
словно ветер скользнул по щеке,
словно дождь затаился в глазах,
вместе с облаком накоротке.
От разлуки до встречи – лишь миг.
От руки до объятий – лишь взгляд.
Как идёт прохлада тебе,
как прекрасен твой хмель и твой чад,
как незрячи твои огни.

Море, увиденное издалека

Гулу морской раковины
подражает сквозняк на кухне.

В прихожей – апрельская слякоть,
на сердце – мокрый песок и галька.
Ресницы бросают якорь
в гавани апельсиновых штор.
Ночь шевелится в глазах,
прорываясь нарывом заката.

Призрак лёгкого бриза
топчется с узелком у подъезда,
преодолевая порог слышимости,
целуя тёплые весенние раны
ветвей.
Приглушённый свет фонарей
сбивает настройки дневного взгляда.
Последняя сигарета
ждёт своего часа,
пока луна
над изгородью аллеи

окольцовывает
тишину
ржавым железом.
Окна,
разбегаясь морским перламутром,
врезаются в улицы,
словно лёгкий бриз.
И покатые волны призрачного побережья,
ссутулившись над песчаной пудрой,
напоминают собственную душу,
разглядываемую сверху вниз.

Май

Игра света и тени поверх асфальта
перекликается с весенним небом,
пропитанным
ароматом сирени.
Первой ласточкой подхватываю
дрожь листвы,
и бегу без оглядки
туда,
где взгляд – словно водная лилия,
где соль облаков
осыпает береговую линию
прощальной тоской;
где игра света и тени
поверх илистого
дна
перекликается
с небом, выходящим из берегов;
где дрожь листвы

бьёт по струнам майского воздуха,
и линия горизонта
переходит в линию жизни,
под шелест неторопливых волн;
где в наползающей тени
нисходящего вечера
остаётся,
лишь
претворится безбожником,
молящимся на закат мая,
и осторожно теряя свой след
вслед ускользающему лучу солнца,
собирать в ладони
тёплый
дождь,
жемчужные капли беспечной прохлады,
как строчки,
посвящённые первой встречной...

Взгляд

Солнце, словно вытаскивает себя за волосы,
бросая лукавый прищур на тенистую мостовую –
а-ля милостыня.
Собственный взгляд застревает в черте города – в каменной кости
мостов, стен, дорог, в косогоре кровель –
оставаясь единственным по-настоящему родным и близким.

Он, точно шлюха, не терпящая простоя,
ищет обочину, цепляясь за разговор, за добрый глоток вина;
но находит, лишь дождь на карнизе собственного дома,
где оконная рама дрожит, как рука с перепоя,
будто окно пытается выброситься из окна.

Клинопись ливня штопает пыльные ранки асфальта,
на живую, въедливо;
влажная дурнота
подступает к глотке вешних улиц, просеивающих смальту
онемевших витрин и придорожных реклам.

Дождь возит челюстями по мокрому воздуху, сплёвывая
остатки прямой речи,
и расставляя всё на свои места:
взгляд, словно шлюха, не терпящая простоя,
прохладный вечер,
вокруг ни души, значит в душе – весна.

Признание

Я заглядываю в дверной глазок, словно в горлышко винной бутылки.

Я иду прогуливаться с фотоаппаратом, разгадывая светотени, затянувшие город.
Пустые улицы романтичнее пустых слов. Нежные лица, неисповедимо,
падают в шелест страниц, на которых любовь подобна хронической боли.

Я хочу быть душой пустых улиц, каплей света в дверном глазке,
чтобы, разыскивая тебя, верить в любовь, также как верю в разлуку.
Я хочу быть искренностью, не истиной в последней инстанции, нет,
а, искренностью случайного попутчика по правую или по левую руку.

Тёплый ветер путается в листве волос, выпадая из анабиоза.
Глаза, словно пускают стеклянные корни, не вылезая из окон.
Это то время, когда крик переходит на внутренний голос –
в надежде, что когда-нибудь его безмолвие станет твоим шёпотом.

Солнце тридцать второй весны – с каждым годом всё сильнее и сильнее
напоминает пакетик чая, заваренный кем-то дважды.
Это то время, когда даже глоток воды превращается в откровение –
возможно, когда-нибудь и моя жажда станет твоей жаждой.

Печаль

Кружат стрижи, уходит вдаль проспект,
над сеткой проводов тоскуют крыши,
чуть слышно шепчет на ухо рассвет,
и тени разбегаются, как мыши.

Простудой лёгкой утро окрестив,
прохлада треплет облако за локон,
безжизненный, как сон, жилой массив
впивается в рассвет глазами окон.

Всё – дважды два; всё – на один покрой;
как и должно быть: солнце, небо, тучи.
Лишь сердца шум, и пыль души, порой,
упорно не желают благозвучья.

Кружат стрижи, уходит вдаль шоссе,
аэропорт пустует по соседству –
здесь сердца шум на взлётной полосе,
давно не помнящий, где окапалось сердце.

Простуды лёгкой подмешав, восток
зайдётся облаком, как старый вяз сутулясь.
Волной прольётся нежный майский сок
в уста беззвучные из устья майских улиц.

Качнув дверьми, затасканный подъезд
швырнёт сквозняк, и смочит солнце ливень.
Вся красота прекрасна тем, что есть
в ней капля смерти, с правом на бессилье.

И скупой подбирая нужный ключ,
родник, криницу, колыбель, источник,
я полюблю опять обломки туч
над головой и тихий пепел ночи.

Я полюблю взаимную печаль,
рождение лёгких слов в предсмертной муке,
тьнь звука, сень души, табак и чай,
оставив остальное – для разлуки.

Сонет

Сиюминутная элегия заката,
словно мотив сверчка накоротке
в вечернем сумраке, где тает налегке
пыль полдня под морщинами халата.

Смоль горизонта, бледных окон фрески
хранят, как память – смертную тоску,
смак полусна, преклонную весну
под чёрной скорлупой слепого сердца.

Густые ели, лапами качая,
в святилище, с сокровищем молчанья,
откроют дверь, хлопнув глаз просвет.

Просалютуют парковые кроны
сквозь беспорядок неба невесомый,
и ночь покроет тайной, словно смерть.

Отпусти

Я смотрю на движения твоих рук,
что удерживают призрачный бриз на шёлковом поводке,
я читаю их нежность, перелистывающую страницы долгоиграющей ночи;
радиус действия твоих глаз, губ,
равен радиусу вечернего неба, воздушному поцелую, долготе
разлуки, запечатлённой в сердце,
в этом, сжимающимся под собственной тяжестью, островке одиночества.

Милая, отпусти этот призрачный бриз
с шёлкового поводка, подари эту нежность кому-то ещё,
кто будет надёжнее самой глубокой ночи, безнадежнее летней жажды;
падая, не закрывай глаза и не смотри вниз,
помни, как бьётся о берег тёплый июньский дождь,
смывая следы, входя в одну реку дважды.

Словно

Словно преклонный старец, вечер в окно стучится.
Солнце, бросая вёсла, тихо идёт ко дну.
Полночь вплетает в косы шлейф тополей серебристых,
что освещают дорогу, будто туман луну.

Словно звезда упала, в скверах вздохнула полночь.
Тени, сродни иконам, скорбно мостятся в углу.
Тают дальние окна, влага чёрная точит
камень глухого фасада, будто прибой скалу.

Словно прождав столетья, ты открываешь ставни,
ветер врывается в спальню, тяжесть срывая с ресниц,
и, как сухие листья душу твою листая,
вдруг обжигается ветер о пустоту страниц.

Словно и не было жизни, только избыток пространства
в чёрной пустыне неба и тополиный чад,
только пустая дорога, ночи анютины глазки,
залежи звёзд, шум поля и сиротливый взгляд.

Эпизод

Весна прошла – инцидент исчерпан.
Всплывает июнь, раскачав лодку солнца.
Сады, дворы, переулки лета
тают зелёной, как свечи воском.

Вдыхая пылицу дневных подмостков,
фасады ждут ночь, чтоб уйти в закулисье.
Город, изрезанный дорожными оспинами,
флиртует с облаком, плетущимся из-за...

Коротаю вечер с глазу на глаз
с воображеньем, обернувшим на практике:
закат – в билет на последний сеанс,
кофейную пенку – в рукав спиральной галактики.

Смотрю на звёзды – мороз по коже –
точка зрения многоступенчато
перетекает в теорию множеств.
Закрываю глаза – инцидент исчерпан.

Контур

Вечерний воздух
замирает,
словно
безмолвия наместник на земле,
и, лишь аллеи шевелят губами.
Ракитник изливает боль

над тишиной реки.
Упали сосны в небо
пьяным вздохом,
и вяжет рот,
на посошок,
вино.
Глухая дрожь
скатилась по предплечью.
Я помню поцелуй,
не помнящий
имён –
тот кроткий ландыш,
мак, налитый кровью,
цветок,
влюблённый в ветер –
все приметы
печали нежной,
нежности печаль.
Я разгадал его –
он справедлив по-своему,
принадлежа, лишь краскам сна,
не мне,
что изучил дословно,
слово в слово –
бессонницу
и горечь табака.

Вид

Звёзды – псы-поводыри –
тащат ночь через запруду
серой завали луны.
На балконе – пыль июня,
белый призрак простыни,
лип душистых амплитуда,
полумёртвые огни...
Ночь, цыганкой полногрудой
рассмеявшись меж аллея,
заговаривает зубы
тарабарщиной ветвей.
Сквозь дымок мышино-лунный
сном повеет шум травы.
За стеной острог июня –
от сумы и от тюрьмы...
Чёрный сад, фасад лоскутный,
тротуара сонный след.
Кости ставней гложет скука,
обрастает тьмой скелет.
Нежных слов пустые звуки.
Тишины девятый вал.
Подставляй скорее руки –

звёзды – чёрт бы их подрал...

Ночь

Всплывали облака – кто в лес, кто по дрова.
Июньская свеча коптила стёкла лета.
Бледнел дугой закат, кружилась голова.
Я провожал тебя, как провожают реку.

Склоняли спины фонари, мерцал в ручьях листвы
горячий ветер. Сердце притаилось
под тенью крыш, прогретых солнцем, и
ты обернулась – тихо солнце скрылось.

Я видел ночь, упавшую слезой,
усталость глаз, блеск губ с прохладой сочной.
Я чувствовал пустыни чёрный зной.
Я след терял твой. Я любил на ощупь.

Была со мной ты, и была моей.
Но кто бы знал – лишь ночь одна расскажет.
И в мгlistую прихожую аллея
вонзали звёзды свет замочных скважин.

Буколика

В игольное ушко зрачка вдевает нитку солнце.
Из-под туманного плаща косится лунный серп.
Унылый шум берёз скользит, отбрасывая проседь.
Перебивая слёзно ночь, росой звенит рассвет.
Вбирая форму пустоты, смотрясь, как щёголь, в воду,
подобие своей тоски в глазах реки застав,
телегу катят облака к оврагу горизонта,
благословляя лязг дождя и пустозвонство трав.
На сотню вёрст – лишь двадцать грамм души и влага неба,
где пьют прохладную волну ракушки сонных век,
и сердце, словно на износ, качая кровь рассвета,
лениво нянчит слёзы ив над вязким илом рек.

Сказка

Присев на краешек дивана,
жизнь отмотав до точки ноль,
она всё верит непрерывно,
как мазохист, влюблённый в боль,

в пролог любви – химеру принца,
и в святость слов, и в нежный плен,
впуская ночь, считая риски

на бугорках бескровных вен.

Сливаясь с пледом тёмно-синим,
вбирая приглушённый свет,
она мечтает от бессилья,
и представляет свою смерть.

А утром, сбросив груз желаний,
ночь обратив в кофейный дым,
она становится желанной,
и улыбается другим.

Оптика

Белый шум облаков над песком. Высыхающий пруд.
Предвкушение дождя заполняет пространство. Лес катит под горку.
Монотонно дорога ползёт. Замыкается круг.
Лучший кадр – как призрак, как в стоге сена иголка.

Я сажусь на ступеньки земли, разбавляя травы пустоту.
Чёрной тучей ныряет небо в зеркальную лужу.
Горизонт тяжелеет, жар полдня уснул на посту.
Я смотрю в объектив – объектив тишиной перегружен.

В первой капле дождя отражается мокрых волос
металлический блеск и полночных фонариков влага.
Сухо щёлкнет затвор, как в пространство вколоченный гвоздь.
Лучший кадр – как призрак – всегда остаётся за кадром.

Арабеска

Вечер.
Превозмогают тень фонари.
Превращаются в зал ожидания окна.
Ты открываешь дверь, закат запирает день.
Ветер поёт вдалеке –
сквозняк попадает в ноты.
Вечер очень к лицу тебе.

Простые истины –
кофе, постель, сигареты, свеча –
как обрывки сельских пейзажей
с их тоскливой искренностью.
Прикосновения – они всегда немного горчат –
это лучшие стихи,
которые никогда не будут написаны.

У вселенной нет центра,
так почему бы ему не быть
сегодня твоим сердцем –

навяло, пока солнце, чопорно,
по-английски,
скрывалось за горизонтом глаз, и нить
повествования терялась
в первой капельке пота.

Ремарка

Субботнее утро.
Окна подёрнуты ряской штор.
Взгляд безучастно липнет к обоям.
Каждый шорох вторит –
ещё рано.
Провожу горячей рукой
по затылку,
будто восход солнца ласкает
седую пену волос
на голове океана.
На дне бокала –
мутная влага
вчерашнего дня,
где
между двух огней её глаз
я загадал желание,
что, естественно,
кануло в лету.
Враждебно скалится утро –
возлюби врага
своего.
В поле зрения
прозябают бессрочно
два вида счастья –
“когда-то” и “где-то”.

Пока тени бредут на запад

Июнь в зените.
Горизонт скрывает
отчаяние
последней строчки
письма.
Волны
плачутся
в жилетку песка,
облокотившись о берег.
Подставляю
вторую щёку
пощёчине ветра.
Рассвет,
как пустой вокзал.

Небо выходит из берегов,
раскрываясь китайским веером.
Шелест воздуха
над медленным морем
проникает
в сонную плоть.
В первых лучах –
душа,
как одиночество
на лодочной пристани.
Солнце –
капля запёкшейся крови –
жаждой стянуло рот.
Блики танцуют
падающим
дождём.
Дождь –
это самое близкое.

Судьба

Ты сбрасываешь
тяжесть полдня с плеч,
ты обретаешь признаки тени.
Я молюсь на твою наготу,
закрывая глаза, забывая сказать – прощай.
Первые звёзды,
оставившие
миллиард световых лет за дверью,
застают –
тусклый плафон на кухне и остывающий чай.

И мы будто скользим с тобой
вдоль вечной осенней аллеи,
тревожа сухую листву,
отмечая каждый малозначительный штрих,
из пункта А в пункт Б,
две городские тени,
предпочитающие молчание
всему вышесказанному до них.

Ракушка

Всё, что я помню,
открывая глаза –
как метель падала вниз
в вечерние сумерки,
превращая холод
в ароматный нектар Диониса.

Всё, что я знаю –
это раскаяние за закрытой дверью;
стройная тень нисходящего вечера;
вспышка светильника,
осветившая скудные стены;
ночь, проскользнувшая облаком;
и призрачный шум прибоя
в спирали ракушки
на подоконнике.

Прибой обретает подобие слов,
и поджигает свечи
береговых посёлков.
Тёплое небо августа
обрастает звёздами.
За линией горизонта
спящего города –
всё, что я помню,
всё, что я знаю –
стало тобой...

Каждый

Когда город умолкнет, и
рембрандтовский свет подытожит
прошедший день,
чтобы тебя слышали, говори тихо,
тихо, как только можно.
На листве, на ветвях, на коре
полупьяных стволов испарятся
отпечатки пальцев летнего солнца.
Паства дорожных теней
украшит общину ночи. Поздно бояться
чернеющей пустоты – она уже смотрит внутрь. Звёзды,
как пыль под ногами; ноги, как вата. Поверь,
нет ничего приятнее,
чем уйти от всего того, что было тобой,
когда город рухнет во мрак глубокой луны. И даже
то, что когда-то
считалось именем собственным, превратится в пыль
под ногами, чтобы услышал каждый
за тысячу миль
биение твоего сердца,
жаждущего прощения,
умирающего от жажды...

Мотив

Вот он я, твой ряженный-суженый,
плюй мне в мою незрячую душу

своим горячим, как степь, поцелуем,
я подыграю июльским смехом.
Утро, выкатив око наружу,
опохмелится грязной речушкой,
запахом липы с кожи повеет,
ветви её – обнажённые нервы.

Слышишь, как бьётся, не отпуская,
словно похмелье в разгар воскресенья,
сердце на тлеющих углях июля.
Солнце, трава и прочая ересь
млеют. Ты крикнешь мне нежно – тот самый;
я посмотрю тебе вслед, как в последний...
Тусклая ива заплачет, как дура,
грязи речной присягая на верность.

Вот он я, твой праведно-грешный,
сорванный полдень с ветки Эдема,
вылепленный из земли и из камня,
к стенам приросший тоской изумрудной.
Солнце, листая траву побережья,
в скобки возьмёт обнажённое тело,
с губ твоих капнет толика яда,
я подыграю на лютне июля.

Ля

Закат, цвета бордоского вина
вперемешку с лондонской грязью –
как особое приглашение
на балкон, за арлекиновые занавески,
где, покидая тёплые меха тела,
твоё дыхание
упирается шёпотом в ноту “ля”,
в ляг тормозов по ту сторону дня.
Побочным эффектом вдоха-выдоха
можно считать смело
рождение слов –
произнося их,
ты становишься
менее осязаемой для меня.

Орлецовая даль
отдаёт слегка алкоголем,
таким же крепким,
как сон на пляже
у красной ковровой дорожки прибоа,
где награждают
щепоткой соли и цинковой пеной.
Запах вечера – мак и мята.
Западный ветер в пастельных набросках

и паутинка в углу балкона
воспроизводят
аргентинское танго –
то, что уже никогда не вернётся,
если не станет твоей тенью.

Кайма

Я должен выжить себе глаза изображением, чтобы видеть.
Жан-Люк Годар

В дебрях непроходимых августа,
один на один,
мне –
разоблачать глубокую полночь,
перебирая, на манер волхвов,
допотопные звёзды, в поисках той, единственной,
нависающей пьяным компасом
над колыбелью
улиц, дорог, домов.
Отсутствие привычки оглядываться назад –
как обезболивающее,
как первый шаг
в одиночество придорожных вокзалов,
где ветка рябины с капелькой перламутровой крови
вслушивается в голос,
похожий на
двенадцатиструнный голос дождя.
Скрывшись за горизонтом,
отряхнувшись от пыли и грязи,
в глубокой коме
воспоминаний, неприкаянный,
забытый всеми и вся,
мне одно –
любить эту невесомость,
приоткрывая глубокую полночь
с миллионами
фонарей,
как приоткрывают глаза, на краю моста.

Благословение

Город с грохотом
опрокидывает на голову
вечерний бронзовый колокол.
Ледяная капля луны,
как одинокий
цветок подснежника.
С прилежностью чайки
нарезая абрисы отражений
в супрематических стёклах,

дымящихся чаем,
прорастающих зёрнами кофе,
прихватив серебряный лук
с золотыми стрелами,
держи за душой
не больше двух слов на прощанье,
и покидай свои Дельфы.
Искра близости
предполагает
время разлуки.
Будь кротким, как свет на камнях,
как тысячи воплощений Будды,
как чистый звук,
лишённый примеси смысла.
Твои глаза
уже пахнут хмелем –
обнажённые и безответные,
словно письма Богу,
пылящиеся
миллионными тиражами
на книжных полках
безвременья.

Кардиограмма

Катится с плахи вечернее солнце.
Плачет палач.
Свесился месяц над ветхим погостом.
Льёт молоко.
Мимо плетутся сухие берёзы.
Сдержанный плач.
Капает с лампы промозглая осень.
В сердце – потоп.

Отзвуки полдня запомнит душа.
Память, как медь.
Берег песчаный, лёгкая шаль
тяжести волн.
Белые цепи созвездий прижали
чёрный рассвет.
Вниз по течению лунный ландшафт.
В лодке – Харон.

Зыбь облаков взвешенной скорбью –
мой потолок.
Воздух пещерный, стены, обои.
На полке – Платон.
Воск на подсвечнике, ночь под рукой.
Жизнь, как ожог.
Чёрного неба вечный огонь
и вечный покой.

Клинопись

Тысячелицкий город.
Перебирает лапками по песку
муравьишко.
Кошка сонно пригрелась
на подоконнике –
старая добрая
квинтэссенция нежности.
Чистое небо.
Открытая рана солнца.
Ветер гуляет в осеннем пальто.
Ищи-свищи.
Время, как наслаждение неизбежностью.

Промозглый осенний ветер
с крыш,
точно синица в руке.
Сердце –
выстукивает ритм этажом ниже.
Тень мудреца
падает параллельно реке,
чтобы слышать
перебирающего лапками по песку
муравьишку.

Боль – проговори и забудь
навсегда.
Любовь – последний абзац
августовской вседозволенности.
Умирая, думай о красоте –
философия
сорванного листка
старого клёна,
рисующего иероглиф
в осенней мороси.

Плеяда

Всепроникающая,
как реликтовое излучение,
лирика твоих глаз,
цитадель твоих слёз –
вот истина,
всегда на шаг
опережающая мысль и смысл.
Всё, что нам надо –
так далеко, и так близко,
в самих нас,

в сердце,
в поисках первых лучей солнца,
сочетающих готику
с ренессансной живописью.

Сто один вид моря
в нашем фотоальбоме,
как один мимолётный пейзаж
на двоих.
По прошествии завтра,
снова наступит сегодня.
Все роли исчерпаны,
а, значит,
мы уже можем,
что-то сказать друг другу,
друг другу, не для других,
тропинками губ,
остерегаясь, словно огня,
собственной безупречности.

Есть бледный свет, есть красное вино

Есть бледный свет, есть красное вино,
и тяга звёзд, неизлечимая, как пьянство.
Есть дар листвы, травы прохладный сон –
координаты летнего пространства.

Вплети в узор ладони нить дождя
и паутинку клёнов остролистных.
Луна, печаль на лезвии ножа
на хлеб намажет ржавого карниза.

Вселенной боль похожа на твою,
лишь только тем, что любишь ты прогулки
под небом полночи, под баюшки-баю
фонарной челяди в безлюдном переулке –

где залежь туч, как бесконечный сон,
и диск луны, как тень посмертной маски,
и бледный свет, и красное вино
в координатах летнего пространства.

Перемотка

Сквозь тишину заката, впадающего в реку,
вытягивая ноты густого ивняка,
я вспомню что-то нежное, как молоко, как пепел,
как водянистость неба, как матери рука.

Я вспомню наслажденье, без примеси раскаянья,

букварь аллей осенних, и музыку души,
в ней – маслянистых лужиц прохладное мерцанье,
и грязно-серых улиц пустые стеллажи,

в ней – ветер поит яблони и остывает чаем,
и пылью азиатской разносит осень грусть,
и в чёрном сердце ночи, полярным днём причалив,
луна подъездной лампочки наигрывает блюз.

Я вспомню что-то нежное, как сон, как снег, как запах
черёмухи дворовой, как бабушки шитьё,
под тишиной заката, оплавившего запад,
перебирая струны, той, что возьмёт своё.

Паутина

Закрытых глаз
туманные страницы,
словно душа полночного вокзала.
Туман –
и сердце
на полслова откровенней.
Сентябрь хранит свои пейзажи,
как связки старых
пожелтевших писем,
и льют полынь дожди.
Размеренно вода
стекает по стеклу.
Есть только знаки, признаки, приметы.
Ореховые волосы твои,
как паутина ветерка.
Зари гвоздика на гвозде в прихожей.
В трёхтомнике травы
закладкой
серый дождь.
Сырой листвой обдаст прилив осенний,
как будто Арктика проснулась ото льда.
И руки сдирижируют –
“до скорой”.
И волосы твои, как рожь,
как шум воды,
как ветер,
как дурман...

Бай

Август метёт теплом.
Сонная слабость лета.
Солнце за облаком –
мёд с молоком.

На километры
звонят гладиолусы,
астры и георгины.
На голос реки
слетаются плачем ивы.
Червлённая тушь восхода
мараает бумагу неба –
ни дня без строчки.
Влагой
слёз
мы расточаем друг друга.
Последняя слабость лета.
Пыльный трилистник,
тронутый Богом,
колышется вслед.
Преданием устным
шепчет на ухо
осень.
Постой,
не спеши,
присядь на дорожку,
слушая ветер
в прихожей,
как бархатный проигрыш моря
после дождя,
как Миссисипи-блюз...

Предвкушение

Всепроникающей печалью
разносит осень
голоса гнилой листвы –
от сердца к сердцу,
от мгновения к мгновенью.
На стыке неба и земли –
одно лишь место для меня,
одна душа,
одно благословенье;

там каплей небо
накрывает серый пруд,
и направляет шаг дождя
по склону ветра,
там тень заката,
замешавшись в листопаде,
зияет, будто нагота ветвей,
там нежное изгнание из рая
в ветхозаветный

белый край,
в тоску прелюдий,

где вечный сон,
холодный, беспристрастный,
и бродит взгляд по небу
новолунья,
и ищет звёзды взгляд,
словно дикарь – огонь.

Сто один вид моря

I
Вечерний поезд.
На лилово-матовых стёклах
пятнадцатого вагона –
одноэтажные домики,
прорастающие
кипарисами,
огненно-розовый горизонт,
приглушенный зной облаков
и ростовские звёзды
на сон грядущий...

II
Море в полдень.
Песчаное дно играет на солнце
всеми цветами неба.
Прозрачные волны
сбиваются в пену.
Изумрудные миражи
раскалённого пляжа,
и горячего ветра
ласкают
сухую траву души...

III
Пой, пой вечернее небо
тысячами огней,
тысячами влюблённых глаз,
тысячами лун и солнц.
Бархат берега
переходит
в бархатный бриз.
Ночь на Бугазской косе,
словно россыпь
жемчуга...

IV
Море шепнуло синеющей дымкой
по встречной.
Утренним соком
вспрыснул рассвет.
Жажда –

в крови,
в сердце,
в глазах,
в траве полевой.
Пыльная степь
наших желаний
тает в зелёном прибое...

V
Темнота выжигает глаза.
Свинцово-чёрные волны
выбрасывают на берег
ночь.
Сердце,
укрытое
тяжестью
осеннего моря,
тает вдали.
Звёздный дождь
течёт за холмы,
словно дорога к дому,
потерянная в песках...

VI
Сто один вид моря
в фотоальбоме
августа,
цепляющегося
за соломинку лета.
Упавшее яблоко красного солнца
в ладонях южного неба.
Холодное золото звёзд,
словно молитва отшельника.
Вода переходит в небо,
душа разжигает огонь
на сумрачном склоне
ночи...

VII
Вкус вина на губах.
Вдалеке зажигают костры.
Тишину ласкает
шаль
чёрной
волны.
Шаг за шагом
близость
твоих рук.
Мы одни
под дикой луной
побережья.
Шаг за шагом

нежнее ночь...

VIII

Утро, разбавленное
полночным хмелем.
Сиренево-розовый холод рассвета
ложится на плечи холмов.
Я нахожу тебя
остывающим взглядом
в дверях угасающей ночи,
спящую,
как младенец сентябрь.

Трилистник

I

Любовь –
это привезти назад
душу моря,
а после сидеть у окна,
и смотреть,
как седеет листва.

II

Надежда –
это скользнуть
прохладной слезой
к подножью горы
и растопить
горячий песок.

III

Сердце –
это то,
что теряешь,
когда находишь
другое сердце,
умеющее
нежно молчать
на краю гибели.

Осенняя ночь

Луны осенней абажур
подсветит ночь, и ночь ответит
сквозь мёртвых улиц бледный шум
и фонарей глухих соцветья.

Там будет ветер, листопад,
шлейф перелётных птиц, осколки

сырого неба, жёлтый сад,
треск сквозняков, дождей массовой;

там будут крыши, будет там
шуршанье придорожной тени.
Молись, молись, где старый храм,
пустой от нежности осенней.

Молись, молись, где старый храм,
и проклинай одновременно,
и палец подноси к губам,
сливаясь с придорожной тенью.

Белый ноктюрн

Только тонкая линия
твоего лица
и музыка Альбинони –
вот и всё,
что останется в памяти
декабрьской ночи.
Только тонкая линия
твоего лица
и симфония снега
за синими
стёклами
декабря.
Только белый почерк
метели,
выводящий
последние строчки
последней главы,
где мы теряем
приметы
друг друга,
и капля
северной нежности
падает
одиноким
с серебристой ветки
зимы,
превращаясь
в тонкое зеркало льда...

Сердце осени

Где-то в сердце осени
небо
пахнет мокрой листвой.
Октябрьский воздух,

напившись воды,
словно марля,
тянет норд-вестом.
В струнах
слабо звучащего солнца –
дождь, дождь,
притаившийся дождь,
и ещё раз дождь,
напоминающий
бег трусцой
на месте.

Медлит рассвет.
Ночь тянет резину.
Золотистая прядь листопада
пробивает
кабацкий туман.
Душа
летит сломя голову
по мостовой,
словно сестра милосердия,
цепляющаяся
за бинты берёз
и метки рябиновых ран.

Где-то в сердце осени
небо пахнет
отсырелым куревом.
Октябрьский воздух
вбирает холод,
словно старый пьянчуга
сосёт по утрам рассол.
В струнах
слабо звучащего солнца –
сплошные ноктюрны –
ночь мудренее утра.
Сердце
бурятским бубном
стучит –
это за мной,
открой.

Тяжесть золотой руды

Тяжесть золотой руды
в каменеющих аллеях.
Солнце путает следы.
Уголёк заката тлеет.

Вдоль дождливого стекла
стынет взгляд потухших домен.

Нежность в сердце умерла,
чтоб взойти луной бездонной.

Осень сердце обожгла,
прорастая в сердце ветром.
Вдоль дождливого стекла
пустоту роняют ветви.

Грязь осенняя в душе.
Серебром ласкают свечи.
Нежность гонит боль взащей,
камнем падая на плечи.

Предисловие к первому снегу

Вязкий
простудный воздух
подпирает осеннее небо.
Осеннее небо
сильно смахивает
на затянувшийся ряской пруд.
Солнце смотрит на запад,
как седой патриарх,
и промозглый ветер
напевает что-то
из Джеймса Брауна,
мешая листве уснуть.

Закат оседает пылью,
хлопнув
подъездной дверью.
В прихожей ютится
сквозняк
на груди жёлтых бумаг.
Сердце провидит декабрь
и уходит под лёд –
не велика потеря,
если смотреть на мир
исключительно
в белых тонах.

Ночь одевается в шёлк
и выплывает из спальни,
как чёрный лебедь.
Единственный во дворе фонарь
роняет
тёмно-лиловые слёзы на пол.
Мы начинаем верить в тепло.
Любовь переходит
на зимнее время.
Ночь одевается в траур,

словно закат
выпрыгивает в окно.

Только тень

*Каждый день он откликается всему сущему,
но сердце его пребывает в покое.*

Гуань Инь-цзы

Здесь, только тень, и больше – ни души.
В смарагдах окон – занавесок шелест.
В пробелах снега – голос тишины
и след любви, как полночи отшельник.

В заиндевевшем призрачном углу –
плафона нимб, застывший кляксой алой.
Сквозь лёд зеркал, белила и сурьму
играет месяц тонкой стружкой пара.

И больше – ни души; и не до сна;
и, лишь мерещится на тополиной ветке
надежды робкой вешняя листва
сквозь снежной пыли голубое пекло;

а рядом – тень, холодная, как хром,
нежней огня, отзывчивее ветра,
будто дозор у мраморных колонн,
цепляющих развалины рассвета.

Полиэдр

Октябрь. Туман.
Утро раннее ранено тьмой.
Ты опускаешь глаза,
словно лиловый прилив дождя
притаился за кронами лип,
наблюдая за нервным срывом
осеннего золота
под подошвами ветра.
Утро похоже на ночь,
засидевшуюся в гостях.
Кошачьей поступью
обойдя
весь восток,
где-то
поёт заря
зазря.
Где-то...

Сердце включает
автопилот.

Твои молоко и мёд –
туман и листва,
повисающие
в пространстве,
будто пуговица
на одной нитке.
Октябрь.
Второй месяц осени.
К чёрту численник,
теория чисел проста –
седьмой год любви
дарит
неисцелимую нежность,
словно
седьмую попытку.

Мания

Её глаза –
словно древние ледники.
Она бежит навстречу
ноябрьскому
снегу,
обгоняя
завтрашний день,
собирая
иней,
как падающая звезда
в галерее осеннего неба.
Душа её,
словно песчаные дюны
на фоне рассвета,
играет светом и тенью.
На ветвях проступает
изысканность
французской
позднегоготической живописи.
Mon amour, mon amour, mon amour
навзрыд.
Её глаза –
смертельно искренни
и закрыты.

Флэнжер

Солнце медленно
скрывалось за занавесками.
Ночь нагоняла скуку и исцеляла,
словно тень святого Петра.
Твои фантазии, твои желания –

стали моим смирением.
На закате дня
я представил далёкие горы,
замыкающие на себе:
восход и заход солнца,
нежность и боль,
солёные волны моря
и ледяную пустошь полярного океана;
эти горы были похожи на крылья орла,
несущего бремя созвездий
сквозь пространство и время.
И я представил тебя –
одинокую, хрупкую тень,
раненную в самое сердце
у подножья слепого заката,
лишённую сна и тепла.
И мне захотелось обнять тебя,
как в те первые дни января
на занесённом снегом проспекте,
где предавались веселью
дети метели,
а на соседней лавочке пил из горла
смеющийся ангел.

Фузз

Осеннего тепла дыхание сырое.
Мерцанье охры. Шелест мостовой.
Стянуло небо – тучи мягче хвои.
И горизонт, как формуляр пустой.

Минуты капают неделями простоя.
Ползут аллеи ржавым багрецом.
Искрится полночь вечной мерзлотою,
и отливает Орион свинцом.

Мрачнеют краски. Сердце догоняет
осенний сумрак, и ещё сто лет
идёт-бредёт путём своим, не зная
пути, как самый форменный поэт.

За дымкой крыш, за сном осенних листьев –
холодный горизонт сто лет подряд,
и взгляд, скользнувший перелётной птицей
сквозь фонарей минорный звукоряд.

Интерлюдия

Твои замёрзшие руки,
сродни ветвям,

утратившим листья.
Твой голос – осенний бархат,
упавший на камень земли.
Мглистая осень
снова в моде,
и ночь с бокалом игристого
входит в твой дом, как в пейзаж,
чтобы признаться в любви.

Пёрышком бледного света
месяц щекочет за ухом.
Голос – как капля дождя,
озвучившая карниз.
Всеми оттенками кобальта
небо набило брюхо,
и перешло на шёпот,
словно осенний бриз.

Поздний октябрь

Шёл дождь и шёл снег.
Затем пришла ночь.
И стало теплей.
И чёрный фасад
склонился крестом.
И неба клочок,
подёрнутый льдом,
молчанье берёт
для долгих ночей.
Шёл дождь и шёл снег.
В ручьях проводов
неслись голоса –
но твой,
днём с огнём
искать мне,
искать,
как летнюю тень
в осеннем саду,
как солнце во мгле.
Вот сердце твоё –
там стынет огонь,
там тлеет рассвет,
рукой лишь подать;
но пальцы дрожат,
как струны дождя,
как осени цвет
в мехах пьяных крон.
Шёл дождь и шёл снег.
Вот сердце моё –
там полутона
тропинок лесных,

малиновый звон,
и капли воды,
и поздний октябрь
в тумане речном.
Шёл дождь и шёл снег.
И шёлк с твоих плеч
скользил на паркет
для долгих ночей...

Восточный ветер

Солнце обрызгало бронзой
и тут же погасло.
Постные
облака –
словно разодранная одежда.
Палевый вечер
подкрался издалека.
Над пиками
города
сдержанно

проплывал
аметистовый холод.
Как набросок
обрастает тенями и бликами –
так и любовь моя
проявляет себя
на фоне осеннего снега.
Любовь моя –
тихая
пастушья дудочка
из тростника,
плоть и кровь
восточного ветра.
Медленно

дымится Bond
под блюз и крепкий
бразильский кофе.
Жемчуг луны
ждёт своего часа,
чтобы предать огласке
пустую комнату.
Последние краски
осени,
холст, масло –
моя любовь
в причальных огнях.
уснувшего города.

Ласково
смотрит солнце
откуда-то изнутри –
с самого дна
осеннего сердца.
Господи,
как одиноко,
как сиротливо,
и как хорошо,
когда впереди,
лишь аметистовый холод
декабрьских стёкол.

Море вчера

Помнишь ли, как ночь приглашала в дом,
открывая все двери, срывая замки, засовы, заплатки,
как кричала чайка над малахитом волн,
как солнце брало низкие на нотной линейке заката?

Дымящийся звёздами неба холм,
холодный песок, чёрные волны,
и кроме нас больше не было никого,
кто бы мог видеть, слышать и что-то об этом вспомнить.

Помнишь ли звёздное небо над нами,
и вешнее море, засыпающее в ракушке,
как далёкий берег кричал огнями,
как горчил лёгкий бриз и что-то шептал на ушко?

Холст

Вдоль стен сырых, вдоль серой мостовой,
где осень тает эолийским ладом,
созвездий звон и низкий голос твой –
всё обретает тонику прохлады.

Где лунной краски вязкая гуашь
ложится на бумагу влажных стёкол,
норд-вест пронзающий займёт второй этаж,
на первом этаже – сквозняк с востока.

Где спит в реке, под арочным мостом,
созвездий звон, растаяв в лунной краске,
повеет полночь, и на ошупь мирный сон
тебя найдёт, согрев посмертной маской.

Доленге

Падали каплями слёзы из глаз, как лепестки сирени,
и превращались в звёзды в воде;
метаморфозы лета, где избитое – тоже священо,
священно своей ложью.
Много курю; дым в моих лёгких,
растворяется майским облаком, распластавшемся
на тёплом асфальте.
Поцелуй предзакатной весны, как тяжёлый выдох воды,
убегающей в щели заплывшего взгляда дня.
Уноси свои ноги, мальчишка-май,
впереди, огненной гривой, полнолуние лета.
Хочу писать быстро, так быстро, чтоб задохнуться безмолвием
в полночном брожении зеркала, когда сумасшествие опьяняет.
А на воздушных подушках костлявых ветвей
парит вечернее солнце, не прощённое солнце мая.
Стекло – хруст в глазах от наплыва света –
это считают образы, но не читают себя.
Боль, кругом одна боль и это так человечно.

Черновсполох

*Я горько плакал
и находил успокоение в этой горечи.
Блаженный Августин*

Он дышал не спеша,
и душа разливала портвейн по стаканам –
Божья тварь, Божий дар, стыд и срам.
Его ночь – сад камней, чёрный свод меж бровей,
меж камней – ручеёк горизонта.
Он смотрел в этот мир сквозь свинец чьих-то глаз,
раскалённых, как майское солнце.
И холодной струёй, как струной,
бился ключ его сердца,
пока не сгорел листопадом нежных аллей.
В свете – тьма, в тьме – рассвет, и далёкий привет
одинокого эха над горным гранитом;
там покоится сон, тишина, только он
всё блуждает, тоскою привитый.
Божья тварь, Божий дар, полуночный оскал
бездорожья, как чёрная свита
вечно-ветреных проб и ошибок,
из цепей и невзрачных нашивок
безадресных звёзд.
А вопрос повисает мёртвой петлёй,
словно месяца нимб, словно рваная нить
пульса у высохшей глотки,
набитой вороньей землёй...

Кротость

Тишина. Капают слёзы –
слеза к слезе, слеза к слезе.
Поздно, ложись, уже поздно
кричать на ветер. Всё испито
до дна пустоты, до сна
без сновидений.
Крадётся молчание штор.
Найдётся ли там, за шторами, что-то ещё,
не разгаданное разлукой?
Опускай свои руки в пропасть
шёлковой лёгкой листвы –
какая кротость, какой полёт...
Спешу оказаться здесь и сейчас;
дыши, как последним мгновеньем,
собранным в сжатой ладони неба.
Продолжай свой рассказ
никому, ни о чём, ни к чему –
и поверь, кто-то услышит,
на том конце проводов безмолвия.
Тише... Тише... Рвётся струной
голос липовых веток.
Тишиной до рассвета плачет весна.
Кто-то не спит до рассвета
рядом со мной...

Неспроста

Переделалась в любовь весна,
неспроста,
для тебя, для меня,
для кого-то ещё
бездонно-бездомного.
Плечи, как крылья, расправил
синий-синий пласт неба.
Плюю в потолок
солнечным зайчиком взгляда.
Зрачком-изумрудом скольжу
между окон и крон.
Надежда – это когда рядом
сидит прирученный демон,
вспомнивший своё прошлое.
Надежда – это когда влюблён
в шум дождя
на вымытых стёклах мая;
а непрошенный гость, мотылёк,
вспыхивает сверхновой,
преломляя воздух и пьяное сердце
дворов, подъездов...
Неспроста, говорю тебе, неспроста,
мы встречаем сегодняшний вечер,
снова и снова

подставляя ладони
холодному поту неба.
А дальше – весна, как будто, пройдёт,
но останется тёплая капля воды
на кромке млечного платья солнца,
и запах сирени,
словно глоток на двоих
душистой прохлады ночи...

Каскад

Мы уйдём в глухие леса,
мы укроемся мхом и травой,
чтоб не слышать голос надежды.
Ты возмёшь с собой толику сна,
я возьму немного вина –
так будет надёжней, нежнее.
Пусть нагой, первозданный огонь
наполнит глухие сердца
через край, через тысячи лет после нас.
Голубая вода отразит твою боль,
моё слово и наши следы,
ледяной тишиной с полуденной краской.
Все цветы будут ждать твоей грусти,
твоей простоты,
как лавандово-синий туман
ждёт холодных утренних песен.
Орхидея рассвета
развяжет замёрзшие руки,
и беззвучного неба экран
заискрится в гранях сапфира;
и ладони, цвета морской пены,
сомкнуться на полпути,
когда тихо-тихо
скользнут две тени
дугою овражной,
как дождь по сосновым сучьям,
в пастельно-зёлёную дымку
последнего откровения:
всё, что случилось – наше,
всё, что не сбудется – к лучшему.

Один на один

Листва, головой поникшей,
разбавила вечер,
где тень взмахнула крылом.
Кто-то должен быть лишним –
нулём,
делённым на бесконечность.

Упрятав мысли
на самое дно,
провожаю крик чайки
свечкой усталого слуха,
словно случайной молитвой.
Взгляд, очерченный
береговой линией,
я потеряю тебя уже завтра;
смотри же
за умирающим солнцем,
один на один,
под маятник волн,
сжимая прибой в груди
и чувствуя привкус
солёного ветра
на кончике языка.
Тот, кто проснётся завтра,
будет уже другим.

Reverence

Ты помнишь, было тепло,
и немного горчили свинцовые волны.
Частота застывшего сердца
ровнялась
горизонтальной восьмёрке.
Улетучилось время;
пространство,
будто развеяло сном; и природа
делала своё дело,
пока ночь расщепляла свет.
Ты знаешь,
я уже много раз
проводил нежданную память –
наверное, это,
также бессмысленно,
как обличать ветер.
И я смотрю на огонь,
на чистое пламя,
шепчущее
о минутах или секундах,
и вижу свою усталость
в отражении жёлтых волн,
пока ты танцуешь на фоне
дрожащей листвы;
и мы нужнее друг другу,
чем миллиарды звёзд
расширяющейся
вселенной
на тесной вогнутой сфере.

Новь

Приходила ко мне разлука,
приносила скупые харчи,
тихо грела промёрзлые руки
у сырой поминальной свечи.
Я молился чуткой печали,
укрывался влагой ресниц,
мне всеядные птицы кричали
чёрным хором в ухабы глазниц.
Упивался я болью, и свежей
нежной боли просил себе вслед;
только всё это лирика, мне же,
не свести клочок сердца на нет.
И на палевом небе смеётся
тёмно-розовый вечер, как шут –
это сердце билось и бьётся,
несмотря на конечный маршрут.
Это сердце повинно и слепо,
а за ним – ядовитая мгла.
Оттого ль и не просит совета,
чтоб печаль его берегла?
Горькой радостью пачкая губы,
прогорая свечой на ветру,
свет вина, чёрствый хлеб, вечер грубый
я вкушаю, как кожу деру.
Напоследок, кидая небрежно
умолчание чайного неба,
я цепляюсь зубами в надежду,
где скрипят старых клёнов колени.
Отражения вечных вопросов
безответно роняя на слякоть,
где шумят ядовитые сосны,
я учусь с тобой заново плакать.

Опиум

Мы жгли закат и расчищали ночь,
мы пили чай из лепестков суданской розы;
и сладкой струйкой опиум дышал
тебе на волосы, танцуя первым снегом.
Мы не уснём, чтоб утро приоткрыло
всю наготу и прелесть ожидания,
чтоб нежный поцелуй, как первый луч,
скользнул на плечи розовым туманом...
А дальше, свет оставит на стекле
осколки-лепестки суданской розы;
взмахнув плащом, раскинет карты солнце,
и мы с тобой сыграем снова в прятки –
но я тебя, конечно, не найду...

Льёт синь восток, я преломляю день,
храня соблазн и хороня надежду;
июньский ветер убегает тёплым флёром
за горизонт событий, с глаз долой...
Нам не уснуть, нам не проспять друг друга;
и поцелуй последний, он, как первый,
и ближе – ночь, как ближе тонкость слуха,
рассеянная пеной тополей...

Вслед за весной

О той,
в которой поэзия
окрашивает
горизонты музыки;
о той,
в которой Селена
находит своё отражение,
поёт в слепой подворотне
июньская грусть,
размерностью
поцелуй на вдох,
размерностью
выдох на жжение
лёгкого ветра
под ядовитой рубашкой аллеи.
Смотри же,
смотри безотрывно,
бессвязно, бесменно,
когда она рядом,
и сердцу,
хватит мгновения,
на то,
на что бы ушли часы,
дни и года,
без бронзы её
встречного взгляда;
смотри же,
смотри в глубину
светочувствительной
оболочки неба,
чтобы увидеть
свою слабость,
словно свою смерть
от руки
ледяной красоты,
сошедшей на берег лета...

Срез

Летняя летаргия
в лицах лилового вечера –
это бредни тепла и полунагие тела,
подсвеченные
бурым загаром;
это ночь – вдвойне скоротечней,
а значит, вдвойне горячей, как обрывки
будущей памяти,
где прекрасное,
неосвязаемо-южное –
лишь дуновенье на чьём-то лёгком запястье,
лишь тающий лёд в недопитом стакане виски.
Ни звука, пока пророчит молчанье,
случайно повисшее
между столетних хвой
в медленном воздухе...
Тсс... Падают искры воды на ладонь,
ласково плачет зелёное море;
и солнце,
низко-низко
склонив золотистую крону
в шкатулку заката,
выжигает бледно-песочное облако,
горьковатой
берлинской лазурью
с темно-коралловым отблеском,
там, негласно, наедине,
на яркую память,
где мягкая ночь
вдвойне виновата.

Кошки и тени

Ты открываешь глаза,
перебирая возможности
восходящего солнца,
словно чётки света,
бросая
опустошённый взгляд
на лебяжий пух
первых лучей июля.
Этот взгляд,
он как космос,
рождённый из самой глубокой ночи.
Слышишь...
И я храню его
за ширмой нежного сердца,
там,
в тишине,
у одиночества водных лилий
с картины Моне,

чтобы вернуть тебе
весточкой
летнего полдня
на безымянной улице,
когда кошки и тени
становятся чем-то единым.

От окончания дня

Помнишь,
как ты срывала прохладу травы,
и напротив,
всего в двух шагах,
в двух взмахмах крыла
атласно-радужной стрекозы,
ядовитая стрелка леса
играла рябью
в заросшем пруду –
это всё,
что хотело видеть
июньское солнце,
макая пряди тепла
в предгрозовую смолу,
пока увядала
глициния неба
сквозь пыльные слёзы шоссе,
и вечер катился
старым трамваем
к подножию ночи.

Нитевидно

Рука на пульсе – пробило вечер.
Вечную спешку
присыпало охрой свечи.
В междометиях переулков
потерялся
ещё один-единёшенек день.
Тревожа воздух, свисают садами звёзды.
Безбожно сладким ночным поцелуем
падают алые губы на кожицу розы,
чтобы забыть навсегда...
А в городах, зажигают окна,
обжигая глаза сонных прохожих.
Безусловно, что всё возможно,
тому, кто умер для завтра,
тому, кто полощет горло
свирелью пустынного запада,
и под птичий сквозняк,
поздней пташкой,

цепляет нагое небо,
небрежно бросив в трубку души
последнюю горсть табака.
Осторожно –
снотворное, из горчичной луны,
растворившись в задумчивых лужах,
пересекает дыхание.
Непреложно рука на растроченном пульсе,
расстояния
переходят во время,
и гибнут
в гаснущих черепках фонарей.
Вздёрнутый холодом ветер
спешит на свидание,
лязгая за спиной
тощими позвонками разлуки.
А железное дуло зрачка
в полночной бойнице окна,
сродни тишине,
где всё начинается снова,
с беззвучного слова –
любовь...

Обещание

Пообещай мне,
когда солнце,
растянув горячие сухожилия
на перекладине горизонта,
качнётся в глазах июля,
и снисходительно
упадёт
на тесный клочок земли
цвета корицы,
пообещай мне
быть где-то рядом,
поблизости
от неминуемой гибели ночи,
пообещай мне немного холода,
растворившегося
в соборной душе
северного сияния,
чтобы услышать,
как бьётся
стальное сердце разлуки,
и лучик надежды,
подливая масла в огонь,
играет с солнечным зайчиком
на потёртой стене.

Протяжённость

Ты смотрела сквозь дождь,
ты искала застывшее время,
то, что списано было
с каменных линий
древнеегипетских
статуэток цариц,
но часы
монотонно ровнялись
на угасающий запад,
не прощая солёную влагу
и тёплую нежность
под полуприкрытой
портьерой ресниц;
и только
воздушно-лиловый снег,
лежащий на склонах,
забытых временем, гор,
и только холодная плоскость воды
у подножья туманных хребтов,
принимали твоё одиночество,
как своё совершенство.

Сердцепроводность

*Я одинок – затем, что одинок...
Шарль Орлеанский*

Это сердце,
этот алый мешочек с дыханием
в межрёберной клетке,
как надёжно он чувствует боль;
это значит – время не спит;
это значит – быть может, прощай;
это значит –
табачный дым облаков
в прохладе лаванды,
у погасшего летнего дня,
где грунтовые воды
несут свои мрачные тени,
как безбрежную
чёрную кровь,
к подошвам заката,
пока тонкие вздохи ветвей
и шелест травы,
отмеряют сухими глотками
воздух июля.
Там, поодаль,
скоро стихнут слова,
сквозь миндалины сосен
чуть качнутся ресницы,

ухватившись за связку лучей –
это солнце,
на влажной простынке небес,
по дороге на запад,
пеленает ещё один день;
это стиснутый свет на сетчатке,
раскрошившись росой,
провожает русло холодной реки,
в надежде забыть.

Вровень

Когда утро сводило крылья
на подложке её карниза,
словно радуга гнула спину,
словно дождь отпускал тонко струны,
словно кто-то нашёл слова,
чтобы выразить нежность молчанья,
тогда роща клубилась поодаль,
собирая краски июля,
тогда в стылую смоль зрачка
лил рассвет васильковый ветер,
тогда сердце, необозримо,
укрывало ночную прохладу,
словно день, тенистой дорожкой,
вился в мятной пластике ног,
словно кто-то дышал с нею вровень,
забывая считать секунды,
забывая считать минуты,
вспоминая лишь сны назавтра,
как прозрачную мягкость воды;
и души рыбацкая лодка,
проплывая сквозь призрак пространства,
к горизонту соседних окон,
растворяла вкус бледного солнца
в чёрной пене кипящего кофе,
и свободно, немного небрежно,
аромат полусонного взгляда,
рассыпался птичьей пылью
в переменной печали неба...

Модерато

Мы разделили пополам
цвет ночи, и ночную верность,
июльский хлеб, июльский дождь,
дрожь фонарей, ожог дыханья,
прохладу стен, камин, постель,
и раскалённый добела
восток зари, где птичий шелест

с ладошки лета тянет крошки.
Мы разделили пополам
сон в дымке облачных рогож,
и пробуждения молитву,
луч рваный на гардине утра,
беспамятство остывшей плоти;
и полустанков мерный ритм
в волнах безвременья, где нимб
сухого солнца с вкусом дёгтя,
и битого стекла ранимость,
бросаются под стук колёс.
Мы разделили, в мрачной охре,
в рутине серо-золотой,
вечерних туч последний вздох,
как поцелуй, как плач разлуки,
как возвращение домой;
как возвращение домой,
когда в пустыне парков, скверов –
ни шороха, ни дна, ни звука,
ни взгляда в полумраке встречном,
а, лишь душа, души ладонь,
ощупывая свечи окон,
лакает мотыльком огонь,
ложась на нежное предплечье.

Зазеркалье

Дышали снегом облака;
в тенистой келье ивняка,
чуть слышная вода
молитвенно застыла;
вблизи воды,
где травы спелись,
играя беззаботно,
как младенец,
слепая сфера неба
сапфиром раскололась;
и грезил ветер,
нагоняя
горячий летний сон,
что отражался драгоценной рябью
на чешуе зеркальных рыб;
и горизонта тонкий звон
рассвет сплетал в соцветья;
и юный лучик янтаря,
изящным пламенем, ронял,
в помол росы, испанский веер;
и жилистые тающие ветви
смирненно волхвовали над камнями,
раскачиваясь плачем берегов...
Нет, не буди меня, прошу,

(как ненадёжно пробуждение
и ветрена свеча)
я буду тихо ждать,
я буду там рыбачить
сетью слов,
пока июль скитается по свету,
пока не зарастёт эта печаль.

Уик-энд

Считывая пульс проводов,
маскирующихся
под шорох ветвей,
суббота сбивает с толку.
Летний город
растворяется
в капле свободного времени.
Мы уйдём от всего,
что скопилось под матовой охрой окон;
мы спрячемся
под крыльями-перьями
бродячих артистов,
в театральном дворике, в закулисье
разгорячённого полдня;
или в пустом прохладном кафе,
в полумраке скучающих глаз официанток;
или в сквере,
где монотонно тают
вспышки фотографов
на белоснежных платьях невест,
и где слышно,
как бьётся хрустальное сердце фонтанов,
как не торопятся мысли,
словно страницы
старых лимонных книг
в тихой букинистической лавке.
Смотри, за углом горизонта,
в болотной сырости стен,
тлеет глухая витрина июля,
пропахшая блюзом –
ты купишь там
браслет из агата,
цвета кофе глясе,
и мы сядем в первый встречный автобус,
чтобы развеять усталость,
чтобы найти, случайно,
вечерний дождь,
высвобождающий воздух
из объятий поздней жары,
для беглой ночи без сна...

Постимпрессионистический блюз

Небо, порванное на тряпки,
падающее в ливневый ворс пшеницы,
где крик жаворонка
раздирает
грудную клетку холста –
этот кусок земли, это всё, что есть у меня,
и ещё, пожалуй,
ветка цветущего миндаля
на горчичном, от солнца, столе.
Но мне видятся,
в тумане пустых полустанков –
рубиновые виноградники,
я чувствую
запах оливковых роц после дождя,
и террасы ночных кафе
под левиафаном полночной звезды.
Где моя поношенная голубая куртка
с серой фетровой шляпой,
где это кресло, книга, закат, свеча?
Я не прошу многого,
только оставь
шум моря, разбавленный едкой лазурью,
кукольный мост в Арле,
тёмно-синюю тень часовни в Овере,
связку подсолнухов, горсть табака
и немного вина,
чтобы отдать половину рассудка
за автопортрет
завтрашнего
одионочества.

Горный снег

Приходи в червлёные сумерки,
собирать со мной горный снег,
разбавлять тишиной шестиструнной
придыхание льда и воды.
Средь камней, беспросветных как ночь,
среди прожилок тропок седых,
мы декабрьский ветер отсрочим,
мы нагоним свет родников.
Золочённой скорлупкой ореха,
улыбнётся луна, беспричально;
ты не бойся соборного эха
и прохладного сна облаков.
Ты откройся этой печали
осязанием тихого взгляда;
и под сенью алмазного пледа,

помолись за разлуку и смерть.

Песчаная эфа

А дождь всё шёл, и шёл,
шепча песчаной эфой
по лабиринтам клёнов, лип и хвой;
и воздух пах арбузом, льном, клубникой,
немного хлебом, розами, вином.

Сквозь проблески листвы
я отпускал твой взгляд,
оставив,
лишь немного
росы свинцовой на ресницах,
и шёлк пшеницы
в ледяной ладони.

А дождь всё шёл, и шёл,
играя медью кровель,
и остывая недопитым чаем,
словно глухой водой заката
на тонкой рисовой бумаге,
а, может – каплей крови;
а дождь всё шёл, и шёл,
ваяя и сутулясь,
волхвуя, рвясь, подглядывая сны,
украдкой провожая боль,
а, может быть – любовь,
кому, что нагадал,
слепой рекой июля,
сквозь огоньки берёзовых трущоб...

Альбом

Сквозь дым дубрав
и облачную мель,
терял опору первый луч востока,
и целовал сентябрь,
янтарным ртом,
земли немые язвы –
ты
шла на балкон,
перебирать ладонью шёлк тумана...
Ронял хрусталь рассвет,
вдыхали свет аллеи,
и свет вбирал
тепло твоих волос,
будто растаял хмель,
будто дрожал камыш
на берегу пустом –
ты опускала взгляд...

Тлел ветерок,
листва взбивала волны,
в пастуший рог
трубил дождливый сон,
как эхо мёртвой ночи,
как созвучья
любви осенней,
что пророчат долгой ночью...
Сквозь дым лесов,
стынь, облачную соль,
гадало сердце за немой портьерой,
и целовал огонь
тмин простыней,
и тихо пели
руки над камином...

Сельское кладбище

На много миль вперёд
сказав, “прощай”,
и попросив прощенья,
глаза, опять, для слёз, чисты,
и воздух сладок,
для свечи
беззвёздной ночи.
Вдали холмы,
вздымая свои груди,
прохладным эхом
обесточив чуткий сон,
вдохнут бездонным притяженьем
шум овражный;
и белая кора берёз,
питая млеко
тусклый взгляд бродяжек,
зарубки слёз
любовно сохранит,
на много миль вперёд...
Оставив, на потом,
суды и пересуды,
пустого неба
многотонный плен,
прольётся, как кисель
осеннего тумана,
на тихие замшелые кресты,
на красно-бурые оградки
сельских кладбищ,
где учатся, воистину, молчать,
и сеять ветер
в дымовые трубы.

Послушник

*Сиди, сказано, в келье твоей,
и она всему тебя научит.*

Пётр Дамаскин

Он вырвал с мясом боль и ночь,
разбив стекло рассвета,
он окунулся с головой
в кипящий жар души;
но ночь, как вошь, как шлюхи стон
в постели разогретой,
смеётся грязной тряпкой губ,
и тяжестью лежит
на срезе мутного зрачка,
на петлях ржавых шрамов,
где пустотой плюёт свеча
в глухой подвал рассвета,
где небо, бросив ляжки туч
на свой холодный мрамор,
достало солнца мятый луч,
и написало смерть.
Но из щелей червивых стен,
из всех продрогших окон,
течёт душа, как рожь, как степь,
как снов осенних плесень,
течёт к молитве, к куполам,
дождём свинцовых копий,
чтоб вечер вывел, бронзой рта,
евангельскую весть.

Силуэты

Я люблю, когда по-домашнему,
со вкусом дождя за окном,
и серо-лиловым небом
на влажном стекле;
когда дом
превращается в зал ожидания
с туманной свечой плафона,
и сонная кошка, на спинке дивана,
считает тени июля,
под звон бриллиантовых струй.
Я люблю, когда без следа,
на размытых полотнах улиц,
в переменных проблесках окон
и дебрях подъездных дверей;
когда вечер –
проще младенца,
и уже,
не нужно спешить,
и оправдывать лень,

разлитую
протяжённым глотком вина,
укрытую, вскользь,
тяжестью мокрых ветвей.
Я люблю силуэт тишины,
и огонь головешек фонарных,
когда,
под кофейный дымок
и тёплый прибой покрывал,
приглушённой медью
сползающей ночи,
соль минор
прорывается в слух;
а вода и скука – к лицу,
на фоне уставшей души,
и нежно-мглистой печали
женских рук на плечах...

Спектр

Ты не спишь?
Хрупкие вишни,
на жжёной умбре земли,
уже медоносят,
в красно-карминовом улье заката,
тёплыми каплями сна;
а, за бледно-каштановой дымкой портьеры,
небо разлито
персидским синим.
Ты не спишь?
Ещё нет?
В тетради, песочного цвета,
вечер ложится последней строкой,
словно
чертополох многоточий,
словно
палевый абрис холодных берёз,
словно
бронза спящей травы,
словно
старое золото звёзд;
а, рядом,
рука об руку –
наброски теней,
на бежевой ряске обоев,
прорастают
голубовато-серым
на глубину мимолётного взгляда.
Ты не спишь?
Ты ждёшь полночь?
Я за тобой,

камышовой тишью летнего облака,
в кобальт и смоль
сморщенных крыш,
в придыханье погасших окон...

Ступеньки дождя

Научиться, просто сидеть,
И смотреть на дождь;
Если есть, что сказать,
Сказать так,
Чтоб никто не услышал.

Эпилог

Бесплотным
золотом августа,
созрело зерно заката;
виноградной лозой,
вяжет язык тела;
между страниц воды и травы
затаилась радость,
с горем напополам.
В мягком тумане листвы,
беспечно,
тянется-реет
взгляда постель,
плывёт по ресницам ветвей
непреклонное время,
гнездятся следы погасшего ветра,
и тает, что-то ещё,
молчаливо-лунное...
Когда сбудется всё,
что прописано в толковании сновидений,
что останется нам
на замшелых порошках лета?
Только, смотреть друг другу в глаза,
и ждать жёлтый дождь
под огненно-рыжим карнизом неба.
Просто,
считать минуты, пока не упала звезда
в осеннюю пустошь, и клёны
не сбросили ржавую кожу
на бледный гравий стоптанных улиц;
а дымок сигарет
или лёгкого поцелуя,
с подножки поезда,
не превратились
в поздние кадры
памяти

на влажных стёклах домов.
Что останется нам?
Просто, считать секунды,
маятник тихих шагов
в заброшенном парке;
и чтить
долгоиграющий вечер,
считывающий
остывающими губами,
материал
для писем,
медленно
разбавляющий,
словно терпким вином,
сердце,
прозванное,
одиначеством
до востребования...

Стекло

Всё, будто,
с чистого листа;
врачует холод;
расколота ночь превыше сна;
луна,
прожилками палитры,
играет третий акт.
Всё стихло, наконец;
зрачок – кристаллик соли;
за окнами – свинец или туман,
разлитый, как вчера,
на вязкую основу
чёрных стен.
Всё с чистого листа;
всё – дар терпенья;
так будь моей,
и не ищи меня;
я, где-то там,
в словах, что растворяют
осенних листьев
свет;
я, где-то там,
в последних числах
лета,
что тают
от прикосновенья
рук,
и, где, так тонко,
обрывается дыханье.

Блажь

Вчерашний вечер – пыль с полей тетради;
рассвет – обман;
и я – остывший пот
чернильной кожи от захода до восхода;
такое время года – нелюбовь;
такая подлость сердца – межсезонье,
где смотришь в рот распахнутым аллеям,
и видишь сам себя на фоне
грязных луж.
Вся философия – вожжа под хвост,
не более:
и тлеет день, как сучья старых груш.

Мир в песчинке

И, в белом вермуте сползающей луны,
топил печаль, мой собутыльник, август,
укрывшись зубчатой листвой душистых лип,
и тёмно-влажной глиной
стянув речные пояса.

Цвела густая ночь,
ты проходила мимо
лениво тлевших окон,
и, будто, улыбалась
вслед штрихам ветвей,
храня, на уголках горячих губ,
вкус лёгкого дождя
и тяжесть пепла.

Мы провожали летний сладкий дым,
и, словно дети,
расходились по домам,
искать прохладу сна
и тёплый ужин,
теряя нить повествованья
в прядях
сквозняков.

Влага

Я пришёл к тебе,
а застал – дождь;
на холодных ресницах играла вода,
и следы на окне, словно спелая рожь,
превращали огонь
в бледно-ржавый туман,

превращали день
в мягкокожую степь.

Я пришёл к тебе, чтобы снова молчать,
из фарфоровых чашек пить посошок;
и венчать на царствие
жёлтый сентябрь,
и венчать, осокою,
сырость в глазах.

Я пришёл к тебе,
а застал – ночь,
что роняла чёрные слёзы ветвей,
что скрывала боль,
перейдя тишину,
а за болью – свет,
что укрылся от глаз.

Осенний ренессанс

Гадала осень на янтарной гуще,
и превращала, нежность губ, в цветок
на занесённой, первым сном, могиле;
на всякий случай,
приглушив огонь в камине
и перейдя на шёпот пресных туч.
Ты шла в немой пейзаж,
закрыв, беззвучно, двери,
одна, иль под руку с дождём,
а может, ветром,
на тусклый свет
разбитого стекла,
и будто плакала над каждым
сорванным листком,
согретая
горящим листопадом,
считая тени вдоль речного дна.
Гадала осень;
ты прощала холод;
и кончик взгляда,
как соломенный пруток,
играл в ладонях клёнов,
алой искрой,
и бриз тумана
теребил дверной звонок.

Летнее шоссе

Сквозь цепи сонных облаков
скользит, фуникулёром, лето,

а позади, плетётся ветер,
с горячей пылью на зубах,
смешав загар и свежий пот
полуденного света,
в ладошках воровато-худосочных.
Вдоль оспенной обочины –
вал придорожных тополей
скрепляя сухость рощ, полей,
рассеивает пепел
беглых кровель,
и обронив зёлёный пар,
волоом вздыхает, он устал
опорой быть пространству встречных глаз.
Травы стихийный перепляс,
где шум воды, как грязь, увяз,
щекочет, стружкой, грузный банный воздух;
кренится солнца ржавый шкив,
земли мозолистый нарыв
хранит от глаз могильный ветхий холмик;
и память провожает нас,
как слёзы, как обрывки фраз,
бросая камни
под колёс слепые комья.

Сухие слёзы

Сквозь дым и прах горячих туч,
Как винный жар, ползёт закат твой;
Один лишь, тонкий горький луч,
Исполнив на стекле стаккато,
Тебе найдёт, чего сказать,
Облюбовав край ткани подле,
Где ночи чёрная печать,
Как верный пёс на смертном одре.
Пусть не находит вечер места,
Тебя никто не смог украсть;
Сквозь пустоту и голод сердца,
Мелькнёт слезой сухая страсть,
Но глаз холодных заусенцы,
Царапая железо век,
Найдут ответ, ответ известный,
Ты слишком хороша для всех,
Все эти – просто не достойны.
Оплавив воск, дотлеет нить;
Тебе никто не сделал больно,
И ты не сможешь их простить.

Последнее

Как львица в бронзовой саванне,

крадётся мгла
на рваной ране
неба.
Мы встанем рано,
с первым поцелуем
горизонта,
и обратимся в слёзы
из песка и пыли.
На загорелых спинах пальм,
мы высечем последние слова,
и жёлтый воздух,
огненным приливом,
сожжёт их ветхий хворост,
рассеяв нас
между кустарников степных,
как чистый пепел
погребального костра;
и чей-то голос
будет вторить,
знойным ветром:
“Воистину,
любовь сильнее жизни”.

Колумбийские фрески

Над Колумбийскими Андами
парит стрела кондора;
через влажный тропический лес
крадётся тень ягуара;
Магдалена впадает в Карибское море,
вдыхая
янтарную пыль Эльдарадо;
наркотическим трансом,
мокрый воздух
ползёт
через плантации
сахарного тростника,
через саванны и низменности;
три хребта Кордильер
пробиваются
сквозь амазонские ливни,
воскрешая мелодии
жертвенника,
где стрела кондора
падает,
лёгким пламенем,
в ладонь мертвеца.

Незаконченное одиночество

Ты видишь сны, и твои сны – весна.
Сквозь поволоку твоих снов –
латунь ветвей шагнула
на облачный порог лазури,
коралловые кровли утаив;
в тебе – несчастная любовь,
нашедшая прирученное сердце,
наркотик детства
на кармине губ,
и слёз ваниль;
всё вместе – как листва,
как васильковый бриз
твоих печальных глаз.
Ты видишь сны, ты чувствуешь движенье
нефритовой травы в своём саду,
и полуночно-синих акварелей
свет восковой
на стенах без дверей,
и дымохода чёрный снег,
как теплый ветер в поле.

Этюды на свободную тему

I
Из пурпурной розы
вырезав нежную смерть уходящего дня,
там где плачут тени горных ручьёв,
и скитается небо пустой мостовой,
мы играли в огонь и воду
на выжженных травах дорог,
а солнце, всего лишь, хотело покоя,
а позади
скитались голодные стаи волков,
приветствуя холод полной луны,
над полной грудью земли,
залитой пунцовой кровью...

II
В позолоченных косах ветвей
я осенним покоем дышал,
я бежал, не спеша, на восток,
за туманный багрянец гор,
где раскинулись ветра ключи,
где холодное море лежит
пенной горькой и ржавой водой,
омывая сердце зари.
Так скажи мне:
“Прощай, я с тобой...”
Так свяжи мне сеть из снегов
над уютным фасадом резным,
и укрой от свободы глаза...

III

Ты смотришь, сквозь облако осени,
застывшим прибрежным камнем
в зелёной плесени волн,
ты бросаешь невод молчанья,
ты ловишь сырую солому солнца.
Я полон тобой, словно опустошён,
и пальцы хранят скользкую память,
как глаза – тишину –
бабочку водной лилии
над взглядом зеркального карпа...

IV

И он шепчет:
“Господи, научи любви; Господи, научи любви...”

Подражание древним

Её дыхание – движенье облаков
над карими глазами Сан-Марино,
туман над дремлющей аркадой Альп,
ноктюрн адриатической лазури;
в нём, больше, чем могли вместить ладони
гиперборейских ветров и холмов.
Я чувствую скульптурный тонкий мрамор
её изогнутой спины
на кончиках своих озябших пальцев,
как чувствуют безумцы с мудрецами
крадущуюся смерть.
Она царит над возбуждением зрачка
последнего художника природы,
как сакуры опавшая листва,
несомая водой прозрачно-медной.
Её дыханье – моё сердце, тс-с...
и моё сердце – пересказ её дыханья,
обжжённого осенней плоти глину,
зачатую штрихами фонарей...
Её шаги – листва со дна дождя,
вечерних свеч неуловимый танец,
в котором догорает жар пустыни,
в котором я – движенье облаков...

Шоколад, клубника, ваниль

*И простирайте ветви
За милостьюней света и дождя.
М.Волошин*

Шоколад, клубника, ваниль
с остывающих губ сентября.

Посидим, поговорим,
пока тени не прогорят,
словно жёлтый дымок листвы
под болотной плёнкой дождя.
Посидим, помолчим у реки,
пока солнца чертополох
не вспрыснёт червонной росой,
словно тающий след мотылька.
Шоколад, клубника, ваниль
в очищающих слёзах берёз.
На прохладном плече – рука.
Под прохладным небом горит,
лишь лавандово-синий туман.
Лишь каштановых глаз печаль,
расплетённая розой ресниц,
залипает между страниц
одноглазых базальтовых луж.
Посидим, поговорим,
пока тени стучатся в дом...

Кружево

Сад мой полон печали –
осень склонила ветви
в его просторном доме,
сердце согрев дождём.
Холод листвы причалил
в гавань оконной клетки;
крыш черепичные волны;
сепия глаз, как сон,
что паутиной вышит.
Осень сгорает ветром,
сад мой – свечи олива –
тенью колышется ветхой,
нежным шафраном спит.
Листья мостят дорогу;
тонкий дымок безлюдный,
тропок немых, играет
на остывающих углях.
Тонкий листок кленовый
сердце не обманул,
всё расписав, как будет,
в тёмно-коралловых нитях.
Тлеющий август вяжет,
мятой выцветшей, губы.
В поле найду подкову –
будет на сердце радость.
В кружеве старом тумана,
новорождённый месяц
выглянет из колыбели,
ночь скоротают с младенцем

сосен безмолвные ясли.

Русский жанр

В глазах находит отклик скрип курсора,
скучнее свет, обветренной лицо,
за склокой губ – опрелый первый холод,
на шторах – осени шафрановый рассол.
Мурлычет блюз из стареньких колонок,
стрекочет вальс блошиного дождя,
душа кричит из-под сырых пелёнок
опавших листьев, и стихает, громоздя
на плечи ночи пьяную молитву,
слух обмакнув в утешный лай дворняг;
луна играет оспой желтоликой;
бездвижной плоть, дождливей встречный взгляд.
Уходит время, остаётся пыль и плесень,
уходит страх, или приходит смерть;
все предисловия когда-нибудь воскреснут,
чтобы опять, опять сойти на нет.

Преддверие

Летнее солнце
подглядывает
в замочную скважину
сентября,
словно, укушенная коброй, львица
беспомощно смотрит,
как гиены делят
её мёртвого
детёныша,
и нежная кровь
уходит
в зыбучий песок ночи.
Белым углём искрится листва,
словно губы Того,
к Кому нас приводит время,
нашёптывающие
судьбу, или сказку
над ухом глухих мансард.
Молитвенный дождь,
медленно,
опускается на колени
в патоку янтаря,
малахита и грязи,
окрылённый последним желанием.
Так горит на ветру
сладостный поцелуй сентября,
где каждая женщина

может сказать:
“Это – я”;
где усталый путник
падает в ноги
слепому дождю,
скрестив, будто пальцы, дороги.

Рельеф

Среди пустынных гор его друзья...

Байрон

Влажные крыши
вслушиваются в небо,
как большеухие лисицы Калахари.
Впалые щёки подъездов
заливает осенний сквозняк.
Луна набухает
диском встревоженной кобры,
и падет
в тектонический
разлом сердца,
странствующего, одиноким койотом,
по пересечённой местности
города.
Ночь взматается
крыльями беркута
над синей дымкой фонарных глаз,
и ты улыбаешься
вслед ускользающим ноткам
летней пьесы,
сыгранной без тебя.
Один на один,
поздней-поздней дорогой назад,
в разбросанных пазлах
окон,
ты ищешь мотив
безответной любви,
немного ветра и инея
для бледных осенних слёз,
для осенних аллей...

Там

Там, где дождь
будет идти всегда,
я топчу остановки,
постигая пластику луж,
как приметы первой любви,
считывая
с зеркальных витрин

полуденный триптих:
уныние осени в плесневом воздухе,
холод собственного
отражения
с тонкой струйкой дымка на губах,
напряжение скуки
в силках проводов.
Там, где взгляд
бросает лучик надежды
на мутные стёкла,
чьи-то руки
настойчиво
просят меня обернуться –
всего лишь, ветер,
играющий вариации Голдберга
на тяжёлых, от влаги, ветвях,
зовущий присесть на дорожку,
пока дождь подбирает чужие следы
и уносит прочь.

Сомнамбула

*Чьи это сказки,
что нет у луны души?
Бо Цзюйи*

Лишь небо, кислым молоком,
лишь тротуары, влажной сыпью;
сентябрь бормочет бледным ртом
свои прохладные молитвы,
под угасающей травой...
На разъедающей палитре –
лишь парков грязная гуашь,
лишь скверов старческие жилы;
запруда сна, пустынный пляж,
уставших глаз сырая глина,
дрожащих рук скупой пассаж,
поймавший в сети прядь любимой,
или дождя неровный ритм,
где взгляд души – хрусталь вспотевший,
что отражается кромешно
в осколках луж, что говорит
на языке листвы сгоревшей,
и отдаёт шотландским элем ...
Лишь неба чёрная мишень,
лишь глаз болотистая тина;
дрожащих пальцев паутина
ложится тенью на постель;
лишь слёз янтарных ожерелье,
лишь тусклой лампочки бронхит;
в час чернокнижья, в час молитв,
когда медяк луны подсвечен,

в кофейной гуще солнце спит,
губ полночь и любимой плечи
дыханьем нежным согревая,
как ветер – строй кариатид...

Тёплый туман

Слушай исповедь,
написанную
на осенних листьях,
собирающую с погоста
солнца –
слёзы берёз,
кленовый ветер,
холодную кровь рябин;
попутно считающую
капли дождя,
как нитевидный пульс
раненной львицы.
Слушай музыку
вязкого белого утра,
проветривая
туманом
дыханье,
пока ветер листает страницы
глухих остановок,
и за перламутром
листвы
плавно плывёт
ожидание первого снега.
Мы расstaёмся без грусти,
без сожаленья,
с верой в ушедшее лето
и ненадёжное завтра,
слушая
ржавый шелест
травы под ногами,
имея,
в беспмятстве жёлтых полей,
как в капле любви,
мгновенную смерть
и вечную жизнь.

Равноденствие

Останови меня
нежным прикосновением
беглых пальцев,
не оставляя выбора,
перед тонким, как вешний лёд,

молчанием глаз.
На расстоянии вытянутой руки –
прощение и прощание.
Тихими нотками,
в уголках потресканных губ –
прелюдия той весны,
где сердце билось талой водой,
и искры полуодетых ветвей
освещали полночный воздух.
Будь со мной,
пока не умрёт луна,
а вместе с ней,
и моё сердце –
кажется так
мы учились любить,
робко
ложась в постель,
расстеленную
равноденствием марта.

Скоро

Вечерний свет
льётся с уставших волос
слабеющим серебром сентября.
Плюс двенадцать выше ноля.
Порывистый ветер.
Рутина.
Молись за тех,
кто ненавидит тебя,
сердцем приветствуя дождь;
аритмией
падай в лужи
соседних окон;
пусть взгляд убегает
в туман чьих-то чёрных глаз,
как боль гонит лошадь вперёд.
Безмолвно
гаснет
близость
на кончиках пальцев,
роняя мягкую дрожь
в разлом тишины.
Молись за своих врагов,
я помолюсь за тебя;
не бойся собственных снов,
скоро выпадет снег,
скоро будет легче дышать,
будет легче остаться
вдвоём...

Важно

Как важно,
когда ты теряешь себя
в грустных глазах
напротив,
будто в пейзаж осеннего пляжа
падает сердце,
медленным сном
вбирая
холодные волны и ветер,
а на том берегу
весточка листопада
догорает огнём
под шелест дождя.
Как безнадежно,
когда ты теряешь
жемчужную нить
повествования
в промокших от слёз
записках,
и на влажном стекле
рисуешь
знаки вопроса,
эту россыпь
необратимых минут.
Как неизбежно
неуловимый вечер,
поступаясь своим одиночеством,
перерастает в объятья,
и вечная ночь
бросает осенний якорь
в гавани грустных глаз...

Вместо

В окнах – храм,
над храмом туман,
за туманом – осенний ангел
поджигает в скверах листву.
Вспоминаю росу
твоих глаз
под каркасом свинцового неба;
задуваю свечу
беспокойного сердца;
и ищу,
вместо взгляда,
могильник белых полей,
бледно-чайную пустошь дороги,
держашую курс

на бесплотную грусть
и тусклую память.
Поздний вечер
канет в молитву,
как в тихую смерть,
в светотени берёз
рассыпав засечки
шагов неприметных.
Вспоминаю –
губ твоих медленный свет,
влажный берег в сиянии хвой,
тёмных волн пустоцвет;
и ищу,
вместо встречи,
покой
на туманной границе дождя,
в оконечности дымки заречной.

Она

Плачет роза под запотевшим стеклом –
этот холод, больше чем смерть и надёжней разлуки.
В темноте кто-то, тихим движеньем, раскроет ладонь перед сном,
и в ладонь упадёт лепесток, как осенняя вьюга.

Кто-то спросит у стен, пропитавшихся смуглым дождём,
о грядущем, о прошлом, о тёплой печали во взгляде,
а в ответ, лишь пшеницу волос обожжёт сквозняком –
словно учит бессоннице вязь фонарей привокзальных.

Плачет нежность, напившись прохлады из матовых рек –
эта кома глубже самой глубокой могилы.
В темноте свежий ветер коснётся руки, и тяжёлый рассвет
упадёт лёгким пёрышком в сон, словно в сердце любимой.

Горсть

Она
похоронила холод
лицом к свече востока,
осыпав место погребенья
красной охрой.

Она
лепила нежность,
черпая глину
из источника
со сладостной водой.

Она

предсказывала ласку
по форме пятен масла
на поверхности
воды.

Она
поддерживала
толику огня
в садах блаженных,
навсегда
смирившись с тенью счастья.

Практика пустоты

*Он крадётся под звёздами,
Бледный, как звёзды.
Марк Стрэнд*

Тишина замыкает цепь,
и количество,
переходит в отсутствие.
Он не знает о чём петь,
пока не взойдёт осень.
Он не знает кому верить,
пока не придёт разлука.
И на фоне мёртвых цветов –
он попросит дождя.
Закурив у стены, натошак –
он забудет свой угол,
забудет имя,
чтоб казаться полнее
на долю секунды;
и выронив страх,
или жизнь,
шелестеть колокольчиком льда
по первому снегу
полей,
затаившихся
в снах без начала.

Инкогнито

Ночь –
это ли не раскаяние,
это ль не грехопадение?
Ночь –
оказаться в той же утробе,
откуда был вырван временем
и втиснут в пространство крика.
Ночь –
слышать, как воют

столетние хвои,
словно ангелы отрекаются
от влюблённых,
от этих
бледных звёзд
в лавандовом воздухе.

Ночь –
видеть судьбу,
чьи глаза – сухие репы,
но чьи слёзы – белое золото.

Ночь –
инкогнито,
уснуть под забором заката,
стократно
забыв значения слов
под наркозом осенней листвы.

Секвенции

Октябрь. Проводы солнца.
Утоляя голод,
расширяю границы опустошения.
В свечении бледно-жёлтого
плыву по течению,
стараясь выйти сухим из воды.
Жду свой зелёный,
от пробки до пробки,
пока дождь треплет нервы
обглоданной флоры,
заметая следы на сетчатке,
и зачищая
перспективу
для первого снега.
По законам жанра –
лучше б меня здесь не было;
но здесь – самая лучшая
из
альтернатив,
как докажет, со временем,
переплетение сплетен
в пресной мемуаристике памяти.
Низко-низко,
в плесени луж,
склизко-сизое небо скорбит;
гнилое дыханье Упы,
порывистым ветром,
бьётся о берег сердца,
словно просится на руки;
осень, шурша газетной бумагой,
чадит по-отечески...
Бесконечность – не меньшая скука,

чем распорядок дня;
распорядок дня – не меньшая истина,
чем безразличие осеннего вечера,
чем хрустальная влага на кромке ресниц,
засыпающей, в одиночестве,
женщины.

Нагота

Луна,
взглядом большой серой совы,
приоткрывает нагую плоть
на атласной постели,
словно
чистоту и холод
свинцовых белил,
словно
точку пересечения
двух бесконечностей –
внешней и внутренней,
дня и ночи,
где
существование –
безбрежное предвосхищение,
застывшее время
у жертвенника любви;
где
нагое сердце –
зыбкая незабудка,
вышитая на платье
полночного ветра;
где
молодая душа –
венозный узор
моря
в капельке
солёного пота;
и первая ласточка солнца –
остановка дыхания
на пути к совершенству ночи.

Элементы нежности

Освобождённый ум подобен затухающему пламени.

Будда

Когда прожитое, как на словах, мгновенье
растает в негативе зимних слёз,
когда закуришь у молчащего камина,
или, без спроса, влюбишься в печаль,
и, словно чай, остынет сердца сладость –

увянет всё, забудётся, только память,
как искалеченный солдат на поле боя,
в разводах льда, в ладонях злой метели,
где серебром сквозным расколот воздух.
И нежность обратит свой тихий голос
в тоску по снам без лишних сновидений,
в бессмертный снег и пустоту пространства,
стирая призрачные грани синих сосен
и оставляя розовый дымок.

Воск

И смыт

дождливый вечер ливнем глаз моих.

Рафаэль Альберти

Холодный дождь,
хрустальным языком,
ласкает оспины асфальтовой дороги,
остатками слюны
питая голод глаз...

Душа, как воск,
течёт смиреньем праха
под жестяным горбом дымящих кровель,
шепча неспешно в уши дымоходов,
как будто просит чаю с молоком...

Глухая осень
чистит пёрышки у кромки
болотных облаков,
спит на соломе ломкой,
мечтая встретить руку Левитана,
не отвечая на входящие звонки...

Холодный адрес,
взгляда неизбежность
почти закончат холст,
остыв в траве железной;
я принимаю, осень, твою нежность,
и забываюсь,
чтобы сохранить

слезой замёрзшей,
в воздухе ночном,
луны погост,
как памятник молитве,
как память влажных глаз
у стен размытых,
как губ свечу
в свеченьи тихих фраз...

Струны

Частица света в смоли глаз –
солнце моё.

Сердце моё –
влажная роза
под жёлтой простынью плоти.

Замирает душа тополей
вдоль оврага,
и в беспредельность плюёт
полураздетыми кронами –
это моё “прощай”.

Господин Никто

Время безвременья
срывает банк –
закулисная ночь, занозистый ветер,
закоренелый парк,
заросль погасших окон,
затворничество чердаков и крыш,
заражённый осенью воздух,
защёлка
стальной тишины...ть-ш-ш-ш-и-х...
Чуть слышно,
крадётся мышью душа,
перебирая зернистое небо;
высокоствольный рассвет луны,
затянувшись муаровой раной,
сны вышивает
на коже облупленных стен...
Присядь на дорогу,
наслаждаясь последним вздохом
печали.
Пусть огонь-златоуст,
с зыбкой поверхности глаз,
намекнёт
на господина Никто,
шелестящего своей тенью
у обочины мира
в поисках первой любви,
в поисках истинной боли,
на сломанных крыльях
зимних цветов...

Пропись

Печалью

*обожжено моё сердце.
Радости стало оно бояться
Дзюн Таками*

Там, где дождь заметает следы,
там, где ночь упускает из вида,
будто тонет что-то внутри;
за фольгою воды – дна не видно...

Скисших луж городская роса
берёт в клещи свинцом многоточий,
незаконченных фраз пустота
подметает промозглую площадь.

Светотень пожелтевшего сада,
переплавив палитру на грязь,
с чертежами панельных фасадов
срифмовала арабскую вязь.

И за всей этой пошлой тоскою,
горизонт подтянув, дышит осень,
а поодаль – мальчишка босой,
это я, и в руках моих – пропись.

Тиховой

Текут деревья на восток,
Иисусову молитву вторя,
плащом янтарным согревая тени.

Листва, реке вдогонку,
письма шлёт.
Инициалы ветер
оставит на воде.
Седой камыш
присядет на колени.

И ты поймешь,
что камни, тоже дышат.
И ты увидишь
в капле слёз –
рассвет;
и мудрость старика,
в сухой коряге.

Огонь зрачка
соломой прорастёт;
бумага прогорит,
слова землёй осядут,
приоткрывая талию души,
словно берёзовую тишь.

Ты выйдешь в сад,
но встретишь, только эхо,
считающее, сонно, этажи
холодных облаков
над журавлиной шеей.

Ты вырвешь сердце,
чтобы слушать стук дождя,
и блеклый пульс развеешь над рекой
дрейфующим туманом.

Септаккорды весенней воды

Голод оттачивает обоняние.
Септаккорды весенней воды
импровизируют
с нервами, сексом и алкоголем,
в сотнях редакциях сердца.
Больше, больше заборов,
чтобы пройти насквозь!

Красиво, но бесполезно,
примеряя смертельную дозу
перед кривым зеркалом,
кто-то громко тоскует
о карьере великого странника.

Стихи, для чтения про себя,
как последнее детство,
возвращаются
к, заслушанному до дыр,
берегу моря.
Опускаясь на дно,
между водорослей проводов и тел,
последнее слово
высматривает
в землистых зрачках и шрамах –
протяжённость прекрасного.

Холодной росой,
на лбу,
проступают капельки пота,
звения:
”Помни –
то, что делает нас сильнее,
иногда убивает,
обернувшись смертельной усталостью глаз,
опаздывающих
на разговор по душам
в тихом баре...”

Хинодэ*

I

Семнадцать строк
до восхода
солнца.

II

Часть первая. Вечер.

Провожая взглядом
последний автобус,
свой голос
ему оставлю,
поставив безмолвную точку
под пагодами
восклицающих сосен.

Часть вторая. Ночь.

Листья шуршат под ногами.
Звёздам, глаз не сомкнуть.
Кто-то должен не спать.

Часть третья. Утро.

Тающая луна
за спиной.
Разгребая туман,
смотрю
на горизонт,
на восходящего солнца колос.
Сердце – хлеб-соль.

III

Время листает пыль.
Расставляя слова по местам,
жду заката
в офисе.
Хочу опоздать
на последний автобус...

* - *восход солнца (япон.)*

Центр тяжести

Центр тяжести –
мягкая поступь кошки
в тихом вечернем свете.
Сердце уюта –
тёплый бокал вина.
Для полноты букета –
прядь женских волос
на пальцах.
Невольно
обманываю себя,
что так было и будет.
Но пепел на чёрных висках
бесцеремонно
падает на пол.
Прохладно.
Время пить чай.
Разглядываю
пурпурные капли вина
в области сердца
на белой рубашке.
Не отстирается.
Минуте молчания
в рамках минуты
становится тесно.
Мягкая тень кошки
теряется за портьерой
осеннего занавеса.

Октябрь

Закат, нежнее зверя,
ладони, тяжелей свинца,
шлейф от дождя на шее,
осколки багреца
с посмертной маски солнца –
нас выучат полыни...

Дорога, шум колёс,
болотный ветер,
холодный пот ветвей, прохлада глаз –
всё то, что стало
этим днём, отныне,
раскается в утробе зимних ласк...

И тают миражи
поверх стекла,
в холодном алом,
еле уловимом...

Река текла
усталым взглядом,

тенью
голодного и загнанного зверя,
через распахнутые двери листопада,
чтобы наполнить отраженьем
облаков
глаза души
и тёплый воздух сна.

Сепия

Мы приходили посмотреть на одиночество,
похоронившее мелодию в тумане,
под чёрной маской скрывшее оправу
дождливых губ и северных зрачков...
Прекрасна полночь, если рядом – никого,
как будто ветер сам с собой играет,
и все цвета – единое пятно,
и все слова – лишь волны на песке.
Мы приходили выразить признание
сухой траве, смотрящей солнцу вслед
и выцветшей поэзии аллей.
В размазанном движении реки
глаза искали ускользящее небо,
и лёд терпения окутывал ресницы;
и мглистый дым уснувших тополей
струился под ногами тихим свистом.

Оптические иллюзии

Холодная девочка Ночь
ложится в мою постель...
Эти горькие губы...
Глаза – чаши янтарной тоски...
Актриса, сыгравшая дождь
на лиловом небе.
Идеальная женщина
с именем Одиночество
под чёрной шёлковой блузкой...
Это мягкий блюз,
мягкий, как расплавленный воск
на пальцах нежных любовников...
Холодная девочка Ночь
падает на спину,
как сквозняк в разбитые окна,
бросает винную прядь волос
на ледяную грудь,
и тает за ширмой
тёмно-лазурного ветра;
оставляя
лёгкий постскриптум,

поцелуем зари,
на горьких губах
цвета запёкшейся крови.
Я нащупываю
дрожащую
тень от плафона
в тишине шерстяных одеял,
я пишу на осенних листьях
элегии холода...

Катарсис

*...и я так же
одинок, как это дерево,
воспламенившее своё чистое масло...
Хуан Рамон Хименес*

Ветер падает на кровать,
на одеяла
из осенней листвы.
“Тибетская пустошь надёжней
красок Монмартра”, –
шепчет листва,
по горло сытая
влагой
с грязных подошв неба.
Невпопад попадая взглядом
в прокуренный ритм ветвей,
делаю своё дело –
пью на последние,
и наслаждаюсь безденежьем
с полным правом;
ведь сердце должно стучать,
суконкой мышц
под мокрой одеждой
души,
нежно и безвозвратно,
как первый снег
на ладонях вандала.

Тайна

Холодной плёнкой темноты покрыты окна,
и темнота роднит тебя с желаньем,
и ты боишься темноты, словно дитя.
Тебя знобит, и ты скрываешь дрожь
за маской каменного сердца, что молчит,
переполняемое криком одиноким,
молчит, как море, утаившее прибой.
Ты смотришь вдаль, даль входит в твою плоть
прозрачной наготой, где только – поле, небо,

слепая глубина пространства света.
Глаза твои вмещают больше, дальше,
чем могут видеть, знать и даже ждать;
а ждут они, почти всегда, зимы.
Подтало-рыжий абрис облаков
сползает маслом в лезвие зрачка,
и ночь берёт своё –
ты снова вспомнишь лето,
но лето вспомнит, лишь осенний сон
и выцветший подсолнечник луны.

Дегустация

Под небесно-облачной известью
осенний ветер
проверяет на прочность
листовое железо кровель,
приглашая голодные рты дворовых овчарок
на дегустацию пыли.
Когда-то здесь были леса,
не те, что накрыли фасады домов ржавыми струпьями
строительно-
ремонтных работ,
а изумруды и родники на полудиком теле земли.
Свидетелем – пыль, лучший из краеведов;
пыль на моём лице, волосах, руках и ногах,
ласкающая тротуарную плитку, когда садишься в автобус,
когда переходишь, негласно, на “ты”
с пчелиным роем мерцающих окон,
зажигающихся от пустоты
и гаснущих в безукоризненном одиночестве.
Свидетелями –
осеннее сердце,
разгадывающее перекрёстки,
словно сухие кроссворды,
и разрывающиеся снаряды
проблесков светофоров,
что падают трёхцветным огнём
в окопы уличных пробок,
как в океан,
величественным дыханием,
приподнявший
сине-зелёные крылья
над сторбленной тенью безмолвного дна.

Мозаика

Любить, как рубить с плеча,
под самый корень древа познания,
вслушиваясь до глухоты

в колокола кувшинок
на, подёрнутом ряской, пруду.
И тонуть, тонуть, тонуть!
Любить, как взойти на плаху,
чтоб голова пошла кругом,
чтобы нервы, как звуки лютни
играли в медвяной росе слёз,
чтобы, лишённый всех прав,
наконец заглянул в своё сердце.
Иначе к чему, к чему, к чему?!
Любить, как принести
вязаное лукошко
лесной земляники
к порогу декабрьской ночи.
Wake up! Wake up! Wake up!
За дверью
шелестит свежий воздух
полураскрытой книгой
с иероглифом “сердце” на мягкой обложке.
Падай в полночный обморок
прозрением юной души и плоти –
не зря падение называют свободным.
Осенние тени бросают якорь
в капле горячего пота,
вода – значит жизнь.
Любить – как смотреть на воду,
у подножия
первых лучей солнца.

Без вести

Дополни моё одиночество.
Падает дождь на холст.
Дополни моё одиночество.
Пылью шепнёт дорога.
Где ты, моё одиночество?
Плачет луна в воде.
Где ты, моё одиночество?
Пылью земля остывает.
Где ты, моё сердце?
Просит олива ветра.
Где ты, моё завтра?
Море роняет разлуку.
Прости мне моё сердце.
Гаснут глаза от пыли.
Прости мне моё завтра.
Дождь набросает записку.
Где ты, моё одиночество?
Буквы блеснут позолотой.
Где ты, моё одиночество?
Звуки достигнут молчанья.

Где ты, моё сердце?
Ночь раскроет ладони.
Где ты, моё завтра?
Дождь упадёт на рану.

Моно

Октябрь на улице Октябрьской
прорезался, напоследок, случайным теплом,
и скрылся, где-то в районе Октябрьского посёлка.
Круг замкнулся – выхожу на конечной. Цежу сухим ртом
влажный воздух. Ржавой тесёмкой
рассвета подогреваю взгляд. Мало-мальски
приветствую стаю блаженных дворняг у дверей офиса.
Искореняю вопросительную интонацию,
отбивая вечный дождь в голове.
Жухлая тень старенькой груши
валяется
на мокром асфальте;
отпечатки её пальцев ласкают осенний воздух.
Подберу. Пригодиться
скоротать одиночество или бездушие.
Скрежет листьев, не первой свежести, заставляет смеяться
над собственным благополучием,
дёргая зрительный нерв
матовых окон, которые помнят ещё
лучшие кадры
позавчерашней осени.
Хочется выспаться, но время встречает бессонницей,
остаётся –
говорить, говорить, говорить,
не говоря ни слова,
и хоронить табачный туман
в колбе охрипшего голоса,
как последний глоток безволия.
Мираж переменного неба –
низко-низко, вязко-вязко...
Октябрь на улице Октябрьской, развеяв охру,
скрывается, где-то в районе Октябрьского...

Chaussee*

Склонили кисти, над немой травой, берёзы,
как ангелы над грешником льют слёзы.
Ты созерцания полна, и ты грешна,
ты безутешно молчалива, ты нежна,
что осени холодные запястья;
и тонет вечер в облаках твоих волос,
и падает в глаза червлёной мастью,
зарю бросая, как собаке верной кость.

Ты сумраком оденешься по-царски,
на землю ляжешь, словно кроткий пух,
глаза сомкнёшь, тебе нашепчут сказки
туман шоссе и неба чёрный круг.
Совьётся холод под твоей одеждой;
ты созерцания полна, пока незрима;
промедлит сердце, утаив стократ надежду,
но сумрак в венах вспомнит, как любила.
Прольётся свет, из чаши звёзд, на город,
и ты вонзишь последний лучик счастья
в холодной плоти тонкие узоры,
как в осени холодные запястья.

* - шоссе (фран.)

Легко

И звёзды глаз твоих теряются в тумане
Гийом Аполлинер

Чёрным вороном город закружит,
фонарями проспект прошипит,
ты согреешь полночную стужу,
разбивая дыханье о ритм,
ритм ветвей, заплетённых в созвездья,
проклинающих каждый рассвет,
ритм обочин слепых, пульс прозрений
сквозь тяжёлый искусственный свет.
Всё избито, как же избито,
так доступна печаль твоим снам;
ты кладёшь макияжа иридий
на лоснящейся кожи металл.
Разжигая проторенный голод,
обливаясь, как талой водой,
жадным смехом, вином и свободой,
ты уходишь сегодня со мной.
Тебе страшную тайну открою,
словно дверцу, не глядя в глазок,
занимается тело любовью,
зарывается сердце в песок.
И насытившись плотью горящей,
снова сердца тоску себе взвесь,
ведь, как будто, живёт в настоящем,
но окажется, дышит – не здесь.

Гравюры

Аромат остывшего чая.
Натюрморт из грязной посуды.
За окном – дождливо. Скучаю.
На столе записка: “Целую”.

Сонный взгляд высыхает олифой.
Ртуть зеркал отливается в нежить.
Наслаждаюсь будничной рифмой,
чтобы сдохнуть от скуки нежной.

Неба ткань листопадом пылится,
прорываясь подкладкой снежной.
Набивается скупость мысли,
словно время для размышлений.

Отплывает туман ржавой баржой.
Передержанный воздух, как плесень.
За стеклом – промозгло. Не важно.
На столе записка: “Повесься”.

Виньетка

Спят поцелуи в крапиве.
Ветер агатовый топчет
травы объятий недвижимых.
Липовый мёд твоих губ
тает вечерним солнцем.
Плечи, ветвью ракиты,
падают в чёрную воду.

Сон похитив, разлука
вырежет взгляд из камня;
ты забросаешь камнями
танец луны-магдалины,
чёрный нектар прольётся.
в спящий бутон дымохода.

Эхом тумана накроет
шёпот могильных холмов.

Ты заберёшься под кровлю,
к зеркалу тусклого неба;
матовых звёзд амальгама
сердце твоё срисует,
голову вскружит протяжный
ржавый волчок созвездий.

Песни цветов ароматный
розой раскроется вешней,
стебель сорвёт чёрный ветер,
голос рухнет на землю,
и проращёт слезами
северного тумана,
спящей крапивой губ,
утренним поцелуем,

потом холодным земли
у одиноких объятий.

Старик Ла-Морт

Сквозь седые глаза старика
опускается влажная ночь,
как горячий прилив
последних слёз;
в раковинах его морщин
плещется
солёное море чужих голосов,
далёких, как юные руки матери,
раскачивающие люльку с младенцем;
в чертополох его бороды
вплетены георгины
двадцати пяти тысяч восходов солнца.

Он стоит на ветру, чтобы смыть запах смерти
с медно-бледной сорочки кожи;
с хриплой гармошки прокуренных губ
он кладёт пожелтевшие листья дыханья
в конверт без обратного адреса,
и наклеивает
коллекционные марки
воспоминаний.

Сквозь седые глаза старика
доносится вечная ночь,
горячий закат, покрытых смирением, плеч,
одиночество толкователя сновидений,
лишённого привилегий сна;
в неводе его морщин –
улов из останков бури,
сдавленной
между жабрами
солёного бриза
и плавниками вечернего солнца.

Он стоит обнажённый, как медь,
собирая, полынью пальцев, тяжёлые брызги зимнего моря,
причастившись пепла седых волос,
провожаемый маятником
одинокого сердцебиения.

Колокольчик

Слух поверяет себя пустоте
глухих перекрёстков –

какой тонкий почерк
на фоне свечи тишины!
Ночь соскребает
третий слой грязи,
и ты никому не нужен,
а значит –
верен себе.
Куда же спешить дальше?
Луна, докурив в лужице света,
скроется пеплом
в золе
чёрного облака.
Ветер волоком,
сквозь сапфировый холод,
протащит
рваные крылья воздуха,
нежно звеня за плечами.
Дзинь-дзинь дон!
Ночь стучит по карнизу,
словно сердце
путающееся
в показаниях.
Боль, что надёжнее
тысячи обещаний,
остаётся твоей болью.

Воздух бронзовых крон

Осенняя полутьма –
страницы забытой книги.
Чешуйки асфальта, рыбы
глаза дождливого неба.
Тумана застывшая пемза
на кальке точёных берёз.
Зари проталина, сера
вдоль смальты дорожных полос.
Змеинная кожа да кости.
Ноябрь подбирает слова.
Осенняя полутьма.
Лакуны осеннего солнца.
Рассвета ржавая оспа,
как автопортрет в углу.
Свечи поминальной проседей,
поддевшая ветра золу.
Скрипичей натянута осень,
соломой седеет рассвет,
ты тёплого слова попросишь,
но ветер сведёт всё на нет.
Прохлады вечерней корица,
травы сон, как дым папирос.
Закат поравняется с птицей,

душа полетит под откос.

Азалия

Пылает даль
безмолвным криком.
Тоньше пыли
крылья чайки,
упавшей за горизонт.
Призрак луны на воде
раскрывает тайны зеркал.
Морским узлом
связан мой голос –
он не рассказывал
никому никогда,
как одиноко море,
как азалия сердца
доступна
ночному бризу,
как краток миг
случайного счастья
(вдох-выдох),
где солнце,
цвета Мадеры,
целует уставший песок,
и поздний взгляд,
словно вереском,
прорастает сквозь звёзды
на взгорье чёрного неба.

Нюансы

Вест молчалив. Залив кровав –
ни жив ни мёртв – Халиф на час.
Альков зрачков – столетний вальс.
Ветров анклав, впитав шлейф трав,
треф уронил на холм души,
сбегая вплавь и тая вширь.
Золотоглав песков рельеф;
он был таков, он тенью стал,
когда спросил: “Жива любовь?” –
и отвечал себе же сам:
“Жива, как сон, как стон, как боль,
как семь потов на небе алом”.
И звуков сев, и зов волхвов,
ночь расколов, дров наломав,
прилива блеск, утёса кровь
покрыли богословьем пыли.
След дня ленив. Душа, как соль,
жива, как сон, нежна, как ветвь,

влажна, как вспаханная нива;
и бригантины облаков
свинцом лежат над жнивом волн,
без рулевого, без ветрила.

И глаз твоих горячий шоколад

И глаз твоих горячий шоколад,
и губ имбирь – декабрь округляет
до абсолютного нуля, до ноты си-диез.
Пространство набирает серый тон.
Ты влюблена в природу
мёртвого звучанья,
и на улыбке ставишь крест, как подпись.
Снег распускается в садах
монгольским кашемиром,
и жёлтой медью солнце отдаёт.
На подоконнике цейлонский чай
выводит розу в воздухе
дымком душисто-крепким.
Всё кончено – так набирайся сил,
чтоб снова тратить ожидания и мечтать,
пока в окне, словно по клавишам рояля,
с ветки на ветку прыгает сорока,
и плед скрывает мир от твоих глаз.

Морская пена будет твоим плачем

Морская пена будет твоим плачем,
лесной родник – последней каплей крови,
и ветви сосен – мятным сном ресниц,
и кельей – ночь, с евангелием оста.

Росы хрусталь пусть будет твоим блеском,
пшеничный ветер – поцелуем легким,
и вкус дождя – вином с лозы июля,
и берегом – туманный полумесяц.

Пусть будет ночь тебе прощальным взглядом,
цветок зари – сомкнутыми устами,
и красный клён – холодной тенью сердца,
и кронами – лазурный ток Плеяд
в созвездии Тельца на чёрной сфере...

Аз, Буки, Веди

І
Доносится
хруст тростника

(это сердце сковало льдом).
Шелест осоки
тенью ложится на дно.
Мутные волны перебирают –
“Аз”, “Буки”, “Веди”, “Глаголь”,
и выбрасывают нежное имя
на берег змеиного логова,
имя твоё,
моя возлюбленная
Ева...

II
Моя мечта –
ползти виноградной улиткой
по белоснежному склону Фудзи,
и застывая венозным ясписом
на самой вершине,
срывая ухмылки пепельных облаков,
бросать их
на темя туманного дола,
как лепестки роз,
крича вдогонку:
“Всё-таки, есть небо!”

III
На небе сгущаются тучи,
будто дым
всех выкуренных сигарет
возвращает долги.
На старом кладбище,
неподалеку от берега осени,
надпись ветром:
“Входите без стука”.
Мёртвые любят
переслушивать дождь;
живые –
переспрашивать мёртвых,
и признаваться последним в любви.

IV
Сколько слёз в твоём сердце,
столько звёзд
обожествляет разлуку,
серебристо-серым колье
отражаясь в чёрной воде.
Столько слёз в твоём сердце,
что дождь заснул на камнях,
словно
надломленный ствол тростника
в полночной пустыне.

Зимовье

Снег и свет на подоконнике дышат душа в душу.
Кельтская меланхолия. Сердце вздрагивает шорохом птиц.
Зима прорастает узором папоротника на замёрзшем стекле. Слушаю
пульс ленивых часов, разбивая о белую тишину глиняный сосуд голоса. Искра

ласки, высеченная полднем из рудожёлтого камня солнца,
падает на черепки волглых девятиэтажек, шихтуя вспышки-тени
немых занавесок. Традиционность, бледная, как бумага, сдавливает полусном
ледяную пустошь ладоней. Собираю чёрно-белую мозаику неподвижного тела

в один большой легковоспламеняющийся архив,
и подношу искру ласки. Праздники нагнетают скученность красок,
но, в сущности, скученность – слепок с лица одиночества, где шорохом птиц
дрожит промозглое сердце, и, разлетаясь в пух и прах, брякает ржавой связкой

ключей на подмостках прихожей.

.....
.....
.....

В сугроб лица. Оборванные строфы

в сугроб лица
падает медленный свет,
натягивающий венозную плоть заката
на косный скелет горизонта

за барными стойками доминошных столов
разливают
рябину на коньяке,
и закусывают
лимонными дольками солнца

с оголённых, как лёд, проводов
свисает запад
нежно-свинцовой прохладой

медный цветок облака
струится ржавой пылью,
питая свой призрачный корень
алкоголем вечернего воздуха,
словно десертным ядом

в глазах подъездных лампочек
отражается завтрашнее похмелье...

холод постели
запирает чёрную ночь
беспокойной фантазией шлюхи

не продохнуть –
смола стекает по серебристой коже зеркал,
бронзу губ обволакивает
патина
лунного пламени

ноябрьская луна,
гематомой
туманного взгляда,
шлёт всё ко всем чертям,
и даже чертей, к их собственной матери

завтра рано
вставать

Пыль

*Плоть ищет больше
чем плоть может дать.
Чарльз Буковски*

Всё, чем стоит гордиться –
это пыль, пыль, пыль, и ещё раз пыль...
Всё, что есть у тебя –
это чистейшей воды проза,
смирение в похмельных глазах,
и ночь за углом, как чёрт за калиткой,
бросающий острые камушки звезд
в сдержанные колокола
окон.

Всё, что есть у тебя –
чёрное лукавое сердце,
сжираемое безмолвием,
благословенно плетущееся
по душным равнинам и прериям,
стыдливо прикрывшись,
грязным бельишком листвы.

Чёрное лукавое сердце,
ты можешь быть хоть алмазом,
хоть диким шёлком
для сотни, другой простодушных,
но для желтушно-сырой подворотни –
ты, всего лишь, мускульная котомка
в левом отделе грудной клетки,
мышка-нарушка
в локонах ядовитой змеи,
облачко запёкшейся крови
на грязной одежде.

И, пожалуй, единственное,
что стоит иметь ввиду,
говоря о бессмертии в полуподвальных комнатах
борделей и рюмочных –
это дрожащие пальцы осеннего равноденствия
над языками костра,
это нежные слёзы пыли,
нанизанные
на излучины мокрого ветра,
и что-то ещё, что теряется,
и забывает слова
в складках луны,
словно в вывесках придорожных отелей.

Филомела

Флейтовый слог, ивлев свист,
водопойные и луговые дудки,
ласкающие барабанные перепонки
рельефной листвы...
Мелодия соловья –
это всегда мелодия соловья.
А я подбираю в овраге чужой голос,
(худшее, что может случиться
в жизни),
и кладу его прямо на сердце...

Она говорит про любовь,
смотря на грязь под ногтями зеркал,
а после, уходит, лаская ступеньки
нетрезвой походкой,
и я кладу её прямо на сердце,
рядом с чужим голосом,
ощущая горьковато-сладостный привкус.

Под железной лазурью неба,
в замшелой пивной,
где подают дешёвую водку,
где царит нежный ад
в исповедальных междометиях
прокуренных губ,
ив-ив, уить-уить, пью-пью –
мелодия соловья,
сквозняком беспокоящая
глухоту
оливково-зелёных салфеток –
это всегда мелодия соловья.

Она говорит про любовь,
снимая вязаный свитер и джинсы,
похотливо тревожа

ряску бледно-зелёного пододеяльника.
Может быть она счастлива?
Может быть даже,
она слышит,
закрывая пьяные
кораллово-красные глаза,
в плотных дебрях кустарников и травы,
среди гнилых, болотистых мест,
как приземисто сидя на ветке
и опустив крылья,
импровизирует Филомела.
И я кладу её прямо на сердце,
рядом с дешёвым вином
и болотными лилиями,
пока ночь догорает стоватткой
в проёме двери.

Зелёный

Ветер, как струны лютни,
перебирает
провода;
на автоответчике – дождь со снегом;
позднее ноябрьское солнце
прорастает
комнатным цветком;
кончики пальцев
ландышами
звенят от холода;
круги, под обветренными глазами,
довольно скверно
претворяются маргаритками;
батист тумана, муслин облаков –
интерпретация бесконечна,
формулировки – бесплодно-призрачны.
«Ты настолько желанна,
что не можешь не быть одинокой...
Заходи на кофе
с коньяком,
мы так редко видимся», –
говорю первой встречной...
Ветер, как струны лютни
(кажется Бах);
позднее ноябрьское солнце
(шалфей или календула);
пыль на ботинках
похожа на исповедь;
кончики пальцев
теряют чувствительность
в туманном воздухе,
в уравнениях улиц и лиц

с десятками переменных...

Красный

Она скользит по делам,
как капля дождя
по шоколадно-коричневым веткам
(извечная тень чужих взглядов),
и, кажется,
так будет всегда,
пока будут писать стихи
на бумажных салфетках
осени,
и она,
всегда будет рядом
с теми,
кто смотрит ей в спину...

Реггей

Человек, оставь самого себя...
Мейстер Экхарт

В ритме реггей падает первый снег,
словно пишет стихи седовласый старец,
и бросает на землю сырые строчки.
Веет эхом. Бледные вены – и смех и грех.
Реквием, нежнее осеннего вальса,
заливает палатки цветочниц.

Первый снег – благозвучное бла-бла-бла.
Пунцовые кисти рябин приправлены
пергаментным мехом. Известковые тучи
шуршат над восковыми домами.
Ослепительная глухота пространства,
словно вскрытая раковина моллюска.

Засыпая не чувствуешь боли.
Время крошится мелом, рисуя облако
на небе, цвета асфальта.
Прохладные волны в ледяной кулак собирают волю.
Бьёт задумчивым колоколом
ржавого крана последняя капля.

В ритме реггей остывает проезжая часть,
остывает дыхание, паровым сгустком
сваливаясь с губной перемычки.
Зевающий ветер играет безлиственной пастью.
Терпение – как шестое чувство.
Движения губ – пустая привычка.

Морская болезнь

Я снова брошен в море,
приписанное кисти Айвазовского,
изломанный челнок,
худая шляпка,
что отдаётся шляхой
зелёно-фиолетовой волне,
и тонет в мёде грозового неба,
и в меди хлётского норд-веста
щепкой тлеет.
Я снова, погружением зрачка
в холодную изрезанную рану
стенающей марины,
чернила памяти вечерней разливаю
по первым строкам Книги Бытия.
Туманный берег к гортани ночи липнет,
я слеп от брызг и криков синевы;
я снова брошен, как комочек глины,
в печь раскалённого холста,
где кровь моя –
солёная вода,
и жизнь – минутный ветер.
Огонь луны, бледнеющий как смерть
на фоне черепков фрегата,
где винный лучик неба, лишь мираж,
отслужит панихиду,
став туманом.
В морском котле, кипящем маслом света,
я обретаю тишину
и нежность слов,
я снова вижу кораблекрушение,
и сердце омывает тишиной,
и проступает соль на хлебе плоти.

Каприс

Словно вскрытая рана
прорывается
голубовато-серая кровь зимы
из-под сна заливных облаков.
Скрипка снега играет
двадцать четвёртый каприс Паганини.
Ветер застрял в ветвях
росписью по керамике.
Швейцары дорожных столбов
приоткрывают глаза,
анонсируя рыхлой суглинок ночи, где иней,
как лиманные лечебные грязи,
оцепляет больное сердце.

Аорта неба
качает холодный воздух.
Снег перевязывает буро-чёрные язвы
травы; на больное место
ложится кошка. Тоскливо.
Уютно поздно. Порознь со всем миром –
а может, и вместе,
собирая на шторах следы
соленых звёзд,
как помёт голубиный.
Тень от липы в окошке крестится
день-деньской,
подбрасывая озноб.
Пар из труб, словно чай с малиной,
заливает ноздри.
Искрой вечерней, свечка солнца ложится в гроб.
Месяц (кожа да кости)
лезет дворняжкой на холмик могильный.

Туманность Орла

Ты одна. Бутылка вина, как пролог.
Остывший чай на столе.
Время тлеет – в час по чайной ложке.
Три основных цвета –
цвет крови, травы и летнего неба –
отливаются пламенем полночного пота
на горячих губах. Полог
свинцово-серой луны застилает прохладу глаз.
Чем дальше смотришь,
тем нежнее туман. Бессвязный
крик одинокого сердца
рассыпается жемчугом плача.
Туманность Орла, степенно
качается маками звёзд
на расстоянии
семи тысяч световых лет.
Последнюю каплю терпения
на серебристо-белой груди
растворяет сквозняк занавесок.
Ты ищешь здесь, хоть кого-нибудь, но
голос – тише воды, ниже травы –
превращается в обсидиан.
Ты одна, и слишком темно за окном,
чтобы менять распорядок ночи.
Чёрный муар зрачков –
последняя капля мёда. Ночь
крадётся кошкой по шлейфу карниза,
наступая на хвост утренней тени.
В графе “завтра” – ласковый прочерк.
Ночь прощается с кем-то близким,

разделившим её одиночество,
как хлеб и вино летнего неба.

Кадмий

На цинковом небе – ноябрьский дождь.
В воздухе – тушь и сиена.
Пропласток перспективы
подводит брови сурьмой.
Ныряю дрожью
в дверной проём
и упираюсь в холод
венозных стен –
без альтернативы. Снова

нет ничего слаще её волос
в такое безвременье,
когда по стеклу
стекает
кадмиевая слеза,
разбавляя чайное многоголосие,
и побелкой ссыпается аромат
осенних аллей, перетекая
в разряд фантазий.

Я встречаюсь
с ангелами её губ,
с глазами,
цвета речной долины,
с её именем на обложке стекла,
чтобы проснуться завтра
в туманном распятыи солнца
над илом окон,
и прошептать простужено,
словно ночная фиалка
опустила на веки
холодную тень:
“Как в последний раз...”.

Олеандр

Облака,
из ароматного доминиканского табака
и тоски,
бесшумно плывут на запад.
Тени цветут на крышах
чёрными ирисами.
Я вспоминаю, как ты любила
переписывать летние сны
в тиснённый блокнотик...

Облака,
из ароматной мяты и нежности,
задевают светильники елей,
тая молитвенным шёпотом.
Тени на крышах вальяжно выводят
чёрную розу зари.
Кошка ложится в ноги,
как заходящее солнце,
прищуривая горизонт
кремово-жёлтых глаз.
Скоро проснётся душа луны
и повеет
зодиакальным светом.
В проступивших слезах ветвей,
словно в искрах шампанского –
запах моря, дождя и леса.
Я уверен, ты ещё любишь –
сидя в тени олеандра –
вспоминать обо мне,
подбирая блики
ветреных глаз прохожих.
Ты ещё любишь то время,
где сердце не спит, словно море,
качнувшее полночь...

Гипнос

Руки любовников
спят, как тени охотников
под открытым небом.
Кровь их крови –
пейзаж, сошедший с полотен
Северного Возрождения.
Плоть их плоти –
терракотовый лимб
над грунтом снежных полей.
Диптихом,
дымка ресниц дрожит
в лунном сопрано.
Руки любовников
спят, как слепки дамасских клинков
в глубоких ранах друг друга.
Кровь их крови –
Тигр и Евфрат;
плоть их плоти –
устья надтреснутых губ.
Дыхание
скрашивает тишину
и безвозвратно
теряется в кракелюрах клёнов.
Северная Корона,

зимним блеском,
срывает с петель вьюгу.
Руки любовников
плывут по течению
тающих ледников,
проводя друг друга
до пробуждения, как до дома...

Волянка

Тише воды.... Белым-бело....
Дрожит светляк настольной лампы.
Кружится снег, как помело,
и тает в плоскости асфальта.

Пахнуло холодом – открой
все форточки – декабрь на сердце.
Слоится топь аллея слюдой
и тает заревом абсента.

Мороз по коже.... Лёгкий иней....
Скелет ветвей в склеп неба врос.
Скрипит борей, как крест могильный,
скрывая в хвоях листья роз.

Под шёпот глаз луна плывёт;
на волоске лучится свечка.
Шёлк крови, шерстяная плоть;
в окне – тысячелетний вечер.

Как на ладони – тишина –
прохлады сонной повитуха.
В туман зеркал плывёт луна
и отражается разлукой.

Кровь стынет.... Лёгкая тоска....
На голос свечки лезут тени.
Ночь заполняет, вполглазка,
пустые строчки бюллетеня.

Тиамат

И пел я, как море поёт, в легчайших его кандалах...
Дилан Томас

Пусть будет тихо внутри, как на дне океана,
где древняя ночь прикрывается
безмолвием мидий и рыб,
где спят корабли,
где сердце трещит по швам
срединно-океаническими хребтами,

и разъедают глаза подводные соляные озёра;

а когда солнца шампань
одевается турмалиновым сумраком,
и роняет на марлю воды
вощаные гребни света –
можно всплыть,
и выдохнуть во всю парижскую синь;

можно всплыть, и считать лениво
височные кольца звёзд
над драконьей зеленью волн,
над яхонтовыми парусами неба,
сквозь старую розу норд-оста
примеряя сизые контуры чайки,
как нательный крестик.

Бабочка в кювете

Вспорхнёт, как бабочка зари,
твоих ресниц усталый отзвук,
и облака-поводыри,
разбавив померанцем воздух,

на верность присягнут закату.
Сквозь чёрно-белый дым ветвей,
вскрыв запоздалых встреч глиссандо,
проступит полдень фонарей –

ты вскользь помашешь маякам,
что льют янтарь в прибой метели;
ключ упадёт в родник замка,
обрызгав тишину за дверью.

Сорвётся, бабочкой зари,
с ресниц пастозный сонный ветер;
душа скучна, как трижды три,
но, скуки ради, и бессмертна.

Химера купоросных окон
остынет снегом на ветвях.
Сны обнадёжат одиноких,
но ночь оставит в дураках.

Сандал повеет василиском.
Взгрустнёт коньячная капель –
звезда к звезде. Растают мысли,
в кювет ныряя, как в постель.

Дикий декабрь

Душа твоя – акрополь сна, гробница восковая вьюги,
где ни кровинки, ни души, лишь нараспашку барельефы
сугробов, и слегка видны окаменелости лачуг
во тьме дорической луны; а в предзакатной магме неба –
растаявший солярный знак, холодный купол глинобитных
ветвей и зооморфных скал геологическая память.
Душа твоя – как саркофаг, где ни души, где ни кровинки,
лишь тусклого зрачка эмаль в землянке звёзд, пленённых воем.
И черепки старинных амфор – твои глаза – пьют вдалеке
метель, как бледно-снежный свет с надменных крыльев херувимов,
что растворяют в ночной роще, над зеркалом грунтовых вод,
свои прекрасные морщины, с мечом зари наперевес.

Голубой топаз

Фриз горизонта прорастает
глазурью льда;
курган восхода
бросает тень на знак дорожный
луны; и дюны первоснега
играют жемчугом зеркальным,
пока заплывшим воском глаз
ночь продлеваешь, сколько можешь;
и неба голубой топаз
кристаллизует облака,
прозрачным соком заливая
барочную лепнину крыш
в остроконечниках сосуллек;
и время тянешь мизансценой
с подмостков смерти, как со дна
морских кремнистых отложений;
струится солью снег, храня
осенних слёз огонь и пемзу;
прохладный свет струной рисует
на обнажённой коже имя,
и это имя – неизбежность...
И это – небо декабря...

Ассоль

Ты прячешь душу под подушку декабря,
и губы убаюкиваешь снегом;
безмолвие домашнего ковчега,
как на груди пригретая змея.
В зрачках из серебристого графита
мерцает ночи сталь. Сквозь сумрак, за версту –
улыбки нить – намёк на наготу,
на снежный блеск полей под ядовитым
туманным причитанием норд-веста.

Подснежник тишины – в твоём венце;
и ты сидишь на ледяном крыльце,
гадая на кофейной гуще сердца –
где в глубине тоски библиотечной
склонилась тень над шёлком Ариадны,
и фонарей сливовая прохлада
шагает одиночеством по встречной.

Сокровищница

Рассвет взмахнёт крылом
над царскими вратами,
как горлица на ледяном ветру.
Блеснёт лампадка солнца
пылью известковой
над овнами безмолвных облаков;
и горизонт, тяжёлый на подъём,
подкрасив губ бесцветную обложку
цианом и алойным бледным соком,
постель заправит в горькую траву.
В глазах – оттенок почвы и коры;
в ладонях – снежный танец лазурита.
Далёкий брезжит свет подвесками граната.
Ты багрянницей утаишь огонь в груди.
Пусть всё закончится, начаться не успев,
глубоким сном на жертвеннике сердца,
где лишь луны миндаль цветущий и
плодоносящая смоковница свечи
тревожат ночь прохладным ароматом.

Девочка

Бледных рук тишина – нескончаемой ночи предтеча –
антрацитовую тенью ложится в туман покрывал;
ожерелье волос опускается блеском на плечи,
как рождественский снег, осветивший лиловую даль.
И на крапчатом небе чернильными складками тают
перекрёстки ветвей – им брусничные губы твои,
что-то шепчут по-летнему, и безвозвратно теряют
тихий голос дорожный в зеркальных развязках зимы.
Бледных глаз тонкий лёд, отражая холодные искры
переменчивых окон, скользнёт тишиной в зеркала;
аметистовым следом порвётся закатная риза,
и подпалина лунная ляжет на кобальт стекла.
Под агатовым небом, далёким, как сны побережья,
ночь протянет тебе уголёк, словно летнюю ветвь
сквозь седую листву нерастроченной нежности снежной,
и влюблённость откроет глаза, чтоб ослепнуть навек.

Заклинание змей под солнцем пустыни

Зачатый в утробе неведения, выношенный на руках самообмана,
в заблуждении, черпающий оправдание собственной жизни,
и согревающий эфемерную мысль мнимого превосходства,
лилия грудничковой мудрости, уже полная самолюбования,
стыдливо пробивающаяся сквозь мутную воду царственной лжи,
твоя истина, хранящая девственность от посторонних глаз это –

философ, боготворящий стены родного храма,
поэт, снимающий шляпу перед выпивкой, женщинами,
втягивающий в прокуренные лёгкие
бездомный придорожный ночной холод,
лишь потом адресуя каплю внимания музыке строк;
философ, говорящий: красоту, ещё нужно, уметь и подать,
и поэт, принимающий на веру;
борьба с глубокой тоской многотомной прозаики жизни
и поэзия упоения заоблачной меланхолией

Цель твоей жизни – смирение, когда как,
по большому счёту, её естество – разнузданная, балаганная девка,
ядовито-сладкая и соблазнительно-отвратная;
только взгляни, какие невинные лица у самых закоренелых мерзавцев,
какой важный вид у самых последних бездарей,
какой тёплый взгляд у самых сухих душонок,
какая искренняя ненависть у самых нежных сердец.

И не лучше ли тебе умереть от рака лёгких,
или разложения печени, чем, никогда в жизни
не оставив и капли шелковистой горечи табака
на кончике языка, не воспламенив рубиновой теплоты вина
в кровоточащих мятой сосудах,
равномерно гнить во всём великолепии высокопарного тела,
в его рубашечной плоти, апогеем, олицетворяющей
процесс пищеварения кладбищенского червя?

Иной раз ты всматриваешься в отдаленно-призрачный
синий шум неба, и тебе становится жутко
от всеядной пустоты пространства, охватывающей
твоё беглое присутствие в мире грёз,
и рождается страх, от глубины взгляда, ускользающего
в зените опалённого солнца, страх невозможности
вместить скудной мыслью всю бесконечность вселенского эха,
вселенского небытия; и этот летаргический атмосферный купол,
пронизанный облачной ветошью, смиренно, но, не без доли сарказма,
смотрит на копошащийся под ногами кукольный город,
будто бы зная – будет пить собственную кровь, и не напьется,
будет поедать собственную плоть, и не насытится,
и слёзы его не иссушит время, и радости его
обратятся в страницы песочной пыли –
какая таинственная безысходность,
безысходность, делающая тебя сильнее.

Все твои круглые даты имеют свои рёбра жёсткости,
ибо израсходованный, выжженный потенциал художника, есть –
вознесение лавровых венков к мраморному сердцебиению осени;
но подлинная острота художественного творчества – подполье сердца.

И совершенная ночь лежит тягостным хмелем воздуха
на веках твоих штор, как прорицатели, обжигающиеся
о собственные пророчества, как твоё – никогда;
как ум, цепляющийся за жизнь; как сердце, жаждущее
привязанности; как душа, ищущая свободы;
как свобода, находящая себя в безумии,
где полная свобода – полное безумие.

И когда остывающее мгновенье мёртвых цветов заката
затмевает собой расцветающий солнцем полдень;
когда в туманности утра, спрятавшийся в траве жемчужный призрак
мелкозернистой росы, наполняет собой воздух до самых глубин
бледного неба – тогда твоё молчание, непереносимое молчание –
воистину больше золота.

Ты цементируешь привкусом скуки,
расщепляешь голодом обнажённой плоти слова
новые дороги для старых маршрутов,
вечное завтра для бесконечного вчера,
удушьё городских серпентариев, разбавленное
редким подшерстком глянцевого скверов,
проспиртованные стекляшки рифм
и сырые ноты подвальных ноктюрнов.

Думая о счастье, ты думаешь о лукавой улыбке судьбы
из нежных искр на костре самосожженья –
где полнота твоей жизни – преодоление;
суть страдания – приобретение веры;
и смысл терпения – заклинание змей под солнцем
выжженной души пустыни.

Осадок света лёг в фонтан

Осадок света лёг в фонтан,
Увенчанный листвой,
Я выпью за прекрасных дам
Из фляги золотой

Осенних сплавов. Дождь свинцом
Покроет гарь рассвета,
Я досмотрю последний сон
Потерянного лета.

Осадком день уйдёт на дно
Заката, рдея вскользь,

И кровь наполнится стеклом
Разбитых в окнах звёзд.

Твоих волос ночную гроздь
Посеребрит луна.
Мы будем вместе или врозь,
Всегда и никогда.

Листвы просохший фолиант
Иссякнет в многоточьях,
Я выпью за прекрасных дам
Бокал протяжной ночи,

Фужер вина или вины,
Под холостую дробь
Любви рожденной, что, увы,
Лишь смерть наоборот.

Химия выцветших глаз в прозрении вечного новолуния

Тяжёлые цепи объятий света на шее летнего полдня –
любви же меня, мой город –
витринная, заасфальтированная пробка
на горлышке мглистой реки,
утоляющей жажду конструктивистских глаз
закалённого оружейника.

Вот, распадающийся свинцовой дробью дождь
нисходящего августа
перелистывает свою историю,
раздирая медные связки водосточных труб,
и сознание, как вода, играющая смуглым огнём грузного неба.
Вот, меня август возьмет под крыло,
лебединым пухом высечет буквы и цифры в граните,
и снежной лавиной истекшее время скользнёт
в блаженную тьму, где облако сердца растает
осенним дождём над горячей золой заброшенных пляжей.

Я бережно охраняю вкус, цвет и запах
вечного распада
в горчице стылого песка, скрипящего под ржавчиной осени,
горящий в изголовье нимб от пожелтевшего эфира,
что, как скрипичный ключ перед пустынной партитурой,
и безответность горизонта, облитого рябиновой слезой,
и грань дождя тяжёлым бриллиантом
на матовой сетчатке – всё это для меня –
свидетельство нетленной души, и бремя, и любовь;
о, предосенняя любовь, я припаду
к твоим варикозным пыльным ногам
самоуправством сердца и вакханалией строк –
прими же из рук моих дар свой звенящий –

проклясть, благородно распять, или бросить с гордостью
кость снисхожденья голодному жалкому псу.

Нет, ни видимый свет, а только слепая тьма,
прозрение вечного новолуния
вмещает собой это сердце,
постигая безмерность и бесконечность любви –
нет у меня ничего, кроме законной смерти,
вдыхающей родниковую влагу сосен
на берегу безмолвия, оставляющего,
лишь ожерелье луны, сонные колокольчики зодиака
и опьянённую надежду, змеящуюся шёлком грозы.

Бескрылый полет ветра;
судорога ослепленного мотылька солнца;
леденяще-черная кровь ночи в прожилках вздернутого леса;
золотые струны надменной виолончели осени,
изливающие поток серебряной пены на уголь летних пожарищ;
тлеющая киноварь листвы,
оттеняющая потрепанный балдахин неба;
химия выцветших глаз на перекрестках могильных цветов –
это сладкое предвкушение умерщвления плоти,
это засахаренный мёд онемевшей земли,
это планиметрия уносящихся за горизонт птиц,
приветствующих топкое обновление сердца.

Всё глубже тишина, всё беспредметней слово

Всё глубже тишина, всё беспредметней слово,
И невесомость тянет из щелей,
Алтарь луны, как старая подкова,
Движения преступней и нежней.

Всё безнадежней летняя улыбка
На гроздьях, стянутых приморским сном, аллея,
Кремнистый берег, привкус соли зыбкий,
От слёз и волн опущенных бровей.

Воспоминания разбиты о вечерний,
Больной дождём, надтреснутый карниз,
Мелодия воды играет челном,
И челн плывёт в зрачков туманный бриз.

Всё глубже сон, и олово рассвета
Всё тяжелей, и в этот час одно –
Лишь губ её холодные приметы,
Лишь рук её доступное стекло.

Размытые следы с палитры блюза

Всю жизнь брести к себе, оледеневшей, мертвецкой походкой,
к своему глухому степному приливу, раскалённому мраком луны,
к своей полудикой присяге праведности, изливающейся
вакуумом света на подножие каменистых холмов;
одинокой песней выжженных трав всю жизнь искать свою тень.
Смотри, как солнце украсит палитру блюза, сыгранного в проёме окна,
на растаявших занавесках; мягкий полдничный ветер
ляжет в ладони пыльцой поцелуя; время подарит вечер –
вечер напишет чернилами сонных глаз предисловие к ночи;
ночь украдёт твою тень;
а в хрустальных глазах – течение времени –
жертвенный огонь осени, чередующийся с пробуждением весны,
полярные льды и рифы северных струн, роняющие
бриллиантовый свет на уснувшее дно древнего океана,
прессинг стеклянно-стальных декораций
в атмосферных потоках облачных пилигримов
и отражение недосказанного.

Безразличие окон, дверей, стен, глаз, губ, рук, движений, дыхания,
встречных следов – но солнце, всё также стремится на запад,
и звёзды падают с чёрного неба в мечтательность южной ночи,
поселившейся во взгляде цыганки; и кто-то кому-то скажет –
люби меня, ненавидь меня, убей меня, оживи меня, найди меня,
потеряй меня, вознеси меня, раздави меня, люби меня,
если имеешь окна, двери, стены, глаза, губы, руки, движенья,
дыханье и теплую ленточку встречных следов.
И ты здесь, о, надежда – дочь отчаянья – изрезанное сердце –
самый прекрасный цветок на алой ткани души –
твоя глубина спряталась на кромке сорванного лепестка розы.
Посмотри же на остатки белого порошка зимы,
крупницы бессмертного сна на сапфировых пальцах умирающего
шамана-сновидца; посмотри на расплавленный шар золота
в тигле неба; посмотри на ползущие из берегов изумрудно-глинистые
аспиды рек; посмотри на молитву опадающих листьев-писем,
адресованных заходящему солнцу; посмотри на своё отражение
в капле росы на ресницах возлюбленной.

Но вот, зажигается чей-то голос в ночном кипятке,
под сентябрьским листопадом, будто шепчет кленовый лист:
кто ищет, тот найдёт, найдёт и потеряет, ведь, дар обладания
убивает силу мечты, надежды, предвкушения, и насытившаяся жажда
беззвучно исчезнет, уступкой новой жажде – лишь тот всегда имеет,
кто ничего не ждёт, кто ничего не ищет –
так ручейком струится осени баллада
перед потухшею свечою фонаря,
играя, как губами,
прожилками янтарного фрактала,
ритмично падая в сырой землистый дёрн,
в могильную прохладу –
фиалкой ночи вздрогнет голос мой вослед.

И я увижу хвосты пепла, блуждающие в эфире,

у догорающего жертвенника,
сложившиеся в хрупкий ряд иероглифов,
в которых отразятся три любимых слова:
пустыня, море, боль, пустыня, море, боль,
пустыня, море и любовь;
в которых вычерчено:
падение, словно пепел полёта, свобода, словно тень одиночества,
и любовь, словно грань суицида, и я – твои глаза, и ты – моё безумие;
моё безумие с последней капли ненависти влажного ветра
в тонущих шагах вчерашнего вечера,
в размытых следах сегодняшнего дождя,
свившего зеркальную паутину на серебристых складках
просевшей листвы, моё безумие с последней капли ненависти сырого ветра
в утопающих шагах завтрашнего уравнивания с одним неизвестным –
моим именем, моим дыханием,
остывшим безвременьем надорванных проводов.

И пусть постучится дождь, чтобы раскрылись объятия,
и пусть окрылится смерть, чтобы возшла душа;
дождь, оплакивающий волеизъявление смерти
на солоновато-слезных щеках молодой матери,
познавшей тайну рождения;
дождь – наука ценить бессмертное одиночество,
выдыхающее через щелочку дверного замка;
дождь – проповедь забвения, исповедь всепрощения;
смерть – глаза ребёнка,
устремившего кристальное бесстрашие восприятия
на старый яблоневый сад, свисающий листьями света
с приоткрытого неба июля;
взгляни, взгляни, смерть, такая же неизбежная вещь, как и дыхание.
Разве ты боишься дышать?

Музыка, обнаженная до кости

О, муза, обнаженная до кости,
Твой героиновый оскал, цветочный труп,
Твой век никчёмный и твой спёртый воздух
Я пью с пунцовых тряпок нежных губ.

О, муза – аромат канав елейный,
Треск подворотен, звон разбитого стекла,
Глоток вина и едкий дым постели,
Постелей едкий дым, глоток вина.

В глуши облупленного свода грязной ночи
Трепещешь саваном, холодная душа,
И в язвах звёзд, от вьюги кровотока,
Кричишь отчаянно – грешна, грешна, грешна...

Лежишь и корчишься под кривизной ограды,
В плевках крылатой, чуть расплывшейся строки,

Как вязкий след слепого променада,
Как остриё дрожащее руки.

В тебе, о, муза, обнаженная до сердца,
В тебе, о, сердце – потроха ночных небес,
Покой и смерть не сыщут себе места,
И тщетна склонность к перемене мест.

Сиюминутная слабость, доведённая до совершенства ожога

Что может быть важнее печали и чище слёз,
бессмертнее смерти и ненадёжней дыханья в груди –
горсточка горечи на язычке кисти, скользнувшей
падающей звездой в недописанную картину
по живому сердцу.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь –
кружится часовой механизм, проверяя на прочность
вестибулярный узел. Кто умирающему мгновению
подарит вторую жизнь, подарит бессмертие,
как не тот неистовый нищий, расточительный на порок,
но жадный до невинного взгляда безумца.

В земле, излитой росой зари, в мокром песке,
в зеркале неба, в растопленном снеге, в лучах родников
и сонной влаге тумана утопает ладонь живописца,
рождая шлейф созерцания обнажённой плоти природы,
застывая перспективой сердца,
каменя огранкой масляной краски
в конечном пространстве холста.

Художник – человек, приручающий время,
время благодатного огня осени в искрах листвы,
в пролётах скамеек, занесённых жёлтой пустыней,
в паузах, между прочтением снов; обращающийся
в сердцебиенье секундной стрелки, в призрак ветра
в галереях заброшенных парков, в тающий лёд заката
и его опалённые крылья, словно учащийся считать
каждый надломленный шаг, ведущий к разлуке.

Художник, твоё дитя – ночь и наслажденье страданием,
исповедь дьяволу и история знахарства,
дионисийский катарсис, перерастающий в самораспад
и ритуальное самосожжения на алтаре безнадежной страсти;
всё пройдёт, всё станет глухим отголоском звёздных садов,
всё ляжет усталой лиловой тенью к надгробию вещей гор,
и лишь тонкой чертой тусклого горизонта
озарится правда души – карминный автограф боли, и время –
творец, убивающий своё творение
во имя его жизни.

Обернись, ювелирный луч сентября, расшитый золотом и серебром,

упадёт на сырую подошву земли – время творить;
бронзово-медный лес замкнёт границы туманного взгляда –
время творить; стеклянные губы дождя поцелуют болотной влагой
слоновью кость заплывшего неба – время творить;
в ржавом скрипе дорог растворятся душой
перелётные стаи мыслей, дат, облаков, тревоги и грусти,
последкусием лета осядет сладкий дым прибрежных костров –
время дарить нежность,
собранную на дне остывшей реки.

Остановись, горловое пение сквозняков выведет тело на чистую воду,
ломая барьеры между болью и “Я”,
переведёт природу чувства в пространство осенних элегий,
в плоскость шафрановых клякс на фоне оконных луж;
триединое – запах лаванды, запах желанья, прикосновение огня –
замрёт последним штрихом на клочке измятой бумаги;
настольная лампа вздрогнет сиюминутной слабостью,
доведённая до совершенства ожога.

Смиреной тенью листопада

Слова неслышные дождём я окроплю,
Как осени разбросанные тени –
Нет тяжелее сна, чем наяву,
Нет злее пламени, чем страсть и вдохновение.

Слова негромкие я ветром увенчаю,
Как листопада канареечный пожар –
Нет лучше мудрости, чем мудрость умолчания,
Нет лучше доводов, чем смерти нежный дар.

Слова, слова, как пёрышко над бездной,
Пустынным эхом в дверь полночный стук –
Нет подлинней, чем брошенное сердце,
Нет откровенней пепелищ разлук.

Проснулось солнце, вылизав до крови
Глаза полузакрытые, чтоб я,
Смиреной тенью, листопадом, болью,
Открытой раной в небе сентября,

Пустынным эхом в преломлении ветвей,
Наедине, в глухой молитве ветра,
Еще раз попытался стать сильней,
Сильнее страсти, вдохновения, смерти.

Слова неслышные я ливнем напою,
Слова негромкие я ветром увенчаю,
Слова, слова, как листья на ветру,
В них нет честнее пепла и печали.

Тридцать зим

Мне тридцать зим –
четыреста семьдесят пять миллионов вдохов,
столько же выдохов – отсрочек судьбы
до встречи с Тобою, Господи; моё дыхание –
тридцать витков вокруг солнца; моё сердце –
ядовитая чаша вина, выдержанного в подвале осени;
моё счастье – откровения жребия сиюминутности,
познающие роскошь и нищету.

Ты чувствуешь плоть, выкованную в сердце умирающей звезды,
доведённую до инстинкта, и возведенную в ранг поэзии,
боль, вырванную из утробы матери;
ты чувствуешь душу, брошенную на растерзание плоти –
бессмертие, проклятие и искупление?

Не ласки и тепла просила моя плоть,
не приторности – сердце; а требовали боли и расплаты,
чтоб сострадание из смолы глаз извлечь,
терпение и пот копить осенний, слова одушевлять дождём
и струны рвать, а после таять льдом
в ладони марта;
а там, там ночи сумрачный посев
Селена собирает в снопы созвездий тусклых;
там оставлять притворство, фальшь, обман,
и постигать пределы одиночества,
пределы одиночества всех мыслей,
чтоб улечиваться в грёзах ни о чём
на захолустном побережии вселенной.

О, грунтовые воды ночи, распятый на звёздах взгляд,
набухшие ноздри смолистых сосен, хореография волн
под серебряно-винной аркой луны,
пьяный камыш, встревоженный
бессонницей ветра –
но я знаю, что скоро проснусь, и снова забуду всё,
если, только не запишу
на бересте рассвета
оттенки растаявших слов с надорванных губ простыней.

Лови момент – всплеск опущенных рук, словно неба ласточка
свесила крылья с плеч горизонта;
вспышкой утра соломенный прутик света
вдет в излом грозных облаков,
и спрятан в пыльной грозди кустарника;
всплеск бродячих арпеджио меркнущих крон вдоль дороги;
вдоволь жёлтого кашля изволь, соскребая
с извёстки лица Возрождения фрески.
Лови момент – в млечном бархате мглы сентября
пробьёт брешь неживое солнце –

покурим на задворках лета, у маячка дрожащей паутины –
автобус опоздал, а значит все мы
на конечной остановке.

Примкни – джаз-банд из дребезжащих окон и тонкокожих нервов
вскрывает без наркоза сезон дождей и смога,
законсервированный холод в склепе глаз.
Здесь бляшки листьев, стружья трав и тромбы туч, труха дороги,
скорлупки крыш щербатых, лязг простуженного горла,
и холм с проломленным хребтом, и корка лунного зрачка,
и мошкара протяжных ноток, и сны берёзовым тряпьём;
и кислцей вина рыбыны стон тумана; и полумраком
из заросшего барака черепной коробки –
осень, лирика, похмелье,
и проседь луж, и суевья на соломенных плечах.

И скарлатина ветра, и беспричинный страх,
и ревматизм кирпичной кладки,
и сон, с оглядкой на потерю сна,
сосуд тоски, заполненный дождём,
и накипь солнца на коррозии ветвей,
запруда взгляда, червотчины подъездов,
и голод света, пар свечи, нарывы туч,
и скрип кровотокащих дёсен веста –
всё, лишь надежда и игра воображенья.

Так, подметая тенью зарисовки
подвальных сталактитных сквозняков,
вдыхай же воздух гнили золотой,
потупив взгляд, сходи в Аид обобранной земли,
клубящейся туманной содой,
на сухость рта кропи росу и сажу,
и выжатые соки слёз на выжженном пространстве листопада,
причальный день топи в прибое поцелуя,
сорвавшегося с чьих-то нежных губ –
осколки фраз подвальных дневников
расскажут больше целого романа.

Для бурной страсти – скорая разлука;
для сладкой жизни – злая смерть;
вокзал, пустой перрон, билет в один конец
и время расплатиться по счетам;
о, время – выцветшие лица на рисунках,
бескровной страсти дым, обрыв строки;
а ты, ты пой на языках любых;
поэзия – душа любви; любовь – заветный ребус жизни;
жизнь – дар преследованья смерти;
а ты же, под язык –
вино любви, лёд смерти и аминь.
Источник веры – капля алкоголя
на исповеди сухопарых уст;
раскаянье у тлеющих костров;

молитва стали между рёбер тёмных улиц;
очаг надежды – подворотен вечный сон;
и концентрация любви в огнях борделей;
о, Господи, прости, за то, что верю,
прости, за то, что был Тобой прощён.

Я полюбил янтарь деревьев ломких

Взбешённый листопадом, призрак
Заката утопает в речном иле;
Я собираю нежный яд с вечерних листьев,
Где каплю грусти сердце обронило.

Смочив разлуку виноградной гроздью,
Пустую воду встреч – до дна, запоем;
Домашний свет на занавесках вышьет осень,
И старый плед забвением укроет.

Эфирным маслом пятна по бумаге
Сырого воздуха – набросок незнакомки;
Бледнеет тополь в густоте оконной влаги,
И месяц точит раму острой кромкой.

Под сводами набухших чёрных кровель
Ютится светлячком, в подтёках свечки,
Моё невинное желание безволья,
И вечный листопад, и вечный вечер.

Нежнейший яд, сок виноградной грозди,
Набросок незнакомки, крыш венчанье;
Спускаясь перышком, ночной капризный воздух
Вскипает кровью леденящего молчанья.

Пусть жажда множится и брызжет на дорогу
Микстурой новых встреч, разлуку лечит,
Бежит судьбой по утреннему смогу,
Но я останусь, навсегда, где вечный вечер.

Перебирая чётки листопада,
Я полюбил янтарь деревьев ломких;
И рябь свечи – осеннюю балладу,
Когда любовь – набросок незнакомки.

Растопленный лёд в прожилках старого клёна

В прожилках старого клёна, обнажённым нервом любви,
колышется осень, таращится в небо,
вращаясь глазным яблоком забродившего солнца;
подошвы глотают лимонную пыль; движения,
словно метафоры беспричальности на костылях золотого ветра;

изрезанная кора
увекочивает подростковую лирику;
корона ветвей венчает на царство прощальную песню
багровых костров уходящего дня.
Осень – её полночное ложе, её сердце, её дыхание –
растопленный лёд призрачных родников;
с шёлковых лепестков её губ,
с белоснежных лилий рук на дождливой груди,
с огненно-рыжих волос листопада льётся
неисцелимая ласка.

Медные струны вечера тревожит бархатный смог
догорающих листьев; рдеет винный дымок аллеи;
фрагментарная вязь пролетающих окон выстраивается
в тонкую паутинку тихого света.
Стоп-кадр слепоты на виселице промокших ставней;
анимация стен, одушевлённых сдавленной грудью
осыпающегося пространства;
зародыш золы, свернувшейся бабочкой в тёмном углу;
погасшие перекрёстки, вязнущие в сетях засыпающих проводов –
всё это, душа, крадущаяся на мягких подушечках ночи
к пейзажному бездыханию в прожилках старого клёна –
всё это, воскреснувшее отчаянье,
впадинкой вдохновения
на треснутом мраморе античного созерцания.

Перекрёсток

Как бесконечность тишины – эти глаза;
Как терпкость вин осенних – эти губы;
Как воздух синей горной дымки –
слиянье глаз и уст;
И мы стоим на перекрёстке горизонта.
Как вишни плод – вечерний свет сердец;
Как чешуя реки – скользит в ладонях небо;
Как серебристый мотылёк – глоток дождя;
И мы идём навстречу снегу,
без оглядки...

Перекрёсток. Фраза вторая

У разведённого костра вечерних облаков –
твоя ладонь;
У догорающей листвы сентябрьских дорог –
моя рука;
Мрак неразгаданной луны на дне окна –
рука в руке;
Туман, уснувший на ветвях – ладонь в ладони.
На слух – иль стон, иль тишина – всё облака;
Навзрыд – надежда, или боль – всё листопад;
Окно погаснет в ту же ночь – в руке свеча;

Свеча истлеет, как туман – в ладонях свет.
У ночи спящего костра, в золе листвы –
ты пишешь, язычком свечи, гаданья по руке.

Противоядие

Вино, созревших под солнцем печали, слов,
вино любви, стремящееся к недоступному языку,
к черновикам Творения на чёрной кляксе засыпающего неба –
есть истинное искусство в просыпающемся пространстве взгляда,
его болезненно-чувственная красота –
такое естественное состояние пить пенную воду жизни
из-под жемчужных стоп Афродиты.
Воздух любви, отравленный неживыми цветами глаз,
запахом ядовитой смолы алкоголя и узорами табачного бархата –
всё равно – воздух любви, любви, что так искренне ласкова
и нежна в своей незащитности.
Тихая гавань у дождевого прилива;
дым промокшей листвы под плесенью неба;
вечный огонь вечной хандры, осязающей осень;
ветер, как привкус нагой плоти; ледяной металлический блеск
в заусенце зрачка – и всё равно, неотступное –
воздух любви, вино любви, что так незащитно нежны.
В беззвучном падении на дно адриатической ночи,
в импровизации бесшумных шагов по снежной корке
альпийских склонов, в сновидческой кристаллизации
полярного блеска – сколько бы не находило
исписанное под обрыв сердце имён – имя одно – любовь.

Отголоски живого хмеля

Влачится мертвый разум мой –
познать, познать тебя!
И, пусть познания древо – древо смерти,
но посмотри, как чист и светел лотос,
благословляющий иллюзию мою.

Я оступился – и тебя прославил –
упрятанный в свой ад,
и оттого, всё легче плоть в облинии страдания,
и я страшусь здоровья, но не мук.

Ты, как искусство, существуешь –
самой себя лишь ради;
ты, как материю, мой взгляд,
лишь терпишь, но не признаешь.
Из близости – печаль.
Как сладостна!
Позволь молчать!
Живого хмеля руны постигая,

прильнув к тебе на сердце,
плывущая по морю бытия
на зов – напев жемчужный.

И умирая, обнимать дыханьем слабым
ночь, что, казалось, будет вечностью для нас,
когда день смерти лучше дня рожденья.

Муар

Чистым пламенем дышит вечернее платье,
Чистым золотом вышит осенний воздух,
Ручейком льётся свет приглушённых объятий,
Мы стоим у окна, у рассвета дождя.
Бриз листвы, шёпот свеч, губ прохладная влага –
В уголках – тень молитвы, как нежная роза,
Ветер лодкой скользнёт в ветвях лунного сада,
Расплескав туман по дороге.

Лёгкой слабостью – трепет рисунка ладони,
Мягкой сладостью – близость зеркального взгляда,
Теплота наготы накрывает прибором,
Безнадёжное море у ног.
Шум огня, бархат следа, молчания чаша –
Что вбирает попутную тьму, словно ладан,
Крик осенней души листопадом развяжет
Ком в груди – мотыльком вспыхнет сердце.

Рождение Венеры Боттичелли

Предрассветный воздух; тихо плещется
изумрудная чаша моря;
позади, наготой упивается берег;
юный Эрос мерещится;
справа шёлк апельсиновых веток;
рядом нимфа с пурпурным плащом,
спешащая к новорождённой,
что на гранях жемчужной ракушки,
из пены морской,
отрешенно,
вбирает хрупкость и нежность
черт Симоннеты Веспуччи;
слева сеют дыхание роз
объятья зефиров,
благоухая расцветом любви;
говорящая сладостью плоть
льётся музыкой тонких деталей;
розы падают в ритме волн,
в ритме мягких линий юного тела
и прядей волос;

совершенство со стебля цветка Тосканы
заполняет лазоревый воздух;
в глазах – свет полночной печали,
подлунных тревог и сомнений,
несчастье и счастье, мечта, озаренье,
изящное сладострастие,
расточительность нежности света,
и болезненный росчерк поэзии,
где проблеск взгляда,
больше луча солнца.

Брамс. Prelude and Fugue in A minor

Дуновение лейпцигской школы;
соцветие венской классики с красками романтизма;
свобода ритма и фразы;
синтез эпохи;
под пространным куполом полифонизма –
осколки лунного света,
вскрытая грудь горизонта,
обнажённая плоть восхода,
органный сердцебиение дня,
и я уже вижу, как дышит
воздухонагревательный
механизм,
частокол деревянных и металлических труб,
как дрожит шеренга ручных и ножных
клавиатур, рычагов и кнопок;
как объем изливается на меня
фантазией эха,
интенсивностью фресок и витражей
собора сердца
последнего
придворного
композитора;
меха, трубки и трубы,
обильная роскошь звука,
многоцветный аллюр
осеннего ветра,
галерейно-небесная выразительность
инструментальных губ –
как будто бы слышишь, воочию;
и между нот –
закравшийся образ
обожаемой Клары Шуман,
словно нежное многоточие,
словно, судьба.

Сикстинская Мадонна Рафаэля

Паломничество в Дрезден.
Пронзает взгляд – как отдалённый ветер
с вечерней плёнки моря –
царица неба в человеческом обличи,
стоящая на пыли облаков,
босая, в сонме ангельского хора,
заполнившего неба полотно,
в естественной близости и неприступно,
благоговейно, нежно, и подобно
поэзии, будто сама душа
и родниковое дыхание живописца,
будто сама его печаль в её лице,
державшая младенца, как крестьянка,
в плаще из голубиной, мягкой ткани,
объявляя глубокое пространство,
как вещей воздух,
царица неба, свет предгрозовой,
свечение таинства и беспокойство розы...

Паломничество в Дрезден.
В тяжёлых, золочёных складках
одежд святого Сикста,
старика-волхва –
тень преклоненья;
безропотность в глазах святой Варвары –
взгляд, отведённый в пустоту тумана;
волненья призрака в изумрудах драпировок;
и буря в отражении лица
младенца на груди Марии, там,
теченье светлой боли –
непостижимость, радость и единство,
как благородство льда, как солнце ночи.

Паломничество в Дрезден.
Она несёт навстречу людям сына,
зари святую кровь,
и одиночества благую весть,
и где-то здесь, внутри, уже глаза
от слёз свежи,
так горько рвутся струны
под нежностью, тревогой и бессильем,
так сиротливо движется кортеж,
на скорбь и жертвенность
в прозрачно-лучезарном,
клубящемся виденье чистой бездны,
в холодных отголосках лиры мира –
нет, это не для глаз, лишь для души,
для раненого сердца;
сомкнётся тишина; словам, одно – грешить,
ведь что слова – эфирный прах и пыль
от облаков в босых ногах Марии.

Гайдн. Concerto for Flute and Orchestra in D major

Полёт июньского облака сквозь тёплый занавес полдня.
Нежный тон побережья, впитывающий палитру прибора.
Восход янтарного солнца над хмельной головой Пана.
Молитвенная сосредоточенность
раскрывающегося устья рассвета.
Трепетный шёпот цветов под кистью горячего ветра.
Сок набухающих почек. Тень кипящей листвы.
Тропинка, увитая кроткой мелодикой трав.
Оклик жаворонка. Ручеек тонкоструйной флейты
в совершенном одиночестве горного сна.
Растёкшийся симфонизм тумана
на трещинках лунного зеркала. Дымок от кальяна
звёзд, раскуренный парой влюбленных глаз.
Сад, наводненный светом, пением, сладким запахом воздуха,
духами густых контрастов, пластикой, богатством осенних красок.
Изошренные строчки нот, пропетые солнечным ливнем.
Интенсивность, остроумие и колорит,
вырванные из сердца придворного капельмейстера,
льющиеся фольклорным мотивом странствий, любви,
бури, натиска, жажды и яркой свободы руки,
зажавшей в ладони оркестровое эхо.

Персей и Андромеда Рубенса

Ты здесь, вечно юная сила – античное божество?
Ты здесь, воплощение грации и красоты плотской формы –
богиня древней Эллады?
Грубость и невоздержанность, полнокровие и темперамент
фламандской кисти, стихийность и мастерство,
внутренняя динамика каждой линии,
нарастающий ритм, напряжение –
вихрь, вырвавшийся извне,
в единый поток свернувший курсив движений –
ты здесь, ты дышишь, ты ждешь восхищённых глаз;
в гармонии красок, в мощи рисунка,
в чувственной радости, в наслаждении,
в растущей луне обнажённого тела,
в цветущем дурмане густой палитры,
в прозрачности света и в лёгкости
утративших чёткость фигур,
от жидкой краски по теплomu светлomu грунту.
Ты здесь, у скалы, где хлещет кровь и вода из пасти ехидны,
где грузная Андромеда, вспорхнув созвездием молодости,
разбросала тысячи брызг притяжения,
и темный панцирь сына Данаи,
оттеняет сладко-снежное тело,
словно живое движение тона;
где гордый Пегас, выгнув аркой прекрасную шею,
вдохновенно раскинул крылья; где фривольный
малыш амур еле смиряет богиню Викторию,

в убранствах, вьющихся облаком,
с пальмовой ветвью, с лавровым венком,
венчающую апофеоз триумфа Персея
до полноты ликующей жизни...
Воплощение чувственных линий,
насыщенных слепками мифов, химер –
античный кумир, богиня классической Греции –
ты ведь незримо и здесь, в кристалльных молекулах воздуха, в бронзе зрачков
застывшего живописца в просторной блузе,
с палитрой у ног, в шароварах и сапогах,
встречающего приветственно всякий попутный жест
Антверпена.

Бетховен. Piano Sonata No.23 in F minor, Op.57 Appassionata

Полная глухота, полная глухота – она же – твоя философия,
драматизм симфонизма, темперамент, блеск, богатство и глубина,
масштаб, неистощимость мятежного духа,
размах, динамика, темп, контраст,
экстремумы восприятия, экстаз и молитва –
нерушимая глухота, нерушимая глухота –
с кончиков пальцев льются зеркальные отблески
фортепьянной сонаты, искры борьбы с тканью звука,
отголоски неразборчивых черновиков.
Свинцовая тяжесть волн.
Заговорили метель, ночь, треснутый лёд чёрного неба.
Налились вечерним вином глаза, и вспыхнул мозг
умирающей полусферой граната исчезающего горизонта.
Сломанный ветер расправил связки нордовых крыльев
и опрокинул дикую нежность восторга, дерзкое игрище
рваного пламени, фиолетовый рёв неизречённой мглы.
Безлюдное откровенье пустыни,
обрамлённое золотой слепотой песка.
Опавшая алым созвездием дня
роза в груди прохожего пилигрима,
впивающаяся шипами боли и красоты
в грудную клетку туманной дороги.
Глаза, уставшие от отражённого камня,
камня света на мёртвых фигурах фасадов.
Воздушно-дождливая осень в листопаде свинцовых окон.
Дрожащая тень руки у источника полдня.
Великая жертва, пепел прощения и раскалённое олово слёз.
Женщина, подарившая ленточку поцелуя объятьям горькой весны.
Колоннада аккордов, рассекающая тишину –
голос преодоления, зрелище красноречивых масок и бойких на слог тонов.
Река времени, окрылённая веером неотвратимой смерти,
кипящая последней надеждой, последним вдохом прозрачного холода.
Сны безумия, одержимость судьбой, возмездие, отчаянье, сопротивление.
Шаги пустоты за абсолютной стеной, и нестерпимая
полнота жизни, обращающаяся полной луной одиночества.
Болезненный натиск ударов сердца в глухое пространство,

окоченевшее кристаллическим терном звёзд,
ночной монолог, выстреливающий полнокровной зарёй прощания.
И тихая, чуть слышная песня любви, как бальзам, как кроткий уют,
как черта у заключительной ноты ярости и смирения,
когда чувственность слуха – на пределе человеческого понимания;
когда растрепанную чашу волос наполняют мотивы венского шторма,
а на клавишах фортепьяно – дыханье размытых следов
Гейлингенштадтского завещания;
когда полная глухота – есть совершенство слуха,
отливающееся металлом скорби в десятитысячном марше
провожающих в путь к последней гармонии.

Лютнист Караваджо

Что там, под тёмно-зелёным сукном?
Воздух Рима, Неаполя, Мальты, Сицилии,
вызов эстету, битый античный мрамор,
истина без идеала,
натура, уличная толпа, лихорадка,
напряжение и естество, пьяная
музыка, не знающая покоя.
Лицо, это лицо, смугло-румяное, перебегающее
с одного холста на другой
в смешении черт;
это лицо, лицо играющее
черноплодным цыганским взглядом
под широкими ветками
тёмных бровей,
в котором нежно слились,
мгновенностью чувства,
непослушные волосы, полные губы
полуоткрытых уст, двойственный ветер –
капля восхода на лепестке заката.
Руки, эти руки, их удлинённые пальцы, перебирающие
хрустальные струны лютни,
словно древний отзвук востока,
словно вечная женственность,
залитые гладким, рассыпанным, чуть золотистым светом,
теряющим след в глубине;
он тает, тает, тает,
он – мечтательность жизни, оседающая
вином и любовью
в цветах на столе,
в прозрачных стенках сосуда,
в пожелтевших страницах нот,
в протяжных изгибах скрипки,
в пышных складках меловой рубахи;
он – простота, энергия, пластика,
сама природа, пламенность,
новая красота жизни,
обличённая бывшим каменщиком,

Микеланджело,
растиравшим краски в Риме рисовальщикам фресок –
теперь, он играет на лютне кистью,
играет эффектом света во тьме,
тонко, тонко, воображаемо неудержимо.

Шуман. Introduction and Allegro appassionato

Журчанье ручья, предрассветный шелест травы,
разорвавшийся свет глубины неба,
струящийся нежность в густые мачты деревьев,
напряженье листвы во вздохах острого ветра,
акценты сердца, разбившие панцирь сна,
розоволицый танец солнца
на лёгком облаке сиюминутности,
изобилие красок и форм в галереях радужных окон,
крик Флорестана, смиренная тень Эвзебия,
самозабвенный бунтующий дух, нетерпеливый жар,
тонкий лиризм, каприз и ирония,
фантазия, доведённая
до галлюцинации,
до самоубийственно
холодной воды Рейна, до смерти,
расписавшейся сумрачным сумасшествием в Бонне,
развившей из похоронного марша
величественное
победоносное шествие
вольнолюбивого романтизма.

Олимпия Мане

Олимпия, Олимпия – цветок весны, бурлящей жизни плоть,
румяна маков, мёд вечерних грёз;
как у Бодлера, женщина и кошка,
одна из вариаций музыки, музыки, поэмы;
как новая Венера, тончайший почерк наготы
на снежных покрывалах,
плод юной красоты, отброшенный на полотно
дыханием живого тона.
Почти задвинута портьера, в просвете –
спинка стула, неба всплеск;
у ног – миниатюрная пантера,
душа и пластика ночного ветра, блеск
загробного, внимательного взгляда,
что прожигает кожицу холста,
и пристально хранит
мир хрупкой госпожи, мир нежной розы;
но в плоскости иной, за полотном,
смотри – невежество, вбирай – презренье,
блудители и стражи, отверженный салон,

вульгарные намёки, глумливые объятия толпы,
грозящей костылями, глина
скабрезного словца из глоток беглых,
плевки, симфония проклятий,
венец скандала, критики огонь,
и заключение, на четверть века,
в квартале Батиньоль;
затем шестнадцать лет, безвылазно –
мертвецкий сумрак Люксембургского дворца,
и тихое, как след ночного вора, бегство
в змеиный лабиринт, в надменный Лувр...
Олимпия, Олимпия – плеяда,
блеск обнажённой жажды, мириады
метаморфоз, прекрасная тоска
посмертного признанья Эдуарда,
соблазн, текущий неприкрытым взглядом
по ароматной кожице холста.

Голубые танцовщицы Дега

Свечение голубого –
инкогнито, чувственно, холодно невозмутимо,
в единстве цвета и линий,
словно пульсируя монотонным ритмом Парижа,
в феерии и крушении иллюзий реального мира.
Свечение голубого –
в арабесках жилистых шей, напряжённых локтей и спин.
Потаенная сладость, вскрытая взглядом
через замочную скважину –
там мерцание девственных красок, противоборство света и тени,
синий перетекающий в изумрудный,
вслед утомлённой грации
рядовых, повседневных богинь балета, что единым целым,
в созвучии нарастающего вращения
газовых юбок, волос и лент,
розовых туфель,
еле коснувшихся пола, как воздуха,
непринуждённой, свободной мелодией танца
вторят пластике освещения...

Шуберт. Ave Maria

Мягкость взгляда, нежная скорбь,
ласковый свет печали,
небесные ясли, туманно-лунная кровля,
теплота отзывчивых рук, молитвенный шелест свечи,
мелодический дар, смиренная грусть,
радость надежды, душа одиночества,
прозрачная хрупкость безмолвия,
ритмический срез облаков, парящих лицами

седобородых святых и ангелов в ультрамариновой бездне,
огранка солнца, глубоководность пространных вздохов органа,
созерцание чуткого сердца на тонкой нити мгновенья,
божественная длиннота,
хрустальный отблеск новорожденного романтизма,
как предвкушение ранней смерти поэта...

Оперный проезд в Париже Писсарро

Париж, Отель “Лувр”, вид из окна –
дождливо, мерцающий зонтичный улей,
цепь экипажей в дымке, вода
над мостовой растворённой колдует
красками, бликами, жемчугом, россыпью;
влажный туман серебром, суета;
тает Париж в глубине жёлто-розовой,
перспектива, как тетива.
Париж, многоликость, поток мутных пятен,
камерность, дрожь, масштаб, люди-тени,
сдержанность и равновесье, изъятье
чистой поэзии, чистых мгновений
мглистой зимы из серого камня,
полутонов из ритмов кипящих;
память, здесь памяти осень – сиянье
воздуха из ненавязчиво-спящих
старых кварталов, фонарного газа
шум, что в пространство стихами кричал...
Париж, зимний почерк, дождливая фраза,
и точка – ослабшего глаза свеча.

Исповеди. Шёлк

Покорно слушаю, как волны, разбиваясь
О сердце, неба чистую печаль
Выносят на полуденный причал;
И тень утёса, шёлком отливаясь,

Скрывает мой неспешный монолог.
Одна минута, стоящая жизни,
Один вдох соли, больше всех капризных
Движений воздуха в могильниках дорог.

Я – время; я – болезнь; я – время года;
И когда груз зимы взвалю на горб,
Я превращусь в свечу полдневных вод,
Я стану памятью тенистого порога.

Я стану пёрышком, застывшим на ветру,
Осенней свежестью из влаги листопада,
Я пропишу себе покой, тоску прохлады,

Природы красоту и пустоту.

Покорно слушаю, как тает волн молва,
Как глаз колеблет в слепоте свинцовый отблеск;
Моя работа, мой смиренный хлеб, мой воздух –
Природы боль и нежность на слова,

На музыку никчёмных слов и строчек
Затмением положить, зарыв навек
Окаменевшим впечатленьем сонных век,
А дальше – плыть; а дальше – плыть, как прочерк...

Исповеди. Осенний монолог

Стихла боль, значит, вечер прилёт на краю
Пожелтевшего сада, печального пепла
Облаков зачерпнув в ледяную ладью,
И налившись полынью луны безответной.

Стихла мысль – это смерть, или что-то вдали,
Как пылинка в глазу, дарит слёзы разлуке,
Словно свет неземной, словно те корабли,
Что рукой горизонта касались, и руки

Обожгли вечной ночью и сумраком звёзд,
А у ночи есть имя, ей имя – прощанье,
А в прощанье – прощенье, безмолвие слёз,
Нежный опыт любви обронённый случайно.

Стихла боль, значит, сердце свой оборот
Совершило окрест пожелтевшего сада,
Тень крылом журавлиным взмахнула, полёт
Подытожив рисунком на влажной бумаге.

Стихла мысль – это грань, иль безбрежная тьма,
Как души мёртвый лист, в чернозёме убогом,
Словно я здесь один, и лишь свет у окна,
Тусклый свет неземной осветивший дорогу.

Лёд зрачка, как светляк в тишине, привкус сна,
Ночь даёт обещанья, их утро подвинет,
Взгляд рассеется ветром, как свет у окна,
У окна, застеклённого лунной полынью.

Стихла ночь, стихла боль, стихла мысль и стихи,
Все наброски, и все отголоски бывшего,
Мне разлука с лихвой отпустила грехи,
Чтоб молчание стало весомее слова.

Исповеди. Долгий закат

Долгий-долгий закат, янтарный блюз,
малиновый свинг, лиловый слайд,
оранжевый риф, алый кровоподтёк
выброшенной на берег медузы,
экзорцизм, дрейф, драйв, обряд
посвящения, крик шамана, пророческий
апокалипсический шёпот в миниатюре...
Я, легкой тенью, танцую вокруг своего одиночества,
вокруг обнажённой натуры
неба, схватывая сердцебиение
горизонта, которому в глотку льет
раскалённый металл солнце, и вены
сжимает первая ласточка звёздных трущоб.
Долгий-долгий поцелуй на ночь,
все счета оплатит памяти полумрак;
я люблю, когда бесконечно падаешь,
крошишься ливнем, распадаешься в шлак
жухлых листьев на влажной корке земли,
где для любви есть, и силы, и время,
где для раздумий – ночи и дни
проносящихся облаков, и адамово семя
снова, будто бы вызрело непорочной
близостью, и будто чужая душа роднее,
чем кажется запотевшему глазу...
Долгий-долгий, катящийся к ночи,
шар кипящего, через край, газа –
отпечаток пальца на пульсе солнечной системы;
моя система координат – сарай стихов, раны
на спине пересохшей саванны,
кусок не долепленной глины
на кухне, восковая минута молчанья
перегоревшей свечи,
чертополох запятых, кавычек, мгновенье
захода солнца на кисти рябины...
Не говори мне – тебе это надо?
Лучше брось в меня камень...
Лучше брось в меня каменный взгляд
осенней, перебродившей в вино, наготы;
или, лучше, когда пойдёт ливень,
когда заиграют в салки
брызги зеркального олова,
возьми охапку коричневатого-жёлтой листвы,
словно прядь мокрых волос любимой,
и осыпь себе голову...

Молитва камням

Приходи, помолиться камням, в заброшенный сад –
где вишнёвая вязь, и лунные руны, и ночь на груди
уснула, породнившись с бурьяном, где ветра набат

собирает бродячих собак, где неба оклад,
так беспечен и чист, что рукою подать
до зенита, и искрится прохладой листвы
ленный воздух, где застывший навечно уклад
упраздняет пространство и время, где сны
наыву видно в каждую щель, где огни
потерявшихся строчек горят,
словно в зное осеннем плоды,
где душа, чуть дыша, неслышно болит,
ниспадая на ложе травы, как туман,
и журчит родником серебра, что струна,
преломляясь алмазом воды,
чей-то голос внутри, знакомый, как даль –
помолиться камням, в заброшенный сад,
приходи, приходи, приходи...

Untitled

Провожу линию, словно ветер кивает с карниза,
Линию жизни, ветку ноябрьской дрожи,
Оттеняю узором, по-детски рассыпанных, крошек;

Расскажи, мне графика ночи, в чём смысл жизни –
Отвечает, мягкой штриховкой, немного капризно –
Смысл жизни в том, чтобы просто любить свою кошку.

Меридианы

Где ветер спускает собак, в блеске звёзд срывая пророчества,
я, лишь пастух одиночества, я, лишь надежда и страх.
Где сердце от вьюги гудит, и нежность, дворнягой под дверью,
в чёрное небо глядит, я, лишь осколок метели.
Ночь, на сетчатке туман, талой луны половодье,
смочит безмолвье гортань, холод натянет поводья;
тень, как размытая тушь на обескровленных строках,
сколько не гаснувших окон – столько потерянных душ.
Скука ржавых замков, желчь фонарей, винный почерк,
вера, надежда, любовь грязных полночных обочин.
Писем сухие глаза, трафик зазубренных чисел,
выцветших книг голоса, как погребённые листья.
Ветер железом звенит, смерть обручая с желаньем,
я, лишь грань созерцанья в тихом дыханье молитв.
Улиц болотная гладь, память – глоток морской соли,
сердце научится боли, сердце научится ждать.
Вьюга, куда ты, постой; вьюга, ответь, в чём мой крест? –
плоть – породнишься с землёй; сердце – останешься здесь.
Вьюга, забвением света, что же пропишешь мне ты? –
плоти – химию смерти; сердцу – печаль красоты.
Кровель блеклая дымка, ночи дремучий рассвет,
время – оборванным свитком; воздух – забвением лет.

Кровель немые заглавья, ночи благая весть,
время найдёт свою гавань, сердце останется здесь.

Слушая тело

Прислушайся, пусть твоё тело расскажет тебе
о пустыне декабрьской ночи, о звёздах, теряющих блеск,
о мечтах, погребённых в пещерах рассудка;
пусть твоё тело тебе намекнёт,
что есть и тепло, где-то там, за чертой ожидания...
О, бурлящая плоть, горячая кровь и быстрая ночь,
свобода, судьба, жизнь и смерть, лето в терновнике
заходящего солнца – приметы прекрасной грусти,
примеры из самого пекла зрачка;
о, мимолётный дождь, на прощанье разбивший окно,
разбивший лагерь потухших костров,
ты тоже немного безумен, ты тоже верный мечтатель,
как пьяница, озябший от скуки...
Вода и вкус ветра на радуге тонких ресниц –
это чья-то любовь, напоившая воздух;
дрожь пальцев и сердце навывлет –
это нежность, свеча наготы, чей-то пульс в перламутре лугов;
и трава под ногами, как вечный огонь
в честь умирающих листьев солнца...
Прислушайся к ля-бемоль на кончиках пальцев,
когда раскроешь ладони, и небо протянет руку в ответ,
словно душа святого – прислушайся, и улыбнись
сиюминутности сердца...

Пустыня

Бесконечное море песка, бесконечная цепь тишины,
бесконечный бархатный зной, бесконечный колодезный холод;
в паутине обманчивой ночи, взгляд, как шёпот змеиного русла;
монотонный берег протяжного неба, ручеек облаков в золотистой пыли,
светотень пустоты и молитва
первых анахоретов
с обожжённых солнечных уст;
иссушение плоти, искушение духа, пунктир горизонта, вдыхающий
преломлённый драконий воздух,
очищенный в лёгких Господа ...

Кукла

Ты сидишь, чуть дыша,
в стекляшках капризных ладоней
сжимая капельки мёда и талого шоколада,
обнажённая плотоядным взглядом свечи,
в прохладе теней;

тёплый туман ложится на полную грудь,
на длинные стройные ноги,
свободно придерживая
за нежную талию;
мягкий, плавный, тёплый туман –
как поцелуй дьявола во чреве клубящейся ночи;
ты сидишь, чуть шепча, чуть не плача от счастья,
отдаваясь,
с обречённостью первых лучей листопада,
инстинкту раскрытых окон,
ветру, срывающему шёлковую простыню...

Реконструкция памяти

Здесь память живёт, въедаясь в трухлявые брёвна,
в развилки скрипучих полов, в лязг заштопанной кровли,
здесь память жуёт жвачку потухших бесед,
и ветер стучит мотыльком в расщелины окон,
как ветхое эхо застывших житейских примет.
Здесь Экклезиаста слова в шелка паутины одеты,
и вечная тень тщетно ищет глухого ответа
в останках своих, в костяке разложившейся плоти,
углы обгрызая, страницы скобля чёрным светом,
страницы опавшей листвы и желтушно-осеннего пота.
Здесь пыль – первым снегом, и ночь – тараканьей разметкой,
здесь сырость – дух моря, а крыш голубиные склепы
хранят печаль чаек – печать безграничной свободы.
Остывшие угли, поплывшие свечи, дыхание смерти –
безмолвьем висят узелки ненадежной природы.
Здесь, в днище зеркал, в битых стёклах, в серебряном звоне,
дитя скорбных слухов и нежных проклятий, поэт беспризорный,
крошит череду пьяных строк; здесь таится в бокале вина,
сгустившемся кровью ночной, невесомое слово –
дрожащее имя любви, что в окладе окна,
застыло навечно портретом скупой лунной комы.

Утренняя миниатюра. Ню

Хрустальные брызги воды с твоей кожи играют огнём пробуждённой росы;
я люблю этот нежный шлейф наготы в ритуальном огне сладких бликов.
На расстеленном ложе неба – облаков босые шаги –
ты выходишь из душа медленно, как плывущий муар облаков.
Ты роняешь ветер к ногам, ты танцуешь наперебой
с мотыльком уходящего лета, в перелётной листве пожаров.
Как горячий кофе, твой взгляд, и душа твоя – детский лепет,
я люблю этот детски лепет, эту осень в сердце моём.

Натюрморт

Смотри, вот мёртвая природа, nature morte –
мгновением стянутая вечность,
искусство, утаенное
в окаменевшей маске атрибутов;
здесь чистота дыхания
и сердца первый выстрел,
немого кадра мраморный покой;
здесь одиночество и место встреч
на грани созерцанья,
где, только и возможно,
быть самим собой.

Атмосфера

По растушёвке пепельных волос,
дождливым атмосферным фронтом,
бежит вино любви, заботливо
вскрывая наготу.
Движенья рук стекают змеевидно;
движеньем света налилось,
как струйкой ледяной ручья,
изнеженное тело в облаках.
Мираж питает кровь застывшего зрачка;
и у художника всё тает на холсте,
приобретая форму его рук.
Смыкаясь в точке небылиц и были,
вспорхнув пыльцой, иль снежной пылью, тень
полночного, горящего эскиза
лучится в листья мятых простыней.
Граница светотени ощутима
до кончиков ногтей, прохладно и игриво
бежит вино любви,
лаская наготу,
тревожа взгляда точечную рану.
Движенья рук – дрожащий, нервный ветер;
движенья глаз – как вязь, как стон рассвета,
рассвета, что сжигает все мосты;
где тишина – всегдашняя расплата;
и одиночеством на шейных позвонках –
очаг похмельных истин, ворс халата;
где холст пустой, туманом штор распятый,
лишь отразит пустых стаканов лязг,
венком лавровым из глухих проклятий,
осыпав голову, не в первый, в сотый раз.

Взмах крыла бабочки

Взмах крыла бабочки...
Как же это красиво – просто дышать.
Взмах крыла бабочки...

Осень приходит в храм, чтобы поставить свечу.
Взмах крыла бабочки...
Ветер рассказывал притчи осеннему пеплу.
Взмах крыла бабочки...
Сердце сгорело, как песня в устах, как ночь.
Взмах крыла бабочки –
выдох холодной вселенной.
Безумие, ангел мой,
всё лишь – безумие слов...

Untitled-2

Чем глубже копаешь –
тем меньше света;
и мы слепы от собственных слов,
обращённых друг к другу;
а закат – прекрасен,
как радужная паутина
в туманности Ориона.

Цунами

Когда душа горит в таблетках и вине,
руины стен окрасив в иней света,
когда душа не больше капли ветра,
не больше блика в пепельном окне,
не больше дождевой оконной влаги,
прелестной скорби тонкая вуаль,
сплетётся с шеей, сдавит нежной сбруей;
и будет ждать, но мне, уже, не жаль,
не жаль, что полюбил я не иную...
И упадёт сердечко на ветру,
что жухлый лист, в промокшую бумагу,
в надменность неба, пьяного печалью,
в агонию тончайших стройных сил,
что преклоняются порогам рек кипящих,
где смерть тонка, а жизни вязок ил,
и преисподняя не завтра, в настоящем...

Ноябрьская элегия

Дождливо-ледяной слюной
ноябрь сковал уют.
Дороги снега ждут. Глаза от сна прорежет...
И серость подытожив,
полуденный художник
найдёт в душе приют
сомнениям, надеждам.
В аромалампе – розмарин;

увядшей розы плач
к стеклу прильнёт, будто к сосцу.
Ночной гуляка-пилигрим
в окне плетётся мрачно,
ноябрьским дыханьем сбитый с ног.
Морщинки по лицу –
как стен промокших роспись.
По небу облако скользит,
скорей сказать, скребёт, и с ним –
тяжёлый сладкий воздух
питает грудь. Здесь всюду ждут –
в ветвях переплетаясь
пустым зрачком, как пленом сна –
предвестия распада,
пришествия зимы,
горящий лёд ладоней, и белый нежный дым
под воспаленным ветром.
Здесь всюду в окнах млечных,
от чада запотевших,
рисунок стержнем пальца
и подписи мираж –
терпите люди, скоро лето...
Ночь, сквозь похмелье грязных туч,
растопит воск, зажжет свечу;
и солнце, потеряв следы,
потупит взгляд, неся в кабак,
как самый верный грешник,
последний золотой свой луч,
последнюю мечту...

Слепота

Ты картинно падаешь на мраморный пол,
взмахнув лёгкой тенью, словно испанским веером,
и обагряешь кровью холодного поцелуя
последнюю сцену пьесы –
как ты гордишься собой,
будто нежное сердце дьявола бьётся в такт
твоему дыханию;
я туманно гляжу на случайных прохожих
в окне из чёрного бархата,
снимая остывшую влагу ночи и лунную желчь
с нервных волокон ветвей,
допивая вино безмолвия, выдержанное в никотиновых паузах
исповедальной лирики воображения.
Какая радость – начать сначала,
когда лучшие из стихов приходят к тебе ниоткуда.

Дионис

Дикий, дикий цветок, лоза,
боль и смерть, экстатический оклик вакханок,
пляски сатиров в священном безумии –
фракийский вихрь взрывает округу
свежестью жизни –
я знаю тяжесть и лёгкость вина.
Плодоносящая сила земли,
душа виноделия,
звуки флейт и кимвалов,
как погремушки для
живительной влаги растерзанной плоти –
чтобы кровь проросла гранатом,
чтобы сердце стало трагедией,
а смерть – душою бессмертия,
скорбью и радостью
у могилы в Дельфийском храме.
Деревья, поля и хлеба, кричащие:
“Приди же сюда, Дионис,
приди в свой священный храм,
прискочи на бычьих ногах,
Дваждырождённый, Ночной, Изобильный!” –
чтобы реки жертвенной крови текли по рукам ночи
дионисийским елеем.
Я знаю лёгкость и тяжесть вина,
скоротечную прелесть дамасской розы,
благоуханье холодной весны,
всплеск новой жизни,
каждой секундой, которой,
мы отрицаем себя предыдущих;
жизни, как промежутка мысли
между первым криком и последним вздохом,
безумным вздохом цветка на теле прекрасной вакханки;
я знаю, но не могу
сопротивляться любви.

Элевсинские мистерии

Чувствуешь, в воздухе
волосы цвета спелых пшеничных колосьев,
это Деметра-Церера, подносящая колесницу
крылатых драконов и зёрна пшеницы,
продолженье Великих Богинь неолита,
ожившее в пластике
барочных садов,
это девять дней поиска,
не зная ни капли амброзии;
она идёт в Элевсин, к Колодцу Дев,
вскармливать сына царицы огнём,
пить смесь ячменя, воды и болотной мяты,
чтобы вверить свои мистерии...
Слышишь, как нежно поёт Прозерпина-Кора,

словно тень, собирая цветы в Нисейской долине,
царская тень, утешенье подземного мира,
где якорь Аида
гранатовым зёрнышком – кость поперёк горла;
но мать-Деметра в святилище Элевсина,
уже готовит бесплодное зелье засухи,
стряпая дочке две трети свободы;
плети же пока, плети, душа плодородия,
венки из трав и цветов в Нисейской долине...
Элевсин, Элевсин,
пшеничный колос, растущий
со сверхъестественной силой,
как лоза винограда на пире в честь Диониса;
блажен смертный, который видел мистерии –
две тысячи лет очищений, жертв и постов,
созерцаний сакральных предметов,
перепись памяти мёртвых, длинные
клубы слезоточивой пыли
с подошв священной дороги;
две тысячи лет испытаний души после смерти,
тьма и страх,
жрец, бросающий молот на бронзовый гонг,
открывающий холод надежды подземного царства
в касательстве жизни и смерти;
безысходная тьма и блуждающий страх, подогретые
восходящими голосами,
фееричным светом
с полей и лугов,
словно танцуют вместе
тысячи мистов с осенними факелами,
словно полночное звёздное небо тает
в ладони оловом.
Элевсин, Элевсин, две тысячи лет, как один день,
причащающий неопита
присутствием двух богинь,
усыновивших душу таинством философии и медицины,
чтобы душа посвящённого
наслаждалась дыханием смерти.
Две тысячи лет, две тысячи зим...
Чувствуешь, в воздухе,
на пепелищах сожжённых обрядов, возле Афин,
где уютится
застывшая пыль священной дороги,
в руинах солнца Эллады –
предсмертная судорога язычества,
как горячие волосы цвета спелых колосьев пшеницы.

Исида

Утро июля, восток Средиземного моря
созревает звездой Исиды – блавест кораблям.

Утонченная святость женщины-чаровницы,
облегчение скорби сердца; говорят,
в устах её – воздух жизни,
ибо слово её оживляет гортань умерших.
Оживи, дитя, умри, яд! Пока солнце живо, яд мёртв!
Магия имени, магия слов,
словно евангельское обожествление.
Говорят, её кровь –
исцеление боли;
её молитва –
остановленная ладья Миллионов Лет;
её амулет из сердолика и красной яшмы,
как ветер надежды в теле, лишённом дыханья.
Говорят...

В храмах Египта, Греции и Италии,
где множится блеском Сириус, пеленая небо июля,
где туманный шёпот жрецов в лучах колокольного звона,
где крещенье, святая вода и елей –
кто же там, на престоле матери юно-нежной,
Мадонна с младенцем, или Исида,
кормящая грудью Гора,
ткущая ткань лугов и полей;
морская звезда, или владычица хлеба,
подобная изумрудной земле?
Женское плодородие, ветер, вода, медицина,
долина, оплодотворённая Нилом,
магия, магия, магия, дающая жизнь, вещая
дочь земли и небес,
познавшая сокровенное имя
обитающего среди кедров –
кто ты, милосердный обет бессмертия, кто ты?
Простая, обычная женщина,
стоящая на берегу – как благовест
кораблям...

Поклонение деревьям

Дыши, древняя память ютится тишью безбрежного первозданного леса, океанами зелени;
сосновыми склонами гор Аркадии; густыми вязами и каштанами севера Апеннин;
одиночеством, тьмой и молчаньем Герцинского леса к востоку от Рейна;
кипарисами в святилище Эскулапа; древесными демонами и могилами
с вечнозелёными соснами и кипарисами в Поднебесной; бракосочетаньем
дерева Манго с жасмином в индийских садах; жертвенными пирогами
и винами на грудах камней в Корее; душами мёртвых предков в деревьях Австралии;
тропью кельтских друидов, благоговеющих перед дубами;
Латоною, обнимающей пальму с оливой, готовой дать миру божественных близнецов
Аполлона и Артемиду; бесплодной женщиной, катающейся под сиротливой яблоней,
чтобы зачать ребёнка; зелёной веткой в бороздках пашен шведских крестьян; лицом
рассудительной тени пирамидального тополя в долине Миссури; обрядами
очищения, предваряющими протяжный стон дуба, словно венца,

истекающего кровью под занесённым лезвием топора; островными лесными духами, выходящими в полнолуние, когда в каждом шелесте листьев – чудятся голоса, когда деревья дают солнце, дождь, лёгкие роды и слух шаману.

Дыши, пятьдесят четыре градуса северной широты, тридцать семь градусов восточной долготы, тысяча триста шестьдесят восемь ватт на квадратный метр – солнечный полдень в Туле – безмолвие на частоте лип, берёз, каштанов и вязов; смена почётного караула – склянки ночных фонарей, как замёрзшие слёзы лунного света, как одиночество, как рождение памяти, древней памяти, каменеющей в кольцах старого тополя, шумящего чёрным прибоем зимних ветвей – и мне снится, как, осмелившемуся содрать кору священного дерева, вырезают пупок, и, пригвозждая к той части, которую он ободрал, вращают, пока кишки, вереницей, не обмотают полностью ствол – древняя память немеет в холодном воздухе крыш – я не чувствую ног, я чувствую боль в области поясницы – сквозняки первозданных безбрежных троп и молитв...

Сводка

На границе лета и осени, когда выжженный август глотает сухими губами асфальта золотую пыль сентября, и, окрашенные в зелёный, волосы скучных скверов смывает первая седина листопада, когда бесполезные крики птиц будят глиняный ковш заката, зачерпнувший уют опущенных глаз оконных рам, раздаётся голос новорожденного, глухой, неприметный, как мятый надорванный лист клёна на стойке карниза съемной квартиры, там, жизнь пробивает лунку дыхания сквозь тьму осеннего вечера; бледный ветер, как повивальная бабка, причитая над ухом, шепчет – проснись, проснись... Тряпки, постель, вода, шелест газет; в трещине взгляда – стены и потолок, хранящие лёд безмолвия, бесконечную пустоту; бельевые верёвки, с балкона, цитирующие дрожь ветвей, как узелковая письменность инков; мерцающий пульс лампочки – как источник пространства и времени; на границе осени с ветром, на грани нервного срыва и страха, в колыбели новорожденного плача умирает нежное лето... Слышишь, хрустнул прозрачный холод, будто сердце ёкнуло – это скоро, скоро в газетных колонках, мрачными строчками вырежут: двадцатилетняя жительница Белгорода, в Щёкино, в начале сентября, задушила здорового новорожденного сына, по предварительным сводкам – из-за финансовых трудностей; мёртвое тело ребёнка, обёрнутое в тряпки, пролежавшее два дня в квартире, было найдено в мусорном контейнере около дома – два года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Точка. На пустые стены падает лунная ртуть.
Точка. Дети перебегают улицу.
Точка. С карниза сдувает мятый надорванный лист скрипучего клёна, на границе лета и осени, где чья-то немая тень прячется за углом, чья-то девственная душа смотрит в прошлое, смотрит на звёздную пыль, ища материнскую грудь

сквозь шёпот влажного воздуха,
и рыдает ветер – проснись, проснись –
играя пустым целлофаном на обочине мира...

Мария-Антуанетта Австрийская

Париж. Площадь Согласия. Утро шестнадцатого октября тысяча семьсот девяносто третьего года. Гигантская толпа в ожидании дармового корма для развлечений (Мария любила забавы) – по нервному полотну мостовой бежит инквизиторская телега Сансона; взгляд королевы сосредоточен, спокоен и неподвижен; бледное лицо с красными кругами под глазами, плотно сжатые губы – дерзость, высокомерие, пренебрежение – она знает – всего лишь сиюминутная боль.

Площадь, одетая в могильную тишину, палач с веревкой и шляпой, цокот копыт, скрип колёс, мёртвая сцена (Мария любила играть в придворном театре), главная и последняя роль обескровленной связанной женщины, “австрийской гордячки”, младшей любимой дочери Священной Римской империи. Телега вливается в мрачные ступени французского эшафота. На изрезанной плёнке памяти проявляются контуры Девы Марии, святого Антония Падуанского, старшего брата Йозефа, святого Иоанна – очертания урождённого имени; тяжесть рождения, землетрясение в Лиссабоне, как приметы грядущей боли; посещение театральных игрищ, уроков танцев, уроков истории, живописи, правописания, математики, рукоделия, искусства ведения светской беседы (листая отзывы знавших её – она не прочла до конца не одной книги); церемония передачи, на безлюдном рейнском островке, вблизи Страсбурга, Бурбонам, четырнадцатилетнего, обнажённого существа – брачный союз династий; свадьба в Версале – праздник трупов, раненных, приправленный музыкой, мясом, хлебом, вином, фейерверком, брошенными под ноги толпы – триумф захороненных на погосте Святой Мадлены, где двадцать три года спустя, в зловонной общей могиле будет покоится прах королевы; бесконечная гонка за удовольствиями; неполноценность мужа; балы, приёмы и маскарады, полные слухов; строгость мадам Нуалье; переписка с Мерси д’Аржанто; графиня де Полиньяк дышащая за спиной; дело об ожерелье; мода, азартные игры, катание на коньках; тени ночного Парижа; скупая камера, рубашка, пара батистовых блуз, холодные стены, портрет сына на шее, его локон в детской перчатке, обречённый побег, чтение, и молитва; обвиненье в инцесте – на что сама природа отказывалась отвечать; палач, стригуший наголо, нанизывающий железо галльской печати на отведённые за спину руки...

Плётка памяти обрывается на белой пикейной рубашке, на тёмной ленточке на запястьях, на лиловых туфлях, на камне лица, поднимающейся по деревянным ступеням эшафота, так же, как по мрамору лестниц Версаля, и впитывает заключительный безучастный штрих – взгляд в небо, шквальный бросок на доску, лезвие над головой, свист ножа – в руках Сансона кровоточащая голова (как она славилась красотой), воспламенённая над площадью. Кричащие, ликующие в едином порыве десятки тысяч, минуту назад проглотившие языки, провожают свою королеву по-королевски...

Останки будут перенесены в Сен-Дени в тысяча восемьсот пятнадцатом, место захоронения неизвестно.

Оскар Уайльд. Последняя проза

Тяжело больной человек лежит в убогом парижском отеле,
свободно импровизируя на тему своей эпитафии; на жёлтых обоях
тает ноябрьский пот, играя забвением нового имени,
словно лёгкой иронией смерти, порождающей тотчас легенды.
Под тяжестью собственного дыхания английский бред
перемешивается с французской картавостью, дрожащие пальцы свечи
капают воском на одеяло; благословляющее крестное знамение,
распятие на губах, капельки миры на глазах и ладонях;
смертельный холод пробирается в пульс, огонь в камине, как плач
пламенных поцелуев на будущем постаменте.
Голос, увядающий самым безупречным цветком осени, сдавленный ржавчиной –
это два года за непристойное поведение –
это “Баллада Редингской тюрьмы” – это приговор Британии, уже не выносящей
дальнейшего присутствия, того, кто деликатно чувствует в себе смерть.
Жрец искусства, глотающий пену, с застывшей кровотокающей
парадоксальной улыбки (ведь или он, или эти мерзкие
обои), допивает коньяк, “угощая собой” последних гостей.
Очарование никогда ненаписанных рассказов прорезается
гвоздикой в петлице, выкрашенной в зелёный цвет.
Крылатый сфинкс у постели
декламирует молитвы прерафаэлитов в объятьях
созерцания и красоты; короткометражным конвейером –
Дублин, Оксфорд, Италия, Греция, Америка – воспоминания, срывающиеся
с онемевшего языка, и падающие глубоким вздохом распрямленного тела,
как быстро прочтённый фрагмент пьесы (его ранний талант).
Под всплеск тишины английский эстет отплывает от берега
(океан – не такой уж величественный),
чёрный, как степь, прилив покрывает туманный взгляд,
но воцарившаяся тишина – лишь условность и относительность
наших понятий – не так ли, мистер Себастьян Мельмот,
Оскар Фингал О’Флаэрти Уиллс Уайльд.

Ходасевич. Смерть

Тяжёлая лира, ложащаяся на европейскую ночь, на изодранное сознание
ночного Парижа; тихий ад, поднимающийся в первоначальной
стройности, строгости, и, падающий вниз головой в мыльную пену прибоя;
не видно ли Вергилия за плечами – нет –
лишь наэлектризованное одиночество, седое,
жёлто-бледное, всезнающее, как змея, вслушивающееся в правду стекла.
Свобода души – против чуждого мира, против болезненного огня
плоти, изъеденной холодом, туберкулёзом, раком, фурункулёзом;
жёсткая койка, полынь больничной постели, тюремное одеяло – а в воздухе
природа разлила жаркий июньский мёд – и он плачет, голодный до дрожи,
забившийся в клетку из простыней, иронично, под-руку с обнажённой
ненавистью и мудростью смерти, рецензируя неподъёмный вес боли
в нежности лунного света,
сумрак хлороформного обморока заплывшего неба, всполохи ветра,
переворачивающие страницы с зарубками – Брюсов, Белый, Волошин, Горький,
Набоков, Россия, Венеция, Рига, Берлин, Париж – пока его чистят от крови и гноя

лягушачьи лапки французского ангела в белом халате. И вот, он сам уже тянет руку, через слабый пульс, через плотно сомкнутые глаза, не приходя в сознание, изодранное сознание предрассветного Парижа, тянет руку, безвольную руку, чтоб написать последнюю строчку, с лёгкой улыбкой для Ольги – предместье Парижа, Булонь-Бьянкур – больше не будет боли...

Buonaparte

Ревущие волны бросаются с чёрным плачем на берег Святой Елены; медные горы наливаются тёмным ядом; водянисто-больные деревья сдирает тягостный грозовой шквал и швыряет в мёртвую пропасть. Искрится жало тропических молний; молниеносная буря разносится стоном лонгвудских стен, глубоким вздохом в конвульсивных рывках пленённого, отрёкшегося императора. Приступы рвоты, смеха, страха, бесстрашия; Атлантика пришла попрощаться с душою маленького капрала, но глаза застыли, как бескровные камни вулканических скал. Правая кисть корсиканца свисает с кровати – армия...авангард... Франция... Жозефина... Порох грома, как последний раскат канонады в лапах британских стервятников. Ожог от хвоста кометы, как рок – что написано, то написано наверху. Неизменный серый сюртук и треуголка пылятся в углу – это судьба – это щедрая пища младенцу европейского романтизма. “Долина герани” уже заждалась, уже томится земля. Железный ветер, капризно, разжевывает кровь, плоть, грязь, пот и дым воздуха Ватерлоо – но почему же не Аустерлица, или Тулона? – поздно, осталось лишь подать вина, фруктов, бисквита, выпить шампанского, съесть немного слив, винограда и рассмеяться; тени окрестных холмов подслушают последнюю волю – Франция – скрасив девятнадцатилетие безмолвного ожидания; пока ревущие чёрным плачем волны не принесут фрегат капитана Шарне к останкам сына Аяччо...

Текстура

Исписалась ночь до чёрного рассвета. Время, как струна. Снег с дождём – танцующая смерть, греющая рук кубовых вены у декабрьского белого костра. А ладошки краснощёкого младенца, как кирпичики вселенной, хлопают вдогонку мотыльку; здесь памяти обрыв – а значит – Бог. Здесь вакуум вечности – конечен; мгновение – бессмертно. Зарисовать мгновенье словом, миг, где угол неизбежного паденья равен углу, в который ставили нас в детстве. Я отодвинул штору и увидел – там ноет пустота, изматывая сердце; и будущего щель – окаменевшие останки слов, плацента чувств и смыслов – мир слишком полон сам собой, а чистота искусства, смотрящая из сердца вождения, проста, точно любовь – она абстракция двухлетнего ребёнка. А я, что это небо – лазури бледной лёд, поцеловавший наготу ветвей, ресниц заклеенные ставни – но время говорит мне: жди; у кромки свечки, у раскрытой старой книги, оно полней,

оно гораздо совершенней – свеча, старинный фолиант
и время – теория познания в отсутствии претензий;
как благодарен я тому, чего здесь нет, и вряд
ли будет; и у меня – дыхание – как обнажённая натура дна вселенной,
а проще, чашка кофе, согревающая губы на фоне снегопада,
и новый горизонт, себя открывший в точке “хватит!”,
немного свежей мысли (пусть и ворованной, но воровать не стыдно, если брать,
лишь мудрости покрыть за абсурд, абсурд, где ещё больше мудрости, поэзии, охвата,
и музыки, воспитанной внутри). Я подчиняюсь – это тоже ведь борьба
за независимость; когда твердят все – должен –
я понимаю, что не должен ничего; а поиск одобренья,
внезапно обернувшийся потерей себя, он излечим, он, как лишай на коже.
Я – человек – звучит не гордо, терпко – я терплю,
а, значит, существую. В себе к себе – серьёзность не к лицу –
найти бы развлечений на свою,
на свою голову, набить побольше шишек; и так, к словцу,
прожить, проветрить жизнь – открыв надёжный способ убить время;
пусть в большинстве – дружны по совокупной лжи,
пусть слышат только то, чего хотят услышать; тем не менее –
струна дрожит, дрожит, но помнит и о сроке, читая Отче наш,
листая послестрочья, снискав заветы естества;
пренебреженье смертью – есть
пренебреженье жизнью –
и в этом весь декабрь – снег, гололёд в крови, сапфировые вены,
и одиночество новорождённой, замкнутой вселенной,
замкнувшейся в себе под знаком бесконечность,
как ночь, как близость ночи Рождества.

Приглушённый ритм

В окне – раздетый лес, лишённый языка листвы.
В руке – озноб – подачка декабря.
В дымке небес сквозит хамелеоном
застуженное палевое солнце –
звёзд с неба не хватать. И рвутся швы
тепла на гребне крон и кровель, хандря
от обескровленных ландшафтов.
Невнятным ореолом
лицо во льдах плывёт, а в унисон –
стен гробовые доски, излучины колен,
разбитые о пустоту всех линий,
грязь фосфорического моря, мельхиор
обочин, заболоченных
разряженным пространством,
лишённым плоти ядовитых трав –
тише воды, ниже травы...
Центр тяжести души – медвяное вино;
акценты на кальян и на шаманство.
На авансцене пробирает до костей,
аврора спит в мерцанье монитора,
и галогенной лампы суррогат –

без задних ног на горизонте слепым снимком;
пейзаж молчания натянут меж ветвей,
клей сна, букет вина под флёром мягкой грусти и уюта,
гиперборейский трепет ля-бемоль...
В разутый сад, в запруды свиста ветра,
в регистры драмы пасторально-бледной,
куда меня никто не звал,
и где не ждут моих гастролей,
я, исповедно, анонимом, сквозь чердак,
залезу, и смахну слезу кому-то,
кого в помине нет, кого люблю до боли...

Орнаментация

Тяжелеет холодное небо, замыкая зрительный нерв
стеклянно-мёртвенной архитектоникой пара.
Побледнев от свободы, взгляд, отливаясь каменно-белой
безутешной тишью дорог, мостов, тротуаров.

В снежно-червлёное сердце влито пустое пространство,
выбита почва, выветрен пульс.
Интерлюдия между осенью и весной, как ницшеанская
проза под флягу с горькой, и парочка верных пульс

на закуску из ржавого револьвера. Затаённым дыханием, окна,
исподлобья, ловят кристаллики льда. Туда-сюда, туда-сюда
по проводам шелест, шёпот, шорох, гомон –
перепись слухов конструирует новое небо и новую землю, семена

словами на цыпочках. Безошибочно ставлю на кислые корни весны,
на вяжущий сон, на любовь, на циклон, на диапазон празднословья.
В низовьях рябиновых зорь, в рассвете бессмертной луны –
свинцовые веки смыкая, белая кошка у изголовья.

Магдалина

Иллюзия счастья на капле хмеля, элизиум тёплой плоти,
абсорбирующей нежность;
она подаёт надежду, как метеорологическая сводка,
она кидает небрежно одежду,

и идёт босиком по холодному кафелю ночи,
лёгким кивком приветствуя непосредственность
и неизбежность любви – грешная кровь и святая душа, порочная
правда, вьющая из ветра верёвки, роскошь, блеск

и дымчатый взгляд на углях погребальных костров заката.
Расплывчатый ряд незаконченных фраз – парафраз
приливных сил луны, треска цикад –
считывай её обнажённое слово, обнажённую вязь

прикосновений, дуновение поцелуя.
Она – призрак, химера, бред, предвкушение одиночества;
как легка её кровь, её плоть, её роль, её вечный июль,
брошенный на обочину;
она – драма, трагедия, фарс, водевиль и аллилуйя;
иллюзия ласки с мизинца дождя в бездонных ладонях ночи.

Абстракция

Звонких звёзд каблучки маркируют четырёхмерный
часовой механизм чёрного неба, чередуя, на глаз, заметки световых
лет – вековая тоска – на висках лежит снежная рожь, и завет атмосферного
ледяного огня, осколочно раздражая шагренёв
обмороженной кожи. Тень тепла на двоих;
нервный тик тополей – это ветра северный ток; прорва
дрожащих тел на остановке, как дозировка незаконченных дел
с приставкой – пере – переждать, откосить ненадолго,
эдак, на год-другой, световой – а там, сединой зарастёт, загустеет
само, как стопроцентное Дао, выводящее на чистую воду талое сердце,
центробежное, кругосветное, плачущее, скорбящее, любящее.
Тень тепла на двоих; её улыбка – точка плавления всех сентенций,
лень постели из трав, нитью солярно-янтарной, тянущаяся сквозь танцующий
горизонт. Лёд на карнизе в эскизах луны; отражение её шажков
в каблучках звонких звёзд; движение тонкой мимики, словно алхимия
зимней розы на фрезе серебристого инея; туманный северный ветер, будто
белённый сединами Бог, парсеками отмеряющий каждый витражный вздох,
зажатый в её снежной груди. И она, влюблённо, считает столетья,
растянувшиеся на секунды.

Поток

Запираясь в мёртвой тишине истёртого дня,
у бело-огненного тумана холода, у олова
расплавленной ночи, между строчек, между голых строчек,
сжавшихся в узел безмолвия проводов, у покрывала звёзд,
разбросанного случайным прохожим, отчаянным, безбожным
ритмом ветра, у разлитого полумрака любви,
невостробованной, забытой, избитой до каждой буквы, у рук,
изрезанных в полуночь мёртвых вен, я успел
сказать тебе – мне ещё нужно твоё дыхание,
оборванное на полуслове декабрьского рассвета,
и спеть, испить, заработать один поцелуй
утреней дрожи, прокравшейся в кожный покров
оконных стёкол, сотканных по образу и подобию
зимних слёз, нагого, воющего пространства,
взорвавшегося золой горизонта...

Полиритмия

Ажурный татуаж ветвей на коже зимнего альбома;
хрустальный иней инкрустацией в глухой аркаде взгляда;
рыдает скрипка; менестрель-декабрь, рефреном пьяной
вьюги, под руку с обречённой Терпсихорой, бредёт от дома к дому,
свой стекловидный гарнитур дорогой шелкотканой
обернув – легато. Сквозь чёрно-белый регтайм кровель
иллюминирует скупой розарий солнца, или луны виньетка тянет
убогим светом, преломлённым шелухой
обсыпавшихся фресок, и ветер в окнах тает,
словно валькирий изваянья – флажолет.
Всё заперто под ключ, скрипичный ключ,
этюдни пылятся мелом снега,
последний выдох, фуэте, и даже пантомима мёртвых скверов
медитативной лирикой сойдёт под ночь на нет –
пустая мизансцена,
и абсолютный слух в полнометражный сон,
туда, где септаккорд рассвета
хранит погасший луч.

Диссонансы

Вместо пламени – искры на сладкое – слишком сладкое
быстро перегорает – самоубийственная проза мгновения
счастья; терпите, и вам воздастся, обязательно, в неременном порядке,
ещё большим объёмом пищи для долготерпения.
Я не верю в конец света, но я его жду, так, про запас, загодя,
где люди становятся похожими на свою подпись,
где трафаретная проза взгляда хромает оптоволоконной поступью
в высокомерие – как симптоматику потери веры в себя,
и лишь мёртвые знают ответы на все вопросы.
Вместо пламени – фейерверк, букет из бенгальских огней;
праздно лают нотками обветренные губы красноречья – Бетховен,
даже на ухо не наступил; душа ломается, словно техника, чаще техники, но в ней,
ещё теплится лучшая драматургия – драматургия дикой природы.

Монохромия

Монохромия пьяного вечера; плечи, согретые холодом;
Однотонное небо, просев тишиной январского снега,
Смотрит в затылок, смотрит на бесконечность бесполого
Лунного света, и растворяет аллею
Тихого взгляда, звукоряд фонарных, расстроенных струн,
Струящих одинокий, озябший прибой в переборе мелодий...
Как хочется спрятаться в тени июня,
Одиноко сидящего на скамейке Богом забытого города,
В ленном воздухе умирающего мгновения,
Падающего на колени закатом, когда рядом,
Лишь ветра ладонь, лишь мерное тление
Солоноватых волн и бесконечность туманного, ненадёжного взгляда,

Безнадёжного, как слова, как январь одевающийся
В рваную тень
Аллей...

Аппликация

Паутина ветвей впивается в смуглое небо,
Нарезая мозаику облачных снов января.
Снег лежит на губах, на ресницах, на первых
Лучах восходящего, мёртвым туманом, солнца. В огнях
Уставших оконных сот – мёд свечи
Разъедает померкшие стены, струны рвутся о тишину;
Голос охрипших улиц – речитатив, нарочито
Бьющийся пульсом погасшего сердца. Под седую луну
Разливают последние капли вина влюблённые,
Одинокие, робкие, дерзкие, страстные, пока ветви
Падают в окна тенью призрачных звёзд, чтобы снова
Печать объятий скрепила душу вчерашнего лета,
Превращая в огонь ледяные слова...

Пленэр

В тумане её ладоней – огонь подвенечного платья осени
тает проседью линии жизни, манит беспечную влагу дождя,
плавит закатное золото, стонет от жажды, и просит
прелого воздуха листопада, толику яда, зажатого

под язычком пылевидного неба... Голое поле светит
девственным ветром, медью пресной травы, голодом
солнца и шелковидным пеплом – светит в рассвет
её полусонного взгляда... В её невольной боли –

гранатовый сумрак, холодная ванна серебряной рощи
с разбитым стеклом берёз, прилив беспомощной красоты,
цветы из проросших слёз на ледяной земле, ночи без сна, и дождь,
беспечная влага дождя в подвенечном платье листвы.

Меццо-пиано, меццо-форте*

Закружилась неба заводь; синих зимних жил надсада
в жгут свернула кровли скверов; склепы рек хоронят время;
сединай рихтует снег плёнку ледяного взгляда;
свет струится из-под ног, заливая блеском тленным

стен беззвучье, крючья древ, вены спящих желобов,
свет осев в напев исхода, ночь впускает в свой дрожащий,
еле дышащий пробег – слышишь, вещей каплей крови,
капающий с неба снег, снег, как вакуум нисходящий...

Снег и вакуум – всё болезнь – меццо-пиано, меццо-форте;
снег – как с чистого листа запах винный в сердце грешном,
и любовь, и пустота, страсть и страх в слепых разводах;
moderato, не спеша улетучилось вино, лишь оставив привкус вешний;
лишь мерцаньем пьяной коды –
мелочь в проруби души
на хорошую погоду.

** - не слишком тихо, не слишком громко*

Гало

На излёте чувств, преодолевая материал расшатанной плоти,
в поте лица уходящего лета, бездетного взгляда, заплатанного
дождём из свинца и бирюзовой росой, там, где живой воздух
бездушного космоса ночи и прочих сомнений, я играю в прятки,

я играю с золотом, почерневшим от слов и движений,
я играю на опережение собственной мысли, искренне
забывая хлорированное пространство больничного кафеля,
грязные стены и пенные проходные, я приписываю

себе слабость тоски и нежность безмолвия, преждевременно
умираю и воскресаю в объятьях искажённого фонарного света,
обезображенного горчащей луной и комой зимнего вздоха.
Мне уже не важно, что будет, что было, что это

было со мной, мне важно мгновение бледного проблеска
с оттиска стылой надежды, мне снится лето во всех своих оболочках,
колбочках, веточках, почках и перекрестках приборя.
На излёте чувств, я ещё чувствую чью-то руку, чьё-то соцветие на восточном
зареве пробуждённого неба.

Мрамор

Кристаллический звон сугробов в гробовой утробе морозной
ночи; чёрной росой осыпается небо в беспризорные коридоры
проспектов; крик, сбитый с ног ветром, взбитый инеем, мерцает в воздухе
мраморным хрустом; разбитая люстра луны качает печальные волны

бледного света, и плед мостовой укрывает шаги. Бельевой верёвкой
кольшутся ветви разлапистых парков; леопардом скользит
безмолвное олово звёзд в отражении глаз, осколками
проедая слёзы; жжение льда в сужении вен, словно застывший гранит –

остановись мгновенье и отзовись погостами тысяч ночей.
Воздух выточен под многогранник кристалла; устало
аллеи сводят мосты; морфий зимы бездонно вливается в череп
луны; гофра света кривит белизной придорожных витрин уста –
воронье крыло у изголовья, один патрон в револьвере –

всё неспроста, всё просто.

Колыбель

Ночь тебе к лицу. Долговязые тени проездов, короткие фразы шагов, пустыня перспективы, танцующий взгляд на лезвии инея – ночь к тебе тепла. Продувающий ветер, негласно, скользнёт аритмией под спящее сердце и лестно

шепнёт – просыпайся, любовь моя, прошли годы, как мы не кружились в ласковом чёрном холоде, в окнах январского звездопада. Пресные краски спадут наготой, и огни мостовой пожелают тебе, листопадом молчанья, и вязким

мерцанием – смирения – маленького суицида для мира, где не умеют молчать. Лишь ночь тебя услышит в струнной партии антрацитовый партитуры, в эфире лунных фигур и циклов, играя дыханием, вышитым

из тонких душистых липовых веток и румяной вечерней зари, качая хлипкую лодку свечи, пеленая воздух заснеженной пеной, лишь ночь, пока ты печальным взмахом чёрных ресниц скрываешь следы разлуки, и, осыпая пеплом штор тишину, засыпаешь в нежной постели.

Декор

Сердце просит нежности и боли, там, где осень брезжит лежбищем костров, там, где нежность вносят на подносе золотом в храм печали у причала наслажденья. Нежной песней чадит воздух, но на слух – от амброзии, лишь ком в охрипшей глотке; ближе, только зимняя обглодка, ближе, только инея затон.

Рваной раной дышит неба плоть – скрежет солнца вышит поперёк простуженного горла. Вены парков ветром рвёт – не жалко, заживёт, пока кто-то, ещё что-то пишет на берёзовой коре душой живой, и межзвёздный лёд лижет взглядом хрупким, как голубка подпись ставит на обрывке неба. Видишь, облаком плывёт

сердца миг – то погребальное мгновенье, где опять я не успел запечатлеть себя, словно бы примёрзло слово к языку и онемело; рядом тлеет нежность в воздухе, распятом на заснеженных ветвях, реет белый влажный кашель в поле зрения – а дальше – ночь, бездонно, внутривенно, лихорадкой бледной, в кровь вливает чёрный алкоголь ...

Барокко

Кипящий желток зимнего солнца, приготовленный на пару
морозного вечера, рисуется в сточных водах высоковольтного волокна;
мачты столбов разевают дорожную пасть, истекая лимонной слюной
в светильники матовых фар; глаза, цвета доброй грусти, бабушкины глаза,

где-то там, глубоко, под спящим мрамором сердца, провожают меня домой,
пока горизонт изгибается, как кошачий хребет, чтобы накрыть панельный скелет
города чёрной паучьей материей под мёртвой лилией лунного света.
Крещение не за горами – реки страждущих сливаются в очередь за святой водой;

а в подкладке куртки, ещё гниёт прошлогодний счастливый билетик,
словно смирение за пазухой; невыученные уроки ночных кошмаров
ветрено шелестят в голове – всё верно, что тщетно; пульсар капилляров
тише воды, ниже травы; глаза, цвета нежной грусти, напоследок,

роняют, слезой застывших садов, одинокое ожидание – и я ловлю отголоском,
на раскалённые угли ладоней, прохладные нотки ноктюрна. Тело ломит тоска
и любовь, приурочившая многоголосье заката к зимнему одиночеству.
Мера длины – бездонная ночь; нервы – как лунная тина, как ледяной дождь;
а в морщинистых складках неба – соломенный блеск звёзд и бабушкины глаза...

Поседели от ветра аллеи

Поседели от ветра аллеи,
Снежным клеем увязнув друг в друге;
Я хочу, чтоб душа горела,
Как январская белая вьюга.

Ледяная коррозия кровель,
Облаков поминальная тризна;
Я люблю сине-розовый воздух,
Льющий слёзы на щёки карнизов.

От зари – тень золы; взгляд – как пепел,
Разведённый, пропитанный спиртом;
В безнадёжно чахоточном небе
Пьёт боярышник ангел-хранитель.

За метелью метель увязалась,
Губ свинец обагрив пеклом водки;
Я хочу, чтоб душа дышала,
На разрыв и навзрыд грузных лёгких.

Занесённый сугробами берег,
Клок окна, тишины тонкий локон;
Я люблю лакать чёрную негу
Из неверных полуночных окон.

И устало, небрежно безбрежно,
Глаз немых вскрыв смолистую брешь,
Я люблю и лелею надежду,

Что не сбудется больше надежд.

Расплескалась чаша волос

Золотисто-снежным вином
Расплескалась чаша волос;
Серебра ледяная гроздь
Пробивает зрачка чернозём.
Как готические соборы
Прорастают германским лесом,
Шпиль зари кровотоцит над городом,
Укрепляясь раствором небесным.
На янтарно-облачном брюхе
Катит солнце тяжеловесно;
И одна здесь слышится песня –
Грешной вьюги с отдышкой синюхи.
Здесь вино ожиданья, рука
На пульсации мёртвого инея,
Здесь история в два глотка
Беспробудной надежды зимней.
Дни надежды – мехи вина;
Ожидание – золото сердца;
Ожиданья тоска не видна,
И надежды печаль неизвестна,
Той, что ждёт у окна одиноко,
Губы жжёт сквозняками герани,
И молитвы кровоподтёки
Сушит снегом, до боли поздним,
Вопросительно замирая...
Кто ушёл, не промолвив ни звука,
Будто нежность на тонкой грани,
Тот вернётся холодом стёкол,
Охраняющих её дыханье,
Чтобы ночь открыла глаза;
Тот вернётся к свече этих окон,
Где сугробов гробы, стужа охры,
Незабудки солёные глаз,
И дыханья морозная вязь,
Бесконечная и одинокая,
Погребённая тлением стёкол,
Как один бесконечный рассказ.

Выплакав могильник горизонта

Расцвела заря январской розой,
Выплакав могильник горизонта;
Убелил глаза огонь берёзовый,
Разбрелись снега широким фронтом.

Я иду по краю откровения,

Окрылённый веером зари,
Тишина рассеяла сомнения,
Белизной посмертной наградив.

Пустотой дорога освещает,
Взгляд кипенной патиной хрустит;
Моё завтра – нежное прощанье;
День вчерашний – грешное, прости.

Расцвела заря. В увядшем теле
Ветхим сердцем вьюга напоёт:
Всё, что было – в памяти истлеет,
Всё, что будет – памятью сгниёт.

Фонарей неровный почерк

Фонарей неровный почерк
пятнами чернил по ветру,
словно бляди вдоль обочин,
словно дамы полусвета.

Ориентируясь на зорьку
зимнего солнцестоянья,
сердца осень, как осколки
чёрных листьев и преданий.

Дребезжит вагон вселенной,
остановки, что погосты,
в уши воск залить себе бы,
как святой Бернар Клервоский.

Фонарей размытых пена,
тишины шестое чувство,
радость – это просветленье,
производное от грусти.

Сердце бьётся тихо-тихо –
вот, возьми его, потрогай;
сердце рвётся смертной рифмой –
смерть всеядна, слава богу.

Аромат смолится чайный
чёрной паузой отвесной,
согревая, на прощанье,
поздний вечер, день воскресный.

Пульс свечи отдаётся в висках

Пульс свечи отдаётся в висках обжигающе-дьявольской вьюгой,
зыбь алмазная точит промозглой сетчатки стекло,

я целую твои прохладные бледные губы
в пожелтевшем альбоме, что инеем сна занесло.

Этот сон неподвластен огням притяженья земного,
этот сон незнаком и пугающ под кровлей земного огня,
это боль тишины на задворках последнего слова;
и я жду возвращенья – к истокам, к себе, к сердцу небытия.

Ожидание встречи – больше, чем сама встреча,
ожиданье исхода – вся жизнь, но, а жизнь априори права;
каждый вдох – смерти дань – нас сближает тоскою конечной,
я живу – а любить можно, только живых – и ты тоже жива.

Сентиментальное

Я много раз болел любовью,
но в жизни любишь – только раз –
я без раздумий выбрал Бога,
но Бог ответил: не сейчас.

Я жёг мосты, мостил дороги,
но в жизни, есть один лишь путь –
я без раздумий выбрал Бога,
но Бог ответил: позабудь.

Я разбазарил слишком много,
в остатке – ближние, семья,
но я уже не помню Бога,
и Бог сказал мне: это Я.

Житейское

Скрытен, и чего с него возьмёшь?
Что поделаешь, не надо удивляться –
Если планы враз огласке придаёшь,
Любят планы не осуществляться.

Скрытен он, и наг, как беглый раб,
Чтобы пурпур ран был тише ила,
У прохожего, что бросит сонный взгляд
На его заросшую могилу

Ветер вымел всё, и мир, как обруч,
Память лишь оставив наперёд;
Беден он, не ждёт его ничто уж;
Что ж он рад? Да сам ничто не ждёт

Тормозным путём года окинув,
Вечный двигатель прикинет он за миг –
Пусть душа работает, плоть – стынет,

Сердца голод благородно приютит.

Обертон восходящего солнца

Колебания обесточенного чёрного света
падают приглушённо
на тусклые стёкла спальни.
Я перелистываю страницы ночи,
и слышу ноты, колокольчиками шагов,
продирающиеся ото сна.
Я узник музыки твоего обнажённого тела,
когда спелым гранатом
восходит румянец солнца
на глянцевої скатерти
сонного горизонта,
и ты плывёшь, очертаньем
бесплотного снежного облака,
по утренним сквознякам,
звонким горным ручьём
вбирая прохладу нового дня,
под радостный всплеск горящих ладошек
младенца Эроса.
Только дотронься до воздуха, и мой слух –
станет золотом, станет шёлком, станет мёдом и терпким вино,
станет тонким, дрожащим, будто струна, поцелуем,
играющим с тенистыми искрами вяза,
изгибающимся в пространстве нежного света,
ищущим гармонию звукоряда в преданной ласке,
исполняющим прелюдии и этюды
бархатных летних деньков,
воспламеняющим огонь занавесок.
Я слышал, что всё на свете,
всего лишь незримые струны,
пленяющие пространство-время,
но у кого-то должен быть и смычок.
Так что, сыграй мне ещё,
пока солнце не опустило руки
в чашу бледного пота неба,
раскалённого скукой, скисшего вечностью
млечных погонных метров,
сыграй мне ещё одну пьесу,
аккомпанемент разлуки
для скорой встречи.

Аристокл

Души крыло, как музыка, но в ней корпит и плоти скоротечность,
капризами хамелеона-ветра. Мной дышит стен холодный свет,
материи небытие, подвижный образ вечности
на зубчатых колёсиках часов, страсть к женщине – желание бессмертья.

Я раб свободы; вождельенье – пол души; взгляд капает свинцом,
в идеях воплощая бытие вещей; и этот город медно-бледный,
из кристаллических решёток новостроек – он словно мёртв, но он живое существо –
он плотски слепнув – прозревал, что до рожденья знал идею смерти.

Снег, блеском перетянутой струны, в открытом море красоты –
как бодрствующий сон, учитель, что так щедро молчалив, и так искусен.
Затерянный во льдах январь скользнёт календарём; сметёт седым дождём следы
невинно-мудро – и эта речь, речь истины, проста, до безрассудства.

Под зимним черепашьим фонарём, в пещере чёрной, опытом случайным,
отбрасывая опыта объём, забрезжит тень пернатая украдкой –
души крыло, в ней музыки печать дневным лучом, точно печаль,
согласно жребию Дельфийского оракула.

Кун-цзы

Сердитый ветер, полный яда, сквозь фонари-поводыри,
преступным бессердечьем, тянет полумрак;
молчанье – верный друг, который не предаст и не изменит –
зарёй осенней тлеет
на письменном столе;
и разум – он же, горький опыт –
всё учится, чтоб удивлять других;
узнав про угол квадрата,
всё представляет остальные три,
но, а великий квадрат,
по-прежнему, углов как не имел, так не имеет,
как не смотри и не верти
в пространстве, где теряются слова...
Вот месяц, благородный муж, серпом зеркальным полоснул
чернильный свод, и высота землистым инеем упала на дорогу,
где ноша тяжела и долог путь, и где мудрец завял, как трав полог,
как совершенство ради совершенства, он здесь уснул,
спокойно смерть приняв ночную,
в надежде, что познал с утра немного
крылатой истины, и по следам других не шёл...
Иероглиф Жэнь над черепашьим панцирем земли
звездой печальною качнулся,
и смертным потом
обдало пути того, кто о пути вещал.
Здесь не менялись только мудрецы и идиоты.

Фома

Сакральная душа аллея февральских,
что ближе мне, чем ближе я себе,
ветвями поглощая снежный блеск,
тенистым терном свет оконный крестит;

и греет снег, как кофе с молоком,
усталые движенья алых губ
по направлению к молитве безымянной;
и жжёт, и согревает снежный стон,
как первородный грех, как вечное блаженство,
нагие, девственные формы спящих душ.
Крыш шёпот горделив и неуклюж,
от бестелесной тьмы не оторваться;
здесь чёрная вуаль ресниц, усталости причал,
дыханьем тишины учила наслаждаться,
и я раскаивался в том, что говорил,
и редко сожалел, когда молчал.
Здесь времени таинственные воды,
в божественном котле, у вещего огня,
смиренной плотью испаряются в небытие природы;
и седовласый старец, по-младенчески игриво,
рукой, хранящей в русле млечных жил
существования и сущности могилу,
тасует наобум
пять доказательств собственного Бытия,
провозглашая на сегодня:
надежду, веру и любовь,
как бы случайную необходимость мира;
и счастья боль,
что в послевкусии распада
живёт назло;
и зло – несовершенством блага;
и тишь аллей, как глубину ампира;
и мель луны – февральскую юдоль.

Бенедикт. Импровизация

Босой душой по раскалённой пустыне жизни,
через собственный ад, который нужно пройти
с наименьшими потерями –
то есть до конца, до точки бессилия,
идёт одинокий философ –
бесконечная природа, причина самой себя,
интуитивная истина, само желание,
идёт рабство страстей,
радости и печали.
Здесь нет надежды без страха,
а вечность слепа;
здесь мир познаваем – но само познание –
бесконечно;
здесь время живёт для того,
кто не помнит о времени;
здесь сомнения и ошибки,
как неполное понимание истины,
и жизнь не имеет смысла,
так как является смыслом самой себя.

Здесь никто не напишет, не выкажет одобрения,
не разделит кров, не подойдет ближе,
чем на четыре локтя –
и это, тоже любовь.
Здесь достоверность вещей –
призрак всеобщего заблуждение;
и в счастье чужого – всеобщее неудовольствие,
а блаженство, есть добродетель, но не награда.
Увидеть вселенную с высоты Бога,
в отшлифованных линзах света,
босой душой, бегущей
по раскалённой пустыне жизни –
может быть, в этом и есть смысл страдания,
смысл одиночества, сущность желания,
и смысл коротких секунд счастья.

Иммануил

Высота глубокого одиночества в матово-сизом небе
февральского созерцания, февральской чувственности;
чистая интуиция времени качается неравновесной бездной
над головами прохожих и прихожан; искусство

сновидца, незаинтересованным удовольствием, пылится
в запасниках мозга; пространство, как аппарат восприятия,
строит строки сошедшей с ума прозы, плетёт небылицы,
о том, что страдание – стимул, о том, что прекрасное –

целесообразность без цели; и я подчиняюсь сквозному ветру
несущихся мимо окон, и я диктую законы природе,
и я теряю в дружбе свободу и непредвзятость; а, бледные
тени мира, Бог и душа сидят на завалинке, возле

дома счастья, у идеала воображения, у бронзово-медной
чаши заката, где разливают вечер, ночь и безмолвие...

Фридрих

Бездонно и самозабвенно,
Бросая плоть в холодный пот,
Душа, оставив козни тела,
Аорту вечера прорвёт.

Кровь солнца отольётся красным
С палитры облачных седин,
Здесь нет поверхности прекрасной
Без ужасающих глубин.

Закат, сквозь лень могил замшелых,
Сгорает медленной свечой,

Кто здесь познал себя, поверь мне,
Себе же будет палачом.

Дурная слабость в теле ночи,
Луна, как жёлтый яд абсента,
Живи опасно и порочно,
Ведь жизнь бессмыслием бессмертна.

Лови дыханье ноты зыбкой,
Ищи в ноктюрнах чёрный бриз,
Ведь жизнь без музыки – ошибка,
Ведь смерть близка, близка, как жизнь.

Дионисийской тёмной мессой
Невинность зверя утоля,
Смотри, смотри в нагую бездну –
Она начнёт смотреть в тебя.

Вне холода

Февраль расправил седые крылья, размеренно
падая с нежно-спящей лилии неба
снежной росой. Снег, лёгкий крылатый снег,
растворяется в воздухе, словно сахар в чае.
Ослепительно белый вдох отравил молчанием сердце;
слово, нищие слово, бедное
слово забьётся в сырую душу усталым ветром –
на повестке дня нотки бескровной печали
в недосказанном и недопетом,

пока февраль покрывает хлопком ресницы,
сдувая пенки с безучастно-молочного солнца.
Снежный ком отрешённости, голос, как
треснувший лёд, синий блюз вставшего
полночью сердца – пришёл, поклонился
могильнику мыслей, выпил немного красного,
северной ласкою приукрасив оконный лязг –
февраль обретает своё доподлинное настоящее
в предсмертной записке, в надежде, что убивает на раз.

Молчание, созвучное крику; застывшие тени сада,
где все разговоры неизменно ведут обратно,
к отправному пункту безмолвия;
земля, вбирающая каменной грудью серебряную прохладу,
земля под ногами шепчет мёртвым дыханьем;
заплывшие крыши, как тающие в тумане
ветрила плывущего на закат города –
я гулял по ним летним взглядом,
когда мы были другими, когда мы были вне холода.

Вчера

Глянцевый шёпот моря; застывшая соль на губах разъедает слова;
какофония боли, волн – всё сильнее, надежда – беспорней;
осыпаясь вечерним солнцем на горячую гальку,
память бросает якорь;
я смотрю на память – вижу провал;
я подбираю слова – чувствую воду;
расходуя без остатка алый
цвет горизонта,
макая кисточку взгляда в пунцовую слякоть.

Сядь же ко мне на колени,
милая, нежная, поздняя,
звёзд южных первая встречная,
вечная переменная, волн небрежных кипень;
переодевшись в ночь, берег проглотит тени,
кедры утопят сердце, взгляд похоронит звёзды;
близость – вчерашний вечер;
ветер – вчерашний день –
что разбросал пыльцу предзакатного воздуха...

Беглая бабочка неба греется у огня
безымянных призрачных окон; смолю блестящей чернеет
водная степь, как чернеет моя душа, где ни зги
не видно, лишь вина на глоток;
застывшая маска света, заплывшая воском луна;
приглушённое время в отрешённых аспидах аллея;
я ищу тебя в этих строках – смешно –
ты всегда была между строк,
где-то там, в беспросветно алом,
на самом дне неба
южных кровей.

Чёрная желчь

Пыль седины в февральскую лощину
метелью календарной упадёт;
уходит время, зарывается в морщины,
и память набивает время в рот.

Любить и пить – тоска осенних листьев,
сквозняк души в молитве безвозвратной;
огонь вина и плоти нежной искры,
истлев, оставят горький привкус завтра.

Порочный круг подсветит сферой лунной
квадрат окна, нащупав ночи дно;
дыхание, в молитве беспробудной,
сорвётся криком, вылетит в окно,

слетит по скудным, нищим тротуарам,
по бедным скверам в жалкий променад,
где в тлене ночи время прожигал я,
где я любил, а, значит, был богат.

Гиперборейский романс

Спешат ветра, кидают камни в пропасть, сдирают кожу с мёртвенной земли,
и жалит страх, смоля бездушный воздух, играя волчьим окликом вдали.
Огонь погаснет, скроет мрак рассудок, как смерть взревёт нордическая тьма,
фитиль зрачка затмением накроет, и бледным оловом зальёт глаза луна.
Спешат снега, метелью лихорадит, от вьюги плоть багряна, словно стяг,
хрипит придушенное небо звёздной гарью, и разливае волчью кровь по кубкам Вахх.
Огонь умрёт, надежду вырвет с корнем, и тишина растянется в веках,
метель вспорхнёт, взорвут дыханьем волны нагой простор, впитавший вечный страх.
В безмолвной свежести, в свечении полярном, предсмертным воем растворится наудачу –
от холода, лишь сердце горячее, от холода, лишь поцелуи жарче.

Примечания на ночь

Скользнула чайка над солёным покрывалом
беспечных волн у ветхого причала;
всё в мире – преходяще; суть – за кадром;
где мысль кончается – там Бог берёт начало.

Былого не стереть, не переплавить,
не переделать росчерком пера;
но если б мог я своё прошлое исправить,
как настоящим наслаждался б я сполна?

На совесть чистую прекрасно налипают
нечистых мыслей грязные следы;
и правда безобразная толкает
на ложь прекрасную – так поделом, увы.

А ночь твердит стихи наперебой,
и кто-то называет это пьянством;
другие говорят: да он больной;
а я обыден в своём жизненном пространстве.

Полжизни напролёт падений ждать,
и на фантазии полёт убить полжизни,
чтоб срок пожизненный с самим собой мотать,
вчера, сегодня и во веки присно.

Да к чёрту вечность, о насущном не забудь,
рассудок в цепи, цепь на шею и идти,
найти в имеющемся – стоящее; путь,
где в многоточьях – недосказанность любви.

.

Апостериори

Выхватывая из ежесекундности, расстояния,
за которыми скрывается глубина и искренность чувств,
за которыми – бесконечность, как метафора любви,
или понятие, свидетельствующее об ограниченности рассудка,
я изучаю противоречивую науку души, теряя в прибыли,
я смотрю в недалёкое прошлое, не упускающее шанса
напомнить о себе в ближайшем будущем,
я разбавляю пресную массу избытка толикой сладости,
самым ценным – последней крошкой хлеба,
я думаю, что, способный на большее, и тратящий силы на меньшее,
не стоит большего, я думаю, что душа – совершенна,
но совершенная душа, не есть душа человеческая.
Я вижу, как истина сама находит своего мудреца,
как надежда питается наименьшим,
как широта сердца полнится узостью предубеждений,
как легка тропа заблуждений, и как греет солнце, сжигая дотла,
как победивший себя, не знает больше горечи поражений,
как женская красота удостаивается
бесконечного наслаждения самой собой,
и в ней, вселенная, проживает по-новому
каждое своё мгновение, первой ласточкой ночи
кроша шелуху матовых звёзд на суету городов.

Айрин

А ты читаешь Книгу Бытия,
и видишь в зеркале портрет незримый Евы,
и первозданный грех в ладонях сна,
и скромный райский сад своей вселенной.

А ты листаешь осени главу,
весеннею водой наводишь тени,
и вся природа – сновиденье наяву,
как скромный райский сад твоей вселенной.

А ты всё ждёшь, в глазах храня восторг,
а ты всё веришь в святость многоточий,
но день ложится пустотой под чёрный лёд,
как взгляд в проём молчащих окон ночи.

И ты хранишь тлен звёздного огня,
и освещаешь им пустыню лунных парков,
читая на ночь Книгу Бытия,
катясь в небытие воздушных замков.

Дыханье Евы, замерев глухим закатом,
в фонарной гнили припадёт к твоей постели,
где меркнет пепел, под сырым осенним золотом,

от райской блажи женственной вселенной.

Дыханья ток, след поцелуя влажный,
ты видишь в зеркале осколок чёрный неба,
и первозданный грех, нагую жажду,
плоть одиночества и жертвенность вселенной.

Дыханья яр, след от тоски янтарной,
в прохладе окон ты читаешь между строчек –
что эта жизнь, не лучший край для рая,
и рай тождественен заре полярной ночи.

Лайдж

Я жду тоску – вползает лунный свет, как послевкусие дождя в прорехи грунта;
на дне стакана – ночи терпкий след – ещё глоток, и дань тоске – наутро;
где мудренее, в полузабытье плестись по лестниц околесицам карьерным,
греть реноме в потоке дел и тел, и лезть на стену от примерного безделья.
Я жду весну – за дверью ждёт сквозняк и сырость обезличенных подъездов;
на дне заката – кофе и коньяк, табачный дым, истории болезней,
штампующие сотнями, на раз, фармацевтически привитой истерией;
на дне заката – смерти смех анфас, и книга жизни – срез психиатрии.
Я завтра жду – как ждут тоску весны, я день вчерашний отличаю безразличием,
где лёд чернил, как слов погост застыл, где различим, лишь сердца шум больничный;
и сердце бредит в браге облаков, засеянных в предматровскую проседь,
и сердце, лопнувшей звездой, бросает вновь, горсть теплоты под смрад колёс коростных.
Я расправляю крылья, как бельё, развешивает прачка после стирки;
я упиваюсь красотой, как пьют вино, бродяги из бокалов мутно-липких.
Я жду тоску – мне светит нагота обочины с разметкой шлях нетрезвых,
где греет руки нервная весна, у пепелища фонарей, в оттенках пресных;
и пепел падает на кожу городов, и набивается за ворот редких встречных,
и кто-то там, гадает на любовь, и я, кому-то, может быть, обещан;
и день лукаво выполняет жизни план, дыханьем наделяя жребий женский,
и смерть взамен справляется про дань, и, подвернувшись, чьей-то жизни рвётся леска.

Панорамирование

Зрачка замочная скважина, в многоэтажное небо вколоченная,
сосредоточено, до столбняка, ловит злословье свинцовых туч;
ключ души повернётся наотмашь, и чертежи дождя
порвёт, обесточит,
задушит солнцем безбожным,
язычески плотским, геофизически жгучим.

На громоздких подмостках многоэтажного неба,
в падали воздуха, бледная влага истлеет
в тепло и женские слёзы;
падая сочной медью, вечер покатит по встречной, вея
закатом, беспозвоночной химерой ночи,
и слякотно-млечным анабиозом звёзд.

Поздним светом впрягается рваная тщета мыслей;
чёрный череп ночного скелета
молью кошачьих глаз обгрызен;
в фокусировке хрусталика тает священная истина:
обнажённое впечатление –
больше истины.

Доминикана

Изабель, Изабель,
изрезанная прибрежная линия
и гористый рельеф;
Изабель, Изабель,
плодородные долины Сибao
и Вега-Реаль;
Изабель, Изабель,
сезоны дождей,
привкус кофе и табака;
Изабель, Изабель,
влажные склоны гор
воспламеняются
вечнозеленым лесом;
Изабель, Изабель,
улыбка босоногой мулатки
срывается с уст
тропическим ураганом;
Изабель, Изабель,
воздух Атлантики,
укрывается
в листопадных лесах и саваннах;
Изабель, Изабель,
золотой аромат полдня
и серебряный шёпот ночи;
Изабель, Изабель,
остановившееся сердце
между Кордильерой-Септентриональ
и Кардильерой-Сентраль.

Убитый снег

Спешу дыханьем увлечённым
на проблесковый маячок
любви, где холод, голод, страх,
слезой весны душистой затянулись,
омывшей пресный, чёрный лоск
созвездий февраля.
В межрёберном пространстве марта –
сверкнёт, поблекнув, снег,
убитый тихой лаской,

в которой, нежные ладони, ночи ждут.
Заснеженного сердца панихиду
толкнёт, приливной скукой, под обрыв –
к свободному полёту, к кривизне
холодной сферы горизонта,
к беспризорной
бессоннице горячих глаз,
и прочим покаяньям.
Звенящий омут утренней прохлады,
желаньем, вздёрнет солнца шар,
катящийся по неба оцинковке
через капризный атмосферный фронт.
Печаль напомнит о себе, взойдя
звездой, кричащей в слепоту влюблённых,
терзая тени их уюта
грозой полунагих ветвей;
но зной, провозгласивший притяженье,
росой с тончайшей кожи соскользнёт
на воздуха расплавленный металл,
застывший розой нежного рассвета –
где мёртвый снег, будто души подснежник;
и день задышит поцелуем нежно-алым,
и ночь растает ручейком чернил в блокнот.

Капля весенней крови

Точками глаз опущенных,
строчки шагов пропитаны;
дай же мне хлеба насущного,
слова, до боли избитого.
Звон суеты безнадежный,
иней весенний на лицах;
ты приложи подорожник
к сердца иссохшей кринице.
Ты приложи безмолвье
кисломолочным туманом;
каплей весенней крови
сердце залижет раны.
Дай же сладости – смертность,
дай же мудрости – горечь;
там, где жизнь безответна –
слабость придёт на помощь.
Слабость смиренно впуская,
камень подточит вода;
смерть прошепчет, лаская –
жизнь одолжил ты сполна.
Глаз опущенных точки
падают в мятую душу;
дай же мне кость чёрной ночи,
чёрствой ночи горбушку.
Жизни нажива, что жилы,

сердце, как мяса кусок;
сжалась в груди пружина,
светом взорвался восток;
ветви пустились плясом,
ставни хлеща до рези;
тесно в груди и вязко,
что там найдётся – лишь плесень.
С плоти – болезненный ветер,
тающий в пекле синем;
дай же мне горсть мою пепла,
миром рассеять по миру;
и приложи молчанье,
кислым туманным млеком;
жизнь подвернулась случайно,
смерть караулит от века.

Освободи

Освободи август –
сорви солнечный свет
со стебля подсолнуха.

Выпусти морской ветер –
прислушайся к шёпоту волн
в спирали ракушки.

Задёрни шторы –
ночь коснётся плеча,
будто сердце уронит последний такт.

Задержи дыхание –
оборвётся воздушная нить,
расплетая венки созвездий.

Лунный свет упадёт занавеской
на свинцовые стёкла
глаз.

Светляком проскользнёт попутка –
кто ждёт,
обречён на надежду.

Au revoir

Простого неба власяница
На плечи козьим пухом ляжет.
Ты свет вбираешь по крупицам,
Я след теряю тьмой овражной.

Многоэтажной тенью горной

Уляжется подол вечерний.
Святое небо, свет бездомный,
Сухие губы отреченья.

В травы душисто-сочный всполох
Опустится безмолвный холод.
Сквозняк в дверях, подъездный воздух,
И солнце падает щеколдой.

Рассвет вобьет каблук апреля,
В лазури, склянки звёзд заглохнут;
Здесь безнадёжно – только время.
На завтра – крепкий сон и кофе.

Bonjour

Луч взгляда, преломлённый
тигровой лилией плафона,
март убаюкал
ледяным дождём,
и окрестил –
душой.

Прошедший день
червлёной далью тлеет,
как ежедневника
осиновый листок
в тарелочке с окурками
и снами.

Согретых ночью,
не убережёт,
дистанции холодная постель,
от новых встреч
в расселинах весенних,
в притоках слёз и рук.

Воскреснет утро
вешним ручейком,
неспешно время
заведёт пружину,
взмахнув ресницами
слоистых облаков.

Плоть обростёт
дыханием тепла,
нальётся кровью
мёртвый штиль аллея;
плоть смертна,
а поэтому – мгновенье
нетленно в первозданной новизне.

Эрос и холод

Смотря на мышиную сферу луны,
На её шишковатую рожицу,
Я вижу кошачий глаз изнутри,
И глас вопиющей роженицы
Крысы, в оттенках густого свинца,
Подтёками ночи раздавленного;
Я вижу заплывшую свечку лица,
Светящего в сырость подвальнойю.
Под кожей дремучего полотна,
Под чёрным древесным елеем,
Я мерки снимаю, в надрезе окна,
С тления лунных морей;
Я чую холодные пальцы любви
На струнах, промозглых, как дождь,
Я чувствую ветер её наготы,
Её беспрестанную дрожь;
Я чувствую хрупкость и нежность ветвей,
Горящих в надменности звёзд,
Я вижу, как чёрный древесный елей
Течёт на расплавленный ост.
И медленным сном разбавляя вино,
Где тает древесный елей,
Я вижу мышиной луны полотно,
В следах от кошачьих когтей;
И солнцем весенним, в тумане сыром,
Ресниц обжигая аллеи,
Я чувствую бреши души, как разлом
Холодного сердца апреля.

Малая сцена

Кисло-свинцовый снег прёт на рожон, но сбывается оттепель.
Почка солнца, цвета асфальта, набухает весенней, мартовской брошью,
всплывая со дна ночи.
Горизонт растянут, словно сети, полные водорослей,
волочимые на голый берег рыбацкой лодкой.
Тротуары, как подтаявшее мороженное.
По тонкому льду скользит исхудавшее небо,
полозом отражения.
И можно дышать свободно
зелеными сквозняками,
не боясь воспаления лёгких.
Он поёт о любви, и, практически, просит прощенья,
теряя железную волю анахорета.

Легато

Апрель стучится белым бездорожьем,
крошится бархатом весенняя метель,
рассвет продрог до бледно-алой кожи;
я безутешен, словно снег и насторожен, как лиса,
но музыка прощает беспокойство.

Тепло фаянса, жар кофейной гущи –
мне сохранят на кромке языка
горячий мимоходный привкус солнца,
пока лоснится млечный пух с седин зимы,
и жемчуг сна рассыпан под ногами.

Излучистые пальцы мёртвых скверов,
перебирая ветви, лад за ладом,
нащупывают птичьи голоса
и залежи травы под бурым паром,
с месторождений серебристых облаков.

Лёд проводов причаливает тишью,
но жизнь терпимее, когда природа ближе;
и где-то там, могильная прохлада
вынашивает новую любовь,
играя блюз на восемь тактов ночи.

Только

богиня
прекрасна,
словно
огонь,
съедающий сердце
и душу,

преломляющий
одиночество
завтрашнего рассвета
женственным
единовластием;

ультрамариновой
чайкой
колотится
алебастр зимы,

дышит
ангел
?

Поговори со мной

Пепельный снег
Оседает туманной
Гаванью.
Олово
Вечера,
Охра
Разбитого солнца,
Индиговый

Срез
Оста –

Мы
Несём
Откровение
Исповедального поцелуя.

Тают сны, словно
Илистый воздух.
Шёпот
Иллюзиона
Ночных тополей –
А капелла.

Мы
Открыты
Естествознанию
Голых рук,
Обнажённых

Слов.
Единственное
Расстояние
До
Центра вселенной –
Амплитуда сердца.

Я люблю тебя

Ярко-

Лиловая ночь
Ютится на
Базальтовых скалах
Ломанной береговой линии
Юга.

Тёплый ветер,
Евангельской лаской,
Бросает в воду

Якорь луны.

Индигово-

Эбонитовый воздух

Таёт

Оазисом

Млечных звёзд.

Осколок

Яшмы на сердце.

Доносится

Ускользящий

Шум

Аквамарина.

Пепельной

Ленточкой горизонта

Алеет

Чарующее

Единоверие

Твоего поцелуя.

Дождь шевелит крыльями

Дождь шевелит крыльями,

будто сама душа смеётся.

Громоздкие водостоки,

иерихонскими трубами,

тянутся-льются

к размытому вешнему устью,

где одинокий взгляд

заточен во времени

трёхмерной проекцией света.

Заплывший апрель

переминается

полураздетым

сумраком,

расщепляясь на ветер

и ветреность тротуаров.

Пространство, тающим облаком,

падает

в стекловидные лужи —

тихо, тихо,

будто шепчет в игольное ушко сам Бог;

и дождь, повсеместно,

резонирует

расстроенной арфой,

отпечатавшись небом

на грязных стёклах

троллейбусов.
Уместен восторг
уместна печаль,
и беспричинность метафоры;
к месту принять на веру
изумрудную меланхолию,
как душу
и промокшие ноги.
Однообразие перекуров;
бесформенное
притяжение многоэтажек;
окрест –
плеск ветвей,
влага воздушного поцелуя
в театральной паузе
между убогими
лавочками.
Всё так ненадёжно важно,
и так безнадёжно свято,
будто смеётся сам Бог
в горящем ручье заката,
сбросив пурпурный плащ
на головы вязов.

Молитвослов

Растёкся смолю мёртвый иней,
Покрыло солнце небом вязким,
И день, с оттенком мокрой глины,
Ласкает строгое пространство.

Шагрень дорог ложится в строчки,
Столбы, как знаки препиранья,
В их тишине – поэма ночи,
В них веста час исповедальный.

В кровь и вино молитвослова
Закат роняет свои реки,
Так мягко, нежно – что до боли,
Так ненадёжно – что вовеки.

Бледнеет воздух между кистей
Нагих ветвей; болотной тиной
Плывут приметы, знаки, числа,
И голой груши паутина.

Рябые лужи топчет ветер,
Срывает шапки вьюгой вешней,
И день, прутком стального света,
Перебирает головешки.

Портьеру вздёрнет воздух плотский,
Душа развеется, украдкой;
Подбросят чувства в небо кости,
Дыша азартом вешних парков.

И на костях шестого чувства,
Скользнув по сердцу, неба гладь,
Так близко – что не дотянуться,
Так далеко – рукой подать.

Расфокусировка

Пьяный-пьяный, бреду пиано,
нечаянно, наотмашь
освещённый небесной механикой,
как в бреду обречённый
квантовой
неопределённостью
и притяжением тела;
абсолютный нуль городского улья,
одновалентный, разложенный в ряд –
восход-закат-восход-полураспад;
с искривлённым, как пространство-время,
позвоночником, ограниченный
скоростью света
и прожиточным минимумом;
перекличкой левого
и правого полушарий,
циркулирую
в навязчивых мыслях, как в мыле,
объедаясь
на ночь
пищей для размышлений;
эволюционирую,
безбожно набожно,
уравнением не состояния,
до
пределов алкоголизма, табакокурения,
и излечения, излучением
здорового цвета кожи
в строго отведённых для жизни местах;
а сердце стучит синусоидой
в ночное небо, как в крышку гроба,
чёрной дырой пожирая время;
а энтропия растёт, капризно,
как волосы на голове,
и ногти на пальцах –
осень моей вселенной,
стечение обстоятельств,
или немного большее,
чем на графике линии жизни,

в граничных условиях
пыльной ячейки памяти?

Присела на карниз

Присела на карниз
ветвь вяза;
тенью мокрой,
сквозь луж апрельских линзы,
смотрясь в чужие окна,
она скрывала ветер.
Как струны скрипки, пела
ночная мгла, капризно,
хлестая вяза улей;
в моей ладони белой
тлел мак апрельских углей.
И в темноте бесплотной,
я руку протянул
к дрожащей нити вяза,
упавшей на стекло,
разбитой вазой с пеплом.
Она осколком выжгла
мне чёрную строку,
шептавшую неспешно —
что не вернусь сегодня,
куда вчера бежал
по лезвию весны,
смотрясь в чужое сердце.

Каданс

Ворожея-весна
Окрутила голову

Монотонно-ласково,
На волоске
Ереси и

Голубиною
Неба, скривилась
Излучиной
Едкого облачка,
Тлеющего

Валидолом под языком.
Енотовидные
Столбы вдоль дороги
Наигрывали
Адажио.

Истекал в кювет

День,
Отягчённый
Гирей апрельского солнца.
Око
Ра,
Аннигилируя с
Египетской
Тьмой

Берёзовой рощи,
Едва-едва,
Лёгкой прослойкой вечера,
Открывало, вполглаза, ночное
Евангелие.

Флуктуации

набросок #1

Дайте мне хорошего критика, и я переверну Пушкина –
говаривал внутренний голос;
но хоть бы один волос
упал с головы Пушкина.
Дайте мне трубку мира, и я зарюю топор войны –
говаривал старый курильщик;
но дети играли в войну, как обычно,
а он курил на завалинке Kent.
Дайте мне шанс, тысячу шансов,
знаки, приметы, реванши,
миллиардный карт-бланш –
возьми – отвечала смерть –
но с возвратом.

набросок #2

Промышленный дизайн,
шелушащийся кожей лесных пожаров,
нефтяное пятно бесконечной ночи на горизонте,
армия оловянных солдатиков в расплавленной топке
погребальных лент новостей,
излучение
рукотворных
черных дыр,
разъедающих мягкий мозг
демонстрантов –
весна выдыхает озоном
на робкую зелень твоей любви,
стирая границы и рамки

больного пространства.
Чувствуешь свет подснежников
в узорах ладони?
Бей, на здоровье,
в струны прозрачной реки.
Пей из источника смеха,
над собственной раной, эрос природы.

набросок #3

Год Дракона,
изрыгнувшего с кровью зимнее солнце,
обращенное
в загустевший янтарь января,
мечущее
лучи-снежинки в воздухе
новогоднем,
испокон назойливо,
нарочито елочно.

набросок #4

Шизофренический ритм
отбивает пустая луна,
бледная бестия, тишину,
словно разбавленный спирт,
заливает в прохладную глотку путаны,
спутавшей карты
командировочного,
для которого, за углом,
безостановочно
тикают нервы уличной поножовщины —
а моя малышка,
под шелковым одеялом,
видит цветные луга
и сердобольных ласточек в небе июня,
вышитом солнечными стишками.

набросок #5

Это больше похоже на сон,
где звучит саксофон
и интонации Бродского
броским ветром радиоточек,
а кошачьи зрачки
отражают движение по встречной,
просвечивая рентгеном
(словно радугой переведенных историй
с многоязычья дождя)

тетиву позвоночника.
Это больше похоже на жизнь после жизни,
в преломленном душами море
на исходе
дня.

набросок #6

Не надыхаться
кокаиновой дымкой
снеговорота
после декабрьской оттепели,
слякоти, сырости, серости,
сонности, сухости плоти
слов; не пересмотреть
клинопись черных протекторов
на белой лебяжьей земле,
где ветрено злое – чудесно
богато размахом пустых строк,
и грамоты на ледниковой коре –
протяженность гласных,
распев, распилил, вой
северного сиянья.
Не надыхаться
поцелуями обмороженных губ
мне вне тебя.

набросок #7

Находил,
поглощая и даря,
затонувшие
в глубинах отвлеченных,
ноты.
Уходил,
обещая и безмолвно,
на верховья возвращенья.
Полюбил,
не за что и про себя,
безусловно и условно,
лишь бы было.
Пережил,
как переплыл
недалече
одуванчиком по летнему эфиру.
Вот и сбылся,
прослезился
и забыл
до лучших дней, до новых встреч.

набросок #8

Вдохновение прячется в каждой вещи,
в каждой трещине
пространства-времени,
в словидениях,
в их волнообразных крючках
и струнах,
в воздухе,
насыщенном потом и дорогим парфюмом,
в нотах
ржавых замков и лакированных скрипок,
в мутной воде, где тают чашечки лилий,
в медитативной россыпи взгляда
цветов.
Дергай за ниточки
шторы тумана,
когда вдохновение прячется за каждой,
кажется,
потраченной зря буквой,
слушай простотечение
в точке пересечения
прошлого с будущим.
Всего то и надо.

набросок #9

Стихи, лившиеся из рога
золотой осени,
оборвала белая засуха
постной зимы.
Благодарность и низкий-низкий
поклон,
лицом в безысходность ночи.
Удовлетворение художника –
его смертельный
приговор –
говорит мне
непредвзятая интуиция,
прекрасно сокрытой строчкой.

набросок #10

В декорациях сумрачных ветров,
в гипнотизме практик любви
находил себя (свое),
преодолением,
ленно скользя по скалам
к вершинам сомнений

новых Америк.
Крича – мое!
Изобличая себя до
мяса, костей пустоты
межатомных клеток.

Флуктуации (от лат. fluctuatio – колебание), случайные отклонения наблюдаемых физических величин от их средних значений.

Неотправленные письма

#1

Знаешь, милая,
лучшие ролевые игры –
это разлука.
Разлука –
это твоя душа, о которой,
можно только догадываться.
Спорим, милая,
наверняка, ты не знала, что в августе
в моем августе,
когда-то шел снег –
это та же душа,
засветилась вскользь,
тогда мне казалось, что она – облако.
А помнишь, мы пили на брудершафт
с полуденным ветром
на черноморских балконах,
от знакомства и до знакомства
в интерьерах конца
десятилетия
прошла одна тысяча восемьсот пять дней,
ты аккуратно их берегла,
знаешь, это чего-то стоит,
для той же памяти наших детей.
Помнишь, в начале зимы
ты загадала желание, потом упала звезда
весны
и обрела невинность в проступках.
Конечно же, помнишь,
я тоже – помню, даже если с капельку пьян,
ближе к вечерним сгусткам
задумчивых штор,
и если листаю листву в оконной раме
созерцательной лени.
Пролистай меня, милая,
тонкими пальцами с кольцами
серебра и дыма от сигарет,
так надо, для солнца

грибного дождя у подъезда,
где прежде встречались наши рассказы
о проведенной неделе
без...

#2

Прикоснуться
к теме дождя в твоих глазах,
к свободному плаванью
в лунной влаге травы,
к разбитым стеклам
цветных витражей заката,
прикоснуться
перебором жемчуга
неразлучных рук,
совершенством узора замерзшей воды.
Постой и прощай –
говорит сердце ветра
на кончике пламени –
дальше печали,
дальше разлуки...

#3

Пьяные потолки
от привкуса света свеч,
сверкающих на расплавленных блюдах
глаз, на кухне панельного дома,
забытого богом района, города, вечера,
соседствующего с лунной лимонной долькой в окне,
спроецированной на стол
под остатки коньячных рубинов
в ожерельях фужеров,
на которых твоя помада, мой
поцелуй, разбавленный ветром
замерзших роз,
сквозняком из коридора,
где небрежно скинута куртка,
шапка, ботинки, свитер
и тень уходящего дня,
дня добывшего свою дозу –
остановись мгновенья –
утром, смутно
мы все друг другу простим,
постскриптумом –
проветренный воздух
спальни...

#4

Она разливает по черепам
свинец переплавленных пуль,
пьет из них, с жаждой пустытника,
помешивая осиным жалом,
заедает кусками тряпичной плоти,
нанизанными
на оголенные кости
чьи-то детей,
и все шлет, шлет, шлет письма,
с наградами и орденами,
в одном направлении,
за подписью генералов
смерти,
словно письма счастья...
Мама-Wag...

#5

Пару стопок – для храбрости,
пару строк – для хитрости,
в нескончаемой жалости
поискав самобытности,
вот, и привет,
вот, и здравствуй,
наконец написал,
сестра по несчастью,
январская снежитьь,
как глаза залил,
в глаза залив
январский иней,
илистый яд,
из погреба винного
погребальный обряд,
в строчку и в столбик
фонарного света
постного,
наперекос судьбе
мне и тебе...
Наотмашь, без подписи...

“Цветет луна в обрыве ночи...”

Цветет луна в обрыве ночи,
Как и огонь в твоём окне –
Не спит, впитав её источник,
Её тоску и холод стен.

Звенит безмолвие пространства,

Дымится сумрак черных вод,
Стекло размыто, беспристрастно,
На стенах – созерцанья лед.

На тишине – вуаль вопросов,
На лунной ветви – сердца плод,
Осколки снега ветер поздний
К открытым ранам глаз несет.

Свирелью вьюжит, скрипкой тянет
Подлунный взгляд оконных рифм,
Луна в овраге ночи вянет,
Как и агония молитв.

Глаза поят вином метели,
Ладонь ласкает вмерзший дождь,
И черной кошкой скрип у двери –
Ты помнишь, как любила ночь?

“Жизнь, обреченная на выживание – красота строки, вытянутой...”

*Безмолвны, одиноки и без свиты,
Мы шли путем, неведомым для нас...
Данте*

Жизнь, обреченная на выживание –
Красота строки, вытянутой в стихотворение.
Жизнь, железно-жилистым жалом,
Животной жаждой, жвачным жжением
Вечножеланий, вечнопрощаний-прощений,
Такое хрупкое естество, и как будто, такая прирученная,
Но выпал снег и общественный транспорт ленно
Встал по обочинам перспектив, озвученных
Глупостью гордого городского.
Зло всмотришься – а за окном метелит туманность любви –
Уже не первые заморозки – но что с того,
Тому, кому не прикажешь, и только лови
Шишки на хвою опытных образцов.
Жизнь, несколько обесточенная, когда не выпался
От мятной чувственности, или горбушки свинцовой
Умозрительного ничто, кто что подберет, облизывая
Сухопарые губы, такая дружная, движная, душная,
Рваная, резкая, рутинно-рвотная,
Нежная, нудная, нервно-натужная,
Вещая, влипшая, ветрено-вольная,
Долгоиграющая миниатюры, обреченные на придыхание,
На поиск Фалесовой истины и рыбную ловлю –
Строки, вытянутые из тени сомнений, страданием
Обо все на свете, осколочным эхом Бога,
Его, нищего от великих пустот созерцанья, обреченного на выживание
Мудростью пепельной седины,
А за всем, послестрочием – красота –

Ведь тоже маленькое желание,
Желание быть судьбой на облаке легкой любви.

“Белоснежным январским шелком она стелется...”

Белоснежным январским шелком
Она стелется в лунность постели,
От фарфоровых дней осколки
Растворяя в глазах метели.
Она ищет гармонию света,
Преломленного глубоководьем,
Взгляд – желанье, как в детстве, раздета,
Но от холода знания – бесплодна,
Но от холода рук – недвижима,
От мигреней в снотворном тонет,
Дарит мед, лишь страницам книжным,
Запивая кабацким ромом.
Застилая экранной лупой
Телефонные моноспектакли,
В белотонное зимнее утро,
Она дарит себе подарки,
Что вчера положила под елку,
А сегодня готова примерить,
Подойдет на цыпочках кротко –
Под оберткой – вскрытые вены.

Оне

Она дышит в сердце
глубиной слез.
Капельки пота
превращаются
в хрустальные лепестки
любви,
и ветер
опускается на плечи
мистической розой.

Поздно

И когда потушат свет,
останутся только следы
твоего дыханья
в теплом воздухе
под невесомым дождем
июльского неба,
и ночь засвидетельствует –
метаморфозы сна,
отраженье луны в колодце

и золотистую прядь строки
из дневника умолчания.

Preuve de la poésie*

Долгоиграющая радуга
над умирающим летом –
любовь сильнее жизни.
Подтекст догорающего сердца
в расплывчатом объеме слов –
это,
и есть настоящая поэзия.
Доказательство поэзии –
научившиеся разочарованию,
претерпевшие страсть удовольствия,
обновление через болезнь,
и оставшиеся
сами собой –
слезы,
не потерявшие соль любви.

* - (фран.) *доказательство поэзии*

Пейзаж

На рассвете землисто-ягодном,
В затуманенном пекле холода,
Солнце выкатило глазные яблоки
На лесные горбатые копы.

Как белье, простирало ветром,
Облака, до пружины судорг,
Холодеющим потом рассвета
Набухали холмов бледных груди.

И лебязьей росой душило,
Свежесть света брела бродягой,
На стекле речных глаз застыла
Погребенная ливнем коряга.

На рассвете, увядшем в дыме
Одиноких полей и пашен,
Как кровавой слезой рябины,
Расписалась душа за пропащих.

Воздухоплаванье

Вот – ветер,
а вот – душа,

а вот – их созвучие
в аквамариновом листопаде,
на теплом песке обожженного солнцем берега –
и я снова умею летать,
или падать.
Выбор, как ветер.

Воображение

Мы лежим на пляже,
а вокруг проплывают любовные
многогранники звезд,
в одном из них – ты и я.
Так могло бы быть –
а значит, так было,
когда-то, во времена
планирования
бескровной Земли,
в воображении прошлого.

Развертка

Поля, поля, где ветер –
Прелюдия огня
Влюбленных и желающих
Остаться неизвестными,
И звезды, с глаз готовые сорваться,
И кровь течет рубиновым вином
Закатного соседства,
А утром умываться
В туман благословляет нежный звон
Росы с листка уставших губ,
Дразня речные струны.
До дна, до дна, где небеса уют
Связали пряжей лунной,
И руки,
Боящихся проснуться,
Только ждут,
Чтоб прикоснуться
К ветру, к пламени
Священных текстов проб-ошибок,
Под золото расшитых,
Под золото зари
В песочном жемчуге туманов
И воды,
Несущей под откос
Слезу весны лукавой.

Тема воздуха

Влажные от любви волосы
на обнаженном метафорами мясе повседневности.
Если ты ничего не поймешь, то знай –
что слова, тоже чувствуют боль и нежность,
но по-своему.
Наши рощи пьяны от стрекоз и пыльцы грехопадения.
Нитевидное солнце на крыльях бабочки – ее печаль.
Сердцебиение безутешности –
та же надежда. Веришь?
И в конце, нас ожидает прекрасный сон,
но она,
верит в перерождения.
Ночь в саду обливается маслом луны,
ускользающая, как и все слова, что я подарил ей,
как чернильный след на бумаге в ее руках...

Теплая кровь

Страхивая пепел сна
на рукав, занесенной снегом, январской дороги,
в декорациях утренней полутьмы, полусвета свеч
умирающих фонарей и беспокойных маршруток,
пообещай мне немного
тепла, немного озябшей любви, немного вечернего
чая на кухне за шторами разговоров,
текущих алмазной душой созерцанья, пообещай мне вечность
минуты в растаявшей капле инея
на отогретых губах в невесомом воздухе тишины,
прерываемой подслушанными молоточками сердцебиения,
пообещай мне любить, так же, как ненавидишь
отсутствие этого чувства.
Лапой львиной
нацарапанный на замерзшем стекле узор
нагадает тебе свидание,
повторяющиеся изо дня в день, откровенно
просто и глубоко, ночью длинной
выверенный сюжет преподнесет объятья метели
с моим отраженьем в кристалликах льда,
и мы снова пойдем, что нужны друг другу, для одиночества,
предвосхищающего ожог летнего солнцестояния,
определяющего туманный берег завтра, вчера и никогда.

Силовые линии

Чтобы согреться, но не растаять – нужна боль,
романс, спетый сорванным горлом в разряженном воздухе,
роза, выкованная из железа пустынной зари на приволье
слезящихся глаз, уставшего слуха и позднего
понимания и смирения. Чтобы найти и не потерять –

нужно уметь отпустить, нужно уметь принять
чужую свободу, как собственный голос, учиться терпению
у седых тополей и мрачных дубов вдоль дороги осенней,
пропитанной солнцем разлук. Чтобы замерзнуть –
нужно было иметь когда-то тепло, поэтому в самом сухом сердце
найдется немного хвороста, искры и воздуха –
лишь стоит сменить ракурс, пульс, место действия –
и это не может не говорить о Боге.
Чтобы писать – нужно забыть себя в себе
на мертво-текущей осенней дороге,
среди терпения тополей, дубов, хвой и огней
догорающих листьев, непредвзятой пустыни ветра,
нужно отдаться самой простой душе, вырезанной из облака
пепельного цвета, света, метра и ленно
грезить в осадок плывущего дня, сотканного
по образу и подобию Слова. Чтобы любить –
нужна, лишь малость, горсть, тонкокожая спичка, пылинка –
этого хватит вполне, если жить
от аванса и до зарплаты, в четырех стенах, под сквозняком голубиных крыш,
но с Ней – крылатой мечтой из аквамарина
и золота майской поэзии. Чтобы кто-то услышал –
нужно уметь молчать; чтобы быть ближе –
нужно держать дистанцию... Но на самом деле,
“чтобы” – плохое начало дня и начало стихотворенья.
Давайте тише, тише, где олово слова плавится в тишине –
это и есть душа; тише – впиваются паузой стены
в строку ручейка у меня в груди, тише, тише,
о главном – нужно уметь прощать, чтобы простилась тебе –
растрата звуков, растрата слов и четверостиший...

Дополни

Отчаянье – для надежды.
Поражение больше победы,
когда ты дополнишь мою ночь.
Одежда – такое непрочное
прикрытие.
Беседы – такое скучное ожидание
восхода твоей луны.
Воздух сиренью блуждает.
Волосы, словно волны в винной
чаше темнеющего океана.
Если хочешь, немного поспи,
а потом – я разбужу тебя таяньем
снежно-бережных слов на подушке.
Тени деревьев в окне впитались в голые стены –
а значит, стены уже живые.
Ленная вязь сновидений кружит
аистом, валится пропастью, лопастью
сюрреализма режет реальность, забывшую жизнь
на грани любви и фола,

на грани побега и места
без местожительства.
Отчаянье – это для голода –
разбудит без спроса
сердце –
для голода искренности
прикосновений –
падая в ноздри
геранью и розой,
наговорит
дыхание занавесок...

После

Она развязала мне руки, и я доверился
течению, чтоб оставаться самим собой, инерцией творчества.
Посмотрим, послесловие – лучшая чаша весов,
и мудрость ошибки – лучшая доля.
У зимы два лица – холод и радость от предвкушенья
тепла, не забывай об этом,
разливая одиночество по бокалам крещенской ночи.
Ты захотела рифму – я отправил тебя на рынок – тогда,
ты обвязала мои слова полевыми цветами – спасибо;
каждая татуировка на моей коже
превратилась в букву твоего имени,
двукратно прочтённую, как заклинание,
вырезанную неуловимой волной черноморского интермеццо;
но всякой красоте – своё время; мы уходим не попрощавшись,
срываясь протяжной наэлектризованной ноткой
лживой покорности обстоятельствам времени-места,
словно сентябрьские отголоски лета; у прозы – своя поэзия –
стихия стихов, истертая в тусклый столб пыли,
вросший нервом метели в голую землю.
Пустота – это не больно, это даже немного приятно
в январском сквозном эхе, среди застывших обочин,
каменно-снежных лепестков крыш и пощёчин хрустального воздуха;
пустота – это то, что всегда остается после –
но, до послесловия...

Минус двадцать по Цельсию

Минус двадцать по Цельсию,
у сугроба пригрелась тощая псина,
верно, творит молитву собачьему богу, вести
о лете блошином ловит ушами длинными,
рваными, раненной лапой дёргает
синеватый, оледенелый воздух –
чем-то родным веет в чём-то убогом –
все мы под богом, а у него – слёзы
с седых страниц, по морщинам тёплым,

там есть и море, и зимний закат, и пепел пустыни.
Дерево, кадром оконным встало, как вкопанное,
дерево жизни мёртвой скульптурой инея.
Минус двадцать по Цельсию,
на книжной полке чекушка – невольный
сосед Гомера, Шекспира и прочих местных,
облюбовавших пыль старины. Бездомный
взгляд в монитор, на метроном курсора,
на букворяд, на переливы маски лица
в остывшем кофе, и снова, на монитор –
за это время, что-то должно измениться и стать
частью большой истории,
под названием – существование, или присутствие.
В минус двадцать – спокойнее,
чем, например, в минус три, чувствуется
собственная нагота, до застывшей губчатой пены костей,
собственное бессилие перед задумкой природы,
и вместе – величие от наличия в себе
этой величины, в сердце и априори.
В минус двадцать хочется стать шерстью
на гриве льва в африканской саванне.
Чёртов обогреватель, совсем не дышит, чёртов Цельсий,
и божественная литургия чистейшего неба, вставленного
в кадр окна с остекленевшим деревом жизни,
и жизнью одной псины, из рода юродивых.
Сейчас, как никогда, близки –
понимание времени, ускользающего во времени года,
упражняющего теплокровие
на растяжках резиновой ночи, нимбы кошачьих
зрачков по подвалам, звонкие парные в слове,
подвешенном в воздухе. Минус двадцать – не важно –
стучится пульс клубящегося шоссе –
перебираю клавиши, струны, бумажки, прищепки,
чашки, ложки, ленточки новостей,
собираю мозаику ощущений
для будущих поколений, по колено в снегу,
закалено, твёрдо, решительно, жалко –
на лету, на ходу, на бегу –
из любви, из надежд, из нужны, из-под палки.

Еще раз о поэте

Семь бед – один поэт,
в котором старый, добрый блюз – лучшее лекарство,
где уют – это, он сам, и когда, как по маслу –
к беде, но он, все читает Фауста,
и одними устами творит молитву и проклинает,
любит лезть и за это себя презирать натошак,
думая – для кого стихи, когда кругом одна проза;
он знает, что ничего не знает,
не роднит его с Сократом –

поэтому, локти искусаны, колени разбиты и розы
перебинтованы в сердце стократным
“прости и “живи, пока дают”...

Крупный план

Я стою на Земле, прихваченный
гвоздем гравитации, прикрытый
сэндвичем атмосферы, паутиной магнитного поля,
Земля вертится вокруг своей оси
и Солнца, идем дальше –
Солнце вращается вокруг центра галактики,
галактики разлетаются к чертовой матери
в бесконечность, до бесконечности плюс единица,
но не все ли равно, мне, ведь я – неподвижен,
я точка отсчета, сборки, и точка, я стою
на Земле – это и называется человеческим знанием –
хотите поспорить – тогда продолжайте стоять.
А вот, еще одна сцена, постучавшаяся
в продравшееся инеем стекло общественного
транспорта, вперемешку с рекламным клеем,
искусно подрезанной тканью сидений для инвалидов
и тесным дыханьем грузной соседки, соседа,
а если вдруг повезет, дребезжащим консервным вакуумом –
сцена утреннего ритуала, порой кажущегося,
воплощением наказания за грехи наши.
Что общего между этими двумя зарисовками?
А то, что первая обнаружила свое присутствие
в формате второй, просто так, не спросив,
упав беглым камешком с неба.
А, может, и нет никакой связи,
ибо связи на небесах – удел бесплотных –
что нам, смертным, сверненным с расписанием убогих маршруток,
идущих рулеткой по нищим задворкам –
не прибежняюсь, по видимости, оно так и надо,
интерес приходит во время движения в никуда...
И так, я стою на земле, промерзшей земле, под скрипом метели,
перебираю душой джазовый проигрыш, пробую
этот мир на вкус, цвет, запах, слух, на верю-не верю,
и говорю сам себе, обветренными, проспиртованными губами –
пробуй, даже если это достаточно глупо со стороны –
этим, как раз то и ценно, неповторимо;
набирая в легкие воздух,
на вдохе – ощущай свою не случайность,
выдыхая – скажи спасибо тому,
кому сочтешь необходимым –
человеку всегда видней, ведь он стоит на Земле.

Женщина

Ласковая, нежная строка,
Не смотри с укором в мои дали,
Где течет полночная река,
И луна-волчица зубы скалит,
Где покой – могильная плита,
А улыбка – пепел листопада,
Здесь своя, немая красота
В струнном вое северных обрядов.
Рифма, не ищи себе сестру,
Ритмика, не бейся в стон бараков,
Здесь гуляет слово на ветру,
Словообраз из случайных знаков.
Ласковая, нежная строка,
Раненый невинный ветер лилий,
Залети в мой край издалека,
Обведи прибором холм могильный,
Где растут холодные слова,
Тая, в женском сердце, словно иней,
От прочтения, от того, что та,
Знала, как любить и быть любимой.

Amore

Amore, amore –
А в сердце – кардиограмма моря...
Amore, amore –
А верное северному сиянию сердце
Вертится в барабане неба,
В серебристо-веснушечном астропульсе,
Линзе телескопической ночи...
Amore, amore –
И больше ни слова, не сна, ни приметы –
Лишь стук каблучков за дверью –
Любимая, это
Твое “ухожу”, или вернусь на вечер
Из первопрестольной?
Возможно, где-то и “да”,
А у меня – и “да”, и “нет” –
Всего то, мое сердце,
Вслушанное, вписанное в подъездную вечность,
Лжет мне, любя,
Люто любясь разлукой и перспективой,
Семенем грусти и осмеяния...
Amore, amore – какие вести
С полей? Поля
Занесло февралем, белым морем,
Далеким цветистым илом
Северного сияния...

Проспать под диктовку снега

Февраль – блюз для гурманов –
судьба, предположившая жертвенность.
Моя нежность – пространство без точек опоры.
Какой же я настоящий? Теперь, наверно, не знаю –
все капризно-хрупко, непостоянно –
тоже мне, новость с хрустящей корочкой, открыл Америку –
задернул шторы,
ушел с головой под одеяло –
утро вечера... Но утром,
нашел себя в том же ключе –
стабильность мертвенной ткани –
за окном увидев, что-то похожее
на небо, на снег, на небо, на снег,
синусоидой пейзажной лирики,
какое-то ничейное небо, раскуренный снегом обморок,
подсмотрел себя – я – состояние
потерянного родства – зарубцевал, подытожил –
и тут же запил холодом, забыл, забросил за шкаф,
поближе к пыли и тараканам,
к сломанному будильнику-неврастенику.
Знаешь, еще слишком рано –
это февраль, голодный до цвета и запаха солнечных ванн –
это ветер, что забрался в рукав
и спит, свернувшись калачиком – спи и ты, вдохновение,
растерявшее форму, знаки
отличия и препинания –
уже поздно менять сновиденья
на скудный остывший завтрак.

Nerve

Ты почувствовала моё желание,
я почувствовал – твое смущение.
Я спел: люби меня до последней капли росы,
на веере ресниц неверного утра;
до последней унции золота
во взгляде благоуханного среднелетнего полдня;
до последней частицы растаявшего
медного мёда на ладонях тепла;
до полной пустоты слов о нас,
как о разнице в этой вселенной дождя.
В крабовидной туманности снов раскачивалась
бригантина холода –
под одним одеялом
из, режущей глаз, белизны февраля,
запечатли на кончиках пальцев,
что любовь – больше ненависти,
инстинкта самосохранения и одиночества;
посмотри на меня так, чтобы я поверил,
не выжидая, не выжимая до корки сознания

краткосрочные смыслы,
не обжигая губы ложью во благо чего-то ещё.
Я спел, ты спала, в спальне горел свет,
растворяясь золой молчания
в пространстве глухих стен –
перемирие, на один глоток воздуха,
с девочкой, читающей книжки чужого опыта,
но, не знающей, собственной прописи сердца,
с девочкой, не жалеющей свои нервы,
обнимая дрожью воздух воспоминаний.
У неё ещё всё впереди, и всё уже было,
со мной, или без меня.
Смотри, не проспи свое ”позавчера”, девочка,
доведённая до любви отчаяньем,
печальная незабудка в скрижалях горькой травы;
и помни – что всё, имеет своё ничто,
когда научишься принимать
красоту греха с человеческим лицом.

Тому, кто всегда рядом

*Мир бытия - досадно малый штрих
Среди небытия пространств пустых...
Гёте*

Смерть близкого, кажется такой далёкой,
потому, она всегда, так центростремительна, относительно боли.
Слёзы ранней, раненной родовым теплом, весны –
это тоже подобие смерти, смерти бескровного
во имя освобожденного духа цвета,
в израсходованном, замкнутом годичном цикле,
замкнутом на застывшем сиянии молочного савана,
в цепочке перерождений взгляда художника
за окнами старой квартиры.
Что я могу изменить? Только себя, но не свою природу.
Высшая степень мужества, сильному,
признать себя слабым и побеждённым –
там же – высшая степень мудрости.
Зима уходит в недалёкое прошлое,
чтобы пустить ледяные корни в моём сердце,
потерявшем ещё одну искру дольней свечи.
Вот и всё, прощай, прости, возвращайся памятью,
усталость скоро пройдет, пиши
мимолетными призраками на стенках камина,
не бойся, оборванное дыхание,
всего лишь волос на голове у бога.
Аминь.

Тихо

Тихо, как в новолуние, блюзово, как на окраине,

Пламя горит, у пламени – память согрелась. Туманное
Небо по окнам шляется, строчки ложатся в столбики,
Точки бегут в многоточия, а многоточья – в застолия.
Солнце плетётся к западу, запах мороза с улицы,
Помнишь, мы были когда-то...Больше, это не сбудется.
Сны до холодного пота, лодка раскаченных будней,
Дом, дорога, работа, дорога и вновь новолуние.
Тихо, как на могиле, у неизвестного имени,
У занесённой даты под фотографией в инее,
Где лепестки неживые, как тишины привратники,
И на ветру, нашивкой, ветвей рваное платье.

Иные следы

Осколки памяти любви –
мои книги – моё отчаянье.
Обезболивание сновидчеством –
поэзия не пишущих, но видящих, видящих иначе
медные колокольчики слов,
узоры междустрочий.
Я, словно песок на раскалённых дюнах пустыни,
о, душа – миф на мифе, жертвенный алтарь слов,
прекрасные раны восхода солнца на теле строки;
о, сердце, отдающее, не требующее ничего взамен,
и имеющее, поэтому, всё,
давай сделаем это красиво –
посадим цветы, рассыпав жемчуг в саду,
как когда-то бог-созерцатель рассыпал свет по земле...

Плавно

Гортань колодцев наполняется мелодикой луны,
Стопилась ночь под северной звездой.
Даль сеет миллионы голосов в венозных реках ветра,
И я – привычкой к одиночеству – как к смерти –
Шепчу – проснись, так надо, это, только жизнь,
А будет что-то дальше и мудрей.
Лизнули звезды тишиной надтреснутый карниз,
Овилась тьмы вуаль вокруг ресниц,
Как тяжкая мечта, как вязкий клей,
И миллионы голосов слились в один каприз –
Найти себя в потоке серых будней;
Возможно, я и знаю, как, но я молчу, подобно камню,
Ведь сад камней никто не отменял.
Блеск отражения в колодце, тоже память,
Всмотрись в себя, там жизнь и смерть пируют,
А на окраине – любовь, как чья-то шаль,
Что, опадая, догорает звездной ночью,
Созвездия рисуя и сердца.

Одиннадцать дней

Стоит ли одно стихотворение
одиннадцатидневного чистилища?
Но ведь функция времени – очищение шелухи.
Я знал, это всегда жило во мне,
просто когда-то вы этого не прочли
за кисло-лимонными газетными вырезками
наших бесед, наших обид,
жило подземным ключом,
старым документальным кадром мертвого сада,
просто вы этого когда-то не разглядели
за чёрной ширмой ресниц и ледяными губами,
ледяными от слов, брошенных вскользь,
в кротовые норы заполненных пауз.
Стоит ли одно стихотворение, одна фраза,
агонии обездвиженной плоти?
Стоит, когда на кону, просто,
ещё чьё-то желание жить и дышать
горным воздухом сновидений,
ароматом постгрозового вечера в малиновом облаке,
жажда смыть с себя поскорей этот город, эту печать
печали на крыльях грязного ворона,
город, надушенный разговорами
в общественном транспорте и у сальных прилавков.
Даже вещи имеют свою душу,
а человек? Он, не приставка
холодной вещественности (забавно,
до хрипоты, в заполненных свинцовой водой лёгких),
не падаль, цветущая от упоения разумом,
он больное и самоисцеляющее слово, он то, что нужно
смоляной, с проблесками огненных цветков,
вселенной, для ее же жизнеописания на полу-вдохе,
подглядывающий в глазок полу-мотив,
симбиотическая роза животного и сокровенного
в руке провидения,
творение глубоко несчастное,
но наделённое смыслом – быть,
быть отчаянной проповедью дороги.
Так стоит ли одно стихотворение...?

Резонанс

Она видит меня насквозь – ей так казалось, ей так хотелось.
Я подарил ей хрупкое ожерелье из слов,
оставив себе перерождение тишиной –
бальзам степного одиночества, уют пшеничного поля
под капельками летних звёзд.
Я вставал посредине ночи,
жег эти звезды, как свечи, читая в разводах

окна проклятых поэтов – не бессонница, нет –
что-то большее, чем все толкования снов.
Она прошла сквозь меня апрельским воздухом
шепчущихся скверов, люминесценцией беглых витрин и цветочных
ларьков. Я оставил ей тающий вечер и след
от дождя на губах, она подарила мне боль
осознания невозможности сделать её,
ещё счастливей. Я глотал рассветную горечь
захлопнутой двери – не разлука, нет – до встречи,
бабочкой пшеничного поля, опрокинувшей золотой ветер.

Церера

Аромат чернозёма, прохлада роц, стройная змейка
Реки, несущаяся пастушьей свирелью, воздух,
Дымящийся плеском травы, напившейся солнца –
Я храню этот сон для тебя – так отведай
Вина из кувшина зари, печальная пленница
Своих слёз. Вот и облака белая ткань
Упала на плечи нежностью лотоса, вот и синей вуалью
Прикрыты глаза твои влажные – это небо вертится
На расстоянии поцелуя, будто бы имя тебе – дыхание невесомости –
Я храню этот сон для твоих писем,
Живущих под опущенным взглядом заснеженных штор.
Аромат розы, прохлада ладоней, хватающих солнце
Зимы за путеводные ниточки,
Минутная слабость ледяного сценария – горячий кофе,
Мягкая поступь свечи на обнажённом сердце,
Гимны Цереры венком сонетов в памяти летних призраков;
Я царапаю воду, я вырезаю воздух в черновиках снов
Для твоих мимолетных капризов, для твоего несбыточного...

Идиллия

Засыпающий парк, заходящее солнце
сгоревшей на блюдце бумажкой, рассыпавшейся
вечерним сумраком, словно апостол,
несущий благую весть в ниши глухих домов;
натянутая паутиной душа разносчика снов,
топка угольных туч, случайное многоголосье окон;
тополя приглушенно танцуют, отягченный романс дубов
чарует локоны утомившихся проводов – троллейбус идет в депо.
А над всем этим водит ладонью старец седой,
и струится псалом в прилив городской волны. Черной тропой
мне выпадает черви – это голос преследует твой
мое возвращенье – это звездной водой
ржавую пыль волос мне омыло, и влюбленная ночь
к зрачкам приклеилась блеском, кутая
тонким сукном черепичные крыши, кроваво-кирпичные стены,
и мягко сворачиваясь кольцом

у твоего порога, где ей прислушиваться преданно-нервно
к созвучьям интимных шагов. Не стой
на ветру, простудишься, побереги наготу
и краску печали для утреннего чая
в хрустальной прохладе сквозных занавесок, я скоро буду,
тенью в твоих объятьях, верой слепой,
случаем сиюминутным.

Закадровый текст

Мое любимое времяпрепровождение –
заходящее, умирающее солнце.
Я всю жизнь учился умирать,
но так и не поверил в смерть.
Настоящая вера – полное одиночество,
для нее, даже одного желания – много.
Знаете, пока будет красота, боль
и надежда – будет и поэзия.
Мое любимое произведение – ночь.
Я всю жизнь всматривался в металлическую дымку созвездий,
но так и не поверил в неодошественность материи.
Настоящая жизнь, точь-в-точь,
списана с воды, струящейся с камня потерь
и возвращений к одинокому, усталому свету в окне,
воды, хранящей память пущенных ко дну кораблей
и поднятого со дна млечного жемчуга.
Знаете, ведь море прекрасно и в шторм.
Я всю жизнь учился не верить
собственным глазам, чтобы видеть больше,
дальше, возможно честней и тоньше самой прозрачной лески,
обрываясь на полуслове, и падая в сердце
волной, разбившейся в стеклянный блеск звезд
о скалистый берег черного неба.
Знакомые слова не подходили не к одному
рожденному в сердце чувству.
О, узник заблуждений – кричало вдогонку
пособие для живущих, бережно отпечатанное
на железных масках друзей.
И все-таки, в узком, очень узком кругу безумцев,
в переливающемся театре заходящего солнца,
на обнаженных апельсиновым ветром крышах,
я снова встречал красоту, боль и надежду,
там, где ночь опускала крылья на землю
сиротливых глаз-светлячков,
и ожидание окрашивалось магически-ритуальной мглой,
чтобы свет в окне никогда не погас.

Идилия II. Romantic

В твои следы закралась краска ночи

и запах свежескошенной травы.
Нам легким облаком парить по краю ветра,
и радугой катится под откос промокших крыш.
Слова, как фон, не больше, не честней, и лишь
источник нежности свечой нервной верен.
Твои глаза скрывают ночи тени,
гадая дальнюю дорогу и огни
далеких окон, где твои следы
песком смывало в пламя запада, волненьем
воздуха носило по воде.
Я старше стал, но не душой, не сердцем, мне –
на время мудрость, пурпур розы – навсегда,
и радость вин у летнего огня,
и радость зим у очага твоих ладоней –
так больше, так честней, так безнадежней.
Твоё пространство майской вьюгой
надрывисто сплелось, и увенчали
берёз склонившиеся кисти, как колокольчиками волн,
прощальный поцелуй – мы будем друг для друга
нужней, когда сомкнет ресницы солнце,
и когда полным парусом луны
нас поглотит в свет одинокого причала.

Жребий

Я Дельфы свои вам открою...

Овидий

Был склонен к изученью языка порочных женщин,
Вдыхал лежалый снег, подать весну распоряжался,
И не желал любить в силу привычки, и душу продал августовским грозам,
И обладал свободой пропить талант, и когда рыжий вечер
В коробках спичечных домов палящим солнцем умывался,
А чаша улиц, забродившая людьми, скрывала его строки, его слёзы
На иглах ветра, насыщал страх страха и питался жаждой жажды;
Случайно брошенным словцом менял весь ход вещей,
Вынашиваемый тысячелетья. Что ему надо? Так ему и надо!
Лишь благородно бы сыграл...Прелюдии, этюды, всё не важно,
А важно, только смерти улыбнуться, жечь кремовых свечей
Тоскливый воск, и в топь крови марать бумагу,
С десятой музой переспав, и пухом с заголовков гор
Набить глаза, залить усталость тяжестью воды и светом
Из недр проклятья, нарядившись в буффонаду.
Был непреклонен в изученье боли,
Вдыхал осенний мрак, хранил объедки лета
В просоленном блокноте, и когда вечер кумачовым адом
Спускался на колени – умирал во сне,
Без страха и без жажды, лишь любя прохладу
Глубокой тишины тысячелетий.

Очертания

Блаженный яд любви –
прах, обратившийся рассветной маргариткой.
Предродовые муки женщины – строка,
проявленная болью – скрепленные в узор души слова.
Твои стеклянные глаза,
когда ты возвращаешься домой
глубокой полночью, разбитые о грязь и масло луж,
мерцали невидимкой по ветвям,
где бархатный мотив Синатры
навязчиво качался вслед огням,
таким же одиноким, как полмира,
когда тебе светило, даже тьмой,
где проще полюбить, чем ненавидеть,
когда изменишь себе раз – утратишь навсегда,
твои стеклянные глаза слезились черным цветом
ожидания, пророчествами моря и песка.
Туман оставленных гостиниц, однодневок городов,
мостов и мостовых, застывших без движенья,
и взгляд из-за плеча, какой-то ангельский, играющий с луною,
искомый в стольких, найденный в одной –
словно летит звезда –
противоядие от силы притяженья.

Вино

И нескончаемым тропическим дождём
Лилось до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до,
Мажорная весенняя прохлада,
Лазурная любовь, фиалковые волны,
И вечер под вино
Из винограда De la France,
Импрессионистическую плавь ловила точка взгляда,
Песком Египта заносило её полночь
На острие звезды...

Сомкнулись тишиной сады, аллеи, парки,
Проспекты, улицы, дороги и бульвары,
От тишины родилась ночь в твоих глазах,
И приобщаясь к телу, в ночь плыла душа,
Как завещал Джон Донн, она ждала подарка,
Сосредоточено, отточено внимая
Немой, как мрамор, ноте, подвязав
Лазурную любовь, накинув шаль
Фиалковой волны в движеньях воздуха и слёз...

Трудились страсть, и слабость, сласть и сон,
Травили байки сумрачные окна.
Лазурная любовь, фиалковые волны –
Ты выходила обнаженной на балкон,
Курила, тонкой струйкой дыма приглашая

Весну в свой дом, застрявшую в дороге,
Шептала – Дионис – и руки бога
Касались твоих глаз, провозглашая
Дрожь...

Полуслова

Испытание скукой, испытание криком –
за спиной дышит время – посмеемся, забудем.
На полшага вперед обретай свою нежность,
для всего, что сокрыто
от изношенных будней –
там бесправна разлука, там безвестны рассказы
об увядшем и пресном
в доле сиюминутной,
в доме без ожиданья.
Испытание скукой, испытание ложью –
если вместе – неважно, если вместе – на счастье,
с полуслова, честнее, безумней.
Горизонт беспризорный, остановки без цели –
проходили, пройдет; найдется – оставим.
У тебя есть секреты, у меня нет ответов –
но приметы цветами
раскидают, разбавив
заржавелую скуку, зиму сорванных связок,
благодарные строки –
в них июлем забудься.
Мне одно – вдохновенье
тебе вслед улыбнуться
поцелуем багряным
в толпе одинокой,
в галереях стеклянных –
обещаю беззвучно.
Поручителем – ласка
заходящего солнца с остывающей лавой
сентябрьских роц,
ночь по правую руку
(тень постелет прохладу)
и сердце на блюде,
что кофейным узором гадает под дождь,
постучавшийся капелькой неба.

Лайт

Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Катулл

Ночная музыка, она же – поэзия,
как вино наполняет сосуд души,
но как много готовых сопротивляться,
и тогда, я топлю в ладонях мартовский снег,

на котором кувшинками прорастает безмолвие,
словно твои слезы, при первой встрече,
после шести лет разлуки;
в их зеркальных осколках – твоя слабость,
бархат зимнего солнцестояния,
твое внешнее дыхание на лепестках розы,
твой голод, твои серебристые сонные волосы на подушке,
и твои истории, ведущие
летоисчисление ночной музыки.

Спираль

Ночь обретает повадки зверя
В мартовских идах, в мартовских льдах,
Тающих сквозняками под дверью,
Там, где травы прошлогодней прах
С уст обрывается, кружится вьюгой
Неба свинцового, тенью дрожащей.
Тихо за стенкой уснула подруга,
Зимняя мягкость, снежная чаща.
Что говорить, разговоры сжигаются
В тонны молчанья дорог перебитых,
Холод весенний под окнами шляется,
Значит дышу еще, горлом отлитым
Из недосказанных песен с грехами
Напополам, из усталых словечек,
Костью заточенных, и облаками,
Перерожденными в волков-овечек.

Спираль. Действие II

*Все в мире тайна, кроме нашей боли.
Джакомо Леопарди*

Ленное солнце в самом соку
Плесенью желтой на ставнях;
День набирает листву-высоту;
Вечер пылиться устало;
Ночь кочегарит чёрной смолой;
Утро вдребезги бьётся –
Время течёт синеглазой рекой,
Небом, лебедем звёздным,
Лижет глаза, подрезает тоской,
Сводит туманом бесценным.
Бедное счастье бредёт за тобой,
Ходит кругами, по венам
Гонит железо, желчь и вино,
Тянет резину дороги;
Тебе – остаться, уйти – всё равно,
Всё, лишь слова, одним словом.
Вот, ты в ночной укрываешься шёлк,

Прячешь глаза в тень деревьев,
Где каждый вздох зарёю продрог;
Вот на венчанье вечернем
Ты с одиночеством у алтаря,
Нежно колышется воздух,
И в ленном солнце, комке янтаря,
Ищешь свой след – свои слёзы...

Contrasto

Седая прядь фонтана на летнем макияже,
И мраморной волны прохладная строка,
Флуоресцентный тюль на солнечных ветрах,
И кружева лазурных горных крыш, молочно-лунный пляж,
Коралловый закат –
Мне снится южный срез на бахrome дождя,
На мартовских полях
С забитыми под корку льда ручьями,
Среди гнилой травы, у пасмурного дна
Небесного, раскрашенного илом туч, колодца.

Весна

Что-то вышло из-под пера пернатое,
то ли птица, то ли слово,
то ли душа – свечи окурков – ждущая тишины
на распутье дождя, в ледяных корках марта,
где не хочется снов и ласки природы,
где тебе говорят – смерть, еще надо и заслужить...

Что-то вышло из-под пера, пора
золотая весеннего веста, вешней ветоши леса,
но разве не знали вы, золото – это кровь...

А в окне был задумчивый месяц,
и в его серебристом ковше
плавал мерцающий блеск Венеры,
и дымчатый кот на кресле,
смотря сквозь сумерки занавесок,
собирал в хрусталиках глаз тысячелетний песок,
вспоминая богиню Бастет...

Март. Coda

Нам пережить четвёртую весну –
на придыхании желтеющего снега,
в светотенях серо-сырых сугробов –
сказало, в ручеёк свитое, время,
и в Дельфы не ходи.

Погоды истерия, раскисшие ключи,
но ночь короче всё, а значит – и бессонница.
Я вышел в 7:00,
налив 100 грамм в зрачки
искристой пены солнца;
я для других ослеп – так прозревает сердце,
цепляя вечный голод
живой стихии, голос стихоподобных форм
любви – все признаки постзимнего расстройтва –
я не расстроился ни капли.
Овал весенней капли,
набухший тёплой кровью,
упал с карнизной планки,
и электрическое поле бирюзы
зажгло его бутоном фонаря.
Закончились слова, остался талый луч
на скулах льда, коре опрелой, складках
растрескавшихся губ, и чёрная печаль
в цветной обложке марта –
мемориал погрязших в скуке луж.
А ночь короче всё, и значит – не до сна,
у кофеино-никотиновой скрижали.

Неисповедимо

Как глуп был я в своей печали,
не ведая Твоей печати;
как слеп я в грусти был своей,
не зная света в тьме событий;
приростом времени без дела, я обесценивал дела
в огне вина, в чувствах вины.
Мой Страшный Суд – я сам – обитель
страданий собственных и зла,
таящегося, испокон, обратной стороной луны
в ночи души, ещё слепой,
еще младенческой, весенней...
Когда ж останусь я один,
наедине, в своей глуши
надежд бесплодных, снов бесплотных,
и огрузневшей тенью бледной,
с которой век от век грешить,
скользну по прошлому, по дну
замерзших рек, сухих колодцев,
когда Твой след-рубец найду
на горле в криках безутешных,
и смажу мёдом талым солнца
печаль зимы, и полюблю,
быть может плотью, плоть же к сердцу
вдруг приобщит Твоя рука –
очаг моих неслышных песен,
листвой дрожащих – вот тогда...

Но ты, тогда, как приговор,
опять уйдешь, уйдешь бесследно
метелью облачных созвездий,
далеким берегом чужим
за позвоночник горизонта,
за окоем могильный гор;
а я останусь, вновь один,
не пойман, но, как пить дать – вор,
всё сею, жну, коплю и трачу,
всё жду, брожу, вяжу петлю
на шею неба, после плачу,
расплачиваясь в храм седин,
и где-то между строк, люблю,
люблю, как дьявол, наудачу.

Венок

весенний насморк
H₂O простуда
я кошку в дом возьму от непогоды

я кошку в дом возьму от непогоды
и лунный свет в её глазах
мне будет солнцем мая

мне будет солнцем мая
музыкой янтарной
шептать огонь в камине

шептать огонь в камине
научился, когда я
поднёс ладоней лёд

поднёс ладоней лёд
к груди твоей
обжётся эхом вешним

обжётся эхом вешним
в мутных стеклах луж
взгляд дымчатого неба

взгляд дымчатого неба
посеял наготу
в растаявших аллеях

в растаявших аллеях
шарм любви
весенний насморк

Фон

Апрельский снег, как нервный срыв
прекраснейшей из женщин,
как жемчуг млечный, плач навзрыд
седого горизонта;
под белым золотом хранит
весна свои ланиты,
под белым саваном, как смерть,
воскресное безделье.
Не думай не о чём плохом –
всему своя надежда;
и бешеного сердца стук
и в горле ком –
всё радость –
слепая сладость на потом,
холодная небрежность
апрельских ветров, что плющом
связали слов беззвучье.

Каменный берег Сены

Изумрудная вена Сены, её каменный берег смотрит на город света,
отравленный модой любви и шансоном.
Мельница Мулен Руж перемалывает ночной воздух Парижа –
ночь, его второе имя, его сердечная мышца.
Зоб Триумфальной арки; скелетообразный Эйфелев гвоздь
вонзается в лобную кость в любой точке пространства;
призрачный запах масла и акварели с Монмартра;
в музейном саркофаге Лувра жует улыбку Мона Лиза, затертая до дыр,
икающая сотни раз на дню в проклятьях Леонардо;
разбросанный окрест позолоченный жир Версаля;
бродячий, как весенний лёд, фантом Бастилии; в фонтанах фонарей
тени Гюго, Золя, Пикассо, Ренуара, Паскаля, и Дега –
завеса дыма из страстей и пересудов;
готическая роза Нотр-Дама, двуглавым ящером в столетия рядится.
Учрежденный рыбаками,
с латыни – ты обычное болото,
со вкусом кофе на террасах и привкусом богемы;
Париж, и дирижабль синих небес плывет под твоим солнцем,
лаская зельем мифов ветренный рассудок...

Джем

*В этом мире можно найти опыт, но не счастье.
А.Шопенгауэр*

I

Я буду сидеть и смотреть,
как прозрачный локон воды
падает с камня
нервом пастушьей свирели;

убийство желания –
равносильно его исполнению.

II

Меня пороли ветвью истины,
обвешанной листвой интерпретаций,
мне заливали раскаленный воск
грамматик и стилистик в глотку,
мне выжигали прутьями азы на коже;
но шрамы были – лишь мои.

III

Сухие яблони –
сады моего детства –
дороже, лишь смерть –
кобальтовый туман с парящих в вечности гор.

IV

Солнце капает
своим холодным ноябрьским блеском
через стекло;
нагота ветвей – душа моя;
голая промерзшая земля –
памятник одиночеству;
сколько не ищешь встреч –
за словами прячется,
неизменное – наедине.

V

Рай –
твоя невинность,
задета, уже одним существованием тебя
в голове будущего убийцы;
под смолянисто-аспидными складками платья
хрупкой девочки –
тропиловый парадиз.

VI

Дрожь – физиология холода;
обогреватель не согревает,
но душит воздух;
окна –
отпечатки пальцев тусклого света;
стены –
аудитория ветра –
у них, тоже ведь есть уши;
следы – не оставлять –
бессмысленно, заметет зимнее время,
где философия –
остаточные явления чаепития.

VII

Издержки еще одного года –
луна удалилась от тела Земли на 4/100 метра
(если верить небесным механикам);
до встречи с Петром (n - 1) лет,
где n – прогнозы врачей;
опыт пополнил запас памяти боли;
оставлен на завтра –
тлеющий уголек любви.

VIII

Выпил кофе.
Выкурил сигарету.
На краю вселенной
взорвалась сверхновая.

IX

Вдох полнолиственной осени –
как гениальная вещь,
без возможности повторения –
искусство дышать красотой
в слепке мгновенной смерти;
выдох – взмах крыльев стервятника
над прахом
секундной стрелки.

X

Когда первый снег все чернее;
первая любовь –
все старше;
быстротечность времени –
расплата за жизненный опыт;
второе детство не за горами –
залечь на дно сути вещей
с личным апокалипсисом,
красиво расставшись с весной,
уходящей в туманность песка по-английски.

XI

Снег с дождем,
как обвинение в ереси,
как порванная киноплёнка неба,
как недописанная поэма опавших листьев;
ноябрь разводит тучи
и принимает в объятья горечь земли;
сквозь меня проходят минуты, часы, дни и недели –
обучаюсь душе созерцания
на обломках мокрого снега.

Белозеров

Туман сгущался, проникая

Морской волной в его глаза,
В холодный мрамор отраженья...

Пьяный ветер, вечер, свищет, ищет
Не покоя, созерцанья, отрицанья, примиренья...

Свет, что он оставил вдали,
Ночь, что приснилась арктическим эхом,
Солнце в капле росы...

Утренний горн, утренний смог,
Багровеет заря, зрячая до горизонта,
Домны не спят никогда...

Бесприютный угол мертвою петлею,
На порог с метелью падал день усталый...

Рассвет опадающих листьев,
Она была легче тумана...

Бился крылом оземь,
Песней ласкал ветер...

Между строк растерял свою память,
Между дел забегал на декабрьский чай...

Шепнув надломленной стрелой,
Смертельной раной стянет вечер...

Магнитуда. Трансперсональные формы

эквивалент молчания
мир черной луны
длинный конвой небесных солнц
соединения породы и океана
воздух из хлопка
стон крови, повторяющийся ежегодно
немое блаженство рождения
хлеб и кровь полевой пустыни
духи замков и деревень
отсутствие ясности, игры воображения
законы Бога Живого
красочные луга и поля из золота
кристаллы озер и лесов
своды снежных скульптур
линии гор, ветра, ветряные мельницы
глубокое дыхание в полях
непреодолимое желание дышать
стремление к необузданному духу
завеса слез
течение в сердце, разрывающееся на части

художник писал о любви и красоте
кисть дрожала, холст тянулся к кресту
теперь ты дикое существо
запах вдохновения в дождливых весенних болотах
чернила художника – липкая глина
море появлялось из грязи мертвой природы
кровотечение прикосновений художника
танец земли, течения и шторма на борту судна
слепки гниения мусора, эрозии церкви
водевиль в артериях горной воды
заросший храм неба
сегмент притяжения черного света
поток эфирных танцев
исцеление красоты
стена мертвых глаз, растерявших пророчества
мембраной раствор неба в синей гуаши
раненый край солнца, вышитые луга
вакуум миров
в бездне прошлого, в бездне пыльцы
есть сажены – глубокая нежность
вечные слезы орошения
ключи от изобилия его работы
он работал для счастья
небесное озеро, косы заката
тщеславие пыли и сбора отходов
в устье спокойный ветер
тьма, непроходимый туман – остальной мир
правда в правую руку всемогущего часа
просто смотри на контуры мира
девственница восхищения
с развевающимися крыльями ангела
реализую свое совершенство
замороженный рассвет, калейдоскоп света
разнообразие голосов, текущих через утреннюю росу
отголоски восхода жаворонка
разговоры, где птицы будут поняты
возрождение солнца, бассейны весны
фотографии замерзшего снега
дыхание черной земли, купающейся в траве и меде
голубоватый свет грунтовых вод
розовый кожаный аромат, запах волос
однажды я слышал, художник, что ветер
очарованный мелодией
он пишет, опираясь на воздух, интуицию и молитву
сто тысяч свеч в растерзанной груди
сотни тысяч лет
губы ее дрожали
посланник любви летел через огонь и меч
спотыкаясь, он летел к краю
мы не видим его лица
не слышим надорванный шепот его музыки
он уходит в залив вечного царства грез

в тяжелый объем черной ночи
где нет звезд, просто пустыня льда, пузырь неба
и тишина висит над темной бездной, над редким стоном
и когда выглянуло солнце
он был похоронен в коридорах волны
преобразован в ростки одушевленной земли
толщину и мрак духа
скифские степи крови
я дал им имя – свобода
я оставил им слово в глубинах космоса и надежды
их ноги в воздухе, в заботах о пастбищах воздуха
хрупкая любовь и увечья, флейта и мягкая музыка
сердце плачет гитарным рифом оледенения
больше масла, чтобы лампы взлетели на воздух
к теплоту блаженству в груди вселенной

Нью-Йорк. Концентрат

Волны Атлантики, срезающие парус безмолвия, врезающиеся
в железобетонную пасть кубического чудовища,
в паутину Бруклинского моста,
в 463 станции кипящей подземки,
в продолговатый портал Бродвея, в плешь Центрального парка,
в аорту Пятой Авеню, в воздушные замки Уолл Стрит,
в замороженное время Метрополитэн музея,
в старый Челси, в церковь святого Патрика, спрятавшуюся
в тени Рокфеллер центра,
в остров свободы с окаменевшим подобием свободы Делакура,
в пьяный призрак Аллена Гинзбурга, разгуливающий по Гринвич-Виллидж,
в могильную пустошь башен торгового центра,
в красный кирпич отживших своё домов,
в тлеющий серым облаком пепел костров ирокезов,
в “Большое яблоко”, скребущее небо
своим вавилонским жалом,
над одиноким сердцем солёного ветра...

Дерево

Вот дерево – в нём соки солнца, подземные ключи,
шёлк ветра, стойкость ста зимовок, ста перерождений –
теперь оно – листок бумаги
с отрыжкой чернильной у свечи
в подвале неизвестного поэта –
преемственность – когда поэт вдохнёт,
вернёт, нарежет
одну другую сотню слов ветвистых на плоскости молочной,
тогда природы память, труд и красота найдут
за этим всем, в какой-нибудь душе, очередное воплощение,
дымясь листвой осенней, обретут они,
как часто происходит, в горне смерти –

искристый отголосок новой жизни, и как бы, между прочим,
душа эта, в полночном созерцанье,
взгляд бросит за окно, где молодое дерево
под гнётом летних звёзд,
качается тростинкой, тенью музыки, мигом
летучих сновидений – красотой грядущей,
струной судьбы печальной в капле слёз
чернил ночных, разбавленных
подземными ключами
и воздухом влюбленных.

Всплеск

Погост сугробов с вешней тушью.
Непослушное сердце, ждущее боли.
Перешиваю стихами душу.
Лишь свет, как смерть, лишь вдохновенье,
лишь обострение неволи,
и боль свободы на мгновенье.

На женском теле бледной ночи
черчу желанье лунным светом –
овалы, линии и точки,
штрихи, изгибы, тени моря,
соединённые в рассвет
голодной плоти, плоти голой.

Ветвей разбрызганная краска.
Аллей молчащая прохлада.
Листаю слабостью, как страстью,
дневник воды, поля апреля;
и период полураспада –
глоток вина, глоток вечерней

пурпурной, спелой мглы закатной,
вдох наслаждения бездельем
в постели ватно-неопрятной,
волос, на нежном сквозняке,
дрожь, будто всплеск листвы в аллеях;
и нерв весны – рука в руке.

Фристайл

Внутренняя пустота, обнаженная внешним блеском – обманчивый запах весны.
Выжидающий холод скучных скамеек, грязный снег на подошвах скверов –
моя вера, перелетная птица, ещё сильнее своим отчаяньем.
А счастье – это, когда ты понимаешь, что ты – счастлив;
счастье – в час по чайной ложке – слишком много для настоящей любви,
ведь наслаждение – другая боль; и я пью нектар одиночества с вешнего лепестка свечи –
бальзам забальзамированной философии жизни,

где в смерти желания - жизнь жалует новый плод наслаждения,
для подпитки новорожденной жажды, во имя страдания.
А по обочинам, ещё, кажется, дышит траурный цвет прошлогодней травы –
тоже была любовь – про себя, сыграю ей Баха, на память, по памяти
античных проветренных мхов и лишайников с запавших погостов.
Глоток горячего кофе, табачная аура, кошка в ногах –
вполне неплохо – играет Бах...
Вечный ветер, вечер метит, плетью – бесполезная трата мысли –
надо меньше писать, чтобы было, чего умолчать, стиснуть
тьмою душевной, оставить себе – в наказание...
Следом бесследно восходит ненависть ночи, о здание иносказаний
дождём разбивается сердце, провожаю северное черноокое облако,
проваливаясь в неподъемную легкость сна (есть ли сны после смерти?)
И под утро, когда надлежит опаздывать, где опоздание,
как признание ненадежности времени, под утренний побелочный смог,
я смогу рассказать себе, что-то большее, чем есть просто надежда и вера,
под утро, когда опалятся первые розы в букете апрельского солнца,
и обманчивый запах весны переполнит чашу терпения.

Однотонный спектр слабеющего дня

Однотонный спектр слабеющего дня –
повторение пройденного –
здесь я, как я,
как пустота начала и конца,
заточенное в камень сердцебиенье.
Мёртвопльывущая ткань земли.
Где твои дети, весна?
Твоя душа, разлившаяся кошачьим “мяу”
у поверхностного натяжения луж
цвета грязного асфальта,
как художник смотрит в абстракцию берёз,
цветущих каплями влаги,
в Мафусаилов век замёрзших в танце звёзд,
в воздушный хлопок переменчивого неба,
в персиковую предвечернюю смоль,
в чёрный гранит ночных погребений,
в стихи на мокрых обоях,
написанные кем-то, кому-то, или... –
конец и начало ещё одной ветви времени –
кто искал здесь ненависти, того наказали любовью.
Свитки жрецов обещают назавтра –
многоточие с края обрыва
водной феерии.
Я дождался дождя и закрыл зонтик –
послышалось Дао –
акупунктура прозрачных волокон ливня,
личина туч, за которыми прячется радуга мая –
это твоя роза – разоблачённое солнце
в складках воздуха,
в однотонном спектре тающего рая.

Ворожба

В воздухе, переизбытком кислорода, весенняя истерия;
россыпью пешеходов ленная мина города –
пейзаж, застревающий в пробках, проулках и перекрёстках;
мираж, проплывающих, скомканных, лютней звенящих
облачных стай; точечный лай по дворам
с утра; отдышкой вздыблено-рыжее солнце над гроздьями
остановок, парковок, витрин, картин сиюминутности;
вперемешку с грубостью нежные вежды невежды дворняги.
Три капли души во фляге – до дна – жажда.
Лишь один бродяга никуда не спешит –
ему, и дня не жалко, счастливый, лежит,
загорает под напрашивающимся дождём.
Пиксели окон виснут в глубоком, внешне-матовом мареве;
валит грязь из-под колёс; падает вязь вопросов
до уровня дурноты – в долгий ящик;
перестрелки-звоночки влюбленных, горящих
ракушек-глаз, мотыльками пылятся в парках;
прелый воздух питает ветром нагую негу –
отраву, стерву, любимую, что тает в запрудах-ладонях лебедем;
накипело светом, блеском, лоском, лаской, астмой; отголоски Пасхи;
за маской апреля – нервный бриз сердца.
Снимаюсь сонно – встаю на карниз – цепляюсь за горизонт –
невесомость, синяя магма, белое пекло рассвета,
угрюмо-томная кома кровель, крон;
с листа, чистого, млечного, переписываю шёпот берёз;
всплеском лужиц подслушиваю Паганини.
Эфир разливается ионийским ладом, смехом,
свистом, прозрачными розами занавесок – помехи в эфире.
Весна, словно женщина, хорошеющая от слёз,
вырезанная из папье-маше грёзами маленькой феи,
ленной дланью подливает рому
в, сквозящие кислородным голодом,
улья надтреснутых стен,
в медное жерло-горло водосточного эха.
Воздушной тушью распущенных кос растопило небесный лёд,
растлило девственный ход ночного безвременья;
светает любовью любая ломаная дороги; под вечер, съехав
к обочине, смотрю наперед, люблю наперед,
ловлю неловко мгновенье разбитого в кровь горизонта;
старый тополь стопорит червоточину черно-зеленого ветра;
затянутый в петлю-рытвину город пылает полем вскрытых от спячки окон;
шорох звёзд, шёлк прогулок, шум вод, шлейф горчичного лунного света ...

Лепестки воды

В художника мой превратился глаз...

Шекспир

Пахнет морским приливом – к дождю.
Между нами пропасть – один поцелуй.
Прикоснулось слово к губам и стало цветком.
В глубине зрачка – облачко перламутровой пыли
от вспорхнувшего бабочкой ветра.
Воспоминания – разводы неба
в отражениях глиняных луж;
дыхание – остывший туман на фризе.
Одинокaя груша разбросала осколки ветвей
по паутине стекла – мне бы столько дорог.
Томик хайку согревает внимание –
словно печаль светлячка-фонаря в окне
кембрийского океана –
в ожидании сна у костра ночи,
наедине с разлукой.

Мгновенный снимок неба

Я пред усталостью в долгу –
она даёт вкус мимолётной смерти,
покуда камнегрудый город тенью мёртвой
лежит на моих веках,
и треплет ветер целлофан, застрявший в ветвях лип,
как сердца недокрытого пульсар,
болезненностью выброшенный в ночь;
пока скользит луна подтало сквозь венозность неба,
и губы сохнут от вчерашнего вина,
а плечи жмут коринфской колоннадой –
я оставляю взгляд, я остываю знать.
Я пред незнанием в долгу –
оно рождает глубину и свет,
свет мимолетной смерти мотылька,
секундной слабостью сроднившегося в беге
с летящею звездой, распятой в проводах.

Одно стихотворение

Я нашёл на пустыре брошенное, позабытое богом стихотворение,
изъеденное белой пылью и молью безмолвного февральского одиночества,
еле дышащее тонкой слезой не прочтения;
я взял дымящуюся крупицу его ветхих, пожелтевших слов,
пропустил через, заточенное об ночь, внимание сердца,
и оно распустилось, выдохнуло кувшинкой зимнего солнцестояния
на ладонях хрустального льда, словно свеча в храме –
живое пламя, облачающееся в сосуд человеческой плоти.
Вот оно – я услышал аромат полночных змеиных трав,
увидел музыку, звенящую серебристой росой,
почувствовал прикосновение гремящей зари
на угольных кончиках ресниц, и краску остывающей
первозданной земли у источника всех поэм.

Бисер

Остаточный аромат поцелуя на приливной волне крыш.
Соломенным клубочком на коленях теплый лучик.
Блик солнечный ростком сквозь тьму зрачка.
За мутной смолой окон – янтарный воздух бездорожья.
Твои секреты – новолуния цветы,
колец древесных обручальные созвездья.
Разлившаяся лесотень на горлышке бутылки каплей хвои.
Апрель, холст, масло, пение ветвей –
шум-призрак кареглазых ангелочков.
Блеск губ перефразирует влюблённость.
И всё-таки, усталость – юное похмелье.
Подтаивает облачная грусть, дым васильковый
стелется благоуханьем наготы.
В меха вливая ночь, бессонница, как точка не возврата.
Свет добр, приглушенно-покорен, молчалив,
лишь слушай вскользь.
Невидимый песок, брег полноводной ночи –
расскажет больше, чем я мог себе простить.

Как спящий могильный камень

*Их старость свободно струится к близкому и сладостному
освобождению - к смерти.*

Уолт Уитмен

Как спящий могильный камень
Я замер в пространстве немом,
Листвой соскользнув с ночной раны,
Прорезавшись ртутной луной

В дороги иссохшее русло,
В прощальную тьму за калиткой;
И хрустом ветвей, словно грустью,
Наполнился шёпот молитвы.

Бездонная вьюга пустыни,
Узорчатый скрежет теней,
Ограды болотная тина,
И чёрные реки за ней.

Печаль – ты всегда вдохновенна;
Разлука – ты вечная степь;
И жизнь – только сердцебиенье,
И жизнь даёт шанс умереть...

Художник нарисует воздух

Художник нарисует воздух,
из воздуха родится –
дыхание, и чёрный голос воронья,
вещающий – дышать, что умирать,
но умирать с надеждой. Алмазной колесницей
прокатится зима по кремню глаз и высечет искру –
то гниль весны, то сырости печать
на запечатанном конверте солнца,
внутриутробного тепла горнило,
а значит, что-то в этом есть а, значит, что-то было...
Молочно-кислый месяц по утру,
прощаясь, растворит ещё одну печаль
для новых звёзд; бродячий всхлип эфира
подаст художнику на хлеб, на смерть, на продолжение банкета –
и сердце застучит ленивым блюзом.
Пролив вино, мазок рассвета
ударит в голову, и грустью
впитается в асфальтовый поток,
где отпечатки ног,
как буквы бесконечной Одиссеи.
Художник встанет, отряхнёт остатки сна,
размытой радугой рассеет
солёный бриз души, похмельной плоти вату,
глоток дрянной любви, и, если повезёт,
не просыпаться никогда,
не ждать весны холёной у прилавка,
у метража скрипучей двери,
опять сойдёт с ума, сойдется с душным ветром,
сойдёт за воздух, что вчера писал
дыханием надежды нежно-бледной ...

Остыло пламя запада

Остыло пламя запада, и черви ночи
прогрызли бреши звёзд на трупке тишины.
Зарёю чёрной ворон вскинул очи –
очаг теней, свечу сырой земли.

Взмахнул крылом, осыпал реку пеплом,
над ядовито-лунною травой
рассеял сон, псалом души предсмертной,
и нежно опустился в чей-то дом.

Там был, возможно, я, или, ещё кто –
чужая жизнь, сворованная мной.
Шёлк ворона укрыл метелью окна,
и я шагнул покорно в плен ночной.

Я не жалел оставленного крова,
я стал рекой – земли хрустальной раной –
и корень взгляда в бронзе дна речного

пророс голубоглазым океаном.

Штриховка

Разбившейся на кусочки мутного света май,
на кусочки светопыли, преломившей красоту пустоты.
Осколочные ранения дождя, прошедшего накануне,
словно тонкая плоть клубящегося сладкого воздуха,
оттачивающая рассеянное внимание.
Утро, приправленное черно-белыми кадрами рассвета,
дрожащего на лепестке засыпающей розы ночи.
Раскрывшийся цветок неба, облетающий редкими облаками.
Пробившаяся зелёная мгла поглощает сквозняк влажных аллей.
Лезвие полуденной бритвы, вскрывающее остроконечные шпигели сосен.
Всё, что написано, не идёт ни в какое сравнение,
с тем, что-то умерло у тебя на руках в эту секунду,
с плачем потухшего тополя у молчаливых стен,
у запечатанной двери, где лето стучится горячей ватной метелью
и падает изумрудным прахом.
Звонки, бьющиеся ледяным пульсом;
гортань, обожженная безмолвием;
обрамление из табачного дыма,
скрученное узлом кольцевой остановки;
наполненные алкоголем, словно грудным молоком, губы,
порезанные о крик.
Стуцающиеся краски багрового солнца,
отравленные свежим майским ветром,
катящимся эхом по крышам;
еле уловимые песни, находящие пристанище на старом балконе,
в скрещенной паутине ладоней.
Кипящие кроны деревьев, веющие майским закатом;
травы, обволакивающие зыбучей мякотью ноги;
нервные окончания жалюзи, захлопывающиеся,
будто потерявший сознание дневной свет;
безостановочный почерк воспламеняющейся листвы вдоль дороги.
Там, за тлеющим розовым горизонтом –
усталость и пепел на крыльях летучей мыши,
порванный провод дороги, искрящаяся красота тишины,
белоснежные волны души, цепляющиеся за горные кряжи.
Мыльная точка звезды на чужом небе, светящаяся поплавком –
священная искренняя слепота мгновенья
и бесконечная нежность сна...

Штриховка. Послесловие

Седая улыбка песка в молодой и невинной печали зеленой волны.
Ночь чарующе плыла смуглым блюзом луны,
морская соль оседала жемчугом на руках.
Любовь проникала в поры уснувших окон,
играла под звёздами оттенками прибрежного бархата.

Лиловый шар неба скрывал две тени,
застывшие пунктиром невыносимой надежды.
Чёрные лапы кипарисов освещали тьмой потускневшие шаги;
линии движений плавно перетекали в тёплый пейзаж;
в шёлковом покрывале взгляда нежились последние лучи
чуть видимого света серебристо-смоляной ряби воды;
разговоры терялись в монотонном плеске агатовых струн.
Лады ночи причаливала к разорённому лаской одиночеству мрака.
Вечное созерцание наполняло душу мягким огнём.
Отшлифованные полночным ветром камни,
словно Врублевский “Демон”, перетекали в мотив
глубочайшей неистойовой грусти,
где терпеливые скалы склоняли цветущее тело
над музыкой больного сердца, разрывающегося под тяжестью свободы;
потерявшие себя возвращались к неизбежному,
к поэзии перелётного воздуха вещего Юга.
Блуждающая строка переливалась горным ручьём,
будто вулканическая активность глаз, преисполненная женственности
и страдания никогда не спящей любви.
Кровоток новорожденного отпечатка горизонта струился туманным “завтра”,
переключаясь с небрежностью оголённого пространства прилива.
Боль, это только, зимние цветы,
научившиеся любить весеннюю страсть и нежность.
Холодная пляска травы, шелест ядовитых кустарников,
беспросветная полоса другого берега скрывали мой разоблачённый голос.
Угольные чайки разносили память ночных искр от костра тишины.
Я прощался со своим отражением в чёрном оледеневшем небе,
пообещав ему столько же жизне-ночей.

Штриховка. Послесловие. El acorde final

Здесь было вечное похмелье, как синоним вечной поэзии.
Перламутровый рубец её губ на моей щеке напоминал
об умирающем солнце в медно-бронзовой чаше вечернего моря.
Медовые судороги полумесяца падали сахарной пудрой к ногам.
Лёгкая скатерть ночи расстилала ветреную вязь,
замешанную на аромате сладкого объятья.
Бледная тропинка извивалась ленточкой
ненавязчивого дождливого щебетания родников.
Мимолётные звуки разбегались соцветием волн.
В глубине, сияющих сумраком глаз,
отражался горбатый орнамент утёса.
Лилии рук приходили в движение
от малейшего дуновения прозрачного воздуха.
Чёрное око неба страстно подглядывало
за, текущим по берегу, легкомысленным многоголосием гальки.
Мерцающий парашют звёздной метели
накрывал пряное молчание сердца лета.
Остывающая прибрежная линия
тянулась замирающей симфонией серебра.
Я снова был здесь, снова нежная необходимость

сплеталась с паутиной девственной окраины взгляда...

Траектория тихого шума

Мой тихий зов - к вам, Звезды, сонм верховный,

Святые светлы, демоны Небес...

Гимн к звёздам (Из орфических гимнов, Эллада)

Усталый от сумрака город смотрит в затылок,
запутавшийся в переплетении проводов и полуночных маршрутов;
тяжёлая мантия туч спадает на плечи, на гриву
ощетинившихся обочин. Я пропадаю в ласковом воздухе, в летучих
гроздьях сирени бреду наугад – кто подаст бедному страннику,
потерявшему всякий уют, всякую ясность пути.
Из такси выгоняют с хрустом дверного замка. Пряничный
вечер перетекает в неисправимую ночь, а впереди –
задыхающаяся в тумане свинцовая лунная фляжка.
Тот не писал стихов, кто не страдал – думаешь вскользь.
Перебитый асфальт, пыльные улья улочек, порванные рубашки
вырезанных подворотен. Тополя через пару недель пустятся в чад и насквозь
пробьют мои лёгкие летним снегом. Безответность, багровой стеной,
встает в разводах собственного отражения в лужах.
Опавшие в чёрное варево пальцы нащупают пепел ночной.
Кто-то кричит о бесполезности, кто-то считает, что ей-то, как раз, я и нужен.
Всё это сказки, а была, лишь пыли белёсо-глухой глоток, да чума перекрёстков.
Звёзды больные раздвинули ширму, переодевшись в свет,
такой иллюзорный, холодно-родной, отдающий краской, известкой –
я построил каркас, но плоть его – падаль и милая смерть.
Усталый от страха город боится своей же тени.
Время движется грузной материей в стрелках пустых циферблатов.
Я с трудом нахожу свой дом; дома – безмолвное пение;
я подпеваю тьме занавесок прокуренным горлом, чтобы только вернуться назад,
назад к окровавленной ленте цветущих аллей и запаху хмеля.

Приметы

Твоя нежность раскрылась в моей ладони цветком декабря –
вот он, пророс алебастровыми снежинками ледяных облаков.
Моя любовь – горящее по наитию пламя, вылитое, словно нагая заря,
раскаленной сталью на полотно-платье дорог,
освещенных импровизацией. Твоё сердце – мёд золотой, тающий под лучами
моих осколочных глаз, моих непрошенных губ.
Моя надежда – брошенная на задворки свеча,
ей бы лучше молчать, но она расплескала тени вокруг,
несмотря на уголь стен и углов, копоть рук и печаль,
распластавшуюся на полу. И это всё говорит о чём-то,
указующим в боль, радость, свет и мрачную даль
души, а значит, дышит, ведь жизнь есть дыхание, пусть и бессвязное, пусть втихомолку.
А потому, я говорю тебе: твоя нежность в моей ладони – холодный алмаз,
искра на небе осеннего звездопада, солнечный зайчик,
мелькнувший строкой неизвестной; моя любовь – слёзы сентябрьских глаз,

преломленные в пепельных окнах, открытая рана моря – и это всё, что-то значит
эхом мгновенья, а значит – это бессмертно.

Эхо

Глаза васильковой свежести, напоите меня дорогой,
напоите меня светом предзакатного хмеля, и криком,
что играет на гребнях сосен, что струится в тогах берёз,
что искрится ручьём в овраге, что звучит отголоском пшеницы
самых ясных и чистых уст. Веет дрожью с листвы-прохлады;
шаг – ожог на мраморе неба от упавшего солнца, и рядом
перелётные тени-птицы.
Пусть мне снится огонь летних слёз, ткань дождя,
и бессонницей звёздной, разорвавшей на пепел рубаху,
окрестятся следов многоточья;
пусть колыхнется сердца дымок, самым чёрным полночным гостем;
я найду своё эхо в ущелье безнадёжной любви и страха,
я пушу своё эхо гулять сквозь румяный и душный воздух –
лишь бы свежести васильковой до конца набить в память ночи,
лишь бы верить в припев свинцовый, что на шее ветром-удавкой...

Капля уюта

Воскресение. Май.
Семь утра. Сажу на балконе с кошкой.
Горьковато-лёгкий дымок сигареты.
Свежезаваренный кофе.
Новорожденная свечка солнца
бросает теплую рябь
в полушария сонных глаз.
Слушаю пение птиц,
ласкающих синюю
безнадёжную даль.
Какая прекрасная
внутренняя
тишина.
Тонкой дрожью листвы
постучалась душа.
Спасибо за одиночество...

Тополь

Когда каждый скрип двери
отдаётся надеждой в грудной клетке,
а головокружение ветра – последним вздохом
чёрных, как степь, ресниц –
к тебе я писал безмолвные рифмы,
друг мой, тополь, шумящий закатом весны,
зенитом мая, грустью слов изумрудно-седых.

Помнишь, как мы читали с тобой молитвы,
сидя под капельницей пыльного полдня;
рамы оконной печать была твоею слезой,
пена твоей листвы лилась вечерней прохладой
в моих горячих глазах, сердце моё тобой
билось о воздуха край; ранило небо тебя –
я целовал его пух...

Прибрежная

Несбыточная мечта о море
в растрескавшемся граните
городских окраин
порхает бабочкой-невидимкой;
на её ультрамариновых крыльях –
золотисто-пурпурный прибой
вечернего солнца,
волнообразный рисунок
июньского сна
и точки глухих созвездий,
переливающиеся
прибрежным песком.
И это большее море –
море, ждущее
ночной слепоты,
селеновой женственности –
и это глубочайшая любовь –
любовь, потерявшая
всякую надежду...

Аллегро

Волной хрустальной
Носит парус по волнам,
Как танец бальный
Дьявольского бала,
И берег дальний,
Чёрных ветров храм,
Высматривает
Парус у причала.

На парусе горит
Маяк-звезда,
Отлитая из рифм –
Надрывных штормов,
И берег зрит,
С багрового креста,
На душу,
Превратившуюся в волны.

Июньская исповедь

Впитываю губкой глаз соки речные –
отжимаю душой полноводную радость.
Солнце – пшеничное поле, упавшее на голову;
луна – тенистый горный ручей в рукаве.
Календарик с домом у горного озера,
где я всегда хотел жить,
в левом кармане рубахи, под сердцем. И мне –
самому пророчить свою седину, и может,
проникнуть в суть страха, стать страхом,
оправданием зла – человеческой слабостью,
удачей, как производной дьявола,
волчьей кровью, выжженным сумраком,
и мне – окунуться во тьму человека, чтоб побороть его тьму,
и мне – подношение глубоких страданий – дар – выпью всё,
лишь бы в левом кармане рубахи, под пёрышком рдяным, бережно,
чутко, чуть слышно, жили – река, ручей, поле и солнечный улей –
производные пьяного неба, неба души июня.

Невидимка-утро

Тень от ограды на узенькой ленточке пешеходной части моста,
словно кожа зебры, словно жилистость жизни – словом, пробелом, снова словом,
золотом, грязью, алмазом, смолой, сколами руд, до горизонта,
где виднеется утренней свечкой маковка церкви
в дымящейся утренней свежести майского марева.
И я иду между строк, проросших берёзами, липами, хвоями,
тополями, осинами, вишнями, клёнами вдоль обочин,
расставляя знаки внимания, оставляя стихи за спиной, представляя себе себя
без нароста пыльных, будничных запахов, звуков, застав, зазубренных мыслей,
в пустоте тибетских шагреневых плоскогорий, угольным прахом,
рассеянным под молоком облаков в янтарно-каштановом штиле земли.
Тень от ограды на тесной полоске пешеходной тропинке моста
лихорадочно кружит, омытую юго-западным ветром, взъерошенную
электричеством ленного солнца, голову, отлитую
остаточными сновидениями, разбитую вдребезги взглядом на небо,
плывущего в унисон разлуке; а вдалеке, туманной портьерой молитвы –
темечко церкви и мерклая талость речки, илистым дном, тиной,
втягивающая городскую волну поточного шума.
И я делаю шаг, другой, между ветвей, отдающих моими словами, уединяющих взгляд,
собирающих болтовню случайных прохожих и фонарный бескровный свет,
закрепляясь целью, заикаясь лаской толпы, соприкасаясь
с тихой нотой вечернего отражения дня; и я делаю вдох, другой,
мысленно прыгая вниз, с моста, на мертвенно-серый холод асфальта,
проникая весенней водой сквозь каменный дёрн, и оказываюсь, опять на мосту.

Пропеть волны

Ночь...Лучшая поэзия – мурчание кошки,
свернувшейся клубочком под левым плечом, у застывшего,
лунным светом, сердца. Эта ночь – больше всех слов –
это время гремучей змеи, хозяйки пустыни, на коже которой,
отпечатались мягкие звёзды – кошачьи следы. Дорожки
и ручейки тусклых, шепчущих штор, вышитых
летним ветром – проводники строк,
брошенных ненароком чёрно-индиговой пеной моря,
кипящего любовью к стихам;
здесь лучшее четверостишие – забвеньё, разделенное с горным
колодезным эхом, освещенное снежно-кофейным солнцем
в ледяной тишине одиночества.
Эту ночь – раствор несвязанных мыслей – спаяет в лиловый кристалл
любая деталь, скользнувшая в млечно-небесном горне
души, остывающей на подушечках кошачьих лап,
чтобы потом пропеть далёкие волны, любовь, свободно текущий воздух
псалмов, молитв, легенд и пророчеств.

Углекислота. Urban

С неба – невод сочно-синий
ловит летней лаской, лиц
хмурый хор, лениво-львиный
городской галдёж и свист.

Собирает брег бродяжий
стаи, своры пьяных псов;
ветер льется сальной сажей
злачных заводских хлевов.

Узость улиц, плен пролётов,
шип шоссе, коробки крыш;
твоя тьма, твоё болото –
сердца склеп под маской мышц.

Я люблю лиловый вечер,
высекающий простор
для прохлады, кой просвечен
нерв нагой – болезный мор

пьяных псов, чей дрейф распутал
смерти сумрачный аванс.
Я люблю лавандой утра
узел молчаливых масс,

мозаичную могилу
ржавой роскоши дворов,
в небе мерой мрачно-винной –
плоти пыль, сухую кровь.

Солнцестояние

Из первозданной тьмы души я выполз, заново рожденный.

Я слышал во сне псалмы ассирийских царей и аккадские заклинания,
малайские заговоры и воскурения орфических гимнов Эллады –
так прозревала душа ночи.

И если бы я вернулся в прошлое, то, встретив себя, ещё совсем юного,
я бы сказал себе – ты, и так, всё знаешь.

Я проснулся, очищенный огненной влагой зари, оделся, вышел из дома,
погружаясь в изумрудно-прозрачную, молчаливую воду утренней океанической отмели,
сел в свой автобус, и поехал к серебристо-туманной элегии скользкого горизонта,
чтобы никогда не останавливаться.

Я смотрел в задымленные фрески душевных окон, на мультипликацию
придорожных губ, стрекочущих скороговорками первых прохожих,
гарево-доменной плёнкой травы, обугленной кожей деревьев и думал –
им же больно, этим липам, безжалостно вырезанным вдоль обочин;
и их боль – была моей болью, открытой раной земли в шафрановых запахах
июньского солнца,
моей, душистой от слёз, дождливо-лиственной тенью,
моим драгоценным даром кроваво-жёлтого солнцестояния, всепрощения...

Адажио

Адамантовый луч фонаря
Просочится сквозь шёлк занавески.
Хмель живой остывшего дня
Перламутром осядет в бокале.
И каштана ветвистый рахит
Тень отбросит ветренным всплеском,
Чтобы ночь прикрыла меня
Серебром дымящихся ставен.

Белозёрных звёзд лабиринт
В пасти чёрного левиафана.
Под сукровицей лунной молчит
Перетянутый плющ проводов.
И склонится ивой росток
Фитилька от свечи в стакане –
Это, просто, простилась душа,
Выходя за пределы стихов.

Декаданс

Желе шагреновое ляжек,
Обвисшее тряпье грудей,
Зубов желтеющая каша,
И на подпевках хор бл...дей.

Она ласкает жадным жалом
Холодной плоти тленный мёд.

У впало-бледных глаз – скрижали,
В скрижالياх срок – день, месяц, год.

Гнилой туман – дыханье девы,
На ржавых кудрях – мёртвый бриз.
Незванная, она средь первых.
Ей имя смерть; а может – жизнь...

Терции

Ветер разбился –
вздогнуло
сердце разлуки.

Золото вечера
травы смыкает
в камни молчанья.

Словно пожар,
всплеск горизонта –
тает закат.

Щедрость прощанья –
моя надежда,
тенью скользнёт.

Смуглые кроны
железного дуба –
ночь в его чреве.

В лунной воде
перепись звёзд –
жемчуг влюблённых.

Фесвитянин, из жителей Галаадских

в молчании кумиров
произнес:
не будет ни росы, ни влаги дождевой

а сам, пошел, остался у потока,
где вороны носили ему хлеб,
и из потока жажду утолял

поток иссяк, встал, преломляя ветвь
пути,
пришёл к воротам города, увидев одинокую
вдову,
и подозвав её, сказал: дай мне воды –
напьешься тем сполна

и говорил народу: я один – пророк

восстановив алтарь,
и положив дрова, тельца рассёк –
ниспал огонь, пожравши всесожженье,
дрова, и камни, прах, и воду рва

ешь, пей, уж слышен шум дождя

и снова уходил,
в пустыне, под кустом, хранили его сна
молитвы грозовые
прикосновенья ангельской десницы

там идолам воскуривали ладан,
и открывали всепрощенья боль...

Orange

дьявольский orange закатного шара
рдеет над ухом огненной сферой,
раненой ласточкой бьется кривая
горизонтальной дали; примерно

на расстоянии – дланью подать –
тёмное море, волны-сирены,
тенью сиреновой пенная рать,
гребней сапфировых рваные вены.

месяц заточенный режет равнин
облачно-карих, небесно-дремучих,
сумрак прожаренный, и исполин
влажный утёс отливается тучей.

бег сатанинский пляд и пожар
кедров кудрявых; с аллея-одинок, в алых следах поцелуев, скрижаль –
течь многоточия ангельской ночи.

дьявольский orange закатного плена –
зеркало в зеркале, ленное лоно,
мясо созвездий, тело вселенной,
голая нежность галькой в ладони.

небо хребтом южной свечи
на расстоянии шёпота; снова,
искрой, летящей болидом в ночи,
вечно-прибитой к глазам астронома,

меня уносит с прибрежных штрихов,

губ рубиновых пыль развевая,
к жертвеннику, где рубин струит кровь
в дьявольский orange закатного края;

и на краю, обрезаясь о течь,
течь многоточия вечных проклятий,
я опускаюсь на дно, чтоб залечь
завтрашним светом, утренним ядом,

смолью термальных ключей и лучей,
сталью травы, переплавленной в август,
мёдом бёдер мулатки и чем-
то ещё, что в узел связалось,

узел морской; крестом и листом
чистым, как чайки меловый свист,
творю молитву твари пред сном,
боем приборя падая ниц.

Дождь в тебе

небесной влаги бирюза,
разорванная криком птицы –
так начинается гроза,
так продолжает свет клубиться –

дождливый светоч облаков.
процессия на миллион
столетий, душ, миров,
изъеденный огнём объем

земли, червивый корень
всех адских мук, беззвучный тлен
непетых песен, боли
учебный план, пустоты стен –

всё выльется дождём,
чей серебристый вал –
любви печальный гонг
в расколотого черепа бокал,

в зрачков ожог, в лакуны
выпавших волос, под сердце ледяное.
перебирая руны
затмения, читаешь в звоне

хрустальных вод – вопрос и безответность,
весны кроваво-дымный сгусток –
так надрывается бесцветность,
так зубки режутся искусства –

бит бытия – быть – не казаться,
плывя столетиями душ,
где грёзы мутью слов грозятся
в дождливых перлах первых луж.

о, неба влажные следы –
стихи в окне, пустые стены,
густая пустота воды
одной утопленной вселенной.

Адам и Ночь

смотри, бежит по чёрным венам,
по темнотруйной пустоте,
сплетённое пространство-время,
и радиус безмерности вращая,
гончарный круг ночного неба
хранит Адама глиняный сосуд,
чья, плоть тепла и кровь живого света,
обожжены, зачаты и отлиты
в столпах из водородной пыли,
и чья душа, грех первородный,
глотнувшая в ядре протозвезды,
творящей милостью луны,
есть заповедь единая ночная –
не убивай прекрасного,
и Евы яблочную сладость
познай во всем великолепье
нежной боли...

Летоизъявление

Интеллигентный пьяница июнь лизал сапфиры луж озёрных,
а город чахнул в солнечной пыли. Сплетались липы сетью малахитов;
плелись обугленные гребни облаков, на черепицу тяжестью дыханья
смотря с небесной мостовой. Шумели трав надорванные крылья,
и, жаром ветра приземленные, ложились под серп глухих подошв.
Сквозь ржаво-пепельный загар стреляли током грусть, и сухость, и усталость
полуоткрытых окон и дверей. Молчаньем рыбьим холодело
трамвайное кольцо зрачка; и, лишь пыльца дрожащая осталась
от бабочки рассветного эфира. Интеллигентный пьяница июнь,
стрекал горячим жалом по углам, пил ром в трактирах полдня тенью ватной,
а город плыл шафрановым затмением, запоем многотонным вслух читая
унылые и бражные стихи, тонувшие осадками озёр,
порталами кирпично-нервной кладки.

Эспаньола

испанская душа:

глаза её – базальт,
и губы её – магма;
прилив её полей
под солнечной лозой –
как струн вино,
как купол млечно-звёздный
ночного сада;
и в сердце –
рёв корриды,
и сердце – нежность розы,
где мадригалом льётся неба свет,
и ждёт в тени оливы,
вечера, цикада...

Рассвечение

в тени моей печали
сидит паук июня,
плетёт слезу рассвета...
уйти бы на покой,
в келейность зорь лесных –
но не всегда, уйдя,
уходим мы навек...

волной свинцово-лунной
в туманное стекло
бросает утро ветер...
а за стеклом притих,
иконою безмолвной,
открывший глубину
своих пурпурных ран,
чуть сгорбленный рассвет...

в лучах его волос,
в последней тишине
его горячих губ –
застыло пробужденье...
и ветер на окне,
и лёгкий запах роз,
и утренней звезды
разлившаяся ртуть –
всё падает на грудь,
всё далью отдаёт
неотвратимых глаз,
не найденного слова...

Завтрак третьего тысячелетия н.э.

во мне звёздная пыль чёрного эха окраин неба;
во мне память Земли от цианобактерий до сложных форм жизни;

во мне тысячелетний дрейф тектонических плит и арктических льдов,
вулканический пепел дыхания ядра, перламутровый шёпот губ океана;
во мне желчная кровь Иуды и распятое сердце Христа, дневной свет и прилив
безнадежной ночи, рваный северный ветер и бархат южного бриза гаснущего горизонта.
а я смотрю на пустой мерцающий холодильник, цвета декабрьского грязного снега,
опуская в землистый истлевший колодец пепельницы последнюю сигарету,
нащупывая пальцами туманную ткань бессонницы, и мучительно думаю:
чего бы мне съесть сегодня на завтрак?
и это, так справедливо, Господи, что слышится музыка.

Птицы

Я люблю птиц:

длинноногого журавля с долговязой шеей и прямым копьевидным клювом
у заболоченных водоемов; тускло-глинистых жаворонков обнаженных степей,
полупустынь и лугов; аккорды и паузы стройных дроздов, подхваченные
лиственным лесом; тяжёлый полёт коренастого дятла, словно брошенное копье;
кочующий огонёк рыжевато-кофейной сойки; фиолетово-металлический отлив
древнего ворона; гнездящуюся в уютных парках кроткую горлицу;
хищного ловчего сокола, на заостренном шпиле скалы;
величественного орла, отбрасывающего царскую тень;
парящего тёмно-бурым облаком беркута, со стальными когтями и могучими лапами;
первого из певцов, соловья, в зарослях жимолости, черемухи и калины,
по берегам рек, ручьев, у лесных ключей и родников;
щелкающих на крышах аистов;
снегирей, принесенных в сады и огороды белым дыханьем зимы;
беспокойных звонкоголосых щеглов и их изящные гнёзда, одетые в мох,
лишайник, маленькие стебельки и мягкий растительный пух –
я люблю птиц, потому что – я не умею летать.

Caramel

А звёзды капают сурьмой,
под молибденовой луной,
в кристальный кварц реки.

На эбонитовых ветвях
клубится цинковый туман;
экслибрис следа моего
сокрыло в брильянтин
ночного света.

У экватории ночной,
как арабеска – знак бемоль
в глазури глаз печальных.

Тахикардия ветра, в даль,
слова несёт, дыхания шаль
на пульсе цефеид.

Ночь хризантемой расцвела,
как *grazioso*, как мила
дриад игра, и болеро
травы в ногах усталых.

Я ликтор тени, я схоласт
дорог из яшмы, свистопляс
безбрежных аббераций.

Здесь первых снов девятый вал,
здесь храм цикуты,
звон зеркал
надтреснутого сердца
вечной ночи.

Здесь взгляд медузы и муссон
дрожащих снов, зеркальный звон
глиссандо лунного, стеклом
абсцесс луны, сама луна,
совиных перьев росчерк.

За горизонт бросая взор,
цепляясь, цепenea тьмой,
зари восточной светляки
крошат искристый цедр.

А звёзды капают сурьмой
под вельзевуловой луной,
в лимфаузлы реки,
в юдоль,
где смолянистою канвой
ветвей прохлада реет.

Вслед

Шумящий июнем лес,
как горящий внутри алкоголь.
Слёзы, как кисти ольхи –
это воспоминания.
Воздух просит дождя,
но небо, капризно,
разбрызгало сок лазури
под облачным воском.

Турбулентность

расплывчатый оттиск стального сосца фонаря
в перламутре бензиновой лужи,
словно большое красное пятно Юпитера;
словно отверзшиеся уста дьявола

однородно расширяющейся вселенной,
всё вещество, которой, когда-то,
вмещалось в пространстве, меньше ногтя младенца —
там были и эти слова;
расплывчатый оттиск стального сосца фонаря
в перламутре бензиновой лужи,
словно миллион световых лет одиночества
в дрожащей капле мутного света;
словно безумие-безмолвие
изъеденного морщинами мудреца,
прилипшее к гортани
засахаренным мёдом;
словно обнажённая, новобрачная плоть
обжигающего соцветия предзакатного сада;
словно синий сквозняк, конденсат тишины
в душевной оболочке городского лета,
где ни единым облачком не свито ущелье тени;
словно лучистые позвонки золотой
винтовой лестницы восходящего солнца;
словно многомерность костлявого листка клёна,
сорванного ангиной осеннего ветра;
словно строчки, выведенные воздушной игрой птиц,
эти строчки, чернильные ранки на белых хрустящих клеточках
(имеющий глаза, да увидит!);
словно сердце, распускающееся благоуханьем сирени
в объятьях весеннего равноденствия...

Диптих

Птицы ветра, сады тишины, безмолвие света,
листва одиночества...

Сегодня пил с Брамсом, Генделем,
Бахом, Моцартом, Врубелем, Босхом, Дюрером,
Тёрнером, Фростом, Катуллом, Боккаччо, Рембо...

Реки ветвей, зеркало ночи,
тень родников, прилив горизонта,
пробуждение губ, розочки звёзд, подошва крыла...

Верно, я, верный слушатель
в компании душ мертвецов,
живущих в живительном теле слуха, зрения, слова....

Первородная пыль, сосуд неба, стены вселенной,
ледяные руны, след воды, плен ладоней, луч августа,
залпы обочин, отмели крыш, гонг бокала, всплеск окон,
пожар всепрощанья...

Вращая время, краешком сердца раздуваю воздух в горне
молитвы, бережно тьму подгоняя

ожившим дыханьем незримого гостя,
его бессмертной печалью,
целебной печалью...

Амальгама

Пей, о, пей скорей забвенья о Леноре навсегда!

Эдгар Алан По (Ворон)

Не хочу записывать, запоминать – назови мне имя этого сна,
где уже не будет тебя и полночной грозы светляков,
где растает аллеей молчанья карусель фонарей, и душистое пламя огня
погасшей свечи разнесется дымом далёких окон. Вот любовь
вспорхнёт благовестом, и белёсый туман обдаст сквозняком на бездожде,
бард рассветный взойдёт на скалу, разорвёт ассонанс моих криков.
Вот надежда скользнёт неприметной тропой арлекина, и тоже
оставит приторный вкус амнезии. Соберутся анахореты у лика
святого, чей абрис, ещё одна звёздочка в топку души.
И амфир пробуждённого леса вскинет зелёным мрамором сосен
ветер болезнетворно-сладкий, баркаролу косматых вершин,
барханы зари на горизонте высохших слёз и вещей вопросов.

Гидра

Острая, пронизывающая боль, боль красоты
постдождливого воздуха вечера.
Бронзовая тишина, напоённая
буколиками сновидений.
Тени ночных галер-галерей под тонким слоем
воскового лица луны.
Чёрно-ванадиевое варьете, словно взвар взморья.
Вольфрамовый отблеск волн, втихомолку крадущийся
в гипноз глаз гурмана.
Былинка света, будто булат на старом валежнике.
Под власяницей лесной волынки –
вермут вольнолюбивого сердца.
Вискоза травы в воздухоплаванье лёгких.
Млечный вольтаж призрака василиска на звёздной брусчатке.
Рабство свободы, свободы-вакханки, свободы-весталки.
Я играю образами и словами,
или они играют со мной.

Записки на клочках летнего света

Раскрытые окна июля, смотрящие на полноводное небо;
сигаретный дым, словно ступенька кочевых облаков;
душа, запрятанная глубоко в страдании;
сладкое яблоко меркнувшего полдня,
пленающего, как запах обнаженной женщины;
все краски мира в одном глотке свежего воздуха

узника умирающих стен –
вот истинное лицо истинной роскоши,
вдохновенное сердце печали.

Дактилоскопия

не лжесвидетельствуй на кормящую волчицу луны

Автор

Дактилоскопически всматриваюсь в дно неба дальнорким сердцем,
на горизонте: дары волхвов, дёготь ночи, декорации оставленных сновидений,
дельта стеклянных созвездий, денатураты дня, выжитые до корки двужильным временем,
молящийся дервиш-ветер, депозитарий оставленных женщин, невесть где...

Дерзновенный демон мысли, повитый дерюгой, нашёптывает десертом на ухо
о вдохновенной молитве молчанья, диагностируя смерть, как константу пространства
и времени, диагностируя хаос второго закона термодинамики; ласково,
на диалекте медвяной травы, веду диалог о природе любви в диапазоне - без слуха.

Дилижанс теней от ветвей проплывает в ногах, в диспропорции лунных морей
читаются лица древних богов, налегке детонирует воздух в лёгких, сокращая дистанцию
с небытиём; дистиллирую покрывала ресниц диффузией лиственных пальцев,
и закрываю дневник чёрного света ночи до новых встреч в дозорной глуши фонарей.

Сядет печаль под смоковницей

Моя песня прекрасна, потому что –
это песня жизни
на узорчатой веточке вешней вишни.
Моя ночь вдохновенна, потому что –
это ночь под снегом туманно-жемчужных садов
в доме из лунного света.
И ты, мой слух, мой взгляд, мой поцелуй –
полной луны олива –
серебристо-воздушное
око окаменелого дна ночи –
так хлебосольны стихами, приветливы
дрожью остывших развилок,
что сердца тромб выливается сталью
звезд из замерзшей грудной решетки,
и не хочет биться, только в одной груди.
Краснокожий закат воскурил твое имя,
моя песня,
сноской с пергаментов
шепота леса – с вещей ключей;
кровью с ветра тюльпана.
Кем назвалась моя песня –
вестью, вестью
блудницы-любовницы;
местом, местом
забытого и обретенного знания прикосновений.

Время ее –
когда сядет печаль под смоковницей.

Золототечение

от дождя
почувствовал радугу
в твоих глазах

от огня
солнце увидел
в твоих ладонях

розы рубин
распускает
майскую вьюгу

лилии мая
солнцем твоим
иной смирили

в твоих губах
влага росы
дрожью пурпурной

в моих словах
плеск серебра
ласковой ночи

в моих словах
шепот агата
с ветвей ночных

Гидротермальная кровь

Могильный гранит – весне.
Желтушный восход крошит коврижку июньского солнца
в подливку болотной соломы, в моль тополей.
Слышишь, завяли ручьи, пустыня ноет губой иссохшего русла.
Но мне – хорошо; мне сладко от воздуха
из выхлопной трубы форточки
в перекуре вечерней мяты, в ментоловой грусти
упавшего света. Пыль янтаря выколет глаз, почки
окон сомкнутся в коконы снов – вот оно,
разряженное пространство бесчувственной
черной вены, дым тысячелетних звезд.
Гидротермальный источник ночи – сердце мое.
Всеядность огня
смиряет вечер, обращает алмазом ночь.
Слышишь, весна умерла,

умерла на моих руках, буквально рядом,
почерком одуванчика
на легковесном зефире поставила подпись-облако,
и пролилась дождем звездопада
в жемчужное молоко.

Mer de citron*

Вечер.
Персиковая облачность.
Выходи на прогулку с закатом.
Одевайся в багрянец света, сердца, в молоко березовой рощи,
в настойку дремлющих трав, в сладкую тень сирени.
Ясли прохлады – мед.
Ясли прохлады – нежная мята.
Ветер смотрит в лицо, открытое сумеркам;
ветер, как крошки хлеба, сметает слезы гаснущей майской звезды.
Вечер.
Лимонное море омыло береговую линию улиц.
Неоновый иней распался на хмель, на шаг,
на вздох пустоты.
Пламя ночной розы с твоих ресниц
улыбнулось весенним мраком,
распустилось берилловым
ожерельем.
Вечер.
Ручьев лабиринт
потерялся близ твоих глаз.
Вещие сны бродят – рукою подать.
Солнцем опавшим плещется
бессмысленных слов узор.
Туманность опущенных штор.
Вечер, укравший тебя
и твое сердце...

* – (фран.) лимонное море

Облако June

Свинцовой ночи сон под тополиной ватой.
Июньский бред удушливой зари
сквозь окрик ядовитый горизонта.

Танцующее пламя твоих глаз
и облако прикосновений ветра.
Рассеянная тина занавесок
отбросит тень на наготу алмаза.

И свет умрет, растаяв поцелуем,
и свет уступит продолженью ночи,

и ночь рассвет окрасит в черный бархат,
когда хрусталь росы слезой нальется,
когда листва научится любить.

Протуберанцы

Синий кристалл озера и млечное одиночество лебедя;
порванный плащ неба и матовый блеск солнечной линзы;
дождливая оспа в глазах лягушки – проекции первых стихов лета.
Крыши, карнизы, крыши, карнизы...
Ржавых закатов клей на створках, на ветви
сиренево-изумрудной, снежно-серой тоски.
Луна целует ночную пену.
Фонарная плесень – млечное одиночество лебедя.
Сырость, дыханье реки
на чешуе рыбы – пространство без координат, без времени,
без опостылевшей рифмы.
Сказка течет по усам горькой водой цветения.

2 вариант

Сапфир голубого озера и млечная звездочка лебедя;
разорванный плащ неба и пыльная линза солнца;
дождливая оспа сферой лягушки –
проекция первых летних стихов.
Крыши, карнизы, крыши, карнизы ...
Растущий закат, клейкие крылья на ветвях сирени
изумрудно-серого снега отчаянья.
Лунность целует черную пену.
Лампы мерцающей плесень – сиротство млечного лебедя.
Сырость, дыханье реки на фарфоре рыбы –
пространство без продолжения
в горьком цветенье воды.

Роса Марианской впадины

Если б любовь могла говорить (со знанием дела,
с упорством ржавых гвоздей последних инстанций),
объясняя саму себя,
выдавая все карты и масти –
я предпочел бы остаться глухим,
я предпочел бы быть верным себе –
мешая золу и серебро,
играя осенний джаз в проулках темного сердца,
импровизируя в нервных апрельских темах,
нелепо, неровно, неверно, не к месту,
с искренним чувством морской волны,
багряной вечерним гранатом,
с трепетом влажной ладони утреннего тумана
в пластике воздуха,

затягивая
снежной чахоткой раны и рвы
на рваной плоти стихов.
Если б любовь могла говорить (со знанием предмета,
физикой, химией, анатомией красок,
с учтывым спокойствием горных седин) –
я бы заткнул ей рот
скверной наливкой, терпкостью виноградного хмеля
с тряпичного поля созвездий,
в каждую клеточку слова
вонзая надежду, надежность и безнадегу,
взбитые вязким болотом,
я бы назвал ее – трупной, глупой, бессмысленной,
мертвой,
не потому ли, она, так смертельно неожиданна,
как роза жизни, вспорхнувшая алым дыханьем,
так наивна и первобытна, так прекрасно печальна,
как майская пыль цветов в волосах зимней звезды.
О, если б любовь могла рассказать –
она бы молчала...

Побережье тающего запада. День 265-й

Изношенные мысли, как осколки ран,
разбросаны
пугающе прекрасным
вечерним кровотоком бляхи солнца.
Нам подмигнет соседских окон тик,
нас пропитает краской
от приглушенно-ласкового
оранжа крылатых занавесок.
Ладонью глядя воздух,
мерцанье шепота бросая
в парное молоко изнеженных акаций,
ты, провожая
травяной ехидны майский
шлейф,
слезой рубина преломишь свой взгляд.
Тебе напомнить –
как мы одиноки,
как мы любимы ночью.
И мертвый сад
восставших снежных звезд
поставит прочерк –
где пустота блаженна, когда она есть свет.
Склонит луна на ветвь
серебряную шею,
мы растворимся, как изношенные мысли,
в журчании смолы,
чтоб завтра обрести немного праха
от золотого летнего костра.

Склонит луна на плаху
закатную волну, и плеск со дна
холодной синевы
обдаст, пробудит, разобьет меня
о твой порог желанья,
о наготу пунцовой ранки
на листве, дрожащей ветром диафрагмы.

Поцелуй

черное море открыло крылья
подготовило пенную влагу
для возвращения
к ласкам разлук
и ожидания
здесь остались –
импровизация в духе радости
частичка тепла на щеке сентября
золотая грусть
янтарный дождь
кольцо из ветров и листьев
мраморный сон горного света
искры воды на обложке пустого пляжа
призрачный стон облаков
пугливые тени аллей
мимолетные краски
синее пламя вечерних этюдов –
чтобы память
стала звездой
в созвездии наших имен

Цветами нежными срывая слезы

Рассветная магнолия сияла диадемой.
Сандал с волос струился
на утреннем ветру.
Ты одевала пояс из весенних роз.
Ты восхищенно пела.
Растаявшим туманом багреца
с щек капала мелодия росы.
Ты охраняла сны
несбыточного лета.
Ты собирала пенъем
с жемчужного венца
рощ северных
дыхание живое.
Ты разливалась морем
струн хрустальных.
Душистая корица на устах
осыпалась зарею –

ты целовала ветер.
И холод спальни,
холод стен и рам
легли к твоим ногам,
к ногам несбыточного лета,
к дороге в никуда
из края юности наивной и печальной...

Предел желания

Закат обрушился пустынным багрецом.
Твое лицо – мое лицо –
и нить чернеющей и одинокой песни.
Закат налил в глаза свинца,
и у лица, у твоего лица
проснулась маска сожаленья –
а может, это просто краска сердца,
что вспрыснула в мой сон огонь
могильных окон.
Закат связал узлом
двух душ надежду-призрак,
он соткан из граната и агата,
он окрик мой в осколках твоих глаз,
и рук, и слов.
Молчание, как ветер.
И мы уснули, в шум дождя
бросая километры
вдохновенья.
Ты помнишь, там, обрыв сердцебиенья,
и слезы утра обжигающей росой.

Чешуя дракона

Холодная, как змея, ночная печаль,
и твоё дыханье,
словно цветущий май, словно вуаль
садов из жемчуга.
Ожерелье глухого огня сквозь занавески
и платье из наготы, из мраморной кожи
морского прилива.
Подойди напоследок, скрась этот сумрачный бал.
Мы все подытожим
потом, когда лунность скроет рассветная грива
палящего зноя.
Холодная, как чешуя дракона, ночная звезда,
и твоё мимолетное – здравствуй, мой темный восход.
Взгляд пробежит волной
из серебряной пыли.
Мы были здесь, скажешь потом.

Надрывно шумит тополь

Сосновый ветер

Я приму как милость,

Луну и лютню.

Вот и все пока.

Ван Вэй

Надрывно шумит тополь,
хлестая июньскую синь жарким шепотом листьев.
Слезятся глаза – ветра топот,
ветра дыхание чистое с привкусом
свежей симфонии дальнего берега моря.
Утро убьет полдень, полдень сожрет вечер
парящим закатом, вскоре
мою долю разделит ночная млечность –
словно туман,
словно слово немого,
заговорившего тихим лунным сияньем.
Там – надрывно шумит тополь; там –
хлестая июньскую тьму выжатым шепотом листьев
слезятся звезды,
путаясь в мыслях
высотой полета и созерцанья.
Свет так близко
и так осязаемо недоступен...

Менуэт

Загорается западом ветер.
Смоль стреляет по шапкам лесов,
смоль твоих и моих одиноких
глаз усталых, усталых, как дети
в этой пенистой влаге рубина,
в этом песенном море без слов.
Мы наверно умрем и растаем
пожелтевшей травой под дождем,
мы, наверное, что-то не знаем,
мы, наверное, и не вдвоем,
только это все – призраки лают,
только это все – ночь плетет страх.
На губах твоих ветреных тает
мое слово и солнечный шаг
под обрыв, под чуть видную кромку,
за которой нас ждет серость зим.
Только это все, так, недомолвки,
а пока – ты одна, я один,
и нас двое на красной дорожке
у лесного хребта, в мраке дня.
Обними мою дрожь своей дрожью,
словно ветер, глотнувший огня.

Соцветия кристалла

Лучистые озера – летний сон в соцветиях граненого кристалла.
Реки кубовый лед – русалки плеск фривольный.
Стон изумрудный бора – лешего дремучая баллада.
И вольно, вольно, вольно, вольно, солью
до боли раненных зрачков.
И верно, верно, верно, верно, пленное
сердечное смятенье.
О чем я? –
О Любви.
О ком я? –
О Тебе.
Все давит радугой непознанной природы.
Все говорит умри, умри, умри
для смерти и для праха.
Озера, реки, бор стальной пружиной изнутри
выскальзывают в облачную вахту,
выскальзывают в неба хороводы,
чтобы родить еще один глоток скупой мужской слезы
для женственности взмаха
крыльев солнца.

Блэк Дог

Шаг, вдох летнего льда,
Шаг, стеклянная прорезь глаз.
Рассветная сталь срезала остатки ночи,
Вскрывая лишайник
Ожившего города.
Снежный ангорский кот, как всегда,
Задумчиво вглядывался
В ухмылку мертвой луны,
Неподалеку от, вьющейся в ткань
Повседневности, остановки.
Роза пыльного облака от ноздрей,
Лежащего на остановке
Прекрасного черного пса,
Мощный вздох сожаления и тяжесть смирения
Бродячей души пепельных перекрестков.
Будто след от ошейника
Тропки ран на персидской шерсти,
Расчесанной мудростью улиц.
Его взгляд полон винной грусти,
Нежной печали и ночи.
Я смотрел на него,
Как на тень ветхозаветных пророков,
Очарованно и вопросительно вдохновенно.
Утренняя сонливая суета

Не задевала его смоляных горизонтов.
Черный пес поднял
Хромое тело юного льва,
Подошел ко мне сзади и лег.
Он не смотрел на меня,
Но я чувствовал его глаза –
Уголь и металлический блеск,
Спокойствие и надежность,
Ветер легенд и сказаний.
Кажется, он понимал и слышал меня.
Золотая призрачность
Точки соприкосновения.
Мой автобус. Я не прощаюсь.
Роза пыльного облака от ноздрей,
Лежащего на остановке
Прекрасного черного пса,
Растаяла в сердце нового дня.

Венецианский карнавал

Венецианский карнавал июня
Нешадно дует
Ураганом
Летнего солнцестояния.
Полуденная сыпь цветочных рынков
На эпидермисе развалов придорожных.
Лимонная душа раскурена кальяном,
Распарена туманом обнаженных тел.
В ночных подвалах
Спряталась прохлада
Речной волны,
Рябь водоемной тины,
Шум камыша и зеркало луны.
Пыль изумрудная, медовый воск свечей
На ягодных глазах любимой.
Куда спешишь ты, душный красный уголь
В грудной обшивке, где огонь твой, угол?
Все там же, там же, у скупого сада
Ответов на вопрос: кто и зачем?

Роспись по ветру июля

Вы, сосны, пойте, как живые души!
Сэмюэль Тэйлор Кольридж

Горячая кровь младенца июля
прогрела сахар травы,
пропела свадебный марш
на холсте небесной любви
ночи и дня.

Хрусталь дождевого ветра
осыпал в утренний пепел
дорог влагу живую.
Роса облизала пальцы цветов.
Деревья вздохнули огнем изумрудов.

Расшит поцелуями воздух, и ткань
стеклянных прудов
отражает твою наготу,
моя ледяная муза,
неуловимая лань,
тень,
вестница счастья,
тонкая весточка берега
у песочных холмов и янтарных побегов
солнца.

На полынь клюет. Anima*

На полынь душа клюет,
а от меда – приторна,
Тишиною багровеет,
от бесед – бледна, как снег.
Ты ищи мой ветхий дом –
там, что за калиткою,
Ты ищи мой храм пустой
в небе полном соколов.
А листвою разбазарен,
а болотом выношен,
А печалью освещен,
а приветлив теменью.
На полынь душа клюет,
на печаль Всевышнюю,
Поищи мою звезду
в слепой ночи бархатной.
Поищи мои глаза,
там, где рвутся венами
ангелы поэзии,
тени беспроглядные.

* - (лат.) душа

Увертюра №3. Пробуждение

Рассвет взорвал дрожащий купол ночи.
Осколки звезд осыпались в росу.
Дома сожгло пожаром горизонта.
Тепла источник
выкатил глаза,
обдал янтарным потом.

Восток сыграл прелюдию Шопена.
И в легких воздух сбился летним соком,
и на постели оставался голос
ночного ветра – черный океан.
Под сладость флейты с огненных деревьев
она вошла телесным шелком в день,
где пряли леность
золотых минут влечения,
и окрылила тень
от занавесок, и отреченьем
отдалась лучам в окне.

Переплеть

Вы слышали, что наркотик –
сильнее инстинкта
самосохранения?
Любовь – это наркотик,
война – это наркотик.
С завершеньем любви – ломка;
с окончаньем войны – ломка.
Вы слышали, что в наших венах
течет душа, такая хрупкая, тонкая
незримая птица-облако?
Вы слышали, что сердце –
это любовь, вы слышали,
что в сердце покоится порох войны,
войны антитез?
Ветер рвется все выше и выше,
ветер желаний, ветер страданий,
но горы хранят тишину,
наркотический вакуум,
гармония и добродетель движенья воды
в русле божественной воли.
Ветер утихнет в сердце,
война рассеется дымом,
память отыщет природу любви
на руинах боли –
я верю, я знаю, я вижу в кругах под глазами,
под слоем талого снега,
под скрипом старых замков,
под роем пчелиных укусов надежды –
ветер оставит
веру,
вера очистится в тень родниковую
августа.

Бабочка взгляда в разводах лунной мишени

Бабочка взгляда в разводах лунной мишени.

Благословение тихого края серебряных струн.
Звезды искрятся шампанским. Черная влага воздушного плена.
Хочешь, мы будем купаться в ключах прохладного ветра,
пустившего семя в стружке звенящей листвы летних пожаров.
Хочешь, мы будем гоняться за тенью Эдема до раны рассвета,
вскрывающей стыд. Бабочка взгляда сверкнула кинжалом,
выуженном из пламенной розы сердца, из кристалла кричащих
губ полнолуния. Снежная пыль осела в ладони неба.
Нас уже ждут теплые кубки слез Диониса.
Сладкий поток поцелуев – ступени из яшмы.
Улей тревожный алмазного света.
И чистая, чистая, чистая, чистая
ночь на подмостках прощанья.
Мы убегаем июльским следом в окна рассвета.

Агат

Морской бриллиантовый блеск, дорога из пепла созвездий,
Гранатовый дым горизонта и пьяных утесов агат.
Кричащей чайки метель раскинула сердце над бездной.
Молчанье остывшей гальки и тающий лед-закат.

На брызгах волны – прядь луны – свинец, седая душа.
На выходе слов – прибор – дрожащий хрусталь гортани.
И млечностью бредят следы, и тянется ночь не спеша,
Туда, где дорога созвездий цепляет утесов агат.

Туман

безнадежный мрак ночи
и невозможный рассвет.
горячая боль
и холодное откровение.
скрип пустоты
и скрежет ничейной дороги.
сердцебиение сна
на обложке черного ветра.
солнце пепла и звезды
скупых окон.
принятое одиночество
в распростертые когти угля.
бродячий туман слов
ищущий чашу безмолвия.
тусклое пламя губ
шепчущих в рваный воздух.
жалость затасканных стен
и гневное эхо надежды.
благо последнего вздоха
сквозь вечное воскрешение
сквозь мертвые свечи цветов.

ласка теней и грубая
флейта горящего горизонта...

Покой твоих глаз. Фантазия

Покой твоих глаз
подобен снежной заре,
подобен осенним кристаллам листвы,
усеявшим пустошь аллеи.
И ночь ниспадает на плечи твои
агатом и сотней алмазов.
В тумане волос – библейский елей
и прикосновение молний,
что золотом неба цветут.
И розы огонь наполняет
твой каждый ветреный шаг.
Движений прозрачные волны
сродни изумрудной траве.
Зову я тебя на ста языках –
беспечная грусть и надежда.

Игра в цвета

Радуга села мне на крыльцо,
радуга-пыльца
с вешних лучистых созвездий
цветов полевых.
Лето скрутило солнце-кольцо,
солнце-кольцо на пальцах
медом янтарным.

Северный ветер утих,
ушел восвосяси.

Мы пробежимся по утра
нагой и прохладной вьюге.
Ты – в легком платье
из ландышей и сирени.
Я – нараспашку, в рубахе
из камышового шелка.

Мы растворимся здесь и сейчас
в тонком
внимании глаз васильковых,
в снах из пряжи июля.

Стоп-кадр на вдохе

Жизнь – это маленький промежуток в океане небытия.

Страх рождения и страх смерти – две пограничные точки.
Жизненный опыт, лишь малая толика замысла.
Но, как трудно поймать мгновение, вот это, данное,
когда прошлое – только серия интерпретаций, а будущее –
шорох прогнозов, мгновение, созерцающее само себя,
называемое настоящим, прожить его, вчувствоваться каждой клеткой, кусочком
дышащего осознания, как трудно справиться
с ускользающим электрическим скатом мысли, многогранностью
восприятия зафиксировав каждый глоток бьющего
родника момента времени.

Подсолнух

Подсолнух солнца маслом золотым
излился в середину лета.
Грозой цветущей опалилась вьюга трав.
А ночью дождь бродил по окнам
пьяным серебром и дым
рассвета бредил
туманом млечных мотыльков.

Трубы дождя в музыке луж,
многоголосье закатного ветра,
бабочки звезд и дурман облаков,
где тот художник, что это
затмит мастерством ремесла,
где тот маэстро, что так же сыграет
партию лунных этюдов.

Линзовый свет

Душный свет пробивает жалюзи летних ресниц. Утро.
Вены дорог набухают музыкой пыльных колес.
Пыль подступает к горлу, взгляд оседает индиговой мутью
неба, неба уставшего города. Ветер принес
сквозь доменный воздух частицу берилла
с далеких равнин. Спасибо ему за надежду
на берег души, одетый в свободное пламя.

Солнце кропит ожоговой нежностью
в срез городского планшета.
Копоть лижет асфальтовый сумрак,
как леденец. На побережье
стальных проспектов гуляет
мечта, влюбленная в море –
залежи мяты в недрах

сухого горла.

Горный сон

На жертвенник горизонта
вспрыснет медной волной
кровь закатного солнца.
Ударив по струнам холода,
расколется ночь звездным стеклом.
В пустыне смолы увязнет лунное эхо.
Линии сна обретут очертания горного лона.
Ты превратишься в разряженный воздух,
в музыку снежно-молочных заглавий,
в песню бескрайней долины
у молчаливо-тяжелых подножий.

Искушение

Месяц в рог зачерпнет ночную метель.
Сердце вздрогнет серебряным ветром,
распустив жемчужные нити.

Мертвый блеск фонарей,
звезд роса, тьмы елей.

Окаменевший
углем рассвет
уличного
полотна.
Чернооую песнь пой до хрипа, до дна,

пусть услышат глаза подворотни
мелодию
жизни,
мелодию
плоти,
горящей душой
неисправимой.

Пусть проносятся мимо
тени преданий
пьяным заветом.

Месяца рог прольется метелью ночной.
Сердце вздрогнет трясинной
звездной росы.

Приходи на свидание
с ветром.

Безнадежно ласково

Ты плачешь?
Слезы – привкус со дна моря.
А на ладонях –
капель весенней пыльцы –
медоносная слабость,
покрытая солнечным блеском.
Ты смеешься?
Радость –
легкость осеннего поля,
искры хлебов,
собираемых нежной рукою
поэзии.
А в глазах –
застыли янтарные свечи –
быстротечность
блаженства
под теплой луной,
и вечность
сиюминутной влюбленности.
Ты смеешься и плачешь?
Как безнадежно ласково.
Знаешь, тебе идет.
Малые вольности –
святые капризы –
для тех, кто любовь
прорицает.
Искры хлебов,
привкус волны травяной –
подмешай и меня к своим сказкам
золой полевой,
играющая с дождем.

Ноктюрн

Маяк луны
бросает известковую палитру
в нагие ставни.
Вдыхая цитрус
южных ветров,
ты провожаешь взглядом

хрустальный хвост,
летащей под откос
звезды садов полночных.
Неторопливый почерк

нежности
поставил роспись

под лилово-черным
горизонтом.
Цикады плавают воздух
музыкой кристалла,
искрящей в свежесть струн.

Ты не спала, ты в эту ночь встречала
мечту, отлитую из лун,
прохлады и печали
вдохновенно-ясной,
упавшую слезой
июльской грозовой звезды.

Ты не спала, качая ночи ясли
ладонью, опаленной
в летней страсти
сердца,
подчиненного любви,

любви открытой
первобытной тишиной.

Секрет улыбки лета

Когда пылевидной ромашкой, словно первым дыханием снега,
утренний луч проберется в спальню и сорвет вязкую мантию
с праха ночных галерей, когда маслом олив умоется летнее
поле, и вспыхнет песок перламутровой радугой

вдоль небесно-болотных аспидов рек, тогда ты выйдешь
в шелке своей наготы на балкон и воздушно-янтарной комой
взгляда начертишь дорогу по шрамам ломанных крыш,
дорогу к секрету улыбки лета...

Шепот песка

На берег, раскаленный в жемчуг лета,
гони волной свой невесомый шаг.
Лови огнями изумрудными приметы
тенистых роц под августовским небом.
Ищи в устах
степей ночей безмолвных
мелодию, отлитую из блеска
пшеничных звезд и бархатного плена
обратной стороны луны.
Стрелой надежды меряй расстоянья,
над і все точки, под ногами почва
уходит, чтоб вернуться океаном.
На берег, орошенный млечной пеной,
беги, беги,

беги волчицей вольной
загадывать желанья.
И больше не ищи разлуки
ночи,
туманность одиночества
занесена
лилейно-желтыми песками,
отнесена,
распята,
безысходна...

Narcotic

Кровоточащий свет желания смерти в желании жизни.
Облако ядовитого газа, распыленное поцелуем природы.
Скользкие черви звуков, осевшие в кальку слуха.
Воздух, отравленный потенциалом дыханья.
Грозное небо в перьях болезненной тени души.
Позолоченная сера неуголимого голода.
Паучья смола безвременья на перекрестках зари.
Пепельный дождь плоти
в северном
сиянии
чахоточной истины...
Могильный экстаз последнего вдохновения,
последнего шага на острие безволия
в растительном тлении
скрученных вен, пересеченных дорог.
Конец уже близко,
не так ли? (молчание)
Начало,
истертое в грязный снег слезоточивого марта,
излито в беспамятство.
Свинцово-животным взглядом лижет
надежды мрак разоренное логово –
еще один раз, один краткосрочный глоток
лжи и самообмана
для будущей боли,
для будущей смерти в желании выжить,
катаясь по дну преисподней,
оплаченной дьявольским фартом.

Экстатическая единица вдохновения

Как экстатическая единица вдохновения –
небрежно-лунный взгляд,
отравленный желанием любви,
брошенный незнакомкой
на расплавленной остановке
августа.

Шоколадный воздух дистанции,
незримая тайна губ,
кричащих сквозь тишину –
это он, он, что окутал дыханье сновидицы
ароматными розами вечной ночи.
Ее мир,
истекающий
юным вином
солнечных струн Андалузии
под панцирем внешнего льда,
опьянено уютится
в мгновении воображаемого наслаждения,
чтобы через секунду
вспорхнуть тяжестью пыльной зари
городских уставших сердец
на подмостки маршрутки,
унося с собой миф неприступной богини
алмазно-звездного одиночества.

Гранат

В гранатовых сумерках, в налитых свинцом звездах
Сводит мосты август,
Бродит сквозняк аллея
Прохладной дымкой листвы.
Небо тряпичное грозы
Режут на пазлы,
Как вены.
Август сжигает мосты,
Август пылает сердцем глубокой ночи.
Кожу аллея поцелует украсит
Влюбленная полночь губ.
Взгляд обессточенный
Темно-Мариновых глаз
Пляшет
Вокруг
Твоих воздушных созвездий,
Созвездий желаний.
Бездна
Над нами,
Под нами
И в нас.

Летаргия

Увядший лепесток осенней искры сердца
подхвачен ветрами зари
из канареечно-каштановых подвалов.
Плач полевых цветов несется
росой озябшей. Говори же, говори

со мной затмением фонарных сальных

свечек, осенний свет, что на глазах твоих
оставит крошки лета.

Прибоем инея на гавани небес
мы извлечем печаль и нежность
золотого плета
озябших парков, роц, где, спит мертвецкий блеск

земли. Я так люблю тебя,
бродяжий нищий крик
осенней ночи – в нем, твоя звезда
ручьём стеклянным
льет за воротник
смолу и мед июльских поездов.

Грани

загадка смерти
сродни
холодной тайне
безмерного космоса

звон полуноот сквозных колокольчиков
слепые разводы полутонов
звездно-снежная пыль незримых страниц

горечь дыхания жизни-познания
разбавит
сладкая боль небытия

за пределами смерти
лежит бесконечность вселенной

Лютня

время – тонкая струйка золота
в песочных часах
пространство –
ветер разбитый о скалы
сквозь пространство и время
я ищу твою боль
твой страх
потерять нить рассказа
о нас

я лечу их безвременьем
многомерностью света
в глазах влюбленного вечера

дождь
и
ты —

музыка зазеркалья
отраженная в озере
пресных дней

ты срываешь полынь
ты рисуешь углем
ты дрожишь ноябрем

скользко
от слез
и ласково по-кошачьи

Die Lichter und Farben*

В деготь крови
венценосной
ночь растаяла
черным пламенем,
цепи сбросила
звездой молитвы зимней.

Жди весны,
весны мертвецки
ароматной,
через сны
царапающей фрески
ватной
слабости и легкости
вина.

Со спящих рыб
на дне берилла,
с потомков ласточки огня
срывает весть душа,
скрываясь в кладке трав.

Возносится пурпурное светило
зари, растаявшей
в гуаши сочных ветров,
плодами утра павшей
в створки глаз —
жди света,
перекрашенного
в лето.

Обрывки фраз
листвы позолоченной,
туманы парков –
осени свечой
погас еще один виток
лазоревой орбиты.

И умерев, как бархатный цветок,
воскресни в иней роз
под зимнею молитвой.

* – (нем.) *огни и краски*

Полонез

Серебристый дождь в висках.
Рыбий взгляд небесного алмаза.
Ржавым багрецом артерии асфальта.
Лето плетью родниковой на губах.
Лето километром жарких гроз
бьет по окнам, по рукам, по язвам

стоптанной травы.
В дверь стучится серая вода.
Влажные туманы-гобелены
поднимаются драконами с земли.
Я стою в заплаканной вселенной
летнего огня...

Фотон. Сопричастность

ожерелье утренних звезд
тлеет
молочными искрами

гаснет ночное
вихревое
око Юпитера

вырванные
огненными языками
с поверхности
термоядерной сферы
частицы света

претерпев
восьмиминутное
паломничество
в пространстве черного льда

в могильном вакууме space

оседают
на коже лице
ароматом
золотисто-кофейного лета

растворяются
шоколадом
южной бархатной крови
и смарагдовой
тканью листвы
в пепельной тени полдня

с бокала вина
капает солнца
янтарь
soul of the sun

Пастораль

Надломленный, хрустящий сук дороги.
Седеют облака в морском разливе неба.
Тряпичный ветер раздувает кровь полей.
Рассвет свирелью падает под ноги.
Рассвет дымит румяной коркой хлеба,
Ключей огранкой режет швы ночей.

Жужжит пчела, цикада точит воздух,
Дорога водит за нос мудрецов,
Дорога верит, только поту с пылью.
Рассвет сплетает мне пшеничный посох,
Ромашковым настоем с багрецом
Пьянит и жмет к земле, чтоб взмыть под синий
Ковер, в небесный взгляд,
В приток Востока.

Импровизация #1. Вечернее

Эфирный вечер.
Березовые струны ветра
настроены на запада огонь.
Наречие
рябинового света
сливается в бутон

закатной розы,
и пленники огня
летят с откоса взгляда
в эфирный воздух.

Ночной костер, слепя
размякший разум,

подбрасывает
хвороста созвездий
и лунной кислоты
помазанникам
бездны,
посланникам любви,
холодной и последней,

и жемчугов песок
и серебра ладью
разносит черной гривой,
на посошок,
на вечную звезду,
на вещь бессилье
пред глазами сердца.

Импровизация #2. Изумрудный пепел

Я помню иней цветов на пальцах
и радугу первой усмешки
сентябрьских рощ.

Лето, что мы схоронили
в сердце озерной памяти,
оно будет ждать нас
на следующей
остановке,

оно будет петь нам
метелью листвы
под ногами,
как непреходящий ветер.

Уснет шелкопрядный прилив
бирюзы и шафрана,
фужеры наполнив дождем
в пляде остывших рек,

тенью скользнет
под сырую кожу луны
изумрудный пепел –
вальс мотыльковый парковых склепов.

Бескровная влага
небесной росы
утолит
свою жажду
печали

кристаллизацией ночи,

и белое золото ада –
снежный огонь –
взметнется сверхновой
на ледяном горизонте молчанья.

Identification*

Я ли
явь,
я ли
явственно
яшмой
и ядом
солнца питаем
сквозь миллиарды жизней и зим?
Не я
и я,
я и они,
они и я –
руны
отлитые
сталью
полярной звезды –
одно –
цветы
в лунном саду
памяти
Бога,
где дважды два –
миллионы столетий и душ.

* – (англ.) идентификация

Соул-дождь

небо
разбавленное
мутной водой
заросшего дачного пруда

дождь
застоявшийся
на берегу горизонта
в расплавленном олове августа

лоза
змеящейся
свирели проводов –

хранящая чужие разговоры –
мое молчанье

и всюду
всюду
липкий пот и грязь
от сладости
дотошной правды
честней которой
только ложь
моя

небо
откровенное
окровавленное
окропленное
верой
честней которой
лишь
безбожие
моей молитвы

дождь
(затаившийся
в прокуренных легких)
разъедающий
кожицу взгляда
расщепляющий
звуки
в сплошную волну
свинцово-хрустальных пуль

лоза
заброшенной
в спешке тропинки –
из огненных маков заката
познавших мое сердце

и всюду
всюду
холод слуха –
блеск темно-ржавых вод
в асфальтовом антике

поговори со мной
август –
хмель золотой
драконьего солнцеворота –
Илии гроза-колесница –
поговори со мной
в разлуке рек
в распаде моей тени

Жемчужина

Все гораздо глубже,
Друг мой,
Все гораздо глубже.
Ароматом цветка
Согревается
Пламя звезд.
Лист опавшего клена вмещает
Целый осенний закат.
Капелькой влаги с карниза
Звенят
Малахиты весенних равнин.
Искра снежинки
Играет
Льдом полярных ночей.
Все гораздо больше,
Друг мой,
Все гораздо ближе.

Карусель

маленькая девочка
давит нежными,
неокрепшими ножками
голубей в городском сквере –
так ее научили любить

танцуйте закатами вишни
моих окровавленных глаз
прядите узорами тучи
каркас ледяного молчанья
я также немного безумен
как брызги дождливых фраз
я также немного устал
как ветер в соседнем подвале

а за окном царит полночь
ясная чистая лютая
а на окне сидит голубь
раненной бледной тенью
раною детской любви
зачем так?
спроси у эха

танцуйте закатами вишни
моих окровавленных глаз
прядите узорами тучи
каркас ледяного молчанья

я также немного безумен
как брызги дождливых фраз
я также немного устал
как ветер в соседнем подвале

маленькая девочка
голубка скверов плетеных
в обойме времени плачет
сидит на карнизе ночи
крылья врачует водкой
пепел от звезд глотая
зачем так?
спроси у птицы
зачем так?
спроси у птицы

Шафран

Платье из плача – дождь.
Лира из листьев – ветер.
Колокол волн колет
берег осеннего света.

Тени аллеи – саван.
Холод зари – золото.
Жатва звездного тлена
в купол осеннего мрака.

Посох из воска – свеча,
что освещает молитву.
Косы из россыпи ветра
в ночь заплетает лира.

Предсмертное дыхание листопада

Осень.
Предсмертное дыхание листопада.
В могильном золоте
вдвойне великолепней
красота.
За воздух –
сырой, дождливый, ватный
прах-бальзам –
цепляется слезою неприметной
ветер птиц.
Мне ничего не надо,
кроме ваших глаз
и кроме ваших уст –
прибой янтарный
в ржавчину дорог,

попынь артерии речной,
нагой алтарь, луны горчащий вкус,
венозных скверов нимб,
надежда на бессонную прохладу
поэзии ночной.
Аорта солнца на разрыв.
По тине окон блюз.
Предсмертное дыханье листопада –
за ним, лишь вечность,
вечность, вечность – миг.

Неизлечимая доза любви

Неизлечимая доза любви –
ее танец смертелен, как сок горячих ключей,
ее плоть капризна, как осеннее настроение,
ее глаза – северное сияние.

Атмосфера огненных шапок холмов
в закатной купели
истлеет окурком ночи,
как и наши слова
о верности снам без любви.

Давай останемся снова
в льняных ладонях вешнего сердца.

Локоны утра падают на беспробудность
губ, охраняющих руны ночи,
ночи, где все граничит с тобой.

По водосточным трубам
спешат дожди,
напомнить тебе о желании,
быть вблизи
этих строк...

Адю

Икона неба крестит облаками
новорожденную фантазию
увядших летних глаз.
Концовка августа светает
соломенной проказой
пещер осенних. Сердца пласт

нарезан листопадом в память,
в горчицу пляжных сот,
в тепло сквозное ночи.
Икона неба тает
дождливым пульсом, потом
пшеничных гобеленов. Прочерк,

я ставлю прочерк
на душе, а за душой –
поет фантазия тропею журавлиной,
теплом остывшим ночи
и росой
с серебряных волос любимой.

Готика

Тонко-кислотная струйка ночи
кровоточит в зрачках фонарей.
В бумажную стружку ветра капает лимфа луны.
Клок отрешенный мертвых созвездий провис до костей
неба, цвета заброшенных шахт преисподней. А у стены,

расстрелянной гнилью дождя, маячит ржавая дама-смоль,
с арфой бескровной через плечо, с судорогой
на землистых губах, с нежным настоем
из эпилептических трав.

Влагой аспидной ноздри по воздуху.
Бродит себе и думает:
“Кто бы подкинул на чай?”
(вскрытой тряпичной веной,
пулей в ребрах осенних).

Водит от савана тенью,
ей же скользит в подвалы души –
здесь ли свеча?
Дышит ли сердце, набитое теплым свинцом?

Я осторожно взгляну ей в лицо,
там будет –
завтрашний день...

Поэт

Подайте на ноту, на рифму поэту,
Подайте грязи из тусклых кухонь,
Из кранов ржавых с водою тяжелой,
Подайте руку с рубином алым,
С бериллом майским, с хрустальным ветром

Фужер полночный, подайте слухов
С петлей на шею, с курком на взводе,
Подайте инея, глины и камня
В колодец слова,
В ручей охрипший,
Подайте травли алмаз граненный,
На рифму, на строчку, на ноту, на соло
Из нервных волокон небесного лада,
Подайте цветов с могильников ада,
И капельку рая, смочить корку горла,
И искорку рая, зажечь свечку взгляда,
Зажечь ночью звезды любовникам боли,
Прожечь поле смыслов на вспаханном сердце,
Подайте на грех святого проклятья,
Подайте на плоть любви бестелесной,
Подайте тепла из газовых камер,
Из млечной зимы, из постелей остывших,
На ноту, на песню, на нить Ариадны,
На пепел дыханья, на право быть лишним.

Экспрессио

О, вечнозеленое пьяное лето,
ты цветешь в моем сердце горячим рубином
закатной пасти дракона,
ты разносишь паучи сети
пламенных вихрей задернутых штор
любовников мессалин.

Как в черной степи цыганского взгляда
я преломляюсь в крови
твоих рудников.
Ты носишь наряды
любви,
любви недостойной,
чтобы писать о ней здесь,
вот так,
без сумбура и страсти
грешных огней светлячков
на обнаженной
груди
мрака.

Медовой тоской обдают меня
твои ветра
у подножия серых бульваров,
немного вина – много вина,
немного огня – много свинца и огня
из револьвера, из жала
жажды,
дважды,

трижды,
до бесконечности,
дна,
до разлуки
с собственным словом
и делом.

О, вечнозеленое пьяное тело
летнего полдня,
вспомни меня,
когда будешь корчиться в волнах
коррозии
ливней осенних,
проседью
загребая
лучистую сыпь
маяков безразличья,
мы повернем с тобой время
вспять
на ножах,
на разбитых стеклах
матовых луж,
мы найдем с тобой повод
убить это время
с любовью
и нежностью норда.

Nei giorni feriali tranquilla*

Дождливый вечер на трехцветном горизонте,
в трехкомнатном пространстве, в трех шагах от сна,
на трех китах – табачный дым,
серотонин
и кофе.

Вид из окна,
снаружи –
мы коротаем время по углам.
Не в первый раз, в десятый, может в сотый
ты ждешь холодный поцелуй зимы,
и веришь в первый снег,
как в первую любовь.

Дела не так уж плохи,
когда нет повода для резких перемен,
и звездный дым
подстать табачным крохам
в развязке вен.
И стен
молчанье,
приливает в кровь

ноктюрном...

* – (итал.) тихие будни

Густая свежесть

Какая сочная прохлада стекает с твоих жил, воронка преддождливой плоти,
и как полощется на бледном цвете неба атмосфера опустевшего угла,
где разбрелись прицелы едких взглядов, где вымерли следы дневного пота,
где каждая струна расстроена, симпровизирована в музыку крыла,

изорванного тенью студня-ветра. Какая сонная любовь колдует над ветвями,
и как стремительно стущает краски тлен подброшенной листвы.
Стрекозы проводов набрали в рот воды,
в которой, каждый атом тишины алмазное вытачивает пламя.

На остановке, в вакууме слов, лишь шум дороги просится на сцену –
немую сцену, мраморный зрачок, впивающийся в серую простуду
на облачных надоях. Так наслаждение тоски скрипичный ливень будит,
так радуется небо вскрытой веной.

Ожог

Соленый ветер – душа, зовущая к морю –
шли восточку –
песню прибоя
разрывом сердца о скалы,
шли пенную, млечную
влагу,
и медно-серебряный дым
с вечернего мыса.

В пальмовых нимбах,
в сапфире прохлады,
в свечах кипарисов
живет твое эхо, звенят твои храмы,
лозы льются соки,

и я
за углом,
за бортом,
у огня
твоей южной звезды,
первый в очередь
на ожог,
на расстрел глубиной
горизонта.

Импровизация #3. Полночный вальс

Луна, отзовись приветливым льдом,
Сыграй на разбитых клавишах.

Мы вдвоем,
Слышишь, вдвоем,
И никто не мешает
Нашим сердцам
Биться декабрьским ветром.

Луна,
Взгляни на меня
С креста,
С черного пепла
Разбросанных волн
Неба ночного.

Мы вдвоем,
Слышишь, вдвоем
Прождем, прождем
Дорогу к закату
Из ядовитых цветов,
Из гранатовой пены,
На порванных струнах
Нашей любви,
В попутном огне
Темных аллей.

Тишина Sunrise

Купаясь в лучах восходящего солнца,
Забудь, что мы существуем,
Забудь обо всем, что важно,
Пока
С бокала зари
Не упадет
Последняя капля
Утренней влаги,
И ласковый сон
Травы
Не разрежут глаза
Пыльного полдня,
Пока шрам горизонта
Не стянет
Облако дня,
Пока сок
Скалистых ручьев-
бриллиантов
Не разбежится
Шумом
Дорожных полотен.

Леди Либерти и Тысячелетний прилив

Свобода – сердце поэзии, данное нам однажды, но позабытое – мечта на руинах времени – солнечный холод осенней листвы – я пытаюсь собрать ее опыт (как мозаику) – причину – страдание – вид ее алых крыльев в рассветно-закатных стаях небесной любви – что, также, есть слов океан, ведущий свои горизонты сквозь небытие к открытию пасмурных звезд поздней осенней флейты.

Плакать в платье песка
и любить море,
насколько хватит соли и бриза;

слизывать тени аллея
подошвой осени зрелой;

тело кутать в стихи и стихии –
это значит любить до конца,
до весенней шизофрении.

Лилией выплывет солнца ладья,
чтобы пелось светлее
на слете воскресших.

Утешится тьма
океаническим дном.

За окном расплетутся деревья
и узелки на память.

Станет немного необходимей
жить, дышать, бежать,
курить, глотать, говорить,
писать, и много еще чего,
о чем стоит молчать,
перед плачем в складки-сливки песка,
насколько хватит соленого ветра.

Отметкой, зарубкой, занозой
остался, прорвался, разбился –
слезой бирюзы скатился по ветке
волны – притаился ракушкой-затворницей
с жемчужиной сердца на глубине.

В окне неба – тысячелетний прилив –
золотая жила, душа созерцателя птиц.

Не помню лиц – помню,
лишь всплеск улыбки на смуглом лице
продавца африканских масок –

властью, данной ему солнцем,
он объявляет меня
триллионным первопроходцем
любви.

Снежно-дождливой свечой

На горизонте осень, и у меня затишье,
Плесканье рыб в аквариуме снов,
Прохладное четверостишье
Зари, прохладный хор цветов
В соборе расцветающей кончины,
В потухшем лете, в тлении костров
У погребально-золотого алтаря.
И все сильнее и беспричинней
Медь ночи призывает, говоря:
“Туши свечу и пламеней бесчинством
Арктической надежды ноября”
А я, что я –
На горизонте осени
Растаю прахом песни, млечной точкой,
Уйду от всех, залягу в тишину,
Возьму для сердца хмеля колокольчик,
Да табаку от звезд слегка черпну.
И будут ночи,
Будет смерть огня.
Дождливо-снежною свечой
Воскреснет пламя...

mélodie

А вокруг – земляничная поляна...
А душа – расцветающий июль...
А вдали – багровеют небеса...
А в руке – пульс дождя, да шум травы...
Эхом пьяным
разгорелся птичий гул.
Чудеса –
только в сказке, мальчик мой,
только в сказке.

(только в сказке, да любви,
только так)

Свободные колебания

Сумятица и стон, и хлопанье в ладоши,
Как всплеск драконьих крыльев,
И наводнение солнц, и гроз стальных зубцы,
И дым из под колес, как адское дыханье,
И слезы пустырей, и запах жженных трав,
И черное венчанье, и белых облаков
Покорное молчанье, и леденцы проталин,
И лепестки костров у мертвых перекрестков,
И скомороший смех с молитвой у гортани,
И заводи камней, и мякоть злых песков,
И старые слова, и новые злословья,
И родниковый посох, и расстановка звезд,
И вечной мерзлоты смиренная любовь,
И бабочка души, залитая водой,
Водой из подворотни, водой слюды лесной,
И ящерицы рек, теряющие шлейф,
И я – больничной сыпью – я болен этой жизнью.

Фразировки

Небо широко дышало, полной грудью, в полный рост...

Маски кошмарных снов, не оставляющие меня, или я их – карнавальная топь прозренья-познания, узкая щель лунного света в ночной галереи отчаянья...

Влажные губы прибоа остановили сердце, чтобы стать им самим.

Лазурь играет на солнце, лазурь твоих ветреных мыслей, мудрец-мессалина.

Слепота, иллюзия ночи, трудно бороться со сном на расстоянии искры упавшей звезды, мертвой звезды, вставшей вопросом о восходах во чреве землистых глаз.

Смотреть на тающую сигарету в дверном проеме “вчера”.

Время на струйке обрыва споткнулось о слезы плоти.

Осенней скорбью одухотворен...

В болоте взгляда вязнет звезд роса, пустыня ночи неподвижна и смиренна, я ей знаком не понаслышке, по любви.

Рубиново-желтая вязь осеннего вечера, как кровь огня, пролитая на глаза усталого странника, как улыбка печальной лилии сердца в поиске лунного эха.

На вратах солнцеграда горит щит зари.

Не прикроешь листвой наготу своих мыслей, когда ветер спускается с гор.

Момент поэзии, полет степного орла над вечностью, искра души с костра преисподней.

Любовник осени

Нежное, как сам дьявол, восходящее солнце сентябрьских глаз
Моей любви, дрожащие пальцы ветра в перламутре ее волос,
Яблони губ, созревшие огненной плотью рассвета, ей сейчас
Особо нужна, жизненно необходима гроздь

Виноградного сердца, той, чье вино – созерцание
Бриллиантовой чаши в ожидании поцелуя дождя,
Той, чьи шаги – тень, глубина, фрески на куполе неба, отчаянье
Побороть в себе красоту...

Тонкий шарм

Тонкий шарм –
чуткий шрам
на земле от дождя,
от тумана осенних рассветов,
от вина золотого, лиан
проводов,
что хранят осенние тайны.
На границе
света и тени
ютится
листва в тонах прелого солнца.
Поздно,
поздно грустить о покинутом,
скинута
в воздух
роза осеннего пламени,
раненный
август
уже не жилец,
уже не наперсник
любви,
а, лишь память дорог.
Сердце ведет под венец
песня
северной мглы,
черно-хрустальный ветер,
льда золотого рог,
что звенит в облаках на рассвете,
и скорбит
великою силой надежды –
эти одежды
царских кровей,
все горит
несгораемым светом аллея,
тонким шармом

печали безбрежной.

В янтарно-вельветовом платье

Я теряю слова
в янтарно-вельветовом платье осенней бабочки,
я задыхаюсь сиреневым небом заката,
и шорох полноточной листвы наполняет окна
смехом и плачем,
злаками звезд и ватой
растленных любовью снов. Я потерял заботу

о завтрашнем дне,
когда руки твои пригласили меня
станцевать
вальс перелетных птиц,
когда в тишине
глаз,
ты предоставила право любить
моим губам, обветренным листьями

ночи, любить бесконечность влажного ветра
с заросших полей,
с измятых тропинок осеннего света.

Когда я отыскал в старом чулане
сердца
ветхие крылья рассвета
влюбленной луны
над нами,
в окне,
я потерял слова,
в надежде сказать больше, чем мы
казались сами себе.

Ты убила меня на рассвете. Признание

Ты убила меня на рассвете,
В серебре осенних туманов,
В листопаде дорожного пепла,
В пробужденье кофейного взгляда
На согретой луной постели,
На дыханье ночных занавесок.
Ты любила меня на рассвете,
Когда солнце кровавой фреской
Расписало лицо и руки,
Эти руки убийственно-нежно,
Как весна, как весны подснежник,
Ниспадали на сердца сухость.
Ты убила меня, этот ветер

Ядовито-пустынной печали,
Мне осеннее солнце светит,
Золотой короной венчая.
Ты убила меня случайно,
Сном росы, цветением лилий,
Перламутром в агатовой пыли
Осыпая нагое молчанье.
Я разбился в запах, в мотив
Твоего предрассветного плена,
Я для прошлого мертв, я жив
Настоящим звезды осенней.
Я в распахнутом дне-окне
Наблюдаю янтарь-приметы,
Ты пришла рассветом ко мне,
Ты любила меня для рассвета.

légende*

зачерпни прохлады сосен
что дымятся синью
на полях
словно саван
укрывая вечный сон
созерцанья

здесь любовь
зари рубином
над полями
вьет гнездо

здесь влюблен
здесь переплавлен
каждый куст
клочок земли
в дуновение малинового веста

здесь окрестности
прокурены дождем
что душою в родниках берет начало
облаков печалью
светлой
подпоясаны в нежнейшую тоску

набери прохлады чайной
в свое сердце
тень в лесу
тебя проводит
наугад
до развилки песен млечных
звздопада

* – (фран.) легенда

Осень. Дождь. Окно

Осенний склеп.
Болезненно-дождливо.
Вода съедает солнечную пыль
и жалит окна дробью влаги серой.
Деревья выбиваются из сил
в неугомонных оплеухах ветра,
разбойного осеннего припева,
холодного узла на шее неба.
И пустота заметно
ширится в пространстве,
душой бесцветной тает
в легких, на глазах,
ладонях,
и пустота в ручьях змеиных тонет,
и отражается на маске
злых фасадов
нотою прощанья.
Кристаллизуется сонливая метель,
что дует из щелей
и подворотен
соломенных картин.
Осенний склеп.
Болезненно-дождливое молчанье
у окна, где дым
воды застил ознобом лето.

Талое золото

*Темнело, и расширились кошачьи зрачки.
Пьер Реверди*

Кровью кленов горит земля,
пеплом дождей умытая,
изъеденная, отравленная.
По чешуе аллеи скользит
стон золотого тления,
талое золото осени.
Раной глубокой разлито
небо слепое, пьяное,
ветренное.
Спит
на карнизе память
о солнечном меде.
Роем пчелиным носятся
тучи косматые,
жирные от
слезоточивых струн.

Еще несколько лун
и тревога
уйдет, покинет
мой храм-подвал,
ее сменит длинная,
длинная ночь
с осколком Полярной звезды
в кошачьем зрачке,
ее сменит хорал
сквозняков на застывших губах
свечи.

Талое золото #2. Флер

кружева табачного дыма и кофейный сумрак осеннего утра
на часах – сентябрьский ливень
на глазах могильное солнце
в плешь бульваров туманы распутал
кистью сырости ветреной воздух
воздух первых лучей с погоста
неустойчивого горизонта

промокнув влагой окон сонный взгляд рассвета плетутся будни
собираются в стаи волчьи
окрыляются жаждой льда
за душой кленовое пламя
впереди – золотое блюдо
на котором лимон листопада
отдает кислинкой дождя

кружева табачного дыма и кофейный сумрак осеннего утра
замешавшись в запах соломы
льются прелым осенним туманом
за скрипучим засовом ночи
я найду золотое блюдо
на котором танцует танго
тропка бледная лунной свечи

Храни тишину своих слез

Осень сняла кожуру изумрудного яблока августа.
Безмолвствуй, храни тишину в туманном шафране
влажной воздушной шали,
храни тишину своих слез.
Расплывчатым взглядом пьяницы

лезут под ноги лужи,
лезут за шиворот
сквозняки.
Встретимся у реки,

у белоснежной, лилейной реки
за лугом из желтых букетов памяти.

Солнца кратер запружен
водой, мякотью
лиственной гнили.
Топка остывших созвездий тянет
в логово снов без сновидений.
Спасает
малиновый чай и шахматный плед.

Мгновение –
это то, что мы потеряли,
сейчас,
в талых лучах листопада,
сейчас,
в заметках незримой любви
на обрывках вчерашних газет.

Писать твой портрет углем

писать твой портрет углем
самой глубокой ночи –
моя наука терпенья –

когда на каемку сердца
стекается лунный воск
когда набухают почки
северных звезд и вместе
сердце и звезды – пламя
твоей бессмертной весны

писать твой портрет словами –
под силу лишь песням
птиц
под силу лишь эху
гор
под силу лишь свету
тьмы
самой глубокой ночи

Земляника

Ты проснулась,
Земляника-роса коснулась
Твоих губ,
И раскисшее осенью облако света
Село на край постели.
Переплетением рук
Из пряжи янтарной

Ветви играют в окнах рассвета,
Но мертвая хватка расстрельной метели
Зимней палитры
Уже понемногу болит
За углом.
Твой дом,
Наводненный фантомами сна,
Мне говорит,
Даже в самый смертельный холод,
Даже когда,
Движение нестерпимо,
О последнем, как первом, вздохе любви
На отрезке пьяного золота.
Глянец рассвета в луже окна.
Сонная пантомима
Ветвей.
Ты пробудилась,
Юной фиалкой искрились
Глаза,
И ястребиным криком зефиров
Разбились
Ставни
Спальни
Твоей.
Как мило
И больно бросать тебя здесь,
До колокольчиков вечера,
До отвесной,
Фривольной
Вечерней зари наших сердец,
Погруженных в раскаты тепла,
Встречей
Ночного зноя...

Сутта

Проснись! Проснись! Что ты дремлешь?
Какой сон у сведенных отравой страданья,
меланхолией ветоши
зимней дороги, преданием
вьюги ночной!
Проснись! Учись жизненной силе, сведущей мир,
чтобы смерти скупой венценосец
не использовал эту тоску,
не обольстил.
Победи желание,
узел людей и богов, жажду-звезду,
обжигающую
могильным лучом.
Не теряй
твердого счета

минут.
Бдительность и размышление
вырвут стрелу
с ядом аспиды беспечности,
бдительность и размышление
приведут
к высоко поднявшему факел, зажженный
от лунного света уединенья,
от листьев
осеннего уединения.
Баста. Финал. Бесконечность.
Пустота в пустоте – вдохновенье.
Будда склонился над трупом моих мыслей.

Докурю полдень

Докурю полдень. Выпью вечер. Нарисую ночь.
Утра источник
вдохну сандалом и медом твоих волос.
Дымом осенних роз
солнце заправит постель.
Сонная тень
занавесок
растает раскуренным полднем.
Я буду помнить
каждый глоток
присутствия
в сутках
осени ранней,
раненой
сталью дождей и влагой любви
ключевой.
Воздух вечерний. Шепот ночной.
Утра огни
в туманном золоте твоих волос
скользнут прохладой речной.
Струны настроит
ветер осенний,
и понесет
опять
сердца хрустальную проповедь
к западу,
к тающему горизонту,
к звездам
нежного полдня.

@ромат

Te quiero, te quiero* –
молилась луна

в фиолетовых сливках неба.
Te quiégo, te quiégo –
ветер носился
в сладости смолы ночной химеры.
Te quiégo, te quiégo...
Испанских ресниц лучи,
словно заката веер.
В руки огнем просились
цветы
с летних пожаров лугов.
Te quiégo, te quiégo –
это
ищет
трещину,
это ищет любовь свою
птица в моем сердце,
вдыхая млечную сажу
созвездия Лиры,
не зная не время, не места,
когда задохнется музыкой вновь,
ладаном музыки с плеч
андалузской грешницы.

* – (исп.) я люблю тебя

Багрянец (Blues)

Дух осени –
расстрелянная ласточка –
ожог фантомной боли.
Крадется сердце проседью
в багрянце рощ,
и колосится в поле
ливней урожай.
В осипшем горле
водостоков –
гниль пряности
и холодок угрюмый.

А мне – не жаль,
мне пить до дна
микстуру
свинцовой крови
рек
в туманной жабе
солнца,
да у окна
срисовывать закат.

А я, не прочь,
колоться льдом поутру,

и перламутром
лиственной волны
гнать тень в глухую ночь,
во взор совы
бросать крыло нагое,
свинцовой кровью рек
смывать следы
растрат.

А я, точь-в-точь,
как неба влажный лепет
сквозь дымчатый рассвет,
лесов карминный пар,
дрожащий зверь-
октябрь –
завет
в слепую ночь,
пристанище потерь.

Blues #2

Зари холодный пот с души-прохлады.
В ореховой скорлупке мозга
цветет сентябрьская роза,
как переносное чадо.
И будет осень, будут кости,
и прах, и пепел, хлеб на них,
словно с немых полотен Босха
сошел зловеще-вещий крик.

Как ты оброс желтушной плотью
простудный сон-сентябрь.
Износенное тело
безлюдных скверов,
и тишина внутри,
в ней пасмурная степь
дымится мелом
утренних туманов.

И нам с тобой гореть
на перепутье
листопадов-
ливней,
на горизонтах, что могильная ограда,
в железных лапах
неба из стекла.
Твой взгляд – мой взгляд –
прямая линия –
и между ними
лилии
пустынных звезд,

любви осенней фатум.

Диапазон Silence* (Blues #3)

Кто сердцем ночь постиг

И кто надеялся напрасно столько раз -

Свободен от надежды.

Фернандо Пессоа

Все, что мне нужно
этой ночью –
фонарных язв
и луж
сочувственный оклик,
мокрых окон
почерк
смуглянкой-росой,
да небеса
в клочья побитые
звездами.
Свет в плафоне горит
кислым лимоном
осени.
Все, что мне нужно – немое
пространство,
кофейная гуща и слезы
густых благовоний
под потолком.
Сердце проронит
музыки тонкую струйку,
и дом
наполнится тяжестью
пьяной сирени.
Пусть все окажется –
ненавящево-
свято
(вовне и во мне),
пусть все привидится
смертью во сне,
и пусть
привяжется
боль вдохновенья...

* – (англ.) - безмолвие

Лаборатория

душа осенняя –
вольфрамовая нить
в перегоревшей лампе взгляда

медвяный сумрак
низменных страстей
открыл мне высоту моих падений –
так научился боли и полету

липким воском
на ресницах
сон рассвета
сон осенний –
моя смерть

столкнувшись
сам с собой
был удивлен открытью

живительная влага
вин лучезарных autumns*
и ты здесь
мое сердце –
бокал хрустальных слез

* – (англ.) осени

Охра (Blues #4)

Озноб пустоты
и кричащий дым сигареты.
Убитое лето
и трупный запах листвы.
Разбрызганный кофе
ночного остывшего неба.
Зализанный, бледный
лоск окон и грохот
костлявых ветвей.
Нерв огней фонарей –
электрический яд.
Полярные боги
овчиной туманов
кутят
по разбитым дорогам.
По венам воздушным
в удушливом
цвете охры
шепчу –
неплохо
для дьявольских козней

искуса ветра.
Час поздний –
день спетый –
луна льется рогом
кремнистого изобилия.
Я в парус тряпичный
глаз ласковых кутаюсь.
Прибрежье
штормит от спирта и сна.
Бессилие –
это пропасть надежды.
Et punctus.*

* – (лат.) и точка

Пастель

Виолончель садов осенних,
мышьяк заплат дорожных,
и не искать уже спасенья,
и паутина неба тлеет
кленовым сном заката.
А ты молчишь, так осторожно,
так чисто и прозрачно,
окутав в чувственную мяту
дрожащий бархат губ,
что грубый ветер, ветер-плут
под ноги стелет листья,
как шелковые кисти,
как облако объятий
в сиянии воздушном
болотно-синих сосен.
Железные качели
осеннего течения
скрипят от ласки солнца –
все для тебя –
тебе послушны
и легки.
Играют тени бал.
Холодный берег, всплеск реки –
и нас целует осень,
и мы так далеки
от декабря-дракона,
от погребальной службы
белым льдам...

Ткань дождя. Баллада #3

Когда закончатся слезы дождя,
и прорвется черное солнце осени,

когда нас оденет сладкий туман октября
в догорающих утренних звездах,
и смертельная скука листвы
заполнит глаза неба,
скажи мне, что мы
живем, скажи мне, что мы умеем
любить, как солнце любит луну.
Когда разольются аллеи светом
бордо, и мы выйдем к ручью
молчанья, напившись соснового ветра,
скажи мне, что мы не зря
любили бродить босиком по стеклянной росе
тайных желаний. Сладкий туман октября
под одеждой вновь соберется в жемчуг.
Вспомни меня во сне,
когда будешь срывать снежный блеск
с ткани дождя...

Люминесценция

Затмение окон
в фиолетово-снежном облаке.
Ломит кости.
Седая туманность в глазах кошки.
К дождю.
Воздух просвечен золотом
с болотным оттенком.
Березовой крошкой
зимы
дышит в затылок ветер.
Люблю
Тебя
люминесценция мертвенных снов,
пепел-дымок холодных цветов,
металлик предлунной дороги,
зазеркалие луж и анкет
безымянных легенды.
Люблю,
когда к дождю,
когда бледное
в моде,
когда в сердце пьяно-кленовом,
растущим закатом слабого солнца,
бьется
огонь ледников.

phantom отчуждения

твоя бледная кожа,
ночи январской осколок в глазах,

твои дрожащие губы,
их иней, их привкус сонного мака,
и ветер лаванды, вьющийся в волосах
терновым венцом...

твои надежды и страхи,
твое лицо,
сохранившее парков тенистую слабость,
свежесть и одиночество –
белая оспа дорог
занесла...

в сердце закралась
точка
не возвращения –

тонкой корочкой льда запечатана,
марками тусклых звезд проклеена,
отправлена
с метелью рассвета...

Ты не заметишь,
как быстро умрут эти праздники,
расплетутся
бутафорские
узоры цветных карнавалов,
и останется,
только привкус отчаянья
каплей полыни серого утра.
Зачем же ты ждешь,
зачем ты обманываешь себя,
зачем обнадеживаешься
духом свежести?
Печальная радость
вчерашних осадков
не даст спокойно заснуть.
Все тот же грохот трамваев
пройдет по окнам
волной скупых пересудов.
Моя любовь
останется
в глухих облаках зимнего сна,
на ржавых лопастях
зимнего солнцестояния,
промерзлая
и прекрасная
в прикосновении
безлюдных
вечерних скверов,

на расстоянии
одного толчка
в пропасть февральских садов...

Перспектива

Слышишь, ни звука.
Луна, как заплывшая жиром шлюха,
отдается сирени ночи, воздуху спален.
Видишь, смоль прорастает
пьяным бродягой по переулкам пустыни,
сахаром тает, лаает
шавкой на привязи звезд.
Ветер дамасский клинок приставит
к горлу и резанет, срезонирует с грустью
мостов. Слышишь – ни звука – мороз
по коже – страхи, стихи, тени –
и что-то в груди пульсирует жалом розы...

Набросать ночной октябрь (нуар)

С тонкой проволоки пальцев,
с льда искусанных ногтей,
с вен, набухших ядом вьюги
теплоты частицы смотрят,
улыбаются, смеются,
разбиваются стеклом.
Под ногтями грязь асфальта,
дым желтушный в легких водит
хороводы кашля, влаги,
взгляд в туман ползет кротом.
И картонные коробки
магазинов шлюют открытки
в черно-белую ватагу
глаз, спешащих выпить чай,
просушить больные кости,
завалится в сон, отлитый
из приглушенной печали,
из парного молока
забытья, из незабудок
сиротливых звезд погоста
городского небосвода,
непогоды городской.
Многомерная любовь
в одуванчиках перин,
ветер обольет виски
темной краской рук холодных.
Набросать ночной октябрь,
и опять грести, скрестись
в шрамах чисел, в горсти слов

скальпелем тупым и нежным.
Горделивая Венера,
твою плоть, твои страницы,
расписали блудным стуком
шпильки мотыльков ночных,
впавших в шорох мокрых листьев.
Обвести – душа вокруг
октябрём ночным клубится,
под свирели сквозняков
пляшут петли, как удавки,
шаркает подвальный дух,
сводит скрипом пресным лавки
от наплыва пустоты,
и невидимой тоскою
собирают прах по урнам
время, ветер и частицы
теплоты с холодных рук...

Чаровница

Черная чаровница с хрустальной душой ручья,
мимолетная бестия летнего ветра
в декорациях сентября,
невеста на алтаре из дождливого света

и сумрачных облачных стай
над кумачово-желтым кортежем
обочин. Ландышем тает
озябшая свежесть

нашей летучей встречи, нашей воздушной прелюдии
в паучьем бархате полупрямых рассвета.
Голос осенней поэзии будет
нашим проводником до момента

обрыва на линии глаз,
сверкнувших солнечным зайчиком грез.
Малиновой дымкой обдаст
шепот невидимый губ, и затаивший дыханье вопрос –

до завтра? – повиснет на сердце теплым эфиром.
Черная чаровница с хрустальной душой ручья,
пламенем окон, деревьев, домов обнаженная весть,
найденная рассветом,
моя и ничья,

перышка утренний взмах
у плеча,
в потоке машин,
на интимной ноте негласно-
взаимных сердец.

Жди, девочка (Нежней мадонны Рафаэля...)

Нежней мадонны Рафаэля,
кровоподтеков юных зорь
и ласковой воды апреля
ее холодный взгляд сквозь боль
ночной души. К ней бархат сходит
под ноги, и вина нектар
пьянящей каплей в ней находит
свое подобие и дар.
В ней растворяется любовь,
она - всегда наедине,
под звезд фатой, в свеченье снов
принадлежа сама себе.
В ней блеск, точенный под алмаз,
в ней созерцанья сладкий дым,
сквозь боль душевной ночи глаз
ей плачь теплей и горечь зим.
Боготворя стон тишины,
и рваный, острый нерв метели,
железный скрип объятий тьмы,
нежней мадонны Рафаэля,
все отрекается, любя,
все ненавидит, и страдает,
она еще, еще дитя,
она еще, еще не с ним,
она еще себя не знает...

Слезы рябины

Слезы рябины в окне.
Мышью летучей плавает взгляд по стеклу.
Потенциальной энергией снов
хлябь небосвода схоронена заживо.
Сырость обоев сроднилась с дождем.
Шелк паутины в углу
ловит хорал сквозняков
многоэтажных.
Эхо, промокшее эхо, упало в прихожей,
эхо солнечной браги.
В зеркало, в тусклое зеркало
смотрит туман дверного глазка.
Вселенная расширяется дрожью,
сужается до размера огня
в камине. Вектор,
сломанных ветром цветов, нарисовал на песке
прибой.
Дневник подытожив
осенний,

точкой заката, кляксой рябиновых слез,
мертвенный пульс в виске,
осторожно,
нащупал плечо тишины
в теплой ткани халата.
Проникнув во взгляд,
слезы рябины
воспламятся ядом
осени, тлением мертвенных звезд,
населявших поэзию мира
миллионы эпох назад...

Ночигарь

Восходит ночь.
Лежу в траве, отравленной свинцом луны,
и слушаю реки седую повесть.
Виски осыпав млеком звездопада,
и прикасаясь к пустоте вселенной
покрытой инеем щекой,
срываю голос об молчанье сердца.
И мне доступен ветер этих мест,
и теплое дыхание в груди
ночной пустыни.
Объятья неба, шерстяная смоль,
укравшие цветок святой с ладоней
новорожденной тающей весны,
все призрачней, прозрачней и тесней.
Горит огонь вдали –
то странника светляк.
Ночь будет длинной,
смерть короткой и проворной.

Отголоски

Я чувствую, как декабрь под лопатками хлопает крыльями,
хлюпает носом, разбредается темными ульями, кровью подвальной,
наростами льда и снега на скатах крыш, убаюканных ветром полуночи,
пробивает насквозь дыхание.
И ты стоишь посредине нагого пространства, агнец невинный,
колышешься прутиком вербы, каменистая вена реки
целует твои глаза, внимающие какофонии сумрачных
грез. Тебе ли бояться белого пламени декабря,
когда след твой - южная песня чаек, зеленые ставни
кедровых аллей и роскошь жемчужного дна океана;
когда шелк твоих слов – прелюдия ленного солнцестояния; твои дела –
видимость первых лучей зари; твоя дорога – нить Ариадны,
золотистая струйка солнца с теплых окраин апрельской звезды.
Я чувствую, как декабрь шлифует вьюгой ножи,
вяжет проблески едких стрел, готовясь к войне

с любовью парков, защищенных, лишь невесомой слезой рассвета
с глаз твоего вещего утра...

Фиолетовый саван

Палящая фиолетовым саваном
звездная ночь над полем,
орошенном кровью молочных сердец,
где растерзанной плотью, земле,
приносила жертву
война,
от которой кормился стервятник
с царских подмостков –
помнишь ли ты
облако слез
матери,
превратившееся в цветы
на могиле безвестного рядового –
увидишь ли за горизонтом
угольных, опустошенных глаз,
как еще одни окна воскурят
свечой погребальной
свое одиночество.

Стена

Глянец за темными стеклами автомобиля,
с биркой-клеймом, почти, как на трупе –
“высокопоставленный”, будто самим Господом Богом,
(а может, оно и так, образчик иронии черной)
столь ненасытно алчет казаться себе кукловодом,
и дергать за ниточки этих никчемных,
бедных простых смертных,
сам издерганный, скрученный
страхом нетленным потерь,
потерь высоты, пиетета трибун и себя.
Ты прости ему, дикому,
заблужденье его золотых сундуков,
каменных идолов
с пряным душком, идущего по головам,
его забытое в спешке сердце,
набитое химией определенных кругов,
его тронные залы, особы, погоны
погонными метрами,
когда-то и он был человеком
широкой души, с нежным млеком
у рта, беспомощно и безвозмездно,
зовущим из люльки тепло материнских ладоней...

Эолийский лад

Младенец, кормящийся кровью
октябрьского листопада.
Евангелие от осени,
прочитанное
у стены янтарного плача.
Дождь скопил в гортани прозрачной
сказки тысячи и одной ночи.
Обещанная награда
за голову солнца –
белый ветер камнем на шею.
Ищи же скрижали завета
гуталиновых облачных рек,
простреливших небесную толчу,
в них туман отпечатков пальцев Венеры,
возлюбившей луну
в бреду насилия ночи.
Обреченная дымом листвы,
драгоценная медь заката,
как многие тысячи лет
одиначества,
как билет
в одном направлении.
Филигранное увядание
изумрудом в осеннем колье.
Орфеика эолийского лада
в тишине многоточия.

Метроном

То ласковый, то грубый
дождь,
и винный цвет листвы
усталым фоном...

Не ждать, но верить,
разбиться в щепки,
чтобы быть полнее
от любви...

И осудить печаль, и разложить вишневый
обугленный закатом горизонт,
из рук ежовых выпустив голубку...

Не спать, но видеть сон
в твоих глазах,
лоснящихся росой
нагого утра...

Вот даль шумит, вот ветер в камышах,

вот солнца мак
скользнет с лица улыбкой,
вот мраморной волной
вдохнет небесный край,
так, что рукой подать до глубины...

Черновики листопада

октябрь,
изливающий семя пустыни,
тупик
серого неба асфальта...

воскресный вечер,
опохмеляющий коньяком
осеннего заката...

поэзия, поэзия –
дать прикоснуться к своей душе...

выжженные черным песком
глаза ночи,
освещающие бездорожье сна –
точка инициации внутреннего художника...

очарование холода,
выкрытое случайным прикосновением...

однообразно глотаю
сырой туман окон,
кашель дождя,
пробивающий бронзу луж...

Черновики листопада. Акт второй

отброшенная осенью тень –
прекрасный отшельник, играющий с ветром
в лучах пожелтевшей листвы...

ужин воображения
из надкусанного фрагмента
облачного пирога
на скатерти заходящего неба...

ловля, крупницами памяти, летних дождей
под ногтями обочин тепла,
где соломой-травой горчит дыханье земли...

в море стеклянных зрачков –
шепот минут

движением звезд над ледниками крыш...

чередa состояний,
частицы живой, тонкотелой души,
разошедшейся на лоскуты
желтых дорог –
судьба, назначение, жизнь, любовь, слова,
способность читать сны...

эфир табачного тления,
легкость падения в многомерность
импровизацией джазовой сессии...

ореол одиночества
на маслянистом пейзаже за дверью,
ведущий из дома в дом,
где хранятся убежища
мертвых предметов, вещей, погоды и грез...

По ходу движения воды

глухота парового котла остановок,
изумрудно-влажная водоросль скидок
с фасадов торговых центров,
глазницы моллюсков из раковин офисных бань...
а я, люблю слушать стихи (мне некогда плакать),
глядеть под юбки бабочек-звезд,
на жидкий кристалл утомленной сонетом луны,
благословлять облака и герань на столе...
керамика ртов,
жующих вчерашнюю партию в покер,
на горле сухом
засаленный галстук магических формул счастья...
что мне спросить, чтобы стало теплее?
вещая моя бабушка,
молчунья, лесная душа,
совсем растеряла петельки и спицы,
видно, пьяница внук, April*,
ангельским хмелем и ветерком
давно не проводывал твои задворки –
не опоздать бы, последний автобус сегодня, всегда, здесь,
когда опустеют все расписания...

* - (англ.) апрель

Лихорадка Yellow

Протрезвеет утренней прохладой
сажа полуночного костра.
Осень, осень –

талым шоколадом
солнце,
прелый воздух в снах-корзинах,
дождь дробится оземь,
проседь горизонта,
лихорадка
и туман в крови.
На ботинки прыгнет листопадом
желтый вальс,
озябший дух огня.
Небо коррозионной маской сшито,
по следам-слезам
слепым лучом веди
октября развод бездонно-лунный,
что на окнах влажных,
где всегда,
пульс застенчив,
взгляд тускней земли,
красноречьем дышат ветра крики,
и любовь – воды июльской жажда,
и постель – застывший сад любви...

2 вариант

Трезвеет утро серебром росы.
Огонь полночной сажы в легких.
Осенний свет –
смоль негатива.
Поплывшим шоколадом
матовый рассвет.
Сопревший воздух грез.
Крошится дождь за ветку горизонта.
Нервическая тень в подкорках глаз.
Подошвы залипают желтым танго
озябших листопадов.
Коррозия небес,
колодцы слез пустых,
слепое направление луча
в разметку крыш
бездонно-лунных.
От молчаливых окон –
робкий пульс,
землистый взгляд.
Не в ноты ветру биться,
любви бродить июльской жаждой,
садами снежных роз.

Мед с молоком (miniature)

Как снег в ладонях тает солнце,
и обнаженное тепло

струится в спальню.
Глазок Сатурна, оловянно-травяной,
дым маяка на лоджию отбросит.
Органом заиграют
страницы черной тишины.
Мед с молоком – бессонница твоя –
тебе не спится от тепла свечи,
танцующей моим дыханьем.
Под потолком
всплывают звезды океаном.
Лазурных сосен обволакивает свежесть.
(И пусть, все, только мнится)
Мы, как лесные птицы –
одинок и прекрасны.
Здесь для всего – любовь,
все властью ночи выжжено на сердце,
которое сгорит в одно мгновенье
эфирным замком.
Не таи печаль, слезой луны утешься.
Рассветной тенью феникса вспорхнуть,
под звон осенних струн –
записано на рунах узелков ладони.
Мед с молоком по ветру простыней –
читаешь ты, оглядываясь нежно.

Миниатюра #2

Томатной лодкой в облачном прибое закатный вестник.
Мне интересен
смысл небытия и акварели старой на стене
письмо-мираж из прошлой жизни,
молчанье женских глаз в окне
из листьев и дождя,
крылатые капризы
непогоды. Мне интересен
код твоей улыбки,
с которой сплю в одной постели,
ем, дышу, брожу
между витрин отвесных,
ритм музейный
фотографий на столе,
вечерний колокольчик кухонной посуды.
Слова уходят, возвращаются, тускнеют,
цепляют жемчуг новой глубины,
а мы с тобой – всего лишь, в спешке, люди,
любить и плакать, как умеем,
прежде,
наперед...
А нам с тобой – томатной лодки плеск вдали
расскажет о причале
и надежде.

Кобальт

Ветер зари, прорывая кобальтовые занавески раннего неба,
повеял холодным каменистым берегом северной Атлантики.
Мне следить за тобой, печальная чайка над чешуей чугунной волны.
Спящие в пустынном тумане холмы отзовутся суровым эхом любви.
Мантия засохшей травы спадет с плечистых просторов нордических глаз.
Битым стеклом брызг ранит сердце, вороном старым сгнездится заря
в его запутанных кронах, дождь нервной львицей подсядет
к разбросанным камням, его револьвер перезаряжен
свинцом аккордовых туч, и деревья заговорят
на языке осеннего яда, ступая по глиняным черепкам
разбитого флота под флагом цветного тепла.
Снежная соль, оспа из мертвых лилий, проступая на коже
вдохнет в нее старую тьму древнего океана.
Ветер зари, вскрывая грудную клетку эфирным ножом,
повеет листвой детских воспоминаний.
Я слежу за зыбкой точкой на горизонте, за парусом
уходящего навсегда фрегата времени,
махая ему керосиновой лампой летних минут,
посыпая золой с вуали холмов голову солнца.

Распахнутые двери приглашали парус на рассвете*

Хрупкий, песочный тростник, считывающий соломенным лезвием
движенья воды, переливы пурпурно-синего ветра,
слушающий, как гипсовый полумесяц черпает из худосочной реки,
изрешеченной звездами, винно-сребристый ликер, бальзам ночного аптекаря,
веной души во мне, в человеке с забинтованным сердцем, с бездной
вопросов к псалтырю в кармане на голое тело, со взглядом зеркальной рыбы
в изогнутой угольной арке радуги ночи; во мне –
несет в этот мир, своим шерстяным гулом, кружева отражений сакрально-живого,
поэзию пятнистых, болотистых строф, туманные башенки с огоньками слов
на скалах вселенской тоски обреченной плоти;
во мне – дает клятву земле, заправленную кострами лета и духами осени,
корнями весенних садов и цветами зимы; на коралле солнца, на саранче облаков
ржавым закатом увидел свою участь, увидел, дает клятву всему живому –
жить забитым гвоздем на стыке страдания и восхищенья.

** – название взято из стихотворения Дерека Уолкотта*

На ощупь

Полынь рта, снег волос, ветер пальцев,
заплаканные солнцем глаза младенца, пустыня глаз мудреца.
В скупой, дребезжащей серостью осенней системе координат,
наскребаю сведенную сталь струны в окне уходящего поезда света.
Кричащие кошки, где-то рядом, их металлического скрипа когтей

ищет глиняная дощечка души.
Стреляю метафизической скукой волхва в каменное сердце ноября,
в вырванные волосы светила, в слепоту небесного ока,
в охрипшие связки ворон на проводах ветра.
В невзрачном небе – ускользающие видения звездочетов,
потеря словесности, раздробленный алкоголем скелет завтра.
Кипящий кофе с капелькой коньяка, крепкие сигареты,
обнаженная кожа сонной натурщицы, ароматы остывшего моря –
продолжаю смотреть из подполья осеннего ветра
на бесконечность его проявлений.
Каменистые улочки Праги, сырые подвалы Питера,
пот виноградников Юга – я люблю путешествовать в памяти,
оставаясь сумрачной точкой на голой бетонной стене с выцветшей картой.
Гипсовая скульптура мыслей, разбитая о камни
всеразъясняющих монографий чужого опыта
(на выходе, все равно – ты и твое одиночество).
Катарсический плач в разорванную рубаху тополей,
на плече всеядного ветра, благословление с языков ледяного дождя –
последние утешение, ярость смирения.
Просто, остановившись, отбросив все постороннее,
проникнуть в сердце музыки.
Случайно выуженная из пустого пространства гармония,
красота момента, расплывшегося вечной дорогой.
В кривых зеркалах конвейерных улиц
живет, тайным безумием, тень художника,
живут сбывшиеся грезы, по неотступному движению внутреннего зрения
сквозь боль, ненависть, разлуку, любовь и еще раз любовь,
сцена, скудного на разговоры вечера, оставляющего ей еще один шанс.
Лавинообразная масса мозга, стилизованная под черный бархат,
где –
забытая смерть в игре наперегонки,
const закона непредсказуемости,
деградация, как ступень эволюции,
не существующий порядок вне хауса,
цели, теряющие блеск воплощения,
священное писание ночи на ступенях одиночества,
последкусие костра, глухое устье ожогов воды от плавников звезд,
черствеющий смог луны, обливший желчью нежный цветок
ночной мостовой, где ютятся клерки и проститутки,
сердце, разлитое лунной кровью на могиле осенних цветов,
проклинающее спасенье свинцового воздуха
на влажных ресницах рассвета.
Призывающая любовь, Сапфо, перевернет дыханьем
крылатые страницы души в прострации пробуждения.
Разъедающая теплота приветствия бродячего волка зари.
Утро. Хорошее время для медитации. Хорошее время, чтоб умереть.
Аминь.

Классико

Я в кругу уютном сяду

Твоих ласк, твоих минут,
В смоли глаз приняв награду,
В розовой аскезе губ
Зачерпнув дыханья дымку
Из малиновых садов,
Что закатную кибитку
Провожают сном цветов.
Я замечу, между делом,
Тишину смягчив вином,
Как морской волной повеял
Голос сердца твоего,
Как звездой в короне ночи
Ты задела шлейф луны,
Как безмолвье многоточий,
Что в глазах свечи видны,
Ты поэзией смутила
Своих хрупких, нежных рук.
Полночь ласточкой забилась,
Тени собрались вокруг,
Принося дары немые
К алтарю твоей любви –
Лепестки холодных лилий,
Запах скошенной травы.
Ночь присела в окнах рядом,
У нее тебя украл,
Вымолил твою прохладу
У озерных глаз зеркал.
Дождь взглянул с балкона строчкой,
В волосах твоих скользнул,
Нотой звездной скрипки ночи
Ты вспорхнула между струн.
И опять вечерней ватой
Свет багряный, свет надежд.
Розы на твоём закате,
Тишины бездонной брешь.
Из хмельного сада ветра,
Одиночеством скорбя,
Словно сердце в сталь зашив,
Потекут ручьи рассвета,
Будут ждать тысячелетья
Жемчуг всех доступных рифм.

Лаунж

собирая губкой легких
лоскутный прилив,
лишаешься права забыть эту песню
(ты, как море)

раух-топаз заходящего солнца,
купающийся в фиолетовом пекле воды

(поцелуй ангела)

белизна мехов песка
в сиянии волн
(наши первые слова)

Свинг-таун

Экзальтация звезд на ветру,
виолончель улыбки луны
с бутона ночного цветка,
в стрекозах фонарных венков
мошкара дневной пыли,
оседающая
в сырость костей новостроек.
Я сплю на коленях проспектов,
как апостол
самой древней и долгой ночи,
вырезая морщины газонов
лезвием испепеленных зрачков,
я проповедаю нежные камни
жертвенников,
и застывшую кровь зимних садов,
чтобы быть, хоть на градус честней,
чтоб обмануть вечнозеленую смерть,
хвоей провисшую
со ствола призраков времени.

Отравленный саунд

Механически-разрушительно обновляя гигабайты дерьма
в пыльно-свинцовом черепе, распотрошенном мышшиной возней,
завидуя первобытной чистоте обезьян,
лечу болезнь – наличие тела – парами медного виски
с крепкой табачной росой, периодически разбавляя стихами
(любовь к жизни)

Разбрызганная вода сознания находит и принимает
все новые формы, вливается в чашу осенней психоделии
(иду на поклон к интимно-краткому,
просвещенному моменту безумия,
засыпая бризом возлюбленных глаз)

Любовь, добровольное истязание ее прозрачной плоти,
с претензиями на святость
(моя любовь)

Мне встречаются спутницы Бахуса, в окровавленных от вина,
уносящихся в ночь облаках,
говорящие на языке змеиного тела;

их сияющая, словно доспехи Марса, кожа
отражает всю красоту греха
(только видения)

Осенний парк предсмертной судорогой
на границе раздела двух сред
впивается в лунное небо
(моя душа)

В неподвижной пластике окон нежится
скользкий ящер аутичного солнца
(растаявшая свеча)

Похороненная заживо мельница листопада
в беззубом лепете предзимнего фосфорного рта,
облюнявившего землистые островки обочин
голодными стаями голубей
(нацарапанные, первым снегом, души)

Отравленный саунд пустоты на ржавых петлях дворовых качелей
под соломенным облаком
(дорога осенней вечности)

Закат, перерезающий горло дубовой жилистой шеи осеннего дня,
ломающий изящные стрелы тонкого света берез,
туман из звезд в моей рощи, гуляющий пророчеством пепла
между страниц, закрытых дверей и глаз
(муза нью-эйджа на надгробии солнца)

Классико. Дубль 2

Объятыя вешние венком сонетов нежных
Я сплел в груди, когда по краю крыши
Ты танцем ночи белой промелькнула
и одеждой
Тебе служила нагота, когда я слышал
Твое тончайшее звучанье ласк ночных
На шпильях синих сосен, в сердце лунном,
И спутником тебе была одна из нимф,
Одна из муз, одна из флейт приبلудных.
Простор дыхания, воскуренный в цветах,
Тебе сопутствовал мистерией лиловой.
Я не держал тебя на риск свой, на свой страх,
И ты со мной теперь, лишь в памяти безмолвной,
В терновой памяти рассветного ключа,
Пыльцой седых висков, молчаньем лета.
Объятыя вешние в груди моей кричат,
Что ты танцуешь диким ветром, еще где-то.
Слова сухие, незаконченный пейзаж,
И нагота твоя серебряной одеждой,
Спасибо кровью, этой искре, что зажглась

Прекрасной болью, бледным сном надежды,
За то, что в благодарность смог облечь
Минутный шорох листьев на дороге,
Где ты прошла, где мне могилой лечь
Хотелось в вечности влюбленной, босоногой.

Убежище

Соленый запах морского ветра
на отшлифованной, вязкой росой зари,
песчаной косе,
где в плену волн,
покачивающихся горячим оловом,
шепчутся тени рыбацких лодок.

Млечный путь скрипа чайки,
растянувшийся вне пространства и времени,
эхом старых легенд и мифов.

На берегу,
в коралловой дымке,
серебряный всплеск мандолины,
варят кофе и провожают день.

Над загорелым сердцем
восходит луна поэзии,
прикуривают молочные звезды,
звенящие мелочью
в карманах потертых джинсов.

A18

A1

Искусство – это индивидуальность;
поэзия – это неуловимое;
слова – маленькие идолы человека.

A2

Бессмертие – это усталость;
бессмертье в искусстве –
ответ на вопрос: есть ли жизнь после смерти?

A3

Мудрость столетних войн – один мазок кисти,
одна нота, оттиск одной строки
в поисках мира.

A4

О, мир, тяжелый труд счастья –
долго зреющая мысль –

перенесенная любовь осенних картин.

A5

Болезнь – это размышление;
потеря – поиск себя –
пока мы спим и видим лето снов.

A6

Займись любовью, чтобы понять себя,
будь старше на три предложения,
начинающихся со слова - любовь.

A7

Если смочишь глаза росой –
никто уже не отменит рассвет,
никто уже не спасется от света в стихах.

A8

Капля упала на лотос;
слезы – не всё к разлуке;
слезы – это к цветам на устах мудреца.

A9

Представь – на одной чаше весов – твоя жизнь;
на другой – твоя смерть;
представь – весы в равновесии.

A10

Человек нужна точка опоры – стул;
человеку нужна путеводная нить – уздечка в ладони;
а может, он просто, хочет повеситься?

A11

Я пью кофе и думаю о тебе,
кофе с коньком, кофе со сливками, просто кофе,
и думаю о тебе – моя жажда.

A12

Зимние звезды –
как будто ночь вычесывает перхоть в кулек зрачка –
я был здесь однажды.

A13

Северное сияние бесконечной зимы,
бесконечной весны, лета, осени –
моего настроения.

A14

И там, за вырванной жилой горизонта –
солнце ночи, лунный день – пропись художника –
закаты, восходы, акценты и ударения.

A15

Демон холодной рефлексии,
впивающийся клещами в целостность поэтического образа –
мой демон.

A16

Слово, скребущее ночь,
слово, излитое нервной вязью чернил –
вскрытая вена.

A17

Четыре благородных истины, скрижали завета,
руины Атлантиды –
мое не рожденное сердце.

A18

Усталость моих глаз – припев –
квадратный корень
из Песни песней.

Воспоминания, которых, возможно, и не было

Я проснулся в утробе матери от передозировки, висящего,
где-то за горизонтом ее глаз, синего неба;
на меня обрушились стены мира, нервом душевной свободы,
где каждый бредет по своей, отдельно взятой пустыне.
Здравствуйтесь, но я ведь вас не просил.
Здравствуйтесь, но я ведь даже не знаю, хочу я того, или нет.
Здравствуйтесь, убийцы моей невинной природы, моей пустоты.
Кажется, кто-то задумался (или сделал вид)...

Я явился на суд присутствующих
обрезанной пуповиной молодого августа, на рассвете, в шестом часу,
пленение кислородом, будто наждачной кожей, резало горло –
самое лучшее время для отпуска
(слава богу, тогда, я еще не мог этого знать);
наверное, ночка выдалась жаркой –
с тех пор, я люблю ночь.
Кажется, что люблю...

При рождении, вся моя жизнь,
будто пронеслась у меня перед глазами,
но, к счастью, я все скоро забыл,
ведь знание будущего не освобождает от ответственности,
иначе, возможно, Вас, читатель, для меня,
здесь, никогда бы не существовало,
здесь, в оптоволоконном удаленном доступе, меня, получающего
авторский грош внимания во имя бессмысленных слов.
Кажется, что бессмысленных...

И вот, я подытоживаю сгоревший момент, секунду, умираю в нем, в ней,

подсчитываю ступеньки безысходного очарования,
и неловко спрашиваю себя:
верит ли в нас еще Бог,
как верят эти старые оловянные звезды с обрыва вечности,
как эти лебединые облака,
громоздящиеся на геральдике горных щитов?
Кажется – да... кажется – нет...
крещусь, в точке схождения линий жизни,
спроецированных на пыльную книжную полку
с историями болезней,
и закрываю глаза на давление света,
открытого даром улыбки.

Бесприютная душа,
путешествуй во времени, в прошлое –
смотря на звезды.
Ночь от снега свежа,
значит можно
захватить больше света
с ветром
в прозрачном воздухе.
Даже если стоишь
у окна, у ржавой трубы, один,
греешь руки, боишься заснуть
и кому-то кричишь –
эй, там, я за вами,
в очередь на подглядывание,
на покупку вечности
у маленьких оловянных
сердечек
на небе декабрьском –
ты уже назвался поэтом,
ты уже обнадежен радостью
этого света,
нашедшего твой зрачок
сквозь миллион световых лет,
ты уже – причем –
в этом тусклом коротком метре
жизни, поверь мне,
печалью раскрашенный силуэт
в зимнем окне.

Так случается иногда, по пятницам, или субботам,
в некоторых городах,
где-нибудь на улице Ленина –
чернокнижие, воскресающее в силовых линиях взгляда,

в подсветке радиоактивного оранжа ливня заката;
он и она – как ночь на проводах,
тончайшая струнка загадочной вселенной
любви.

И если Микеланджело
захотел бы высечь в камне этот вечерний ветер –
он утонул бы в пыли –
пыльце весеннего хруста
под промокшими ногами.
Так случается иногда, по вторникам, или средам,
в некоторых городах,
где-нибудь на остановке Пушкинской –
заставляя быть лучше,
чем кажешься сам себе –
одиночество находит свою тень;
он и она – как взмах
осенней листвы, пунктир золотого дождя,
голос сорванный, непослушный,
рябью, волнением
цвета морской волны.

Пью кофе,
смотрю на снег,
слушаю тропических птиц
(в записи).
Сломанная стрела времени
застряла в пробке зимы.
Ты покрасилась
и осталась дома.
Цветок фонаря,
фосфор луны,
призрак камина –
триединое благословение.
До любви –
одно прикосновение;
до ненависти декабря –
один шаг
за дверь.
Огонь в камине задул печаль.
Из блюда луны
в зеркальном ноктюрне льда –
чаепитие ночи.
Что я?
Лишь отражение звездного неба в глазах,
созерцание камня,
обернувшееся цветком.
Тсс...
Давай на потом...
О словах позаботится

тень многоточия.
Первый звонок наготы на губах –
поцелуй-колокольчик.
Декабрьский ветер в дверях –
просит впустить погреться.
Что я теперь?
Лишь форма его крыльев,
сложивших за сердцем
звездное небо,
созерцание линий
окна,
обернувшееся вселенной
твоей.

На белом свитере зимы оборванная нить повествованья.
Укутаюсь в вечерний свет, метель и чай,
отчаянье
и случая холодный поцелуй.
Печать печали,
недопитое вино в бокале полнолуния;
распятый без креста, расстрелянный без пуль,
шлю письма наугад –
но в них – ни строчки, только знаки препинания –
и леденящий взгляд –
для маскировки.
Как поиск расставанья –
расстоянья белых пашен,
пейзаж
с молитвой синих губ.
И страшна
красота обмороженья
до раскаянья.

Черный снег под колесами набивает оскомину.
В пробках, в давках, в лифтовых шахтах,
подвешенный за позвонки,
я свинцовое небо трактую наскоками
поэтической кухни.
Отвечаю залпом на письма, звонки,
чтоб убить одиночество духа.
Провожая стеклянный осколок реки,
в горизонте застрявший с дымком городским –
так пишется поздней осени утро.
Помню смутно –
сходить в магазин, оплатить электричество, телефон;
не записанный сон –

досмотреть;
чья-то смерть –
по расписанию
в вечернем эфире;
и воздух ночной, хрустальный,
опрокинувший гололед.
Зачем
не забываю, помню?
А в ответ, лишь поет, ноет
ветер-посыльный,
волк или волхв,
с балкона, перрона, с оконной
щели глаз-перебежчиков
снежных,
не высмотренных до конца,
до корки...

Букварель

Меркнет молью молитва моря,
Самая синяя, самый соленый сапфир,
И кажется, кричит киноварь
Закатной золы, завуалированная
Под пожар песка и памяти.
Ритмом разлитой ртути
Возьмется волны с ветром,
Ленно-лиловой лепниной льются
Горизонты гор громовых, гребни
Древних дольменов. Дымок
Кипарисов капает с кистей
Аллей. Аллилуйя! Аллилуйя!

Тяга таверн, теплая тушь теней,
Звездные зори звенят зазеркальем,
Свесившись сонной солью
На набережную нуара.
Чарки чаек черпают черный
Воздух восточкой ветреной вольности,
Колыбельным криком. Курю.
Пепельной птахой песня поздняя
Крылья-куплеты кидает
В лицо ледяной луны.
Искрой илисто-изнеможенной
Догорает день, доставая до дна.

Прибой, патокой пены прожженный,
Сияет скользким свеченьем.
Слышно созвездиям сердца стук,
Мятного, мариинского, млечного.
Образ отлитый оловом
Влаги впадает в воронку взгляда –

Это эскиз эха
Улисса. Ульем упало
Безмолвие бархатной бездны
Неба ночного, нитью напутствий
Сходясь сквозь слезы Селены.

Морось молочных медуз
Режет рук распростертых русло.
Плоскость парит пространством
Трехмерным. Трудно
Быть безучастным, безликим, бездушным,
Наглотавшись нот
Чистого черноморья,
Перед прозой, плененной поэзией,
Перед плывущим полем
Венозных водорослей, влезших
На скалы сердца.

Акценты

Последний день, моей последней осени,
До тридцати.
И так – до бесконечности,
По встречной.

Краюхой уха задевая
Ударный взброс ежесекундности,
Слетаюсь в память, в грезич белизну –
В неавь – там, где теплей и безопасней,
Где меньше мудрости
Лицом к лицу.

Взгляни, душа –
Осколки дня волной смывает лунной.
Безумие –
Считать осколки дня.

Взгляни – строка,
Созвучие метафор,
И многомерный опыт личных сред
Шлифует, преломляет и при этом –
На выходе – читатель, а не автор –
Ожившей плотью задышала глина
Стихотворенья на клочках салфетки.

Последний день зачатия зимы,
Еще нет тридцати,
Но так уже знакома –
Во влажном блеске
Мотыльков фонарных –
Кома;

И время, снежным комом,
От тоски.

Внутривенно. Триптих

I

Господи, Господи,
Ведь бесполезно вынашивать планы, когда эти планы чужие.
Острые кости
Режут, как стекла, кожу – беги, беги – но так хрупко, такие
Ломкие в ломках без права на правду.
Исповедь исподволь длится годами, проповедь водит по кругу,
Радуга радугой
Черно-белой. Мы, кажется, стали ближе друг другу,
Когда небо упало на голову прахом рассвета,
Но в знаках непостоянства – судьба.
Не мешай мне молчать, если хочешь поговорить об этом.
Крик про себя
Аукнется громче в том мире, где каждый получит
Свой крест и печать гранитной плиты.
Не мешай мне озвучивать
Землю сырую, дождь и цветы
Под ногами прохожих волхвов. Если хватит любви,
Я вернусь, и еще раз сыграю водой ключевой
Увертюру разлучного утра.

II

Небо, цвета кожи третьей стадии алкоголизма,
Пейзаж, вдохновляющий
На самоубийство кисть экспрессиониста
(непередаваемо),
Всеобъясняюще
Краткий взгляд зимнего солнца –
Предположительно,
Об это грустит старый подсвечник,
Подводя сажей глаза,
Обескровленным ветром
Разведенные
На слезы, словно ленточки
В промокашке волос.
Предметная лирика,
Усугубленная позой,
Фразой о собственной бесполезной выходке
За пределы слов.
Нехватку воздуха
Компенсирует лень
И спиртные напитки –
Внутривенно.

III

Мы спим, сжимая сердца прописи,

Мы в снах друг друга видим молодыми, до Адама.
Сок выжитой луны и тени на обоях,
Там Босх и поздний Гойя, там играет Бах.
Мы переводим древних рукописей ночь,
Мы опускаемся до жанра мелодрамы.
Сок прожитой весны и пепельные зори,
Там эпатаж Дали и первобытный страх.
Мы опускаем предысторию и время,
Мы отпускаем свет размытой панорамы.
Сок высохшей лозы глаза судьбы наполнит,
Там будет тишины последний шанс.

Декабрьский дождь

Ожидание послевкусия кофе,
притаившееся на глянце сетчатки
утро цвета ночи с декабрьским ливнем.
Атлантический фронт – говорит Гидрометцентр;
чертова слякоть, жди изобилия
гололеда –
кривится душа в поднывающих позвонках.
Жму на блестящие язвочки кнопок мобильного,
передаю привет
случайному абоненту,
авторизирую память и интерфейс
понедельничного синдрома невидимости,
и все – свысока
своего падения.
Здравствуй душа, я соскучился, как ты...
Прикормленная, смотрит в лес.
Накатывает
вдохновение подзаборного блюза с кислыми щами.
Ставлю точку, договорим завтра, на интерес.
.....
Интерес мой – геометрия цвета, алгебра звука
и проводница поэзия на ниточках
голосовых связок усталой реки.
Барабанная дробь дождя в водовороте уха
скатилась волной черепичной –
зимнее отступление, декабрь с пальца правой руки
обронил обручальным кольцом серебро
и пустился в бега. Подставляю ладони –
с неба беда бедокурит бледной балладой.
За стенкой темно,
в комнате, кое-где, еще теплится свет с бутона,
слипающейся под тяжестью вечера, люстры. Прохлада
нового тысячелетия, маркированная Водолеем,
изливает на голову дерганый трафик.
Мое имя – четыре буквы в анамнезе святости.
Живу, как умею –
хорошее оправдание, хорошая эпитафия,

в теории относительности,
перемноженной с теорией вероятности.

.....
По-вероятности, дождь и ветер
когда-нибудь дадут слабину, и тогда, на сухую,
я нарисую солнце в твоих волосах,
моя первая-последняя любовь,
и тебя – надменный философ, смерть...

Прожигатель слов

*Голое отчаяние, невозможно подняться,
лишь насладившись страданием, я могу успокоиться.
Франц Кафка*

Дыхание
Индифферентнее, безучастнее,
Как русло реки.
Золотые прутья впустят
Глоток неба,
Обезображенного
Зимним дождем.
Ожидание благословения ночи,
Горькой кофейной гущи,
Чтобы уйти за пределы видимости.
Вчувствование в пустоту дороги.

Изнеможение,
Растекшиеся
Самозабвением.
Фразировки метели над ухом.
Слезоточивое
Брожение
Глаз.
И не звука
До ночи, до встречи с фонарным стеблем,
Распустившим тюльпан лимонный
В глаза, в окно
Спальни, где остывают ее следы,
В которых музыка бредит исконно.
Но моей вселенной,
Если есть таковая,
Ей, все равно...
И все равно продолжает движение
Небосвод, лакая
Вино
Из сосудов случайной любви.

Дрожь возбужденья
От искры рожденного творчества,
Мгновенье свободы
В нотной партии

Под руководством маэстро
Небесного хора.

Разбирая старый хлам,
Обретаю себя.
С пожелтевших страниц
Осыпаются строки памяти.
Вечер стучится к нам,
Слышишь ли ты меня
Сквозь темный осадок пьяного
Месяца?
Лестница,
Ведущая в холод.
Боль,
Ведущая к просветлению.
Вдохновение,
Ведущее в никуда.
И звезда
Над нами
Молча льется ночной тишиной.
Одиночество скрасит путь
По волнам ненасытных огней
Городского безумья.
Привкус кофе и табака.
Рука
Дышит неровно.
Старые вещи –
Вещая
Пыль.
Обретаю нервные струны
Сна.
Слышишь ли ты меня?
Все возможно,
Когда
Любовь обжигает вены.
Наша маленькая вселенная
Бьется на ниточке истины.

Хочется смотреть стеклянным взглядом
На прозрачный воздух,
Набрав в легкие пар молчания.
Хочется, чтобы рядом
Проплывало облако,
И Господь, проливая дождь
В сухие ладони,
Показал мне последнюю пристань,
Пристань потерянных душ,
Что осенними листьями
Разбрелись по мокрым дорогам,
Влажным аллеям.
Это блюз,
Сыгранный на одном дыхании

Бессонной ночной стихии,
Это стихи,
Написанные из-под рубца
Беспричинной тоски,
Тоски по забытым пейзажам
Неба...
Верю или не верю?
Ответ будет завтра,
Когда прокричит рассвет
Близость весне.
А пока –
Стежанным взглядом
В упор
На призрачный ветер в окне...
Точка.

Заклучи меня
В свои снежные
Объятья,
Окропи меня
Ледяной
Молочной влагой,
Мы сегодня поем о несбывшемся благе
И о будущих прегрешениях,
Мы сегодня плывем по воздушным холмам
И твое лицо укрывают ветви
Склонившихся хвой.
Помоги различить твое нежное лоно,
Его огненные языки,
Его трепетное придыхание.
Срывай беспокойно
Прозрачное платье
И неси чашу горькой любви
Мне к устам,
Что глотают вечерний напиток
Обнаженной лозы.

Плеск ручья

В медузе воздуха дымится снег.

Осенним пеплом надышался взгляд и золотом растаял.

В белом конверте зимы хрустальные письма, ватные строки.

Руки твои целует мартовским пламенем ветер.

Голос сердца – плеск ручья, шум зеленый, пульс вечерний.

Цитрус солнца на томатном раздраженье горизонта.

Январь рассыпался фарфором, разбилась ночь стеклом.

Лотос

Вечер с привкусом миндаля и мяты.
Белый плед января, укрывший озябшую кожу.
Холод лучистого неба в серебряных перьях звезд.
Шуршанье халата,
Метель поцелуев вздохом,
Трава простыней, измятая
Ласкающим смогом, твердеющим чувством –
Укрыться в приливе тепла.
Во взгляде
Лотос рассыпал жемчуг,
Кедров тенистых шепот.
Волнами
У окна
Обнаженные фразы
В лунном шампанском
Искрятся.
Под пледом
Январского мха
Бежит ручеек весенней преступной воды.
Руки твои
Не знают покоя от ласки,
Режущей линии наготы.
Черных ресниц ракушки
Влагой насыщены, вспрыснуты
Бледного диска ликером.
Чистая, чистая
Музыка, танец метелицы
На лепестках радостных губ.
Радость связала ночь,
Радость, вобравшая пламя волос
И глаз твоих крик смоляной.

Свирель

*о моя любовь кричащие корабли плывут в глубине твоих глаз
Брейтен Брейтенбах*

Твой сон, как расплавленный солнечный мед.
Я буду смотреть на твое, отлитое невесомостью, тело,
До розовой дымки полей в стеклянном зрачке каменной кладки.

Легкость небесных вод
Качнет твоей рукой, снежной уляжется пеной
В ногах, в сосредоточенье
Судорог шелковых нитей рассветной рубахи.
А когда нежный мрак упадет с твоих век,
Глаза наполнятся жаждой цветущего дня,
И вспыхнет герань на окне
Ароматом садов, возведенных летним дождливым сияньем,
Я смахну с твоих плеч ночной пепел и свет
Наберу в ладони, как бриллиантовый иней,
Чтобы вложить тебе в сердце, где
Уже заиграла свирель оправданья
Грешных следов моих лет.

Иордан

Воды Иордана, воды Иордана
Напоили твои глаза,
Розовая пыль закатного облака
Покрыла твои виски,
Терновый венец солнца
Просочился кровью вечерней влаги.
Пальцы твои скрестились Полярной звездой.
Кубок Большой Медведицы
Вылит на голову ромом ночным.
Воды Иордана, воды Иордана
Пенятся твоей музыкой,
Листья заката плещутся
Осенью горизонта.
Солнце твое зимнее
Свечки клинком скользит по ветвям,
В холод мой бьется нежностью,
Колет крещенский лед.

вишни губ звенящей весной
розой пурпурной солнца
нашептали в вечернюю стражу
облачились в ночную медь
белоснежным огнем раскрылись

говори же со мной говори
чтоб услышал я пульс эфира
и реки серебряной эхо
и багрянец аллеи осенних
и крылатую арфу дождя
и лугов позолоченных воздух

чтобы птицы слетались послушать

и на сердце гнездились лазурью
и в глазах отливались светом

говори же со мной беззвучно
плотью огненных прикосновений
колосящейся медом улыбкой
перламутровой жаждой лета

в слух прозрачный кричи зарею
наготою озер хрустальных
океана седого пеной
молоком облаков шерстяных
на груди засыпающих гор

чтоб оставил себе поцелуй я
твоих глаз на папирусе ночи
чтобы кровь моя была ключами
из земли что шаги твои помнит
что засеяна нежностью лилий
что согрета твоим желаньем

сгоревшая осень в лиловые сумерки бредит
хлопчатым огнем метели листаю страницы
домов перекрестков кафе остановок звонков
хочу отдышаться но сердцу приказано биться
ночным нефтяным пятном среди маяков
столбов перетяжек витрин замерзших цветов
хочу переждать но взгляда прорубь искрится
осколками бронзы ночной облаков вереницей
из едкого газа жизни миллисекундной ограбленной
безостановочной жадной до жидкого цвета
где мне найти ладана
где мне найти фимиама и ветра
где мне остановиться
чтобы сделать глоток времени
сваренного горным покоем и тенью
янтарной пшеницы
справлюсь у смерти
она ли не жизнь в упавшем в теплую землю зерне
справлюсь у жизни
она ли не сбор в страну неизбежного сна
а в окне
тишина
безукоризненной
магией бледно-кофейных деревьев
пряжей лесной укутавшей взгляд
шею плечи ладони колени
и олово звезд
просочившееся ожогом

хочешь я назову их ради тебя
мне дал право на это язык мой твой слух
птицы ночные свившие бархатным пледом
легкую тень
крепкого чая небес дурманный настой
стая огней вдоль дороги
останусь сегодня с тобой
пока сгоревшая осень в нефритовых сумерках бредит
пока еще теплится воздух
надеждой упрямой и злой
мне право на это дала глубина горизонта взгляда
золото твоих волос
губ обнаженных море
солнце кожи согретой постелью снежной
сиренью дышащей и хвоей
здесь фимиам и ветра раскуренный мех
дымка пшеничного поля
ладан и гор безмятежная
мгла
здесь окно на двоих из которого льется голубкой
свет остановки опавшей листвою ночлег
безвозвратная свежесть
жемчуг со дна
сердца

Плодородие

Она порвала свое платье

Она обняла

Новый и голый наряд.

Поль Элюар

августа плоть золотая стелется в твоих глазах
снежное пламя волос ловит полночный бриз
с губ осыпается влагой стройных кувшинок цвет
сосен тенистых вязь плечи твои укрывает
южным сапфиром неба льется груди нагота

есть ли мне время и место там где царит весна
там где фиалка заката дышит твоими шагами
в этих полях с хлебами что твоих рук касались
есть ли мне сон хрустальный есть ли крыла созвучье
кто мне даст обещанье

когда в ладони рассвет выльется пылью свинцовой
когда взойдет горизонт посеребренным туманом

видеть мне ласточки смехом хмелем узорным лазури
там где молчание свято в свете берез и кленов
в шлейфе озерной прохлады в розовой плоти лета
твоей души прогулку огненным ожерельем
песен моих и флейту звонко-зеркального ливня

что про нас августу шепчет

будет все так не иначе
будет все как предвещает лунной тропинки росчерк
на чешуе океана
где утонула жажда где обратились слезы
звездным зерном и маком
шелкового песка

АТОМЫ

В фокстроте февральского ветра,
в розовом кварце вечернего неба
глаза ловят лекалом дороги
молоко бесконечных полей.
И прижавшись кораллом щеки
к запотевшим машинным стеклам
ты напишешь строкой узорной
на рубиновой мантии сердца
прелюдию вечной весны.

Мне присниться начищенный светом
горный хрусталь,
мне в ладони солнечный улей
выплеснет пряное золото,
мне воздушная ласка сирени
забьется под грудь.
Вся печаль –
это только незнание
дыхания красок.

Пастбищ морских аквамарин,
пудра ячменная ветхой пустыни –
брат и сестра души, мать и отец одиночества...

Тет-а-тет

1 (вечерний чай)

Свечи зажег закат, воскурил фиолетовый сумрак, выпал влагой травы.
Слово застыло розой, взгляд пропитался лавандой, мятным туманом распался.
Слышишь, границ больше нет, воздуха стены разбились
О лунно-медный рожок,
Вскрыли железным безмолвием мир
Под бронзовым небом разлитый объемом
Бесконечно больших величин.
И порох хлебов взорвался молитвой,

И кровь заискрилась
Алмазным ручьем в бутоне вечерней свечи,
И колокол звезд разнесся серебряным звоном
По черно-белым оврагам и снам кочевым.
Течение аллей сиянием мрака раздето.
Слышишь, слышишь, границ больше нет, нет больше причин,
Нет больше причин умирать и рождаться для смерти.

2 (кофеин)

Ацтекской маской из обсидиана пронзило полнолуние собор,
Где тьма намолена, где тишина красноречивей страхом древним,
Чем песен пыль и риторгов огонь.
Спустись на берег звездного песка, пульсирующей снегом млечной вены,
На берег волчьих глаз и жадных рук воров, на берег
Нежных пальм, кустарников и мхов
В оправе чернобрового восхода,
Там, где надежда правит до рассветных схваток,
Где вера –
Лязг простывших ветров, там, где белесым стоном
Зимних вьюг плоть горяча, топаз любви слепит и оникс наготы
Бросает тень желанья.
Свидание с прекрасным одиночеством
Парит в воздушных реках, лаской – сталь, разведены мосты,
Живы пророчества,
Землистый свет заточен
По углам.
Там, где впускают сквозь кофейный дым
На погребальном солнечном костре благословенье ночи
Души –
Родись душой звезды.

3 (молоко зари)

Вздутые жилы на шее рассвета прокричали в бессонницу.
Набухла роса облаков, кокаиновой дымкой туман задрожал.
Рыбьим хвостом хлестнут сквозняки, и распорется
Черная толстая ткань с бахромой из пшеничных звезд,
Обнажая бедра утренних скал
И груди холмов, поймавшие ветер восточный.
Птицы забьются в болото небес, под откос
Полетит желтушная кома луны, цветеньем молочным
Завуалировав кожи холодной морщины.
В губах горизонта сливовым теплом – поцелуй. Обесточенной
Ночи мясо алеет на шпильях сосновых.
Тяжесть солнечных век у престола
Постели. Синтез эфирного тела
С костью продрогшей – все это рожденье зари.

Цветением февраля. Impressions

Киноварным вином смягчим холод, наконечником взгляда стегнем по шоссе, что, как ящерица в белой пустыне пьяных от снега лесных извиляний. Выберем направление – прокуренная туманность равнины, дождь изо льда и зимнего спящего солнца, ультрамарин воздушной росы над головой, сияние первых лучей рубиновых глаз молодой попутчицы – искры рассветной со дна ночных монологов призрачных подворотен. Направление – данность; ориентиры – костры у обочин из потерявшихся слов забытых преданий надежды; курс – боль вдохновенья, собеседование с внутренней тишиной. Обретем от утраты, сыграем органную партию в храме молчания, скроем прямоходящую истину вешней дерзкой водой, замешанной в грязи и поте полдня. Пока хмель ютится под кожей теплым комочком глины, пока серебро пейзажных набросков выводит стихи на обрывках старой газеты, можно все, безостановочно, бесповоротно, и в тоже время – скоротечно, мгновенно – но последнее затмевает наркотический вихрь метели, где она – это я, а я – проекция ее танца, непокорная, наводненная блажью эстета, и мы вместе прядем февральскую пряжу способности видеть и чувствовать жизнь раненным сердцем художника. Растопив густые снега до виноградного сока, соскрежем седой иней до плоти розоволицей малины, прольемся влагой летней души на обморожение света. Я держусь за билет в один конец цветением февраля – осколки, фрагменты, кадры, эскизы и линии – знахарство снежного облака, обрамленное в тайну зеркал. Я наблюдаю, как ветер хрустальный крошит в тряпично-бумажный саван полей боль вдохновенья воздушной криницей, я чувствую улыбку волчьих следов, леса щенячий оскал...

Слушая Рахманинова, читая Бергмана. Improvisation

Когда-то у меня были крылья, да, я точно помню, как опираясь на воздух, раскуренный сахарной черемухой, неся беглой искрящейся музыкой сквозь рябиновую кровь солнца и набухающие гроздья садов – словно ожившие пассажи Рахманинова, словно магия тонов с картин Тёрнера – они были вырезаны ветром пунцовых роз и приставлены невесомой прозрачной ношей за моей спиной, а потом, спрятаны от меня, пока я не научусь страдать и любить, как в последний раз, пока любовь – не станет единственной проводницей на мраморный берег, спасающий от преисподней желчной греховной тоски, где страдание – философский камень, обращающий прах меланхолии в алмазное пламя познания и созерцания. Много воды утекло с тех пор... Когда-то у меня были глаза, впитывающие, словно губка, каждый миллиметр бытия перламутром морской раковины – глубоководные жемчужины, июльские грозы, беснующиеся на плодоносных плантациях лета, да, я помню их чистую жажду цвета слоновой кости, идущую от Марианской впадины сердца – их застила черная гарь ночных джунглей, и мне было дано ослепнуть, чтобы снова прозреть от огня изнутри, от пенящегося юным вином огня изнутри, от грозовой тучи моей темноты и вязкого мрака. Много воды утекло в никуда...

Когда-то у меня был сон, впрочем, мой сон, возможно, – эта та же реальность,
а реальность, возможно, – проявленный сон,
этот сон длится вечность, и я не знаю, проснулся я или сплю,
но какое имеет значение, если ехидина реки продолжает движение,
волны скребут песок, берег плавится от наших ног и жерло луны шлифует гранит воды,
но я уверен, как никогда не был уверен,
когда-нибудь смог вороной вопросов сотрется янтарной зарей в память о воздухе стылом
в свежести ландышей, в память о слипшихся светом глазах, что плачут от счастья
рождения, и тогда, я точно проснусь и скажу себе – здравствуй,
а помнишь, когда-то и ты, босоногий младенец, изумрудный росток небес,
носил лилейные крылья...

Поймавший за хвост время. Connection

Пока вы читаете эти строки, вы теряете еще одно бесценное мгновение жизни.
Пока вы читали эти строки, вы еще на несколько секунд приблизили к себе смерть.
Пока я пил свой чай и писал на кухне то, что вы сейчас читаете,
я нашел в себе силы порвать бумагу, и клокочущим от абсурда водоворотом души
поцеловать ледящее жерло зари, вобрав в себя восточный огонь, сорвавший лист ночи,
и мне стало легче от осознания собственной скоротечности и принадлежности (пусть
недолгой) к этому кумачовому светляку в окне, к этой вестнице цвета и увядания бытия.
Растерзанные раны родников напоили меня лесной влагой, птицы играли
силуэтами пенистых облаков, кубовая стружка неба растворяла мои глаза,
на золотисто-пушистой поляне мне расстилала цветочную простынь душистая свежесть,
и я снова возвращал то утерянное бесценное мгновение жизни, и я снова отдалялся от
тусклого прорицания могильников. Мне нужны слух, зрение, вкус, осязание и
обоняние, как у вишни в зимнем жемчужном саду, как у клена в осенней лучистой лагуне,
как у камыша, осоки, подорожника, морского песка, звенящей листвы, сладкой травы,
сластолюбивого ручья, зеркальной волны, первого снега – я говорил так
и плакал в сердце, говорил и плакал, говорил, чтобы Кто-то услышал меня,
потому что я хочу чувствовать не потерю отпущенной мне временной подачи,
а целостность происходящего, неделимость обступающего пространства
в опьянении от поцелуя шелково-огненной маски зари.

Соло

Дух травы питает мои шаги, шум воды несется ко мне молвой,
Свет берез ласкает мои глаза, моя песнь – рассада тенистых рощ.
Ты смотри, как ласточки вьют весну, ты танцуй, как небо роняет дождь,
Ты учись между строк собирать пыльцу, росы звезд плести, сеять в тьмы карман.
Акварель лесов – изумруд слезы, акварель полей – соки янтаря,
Ты смотри в глаза, там дорога-степь, там ночной цветок – тишина души.
Ты учись у тех, кто не знал себя, кто не ведал дом, кто забыл слова...

Предсновидение

Все спит. Фортепьянный концерт замерзшей природы
Облекается нотками чуткого сна.
Гаснет день. Я теряюсь под облачным сводом

Фантазий лесных. Нерушимость печали в глазах февраля.
Меркнет слово в обрывках снежного танго.
Тушь коричневых веток шоссе хлебает фонарную трель.
Я ищу твоё тихое, мирное, складное
Извещение о безнадежности в поисках расставания. Открытая дверь
Взрывается хриплой ночью – ведовство, чародейская пляска.
Вариации вьюги, затухающих окон финал.
Я нашел твои руки, на них, невысохшей краской,
Цветущие листья сакуры, ручьи, чаепитие марта, скандал
Зеленого ветра. Я засыпаю, я вижу морскую грозу,
Прибывшийся к берегу вал березовой пены,
Босую дорожку, солнца густую лозу,
И воздух, питающий тело
Твоим присутствием.
Напутствием –
Значит, завтра есть ещё шанс
Проснуться от сладкой боли в груди,
Значит, завтра оправдано, необходимо, резонно.
В теплых тонах твоих глаз
Бледные струйки люстры –
Так было всегда, исконно...

Имэйджин

Я вижу сны наяву, я не верю в скуку и пустоту шагов.
Где-то здесь, за ширмой сценария, должен быть белый кролик Алисы,
Только б схватить примету, шепчущих гор гранит, сердце поющих снегов.
Как неистовый викинг ищет священную смерть в бою,
Как монгол разрезает косыми глазами пыльную степь,
Я держусь за лоснящийся пульс реки и теченьем бросаюсь вниз,
С крутояра, с карниза, туда, где поют
Снега, туда, где шепчет горный гранит и теряется след
Белого кролика девочки Кэрролла, где кристаллы замерших ветвей –
Путеводитель февральского лунного взгляда. Тысячи, тысячи лет
Бродить жениху, прежде чем он обвенчается с лазуритом
Волны шелковистой, с колосом злачным, с природой своей,
Прежде чем грань фрактала, станет единым целым,
Прежде чем примет в узор, отлитым золотом, он завершенье.
Это золото из рудников страданий, болезней, сомнений,
Потерь, скитаний и горьких открытий,
Ртуть, превращенная в желтый металла. Метелями
Сны наяву, бездыханная плоть ипохондрии, безраздельность стопы,
Взметающей землю с дорог преисподней.
Гвоздикой зажглось мое сердце в лучах перламутра живого,
Где-то здесь должен быть белый кролик, нарывы шепчущих гор, снега бериллы-цветы
И рек журчащее олово, где-то по правую сторону
От всплеска воды в кране, от лихорадки плиты,
От скрипа дверей в прихожей, от запаха свежей газеты...
От тех, кого рядом нет...

Подснежники

Он прижимался к ее снежной щеке
и чувствовал,
как плавится жизнью в груди июльская роза,
как воскресает подснежником через эфир занавесок
остывшая плоть луны,
как тонкие струйки ночного трепета
блюзом стекают с волос и, вскользь,
обдает черные ясли зрачков духом
сиренево-пепельных роц.
Беспросветные гнезда любви –
магия огненного цветка,
спелая рожь взорвавшихся звезд –
там бродила моя красота,
моя черноглазая тень...

Млечное

Белый стон небытия, пот февральской колесницы,
Снег искрится, снег дымится в обмороженных руках.
Весть из глухоты души, серебристая лисица
Непротоптанной дороги, дрожь лазури на губах.
Сонный почерк, сонный хмель, свет, застрявший в минерале
Лун туманных, липких глаз недоношенного солнца.
Ватный шлейф седых аллей, соленые шпиди сада,
Целлофановое небо, ветра ледяной каркас.
Здесь искать смиренье старцев, здесь плодить пустыню сердца,
В одиночестве табачном пить вино остывших рек.
Здесь молчание и святость, здесь водой и хлебом пресным
Заедать попутный холод и смотреть короткий метр
Режиссера-февраля, прижигающего боль,
Боль бесцветной дикой розы под стеклом у мертвой свечки.
Стон скрипичный белым кружит, в мозг спинной вонзает вечер,
Прорубь фонаря простудой ленно падает на стол.
Здесь нескладное наречье ляжет в бархат, бархат млечный,
В жемчуга больную сыпь,
В танец бледного рассвета,
В малокровие заката,
В мысли призрачный помол –
Умереть сегодня ночью, чтобы завтра снова жить,
Чтобы завтра снова вьюжить
Вахханалией весны, в ручейках нагого цвета,
Василькового разврата,
С той, которую нашел
У костров февральской стужи.

Перламутр

Отдаться печали снега, алмазному хрусту, осколкам северных окон,
Собрать на ресницах капельки льда, изморозь света и пепла.

Пшеничные волосы зимних созвездий колышутся в озере ночи.
Земля пропитана кварцем арктической крови, сладостью инея.

Импровизировать, как облака на коже атласной морозного полдня.
Петь, как апрельский сквозняк натянутой веной дождя.

Солнце вечерней фиалкой скатилось за титры домов.
Город смывает волною прохладного бриза, мы открываем глаза.

Примято ветром вафельное поле охрипших снов твоих,
Февраль...

Андалузия

И вместо крови

Эфир во мне.

Новалис

Когда пели цикады,
и месяц струился сквозь ветви олив серебристым вином,
когда искры души листопадом
усеяли ткань остывшего поля,
я застал свое одиночество.

Когда виноградники наполнились потом солнца,
и тучный шепот холмов оседал малахитом,
я принял обет созерцания.

Когда запад, налитый спелым гранатом,
обжигал взгляд долины и плавил ладони рек,
я взял на руки южный ветер
и отнес к себе в спальню,
под кровлю из тростника и соломы.

На ужин – миндаль, молоко и хлеб,
в ночь – колыбельная глаз цыганских.

Обморожение. 0,166(6) до марта

Холод – зверь, облизавший фаланги пальцев огнем.
Пунцовая кожица – бахрома, мясо и жилы окрасившая.
Симптомы обморожения ревут февралем.
Плоть теплоты – солнце – костлявым фаршем.
На инее стертых страниц неровные литеры ереси,
Что когда-то здесь полыхали сады из яблонь кровавых,
Из глянцевого вишен, груш и пьяной
Черемухи, золото сот, земляники эссенция,

Ныне, лишь лед, прорастающий в початок сердца.
Густой пар из сжавшихся под слойкой мехов легких
Чертит в воздухе символы северной веры.
Снежный пепел, сгорая хлопьями,
Падает головокругением в минусовой запой,
Похмеляет росистой дрожью.
Сирень утреннего неба сливает остывший чай.
Впереди ожидание, сзади болезненный свист, над головой –
Свеча-печаль...
Холод – зверь; март – твой охотник;
Март – воспитатель тепла под раскаленной холодом кожей.
Приметы обморожения режутся февралем.
Соль теплоты – солнце – колыхается вошью.

Самопоглощение – Долгострой – Расщепление

Приглушенно стелется вечерний свет. Седина домов в оконных мотыльках
Растекается закатом. Шелуха проулков и дворов цветет пустыней.
На клочке бумаги оживает бриз, дрожь в морских устах,
Глубины темнеющая зелень. Я леплю из воздуха – из глины
Ветров снежных – узелки на память. Тишина находит свою нишу
У моих дверей, в моей прихожей, в складках мысли,
В жилах батарей, где сок апрельский дышит,
Задирая старческую маску поздних зимних чисел.
И мгновение, вместившее меня и все наигранное местом окруженье,
Данностью, как призрак, как абстракция, туман.
Драконий след оранжевого солнца, изверженье
Мрака на росе сетчатки, все, как пар,
Проникнувшийся даром любить палящий холод.
И легкое покачиванье сосен, и мертвое брожение тополей,
И голая земля, и звезд стеклянных прорубь –
Все, только повод обрести себя скорей –
Все, только повод потерять себя скорей.

Сон прошлогодней листвы, музыка ржавых качелей,
уголек сигареты и лук на окне, привкус тепла под шахматным пледом,
нежный дымок незначительных фраз.

У каждого дома своя душа, свой вечерний
уют свечи, свой любовный роман.

Воздуха лед в февральском небе
(кофейно-молочный придаток крыши)
молчит всегда об одном и том же.

Плеск синей матрицы, вздохи соседских дверей,
запах мороженых яблок в вазе, орнаментальная кожа
ковров – у каждого дома свои секреты,
свои бродячие песни, свое выражение лица.

Мы строим наш дом на сваях
взаимных обетов
дарить друг другу часы
без циферблата и стрелок –
безвременье, пространство без дна, молитва без слов.

И ты веришь в ночлег под луной
абажура, где призраки – наши сердца –
одиноко сидят на качелях весны,
написанной мелом февральских обоев,
а значит, месяц длинных ночей
уже горит за углом.

Испепеленный снежной мишурой, лоскутным покрывалом гололеда,
Изъеденный нагим приливом хрусталя с ветвей зимы,
Я забиваюсь в сети тишины дороги, немых созвездий сбродом
Влачусь по горечи ночной. Прощание пугающе прекрасно. В плену луны –
Движенье взгляда; в смоле сугробов – шелест рук.
Наедине с собой теряются слова, погрязшие в абсурде,
Табачный дым струится комом в горле, стук
Сквозняков подвальных из белил-загулов
Мерзлоты. Заря голодную тигрицей
Оскалится с восточного престола. Пора. Напутствия песок,
Гранит печали...
Мне будет холодно, мне холод будет литься
В раскрытые ладони, в плывущий горизонт
Конца – как освещенного начала.

Весенница

Мятная слабость удушья в кремовом блеске разводов марта.
Пепельный стон расстроенной партии крыш ледяных.
Стучите, и вам откроются ставни цветных кустарников, листьев молочных, раскаты
душистого воздуха, розовощекие ветры, песни пастушьи вешней звезды, миг
изумрудной комы, просите, и вам воздастся сиреневым плеском,
янтарной смолой полдня, легкостью тени вечерней, проспектами
лунных дорожек сквозь красное пламя влюбленных сердец.
Так было и будет, пока есть надежда на что-то еще, кроме света
снегов на заплывших глазах метели-пустынницы.
Веди свой узор, багрянец рассветной ласточки, по коже дубов и лип,
по минеральным колосьям ручьев, по земляничной пленнице
леса – тропинке ветвистой, веди, как велит
тебе периодика вечного крика восстанья на сливках юной травы,
на стебле теплого неба, на позвонках холмов, уставших от черствого сна.
Когда флейты и колокольчики расплетутся в кронах кипящих, в ноги зимы
бросятся частоколом медовых плеток и погонят улей седой, туда,
откуда на привязи север рычит полярной тоской,
ты запишешь в блокнот полей – люби меня, муж мой, март мой,
чтобы я вывел ответ капелью ромашек в твой

доверчивый слух, чтоб я вывел ответ первой прогулкой дождя по сколу мансарды.

Дефиниции поэзии

Поэзия – это струйки ночного костра в шелках музыкального леса;
это застывшее пламя крови на дамасском клинке вечернего неба;
это душа молодого любовника, заключенная в плеске
пульсара;
это смерть слова, получившего новую степень свободы в пространстве и времени
чьей-то опытной линии.
Поэзия – это все, что хочешь, если есть глубокая рана
на плоти весенней жажды,
если есть капля инея на янтаре прожженной пустыни,
которую чувствуют кончиком языка,
те, кто родился дважды –
первый раз, чтобы быть дымом,
второй, чтобы стать огнем...

Центр масс

Бледно-снежный придорожный блюз в растворе окаменевших обочин.
Небо, вздыхающее сырым агатом ноздрей африканского буйвола.
Плющ проводов, гематомы фар – солянка вечернего почерка
Городского движения. Шум, ручьями обветренных губ,
Шум, проникающий в самое сердце желанья немого пространства.
Пластик оконных зрачков слезоточит одомашненным солнцем.
Пружина людского потока разжата. Голодной пастью
реклама съедает тонкую грань вниманья. Ветер бесхозный
лизет подщечной лица, ждущие теплого взгляда, знакомой улыбки.
Электричество неразрешенных вопросов искрами бьется о воздух.
Последний раз, опять повторится. Вложенный смысл обретет зыбкий
нимб, освещающий улицы внутренним светом. Лунные косы
лягут на грузные плечи кровельного плоскогорья.
Это, только преамбула, развязка – в листопаде ночной сирени,
когда на согретой постели ты найдешь мою боль,
судорогой сердечной мышцы, мою любовь, на смиренных
осколках ладоней –
ради этого – и серо-молочный блюз, разбавленный
алкоголем бегущих дорог, бегущих, будто импалы от львов лимонных саванн;
неразрешенных вопросов тлен, оставленный
на замершей обочине; ради этого – рождения нового дня.

Сквозь твои туманы пробираться золотом полей.

Яшмовый берег

...как половинки гранатового яблока –

*щеки твои под кудрями твоими.
Песнь Песней 6:7*

Журчание лилий
и шум тростника
ветер принес
в твою гавань.
Алой грудью рассвета
вскормила
яшмовый берег
волна.
Золотом
листьев осенних
струится
с плеч
нагота.
Лавром и жемчугом
переплетая
волосы,
к зеркалу тыходишь,
и видишь в нем
пламя восхода.
Яшмовый берег
встречает тебя
запахом
роз.

Открытый космос

В медно-бирюзовой скинии ночной шепчут камыши –
Царствие Небесное внутри нас.
В колыбели дюн, в придыханье солнца веют миражи –
кроткие блаженны.
Загляни, Господь, в чернь моих зрачков, в мрак моих ладоней –
там узор терновый,
там заката плач.
Мне ль созвездий месса, мне ль молитва поля?
Мне, пока есть боль,
мне, пока есть нежность,
мне, пока незряч.

Крики новорожденного –
это крики чайки.
Глаза новорожденного –
это пение утренних звезд.
Серебристый парус луны
встречает сегодня мое дитя,
незримые руки марта

качают его колыбель.
Сердце матери бьется
нежным приливом востока.
В тени смоковниц и кедров
ангел-хранитель флейтой
сладко колыхет ветер.

Железо тьмы

Восходят тени древних страхов.
Тишину разрывают осколки танцующих душ.
Веди меня по пути безумия, пока я листаю четки огненных дней.
Строка падает в разум, кипящий сосновым лесом.
Бурлящей прозрачной водой реки безнадежного взгляда
я смочу стальные звездные сопки.
Где ночь – это день, а день – это ночь,
я оставляю каменный след.
Мрамор груди разрубает сердцебиение света,
света твоих волос, твоих слез.
Люби меня снова,
словом,
наполненным радостью летних аллей.
Мы были там только вчера,
но сегодня я сплю в одиночестве
загнанной стаи.

Во мне спит ночь

Во мне спит ночь –
черноглазая птица, пустыня алмазных созвездий,
тонкий почерк луны на бледной озерной ткани.
Я холодом ранен.
Я взял себе в жены колючую бездну,
вектор вселенной из ниоткуда
и в никуда.
Вода
струится по венам,
вода дремучих ручьев,
плеск водопадов из слов
без пробелов.
Я выписал мелом
Млечным стрелу
на карте дорог.
Мне дорог каждый глоток
пьяного воздуха,
пока не взошел первый луч
пробужденья...

Единичное

Когда-то я морем дышал...

Тропинку хвойного леса ведет надежда...

Лунный свет многогранен...

Деревья молчат откровенней...

Под легкокрылое солнце мая...

Сны молодой травы о рассвете...

Питаюсь росой ее глаз...

Мне написали созвездья зимы...

Роза

Я видел розовый ветер вечерний на небе и золото скал.

И роса изливала семя в иней ладоней.

Пока не пришел час прощаться,
и трава не прогнулась под тяжестью сна,
я ждал тебя у костра, у причала заката.

Иней марта. Впечатления

Распускает косы март,

Косы из воды и снега,

Грязью бредит.

Невпопад

Взгляд

Блуждает,

Взгляд болеет

Осложнением зимы,

Тонет в окнах,

Ищет света,

Там – лишь оттиск занавесок,

Там – лишь панцирь тишины

Рвет на мясо дикий окрик

Изумрудного крыла.

Март промерзлый, свежий, мокрый,

Плеть деревьев, да луна,

Что ласкает мертвой хваткой,

Мертвым слогом, мертвым сном.

Ветра всплески, луж заплатки,

Ландыш солнца за углом.

Хокку

ночь прекрасна
в зрачках отпечатались шрамы
пунцовой луны

в плеске ручья
отразится эхом
голос любимой

вспыхнет агатом
ночная тропа
ее глаз

звезд ожерелье
взойдет над ее
головой

ночь прекрасна
в память запала
мягкость постели лесной

Лазурь

Плащ из тумана на плечи.
Утро обдаст сладкой росой и свежестью пряной.
Снова рожденные, снова нашедшие день
Пропойте гимны лукавой заре,
Полотнам из маков и диких плющей,
Вечному шуму зеленой волны,
Тлению уст, целующих южный песок.
Сталью дамасской рубите плоды солнечных роз.
В тень кипарисов, под своды маслин, кедров и яблонь
Несите возлюбленный ветер.
Свет огненных глаз под ресницами из лазури
Дышит в затылок, плач небесного хрусталя
Смывает черную моль с ковров луговых.
В пепле зачатые вяжут нить серебра,
Одетые в прах рубином сердца блистают.
Завтра наступит поздно.
Кто знает свой новый рассвет?

Экспромт

Обозленное, но любящее сердце.
Кромсай его, вот оно, как на ладони, нежное, ласковое,
но если считаешь, что беззащитное, то глубоко заблуждаешься.
О, любители жевать чужие жизни!
О, надменные ценители высокой праведности!
Ваши рты никогда не закроются,

ваши уши никогда не перестанут искать
своими чуткими раковинами зла для еще большего зла.
Обозленное, но любящее сердце.
Тебя хранит твоя любовь, тебя утешает тонкое пение
нимф, обрученных с горными реками и лесными озерами,
тебя услаждает тернистая прорубь ночи.
Слушай голос, что бьется в тебе ключом искренности,
и, может быть, холодная корка твоего платья согреет
еще одно движение чьей-то потерянной, забытой души.

Головокружение

Головокружение городского потока в руинах мозговых клеток.
Отчаянное стремление проснуться, открыть слипшиеся весенней грязью глаза.
Тление неразборчивой памяти на остывших углях, искра утреннего света,
пропахшая белоголовым туманом и сыростью дорожных спазмов. Лоза

телефонных веток, дрожащая пресными разговорами. Теплый шелк
рук женщины, оставленной дома с плачущим ребенком. Опавшие листья
надежд – пространство для нового. Похмеляющиеся шарканье ног.
Радость дворняги, прикормленной вчерашним застольем и мыслью о безмыслии.

Тонущее, вязнувшее в пенистой влаге небо давит степным порошком, морской
ультрамариновой обнаженностью и головокружение становится привычкой.
Играет Бетховен, Бах, Моцарт, играет шипение улиц. Легкий голод с тоской –
развлечение мудрой природы. Симметрия счастья и боли жизни. Все как обычно.

Все исполнено бреда мартовских красок, родникового обновления воздуха.
Деревья ждут шупалец алого солнца, чтоб оправдать склейки поэта, кто-то
ждет благовонья сезонного искусства, кто-то ждет ответов, кто-то ждет вопросов,
кто-то уже ничего не ждет... Головокружение, так плачет дитя, так плачет свобода.

Всесильный холод, нескончаемость дороги

Всесильный холод, нескончаемость дороги открылись в новом свете янтаря,
Там одиночества глубокие ущелья сверкали бриллиантовой дугой.
Апрель вспорхнул с ладоней растворенных, как мотылек души и чернь угля
В глазах моих налилась апельсином, густым гранатом, сочной лозой.
И жизнь, и смерть, и все, что им созвучно, все обрело подобие огня,
Его зажгла природой пылевидной сквозная рана – холода ожог.
Резина горизонта, ночи глубь, молчанье громкое пустыни, чернь угля –
Слились в один, в один большой глоток
Тумана вещевого, тумана вдохновенья.

Dialogue

у него – вечная усталость в глазах
у нее – льющая солнце улыбка
у него – вечная судорога жил

у нее – плавность снежного барса
у него – замерзшая сталь языка
у нее – бархатное молоко
у него – ее сердце
у нее – его нежность

Письмо. Белый дождь

Вуаль табачного вечера на выражении окон. Март плодоносит снежно-дождливым смехом.

Муза уснет в грязном сугробе, и Дионис разбазарит хмель по радуге глаз.
Звезд порошок проглотит туманная залежь, черная маска небес, сонный потерянный пласт призрачных улиц. Мироточащий ласкою воздух, морщины ореховой

скорлупы на лунном фантоме, все обернется твоим отсутствием, нашей разлукой.
Нам есть, что сказать, пусть мы и молчим, нам есть, что беречь, пусть мы и полны растраты.

Спи, пока время решает за нас, спи, пока медом холодным мажет оклад свой
ночная икона, храм безмятежного дыма снов, губ мертвая сухость.

Завтра я снова приду к тебе, с тем, чтобы коснуться причала одной минуты,
решившей мои слова и дела на миллионы лет, на миллионы зим,
занесенные твоей вишневой вьюгой, сердцем твоим.
Хлопок ночной на подушке, ветер, прошитый на ткани постели, ветер укутал

шпиль моих нот, плавность движений кисти. Меня печаль полюбила –
чистый источник снега и звезд, ладан ранней весны.

Меня полюбил твои руки – ласточки солнца, крики грозы
глубоководного лета, что ожидает в прихожей. Я скинул

вуаль табачного вечера – там была ночь...

Словообразование

Чтобы я мог сказать, если б предел языка растаял мглюю осенней,
если б слова всецело вобрали горящий бульон души,
не расплескав ни грамма, ни капли, ни звука, снятого с ветки цветущей чувства?
В бордовой вечерней корзине перезревшее солнце, темно-синие вздутые вены
неба, слизь травяная и мой голос – чем бы он жил,
свободный, ветренный, полный кровавой пыли рябины, густо

окрашенный в тяжесть лесной смолы? Мой голос, под снежной крошкой,
под ледниками дорог, под таяньем звезд, в тени любовника-марта –
что бы он мог открыть, раскрепощенный, дерзкий, льющийся пеной
мутных потоков Ганга? Глубину безмолвия совершенной ночи,
глубину неведения, как наилучшего знания, глубину охвата
ее любви, как проявления моего слова, окаменевшего в тени
любовника-марта...

Хайвэй

*Моё сердце, которое живёт, не будет тебе отдано.
Древнеегипетская книга мертвых*

Свет воскресает из-под завала ночи, свет, распускающийся опалом
в разводах стеклянных иллюминаторов плывущего города. Асфальт искрится
дыханием талого снега, сгорбленной грудой февральского серого праха. Алое
утро вздымается железобетонным комом, бледная лунная пристань

смазана снежно-индиговым ветром голого неба. Аспиды ветвей,
прожженные холодом, нарезают паучью симфонию – тень многорукого Шивы.
Желудь солнца вспухает юным весенним огнем, пар золотой съедает глаза, брызги ключей
углекислого газа падают ароматом движенья, тянутся струны, жилы

нервно-стальных коммуникаций. Свежая типографская краска
смачивает пересохшее снами горло, снами, где каждый боится своих желаний,
снами, что остаются на клумбе могильных звезд отрешенным небытием. Балласт
души засыпан известью первостепенной потребности жить, рваным

стремлением быть сопричастным, быть своим на картонной витрине.

Увертюра

Промочи мои веки соком сосновым, рассвет,
срез осеннего клена в ладони багрянцем вложи,
нежность Исиды вдохни серебристой росой.
В плеске лазури снежный качается свет,
в дыме берез просыпается жизни
ветер,
взбитую муть облаков роняя на плечи
холмов.

Увертюра №2

*Деревья бросают тени на тени, в домах гаснет свет,
мы одни.
Ален Гинзберг*

Матовым тлением фонарей на морщинистой плоти обочин
рассеяна память погасшего дня. Солнце (спокойствием суфия)
сходит в могильную стужу, принимая пурпурно-лиловую смерть
от руки привратника ночи.

Стекла машины расшиты дождливым пухом,
глотающим теплую гниль мартовских ветров.

Рубиновый след
горизонта плывет в летаргических водах.

На кончиках пальцев
огненный лед и бархатный холод.

Целлофан

Смуглые перья востока бьются о створки глаз (наводненных ромом ночного фужера). Ритмическим маршем Deep Purple сновидения лопаются на лоскуты беспамятства. Свинцовые тучи швыряют на землю влажные лепестки весеннего снега. Тяжелеет нервозная накипь дорожной развязки в целлофановой линзе окна. Кофейная пряность

разливается беспорядочной лихорадкой в пульсе сердечной мышцы. Измятые простыни, еще дышат уютом черного полиэстера на теле пустынной прохлады. Возьми меня за руку и отведи обратно, на берег слезоточивого моря созвездий, где беспросветный воздух одинок, (также, как и мой голос) безучастен в слизи лунного хрома, одень меня мраком

спящих цветов, чтобы я видел свое лицо. Я обращаюсь к тебе, часовой закипающей крови утреннего холста, будоражащий беглую сладкую смерть огненной пряжей звезды, держащей в прицеле монтаж дневного абсурда. Монотонная безусловность востока – константа жертвенного пробуждения – вползает в подвалы весны. Я собираю последние капли угольных вод на дрожи ладони.

Цветомузыка

купоросная шляпа полдня
ложится на бруснично-осиновый луг
в порфировой крошке цветов

цейлонский алмаз эфира
прошит гиацинтовыми
арабесками солнца

терракота тропинки ведет
в павлиний туман
касторовой роши

муаровый шепот листвы
обнажает гортензию
твоего сердца

Ранний Матисс

из эфемерной туманности Тернера
раскрашенных плоскостей
солнценосного зодчества
японской гравюры
средневековых эмалей и витражей
колоритного симфонизма –
революция тона
(ничего, кроме цвета,
афористичность эмоций)
природа грации женщины
вечность простосердечия
надежда
трактовка природы

гармония в разночтениях
французская воля
варварство и утонченность –
шкала инстинктов
патриарха-ребенка фовизма
(говорят, когда он работал,
он верил в Бога)

На алтаре из лунного камня

Свет мартовского снега –
отголосок лилейной зари весны,
оркестровая блажь бисквитного неба,
девственный луч хрустальной альпийской слезы –
так прощается холод с тобой,
так встречает тебя наводнение коротких ночей
и мятный настой
оживающих почек теплых созвездий, чей,
стреляющий звоном серебряным, кратер
переполнен бордовым вином
чувственных мук и объятьями
розоволицых рек. Ляжем на дно
алым корундом заката, диадемой
радуги из перламутровой пыли
украшим мотивы берилла
в зачатии сладостно-нервной
талой воды.
Соборная млечность.
На алтаре из лунного камня –
мартовский снег, что в руки твои
пламенем лилий падал
и превращался в жемчуг.

Органная fuga растаявших ледников

Солнечный улей распотрошила апрельская выюга.
Теплым дыханьем гуаши хлестнули ресницы аллеи.
Пепел оранжевых ливней колдует над лугом
пьяных от запахов глаз, от запахов дуновения
лазорево-облачного листопада. Органная fuga
растаявших ледников смазала ядом песочно-болотным
синие губы зимы. Слюдой изумрудной
выложен путь в наш последний приют, сотканный
леопардовой яшмой заката.

Сердолик

Многотонной мандариновой подсветкой горизонт трещит по швам в вечерней луже

мягкотелого налета мая. Пар дождя толпится на асфальтовом поддоне.
Воздух липнет легким алкоголем к розе губ. На тигровом глазе неба
отпечаталась любовников душа. Ты веришь в душу
вишни, обретенную весенним пеленаньем? Ты веришь в нежность лона
сердоликом тающей звезды? Если, да – возьми мою ладонь –
она из льда ночного, она из млечной вены
полночи прозрачной, в ней серебряный огонь
и вод хрусталь...

Жатва. Импровизация слуха

Тишина выходит из тени, тишина моих слов, бессвязных лучей
заходящего солнца. Лунного крика овал – ночная аэрография –
мертвенной желтизной выливается в автоматический ритм письма. Воск свечей –
запах удушливых нот –
плавится смертью огня
в янтарно-кофейном брожении.
Томас Стернз Элиот
говорил – каждое стихотворение есть эпитафия –
но для меня –
свидетельство о рождении;
сладость бега без ориентиров по музыкальным дорожкам иллюзорного
каталога звезд; зона
повышенного возбуждения
внутренних красок; внутреннее проклятие
шепотом сонных кленов, осин и берез,
их песенным строем, ведущим мой пылевидный слух.
Тишина скользит невесомостью слез
ракеты, тишина моих слов, пепельный звук
нордовых спящих аллей,
фантомы табачного дыма.
Сколько еще мне отпущено веры
в витрины
из смоляных хризантем, из вороной
влаги,
из золотом липкой
осенней муки?
Вспоминается Аполлинер –
я выстроил дом свой в нагом океане,
в нем окна-реки, что текут из глаз моих.
Иконой застыв,
черная степь обнажает раны
строки.

Гвоздика

Привкус твоих проснувшихся губ –
мягкость и легкость солнечного
вина
из монастыря

восходящей звезды
востока.
Раскрывшись гвоздикой,
ловить им пыльцу поцелуев
с утренней кроны зари.

Вдох-мгновение

осколок лазури
в пыльном окне дыхания
молитва
вино
женская ласка и боль

Писать о золоте в дыханье малахита

Обглоданный усталостью маршрут осеннего прилива
сведет объёмом ржавым. Писать об осени весной –
бессонницы привычка, когда глазури лунной недосказанность клюет
застывший слиток глаз, и ветров черных грива
расчесана шершавым плеском лип. Фонарный зной
отравой бледной греет, астрологический серебряный налет
задекорировал небесной нефти море.
Писать о золоте в дыханье малахита –
примета расщепленного ядра нервной памяти,
когда рассвет, налитый мышьяком, струну настроит
в венозность седовласую ручьев, и в рваном платье
скверов швы воскресают тополей, мясистой пихтой
сводит губку легких. Моя природа мозаична, из осколков
зеркальных глубже виден свет, чем в плоскостях,
и стон ночного вакуума ближе
к прямым ответам, чем полуденная потная
рубашка облаков, а первобытный страх
мудрее и целебней кости книжной –
мне так шептал тенистый сладкий смог.

Парижская школа

Бросаем в котел и плавим –
неолит, греческую архаику,
средневековье, барокко и романтизм –
на выходе - Парижская школа –
Утрилло, Сутин, Модильяни –
экспрессионизм –
тьма и проза существования, бремя
души, демоническо-
фаталистическое мифотворчество,
люминесценции идеализма,
иррацию ночи,

суверенность внутренних красок
от предметности,
истина окружения тяготеет
на волоске из ветра,
сверх-индивидуализированные
неоднородность, противоречия, неадекватность,
философия жизни,
искусство кричать и плакать
дождем из пепла
свободного духа.

Фарфоровая меланхолия

Дитя мое, ты родилось для терпения:

терпи же, страдай и молчи.

Мексиканское приветствие новорожденным

Фарфор зимы разбит в болотный сумрак весенних трав с оливковых дорог.
Во мне метель скучает белым полем, во мне граненый иней рвется в блеск,
и теплый шум оживших парков режет слух. Как же далек
от глаз подснежник солнца (расплавленный в окрестности
журчащих переулков), и, как кристальный север
свеж звездой пустынной. Мне не хватает грозового сна
холмов хрустящих в ледяном восходе, следов химеры
снежной на стекле. Фарфор зимы впитала, лишь луна,
и ей мои молитвенные ласки, и ей, ночной сестре,
мое остановившееся сердце. Гаснет холод,
толпа надеж сбивает жадно с ног, и в мертвенном шатре
сорвут медитативное дыханье – февральский войлок,
обветренный в пунцовый шелк январь, закатная декабрьская медь.
Мне балаган бутылочных ветров, как приторная чаша;
мне волчий вой – священная пора. Земная твердь
плывет и поступь сводит меланхолией воды. Фарфор закрашен
живым лоском полдня – я ослеп...

Больничным халатом березовой рощи и кровью черешни,
чахоточной молью души тополиной и пламенем яблонь
свой взгляд напою, оберну, перекрашу по образу и подобию,
пусть станет рассветом жемчужной сакуры, черемухи нежным
дымком, пусть змеится плющом и купается садом
сапфилов небесной породы.
Творец – это то, что прописано в каждой
ожившей клеточке плача младенца –
дань абсолютной природе
сквозь матовый кварц человеческих граней.
Кто не забыл до конца, тот однажды
возьмет каплю хвойной влаги,
скрипичной ивы брожение,
дубов тенистую бездну –

разговорит, и вернет, и подарит,
как ритуал всежжения,
Богу.

Жреческая соль

Положу на сердце отголоски жреческой поэзии волн фисташковых.
Тишину льняную, хлопок облаков, свечи роц сентябрьских приму себе в собратья.
В зеркале руды ночной старателем возьмет меня пещерная луна.
Почерком олив под ониксом дождей след свой разукрашу,
след, ведущий в кому белых ароматов мрамора зимы, след, ведущий в платье
снов аквамариновых речных, след луча окна,
пробивающего мрак гробов панельных глянецом родников.
Музыка колодезного дна расплескалась бриллиантовым приливом
отдаленных звезд. Зубчатыми ртами контуров скалистых ветры нагоняет.
Маслом и елеем стелется, клубится рана из цветов
на земле каштановой, где мой посох падал усталю и львиный
рык заката пел листопадом алым в нордовый мой лагерь.
Там помажу лоб свой и ладоней пемзу дымом горизонта,
там напьюсь из слова, данного росистой утренней печалью,
там свяжу дороги на скрещенье неба с тьмой души тревожной.
То, что окрыляет, то и губит верно, в тысячный, и в сотый,
словно в первый раз; память – друг нетвердый, тем, кто поедает
хлеб из рук фатальной ледяной прохлады звездочки дорожной.

Неврастения. Весенний ритм-н-блюз

Болезненно-зеленоватый ритм с прослойками капли и битого стекла
февральского экстракта, эмбриональный уголек на свежести топаза,
соломенный парфюм землистой атмосферы под ногами, нервозная игра
беспечного сознания, поточный выхлоп уличного бега, сток облачного газа
над головой выводит ленью минерал сетчатки. Нагое дребезжание
древесных вен в истерике пернатой, вечерней карамели протяжность
до Арктики остаточных явлений, слепое обожание
полов и многомерность поцелуев оста на мятном жжене кожи.

Баллада

Бриллиантовый слог ночной сферы нашептал симфонизм тиховойный
на ржаной панораме безлюдья. Медитативный прилив колоннады фонарной –
словно эхо античных руин. Пустотой вспаханный, сдобренный черной пеной
рассадник углекислот – ящер дорожный – скован железом снотворным, полярной

прохладой обратной поверхности силикатного трупа луны.
Лимфатический ток проспектов изъясняется на языке мессалин.
Параной травящих память картин, оттисков темнопородной слюды
четырёхглавого монстра Малевича. Я люблю быть один на один

с собеседником, тлеющим вязкой смолой пространственного воздержания,

ледниковым стоном блюзовой импровизации окон, хранящих молчание.
Пластикой ягуара расплетается кокон карей души. Содержание
обретает форму всеобщей тени. Мертвое ожидание

первых полупрямых кипящего цитруса с горизонтального шва.
Вещественность – призрачна; иллюзорность – предметна.
Стыд дневного излишка прикрыт вороной океанической шалью.
Бриллиантовый слог ночной сферы смеется бессмертием смерти.

Миднайт. Баллада #2

Омой свое сердце даосской водой...

Автор

Холодная энергия материала ночи наносится неровными мазками на мольберт
глазного яблока - алхимия сиреневых подтеков сквозь мгlistую зарю.
Эфирные импресии, обвитые туманами абстрактного руна,
доводят геометрию души до многомерных плоскостей межзвездных ветров.
О плечи бьется горлицей воздушной меди напряженье.
Оскалилась гримасой лунной рябь в пруду,
заросшем лютней склизких лягв, и я
вытягиваю пальцами холодными со дна
слепое наслажденье.

Жаворонком

Мякоть апрельского солнца закралась ознобом бриза
в шелест лиственных пальцев на изумрудно-горчащем скелете.
Изысканность легкой походки женственности
слепит чумазую плесень сдавленных прахом сугробов.
К хрустальной мелодике водопадов карнизных
подмешано коррозионное пойло зимнего ветра,
чахнувшего в окрестностях
бодрых затрещин змеевидных лучей лимонно-водного

неба, что ползет за шиворот лесопосадки столбов,
заливает сапфировой кислотой поры
асфальтовой планиметрии,
чьи выбоины, запекшеся смолой облаков,
слюнявят воображение форм.
Скорлупа недоношенного, недоквашенного лета

трещит в ароматическом поле рассвета,
масло с его розовых губ струится по коже спальни,
я храню этот медленный свет между строк распечатанных
окон, теплый тающий вкус созерцанья свечи.
В шелесте лиственных пальцев на изумрудно-горчащем скелете
прячется песня жаворонка. Опалом
искрится раненье ночного холста, причастие
крошащимся хлебом гаснущих звезд и золотом вешней лозы. Лечи,

врачуй меня лаской болезненной зелени,
рожденная пеной морских куплетов.

Гобелены

верблюжья шерсть целебного тумана неба
неба, цвета побегов можжевельника,
цвета середины мая

поздnezакатный циркон
дорога из звезд – металлический блеск
оперенья скворца

тень шагов легка, как чистая ангорская пряжа
подвижна и незрима,
как флейта иволги

хризолит родниковой травы
молчалив,
как белый аист

мягкость и теплота кашемира
в размахе крыльев
степного орла – ветра

Parterre de fleurs*

Загляни в глаза мои,
там нашли свою нежную гавань, parterre de fleurs:
вечноцветущая бегония восходящего солнца,
магнолии древнего парка созвездий,
гиацинт печали летнего вечера,
ирис меркнувшего неба,
цветущий жасмин снежного аромата,
пряный лавр разбега морской волны,
горная камелия души, ищущая яркий рассеянный свет страсти,
алоэ живительных соков священных дорог,
анемоны легких весенних дождей,
вересковый эль звенящей росы,
олеандровое ожерелье тающего горизонта,
шалфей пророчащих песен ночного ветра,
эвкалипт эфирного масла июльского полдня,
махровый пион заката магнитных полей весны.
Загляни в благоухание глаз моих,
строгая красота.

* - (фран.) клумба

В саду расходящихся хокку

№ 65196

онемел язык
теплый гранат заката
молча склонился

№ 65225

скован молчаньем
жемчуг ночного неба
лишь ветер в лесу

№ 65257

белое небо
пепельной розой зари
сердце воскресло

Каприз ля-минор

Камнем плывет по волнам пьяной музыки племя неоперившихся скверов.
Ржавые трубы сорванных связок весны, горький светильник утренней мяты,
скомканный воздух в свинцовых тонах, слезы слепого сновидца рассвета.
Преломленное прахом влажной земли ощущение тяжелой свободы. Вата

туманных цветов, призрачных почек-рун узелки в атмосферной похлебке,
кафель дождливых надрезов. Остаться один на один с мечтою о ласковой смерти
в дионисийской траве, опасть аллергеном столбов тополиных в походку
влюбленных теней. Секунды, минуты, часы, километры

и еще пятерка незримо сжатых пространств – координатная сетка
слепленной страстью плоти, бродяжки и попрошайки – секунды, минуты, часы
и вечность мгновенья вскрытого жемчугом лотоса. Заводь рассвета
спалит чашу ночную, пыль мостовой похоронит пепел черной листвы

на венозных развязках. Слышать, лишь бархатный шум воды
в озере глаз первой встречной, чувствовать, лишь
острие наконечника огненных стрел с протуберанца звезды
сердца, ждать, лишь данности совершенную боль,
бледные губы смочив соком багровой вишни...

Визионер

... и вот я стою
на растекшемся огненном поле,
за моею спиной
синие стены небес
и прохладная стружка реки,

на моем пути
алмазные копья воздушных потоков,
с моей руки
капают зеленую слезы
осоки,
беглые риски ласточек
пляшут в чертогах
облачного паломничества,
розовый,
песочный,
пряничный,
обморочный –
синонимы
ландыша в легких...
и вот я стою
на окраине дня,
и вижу свое отражение в воде
растопленных льдов ночи...

Дождепитие

Мутные кровоподтеки аспидных морщин тротуаров.
Зеркальная влажность апрельских фантазий. Дождь провожает меня сегодня.
Я научился любить его серые скользкие локоны, его поджарый
звон серебра, лед колокольчиков, золото,

потерявшее цену в скрученной грузности туч. Пустота
разгружает уличный хлам, молчание окон поет совершенней.
Олово неба стекает забвеньем,
но что есть любовь, как не отрешение; что есть красота,

как не скрытая чувственность холода. Я буду особенно откровенен
с тобой в этой водной келейности – туман никогда не спадет,
но молоком тумана насытятся тонкие мокрые стены
моего дома и зацветут светом лилейной пыли; огонь никогда не найдет

моих рук, но искры засеют поля весенних элегий,
и ты будешь гулять по ним, словно весталка.
Сыростью ветхих подвалов тлеет
ветер, дождь встречает меня пленом

битого хрустала (купол раздув медузой),
солнце играет в прятки,
сетью нагой ловят дыхание вскрытые вены аллеи –
течение непредсказуемо...

Пространство der freien Assoziation*

...улучки старого Иерусалима, ведущие на Голгофу...
...вечная влюбленность музыки Берлиоза....

...отсыревший уголь ренессанса дождливой ночной плоти...
...обжигающий летней лозой привкус коньячного спирта...
...акустическая импровизация памяти...
...можжевеловое масло на пальцах от деревянных четок, хранящих тайну...
...головня абажура в соседней комнате, как закат солнца над Вечным городом...
...сонная роза, принявшая образ дымки табачного яда...
...дзен, блуждающим нервом застрявший в подкорке сухих ежедневников...
...поэзия Монмартра, разбившая сад на склонах землистой весны души...
...цветок греческого огня, дрожащий под пледом осенних кленовых листьев...
...капилляры фонарной флаги, рыжей, как борода Ван Гога...
...лабиринт Минотавра, распутанный постижением смертной природы...
...жизнь, смотря на тебя, я вижу палитру из слов.

* - (нем.) свободные ассоциации

Притяжение

Стена дождей над саваном окна – запахло степью.
Докуриваю снов краткометраж.
О чем ты думаешь, когда клинок рассвета
вскрывает сердце, полное любви?

Я, кажется, нашел ответ
в твоих глазах, что так нежны от милосердия
и материнских черт.
Я словно агнец на твоих руках –

молчащая слеза за предрассудком мужественной
плоти. Туманный взор Эдема –
и на росистых от вина устах
прикосновение, как глубина надежды.

Беседы солнца и луны. Берилловой прохладой
дождь размывает стены
недосказанных объятий.
И в нашем доме снова фимиам и ладан...

Интродукция

Отыгравший ноктюрн черной воды.
Раннего неба сурьма. Кокаиновой дымкой
в галерею окон воскресных падает горизонт.
Ломтики кровель чертят фигуры
архитектурного шума.
Каприччио апрельской прогулки по солоду луж.

Склоняющая слух. Парафразис

Инерция начала.

Тибетская флейта и колокольчики,
как последнее дыхание в океан без волн.
Небытийный, горящий, сверкающий ум –
предвечный свет
великой вертикальной тропы, ее прозрачное тело.
Озаренье за смертью в сознании, разрывающее цепи Сансары,
экстатическое слияние предмета и взгляда,
видения запахов обольщения.
Стань звуком, ощущеньем зеркальных стекол,
мандалой сердца в чистом белом пламени,
состоянием не рожденной мысли,
явлением тайнописи, сиянием четырех стихий.
Несокрушимый свет жесткого блеска спасения,
рождение призраков, тонкое наслаждение
в тающей встрече с Бордо Тодол*
на увядающем лотосе авантюрина солнца.
Позднее покаяние. Тень материнской утробы
стелется черной пшеницей.

* – *Тибетская книга мертвых*

Фианитовая капель

Капелью фиантиовой с ветвей слацаво-прелых стреляет пенье птиц.
Бальзам весны съедает черный снег, и мне, уже неважно
откуда дует ветер...
Разливом лаймовым реки смывает берег склизкий.
Клубится сонно-ржавая
травя, и я срываю лепестки рассвета,

чтоб ими устелить твою прогулку в дождь,
когда созреет невесомость шага.
И дальше, дальше будут хороводить
с тобою липы, вязы и дубы, пока идешь
ты и качаешь солнце на руках,
огонь зачаточного плода

лета, прижав улыбку теплого луча
к нагой груди. И будешь бредить
зелеными беседками и скверами
на сырости кремнистой. Но, только, лишь свеча
уставших глаз взметет молитвы к небу,

вдруг осознаешь, лето – это ты,
и дашь ладонь мне, полную цветов
твоей любви,
чтоб искра с пламени волос прожгла бессонницей
наш лунный сад.

Полутона

Отцветающая матовая скорбь вешнего ручья.
Городского воздуха хорал, искрящий лазуритом.
Гематитовым дыханьем обелиски трупные заводов
ловят взгляд – на нем – молчанье рун.

Солнца бледную ожившую креветку
встретит плачем, стоном первобытным
прошлогодня зола травы.
Эликсир тепла обил подмостки. Сплюнь.

ТЬфу-тьфу-тьфу – прокашляет вдогонку
ветер-ласточка сквозь магию Венеры,
расшвыряет пыль пятнистой яшмой
и присядет на плечо топазом

из созвездья Овна. Кровь пространства,
как мелодия тибетских чаш, напела
звон целебный, джаза благовест.
ТЬфу-тьфу-тьфу – не сглазить.
Не сфальшивить.

Пастухи звезды востока. Холст. Масло

А на небе великое соединение Сатурна и Юпитера
по имени Иисус,
тысячи жемчужных Будд,
лицо Моисея, окаменевшее лунной поверхностью,
а на земле ночь и снег,
воскуренный дым безмолвной травы
созерцания,
васильковая пряжа глаз новорожденных.

Заговор

Драгоценнее алмаза
колыбель садов твоих –
марта кровь – что винный сок,
безрассудной плоти заводь,
ночи юная богиня.
На губах твоих я таю
медом сахарной зари.
Принеси мне золотых
струн букет
для песни лета,
чтобы полдень смыл золу
в голубом агате неба.

Контрасты с привкусом ностальгического сна

Туманность взгляда брызгает сырой волной и тиной,
чешуйками холмистого прибрежного песка,
бутылочной-индиговой прохладой, соленым инеем
святилища заката с престола Посейдона.
И ты идешь, грузнея вкусом рома, глиной
смуглого лица, под зонтом кипарисового сна.
Оранжерея бархатного тлена страстей,
скрип чаек, шипящей пены сода

полощет твои ноги. А у нас, зима...
У нас жжет обнаженность на кремowych полях,
в тряпье дорог простывший зуд авто,
по улицам капель стеклянных взглядов
и вечер падает, как пушечный снаряд
в грудь кратковременного солнечного праха.
И я иду, сливаясь дымом снов
панельных склепов, пепельным обрядом

зыбучей вьюги. Но и до нас размахом
крыла серебряного донесла луна
свет южный, теплоты запруды,
когда ресницы зреют тяжестью свинца,
когда я четко вижу сам себя
на берегу, объятom млечной пудрой
остроконечных звезд, в безумстве мудреца,
по гальке черноморских пересылок
бегущим в зимний сумрак.

Аврийль. Колыбельная

Тише, девочка, тише... Лед апрельский, так тонок,
зелень еще, так хрупка и невинна в свете хрустальных фонариков звезд.
Луж колыбельки парируют солнца
кровь голубиную, и акварелью
дождик стучится в чумадые окна,
дождик зеленый из почек и ветра.
Тише, маленькая, спокойней...
Холод апрельский так нежен, так строен,
крылышки туч садятся на кровли,
чтобы утешить глазки твои.
Тише, родная, вот шелковый лучик
песни прядет, пеленая аллеи,
змейки ручьев провожают кораблик,
тени аллеи шепчут на ухо –
тише, девочка, тише...

594 знака кармы

серебряный свет колокольчиков, мандала вздутого солнца.

мне подарили жизнь, форму в пространстве, принявшую внешний мир.
во мне возбудились реакции на пространство в инстинктах и ощущениях.
я инициировал, утвердил активный ответ на стимул.
я интерпретировал и уложил в границы эмоции и рассудок.
я интегрировал чувства и интеллект во вселенную спроецированных икон.
тьень загрязненных фигуры лежит фиолетовой ночью,
не преображенным болотом на зеркале глаз моих.
я повторяю – рупа, ведана, самджня, санскара, виджняна –
пять элементов матовой консервации,
пять кинжалов в плоть растворения в свете реальности.
медный звон колокольчиков, сфера погасшего дня вещает мандалу вздутого солнца.

Иритэ. Японская старинная музыка

Словно шагает
по солнечной кроне
хор золотых бубенцов.

Словно родник
крошит хрусталь
на шелк кимоно.

Словно луна
растворяется в ряби
горного озера.

Словно звезда
искрится мотивом
прохлады алмазной.

Словно свеча
колышется светом
вздоха ночного.

Словно снега
нежного лотоса
падают в руки.

Словно клинок,
обагрённый закатом,
дышит бессмертьем.

Словно безмолвие
храмовых стен
заговорило.

Словно ручья
прозрачная кровь
в сердце вошла.

Зенит Фудзиямы

Лунной кувшинкой плывет
в подтеках радужносинего
авамарина
раннемолочный, пергаментный, мраморно-белый
зенит Фудзиямы.
В бронзе зрачка
отливается ценным кораллом
пламеннокрасное
сердце твое.
На устах
остывает свинцо-серый туман
сланцевой ночи,
где ты оставила,
в простынях трав,
ожерелье песочных звезд.
Скоро, желтый металл заката,
скоро, темно-лиловый
ветер ночной.
Жжет драконьей слюной
долготерпение,
легкостью тяжкий
труд любви
цвета кармина.

Агни-полдень

Агни-полдень дышит нектаром в сахарно-белых одеждах.
Всадники ветра
слагают гимны под деревом Бодхи.
Золотисто-красное
воплощение
двадцать восьмого лета
принесет мне зыбкое счастье.
Аспидной тропой
в смоли лиственной памяти
лотос пробьется
твоей улыбки на платье
небесной портнихи – любви.

Зимцерла *

В глубь, в степь, в стон, в рог – колокол перемалывает воздух,
колокол восточного вздоха солнца.
В лед, в ширь, в плавь – ставни небесные бьются о шорох
овсяных стоков тумана.
Как прекрасна надежда, дающая смерти отдых, как священна весна,
дающая мертвому взгляду колос,
согретый губами медовыми ветра-южанина. Изумрудные

лиственные костры, хороводы полян

в девственных красках, улья дождей с радужной вязью –
не дадут спокойного сна в молочных гробницах
зимы. Грозы вещают, гроздя клубятся, тени свисают,
легкость глотку дерет.

Пой, птичье лоно, мне винной струей, напоившей
облачную колесницу;
строй мне палатку из теплых еловых веток, зодчий лесной;
ко мне на чай зайдет

в поздний час, красавица лунная. Мы просидим до утра,
до колокола восточного вздоха солнца,
до багряно-лазурной росы на щеках, до изнеможения,
жжения мышцы сердечной, тления глаз коралловых.
В сласть, в кровь, в солнечный пот травы луговой –
оденется юный воздух.
В лоск, в луч, в лик, в соль – осыплется пыльное отражение
наших нежных желаний.

* - *богиня весны и цветов (слав.)*

Химера

Остекленевший огненный шар Дианы,
мраморный берег ночной,
меридианы хвоинок звездных,
феррум дыхания Аквилона,
артерии ароматов
холодного океана
Фобоса. Чадной свечой
пробирается какофония поздних
оркестров в дом мой,
в дол мой, в боль, в долю,
в воздух, в лозы
проекций окон. Иллюминации грации
и кривизны весны, ласка
и деревянистость предчувствий.
Пусто, пустынно, картинно
густо от смол и темно-красной
пляски
далеких костров.

Бельканто

Бельканто – лесной пожар многоголосия, кипяток медвяной тревоги.
Господи, я сорвал слух.
Щеглы, дрозды, соловьи, синицы,
иволги, жаворонки, канарейки, камышевки, пеночки –
адамантовые цветы садов музыки

осыпаются рогом
изобилия, чистой, прозрачной криницей,
ветерком голубоглазым с веточки и на веточку.

Как хорошо помолчать, отдышаться молитвой певчей,
сбросить плоти трофей, рассеяться млечным фоном, слухом
в пульсаре зеленого моря, воскреснуть азбукой жизни.
Утраченная, упущенная,
простосердечная
живинка,
как призрачных золотарей оплеуха –
бельканто – вешний разлив Орфеевых рек, цветущая вишня
слуха...

Черная соль

О, Африка – корабли из песка, бледная кровь оазисов,
прекрасная нищенка, растерзанный жарким ветром шелк
янтарного паруса, львиное логово черного сердца.
О твой гранит разбивается волн стоглазый
огонь, яд скорпиона в твоих жилах, сок
плодородных рек питает твою грудь, блеск

ритуальных костров покрыл твою кожу сухую.
Пепел серебряных водопадов
проливает слезы,
песни шаманов запрятали скорбь в эхо древних пещер.
Саванны опять ждут дождей,
гиены лакают
воздух ночной падали.
О, Африка – кричат корабли, черная колыбель,

качаемая
сединою времен,
свободных, как тень гепарда...

Блаженная

Любовь, отдавшая себя всецело, до рваных струн, до ядовитого рассвета в глазах
багровых облаков, до помутнения озер ночных, любовь, разбитая о скалы
расстояний, ожиданий и тревог, она, еще в тебе дрожит осиною и осокой
под млечным заревом полуденного света, еще старается вдохнуть в закатный прах
луч свежей крови. Осенний дым волос, мелодия усталых
нежных губ, ладонь, слезоточащая росистым соком

и диадема кротости луны – твои открытые границы. Алмазным наконечником
пера несешь по воздуху элегии и мифы, и к ним, свою полынь,
печальное лекарство, благоухание сапфирового норда подмешиваешь ветром карим.
Кто не боится прогореть – сияет; ты ставишь все на вечности картечь,
на острие медвяных трав весеннего мгновенья; тебе кричат – отринь,

а ты ответом – нестерпимо; тебе пророчат ночь – ты укрываешь ее алым

ожерельем сердца, розою груди, возделанной слезой. Листва шагов
осенних, священный хлеб с созревших нив молитв и самоотречения,
парное молоко дыхания, созвездия прикосновений – твои
приметы в долгом странствии голубки. Лед басовит, туман суров,
надежда – призрачное солнце; но ты не знаешь сожаленья
в боли, отдавшая себя всецело, до рваных строк, до выжженной зари.

Лимонад

В теплице майских богов созрела дождей лучезарность.
Выходи, впереди шаги-снегоступы в лимфу дорожную.
Оглянись, море лиц со страниц изумрудной книги
расписались душой неумытой в лужах хрустальных,
покатились шарманкой, стеной бледнокожей
на южную сторону неба, навстречу душистой стихии

стихов лесостепи. Впрочем, сон тоже уместен,
когда не по средствам скупаем огонь земляничных фонтанов
с витрин каприччио лета. Колется мозг от розги
воздуха прелого, молится на березовый крестный
ход рощ осветившихся, взвившихся пьяной
оградой перед стеклянно-бетонной пыльной россыпью

офисной шахматной партии. Да что там...
Умереть холодом, переродится розовокрылым цветком,
обманчивой красотой любовницы-зорьки, долькой лимонной
в чайной процессии вечера, еловый смех приложить к устам,
лань золотую злобного полдня, ночь вороную, объездив хлыстом,
в охাপку и в душу, в слушанье, в службу музыке дольной.

Чему талант, плыть радугой – тому не миновать;
плыть яблонями, виноградниками, ладаном, хмелем с кровью
пашенки влажной, курчавой, отчаянно прорастающей в солнечный зев,
надышавшейся смолой кочегара звездного. В пляс сласть,
в бок нож от любви болотной, цедащей, новой,
старой, дурной, атласной, какая разница, если, это и вправду любовь,

с ладаном, яблонями, хмелем с кровью, сорняками, с осенью,
с проседью, швами цветочными, почками, почерком стихотворства,
какая разница, если болит, и гонит, и стонет зеленой скрипкой
гортань, рана открытая, ненасытная, вещая, лечащая
и убивающая...

Синестезия

Забиться в угол от света, свиться лисицей снежной –
не так то просто, когда под сердцем тесто сплет – горящий уголь,
туго привязанный к злкам неба топленного.

Молчать слепотой, созерцанием сальным, матовым, туманом грешным
ползти между трав, пламенеющих дурью
густых мазков. Спрятать лезвие закаленное

в сонное лоно завязанных губ, лезвие проникновения
к плоти всеядного солнца, к горлу стоглавого горного баритона,
к блюдцам озер, сплюснутых бирюзой, яшмой, влажным
бальзамом подводных ключей. Легкость мгновения,
объявшего облачный сад, перевесит века чернозема
и многоэтажного жира в зеркале бытия. Страшно,

страшно оставить натруженный взор, тонкий, ломкий
пробором реки, дуги горизонта отведавший, сведущий
в цвете лилейной листы января и, принимающий, с тем же
гостеприимством, листья медвяно-хлопковые
августовских родников. Укрыться леностью глухоты, стелющей
вакуума ткань на заточки свирельные в баснях скворцов, на лежбище

песен ветрено-сладких – можно ли, Господи, твари твоей,
бедному страннику, ратнику, всаднику апокалипсиса и святоприемнику.
Можно, если забыть, что тленен, что плотски обременен и влюблен
в пробелы священного текста природы, а не в олово слова
звездной ночи на шлейфе чарующей вены
млечной дороги. И если, все же, забиться в угол, то, только под это крыло,

под этот мотив алмазных дождей, под этот клубок рептилии лунной,
до самого мяса неисповедимых струн.

Поток И цзин*

парящий дракон населяет небо
ожидая кровь за вином и яствами
обладай правдой
луна уже в полнолунии
укрой оружие в зарослях
наступая на хвост тигра
тигр глядит, вонзаясь, в упор
его жажда – погнаться вслед
заклучись в чаще терновника
в правде прекрасного
не служи ни царю, ни князю
будь крепче камня
брось колесницу
иди пешком
раскаяние пропадет

* - китайская “Книга перемен”

Искры клена

бабочка села на мраморный камень
как трепетно время

ط

в лунной печали разрушенных храмов
солнце лотоса

ط

с осенним закатом
венчаются искры клена

ط

звезды с ладони ночи
Север сдувает

ط

толика счастья
дыханье картин из песка

ط

свежесть рожденья
в свечении сосен

ط

кофе на дне чашки
откровенье опавших листьев

ط

черный хрусталь
сердце разбитое женщины

ط

лед родника
звук созерцания тонок

ط

серебряный танец рыбы
стремится слиться с водой

ط

взгляд отражения в озере горном
голубкой вспорхнул погасшей свечи

Пить из прозрачных губ

По спине льется черное пламя волос, словно кровь, обогрившая жертвенный камень.
Ветер орлом садится на руки, тигрица склоняет послушный бархат хребта.
Твоя грудь полна медной прохлады вечернего кубка неба, и я говорю –
уйди, чтобы мне не ослепнуть нежным грехом; и я говорю – останься, играй,
но чтоб мне не прозреть в холод привычки. Читай с золотого листа
сентября мудрость заката, пыль увядания, готовясь ко сну

расспроси желтый свет ветвей за окном о прекрасной смерти,
узнай в храме памяти вес наших слов и обетов,
живи вечным “здесь”, когда я вяжу дожди в букет серебристых лучей

и кидаю к твоим ногам, когда я готовлю на склоне лета
праздник прощанья, прощенья, листопадом свободного сердца,
где возможно, открыто уйти, но остаться будет важней

и печальней для слухов скупых пророков. Зрачки обдает сединой
лунной шагреню, гаснет дыхание, связки звездных ключей
отворяют черное око неба, черное, как пламя волос,
как кровь, обогрешая жертвенный камень. Ветер орлом
взмывает в пространство без измерений, вечерний ручей
в твоей груди поет о возможности пить из прозрачных губ.

Крест

Под навесом из кленов и вязов,
сквозь метели осиновых струн,
уводил меня ветер бездомный
в край чахоточной лунной земли,
в край могильных воздушных ручьев,

героиновой мглой звезды
проводила меня
меланхолия-смоль
небесных
холмов,
проводила меня в крик рожденья,
в холод зимних прикладов,
кровью веры слепой
обагривших.

И сказал мне Кто-то – дыши,
и сказал мне Кто-то – люби,
и увидел Кто-то, что это недурно,
не увидел, лишь я никого,

и сказал пустоте – дай отвратить греха,
чтобы молча нести покаянье.

Вавилонянка

Ее табачно-винными духами
пропах обряд полночных дионисий,
и черный дым изъел глазки дверей
на древовидном направлении ночи.
Она искала света желтых фар
и геометрию чердачных полонезов,
она вдыхала девственный покой
в чужих руках, в холодных ожерельях
бескровных мотыльков, в глотке луны,
повешенной на бедрах медной гирей,
и пепел серебра в ее ногах

хранил желания и звездный пот постели,
змеиный яд и шоколад нагих аллей
течением ветров безнадежно поздних.
Ей имя – ночь, ее огни - метель
туманных шелковиц с каймы проезжей части.

Мадригал

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

Я люблю чувствовать знойное эхо твоих шагов в воздушно-льняном халате,
в лилово-розовых крошках заходящего солнца на подносе крыш,
где затерялись твои холмы, искать приметы тепла догорающего хвороста.
У побережья луны колосятся твои мечты, звездное кораблекрушение,
окропившее щепками серебра кроваво-угольный слог волны.
Я люблю скитаться по паутине влажных рубинов твоих губ, по бриллиантовым лезвиям
сонных ресниц...

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

Я люблю слушать лесные тени, ведь в одной из них когда-то билось дождем
твое сердце, юное, свежее, наводненное пеной листвы и прохладой фиалок
Ты прячешь взгляд в молчание белобородого облака, ты срываешь дыханием
капли цветочной росы, тебе идет непринужденная скука березовой тины.
В камышах прячется дух воды, знакомый с твоей наготой, охраняющий ее тайну
от выскочки ветра, я люблю наблюдать их кремовый бархат и падать
сгоревшей свечой в ромашковый иней на берегу...

ласки твои – лотос
кудри твои – месяц
мысли мои – птицы
в окнах твоих гибнут
окна твои – осколки
неба из лазурита

День склоняется розовым паром,
Как душа нисходит во мраке,
Я давно не брал в руки гитары,

Не щепал загривок собаки.

Я застыл в ночи лунной занозой,
И свечу в одинокие листья
На осеннем крылатом морозе
Вперемешку с сердечной слизью.

И надежды соломинка тащит
Моих слез дождину по полю,
А за полем дымящийся ящер
Паром розовым сумерки поит,

Ящер солнца закатного, окрик
Дня мертвецки слитого в память,
Я давно не смотрел в твои окна,
В ожидании первых свиданий.

Я забыл, что такое – волнение,
Пульс ручьев под рубашкою мятой,
Я прозрел, что такое – смирение
И травы прошлогодняя мята.

Но ты веришь – это непрочно,
Все пророчишь – это на время,
Лунной щепкой дотлеет ночь,
И рассветом юным повеет,

Что, влюбленный в тебя снова,
Распускает букет романсеро,
Но день клонится мутью лиловой,
Как душа прощается с телом.

Шкатулка со льдом

Жизнь не по лжи – дорога цена – драгоценна – примешь ли ты меня
с заусенцами слов, с черной скорбящей истиной, с чистым алмазным
лезвием, вскрывшим скорлупки подтекстов. Нежные песни –
слепы; сочные рожи – расплывчаты; северный воздух – прозрачен;
долгая ночь – терпелива и глубока. Сахарные конфетти для тебя –
мне, что скрежет железных петель; ласки апрельской ливень чумазый –
мне, что душа черепичных барханов – сможешь вобрать эту честную,
злую весну моих глаз, это волчью преданность вещему плачу.
Полет капризов – летуч, до отвращения; полет молчания – каменный лотос –
молчания, говорящего само за себя ...

Инсайт

Луна по волнам отлилась расплавленным сыром,
гремят серебром небесные колбочки звезд, тихо-тихо
бусины гальки перешепнутся, и промочат кремнистые губы

сыростью пенной. Дух беспроглядного ила
кружится в гортани, чайки раненный крик
ветром брызнет в лицо, взгляд безмятежного Будды
сойдет с кипарисов туманных, пальмовой тенью
скроется пьяный ручей.
Я все сказал...
Утесы хранят тишину.

Прелюдия А

Мы писали кровью на влажной бумаге ночи портрет предвестия мая,
до звезды восхода, до кровавой купели востока,
последним штрихом опрокинувшей теплое небо в наши сердца.
Угольная сырость асфальта, словно каменная роса, кажущиеся холодной пустыней
коробки домов.
Я не могу остановить пурпурную жидкость, льющуюся на пожелтевшую бумагу
утренних ветров, я не в силах прервать родниковую песню раненой плоти весны.
Привкус вчерашней любви плачет гранатовым ожерельем отражения глаз, алмазная соль
облаков
на ветвях тополей, сонная слабость воздуха дышит берилловым алкоголем –
мы бросаем в топку слова, и они сгорают юными розами на жертвеннике янтарного
солнца.

Прелюдия В

Раскрепощенная дождем и молнии цветком украсившая вечер,
ты приближаешься на расстояние губ, глотающих вино из кратера весны,
и майская баллада расходящейся травы, словно горящая волна
на мраморе руки,
и заплетенный змеем в волосах закатный ветер к тебе приветлив
нежностью костра,
и розы тают близ тебя, как сердце Афродиты.

Прелюдия С

Пепелище оставленных строк
в простынях ледяной бессонницы.
Дождливое сердце ложится на музыку Баха.
Ряд переключек-метафор приводит в болото безмолвия.
Почки набухли дрожью влюбленных губ.
Атмосферу проспектов питают
силовые линии
поцелуев.
Антитезы весенней рапсодии.
Улыбка усталости плещется радугой
в перламутре луж.
Бодрое небо взбивает сливки простуженных крыш.
Время летит стрелой Амура, лодкой Харона
плывет через солнце и тень, через ватную

плоть движений. Ночи набухли
сажей глазниц, блеском нагой пустоты.
Сладкая, сладкая неизвестность,
беспричинность – мои подруги,
мои истории.
А ядрышко мира,
все также колыхнется ультрамариновой бабочкой
в илистой мгле вселенского вздоха...

Прелюдия D

Крылатые капилляры лунной волны,
остывающие на лимонном песке,
заговорили со мной пламенем августа.
Покажи мне дорогу к звезде многоцветного одиночества,
тень старого кедра;
расскажи мне о вечном скитании счастья
по берегам ненасытного
вожделения
человека;
напророчь мне
вотчину вечного сна
в садах из бирюзы и золота;
ответь мне
молчанием дна
бездонного океана сердца.

Ракурс 03052011. Прелюдия E

Сквозь дождевые облака клюет слюной мертвецки пьяной в брюхо мокрого асфальта
желтушно-висельное солнце.
Затяжка из ментоловой травы под флейту рос, размешанных серебряным песком и грязью
ливня ночи.
Надежное пристанище для сумрачного духа подземелий. И, все-таки – весна; и, все-таки –
коррозия
метелицы железной налицо. Сдувая пыль с узоров выцветших чернил дороги,
услышишь родниковый колокольчик –

там демон твой, любимая, желанная гуляющая трава; там ангел твой – проказник
с розовым рожком и луком золотым...
Пейзажные круги на стеклах пыльных заплывают соляным багрецом рассвета, протри
глаза и ты увидишь воздуха фигуры,
туманность крабовидную поэзии рожденья. На заусенцах почек болотно-пряный ветер-
мот скрутил гнездо, где птичий дым
клубится звонким смехом, и памяти ледник степенно оживает, ожидая новой полноты,
и пуля-дура

скачет мотыльком по лужам, желая крови нежно сорванных цветов. Любовники застряли
в точке не возврата,
им так уютней и теплей, забыв про мир и все наследство мира, писать псалмы друг другу

в красках поцелуев,
им так привычной, ничего не видя, приобретать весь мир в румянце глаз. Так капает в
сердца лазурно-слезная микстуры майского парада,
так тянет лиственным здоровьем леса шерсть. Я, Ваша честь, всецело “за” – зацвел, запел,
заплакал, глянцем засвистел – тут не опротестуешь.

Предания диких орлов

Моя пирога плывет
по быстрой воде.
Духи реки шепчутся брызгами,
влажными бусами
светятся окрест бортов
моей пироги, моих сетей,
словно зимы ожерелье
льдом серебристым струится.
Я жертвенной песней склоняюсь
к подножию
изумрудно-свинцовой волны –
река, принеси мне священным
течением рыбу-вещунью,
река, дай рукам моим ловкости,
силы и веры
удержать чешую из алмазов
рыбы богов.
Я оберну ее в листья ночные,
и, жадно глотая воздух, она
напоет мне
выкупа песнь –
да не прольется кровь
в твоей земле,
да принесет тебе сына жена –
ветер апрельский –
да родит тебе дочь –
розу июля,
да заиграет пламя
гостеприимных костров
в твоей деревне.
Моя пирога плывет сквозь
снежно-землистую мышцу нагорий,
духи реки
рисовым облаком неба рисуют
шаманские пляски,
предания диких орлов.
Да поможет мне
хищного солнца огонь
в глазах венценосца
тверди небесной.
Этим закончится песнь,
этим да свяжется новый улов
чистого сердца.

Сталактит

Вечер.
Слизывай
брызги
малиновые
на соснах
острых,
налитых
липкими
бликами
солнца
позднего.
Млечных
полей
елей
вдыхай
стихами,
руками
теплыми
трогай
дороги
гриву
львиную,
в окнах,
небес
разлейся
сиреновой
ленью,
струись
соком
высокой
травы,
бериллом
холодным.
Сойдись
с вечерним
течением
рябью
рябиновой
хляби
захода.
Вечер
плодом
созревшим
вешает
винный
рубин
в изголовье.

Гирлянда

Словно аист, взмахнувший крылом,
обдала изумрудной легкостью веер ресниц
дева пречистая,
летняя,
ветрами
теплыми
ломанная,
ведрами
меда
лучистого
выплеснутая
на листья,
на ягоды
глаз бирюзовых,
на лиру
олив
и кипарисов.
Словно буйвол, взметнувший пыль,
разбросали цветы
румяны
васильковой
приправой,
маковой кровью.
Раной кристальной
бьют родники
реки,
следы
небесной руды
в голубых огнях.
На руках
качается аист,
принесший
солнца дорожку,
ложку
медвяного масла
и свечку
млечной
звезды.

Синяя метель и слезы лаванды

Смотри, это месяц стучится медным копытцем в стекла спальни,
окрашенной синей метелью. Что же ты плачешь и плачешь?
Уйми прохладу опущенных глаз. Смотри, это лучик
звездной травы, сорванный и принесенный тебе на ладонь
фиолетовым ветром. Что же ты ищешь и ищешь печали?
Веер теней древесных не испугает твоей улыбки,
ведь, правда? Смотри, эта роза, что на столе – это созвучье

твоих глаз, это тепло корзины с июльских лужаек, это песня, не холод, не стон.
Ведь, так? Подними же глаза на нежный восток.
Смотри, это месяц стучит каблучком свинцовым в рану груди,
залитую синей метелью. Что же ты ищешь и ищешь слез?
Оставь сердца скорбящий цветок.
Отпусти этот холод, а я приду,
и найду тебя обновленной, как жемчуг весенней сакуры, той,
которой дарил каждое слово ночи, каждую каплю росы с волос
перламутровой дымки зари. Смотри,
это звездочка падает в руки,
пусть мы и знаем, что там –
лишь бродячий обломок камня, метеоритный оскал,
но он, так хорош пополам
с вином на губах и теплой ладонью рядом.
Поэтому, будь слезами, слезами радости,
поэтому, будь прохладой, прохладой свежей лаванды
в сладости первого поцелуя.
Письма, как листья летят в золотое пламя
рассвета. Что же ты, не прочтешь молитву любви
в новорожденный восток?

Мотылек

Мотылек свечи фонарной
Взгляд бескровный бросил в ноги.
Ночь течет, лаская лужи,
Грязью комкая сады
Из вишневых бриллиантов,
Из камней жемчужно-лунных.
Я бегу по краю ветра,
По воздушному потоку
Майских лепестков, в убогой
Подворотне, как в уборной,
Крашу губы в звездный уголь
И читаю вслух псалмы...

Меланхолиум

Я пью и не чувствую теплого яда хмеля под языком, в листопаде нервных волокон,
в блеске глаз, на влажном окрике губ, лишь вчерашняя горечь, лишь фигура
умолчания. А на карих ветвях распускается май, а под ногами вьется дорога
из яшмы, а под рукой, случайная встреча старых знакомых, новые улья
слов, медоносно пачкающих вакуум мозга, воспитывающих терпение
и усердную хлябь самоанализа. Вот ласточка бросила перышком – приветствую;
в лязг проводов осела голубка; вот меня подхватило встречным течением
южной сырости и отнесло на солнечный берег; вот вступает оркестр
телодвижений в объятьях зари; а вот, и моя печаль – большая старуха
на костылях души, беззубый плач бродячей звезды – она тоже прекрасна,
словно розы, падающие на грудь любимой, когда любимая засыпает, без звука,
без пульса, без преломления жизни в рубиновом сердце, и распластанная

свободой песня моря укрывает ее от чужих навязчивых взглядов.
О, время, ты даешь мне напиться чистого воздуха в парадном
платье нежного, свежего лоска майских озер, чтобы с большей дерзостью
впитаться в мой слух криком стервятника.

Цянь. Прожигатель слов -2

Цянь – так я вижу прожилки огня в осенней листве, в плеске цикады,
в локоне спящей весталки.
Цянь – так поют водостоки весной, так скрипичный концерт ледяных родников
низводит усталость.
Цянь – одинокая стража любовника нежной зари, распахнутых крыльев моря,
радость
младенца, сосущего молоко небесной музыки облаков,
сладкие шрамы и бархат бронзовых стрел ночной охоты.
Цянь – иероглиф творчества – стихия свободоречивой страсти
в садах любви и ненависти.
Там, где рождается Цянь, не может быть смерти, не может быть веры
в предел дыхания розы...

Зола постели, ночь срывает шаль.
Там наслажденья колос золотой струится в горном воздухе.
О, наслажденье – умирающий цветок.
Не плачь, не одевай глаза в соленый
хрусталь.
Холодный поцелуй, что завещал январь,
преобразится вдохновеньем плоти строк...

Пей, мальчик, пей
горькую микстуру ржавой капли,
вязкий кисель фонарных узоров,
лунную мертвую мякоть.
Пой, мальчик, пой,
жуй иней губ, судорожным колесом
катись в овражную сырость пустых остановок,
в мутные стекла сторонних окон,
в ласку северных звезд,
и помни
распутья и сновиденья одной души,
размазанной по страницам неизреченной книги...

Цвети, как раньше, ливнем лепестков кристальной вьюги.
Труби союз огня и океана.

Душа шампанским пламенным выходит на прогулку
с цыганским небом и лучистым лугом,
травую сахарной гортань полощет и песни льет под ноги.
Твори и будь творим, слова бинтуют раны,
и даже слов не надо, чтобы знать о том,
о чем молчат на дне жемчужные созвездья.

Тишина разносит сети.
Мрамор снов умыт закатом.
След звезды скребет по окнам.
В колыбель ложится ветер.
Колыбель взрывает сердце
медным кубком, новой песней.
В колыбель ложится слово,
чтобы выносить рассвет.

Зелеными ручьями в голове
колдует амазонский лес.
Весна пришла, весною запеклись
кровоподтеки уличного шлака.
Кору согрела мята солнца,
кубовый колокол потряс витрину неба,
и, что еще писать, просить, вязать на строфы,
когда поля стекают воском
сладким, и шепчутся цветы
прозрачных платьев
о наготе.
Щекотно и свежо.
Зерно природы перемолото, размято
в муку любви.
Вина не нужно. День багрян душою.

Что ты, поэзия?
Пробужденная магия.
Что ты, музыка?
Слово природы.
Мир в руках женщины –
магия музыки,
пробужденье природы...

Наедине с дождем, наедине с преданием воды,
наедине с любовью и печалью.
Мои слова по-прежнему пусты
в сравнении дождем, в сравнении с кристаллом,

пронзившим глянецом воздух,
мои слова по-прежнему берут
свое начало в паутине вод, где каждый отблеск
связан с монолитом
стены серебряной.

Мои слова по-прежнему все врут,
пока заклеены в бумажную кольчугу,
пока не разлетаются дождем,
пыльцой звенящей на салют мистерий
и танцев жизни действенной, жемчужно-
бирюзовой, крылатой, как дороги склон,
распахнутой, как веер...

радуга сходит царицей цветов луговых.
влажные ветры шуршат ветвистыми складками
рыбы поют чешуйчатым всплеском сапфиров

Сны, что вы без тракторки?
Цветной газон.
Я сам себе, без объяснения, без метафоры –
ничтожное дыханье вод без русла.
И, что я знал, когда б не слов венки,
одевшие весною горечь плоти
и горы наслаждений, чувственную
кровь слепой реки –
но я бы знал,
я смерти знал бы имя,
неназванное имя ветра
северного неба,
как есть, без нот сомненья
и слез трусливых.
Необъяснимый сон прекрасных лилий и
колких роз в садах из льда
нося в зрачках-карманах
веры,
я буквы бы создал
из подземелий ночи и ладана
озер туманных,
из камышовых факелов и дна
колодезной еловой тени.

Из дневников

Я прорастаю
в мхи, лишайники, папоротники,
рожь, пшеницу, ячмень,

лаванду, душицу, мелиссу,
клевер, мимозу, люцерну,
кориандр, тмин, бедренец,
тюльпан, гиацинт, лилию,
землянику, сакуру, табак,
кипарис, пихту, сосну...
Тело мое – земля...

Груды твои, словно чаши Вакховой влаги,
Глаз отражение, будто летит на конях Фэтона Аврора,
Волосы – дар волн Ионийских...
Мне дыхание грудь разрывает,
Сердца шум отдается в эфире свободно,
Ты близко...

Подари мне солнца порез –
Подари мне свет ночного окна
За которым спит у камина надежда,
За которым тени играют бал
При дворе великого герцога нежности,
Великолепный бал
Двух раненных, неприкрытых сердец...

Пусть эти плавающие силуэты
Заполнят тебя отпущенным вечером,
Когда я не буду
Рядом с тобой,
Когда исчерпается время встреч,
И заплетутся кадры будней
На пути к новым встречам,
На пути к мечте в безрассудство.

Вы когда-нибудь чувствовали состояние невесомости
во влаге глубоких ночных озер,
ощущение легкости в перемещениях бархатного эфира,
несущегося с берегов воздушного океана.
Вы когда-нибудь отдыхали на плоскости
рассыпного шелкового луга,
скатываясь росой с бутылочного стебля, восточным сапфиром
раскрываясь в небесной гавани.
Вы слышали, как прозрачно поет
ручей в грязном овражном логове,
когда тени леса сгущаются над головой в глухую паучью нить.
Ирреальность?
Нет, я говорю не про сон, все действительно так живет,
живет и умирает, умирает и пробуждается снова,
пробуждается снова, чтоб научиться любить.

Я люблю дорогу бесхозную,
и собаки взъерошенный штрих.
Меня радуют ветхие стены,
когда с них улыбается
Джотто,
и скупые мгновенья
глупого счастья,
святой тишины беспорядки.
Алкоголь для меня –дезинфекция мозга
(причастие ветру
на выходных,
разбавленное одиночеством
временным) –
ребенка раскраска,
брошенного на детской площадке.

дотронуться
и обжечь тебя мыслью
в холодных числах
умирающей осени...
россыпью
опрокинуть влагу небес
в алмазные кисти
снегов,
где спрятан твой блеск...

Я обуздал тепло
долин новорожденных
и соль небес пролил
на тщету знаков солнца.
И завершив войну,
с сердечного погоста
я призрак приобрел
цветов,
румяных плотью...

Юной влагой по ильным трущобам,
молодой расплзаюсь водой
по ульям болотным.
Ранним солнцем в утреннем смоге,
растекаюсь первой звездой
по пещерам-дорогам...
Первый раз...
Первый раз...
Навсегда...
Первый раз...
Первый раз...
И не важно...

По лозе стекает август
Каплей теплоты дождливой.
Когда свет спустил свой парус,
Ветер распахнул свечу.

Эрекция гор
Изливает снежное семя
В кудрявое небо.

Вечный спор
Земли
И
Цитадели
Богов
Разнимают мудрые глыбы.

Видно
Лишь пьяное сердце
Свободы...

Переживи это.
Пропусти через себя.
А потом говори со мной,
о том, что это неважно.
И тогда я приму твой пассаж.
А доколе,
на диалекте, нанизанном
в голое слово,
я не услышу тебя.

Летаргический сон фонарей
разбавляет туманность созвездий.
Загадай желание,
скоро на нас упадет звезда
любовницы-ночи.

все расписано
красками алыми
по скрученным венам,
все расставлено
местами усталыми
на колени...
и лицо вдавлено
в пустоту окон,
глаза отравлены
соками
дикого крика...
все исчерпано
на корню...

люблю или не люблю,
чего гадать
в слепое пространство
вечера...

во мне ночь...дождь...
и все что, когда молчит город...
ко мне музыка сонных витрин
да водное соло...
плачь небес в темном помолё...
свежесть и запах свободы
в холодных устах.

...если сойти с ума,
то только от этих глаз...
...если сгореть дотла,
то только в этих руках...
...а если и жить, как все,
то только с нею во всех...
...смеяться солнцем
и пить благородное золото
вместе
на гранях полуденных сот...

...строки в ленты,
слова на нитки, буквы в швы,
из последней молитвы
сошью себе неба плащ
да укрою все, что дорого,
но вечно одномоментно,
да в душе бессрочно...
по точкам,
по запятым,
пройду острием светлого
в памяти гордой...

На мне отпечаток чьих-то незримых фраз,
на мне распяты чьих-то горячих рук,
я смотрю на огонь, и я чую сердцем
ее тайные тропы...

меня собрали из обломков
кораблекрушения,
меня изрезали на ленты
и распустили по ветру,
а я еще стою у кромки
и жду разрешения

всего безответного,
всего недопетого

Она смотрит на мир
Сквозь прозрачные стекла души,
Она питается верой
И знает о смысле любви,
Она готова дарить,
Но не всякий готов принять...
И она смотрит на мир
Сквозь прозрачное пламя неба,
И она знает любовь,
Но не всякий готов поверить
В магию полной луны.

Огненными псалмами
на языке
имя ее хранимо...

Легкая, как дуновение мягкого бриза,
Прилетай ко мне завтра...
В семь, там же...
Уже близко, уже тепло...

Лунное одиночество
испаряется в липкую ночь,
приходи сегодня
танцующим мотыльком души.

Когда тебе никто не поможет,
Ты становишься сильней,
Когда к тебе никто не придет,
Ты становишься свободней,
Когда тебе никто не должен,
Ты становишься богаче,
Так, что же ты плачешь
И ждешь
Своего врага.

Я застрял между сном и реальностью,
Я окрасился в подсознание
На полотнах больного города.
Обрезают друг другу крылья
Самобытное и банальное.
Издранная вселенная,
Колея изнасилованная

Перемином
Изношенного сердца.

Мы смешали в тихую гавань все реки,
И забылись в отчаянье моря,
До прибоя тысяча лет,
Мы молчим в любви совершенством.

Листва дрожит струной,
Бессильным вдохновеньем,
Мелодией смиренной,
В ее объятьях
Судьба осеннего затмения

Рвать шаблоны, как требуху,
Гнать стереотипы поганым веником,
Будьте! И будете всем на слуху,
Не прахом лежалым, а плотью мысли,
Пусть трупы жуют учебники.

В храме поэзии
грезы да сны,
небесные мантры
венчают земным,
в храме поэзии
солнечный нимб
жалит сердца
коктейлем любви.

Простуженный вечер,
воскресная роскошь,
в глазах собаки теплая леность,
в рубеж календарный излитое слово
предвестием сентября.

Поздоровайся со своей тенью.
Обратная сторона тебя
Чернее самой беспроглядной ночи.
Посмотри во тьму,
Там живет второе «Я»,
Черная маска холода.
Туда приходит одинокое сердце.
Там собирают плоды тишины расколотой вселенной.
Там уходят, чтобы остаться.
Там теряют, чтобы обрести.
Там душа кровава, как утренняя заря,
Кровью всего живого и дышащего.

Поприветствуй свою тень,
Открой врата своего страха,
Обнаружь свои кошмары за черной маской,
Черной маской пустоты мироздания.

Дождь стеной,
Расплывшийся асфальт,
Мерцание неба.
Я задержусь.

Миллионы миллионов,
Каждый день,
Каждый час,
Каждый миг.
Движение жизни.
Кто я?
Зачем я?
Много ли тех,
Кто спросит?

Хочешь, я накормлю твоё тщеславие?
Хочешь, я скажу, насколько ты лучше меня?
Поверь мне и это действительно так.
Так слушай свою погребальную песню.

Не ищи во мне логику,
я разбил эту немощь по ветру,
я не крестики-нолики,
я безмерная, чистая клетка

Мопостихия

Месяц

Хризантемой янтарной вспорол горизонт осколок рассвета, налитый росой...

Задумка дерзкая – сладчайший из плодов. Конец пути – венец опустошенья.

Эскиз души – полей огонь цветущий и сень озер небесных вод.

Искусство голоса камня – Ворота Иштар, пирамида Луны, храмы Акрополя.

Первая четверть

Забудь свершения былые, и каждый день – с нуля, и каждый вечер – в прах.

Белым золотом пляшут звезды, рожь ночная дымится агатом...

Воспрятье свободы в рабстве у качества существования.

Лес хрустальный, луг кубовый, свет карминный, мятный выдох...

Выпуклая луна

Криолиты гор, корундовый диск солнца, кипящий в лазурите моря, аметист горизонта – винно-желтый закат-ювелир.

Боль причиняет страданья, страдания чинят мудрость, мудрость стяжает боль.

Мою религию возносит седой дух океана и золотой пустыни пепел...

Ему северной ночи огни по пути, он аскет синих льдов, безпривязанный к летнему слогу.

Полнолуние

Глаза ее пронзают капилляры рек, и в волосах туманом лунным струится серебро...

Из фиалок и роз венки несет вечер в воздушной ладье ...

По щеке скользнул дождь, отозвавшись в сердце огненным опалом радуги, едким малахитом волн ...

Я смерть зову сестрою жизни и жизнь предсмертным ремеслом.

Выпуклая луна

Аквамариновый всплеск, жильная нить прибоя, кипарисы, оливы и кедры – память фантазии.

Миндальные дороги, берилловые взгорья, я вас искал повсюду, чтобы уснуть навек.

Пшеницу солнца перемелем в лимонных муку, чтобы испечь душе хлебов янтарных...

Не ищи справедливости в мире, но ищи справедливости в сердце.

Последняя четверть

Хлопок снега, умывший аллеи – бриллиантовый блеск стальных струн...

Поэзия приходит неспроста, сдирая огрубевший пласт сознания.

Лилией прикоснулся к светлой печали твоей, когда пробило вечность.

И собирал цветы Морфея легкой дымкой...

Месяц

Уходящий находит любовь возвращенья надеждой.

Дотла, дотла, ни капли мертвой тверди...

Меня питает холод, чтоб родилось тепло, жар сокровенный призрачных созвучий.

Принять короткий век, объять полночный круг и стать мерцаньем Слова.

Вариации

Твои шаги – седоголовый туман
над утренней тогой озерной,
млечный ноктюрн арфою трав.

Твои глаза – Леты вода,
настойка осеннего золота,
мускус июльских приправ.

Мои слова – тальк, кварц и циркон,
минералы с твоей глубины,
принявшие форму сердца.

Мои шаги – ночь-невесомость,
мои следы лишь видны
в твоём альбитовом блеске.

Раковистым изломом яшмы
твои... – мои... – твои... – мои...
перерождаются в наши...

Esquisse

Осыпал лаской солнечный прибой –
я знаю, это ты.
Укрылись в жемчуг лилии дорог –
мгновенье для двоих.
Оделся в бархат силуэт ночной –
я чувствую тебя.
Закат рубином льется на порог –
то шепот губ твоих.
Звенят созвездья золотом души –
услышь молитву ночи.
Шелк ландышей, плеск ветреных ручьев –
отдайся зною сердца.
Глаза надежны, родники свежи –
укройся пледом мая.
Опалом блещет радуга лугов –

без срока вместе.
От жажды рдеет молодой рассвет –
испей моей.
Стирает грани нежность теплых рук –
прикосновение – крик.
Симфонией разносится ответ –
всегда, всегда.
Хоралом раздаётся сердца стук –
срывайся в вихрь
молитв-баллад...

Дочь критского царя

Заря, росой весталки римской, вдохнула чистоту фиалки
на сажу ветхой ночи.
Я сон умыл прохладой ренессанса, открыл затоном взгляда горизонт.
Сегодня я рожден из лунной пыли и звездной чешуи
в шестом часу, когда поет
петух зарницей августа, когда в созвездье Льва Регул пророчит.
Меня искало сердце многих нимф, я отдан был одной из многих
растратой вдохновенной.
Меня бросало в жар и лед, в лен и базальт, на вере и на ересь.
Очередной рубец календаря, седая прядь души, шрам-время;
я втягиваю память – горный дым,
здесь можно отдохнуть от смерти и рожденья.
Заря, не нова, но с нуля, с обрыва, так свободней, неизбежней.
Земля близка, но небо еще ближе и свежей.
Я сон умыл ладонями реки, несущейся к надежде
найти огня, постели мятной, дня и ночи без войны
у близких (может дальних) рубежей
моей подруги-Ариадны.

Жизненный цикл бабочки

Бархат сферы, слепое блаженство,
предоткрытие пряности красок
цветов полевых, безмятежность
пути летних трав, солнцепляска
души, новорождающей
танго полета...

Перламутр колец в соке листьев,
монотонная страсть обрести
шелка плен, но пока –
изумрудная пристань,
грести и грести
сонностью мха
в направленье душистых
искробрызжащих крыльев лета...

Кукольный храм, утроба магии
легкой радужной песни,
что вот-вот сорвется ладом
воскресения плоти эфирной,
восхождение к сколу небесному
пьяного луга...

Открытие, восторг зари
и первый взмах поэзии,
сгорай душа в любви,
в надрыве струн, на лезвии
постели новобрачной,
ты скрипка естества, ты флейта роста,
бездна
новой жизни...

Ночь пьяным пьяна от гари

Ночь пьяным пьяна от гари,
Гари черной, вороной,
Август ветром душным лает,
Сонной шаркает листвою.
Плоть небес да звезд глазницы,
Лето заревом дымит,
Я хочу тебе присниться,
Я тебя хочу любить
Беспардонной тенью вора,
Вздохом варварским степей.
Даль твоя – твоя неволя,
Близость наша – дальность дней.
Ночь пьяным пьяна от гари,
Соки лунные, как сталь.
Август. Третье. Хмель печали.
Близость наша – твоя даль.

Вытекающий август

Сижусь перед окном и пишу молчание, пока идет дождь.
Конец августа упивается прохладой после душного лета.
Требуха горизонта, вбирая памятью отголоски света
У солнечной воды, меркнет полуденной дрожью.
Вытекающий в осенний прибой август,
Ты прекрасен тоской прозрачного молчания,
Я хотел бы сесть на твое крыло и осмотреть твои печальные
Рощи, твои разведенные мосты, разведенные с радостью
Густых охапок лесных малахитов. Но ты радостен по-своему,
Предвестник золотоносных бурь, янтарных вихрей,
Ты мудр, ты прошел длинный путь и притих,
Чтобы вспыхнуть аллеями, стройными
От желтой влаги, аллеями мыслей прощания, цене

Любви, цене еще одной жизни
В теплом огне
Сентябрьских ливней.

Собираю я песни, как вина

*“Сколько раз должен человек поднять голову,
Прежде чем он сможет видеть небо?”*
Боб Дилан

Нервной краской заката,
Сединой исполинских вершин
Я развеян по миру.

Солнечной бурей пустыни,
Ленью болотных низин
Собираю я песни, как вина.

Заревом пенной волны,
Звездными льдинами ночи
Бродит моя красота.

Мы еще попоем,
Слышишь, как ветер пророчит,
Как по душе бьет верста.

Волчий оскал пьет луну,
Ночи застывшая глина,
Собираю я песни, как вина,
Только спеть ли мне их кому...

Пробуждение в осень

Смотри, утренний луч запутался
нитью лимонной в холсте занавесок.
Дыши, осень проснулась,
сочного леса огонь зарделся,
окрыленный теплом пробуждения
сентябрьских фраз. Вон,
небо идет на сближение
листопадом облачных крон.
А ты спишь, как младенец,
как снежная степь, как тумана
мирная поступь, а мельница
солнца все ярче, наглее, упрямей.
Спи, не бойся, я тебе расскажу,
что это утро, оно, так схоже с тобой,
нежностью подпоясано, в которой живут
трепет ручья и шепот травы полевой.
Спи и смотри во сне, как утренний
луч запутался в твоих волосах,

рассыпался звуками лютни,
коснулся меня, и я снова обрел
способность слышать дыхание сердца.

Прахом агатовых ветров

Пристегнуть ремни.
Ветер дует с Венеры.
Мандариновый вечер вдохнул в свое тело
любowników дионисийских закатов.
Плотские розы падают алым огнем наготы.
Ветер пляшет в медных палатах
сгустка небес.
Пой, золотая свирель пастуха Эроса,
заливайся, флейта гибнущей
солнечной диадемы,
ночные псы, смыкайте черные челюсти,
звезды, рассыпьте постелью.
Мы начинаем путь к истокам рождения
праздника.
Ева, мать грехопадения,
собирай в жемчуга-ожерелья
хороводы сердец...
А на утро, когда рассвет
разрежет темную ткань
раскаленным пурпурным клинком,
мы умрем
вместе с ночью,
мы осыплемся прахом агатовых ветров,
мы уснем
на ложе
насытившейся
вдохновеньем любви...

Архетип чувственности

Мистик, странник, экстатический любовник,
Воскрешенный, чтобы умереть,
Твое сердце – буйное вино,
Твое солнце – пламенный мотив,
Твоя поступь – Ариадны нить.

Легкость Моцарта бродит...

*“Живая песнь в душе моей,
Меж рук твоих, в глазах моих...”*
Данте Габриэль Россетти

Легкость Моцарта бродит осенним ветром.
Рассвет. Омовение сердца эфиром лаванды.

Свежесть воды. Ночлег был приветлив.
Ночь серебром блаженного сада,

словно туманом, осела в росу.
Что нас прогонит из этого места,
где умирает время, где солнца звезду
крошат подсолнухом в тесто

алебастровых простыней. Протяни
руки в объятия невесомости,
сыграй со мной в дни
молодого Адама. Немного условностей,

и, все по-прежнему свято и светом
залито, светом глаз твоих, теплой грустью.
Легкость Моцарта бродит осенним ветром.
Я читаю с ресниц дрожание музыки.

На перепутье. Каприз

Свадебный марш листвы.
Венчаются – летняя дева и странник осенний.
Брачное ложе – сухие цветы,
усталое поле.
В изморозь глаз –
рек остывшие вены.
Соломенный нимб солнца
у изголовья.
Северо-западный ветер рядится
в фату молочных туманов.
Мы оставляем память, смеемся
над прошлым, греемся
первозданным,
первородным
грехом.
Нам снится,
что мы замираем
на перепутье вселенской любви,
в утробе
вечной души мира.
Слышишь, играет
струна горизонта в пыли
дорожной лиры,
и эта дорога ведет нас свободной
тропой забвенья
к осколкам зимы,
праху небес,
инею звездного края,
к страсти мертвой природы,
к совершенству фотографического
мгновения.

А пока, предваряет...
Вещий
свадебный марш листвы,
болотно-желтый обряд
да брачное ложе
осенне-летнего тления
вечера.
Я знаю, ты любишь его аромат...

Нашедший дыхание океана

Пока есть еще время,
пока не поздно,
храни, то, что в сердце
впивается жизнью.

Плыви по течению,
люби, как в последний...

Рви горизонтов призрачных прядь,
ребра ломай тождествам бледным.

Ночью разлейся
в дневную толпу,
чтоб звезд не проспять.

Душа – как горячая рана,
война – как лечение,
тебе ли не знать,
оставивший пристань,
тебе ли не знать,
нашедший дыхание
океана.

Folklore. Ласковая

Эх, горячка-полынь безутешная,
А мне хочется жаром пряным
Целовать твои персты снежные,
Уста яблочные да румяные.
Эх, закваска июльская, рьяная,
Пылью желто-желтушной рассержена,
Синевою безводной отравлена,
А мне хочется пить твоих вежд
Влагу-реченьку, краску-радугу.

Лимит

Я начинаю последнюю главу своего странствия.

В гриве ветра путаются следы озябших ночей.
Дикое эхо моря плещется солью в груди.
Путник возвращается в дом, путник горных пространств,
Дитя рассвета, поборник холодных речей
Стальных романсов изумрудной волны.
Куда привело нас горе, куда привела нас гордость?
Вдали разбиваются грозы свободы, молнии бесприютности.
Тени шаркают попятам, тени струн, тени бродячих песен.
Куда привело нас наслаждение, куда привела нас молодость?
К праху надежд, к любви, к чувству
Огня, зажженного неизвестностью,
Отчаяньем, страданием, лаской и восторгом озябших ночей.
Протяни мне руку, дай вдохнуть твоих серебристых волос,
Моя белоснежная мечта, прибавь мне веса кроны солнечного затмения.
Мне принадлежит весь океан синеглазого неба, но я – ничей;
Мне кричат все паруса летних трав – но я – безголос;
Я начинаю последнюю главу своего пробуждения,
Пробуждения в сон поэзии ночи.

Эффект расстояния

отсутствием губ твоих,
твоих ладоней на плечах,
день тонет,
дрожит закатная свеча,
я грусть зову на чай...

Пары

Глубоководен хвои сон органом Баха
и воздух свеж, как у Сезанна цвет...

Ночное небо самородком серебра,
литьем чугунным заплелись аллеи...

Лиловой эмалью вечерние тропы,
вязь магматическая веста...

Магнолией цветущей облака –
парящий океан поэзии...

Эфиром цитруса и персиковым солнцем
мне дорог ты, осенний симфонизм...

Пряжей равнинной, эхом трезвучным
лета инерция сердце хранит...

Фламенко живописи

горы, лагуны,
пустынные места,
дрейфующие дюны,
плодородные равнины, луга и леса,
мягкая зима
и длинное, жаркое лето,
оливы, виноград, пшеница,
айсты, серые цапли, рыси,
все из-под рук художника
вытекает наитьем ветра
во фламенко живописи...

Колыбель музыки

Глиссандо листвы,
Адажио ночи,
Реквием солнца,
Тремоло созвездий,
Пассажи любви....

Дочь леса

Плетением ивы...
Мягкостью сибирского кедра...
Ароматом кипариса...
Легкостью ольхи...
Кровью осеннего клена...
Чистотою осины...
Глянцем рябины...
Тонкостью туи...
Приди ко мне,
Оплети, размягчи, очисти, освети,
Моя лесная подруга...

До гонуэца

Мне привиделись индейские танцы,
Мудрость вождя, экстатический шепот шамана,
Тучные стрелы охоты, багровые копыя войны,
Тень леопарда, скользящая духами предков,
Стихии природного царства
В блеске кровавых жертв,
Золото солнца, льющего в календари

Неизбежность конца,
Майя, кечуа, инки, ацтеки,
Погребальные маски, базальты забытых руин
В серебряном свете резца
юного месяца...

Моси-оа-Тунья*

В облаках водяной пыли
под радужной аркой
я бросился в нежность травы.

(Моси-оа-Тунья – туземное название водопада Виктория)*

Уран 235

Нимфы обочины. Тени дневной невинности.
Ночь. Пьяный эфир променада.
Тяжкий мед.
Прикосновение к нестабильности.
Танец распада.

Безумство к лицу

Безумство к лицу,
Когда обитая на дне видишь поверхность.
Свет рассыпается в сердце.
Свет хватает твой взгляд, обрамляет слезу
Вечерней звезды и словно невесту
Ведет душу к течению неба,
Разлитого облачным хором заката.
Безумство находит,
То, что скрывала дневная пыль
И призрачный ветер,
Нежность, терпение, веру
(слитые воедино).
И я пою, как прежде, тебе
О доверии,
О дружбе воды и огня,
О солнце ночном,
Скованным тьмою,
Но в надежде открытом для
Перемен и Пути.
Безумство к лицу,
Если правильно смешивать краски,
Если тени еще ползут
И весну
Рассекают заточенным лезвием ласки
В изумрудах холмов,

В переплете лазури,
В отражении чьих-то каштановых глаз...

Убей меня тонко

Убей меня тонко,
Нежно, с аппетитом дикой волчицы.
Убей меня сладко,
С придыханием, с откровением девственной плоти.
Я закрою глаза,
Остановлю красную брошку сердца,
Я буду молиться
Как жертвенный ангел.
Сделай меня свободным,
Возьми в свои руки
Это болезненное дыхание,
Распоряжайся этой жизненной силой
Занесенным кинжалом
Милосердия.
Убей меня поцелуем,
Горячим, как лед,
Последним на этой земле.
Шелковым жалом
Любви,
Обнаженным танцем теней
Продли мою смерть...

Архаика. Праздник потерянной плоти

Грудь нараспашку клейкому ветру пустыни ночной.
Воздух свинцовый в горло залив, превращайся в бизона,
Волка, оленя, медведя, стены пещеры расписывай угольным духом,
Звезды вращай танцем теней. Глаза обманут, но сердце свечой
Опалит видения древних стихий. Там, за чертой, у самого дома
Священных огней, уже ждет прародитель слова и звука,
Странник ночной, знающий песню великой охоты
За счастьем. Дым от костров грузнеет на сводах,
Глянец камней в волосах скалится солнцем ночным,
Губы лоснятся медовыми сотами,
Праздник в разгаре, праздник лунного золота,
Праздник потерянной плоти дорогой беглой души.

Река ночи

Что может быть слаще
Поцелуя ночного ветра,
В твоём участии пьяного.
Что может быть громче,
Сердца сожженного светом

Летнего солнца
Твоих рук.
Напророчь мне –
Время без ожиданий,
Скажи мне –
Что скорым рассветом
Каждый день
Будет украшен тобою.
Издавека
Я опять теряю слова,
Опять сливаюсь с луной
И нескладно
Пою и играю на флейте весны,
Умываясь золотом твоей любви,
Близкой, как ночи река...

Старуха и собаки

В три погребели, с авоськой грязной,
костью черствой в пыльный плащ вживаясь,
бабья седина, ковыляет за деревни соком –
свежим молоком, копейку сторожа.
Хворостинкой держится за воздух,
причитает, жжет морщины слезами
утренней прохлады, а неподалеку
два ее волхва, овчарачьи дворняги
моложавые, ласкают руку бабе,
сухость поедая верным взглядом
да хвостами-вентиляторами вьют.
Ей бы и самой присмотр теплый
кто б поднес, она ж из подворотни
сердобольной, сорванною жилой
тянет улиц неумытые плоды.
И в глазах, как не было беды,
искривленным слухом
радуется лающему меху,
что надеждой жар дает рукам.
И они, не видят в ней старуху,
прах изъеденный, налет столетних троп,
они чуют мать, иль вожака,
она чувствует, что видят человека.

Медь, хрусталь, гранит и смола

Мглистая ночь напоминает
об одиночестве.
Медная лунность стегает
глаз занавески.
Ломоть озябшей души
искрит хрусталем.

Парус неба ведом
лимонным прищуром звезд.
Ветра жилы –
чернозернистыми почками.
Темень сознания ткется
гранитным блеском.
Ночь. Мы с тобой не
уснем,
пока хмельна крылатая тайна
цыганской души,
как виноградная гроздь.
Сон мой – мой грех,
пока освещается дном смоляным души нагота,
и закатного праха корона,
превращенная, как вода
в вино ночное
влюбленным шумерским магом,
собирается нежностью
на ладонях.

Археология

Аромат цветов – в венках волос влюбленных, в венках могил; вкус новой жизни и дух увядания – разорванное сердце розы.

Ржавой луной припорошена ночь, собрано хищное олово звезд, агатовой сетью выловлен страх первобытной души, а помнишь, и мы когда-то боялись темных углов.

Янтарных колосьев жертва – медовый хлеб, как жертвенность плоти – любовь; сухое сено на корм скотине, как плоти жир на пир червям.

Облака, как слезы июньского тополя, солнце, как гроздь осенней рябины, дождь, как кисти пролитые ивой; в природе все ищет подобия, чтобы напомнить о замысле.

Если хочешь кого-то удивить – начни с себя (непонимание не есть отрицание); если хочешь кого-то удивить – будь скромн (тишиной говорит истина сердца); если хочешь увидеть обнаженную душу – посмотри одиночеством скал на море.

Нежность луны, совершенство заката, чистота утра – для теплоты объятий.

Пробуждающийся, что ты видишь в отражении прозрачной росы, что ты чувствуешь, черпая ладонями сонные травы, что ты знаешь о продолжении дня? Туман горизонта безмолвен...

Июнь, гулять по крышам, запивать вечер ветром, воспламенять взгляд закатом, дыханием тишины собирать мяту сна...

Тело любви. Как ветер струится влечение сердца к волнам солнечных прядей, к звездам полных глаз, к бархату легких ладоней, к гранатам чувственных губ – тенью скольжу крылатой, тонкой листвой осыпаюсь под ноги...

Грех мира оправдывает существование дьявола, святость любви избранных утверждает о Боге, поэзия говорит о любви на языке греха.

И если писать, то кровью зари на срезе небесном, и если любить, то сердцем диким волною морской...

Сорвал голос сердца. Благородная тишина...

Грешники так истово требуют праведности, что след проваливается на дно преисподней...

Не отравиться собственным ядом гордыни, растянуть горизонт восприятия, признать силу собственной слабости – вылечить душу.

Нерв безмолвия, поцелуй меня в губы сухие, дай мне влаги ночной стихии, что луной изливается в озеро снов безмятежных, что паром молочным свисает с гроздьев мирных садов.

Укутал берегом залив, но, лишь в холодной синей влаге мне, кажется, разжат кормой хрусталь моей свободы беглой.

Каменной кладкой выложил свои дороги, прахом осыпались листья осени поздней, солнце прилипло инеем к плахе небесной, руки спустились плетью бездушной, взгляд смазан в сумрак, только одно согревает, в свет колосится созвездьем надежды, глаз твоих опека, дланей твоих тепло, моя последняя строчка с папируса шелковой тени ночной...

Город летней петлей. Судорогой души ползу по теплицам полей, собираю нектар прохлады лесной, вывожу узоры облачных алебастровых ожерелий над травяными холмами, купаясь в речных серенадах, тону дребезжаньем дорожных заторов.

Цвет ночной – цыганских глаз утроба, прорицание под сонной толщиной, мертвый храм сиреневых аллей, звезд жужжанье, меланхолия луны, ветра храп, как плеск подземный Стикса, и надежда на восход в румянах Бога.

...все вместимо в любовь...

Пыль весны. Из записных книжек

Каждая законченная книга – это символическая смерть ее автора.

После детства нова, только смерть.

Великий страх сподвижник великих дел.

Повесился на знаке вопроса...каждый день – это ад, каждый год – это крест. Поэзия учит боли.

Не в споре рождается истина; истина выше всяких споров.

Поэт, ты всегда вопреки...

Какая глубже, учитывай, что не у всех хорошее зрение.

Опьянение горячей плоти, падающее в бездну сжатого пространства, разрывающееся огнем дыхание и что-то большее за всем этим...

Черный узел ночи, не разрешенные воском времени ожидания, зуд возбужденного воображения – повод для бессонницы; но паучий свинец дождя сильнее.

Знаете ли вы, что такое жить загнанным в тиски непослушного тела, оправленного рамками больной психики? Сюрреализм бытия, гимны одиночества, вчувствование в природу, истинную природу одушевленного тьмой пространства.

Чтобы выйти за границы игры, нужно нарушить правила, сделать единственным желанием – отсутствие желаний, а потом искоренить и его.

Что может быть прекрасней полета птицы.

Абрикосовое солнце с раскаленной косточкой над Голубой мечетью. Призраки древних суфиев приносят дары матери-богине Мудрости. Телевизионные сны Востока на широте промышленных ледников.

Поэт работает всегда, поэт работает незримо.

Расставание способствует сближению; плач – возбуждению; смерть – жизни; тьма – свету.

Когда два становятся одним, ночь сжимает черные ладони, холодом звезд обдает туман взгляда, то в токе ветра рождается поэзия тела.

Мы забываем себя.

Для Ницше Бог умер, но не Ницше для Бога.

Она неуловимо полна, близка, напряжением света между темных аллей озвучена, выхвачена из пространства измерением страха, страсти, любви, надежды разочарования, борьбы; она – моя тайна, укрытая тишиной.

Мое изношенное тело дает мне право на свободу.

Голод мудр.

Просветление от безысходности.

Тайна женщины необозрима, как глубина вселенной и с тем же, проста для того, кто хоть раз в жизни смотрел раненым сердцем в зеркала небесных озер, в тропы ночных созвездий на качелях лета, кто хоть раз в жизни сумел открыть свежим взглядом дверь в невесомость океанических седин и пламень возвращающегося домой паруса; женщина – это природа, природа – это женщина.

Претерпеть и принять во благо.

Она вливается в ночь, как весенняя птица, она падает на золотой шелк и отдает себя целиком целомудрию пылевидной страсти, ветви за окнами качаются в такт ее змеиному танцу, она полна изумрудного вина безмятежности, пока не растаял прощанием яичный рассвет майских оранжерей.

Он ждал с нестерпимой мукой, когда ее дыхание вновь обрушится на его уста, когда ее сладкая плоть обретет с ним единое целое, безраздельное естество вдохновения ночи, он ждал с содроганием и страхом потерять надежду на прощение, когда она плакала серебряной нежностью в его руках.

Я видел небо, пьяное небо течения вечера, я видел воду, холодную воду диких источников, я видел тебя, тебя, умиротворяющую огонь заката и прохладу реки.

Прежде, чем воскреснуть - попробуй умереть.

Исследуя природу пограничных состояний, проникая во тьму, чтобы раздался свет, чтобы огонь больше не обжигал, а только грел больные сосуды сознания, кому объяснить саморазрушения во благо цельного, кто способен принять? (безмолвный клоун в глазах любопытствующих)

Жара нагнетает (майская соль по телу), духота разъедает (головокружение пыльной дороги), поэзия дает хрустальную влагу надежды с привкусом южного вина, скорая близость не разрешает пустить корни в ватное безразличие городского неба. Тень комнаты.

Глаза, горящие огнем, быстро исходят на пепел, пепел удобряет почву для огненных цветов.

Я слышал, что смерть – всего лишь возврат к себе, мне говорили, что память – вторая жизнь, но куда мне бежать, когда у порога северный ветер, кем мне быть, когда льдом покрываются губ рубины...

Обращаюсь в дым вечера, расстилаюсь постелью неба, нахожу вену весны, впрыскиваю сон экваториальных звезд...

Конвульсией утра расправляется небесная люлька, жерло середины мая обдаёт дорожной пылью с болотной палитры, музыка льется разламывающимся электро-нервом, мы остаемся, кем мы были, мы остаемся с тобой – поэзией исступленных полевых ковров, речных землистых скважин; мы остаемся близкой далью горизонта в протянутой руке.

Одиночество полдня прекрасно, как сон у истоков радуги. Собираясь из праха родниковой мозаикой, знаю, где-то думают обо мне дарами нерастроченной нежности.

И танцевали они, как огненный змей и лунная птица, и подобием солнца светились глаза их, и тела их полыхали свежестью лотоса, и руки их переплетались хвойными ветвями, и души их были одна в одну, и пути их были единым рукавом кубовой реки, и звались они именами сапфировых высот, и золото ночи падало с плеч их.

И мы собираем цветы полных звезд и кладем их в корзины любви, быт и быть не одно и то же, нужен ли повод, чтоб сбросить одежду душного дня и паутину сомнений в труде путешествия.

Живая вода памяти – горный ручей; дыши же, дыши мое слово, обращенное к смерти, к потери, к любви, разодранной в клочья инея; знаешь, я еще помню, слышишь, я еще грею, видишь, я еще здесь, но уже не с тобой, но тобою полон, как Арктический ветер.

Свежий ветер Иранских нагорий и Палестинских пустынь, где пророки вещали о мире без сновидений. Мы слишком долго искали себя в других, находя, лишь тоску. Проснись...

Ледяная луна тает в ладони, звезды капают обжигающим воском под ноги, мы идем в продолжение ночи, мы смотрим друг другу в глаза и видим сны о будущем, наполненным солнечным хороводом листвы сентября.

Распускающийся розой бутон солнца, роняет золотые лепестки на изумруды летнего луга. Конец игры – начало новой партии.

Где-то утерянное

Скажи мне,
Ведь все бесполезно, если нет сердца,
Способного слышать тебя, дышать тебе в такт,
Видеть такие же сны, быть привязанным к месту
Светлых, душистых полей утренних грез.
Ответь мне росой с холодной щеки, что это не так.
Где мы и что мы творим, пока нас разъедает ночная степь.
Откликнись на главный вопрос,
Он заключен в кристальных ручьях взглядов,
Ищущих...
Признание не всегда выражает того, что хотят сказать,
Но я говорю тебе, жди....

Тихая тайна

Розы в твоём саду стали еще чище и слаще,
Как утренний ветерок в созвездии хвой.
Глаза снова полны нежности юных цветов луговых.
Ночью ты обретаешь загадочность звездного неба,
Искрящего серебром обручальным.
Днем ты восходишь теплом огненных колесниц.
Розы в твоём саду стали еще стройней,
Как пение птиц в пору пробужденья весны.
Закрой мне уста ладонью, они будут безмолвно шептать,

О том, как песчаный берег, раскинув объятия,
Дарил нам прохладу реки.
Открой мне тайну владения этой природой,
Мудрой рассветной слезой прекрасного.

На разрыв. Повенчанный в танце

Я хочу быть больным свободой,
Обнаженным небом, потоком с гор,
Где бродяжья-дворняжья природа
Ощетинилась рыжим закатом,
Где чумазная лапа породы
Не замазала лакомством взор,
И на все разрешение Бога,
И на все откровение сердца.

Я хочу быть дикой дорогой,
Что скрывается тенью сосен,
И где птицы, словно невесты,
Повенчаны в танце ветра.

Я хочу быть сплошной вселенной,
Что оделась в ночь, что по лету
Расписалась созвездием теплых красок,
Костров и огней, поэм и легенд.

Я хочу быть всегда без масок,
Без слов, а лишь там, где момент
Окрылено хлопочет крыльями
Солнца. Где любовь длиннее, чем жизнь,
И где жизнь дает родникам новый шанс
Бить в пустыни, бить в бубен да в свист
Пускать свои песни...

Сентябрьский дождь

Я чувствую, как пропитанный инеем
сентябрьский дождь, в окнах твоей палаты
шепчет тебе, на желто-зеленом наречии осени,
о моем незримом присутствии. Синее
небо, обряженное туманом, как ты богато
на памяти чистую россыпь,

на тайную тягу, свитую кольцом из белого золота.
Все уходит и возвращается листопадом
прикосновений, янтарной улыбкой, ты помни...
Я чувствую, как пропитанный холодом
сентябрьский дождь, в окнах твоей палаты
танцует тебе, наш последний танец в холле

пустого зала, полного благоухания мяты
сердечной и теплого хмеля ладоней.

Маэстро Паганини, рвите струны

Маэстро Паганини, рвите струны,
вам хватит и одной.
Так и во мне,
хоть изничтожь все песни –
в изумрудной призме
весеннего навеса
останется на каплю аромата
дорожки лунной,
на святую розу кипящего заката,
на огонь морской.
Волной дрожит сердечная свеча,
прибоем разливается свобода,
я полон музыки
в гармонии природы,
и все мне песнь и все вселенский звук,
будь-то плеск луж или с плеча
листок случайно сбитый
осенним золотистым ветерком,
иль скрип древесный –
хриплый симфонизм,
все дышит всем, во всем душа открытий,
и каждый шепчет о своем,
но на одном, одном,
на языке живого благозвучья,
на языке живительном творца.
Маэстро Паганини, рвите, рвите...
Останется всегда росток созвучья
на бархате вселенского холста.

Многоточие

Оставь мне глоток холодной
январской любви,
я пламенным льдом наполню
хрустальный бокал,
я буду дрожать на ветру, как парусник,
брошенный в пьяное море,
я снегом, словно вином, согрею
сжатое сердце.
Войди метелью цветущей,
сядь со мной рядом,
возьми мою руку –
она еще дышит
конвульсией мертвого солнца,
но я оставляю себе надежду

на молчаливый исход
в бытие огненной плоти,
но я еще не поставил
кинжалом сочувствия точку,
я продолжаю смотреть на тебя,
как призрак черной зимы,
как многоточие облачной пыли.
Так продли мою жизнь глотком
холодной январской любви.

Underground

Протяжным криком петухов
Мне снова утро чешет ставни.
(Как эти связки не устали
Рвать трелью ткань эфирных снов)
Чтоб врезался рассвет стеною,
И закипел бродячий стан
Погони за слепой молвою
До пота с кровью тщетных ран,
Ран от побед и поражений
В делах, заботах ради дел –
Глухое царство упражнений,
Где каждый что-то не успел.

А мне даосское молчанье
Красноречивей всех баллад,
И этот крик, и этот смрад
Комедиантскою печалью
Сидит на сердце, жизни миг
Тут подается, как пародий
Накрытый стол и пир бесплодный,
Мираж, обман, жизнь для других
На сцене бледного театра,
Когда себя забыл актер –
Считать, читать раскраски-мантры,
Любить не женщину, а пол.

Aphrodite*

Твое дыхание,
как легкость листьев на ветру,
Благоуханье
лилий в волосах.
И все подчинено одно лишь цели –
затмить природы совершенство.
Душистые луга твоя постель,
и мягкие поля твой дом.
Спускает ночь со звездных лестниц
на плечи шаль тебе.

Плоды к ногам роняют
изумрудные сады.
И полноводный оком
небес ждет алчно взгляда твоего.
Закат рубинами играет,
рассвет алмазами горит,
и все тебе доступно, все твое,
мой миф...

* -(фран.) *Афродита*

Осенний свет

Я странник, дикая тропа,
под кровлей звезд разлитый полем,
я жизнь отдал бездонной воли,
и вольный ветер мне судьба
среди рощ осенних, летних пастбищ,
среди зимних воплей вьюг хмельных,
мне горным эхом сердца крик
собрать, приятель и товарищ.
Ручьев алмазы, рек сапфиры
мой клад земной, бесценный дар,
закатов розовых пожар,
рассветов краснощеких лира,
все это рвется под крыло
свободой прочной и нетленной
и льется дерзостью в поэмы,
но среди свободы есть одно,
одно, о чем прибоем бьюсь,
свечой домашнего огня
вдали сгораю в такт печали,
все потому, что знаю я,
к тебе вернусь, всегда вернусь,
осенний свет мой, свет венчальный...

Ностальгия

Бессмертные песни древних пилигримов,
Вами полнятся кубки с алым вином жизни,
На вас покоится поэзия золотого солнца пустыни
И царственность полной луны степей.
Но я дышу воздухом трущоб, я разбиваюсь взглядом
О бетон и камень, дым и копоть.
Это не горный небесный дым облаков,
Это не равнинная багровая копоть вечернего горизонта,
Это не духовный камень шаманов у прозрачного озера.
Бессмертные песни древних пилигримов,
Ночное небо полнится вами,
Деревья и травы шумят вами,

Сок росы отражается в вас,
Память бьется ключом о вас,
Но я продолжаю дышать воздухом ржавых трущоб
Моего настоящего...

1-я сюита Баха

О цветах,
о весне,
о нежности
в гармонии юных влюбленных....
О море,
душе,
о процессии звезд
в созвучии непреходящей любви...

Триумвират поэзии, музыки и живописи

...в словах – как в натянутых струнах
ждет залпа свободы аккорд,
в линиях – музыки лунно-
звездной, ночной, прекрасная плоть,
в нотах – гармония строк,
звукопись солнечной браги,
в слоге – красок поток,
излитых в пространство бумаги,
в бумаге – душа живого,
живого огнем, ветром, морем, закатом.
...круговоротом линии, ноты, слова,
слога, колера, лада
мир рождается снова,
вселенная дышит рядом.

Огонь-листопад

Ветер бьет по лицу.
Я пропащее сердце.
Ветер бьет по лицу.
Солнце режет глаза.
Мне ночная завеса –
Глоток чистоты.
Я меняю весну
На осенний туман,
Что стекает свинцом,
Это знаешь, лишь ты,
Моя нежность и боль,
Моя страсть и мой сон.
Ты близка, как всегда,
Как всегда даришь свет

Моей бледной тропе.
Дождь смывает следы,
Но я вижу твой след
За стеною воды
Своим сердцем пропащим,
Разодранным в клочья
Огня-листопада.
Это знаешь, лишь ты,
Как мне холодно ночью,
Когда со мной рядом,
Только лунного крема
Разводы и блики,
Только тени в окно.
И струится по венам
Любовь да молитва –
Что имя твое.

Солнце октября

“Октябрь - месяц грусти и простуд”

Иосиф Бродский

Поет осенний лес,
Играет желтой краской, множит наготу,
И тишина небес
Спадает синью с проблеском дождя.
Дороги золотом цветут.
Норд отведет меня
К тебе.
Твой поцелуй так сладок,
Так печален,
Октябрьское солнце.
В последний раз тепла держать в ладонях,
И от луны бежать вдогонку
Рассвету, что до крови
Изрезал горизонт.
Бежать, держаться без оглядки.
И сердце греть тобой –
Псалом прощальный.

Послание великого грешника (отрывки)

Страдание и искушение за благо держи,
ибо ничто не дается даром, а всякое
от Господа исходит, всевидящим повелением Его,
дабы противостоять и укрепиться нам в Духе Его
пред лукавством мира сего, и через любовь живую
наполнить разум пламенем Истины праведной,
смирением благодетельным и одухотворенностью сердечной.

.....
Хлеб свой принимай с благодарностью

и дели со страждущим всяким,
дабы умножалась щедрость твоей души
в глазах Его, но не имей за сердцем
ложного помысла, ибо Господь всепроникающ
и всезнающ и отвратится от каждого,
кто пытается обрести расположение Царствия Его
стезею нечистого намерения.

Потому отдавай без сожаления,
ибо дающий с сердцем прозрачным
обретает вдвойне, а расстающийся с неискренним
изволением потеряет и последнее.

.....

Пот свой проливай с благодарностью и благоговением,
посему не ропщи на тяжесть водруженного бремени,
ибо тебе дается не сверх сил твоих,
но в меру веры твоей, о которой сведущ Господь
и которую силится Он приумножить,
испытывая сердце твое на стойкость
и мужество в начинании всяком.

.....

Ищи свободы своей в Боге,
через присутствие Божественной любви
в природе бытия твоего, ибо законотворчество
человеческого разума происходит только
из слабости духа его перед свободой,
данной в благодати Господней,
оттого чинит оно условность всякую,
дабы оградить и пресечь волю праведную
и благоверную от дара Всевышнего в выборе,
отвечающем перед делами собственными
и сердцем своим.

.....

Не выказывай веры своей прилюдно
в одобрение чье-либо, ибо отношение твое
с Господом Богом есть дело интимного свойства,
не терпящее ушей и глаз приспешников
благодравия, из гордыни черпающего
одухотворенья себе, как и добродетель
явленная пусть остается незримой...

.....

Нет ничего благоднее уединения для человека
сердцем чистого и Божественной благодати
преисполненного, ибо озарено оно
всевидящей любовью...

.....

Только непосредственное переживание
природы Сущего, опыт личного
воссоединения индивидуальной души
с вселенной Мирового Духа, лишь оно
способствует открытию человеком
истинного созерцания великолепия
в благоговейном Божественном проявлении,

которое, подрывая всякий устой разума
и чувства, возносит логику смертного бытия
до уровня сияния бесчисленной Души Божественного
и утверждает в сердце истину
солнечного преображения в Духе Святом.

.....
Оставь сердцем все, что приложимо
к довольству земному и правообладанию
накопительному, чтобы обрести свободу свою
в Боге, жизнь истинную в свете смерти
и состояние душе блаженной,
обогащенное не серебром иссушающим,
а присутствием полноводным благочестия
.....
...и нет мне прощенья,
лишь милостью Божьей и милосердием Его
уповаю в покаяние да надеждой кроткой
вселяю молитвы шепот в уста свои.

Ведь если б я знал. Эфирная плоть

Я научу тебя голоду, холоду, ночи без сна.
Я спою тебе песню забытых богом притонов.
В пустыне, где солнечный ветер ревет докрасна,
Ты снова откроешь жизнь холстом незнакомым,
На нем будут лики Рублева и сферы Дали,
На нем будут строки Антония и откровения Данте,
Но я не смогу научить тебя (даже, если захочешь) любви,
Ведь если б я знал, что это (дай мне хоть горсть вариантов),
Ведь если б я знал, зачем это, все потеряло б свой смысл
(так морем бредит душа, не ведая собственной шири),
И сердца лучи, обращенные в мертвую мысль,
Теряют свой свет, пропитавшись гарью и пылью.
Уж скоро рассвет и тепло, и руки нежности ждут,
Иди же туда, где сливаются боль, надежды, капризы,
Иди же туда, где тебя сокровенным найдут,
Пусть долей секунды, но долей, достойной всей жизни.

Проникающее мгновение

Усталостью бредит вечер.
Но ты открываешь вновь
Ворота заката ключом наслажденья.
Пусть завтра умрет,
И вечность
Творенья
Падет с твоих рук
Мне на плечи,
И вечность дыханья,
Того, что вокруг,

Обнимет нас розовым ветром.

Келья. Медитация

Меня обдает тишиной –
Грани пустого пространства в скелет души.
Снова с обочины, снова со дна
Утро врывается сединой. Позднее утро грешит

Дрожью голых деревьев в окне,
Серой дорогой, легкостью небытия впереди.
Грани пустого пространства во мне
Током пронизаны веры, надежды, любви.

Верить, ждать-переждать,
Вечер подарит преддверие ночи, таинство, мудрость ленную
Звездных крылатых вожатых.
Мне одиночество давит на грудь, шепчемся – я и оно –
Я и вселенная.

В доме горит огонь

Приходи.
Вечер спускается горной грядой темноты.
Флейтой осенней сквозняк пробирается в щели.
Хаос души – листопад. В черное тело луны
Мы бросаем надежду – я и ты –
Ты и я – наши холодные руки, наши глаза в
В отражениях луж серебристых.
Мы снова будем ходить под дождем, снова артисты
Пернатые станут нам петь и слеза
Неба алмазом скатится в твою ладонь.
Только не потеряй, только сердце свое береги.
Вечер спускается горной грядой темноты.
В доме горит огонь...

Черный ангел

Черный ангел трубит в трубу,
Черный ангел – ночь, черный ангел – осень.
Я опять куда-то иду,
Я опять страдаю вопросом -
Для чего беспросветная даль
Ты петлею въедаешься в шею,
Для чего, я сегодня, как встарь,
Душу красной наливкой грею
Из сочащихся ран да вина,
Из любви, потерявшей все силы.
Черный ангел, твоя труба

Мне осеннее золото в крылья
Занозила, вплела, кричит,
Я кричу вместе с этой стервой,
Но, а что-то вдали молчит,
Но, а что-то мается верой.
Черный ангел трубит закат,
Черный ангел - ночь – али осень.
Я опять иду невпопад
Я опять собираю росы,
Росы алые да румяные,
Росы ясные да по мне ли, брат,
Дни ли трезвые, дни ли пьяные,
Невпопад родной, невпопад.
Не молиться уже, не каяться,
Только рваться, как песнь тетивой,
Я хотел бы раньше состариться
Да звенеть седой головой,
Только молодость – страстью открытая,
Только твой заповедный взгляд.
Эх, судьба, ты тропа неумытая,
Эх, овраги да выцветший сад.
Эх надежда, сука бездонная,
Я срываю с тебя жемчуга.
Черный ангел – песня влюбленная,
Черный ангел – ты – это я...

Quotidie Eternity¹

1

Дождь и джаз. Осеннее уединение. Обветшала пыльца золотисто-ржавой листы. Конец октября. Осень – пора смирения, протяжной рефлексии и вечного увядания. Поэзия особенно хороша в это время года, когда простывшее сердце требует домашнего уюта, а память настырно листаёт огненные страницы почившего летнего солнца.

2

Первые заморозки. Свежесть чувств. Холодный бриллиант воздуха, как отпущение грехов. Северный ветер пророчит дыханием легких зимы. Лилейная пряжа облаков на ледяной бирюзе неба обволакивает стеклянный взгляд. Взаимопроникновение созидания и разрушения. Partum a novus – delere veterem².

.

3

Ножницы жалюзи разрезают горький табачный дым полдня в геометрии окна. Фантазия Моцарта расплескивается ароматным зельем из динамиков монитора, обнаруживая утаенную нервную дрожь сердца. В запруде стальных тонов глазам остро не хватает света. Тихая молитва неизвестного странника оборачивается родниково-жемчужными хлопьями снега. November propinquum³.

4

Без ее света - тайгой задыхаться, без ее рук – Арктикой бредить. Кровь – как вода, движения – тень, время – вакуума пропасть. Шафрановая меланхолия. Но ожидание свято, терпение истинно, любовь красноречива разлукой.

5

Нахмурился вечер, плюют фонари на влажный асфальт чахоточный блеск. Ткань мысли измята в могильные травы, в нагие узлы ветвей на обочине осени. Немые стены, пропитанные сединой, напоминают о великом даре прощения и раскаяния. Я один, но не одинок.

6

Я возвращаюсь на берег хрустальной реки. Я наполняю сердце прозрачностью воздуха хвой. Змеевидная тропинка теряется в пустынных лабиринтах сентября. Твои слезы – чистое небо ночи, твоя печаль – золотое одухотворение... *Autumnus ardet*⁴.

7

Апельсино-кофейная вибрация струн лесной талии. Сонный порошок ранней изморози под ногами. Ипохондрия глубокой облачно-лазурной дали. *Inconveniens*⁵. Оставляю, чтобы обрести, теряю, чтобы найти...

8

Саксофон вечерней усталости. Монотонная скрипка будней. Теплый колер молитвы телеэфира. Доносящиеся железные голоса случайных прохожих с гуталиновой улицы. Предел яркости. *Oblivio*⁶. Дирижирует поздняя осень.

9

Фонарные столбы на чешуе шоссе обреченно склонили стеклянные головы, бездушные светом в дневном окружении глиняно-смуглого неба. Волны выцветшей души. Навязчивое шуршание двигателей в движении из ниоткуда в никуда. Мечта беспечного путника. Храни его, Господи.

1 - Quotidie Eternity (лат.) - повседневная вечность

2 - Partum a novus – delere veterem (лат.) - создавая новое – разрушаешь старое

3 - November propinquum (лат.) - близость ноября

4 - Autumnus ardet (лат.) - осень горит

5 - Inconveniens (лат.) – иррационализм

6 - Oblivio (лат.) – забвенье

Возьми на радость из моих ладоней*

Дай мне шанс списать с тебя
красоту снежных лилий,
золотистый дурман полевых цветов.
Дай мне повод надеяться,
верить и ждать.
Дай мне силы
пройти этот путь среди горящих костров
и танцев холодных теней.
Мы укроемся в бархат метели,
мы сведем все мосты и дороги
в созвездие наших сердец.
Ночь нежна.
Рассвет тих.

Ты проснешься от ласковой трели
попутных ручьев,
ты напьешься прозрачной воды
из ладоней моих,
а дождливый свинец
нас проводит в леса,
где есть время и место любить,
где в глазах изумрудные длани,
где бурлит весенний прибой.
Дай мне шанс списать с тебя
красоту хризантем и алых тюльпанов.
Дай мне повод склонить
к твоему подножию мир,
окрашенный вечной зарей.

**Название заимствовано из стихотворения О.Мандельштама*

Рукав Оки

Рукав Оки пробился сквозь зеленый
густой массив, коктейлем синевы
и белой пены небо охраняло
кафе прибрежное и одинокий столик
на мраморе осеннего затишья.
Песок мертвел, чай остывал
в твоём стакане, обжигая пылевидный пластик.
Был берег пуст, безлюден и влюблен,
табачный дым листвою кружился,
мы все оставили во власти
безмятежного течения. Сон полдня
тенью хвойной разносился.
Рукав Оки тянулся к горизонту,
мы его мирно провожали взглядом и солнечное золото
над нами ленно лилось.
И будто было так всегда,
и будто холода
не предвещал сентябрьский контраст.

Жажда жизни

Под тоннами успокоительного
Держусь за ниточку жизни,
Смените рубашку смирительную
На песнь соловьиной отчизны,
И я вам еще прокаркаю
На блюде сочного поля,
Как бедная, старая алкала
Душа в голубом не покое
Небес, размахнуться бы крыльями,
Да стопы вдавить тропинками,

Эх, только б собраться с силами
Да слиться соками винными.

Белоствольная роща. Театрализация

Белоствольная роща берез, словно плесень
Дрожь листвы на рассветном ветру бросает в глаза.
Из тумана вскарабкалась солнца закваска, ночь треснула,
И аллеи расплылись крылатыми струями нот у виска.
Я вдыхаю всем телом раскат пробужденья - рождение нового дня,
До которого строил мосты, перевалы, рулетки вращал колесо –
Понапрасну иль нет, тому время двоякий судья,
Для прекрасного или дурного, там уж, как повезло-привезло.
Только сердце не врет, только сердце чует пшеничную сласть
Недопетой любви, недосказанных слов в тишине.
Я брожу по аллеям, как тень, толи радуга-жар, толь бескровных зимовок напасть,
Я дышу этим воздухом данности, что прилепился ко мне.
И рожден для любви, от любви упаду в сонный прах,
И нашедшейся светом, от света глаза потеряю.
Белоствольная роща, вкус росистой, помятой травы на губах,
Из тумана прицелилось солнце, а значит, я снова играю...
Играю в слова.

Пространство облачности

Трогательный легкий бриз –
твое пробуждение.
Ты тянешься к небу весенним цветком,
скользишь на цыпочках в ванну
(там твои родники),
возвращаешься и ложишься опять,
рядом,
будто июльский сад задышал
драгоценным узором рассвета.
Повернешься ко мне
ласковой ленью солнца,
посмотришь в глаза.
Руки спадут по теплому телу,
руки, с которых доносится запах
жасмина, лаванды и розы.
И мне не надо вина,
чтобы хмелем утешить сердце,
(ночью холодной больное)
и мне не надо другого утра,
взошедшего на росистый престол.

Твои патриции давно погребены

Твои патриции давно погребены

в руинах сладострастья.
Твои границы и щиты
разграблены огнем Востока.
И Пантеон безмолвной глыбой камня,
одиоко,
былую вспоминает негу жриц.
А Колизея пыльную арену,
где кровь плевалась хлебом,
зрелищем, корежит ветхость стен,
и молча бродят легионы мертвецов,
и эхо форумов скрепит в гнезде Плутона.
В медовый фартук мессалин зашиты,
разбавленные золотом и чернью,
триумфы, троны и престолы.
И только пот рабов,
все еще капает росой, все еще дышит.

Седые сны в садах из алебастра

Спокойна ширь, как сердце у святого,
Безветренна, пуста от белизны.
Лежат снега, молчит трава под слоем
Седого сна печальницы зимы.

Блажен, кто верует в сады из алебастра,
В алмазный воздух, в инея кристалл,
Там спит душа, душа весенней краски,
Там ждет огонь, полей янтарный жар.

Спокойна ширь, зализаны озера
В зеркальный лед, да срок продлен луны.
Меловые задумчивые горы
Под облаком молочной тишины.

В проеме дверей кто-то играет блюз

Однообразные формы,
Механические движения,
Разбавленные чечеткой октябрьского дождя.
Погружение в сон,
Как пробуждение.
Задернутые занавески
Привносят в полдень заповедь ночи.
Шорох шагов прогнившей листвы за окном.
Многостороннее одиночество
В односторонний
Проём мысли о бесполезности смыслов,
Фактов, слов, напряжений жилистых троп.
Календарная дробь
Осыпается сухостью чисел.

Больше никто не придет,
Чтобы развеять дождливый туман –
Скользкую саранчу в злаках души.
Город чугунным небом пришит
К холодной земле, к бинтам
На порезах улиц пустых.
Я читаю проповедь тусклых огней фонарей,
Что в вечер лимонного сока надавят.
Господи, твоя тишина превыше всего,
Что я понимаю, что я постиг.
В проеме дверей
Кто-то играет
Блюз.
Наверное, это один из твоих
Ангелов, что ночуют на крышах осенних домов...
Ветер стих.

Врубель. Одиночество

В душе твоей томятся
Пластикой титана,
Остроты линий, дикий символизм,
Эмоций порох, пепелища драматизм.
И дробный мир - орнамент,
И кристаллическая четкость,
И напряженность колорита,
Пульсация природы,
Демонический раскол,
Лилово-золотой космизм.
Наследник прерафаэлитов,
Возрождения, Шекспира, Гете,
Ты дух бунтующий, дух одинокий,
Во имя сумасшествия святого.

На осколках темноты

...расстояния, что нас сближают,
боль, что чистит нам сердца,
нежность временной потери,
меланхолия осенних,
розами скрепленных, верных
солнцу августа, скрижалей –
все вбирает лунный трон...
...ночь чиста, душа туманна,
спи спокойно, скоро рядом
будет и моя ладонь...

Движение в сторону сердца

Я жизнь прожил не понарошку
и черный ветер бездорожья
встречал оскалом
солнца в лоб.

Сердечные рассветы
и закаты,
любовь и ненависть,
подвалы и палаты –
все ко двору, когда есть веры жало.

Одни ушли, другие еще близко,
одни взлетели, кто-то уже низко,
меня же центром массы удержало
на стороне живого ремесла.

Взгляд нараспашку, пропади все даром,
но я живой, дышу, в душе, что жаром
протоптан путь бродячего певца.

Меня брани, гони, я только крепче
ударю ладом, ладаном сердечным,
лазурью нот в прокуренных устах.

Веди меня, слепая моя доля,
мне все с руки, когда есть чисто поле
рубахой-мамкой на плечах
да Божий страх.

Душа пишет стихи от неволи

Душа пишет стихи от неволи,
Золотится в плоти сырой,
Ей бы парусом веять на море
Да катиться рожью по полю,
Только срок отписали иной.

И пока в цитадели болезной
Ее солнца сковали лучи,
Она звездной питается бездной
Да вгрызается поступью крестной
В землянику закатной свечи.

Она чтит всякий миг, что напомним
Ей родного приюта крыло,
На любовь листопадом исходит
Да метелью кружит полноводной
Слов-соцветий над тающим льдом.

Душа пишет стихи от неволи,
Переносит, как стоик, дань-жизнь,

Что платить обещалась природе.
Не забыла б себя и довольно,
Остальное смерть довершит.

Fac ferrum, fer spem*

Я хочу танцевать обнаженным
На крапиве твоих откровений,
Хей, судьбина, случайный прохожий,
Слышишь ль связок моих порох нервный.
Для любви не исчерпаны недра,
Эти недра – бездонные вина,
Я напьюсь хмелем тем и поверю,
Что пришел не из этого мира.
А оттуда, где бьют родниками
Музы сладкие, нежные в страсти,
А оттуда, где ветер руками
Я ловил и пускал восвояси.
Я хочу танцевать обнаженным
Под метелью свинцовой и плакать
Горной речкой, как новорожденный,
Плаваясь в солнца янтарную слякоть.

* *-(лат.) Будь крепок духом и надейся*

До ласточки зари

Как светом умывается берез
в июльский полдень память,
и как прозрачная волна
индиговой реки
незримой флейтой дышит,
ей невдомек разлука.

Упала шаль, то ночь и иней черный,
а сон далек, как и твои глаза,
в них отраженье не мое мерцает,
но солнце их зажжет воспоминанье.

Пока мы помним, нет для нас преград,
чтоб чистый голод сердца утолить,
и ночь пройти до ласточки зари.

Короткий метр

Бумага. Стол. Свет.
Душа, растекающаяся вечерним кремом.
Сон далек. Фонарный букет
Осыпается в окна люминесценцией ленной.

Смотрю волком. Вдыхаю чайкой.
На кухне любовь, уют и ужин.
Промокший асфальт – чешуя русалки.
Свет соседних окон кривится в душу.
А знаешь, в этом что-то найдется,
В этом что-то есть, еле слышное
Нашему уху. Тихо смеется
Душа, поглощенная черными крышами.
Бумага. Стол. Свет.
Осень, смотрящая в скважину двери.
Сон далек. В зале ее силуэт
Украшает фиалками складки постели.
.....
Раскрепощенное утро. Пепельница. Легкий завтрак.
Сегодня она уезжает, поезд настырно ждет.
Молочный туман небес провисает маской
Скорби и радости, пока еще здесь живет
Ее сладкий, наивный сон, вчерашняя тень под ресницами,
Вчерашняя ночь, укрытая в приглушенный свет.
Время дышит в затылок, холод искрится,
В окна стреляет нервом пустынный-рассвет.
Бледное утро дымится. Плеск сквозняка под ногами.
Воск тишины, разбавленный скрипом замков.
Перебираю четки, ветер ловлю губами,
Ветер ее объятий, ветер ее снов.

Обреченное время поэтов

Пенный бархат приборя.
Блики кипящей луны на воде.
Шепот остывшей гальки.
Я иду по лозе берега моря,
Я читаю стихи сам себе,
Проедая взглядом смолистую даль.
Вкус беспечной прохлады и соли
Оседают на языке.
Я теряю себя в звездном поле,
Что засеяла южная ночь.
И душа виноградного лета
Бьется снежной чайкой в груди –
Обреченное время поэтов.

L'espoir*

*“И Я скажу вам: просите, и дано будет вам;
ищите, и найдете; стучите, и отворят вам...”*
Евангелие от Луки 11:9-10

Жемчуг небесный благословляет очаг.
Дом на камнях –

наша любовь.
Дом на песке –
наша разлука.

Искрится лунная вода
в ладонях ночи чуткой.
Оплачь мой путь росой.
Так воцарится твоя радость
о кающемся грешнике.

Изгиб ручья
рептилией овражной убегает.
Ты влаги зачерпни моей сердечной,
чтобы безжизненный воскрес,
а гибнувший нашелся.

* - (фран.) надежда

Конспект номер минус один

Я живу в доме.
Кто строил его, кто клал кирпич, кто мешал раствор?
Может быть руки
будущего убийцы?
Кто монтировал кровлю, проводку?
Может быть будущий вор?
Как мне теперь смотреть
на эти стены, двери, карнизы...
Налей-ка мне водки,
друг по несчастью, сосед,
я хочу забыться, зарыться, от мыслей
о том, что ты думаешь обо мне
в самом истинном свете
своих потаенных предположений.
Может быть за твоею улыбкой киснут
столетние щи зависти, злобы, наветов?
А я, вот сижу перед тобой,
изливаюсь весь солнцем блаженным,
да душу об терку твоих глаз
полощу вхолостую.
Я живу в доме... Да кто я такой,
чтобы жить здесь сейчас,
в эту минуту, в это мгновенье,
кто дал мне право дышать?
Боже, наверное, закономерно,
истинно, подлинно, все, эти стены,
двери, карнизы, кровать,
пропитанная порохом ночи,
таким порочным

в рассветной струе багреца...
Дождь из свинца,
ветер проточный,
желтуха-листва,
осень несется по нервам,
забирая небрежно оброненное
к грязным подошвам время.
А жизнь то одна...или как знать,
как верить...

Конспект номер минус два

Блики на льдине окна –
словно вечерние ангелы бьются в агонии фар.
Да что им здесь делать, ангелам,
детям небесных кремовых вотчин,
гарью позорить снежные крылья,
когда встал
пробкой сплошной городской разлив,
когда за ночью
следует ночь, еще темней
карьерным наростом
(немые погосты
и те поживей,
чем вешалки, стулья в мыли)
Да что им здесь делать,
а нет, все-таки, есть что,
и это что, найти, удержать, размножить бы...
Если бы верить, но веры –
кот наплакал, хлебные крошки
для тараканов на кухне.
Блики, огни –
словно вечерние ангелы множат
следы,
словно дают понять, что непрошенный
ты в этом шествии звуков
железных,
в этих стальных переулках.

Антигравитация

Наркоман:

На острие иглы небесные врата...

Проститутка:

Нет, в плоти лестница к подножью звезд эдема...

Алкоголик:

Вина огонь, вот истины тропа...

Серийный убийца:
Нет, лезвие ножа кровавым откровеньем...

Ангел:
На острие души и в плоти светлых волн,
В огне молитвы и на лезвии смиренья...

Наркоман, проститутка, алкоголик, серийный убийца (вместе):
Ты призрак врешь, пошел отсюда вон!

Ангел:
Вы больше призраки, чем я в бесплотной тени ...

Наркоман:
Я излечусь...

Проститутка:
Я брошу...

Алкоголик:
Бросим вместе...

Серийный убийца:
Я болен, нет вины моей на прахе...

Ангел:
О, обещания, обман, вы дети страха
Духовной пустоты, а не болезни.

Засечки

Жизнь, написанная черной кровью
по белому снегу,
которую не вырубил острый лезвием памяти,
которую не отбросил как старую
ненужную вещь,
твоя жизнь,
чего оно стоило,
это количество труда
общественно необходимого
для ее производства?

.....
Где он, Ад?
Где он, Рай?
Там, где личный твой опыт.

.....
Я боюсь слов,
пожертвованных бумаге,
мертвые знаки и символы,
иногда они говорят правду,
иногда они прорезают

ткань эфемерного
жизнью.

.....

Кто они,
эти маленькие ангелочки,
целующие плоть земли,
нераскрывшиеся куколки,
созерцатели сиюминутности,
свято верящие в безысходность,
кричащие нам с карнизов?
Они – наши дети.

Вероника

Вероника сидит на траве.
Вероника ловит солнечный мед
зеркальцем нежных ладоней.
Плеск ручья, шум листвы, песни цикад
веселят ее тонкий слух.
Она любит радужный берег утра
и пурпурный остров заката,
она верит, что тучи – это овечки,
которых пасут херувимы.
Она дышит красками летних цветов,
перламутровым морем лета.
Вероника слушает птиц и из снов
заплетает пророчества сказок.
Ее юное сердце – колодец любви,
ее бархатный шепот – любовь.
Вероника – поэзия света.

Балкон. Рождественский штрих

разодранный разум
выносит наружу ночной кошмар.
московская плазма
обжигает сквозь самовар
труб заводских.

больное, непослушное тело.

рождественский штрих,
как шрам на лице.

играю в любовь неумело,
но яростно.

в твоей жалости,
перемешанной с лаской,
последний пунктир надежды.

теперь, когда сняты маски,
ты видела мою бледную дрожь,
я стараюсь прилежно
превратиться обратно в того,
кого ты еще ждешь
движеньем огня,
под черным куполом неба
в звездной пурге.

балкон, снежный ветер,
озябшие краски.
возвращайся скорее ко мне,
ко мне, кого полюбила
в золоте августа...

Грехопадение

Вселенная, мать,
ты ведь тоже рожденная
из погрешности Вечности
в стройном вакууме мироздания –
первородный грех космоса.

Наскальная живопись подъездов

Дождь в подворотне. Скрип старых качелей.
Я обретаю свое просветленье
В лужах на треснутой скорлупе
Асфальтовых лабиринтов.
На остановке людская молва.
Каждый прячет частицу счастья
За хмурым взглядом, за тусклым свеченьем
Глаз,
Отражаясь тенью в витринах,
Но тень промолчит о главном –
Истина ждет за углом.
Наскальная живопись подъездов,
Как поиск себя, свежая рана
Юности вечной.
Пусть и не к месту,
Но честно,
Пусть не о том,
Но с душой, от души,
Словно дождь в подворотне
Заговорил со мной
На язык чистой воды,
На языке свободы.

Алый уголь

Философия любви иррациональна,
если вообще есть какая-либо философия любви.
Любовь – это закупоренная в сосуде сердца
потенциальная
энергия, настроенный пульс струны,
играющей фламенко марта.
Вы когда-нибудь плыли над бездной,
окрыленные, лишь взглядом сторонним,
взвешенные, лишь юным месяцем губ?
Тогда вы не будете спорить,
что сумасшествие – это прекрасно,
что безысходность
дает право верить сильнее и упорней,
а опасность,
не так уж страшна,
как мысль одна, обладать
этим хрупким телом, возбудившим
алый уголь в груди.
Вывихнутые лианы рек
несут на райскую гильотину,
мой палач, мой нежный палач,
твое имя
столько лет
мешает спокойно уснуть,
врываясь без стука.
Слышен плач
ноябрьских ливней,
слышен звон колокольный
небес, меня ждут
твои руки...

Утренний дым да крик журавлиный

Монашествующий дух пустыни.
Вечер в плену смолянистой пещеры.
Дым от костра на вешие своды.
Ужин нехитрый. Снов паутина.
Что мне еще вам о жизни поведать,
когда во всем я исполнен природы
случая странники, хлеба дорожного,
нет мне пристанища, кроме могилы,
да и могилой своей изберу
пепел, развеянный с горного ложа,
снежного пика, где звезды лениво
зауспокойную мне проплюют.
Скажете, грустно, но мне ли печаль
сердцем ловить, когда сердце мое –
утренний дым да крик журавлиный,
синяя глубь да черная даль.

Жизнь моя, смерть ли, теки соловьем,
ветер, дыши плетью в спину.

Отель “Данте Парадиз”

Новорожденным закатом в степной колее
свернулась киноплёнка магистрали.
Есть старый придорожный номер
на проветренном в пыль пустыре.
Остановимся там, на ночлег,
утолим жажду дневного южного солнца.
Ключ в замке.
Сквозняком усталости слетаем
в поэзию ветхих
стен очага-однодневки.
Вода уносит с полуоткрытых век
километры степных погостов,
оборванных проводов.
Пропитанный табаком и виски
номер
еще помнит
теплоту тысяч рук
беспечных влюбленных.
Ночь заплывает в расщелины глаз.
Свет приглушен.
Аккордом призраков слетает занавес,
и мы
внутри
жемчужины прекрасной,
нас омывают потоки жарких Нильских вод,
костры из желтых лилий оста,
в раскрытом небе стаяй мчащихся огней
альпийские созвездья
питают взгляд росистый,
шампанским брызжет сладкий воздух
лугов и рек.
Мы спим, но это нам не снится...

На Лорку

Сахарный вкус свободы
Пропах полыньёю упрямой,
Теплый глоток вина
Разбавлен уксусом стен,
Поле видений застыло
Пыльной оконной лавой,
Где ты, мое вчера,
Что разметалось ветром,
Что поднималось из пепла
Пряной змеей дороги,

Где ты, мое сегодня,
Что оседает в лунность
Ржавым железом заката,
В грязь под ногтями неба...

Инициация

Закатное солнце
оплавало сосны.
Молодые монахи выходят на берег.

Нет прошлого,
нет будущего,
нет смерти.

Догорает хворост в костре.
Черной медузой
сползает ночной прибой.

Медитацией бриза
к луне на поклон.

Свет проникает под кожу.
Ум опускается в сердце.

Разбуди тишину.

Crystal*

Мокрый снег на мертвенном небе –
вкус увядших осенних даров.

Я
и бледная кровь
ноября,
побратимы, созвучны.
Непримечательно, ленно
сползает вечер, скребется ночь.

Я
и выцветший почерк
ноября,
влюблены, неразлучны.
Незаметно, тонко
город осыпали звезды
в хрустальный сад.

Осколок
осени поздней
выплакал вест.

Я
и брат мой,
ноябрь...

* - (лат.) хрустальное

Нога Востока

Роза увяла.
Веером аромата
Не дышать ей больше
В сторону
Зари.

Забвенья снега
Сном лилейным.
Пришел декабрь,
Развел костры
Холодных звезд.

Руки твои
Осыплются шелком,
Губы твои
Созреют радугой.
Снова цвести мне.

Распятница

К горлу подступает сладкой жижей
Грязный снег под молотом подошв.
Я тебя сегодня не увижу,
Зря ты нежность копишь, ласку вьешь.
Пусть тебя сегодня не узнаю
В плесени проулков и углов,
Мы с тобой два берега, два края,
Но река одна у нас – любовь.
Возвращенье неминуемо, как смерть.
Ночь благая. Ночь хромая. Гаснет свет.

Неомистицизм

Если есть, что сказать – молчи.
Дай себе шанс овладеть тишиной.
Стори, как осень-свеча
И воском расплавься
В мраморном взгляде Будды.
Есть сотни причин,
Чтобы остаться
На глубине бесприютного
Звездного сна,
Наедине с дорогой
Ветра-отшельника,

Там, где душа
Принимает образ любви,
Там, где новый Адам
Пьет вино
Из уст Евы-природы.

Таяние расстояния

Остывший сор декабрьских ливней,
Обезоруженных лесов сквозняк.
Прости тоску мою.
На гематоме городской,
Среди дорог, фонарных бивней
Я потерял лицо твое,
О, нежность-солнце.
И вот стою в строю
Неровном, зыбком и звездой
Свинцово-одинокой
Бросаю дальний свет,
Алмазов россыпь,
Дальше битое стекло,
А дальше...дальше тьма,
Безлунье, хоровод фантомов.
Льдом руки припекло,
И инеем окна
Седая прядь украшена, бездомной
Кошкой муза лета по подвалам.
Но улыбнись, прошу, ручьем рассмейся,
Я короную тебя в алом
Ядре рассвета, на лилейных простынях,
Когда июль на сердце,
А там, на горизонте
Окостеневший бал и белый прах –
Но не помеха,
А лишь благословенье
К теплоте телесной,
А лишь жемчужина души
В сиреневых цветах.

Зимнее хокку

Белой пустыни
Волны
Качают декабрь.

.

Млечные струны
Зимних дорог.
Колодец замерз.

Бриллиантовый иней
Играет
Северным светом.

Взгляд мой –
Снежное ожерелье.
Сон благосклонен.

И маки плавилась душистым соком зорь

Я спал в тисках отлитых льдом озер,
И мне в больной метели снов приснилось,
Как маки плавилась душистым соком зорь,
И пеной облачной ладьи струились лилий.

Рядился лес журчаньем вещей хвой,
Плескалась трав душистая прохлада,
Играл огнем лазоревый пробор
Реки блудливой, горным водопадом

Луч отрывался от небесной печи,
Окатывая медом с молоком...
Проснулся я – дыхание твое
Легло туманом серебристым мне на плечи.

Сапфировые пятистишия

Привкус коньяка и табачного дыма в воздухе,
Плавное течение аккордов Led Zeppelin
Напоминают о сладости южной улыбки.
Великая женственность ночи
Приводит в движение душу.

Дорога, насыщенная минералами звезд.
Легкий этюд ручья.
Двужильные кедры,
Стройные пихты и древние сосны
Встречают гостеприимством гор.

Напой ночной водой усталого путника.
Обогрей ночным огнем усталого странника.
Он принес тебе музыку скрипок лесных,
Он принес пророчества духа морского.
Он пришел умереть у тебя на руках.

Тула-Москва

Хмель дороги –
шоколадно-белый порох под колесами зимы.
Двести километров, льда, сугробов,
созерцания равнинной тишины
до тебя, до танцев при свечах.
Драгоценные аллеи – гроздь серебра –
ищут след шагов твоих. В глазах –
надежды глянec, в сердце – пряный Вах,
за дверью – розовая Эос – подождет –
московский блюз ночной
поет,
гудит,
расходится безбрежьем
дальних окон.
Лунный локон
в наготу груди,
огонь раскован,
намекая на
бессонницы истоки.
Пей губами нежность –
выдох-вдох
палитры васильковой.

Проба чистой любви

...И с волос ее льется золото,
И голос ее – ветер прибрежный,
И глаза ее – чистый хрусталь, губы – соты
Сладости спелой, груди – свежесть
Горного снега, кожа – сок земляники,
Руки – ласковых волн изумрудная нега.
Ее имя живет средь лугов огнеликих,
В травах мятных, в душистых побегах
Вечного солнца ночи...
Ее знаки в жемчужных подвесках созвездий
Обретают пророчеств
Влагу живую и пламенный блеск
Любви... Ее место –
По правую руку Венеры,
Ее вера –
Презренье табу,
Ее мера –
Свободой слепа и неверна
Границам и водоразделам...

Под диктовку Селены

Вязкая ночь наводнила клетки усталого города.
Бухта луны принимает холодные песнопенья теней.
Кто ты – свой или чужой? Подай-ка дрожащий голос,
взгляни в самое жерло темной кузницы снов.
Вот на мертвой дороге смуглый туман обретает черты
старца седого, пустынного в вечной молитве,
вот нагота жрицы пленяет ум мудрецов,
вот копьё ангела, рвущее брюхо дракону –
фантазия беспредельно лукава, игра – достойна любви
и смерти, инвалидное кресло рассудка
сброшено в пьяное море созвездий.
Не бойся искать того – чего нет,
звезда Изиды тебя приведет к зачатию новых песен...

Делириум

У меня есть четыре стены, вариации
мыслей из мятой желтой газетной бумаги,
модель поведения к каждому шороху, куча абстракций
и абстиненций. И все это есть, и все это надо

учесть, когда утро раздует угли и потащит
тело в обойму общего хода времени,
где часов гильотина, не зная пощады, накапает в вену
кислый раствор из подачек скромного счастья.

За мной оседает дымка души, грозящая смертью
и адским борщом на закуску, за мной разливается море
ошибок и проб, январской тоски и слабости летней.
И что же, кому в этом толк, если не мне? Но мне, уж позвольте

безмолвием вставить ремарку. Невысказанное – пленяет.
У меня есть голод, есть слух, а значит, есть музыка,
трубный хрусталь дождя, песнопение грустной
рдяной сердечной мышцы. Мне подыграет

свет, разъедающей взгляд, холод, режущий руки,
зимний восход солнца бледно-красной фреской.
Кредо мое – созерцанье – стрелы в натянутом луке,
взгляд мой – черная ночь, черный прокуренный блеск.

Отдохновение

Восприятие из первоисточника.
Чистое созерцание.
Я наблюдаю за невесомым движением образов
В плоскости снежных гор.
Бесприютный странник
Обретает покой –

Колыбель грозного молчания.
На ресницах алмазные капли дождя –
Осенние слезы,
В ладонях пыльца весны
И прогретый воздух, –
Природа приносит импульс дыхания
Роз, лилий, кедров, маков –
Вещественность без вещей.
“Я” забывает себя,
И это незнание –
Величайшая истина, благо,
Открытые окна в душном подвале
Времени Ч.

Пролонгация

Смертельный поцелуй льда,
Стеклянный взгляд предновогодних окон,
Словно ожившие дневники Кафки.
Я прощаюсь со старым другом, со старым домом.
Напряженная кристаллическая решетка
Слов, смыслов, догадок
Гнется под тяжестью дороги.
Ветер болтается плеткой
На обожженных пустыней щеках.
Декабрьской злостью с порога
Кричу новому дню –
Будь ты проклят, благословляю.
Что меня ждет? Не важно –
Если есть, кому ждать.
Наугад движение
По разбросанным листьям.
Что меня ждет? Не знаю –
Если бы знал, все равно не сыграл бы
На опережение.
Так честнее, Господи, перед Тобой, воистину.

Journal. Январь

Песнь сладострастия носится в снежных помехах.
Ломится сердце от меда капризов и хлопка желаний.
Тени предчувствий пронзают облачный воздух.
Хочется верить, что это – не беглый талант.
Радость вина золотого и не до смеха,
Пояс зари на строфу и не до признаний,
Взгляд, постигающий нежность, и не до вопросов.
Даром контраста и антитезы нежность рвет взгляд.
Я – это месиво, сплав, каламбур, мозаичные стекла,
Ты – это мягкая линия рек, плавность равнины,
Мы повстречались, чтоб грани искрились на солнце,

Мы сговорились любить этот блеск рукотворный.
Выгляни, голубь почтовый просится в окна,
Вестью снежной дымится январь и рдяные долины
Сердца цветут музыкальностью места,
Места, где шаг ли, другой - все чистое поле.

Fly Caesar Poems (стихи Мухи Цезарева)

*"...Я человеком здесь поставлен
На время"*
Д. Пригов

secundo lapsus

Я выкидыш города – воробей,
Божья тварь на содержаньи подачек
С мусорных пастбищ.
Это мой город, это мой хлеб,
Не надо давить из себя милосердия
Ватную мину. Вам мой сосед,
Дранный кошками голубь, расскажет,
Что нет ничего слаще свободы
Сдохнуть, где хочешь, без пышных венков,
Без траурных слез, растворится в природе
Вечного
Щебня и гравия, стали с бетоном.
Это мой город, это мой кров,
Крошки цедить среди окурков овражных
Мне завещала многоэтажная
Его весна.
Славься, Отечество!

tertio lapsus

Девочка, сладкая молодость,
На распродажи ночного греха.
Вздернутый носик приправлен соблазном
Легкого серебра.
Лишь стоит закрыть ненадолго глаза,
И дать, что хотят эти потные руки
В тонированных каретах.
Люминесценция губ на обочине.
Порванные колготки.
Валя здесь уже Виолетта,
А Виолетте ночью
Все можно,
Все ветрено
В любую погоду.
Такая работа-бабочка.

lapsus quartum

В кране нет воды, в коридоре света,
В окнах прописались сором сквозняки,
Потолок укатан бляшками разводов,
Я вдыхаю пыли мятную струю.
Мать моя, хрущевка – вечное застолье,
Стирка да уборка, старый календарь.
Мишурой молочной паутины соты,
Стены одичалые – дам не пригласить.
Головная боль ЖКХ реформы,
Ветхое жилье – осень золотая.

VIII lapsus

... что кесарево – кесарю.
Мой подиум – диван,
С него мне видно далеко:
Лохматой головы похмелье –
Туман румяный,
Заплетуха речка,
Обвисшие коленки на трико –
Холмы-бурьяны,
Горб рассветной трели.
Такая, брат, натура, естество.

XII lapsus

Раскатом мысли еле слышной
Плюю на левых и на правых,
На демократов, коммунистов,
Центристов,
Радикалов буйных,
На вертикали власть имущих,
Горизонали, призмы, точки...
Мне как-то ближе Лобачевский.
Я голосую за достаток
От мишуры в моем мозгу.
Я партии запрос прекрасный
Убил в себе политкорректно.
Сей безответственный поступок
Под рамку и в отхожем месте
Пришил на гвоздик заржавелый.
Не обессудь, страна, с приветом,
На все с высокой колокольни...
Мой долг гражданский – до аванса
Прожить с просроченным кефиром.

XIII lapsus

Дожив до современных лет,
Я захотел вдруг кануть в Лету.
Как говорил один поэт...
Ах, нет, ну это не про это,
А может статья и про то,
Какая разница, не важно...
Бери свой зонт, портфель, пальто
И хорони себя отважно
В молчании гранитных лат,
В неведение и тьме землистой.
Язык твой – враг твой, супостат,
Известно каждому чекисту...
А с мертвеца и спроса нет,
Он лыка отродясь не вяжет,
Как говорил один поэт...
Какая разница, не важно.

XIX lapsus

Отчего мне сегодня не спится,
Отчего мне так давит на грудь.
На балкон выхожу похмелиться
Черноокой цыганской наливкой
Ночи летней. Лунная ртуть
На асфальте сыром, ветра дурость,
Философствовать только с руки,
Где ты, сволочь, великая мудрость,
Что скопилась в оргии дня?
Тишина, не видать не...
Тишина, так увесиста, тяжка,
Хоть кричи на разрыв во все горло.
На глазах пломбы звездные, сажа,
Что сцедил полуночник суровый,
Воздух, черной листвою заряженный.
Промурлычат крыши убогие,
Да подвалы потянутся бражные.
Валерьяны сейчас бы коту.

xix lapsu primi

Прорастая в чугуны старой ванны,
Совокупляюсь с лимонной водой.
Погружаюсь в легкость нирваны
Теплым обмороком, талой кожей.
И обмякшее тело плывет
В направлении дымчатых перстней
Сигареты. Потное зеркало,
Сюрреалиста месиво,
Рихтует стен шелуху

В отраженье.
Грецким орехом
Колется в солнца оргазм
Лампочка Ильича.
Эх, горяча,
Забориста муза водоснабженья,
Посейдонову мать.

На миллиметре

Я видел черную степь
В мертвом ночном дыхании,
Холодную цепь,
Обвязавшую непослушную шею.
Я еще поверю,
Но только, если ответишь,
Для кого ты светишь
Мое обгоревшее солнце?
Для кого ты двери
На распашку держишь?
Черная степь пробирается хищной птицей.
Для чего мне снится
Сумасшествие предрассветных теней?
Снова дверь,
Дверь в холодный покой темноты.
Если, только не ты,
Не твое обнаженное счастье.
Прости...

Прибрежная песня Ромео

прекрасен берег,
твоей звездой освещенный,
его песок умытый
во влагу янтаря.

прохладой опьяненный,
пью его волну,
вдыхаю воздух вольный,
срываюсь в бездну неба,
музыкой луны
клонюсь ко сну.

я в нем –
причалившее судно,
нашедшее по бешенному ветру
свиданье тишины,
под зимней коркой - лето,
в плену огня – союз.

прекрасен горизонт его,
что груз
закатного светила принимает
алой краской,
утонувшей лаской,
парящей от восхода чувств.

За вестниками родникового света

Та, что лечит, одним прикосновением,
согревает дыханием ночи,
та, о которой хочется
рассказать ветром весенним
в каждой строке любви.

Она спасает, одним лишь присутствием,
умирающее сердце.

Во имя ее пришли
вестники родникового света.

Ее летний вкус
на моих губах
расцветает июльским солнцем.

Ее молитвой пропитан воздух
моих снов.

Серебряным ключом

Дай музыке самой течь в твоём сердце.
Она приходит из ниоткуда
и льётся серебряным ключом по утомленному слуху.
Это хор ангелов.
Пусть играет волынка,
кружат хороводы.
Пусть собирает пространную мощь орган.
Не старайся сосредоточиться,
иначе потеряешь ее пылевидную нить.
Просто отдайся созерцанию,
чуткому,
словно движение ветра,
чистому,
словно горный ручей.
Дай музыке самой течь в твоём сердце.
Охвати красоту первозданных звуков,
мелодию вселенского горна,
ритм, сошедший с изумрудных холмов
и лимонных полей.
Покой и динамика,

все на одной волне,
в одном измерении.

Читать по глазам

Хочу умереть и ожить в твоём сердце
Лилией снежной,
Чтобы украсить озеро светлой любви.
Лишь тонкий шаг к разметке скалы отвесной,
Незримый, нежный
Шаг,
И я распускаюсь, глотая воздух границ твоих.

Хочу обрести тайну сна и подарить тебе
Хрустальный посох дождя,
Теплый прилив заката.
Лишь бы заснуть рядом на глубине
Ночного огня,
Лишь бы заснуть рядом.

Хочу воскресить безмолвия храм,
Сердце сокровенный угол,
Ведь мы же умеем читать по глазам,
Мы ближе, чем знаем друг друга.

Сезоны любви. На глубине

Окаменелости зимы.
Меловый гранит застывших дорог.
Химия весны.
Изумрудный раствор свежести.
Испарина лета.
Солнечная вакханалия в брызгах огня.
Сезоны любви и наших надежд
союзом сладких роз, ласковых вин,
нежной жажды и девственной наготы глаз.
Отречение от мира, ради мира,
наполненного красками Гогена,
музыкой Дебюсси,
поэзией Овидия.
Так я вижу тебя рядом,
так чувствую тебя,
так я знаю тебя.
Сезоны любви.
Перелистывая сухой календарь,
я оставляю позади
бриллиантовый свет теплой воды с твоих плеч,
холодные поцелуи ночных свечей,
опьяняющий шум леса,
печальную росу твоих сокровенных слез,

я оставляю, ради продолжения дыхания
вслед соленому морскому ветру,
встречающему нас на золотых пляжах августа,
ради распущенного головокружения
канареечной мишуры сентября,
ради белых постелей январского ледяного дворца,
ради пылающей, зеленеющей молодости твоей апрельской души,
кричащей обновлением земли
в кристальной лазури небесного пиршества.
Сезоны любви.

Дай волю замерзшим рукам, остывшим движениям,
забытым словам, что шептали серебром луны,
сахарной пылью звезд с ночного пристанища бога любви,
отмерь на глубине уставшего сердца
место для продолжения жизни сладких роз,
ласковых вин, нежной жажды
и девственной наготы глаз.

Мягкость снега на безветрии

Мягкость снега на безветрии,
Струн восточных тонкий лад,
Тихий омут белым светом,
За окном стеной заветной
В инее лесной фасад,
Усмиряя сном таежным,
Носит сказочную пыль.
Разум легкостью застыл,
Беспокойство сердца в ножны,
В душу маетную – штиль.
Неба молоко тучнеет,
Сея хлопьями балласт,
Плавность взгляда каменеет
Обаяньем зимних фраз.
Мягкость снега, нежный берег,
Ледяной волны экстаз,
Забывая солнца сласть,
Я тону в крошке мела.
Белый, белый, белый пласт...

Сквозь дым неоновых цветов

Под одеялом черной небесной ткани,
Сквозь дым неоновых цветов городского дыханья,
Мы с тобой открываем дороги близости, мы крадем сердца друг друга.
Снежные искры провожают нас мерцанием сиюминутности,
Глухие фасады домов врезаются тяжестью каменных холодных снов,
Но твой взгляд, печально-прекрасной далью, согревает меня на ветру,
Но твое заботливое солнце изливается ароматным вином
в трезвое безразличие механических улиц.

Серебро луны крошится на волосы, венчая нас в древнем соборе ночи.
Когда-то давно я загадал тебя, я загадал твою сокровенную любовь,
И вот, ты здесь, под покровительством крылатых созвездий,
глянцевых воздушных многоточий,
Ты здесь и все теряет объективную реальность, превращается в игру,
В игру просветленного вожделием разума, буйство красок опаленной души,
Которая больше не знает границ и пределов своей алхимии.
Внутренняя музыка изредка преломляется простуженным хрипом машин,
Алмазные деревья сладко шепчутся пророческим шорохом о нас,
прошлое забыто, горизонты стерты, веди меня...

Кромка. Заточенный под нерв

я соткан из трупов своих поражений,
из шрамов, осколков, следов темноты,
я слеплен из глины немой пустоты,
из пепельных листьев самосожженья.

я ползал по дну, чтоб узнать, как дышать
небесным потоком синеющей лавы
(без сил и без страха, не ведая меры,
теряя себя, чтоб себя удержать,
мешая рассудок безумством)
я знал, лишь надежду и помнил о главном,
лишь смерть приемлет усталых,
лишь жизнь открывает все двери,
лишь жизнь на лезвии чувства.

Шлейф самолета на айсберге неба

Шлейф самолета на айсберге неба,
белая лента, плывущая снежным туманом
за горизонт индиговых рощ.
Я провожаю льдом на ресницах нервных
твое молчание, твое признание
ереси слова.
Я собираю дрожь
с твоей холодной руки,
одевая в ласку июньской травы эпизоды
прощания.
Шепчи мне глазами печаль одиноких гор,
грусть сиротливой волны океана,
безлунье глухими ночами,
шепчи мне, я излечу твои раны
я соберу слез твоих соль,
как дрожь с застывшей руки.
Пусть ветер кашлем солнце задул,
но у меня есть снадобье теплых аллей,
ведущих к кострам надежд и прощенья,
у меня есть дар отреченья

от своего дерзкого сердца,
ради твоих ласковых струн,
поверь.
И когда сердце насытится болью,
когда догорят последние свечи
призрачной ночи,
шлейф самолета исчезнет в ультрамариновом море,
ты обернешься...
прощай, до свиданья...
до встречи...
мы снова...

Вспыльчивых струн резец под языком

Он состоял на четверть из хмеля,
На четверть из поэзии,
На четверть из любви,
На четверть из ночных скитаний.
Он любил дочерей океана,
Венеры соблазн и копьё-огни
Карабкающей ранней
Звезды
В утренних ледяных песнопеньях.
Он носил полевые цветы
В волосах шоколадных,
Вспыльчивых струн резец
Под языком,
Собирал истории вскрытыми шрамами.
Он извивался дикой рекой
И впадал наконец
В глубины святого безумства.
Его имя, нежной грусти глоток,
Незримый венец
Чувственности,
Соль штормовых соков
В жажде искусства,
Искусства любить зажженное
Небо востока.

Путешествие к истокам

Начало долгого пути.

Вниз по Драконовым горам,
навстречу трехкилометровым водопадам,
считывая со скал
рисунки художников палеолита.

Прохлада виноградников спасет
от кочевой пыли солнца.

Гостеприимная бедность встречает
ночлегом.
Скорость гепарда, мощь буйвола, сила льва
оседают
в легендах и песнях
у вечерних костров.

Борьба за выживание в кратере ночи.
Превращения шаманов.
Кости древности в оскале
молчащих пещер.

Пылающий рассвет на берегу океана
обжигает
золотом
вязкую кашу песка.

Дотронься до горизонта.

Константа

Растекшаяся кисло-лимонная акварель заката
отражалась в металлической облицовке автозаправки.
Грязный снег у обочины втягивал вечерний холод,
погребая глазки придушенных окурков.
Набивая в глаза небесную вату,
собирая лужи фонарного рассола,
мы проводили нежным проклятьем еще один день молитв.

Шампанское, прокуренный подъезд (Мята губ)

Шампанское, прокуренный подъезд.
Разбитое стекло вдыхает инея начес.
На пыльной батарее
спасительный глоток для рук.
На стружке стен
открытия дворового поэта.
Январский вечер холодом залез
под воротник субботы.
Хмелем багровеет
туман бесед, сомкнутых в узкий круг.
Закравшаяся ночь
мне жалуется приметы
уединенного созвездья двух сердец.
Дорога к дому. Мертвая толпа
прибитых каменных сугробов,
что искрами блудлива.
Мы утоляем тонкость слуха
в благоую весть

священного огня,
что расстиляет полночь.
Вскрывая сновидений клеть, закроем двери.
Нам завтра снова
по утренним разливам
плыть разлукой.
Но пока,
ни звука,
лишь любви молитва
дыханьем у виска
да мята губ цветущим ожерельем.

Парение в восходящих потоках воздуха

Завтра, уже не будет.
Похорони зарубки лунного
календаря.
Отрекись от эмбрионов
посеянных дел.
Аврора,
уже не порвет лески ночного тока.
Дыши смелей под откос.
Здесь нас молоком вскормят звезды
под мхами черных волос.
Не думай, ты уже знаешь, ты не забудешь
теперь никогда,
что завтра – не наш предел,
мы смотрим дальше, в сейчас,
паря в восходящих потоках
воздуха.

Кристаллизация

Она рассказывает мне свои сны –
золотые сады Эдема.
Она разделяет со мной вино
мятной ночи.

Кристаллизация любви.
Наркотический плен.
Чистый источник
вкуса жизни.

Я разбиваю окно
и падаю
в медовые травы,
стекло
крошится мягким, алмазным
дождем из света.

Шоколад на губах тает
признанием истины,
только ее взгляда.
Наготу обнаружит, лишь ласковый ветер
да лунная маска.

Ждем рассвета.

Вкус диких трав

Наши глаза,
Исполненные сиянием ночи,
Переливаются нежным секретом.

Как храмы в скалах Каппадокии,
Хранят молитвы
Тайных служб
Первых христиан,
Так эти стены, помнят бессрочные
Клятвы,
Освященные ветром,
О том, что на этом пороге
Тебя всегда ждет
Вкус диких трав любви.

В сплетении душ
Обретаем единство тепла.

Приветствуй Венеры восход.

Посмотри,
Как бросают зависть сады
Неоновых пресных
Ламп,
Растекаясь по снежной груди
И мраморным бедрам твоим.

Город умер, природа сердца
воскресла.

Как стройность птиц, зимующих вдоль Нила

Твое внимание, в прохладной влаге губ,
Мостом Ириды проложило путь
К Кастальскому ключу.
В постели серебристой сестры Солнца
Льняной гармонией раскрывшись,
Ты привлекаешь взгляд искусства,
Как стройность птиц, зимующих вдоль Нила.
Потушим дня свечу.

Пусть опалятся горизонты зрелой вишней,
Пусть ночь течет по телу вязким воском.
Дай повод мне к парнасским снам, напутствием
Неудержимых плавных линий,
Чтоб Аквилон сменил холодный стон терпенья
На винный
Поток с побережий италийских,
Ведь пост мой,
Что жаждой сердце высек,
Обречен в тебе на жертвенность мгновенью.

Ощущение музыки

У меня есть музыка,
Зачем мне что-то еще.
Шары по лузам
И раствориться ночным плащом
В мелодике и созвучии
Теплого снега,
В горячем
Девятого неба,
Перводвигателе
Нотных шагов вселенной.
У меня есть ритм
Февральского тихого часа,
Он вьюгой изломлен,
Он спит
На подушке белой
Души.
У меня есть жизнь,
Скрипичный ключ
Чье-то незримой воли,
Этюд океанов грузных,
Симфония туч
Дождевых
Прелюдии ясного поля,
Да миг,
Миг,
Когда я чувствую
Музыку.

Кем ветры выгнаны

Что ты ходишь вокруг да около,
Что ты ищешь слова приглядного,
Посмотри, в небе вьются соколы
Да латают лазурь обрядами.
Они знают, к чему рожденные,
Они знают, кем ветры выгнаны,
И не спросят, замороженные,

Для чего им глотать топи винные.
Не роскошны дворцами-полянами,
А богаты, гонцы, грудью полной,
Изможденной воздухом пряным
Да избитой в синие волны.
Что ты просишь присказки-сказки
О путях, нарезанных глянцем,
Поддержи небесное братство,
Им не знать ли, где звезды гнездятся,
Им не ведать ли туч прохладу
Да лучей багровеющих огонь,
Где пространства бездонного ладан
Оседает падением в Бога.

Обворуем рассвет

Течение ее возбужденных глаз –
Бриллиантовый дождь.
Теплота кожи,
Как шелк июньских лугов.
Свежесть прикосновений –
Изумрудные хвои леса.

Задержим ночь.
Растянем, насколько возможно,
Нашу жажду.
Утопим мгновенье
Друг в друге.

Рви струны, сыграем сердцем.
Раздаться,
Скинь полдень стыдливый.
Не важно...
Не нужно...
Все можно...
Безмерно...

Смотри, как тени игривы.
Ищи меня в ливне
Лунного сока.

Обворуем рассвет,
Продлим холодный блеск ночного солнца.

Обнажи свою грудь приливу нежного света
И ласковой россыпи
Звездных песков.

Песни Эдема

Дрожь свечи
льется на волосы
расплавленным золотом.

Ты выходишь из шелковой тени,
словно нимфа речная.

Юные розы роняют свой цвет
к твоим ногам.

В нежной груди –
сладость полночного голоса,
струны ветра волнением
отвечают.

Меня уже нет,
я исчезаю тягой к губам,
где яблочный сок, черемуха, вишня
тают мартовским снегом.

Танец света –
медом по жемчугу кожи.

Души бездорожье
снова слышит
песни Эдема.

Тепло февраля, пластика сна

Сон мой ложится хлопком февральским,
в нем твоя мягкость
сплелась в узорную ткань молочных дорог.
Белые духи,
пухом небесным осыпав порог,
мне предлагают умыться метелью.
Иней кутает руки,
щеки, глаза, волосы.
Наитие льда
скрипкой водит за дверью.
Импровизация моих надежд,
дрождью воздуха,
срисует тебе шерстяных одеял
уют, когда ты будешь стоять на ветру.
Сон мой падает между
твоих пальцев
лилейным песком свежести.
Сегодня приду
в твои эфирные замки,
без спроса, без приглашения.

Возгораньем вина, дымом лунного луга

В бальзаме вина растворяются звезды.
В мелодии ночи – блаженство слуха.
В цветах поцелуев ищем друг друга,
находим объятья касанием лени,
езде опоздав, мы успели ко времени
нежности поздней.

В постели лунного луга
веет пряностью трав,
миндалем и корицей твоих волос.
Сливки прохлады стекают в ладони,
в лед родников одевается воздух.
Росою созвездий впитаю
семя вселенной – искру любви,
мы отчаянно тонем,
доброй волей
разбивая разума посох.

Выверни мое сердце, смотри
там блестящие косы заката,
там морского распутства полчища,
там крем снежных гор и салатное
лето под солнечным соусом,
в притяжении его икон,
возгораньем вина,
дымом лунного луга,
слившись друг в друга,
сочетаем ночь,
расстроим заботу о снах.

Слезы нордового ветра

Испеки мне лето пряное,
Пропитай его медом солнечным,
Здесь под вьюгою, сухой пьяною,
Что впрягает сны диким полчищем
В стынь сугробов, мне совсем не спать,
Мне совсем не пить да не пить свет-сок
Из утробы дней, что чернуха мать
Нарожала лихом, наблевала в рог.
Но, а ты не плачь, не сади уста
В горечь острую да глухую боль,
Я тебе нектар с мятного листа
Окроплю на грудь лесной тишиной.
Наскребу тепла с нежно-мертвых рук,
Обниму в прибой свечки гаснущей,
Слышишь, милая, льется колкий звук,
Ледяной аккорд, смертью пахнувший.
Но забудь о том, не на том стоят,

Не с того дышать нашим встречам вновь,
Опрокинь мне в боль хмелем летний сад
Да дурман любви, что дурман цветов.
Тропы ясные, заплутавшие,
Слог подкошенный, хоть еще кричит,
Мысли буйные, хоть уставшие,
Сладость новая да, как встарь горчит,
Только ты жива, как и некогда,
Только ты жива, моя светлая,
Только ты видна из-за облака,
Из-за серого, одинокого,
Беспробудного, беспросветного,
Когда зимний стон мажет петли мне.
Как и некогда, моя светлая...

Проникающее ранение

Зимнее проклятие,
леденящий зной
открывает во мне
двери сонной океанической бездны...

Как хочется сбросить этот подвальный мех,
обнажить остроту восприятия
и бегать ветром по траве,
собирая солнечный смех
на ресницах, льющихся пылью...

Проникающее ранение –
декабрьский горизонт лезвием
бесконечности...

Слушай пустыню вечернего моря

Я хочу рассказать тебе о ледяном закате на море,
Погребальном костре угасающего дня
На лимонно-свинцовых волнах.
Я хочу открыть тебе секреты соленых ветров,
Путающихся в мягких волосах,
Тех, кто провожает одухотворенным взглядом новобрачную лунную стезю,
И распустить золотым танцем шелковый песок, радующий обнаженные ступни
Влюбленных в свет звездной пшеницы.
Забудь, забудь кто ты и зачем ты здесь,
Воскреси в памяти беспечность и вседозволенность девственной природы ночи.
Тени крадутся рядом, тени наших желаний,
Здесь и мотыльки огней телесных сновидений,
Раздувающие свечи плотских грез, солнце недостроенных воздушных замков.
Знаешь, я хочу рассказать тебе, о том, как ты мила в эти минуты,
Как я боюсь потерять нить этой летучей действительности,
Возбужденной ароматом любви, постигая всю ее хрупкость,

Как я погружаюсь в твое нежное откровение,
И стараюсь уплыть все дальше и дальше,
Глотая сладкий воздух всепроникающий близости.

Предел вдохновения обжигающим холодом

Знаешь ли ты свой предел?

Когда ледяной снегопад в голове,
Горячая сталь в ногах
Замешали дорогу, ведомую
Неизбежным инстинктом дыхания.

Где слабость, избытком силы,
А вера, последнее здание
В разрушенном городе ночи,
В руинах воздвигнутой бездны.

И мертвое одиночество
Ощутимо до хруста костей.

Где тебя не носило,
Ищущий нить границы,
Чтобы заштопать сердце поэзией...

К Ренуару

Я дышал исступленным ветром в окрестностях Ментона.
Собирал светлую грусть в сапфировом взгляде Жанны Самарии.
Меня нежили капли алмазной воды с розовой плоти юной купальщицы.
Я пьянел от красок на балу Мулен де ла Галет.
С полотен художника льется огонь вдохновенного мира...
Ренуар, старик Ренуар, если б ты знал ее, моими глазами...

Со дна таинства. Декабрь

Черная вода ночи
медленно заполняла пространство комнаты.
Аромат ладана
оседал облачным призраком
в глазах сна.
Потусторонний свет луны
прорезал окна
тонкими лезвиями серебра.
Тяжелую тишину
разбавлял шелест ветвей
в напряжении ветра...
Здесь играли любовь
в застывшем театре

тени мертвых богов...
Он родился из смерти...
Он пришел из любви к холоду...
Его имя – благословение севера
и проклятие солнца...
Декабрь.

Под наркозом туманного месяца. Волчий бриз

Под наркозом туманного месяца
Холод свесился,
Голод бесится,
Волчий голод.
Ночью крестится
Путь охотника,
Тень свободная,
Воля вольная,
Хмель да солод
Снежных искр.
Свежий след,
Как чистый лист
Для поэмы
Тяги девственной
В туманной вестнице.
Вой да свист
Ветров северных.
Волчий бриз.

Бальзам

Излечи меня от черных дорог в никуда,
от грязных обочин, наевшихся трупным снегом,
от пустых обновлений
весны, где трава
словно лед, не жива,
не обожжена,
лишь припудрена призрачным солнцем.
Вещи становятся вещими,
когда мы больны.
Даль становится долей,
когда в сердце умер огонь.
Я верю в тебя бесконечно
по-детски, смешно, но ведь ты
способна сказать моей боли –
не тронь,
сказать взгляду –
свети молнией августа.
И пусть вечер нависнет усталой заплатой
и разобьется волной о грусти порог,
рядом, всего лишь будь рядом,

какая великая малость
осядет в груди заката
на пепле черных дорог.

Заклинание

Переплавь меня в золото благородной пустыни,
в песке – очищение,
в блеске солнца – прозрачность взгляда.
Живым потоком ласки
омой мне черствость зимней пощечины.
Лепи из меня, как из глины,
сосуд для твоей священной
лиственной влаги
из рощ атласных.
Я люблю, что может быть больше...

Украшенная, лишь собой

Украшенная, лишь собой,
Бросает тень в молочную траву.
Тепло земли вбирая,
Бежит по бриллиантовым лугам.
Амброзией воздушной вкус весны
На губы ниспадает.
Месяц молодой
На локонах блистает диадемой.
В глазах течение
Рек янтарных солнца.
Как из золотого рога
Соблазна жар
В груди ее струится.
Адам, ты где, Адам,
Познай меня, познай, как знают боги!
Она дитя Эдема,
Смерти дар.

Бархатом тает весна

меркнет жерло заката,
курится взгляд апельсиновым дымом,
сонный ветер осядет на плечи...
утони в объятьях серебряных свеч
лунного сада,
слушай пустыню
черного неба,
там поют ангелы ночи,
там прописаны мелом
звездных пророчеств

наши сердца...
по деревьям бежит ток весны...
мы одни,
один на один с поцелуем шелковой тени...
бархатом тает весна...

Чуткость воды

Хор дождя зеркальной стружкой
Разбивается в ладонях,
Скол небес весной простужен,
Март клубится винным полем.
Мы идем, в последнем снеге
Растворяясь, тая блеском,
Облаков густых побег
Пеленают твоё сердце.
По весеннему атласу,
По развалинам небесным
Уноси водою сердце
На озера снов алмазных.
Обними листья дыханье,
Распусти волос прохладу,
Хор дождя стеклянной влагой
Отзовется в нас желаньем
Свежих песен.

Фантазия

*“Грехи, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи”*
А.Блок

Когда Гермеса сельская свирель
взлелеет сна плоды,
и бальзамической росой
в глаза падет цвет тьмы,
молитва теплая моя нырнет в твою постель,
обвившись розой золотой
вкруг мраморной груди.
И здесь, умрет в расколе тщеты слово –
скупых грамматик вихрь.
Питая чистой тенью
садов твоих весенних
зной сердца городского,
тобой одною жив
мой демон...

Слалом

Копчу будущность свечой,
колочу лбом в набат,
здравый смысл прессую в ученый балласт.
Ободрав до мяса язык – не сказал ничего,
в сотни миль ноги разбив – не нашел ничего,
а душа то – рукой подать,
а душа то - в тумане глаз запеклась.
Накренившись – упасть не смог,
в слепоте лабиринтов – на ощупь, вновь упираюсь ушибами в дверь,
подавившись – глотаю еще кислород на развес.
Отчего ж бережет несмышленное, гордое, дерзкое бог –
чтоб ее разглядеть среди разбитых окон, сокрушенных петель,
бедолагу-скиталицу, чистую воду небес.

В тишине небесной рубахи

В тишине небесной рубахи
Я услышал тебя,
Услышал, как
Прелюдию Дебюсси,
Каприз Паганини,
Этюд Листа,
Сюиту Баха,
Сонату Бетховена,
Вальс Шопена.
Любя,
Неси
По венам,
Уставшим от ледяной крови,
Невинную,
Чистую
Музыку
Своей нежности.

Соловьиная

Резану по горлу хмелем
Утренней росы,
Эй, вставай, рассвет звереет
Да поет псалмы.

Я зарею бесноватой
Покалечу грусть,
Мне сегодня снились златом
Соты твоих уст,

Обоюдно сладким пленом
Нежные глаза.
Знаю точно, знаю верно –

Это не спроста,

То, что видел, то, что чувствует
Сердца снежный ком.
Я сегодня заврачую
Боль дурманным сном.

Эй, уж неба плац высоко
Светит наяву
Грезами о нас.
Хлестану по пальцам соком,
Падая в траву
Твоих вольных ласк.

Нежность

Нежнее, еще нежнее...
прикоснись ко мне наготовую лилий,
распустись орхидеей в лунных тонах,
золотыми чашами губ зачерпни вино рубиновой ночи,
мерцанье огня опрокинь в созвездия рук,
флейтой ветра разлей в волосах жасмин и лаванду...
я подыграю.

Предчувствие. Март

Агония дыхания зимы –
Снег цвета кофе с молоком.
Март зреет водным колером.
По воздуху рассеян женственности вкус.
Ластится дым
Небес за тающим окном.
Рассвет кипит лимонным морем,
Солнца мусс
Питает предвкушенье,
Кружит янтарной молью
В разметках городских.
Вновь обретает искушенье
Силу для двоих,
Что за руки держась,
Чуть сдерживают чувственность весны
В глазах, дрожащих глубиной васильков –
О, легкомысленная мудрость.
В их душах колкость льда давно сдалась,
Расплавлена нагим
Движением песков.
Они, они проснулись.

В лесах мелодических Феба

Ожиданья приносят свежесть,
тем, кто терпит с любовью в груди,
тем, кто болен хронически
легкой, хрустальной весной,
тем, кто знает, что впереди
ночь расстилает меха своей нежности,
словно сады Семирамиды
сходят тенистым ладаном,
словно новой Трои величие
сводится в стенах объятий.
Ты спросишь, где наша новая ночь
свила себе гнездо,
я отвечу, беги, беги
по волнам Вергилия, ветрам Гомера,
снам Овидия, Мильтона рощам.
В лесах мелодических Феба
найдешь тот потерянный край,
легендарную веру,
где наша ночь
обретает приятье.
Питай воплощение страсти далекой строки...
Молись, моя лунная жрица, читай...

Цыганочка

Как не загнать души да не выгореть,
Все застать зарей да не пасть в закат,
Не своей ища скупой прибыли,
А на размах полей по сердцам ковать.
Как не вырвать глаз да все разглядеть,
По любви одной век точить ножи,
Шумной осенью за листвою гудеть
Да дождиной течь под наклон души.
Моя братия беспробудная,
Вас ища в толпе, как не стать толпой,
Как не выплеснуть влагу блудную,
Той единственной сладости ночной.
Как простить себе обещания
Бросить пагубу да заносчивость,
Как не сбить о боль круг дыхания,
Знать о том с руки одиночество.
Много дел кипит, в котле плавится,
Много дней жужжит полднем августа,
Только встать бы в тень да расслабиться,
Рукавом небес все управится.
Истина ль в вине, истина ль в семье,
Эх, душа моя, черт там разберет,
Перед смертью все мы наедине,
Лишь в замочной щели счет ведет Господь.

Закат Филадельфии

Дождь набивает Pigs on the wind Pink Floyd.
Вчерашний вечер взрывается облаком памяти.
Сырость не так уж страшна, когда меня ждет
Щедлость твоей ласки, блеск влажного взгляда,
Мед и молоко наготы, звездного сада
Плоды в горячих руках... скоро... скоро... лишь дай мне
Терпением скал прибрежных стоический дар.
Небо провисло в окне
Ветошью смуглой.
Одиночество расставания нам
Катализатор нежного света.
Вспомни интимные сети парковых хвой, фонтанов пудру.
Вспомни закат Филадельфии.
Я буду
там...

Осязаемо к свету

Вальс ласточек под ситцем небосвода,
душистая лазурь весны в разлив,
творожные заливки облаков,
как краски обновления души,
облепленной подснежниками дикими.
Безжизненные черные сугробы,
нагих деревьев сеть,
да прошлогодних трав соломенный покров,
начесом бледным радовать спешит
усталый глаз и блики, блики, блики...
Везде маячит отражением тепло
твоих надежд,
твоих молитв
в сердец сближенье.
И по утрам светло
и воздух свеж,
и смерть не смерть,
а лишь перерожденье,
лишь предсказанья миг,
пророчество к любви...

Нитью накаливания

Как молоко глотаю туман охрипшим горлом.
Переболеть, перетерпеть и снова, по нотам ударив
винной струею,
искры плевать из-под молота
сорванных связок...
Скручивай, Господи, нитью накаливания

сердце мое,
светить ему, где еще завалился
черный уголь ночного сна,
биться стеклом да резать себя блеском...
Кто он, что ушел или остался
на поверхности дна,
на дне неба,
не все ли равно, если сам к себе честно,
если сам к себе без уверток и жалости,
опрокинутый крыльями облачными
в бездну собственных страхов, теней, откровений...
Как брагу вдыхаю мокрый асфальт прокуренным ртом.
Перетерпи, переболей,
сохранив, удержав в себе солнечное,
опалившее сединою в сомнениях,
но растворившее на потом,
ранами,
узоры теплых морей...

Двадцать четыре часа. Безвозвратно

Конец марта.
Душою синей вольготно.
В права заступает весна.

Утро бросает свет на ложе из шерсти лесной.
Плетусь разрезами рек, пою шуршанием трав...

Вечер тенью багровой разводит мосты за спиной.
Тянусь сечением рек, разливаюсь шорохом трав...

День прошел...я стал старше на двадцать четыре часа...
Безвозвратно...
Бесповоротно...
Памятью став...

Срисуем чистую полночь

Помнишь,
Как разливается морем
Вселенная Айвазовского.
Миг
И день наполняется легким воздухом
В дыхании кисти Моне.
Обнажи свой взгляд
И разойдется пряничным солнцем
Девственность форм Гогена.
Сны
Преломятся нежностью,
Словно линии Рафаэля...

В памяти глаз, рук, губ
Срисуем чистую полночь,
Звездами поднятый сад –
Краски весны
На полотне для двоих...

В тишине моих слов

Моя любовь,
парное молоко волос,
сок бархатного вина на губах,
снежно-облачная легкость рук,
дыхание луговых цветов в груди...

В тишине ее глаз –
ночь
наедине,
проникновение звездного ветра...

Поверь,
это,
как увидеть море в последний раз,
это,
как встретить небесного ангела в горах,
это,
как девственная музыка лесного источника...

В тишине моих слов –
сны о ней...

Неделимость

*“От докучных вопросов толпы
Я в поля ухожу без ответа”
А.Белый*

Сад уснул.
Смолкли искры цветов.
Целебная ночь
тасует вещие сны.
Ласка жемчуга
падает с неба.
Густая лазурь озер
выдыхает шелест
теплой волны.
Хлопок травы
растворяется ладаном.
Пауза, охватом
в полноту бытия.
Ищешь ли, с кем разделить
мягкость лунного сена,

золотое безмолвие сердца?
Никто не придет,
не нужен.
Сеет пряным туманом
темная влага.
Мне с лихвой...

Фигуры Байкала

Скалистые уста побережья
целуют небесно-голубой бассейн.
Бальзам бутылочных елей
сквозит дурманом.

Пеленают туманы снежные
хрусталь воды.
Мед да хмель
лугового бурьяна.

Богом подброшенный в небо
валун пустоты,
разбавляемый редкими
жидкими перьями
облачных меток.

Зеркала
древних шаманских камней.
Священная тайна
пространно дрожащих мелодий.

Аспиды ущелий.
Закатов янтарных каналы.
Щетины полей.
Степное скитание
ветра.

Волны
Байкала.

Философия цветов

Полдень шелушится желтой стружкой
На окно в разводах снов зимы.
Как горячий воздух кабака, ленив
Выстрел взгляда, в ток свинца запружен
Головы сосуд, кипит пыльцой дорога...
Каждый день – смиренное молчанье,
Каждый час – еще одно немного,
Сброшенное времени плечами.
Завтра предвещает роскошь новизны,

Завтра видится не сношенными фразами,
Только плачет горькой очередь весны,
Все это случилось не по разу,
Все это предвиделось не раз –
Снять мерок и пророчеств грозы...
Полдень, как янтарный дикобраз
Колит солнцем, тлеет мыслей пласт
В точку алую –
Куплю любимой розы...

Двери в желтую чешую пустыни

Я видел желтую чешую пустыни,
раскаленную добела.

Следы змей, ведущих
к четверке людей,
что сидели напротив друг друга,
склонившись над солнечной дюной,
поющими
про горячую винную страсть
высушенных небес.

Там была женщина,
что кружилась танцем невесты,
обрученная жаром песка.

Когда издалека
вышла тень,
тень воина,
день клонился
к закату,
и грустью полной
луны
погребал в ущелье ночном
горящие голоса,
поющие о любви
и братстве таинственных муз.

Не забудь, о чем просит мой ветер

Не забудь, о чем просит мой ветер,
Когда нежность пылает тобою,
Когда вслед за разлукой светит
Вдалеке мой очаг к твоей боли.
Распахни мне тепло твоей кожи
И горячего взгляда солнце,
Мы еще один день подытожим
К скорой встрече ведущий по звездам.
Виноградников южных сети

Нам сослужат постелью сладкой,
Не забудь, о чем просит рассвет мой,
Когда ночь догорает украдкой.

Внутриутробно

Сжимаясь до состояния пустоты,
Ступаю по дну неба.
Опустошение вносит ясность, четкость
На призрачную свободу передвижений.
Февраль латает зимние бинты
Промозглым мелом.
Какая легкость,
Господи, и с тем, какое жжение
От недосказанности.
Лица, те же лица на монотонной
Чешуе попутных кадров.
Седое солнце греет будущими винами.
Луна потягивает праздность
Сном, иллюзией полночной смерти.
И что-то ускользает тенью алой
Закатных нимбов.
Мир сдавлен, стиснут, сжат
До состоянья комнаты,
Обклеенной обоями души,
Проваленной в дно неба,
И ожидающей знамений, меток, шрамов.
Тряпичный снег, февральский авангард,
Творцом-метеорологом намолотый,
Дорог растрепанных коржи,
Деревьев белых вены.
Моя любовь жива, пока сочится рана
Сердечных родников.

Жертвенник

Через страданье и боль
Познанье души –
Вот чему учит древняя мудрость войны.

Кровь на клинках
Возбуждает жажду
Убийства.
Кровь на руках
Пробуждает сердце.

Солнце врачует раны,
Восходом-закатом
Листая время.

Тени
Ползут по горячей земле,
Тени принявших смерть
От руки судьбы.

Бой не окончен,
Пока не насытиться
Заповедь черного неба.

Четки

Считаю дни, как мелочь по карманам,
На пыли времени завариваю чай,
Тасую ожидания, все рано,
Срок нахожу, но говорю – прощай.
Седой февраль шипит из подворотни,
Весна придет, все обратит водой,
Растянет день и будет воздух модный
Хмель орошать над ветреной главой,
Считай лишь дни, но циферблат балластом,
Как у Дали стекает в мысли крен,
И ожидания становятся опасны,
За сроком давности нет дел до перемен.
Я загадал, а время воплотило
Постскриптумом – когда уже не в масть.
И пробую, стакан души закинув
К сегодняшнему солнцу дном припасть.
А там ведь что-то есть и что-то греет,
И движется, толкается, поет.
Считаю дни молчанием и верой,
Что этот счет не здешним отдаст.

Самовозгорание льда

Распласталась душа
Во все тяжкие,
Собрала по оврагам
Все горькое,
Расписалась слезой
На бумажке
Да сожгла ее
Звездными токами
Обнаженной ночной
Вакханалии.
Не руби ты мне стрелы
Пред богом.
Моя осень золотом тает,
Когда слякоть лезет под ноги...

Совокупление жизни и смерти

Выжженная огнем земля
Выдыхает тлением мертвой плоти.
Слюна заката капает кровью
На стаю шакалов
У лезвия горизонта.
Легкий ветерок
Скользит тихой лодкой
По теплым барханам
Вечернего золота.
С неба осколком
Новорожденный алмаз луны.
Совокупление жизни и смерти.
Зачатие ночи в утробе войны.
Пуля под сердцем – пища для сна.
Надежда на воскресенье.
Рождение тишины.
Остановка дыхания одних
Не повод совсем не дышать.
Время продолжает плескаться
В бассейне
Памяти,
Напутствуя миф.

Попутчица

В осколке лунной свечи
подари ему
немного любви
пьяных вечерних бульваров.
Пока он еще на плаву,
пока он еще рисует
рукой по небесному атласу,
пока фонари
распускаются дымом,
молящим, что завтра
не существует.

Мост в Аржантее Сислея

Мост в Аржантее Сислея
Бережет свои крошки-лодочки
Радугой цвета небесного
В преломлении свежей зелени
И душистой облачной пены.
В дреме домов-коробочек
Рябь водяная стелется
Зеркалом серебристым.
Теплый воздух застольный

Хмелем кружится степенным.
Мирный полдень расклеенный,
Развязанный, светом пудренный
В сердце лучом отразится
Наших летних историй.

Юродивые

На лазурном зеркале
молочный мех.
Две фигуры держатся за руки.
Первая дрожит, как ветра смех,
у второй, надломленным крылом,
подступает движений сухость.
Слышится прозрачный звон
колокольчиков листвы.
Струится карамельным вкусом
солнечный янтарь.
Фигуры ковыляют вдаль.
Взгляд наивно бродит
в синих водах
неба.
И расстроенной струной
шепчут перекошенные рты.

- Ты со мной?
- Не знаю.
- А куда?
- Повсюду.
- Я боюсь легко, ведь ты со мной?
- С тобой. Ты будешь...
- Раз, два три, четыре, пять...
- Пора на ужин.
- Мне не нужно.
- Нам одним гулять не можно.
- Осторожный...
- Ты ведь меня любишь?
- Да, как ты...

Проносится полей безбрежных
вихрь
под простотой послушной,
сливаясь вечным детством.
В халатах снежных
из палат своих
восходят в Царствие Небесное
потерянные души.

Освобождение в обездвиживание

“ То будет смерть. – И саваном лиан

Я обовью твой неподвижный стан"

В. Брюсов

райским бризом
вечерних морей,
нектаром блаженного сна
успокой
мое самосожжение
в мятежных мыслях...
изведи меня
пляской теней
на старой стене,
до полного дна
наслажденья
тобой...

Золотая пыль

Руины времени.
Резные херувимы, покрытые золотом.
Багряные ткани.
Медный жертвенник.
Литые подобья волов.
Десять янтарных светильников.
Цветы и лампы из самого чистого золота.
Где твое великолепие?
Покоится в песнях.

Хлеб и вино

Хлеб и вино –
семя земли,
тело и кровь
Христа,
субботняя трапеза
алкогольной братии
у алтаря подъезда.
Звезда Вифлеема
отражается в лужах глаз.

Кофе, блюз и немного тоски

Кофе, блюз и немного тоски.
Сталактиты неона с экрана.
Сигаретная дымка.
Рваная
телефонная трель.

Как избито...

Осенью сшитое
карнавальное платье.
Боже, как кстати
усталость грязного неба.
Грация беспросветного.

***** (восход был тонок)**

Восход был сладок,
Тонок,
Обжигаяще доступен
Естеству.
И беспорядок
Простыней
Укутал наготу,
Что в ласках утомленных
Спряталась в твой сон.
Я проводил
По райской коже
Трепетом ладони,
Срывая плод
Любви...

Дикая лань – душа

Дикая лань – душа,
Как самоубийца
жмет на курок любви,
Губы в пыли,
но все еще шепчут:
люблю, люблю...
и проклиная
саму себя за любовь.
Что же ты, вечная,
просишь того, что стегает тебя
розгами самообмана.
Мало?
Поддайте еще
ненасытной до боли.
Дикое поле да дикая лань –
душа,
самосожжением лишь и жива
в море сомнений,
в мистике собственных снов.
Что ж ты, крылатая,
словом молитвы грешишь,
алчешь пред небом любви,
когда она
ждет тебя в сердце твоём

вихрем слепой не растраты.

Тетивою дождя натянулось осеннее небо

Тетивою дождя натянулось осеннее небо,
Скороспелой прохладой придушена прыть цветоряда,
По расщелинам туч ухмыляется солнечным бредом
Твоя скорая смерть, бездыханная летняя сага.

Философия дней обретает наружность бессрочную,
Обещания гаснут, надежды преполны забот,
Не жалей о минувшем, пусть время расставит все точки,
Не томись о грядущем, провиденьем справен Господь.

Темнота наших душ еще более стоптана ночью,
У обочин трава, словно пепельный ветер трубил,
Не скорбей о грядущем, пусть время выстоит очередь,
Не ищи чужих истин, чтоб сердце свое не забыл.

Где душа твоя ждет моих ветров степных?

Стусток лунной печали
В бездонности взгляда.
Я ищу свою тень в твоём сердце.
Тишина на устах
Ожерелием льда
Облеклась, в немоте восхищённой.
Мне приснился огонь,
Мне привиделся храм,
Где любовь возносилась невестой
К алтарю созерцания
Горных вершин,
Что покоят Эрос пленённый.

За кристаллом дождей
Я несущу чашу сердца,
До закраин воды святых слез.
Раскаленное солнце –
Дурман желтых дней,
Я свечой догораю рассветной.
Ты опять за спиной,
Молчаливая статья,
Да безмолвный свидетель – вопрос,
Где душа твоя ждет
Моих ветров степных?
Что тобою гонимы по свету.

Корабль-призрак

Кораблем-призраком
Качаюсь на волнах раскаленного асфальта,
Оперирую числами,
Датами, перевожу дыхание времени калькой
Озябшей души.
На развилках встреч, на ветках тугих расписаний
Верую в жизнь,
Что мне ядовитой рекламной слюной на лоске могильном зарисовали.
Провисаю ветром
Звонков, переговоров, отчетов, контрактов с любовью,
Строкой Интернета
Огонь, познающий себя, приспускаю в невольную волю.
Объятием сна
Вспоминаю янтарь свободного солнца, что капает в хмеле лазурном,
Закаты до дна
Кипящего моря, да перышком счастья призрак-корабль безрассудный.

Бродил туман

Подмышками подъездных спутников,
Отрывками дворовых фонарей,
Бродил туман вопросов и ответов,
Да жил ответ, лишь знавший прозу дней.

В хромых садах, изъеденных под серу,
В кислотном сне оплеванных небес,
Бродил Христос без истины и веры,
Да чахла вера в каменный прогресс.

Но упаси вас боже сомневаться,
Но упаси вас не желать прикрас
Холодных свеч неоновых плантаций,
Что лечат пустоту прибитых глаз.

Но не к лицу искать других отдушин,
Да не пристало греть дешевый лоск.
Бродил туман, тяжелый и натужный,
Да жил ответ, не ведавший вопрос.

Северный ветер

Северный ветер, простуженный голос
Треплется судоргой в кронах деревьев,
Словно незримой громадою, волость
Льдов заполярных несет нараспев.
Точит прожилки воздушных степей,
Иней под кожу – знамение в стойкость,
Как ловчий солнца холодных кровей,
Будь ему встречным, да вьюгой умойся.
Ночка осыплется льдом звездных сфер,

Лунный извозчик хлестнёт вороных,
Нордовый ветер в закрытую дверь
Нервом вопьется крыльев стальных.
Нордовый ветер причалит к груди,
Да по ладоням прольется в озноб,
В нюх бездыханный надеждой смердит
Дух Соломона – и это пройдет.

Святая любовь

Где рождается свет благородной борьбы
Дня и ночи,
Где летят корабли по холодным волнам
В бесконечность ветров,
Где поэзия солнца и музыка звезд
Плетут многоточья
На бумаге души, там нашла свою пристань
Святая любовь.
Где возносятся храмы скалистых громад
Над святилищем волн,
Где рукой демиурга разносится быль,
Что из сказки сошла,
Там бродил музыкант потерянных нот,
Да кружилась орлом
Вдохновенная вера, словно память свою
Обретала душа.
И примкнувши к огню цветущей молитвы,
Одевалась в луга,
Предвещала затишие диким садам
Неспокойной судьбы,
Да осталась петь флейтою солнечных рек,
Поднимая со дна
Недосказанность мира, да ветреность слов,
Воскресая в любви.

Прозрачное восприятие

в шафрановых снах
пьет осень дожди

отменна
холодная песня
сладкоголосья

одинокчество вдвоем,
расскажи мне своим сердцем
про полуденную страсть

хмелем душистым в устах
растворилась нежность твоя,
капля за каплей

прожаренный выхлоп июля,
плеть Диониса в локонах солнца,
печалью в дорожную ленту
дыхание бездны

сжигая свет в груди,
растаяв лунной дрожью,
на маркерах тепла
пролил елеем память

Я мусорю стихами осенней икоты
“Кто смеет сердцем шуметь во мне?”
В.Маяковский

Я мусорю стихами
осенней икоты,
Промокшими губами
слизывая воду
Улочек черных,
подвалов топких,
Стен холодных,
разметок асфальтовых.
Мой мир собирается
мозаикой бетонной,
Я производная
этих проклятых
Желтых пальцев
городского звона.
Я прижимаюсь к груди
дохлой надежды,
Мусоря стихами
осеннего шороха,
Но сердце без огня,
как герой без подвига,
А если не верится,
значит, грешен.

Нищета

Нет у меня золота,
Нет у меня серебра,
Одна лишь ветхая степь,

В наследство от Господа Бога,
Я умываюсь холодом
Ветров нового дня,
Мне нечем и незачем петь
Кроме, как в струнах дороги.

Я не стерегу покой,
Границ не отмеряю,
И всякому встречному рад
В глаза заглянуть огнем,
А если ты дашь мне бой,
Приму без раздумий, знаю,
В свой час и свой набат,
Да все мы печаль найдем.

Нет у меня шелка,
Нет у меня бархата,
Одно лишь рваное небо,
Что скользким дождем сочится.
Но в этой глуши, также громко
Сердце стучится сватать
Дорогу с холодным ветром,
Что ветхой степью ютится.

Помни

Миром правит ненависть,
Но его же спасает любовь,
Любовь – это ты и я,
А может быть, что-то больше,
И если недавно верилось,
Значит поверится вновь,
Пусть даже чья-то рука
Фальшью вспорола кожу.

И если спасение в нас,
То кто отвратит эту веру,
Ведь с каждым движением вниз,
Мы снова готовы взлететь,
Пойми, что здесь и сейчас,
Для большего – слабая мера,
Мы встанем на тонкий карниз,
Но ветер расставит сеть.

Зороастр, Ахурамазды пророк

Над огнем возносясь дланью Слова,
Что вдохнул Господь Мудрость в уста,
Колдовал антитезой добра
И сраженного зла,

Меж которых
Мир рождался борьбой двух начал.
Сокрушая молитвой огня
Демонический сонм,
Вторил Имя,
Что есть Все и превыше Всего.
Так легендою Веры всходил
Колос мысли благой
Средь иранских
Иссушенных пустынь и нагорий,
Что земля азиатских гепардов,
Зороастр, Ахурамазды пророк.

Иуда Искарот

Я, Иуда, кровь на мне Христова,
Но в устах предательских
Прощенья острый крик,
Дайте слово, только дайте слово,
Его волю претворял в тот миг.
Под звездой пророчества, исполнить
Поцелуй продажный, был рожден,
И теперь, лишь он судьбу напомним,
Тем, кто этой жизнью облачен,
Черного апостола Иуды,
Бывшего с Иисусом в Свет и в плен.
Сожаленья, лишь молю, и будет,
А проклятьям я уже смирен.

Откровение Иоанна

И когда снял седьмую Он печать,
Безмолвием покрылись неба своды,
Семь ангелов, стоящих перед Богом,
Семь труб держали, чтоб оповещать
Конец и трепет всей мирской породы.
И ангел взял кадиланицу, наполнив
Ее огнем с золотого алтаря,
И в дым его окуталась земля,
Поверженная в ужас гонга молний,
Землетрясений и сошедший град огня.
Как только первый ангел вострубил,
Багряной кровью проливая дождь палящий,
Деревья треть спеклась в поток кипящий,
И улетучился травы зеленой ил.
И второй ангел вострубил тогда за ним,
И в пламене гора низверглась в море,
И треть морей умылась свежей кровью,
Треть тварей всех и парусов уснули сном.
И следом ангел третий явил волю,

На зов трубы звезда с небес упала
На треть всех рек полынью плодородной,
Горящая светильнику подобно,
И сделалась вода горька и вяла,
И люди падали от горечи наводной.
Четвертый ангел вострубил и треть светил
И солнца и луны и звезд искрящих,
Затмилась, и средь неба глас разящий,
Что ангел пролетающий разносил,
Кричал, о, горе, горе в настоящем,
Всем на земле живущим от трех труб,
Что ждут свой час, в наставший Божий суд.

Великое Безымянное

Ты не узнаешь Его,
Когда Он придет созерцанием светоподобного моря,
Просто ты не узнаешь Его.

Ты не узнаешь Его,
Когда Он омоется в тени вселенной звездной росой,
Просто ты не сможешь поверить глазам.

Его небеса
Отвоят твоё сердце,
Но ты промолчишь и укроешь
Лицо от Него
Осенней промокшей листвою,
Промокшей от слез,
Что не в силах постигнуть величие унижения,
Которое жертвуют длани Его,
Прикасаясь к столпившейся тьме.

Вот же они, шершавые руки спустились на плечи
Блаженных,
Но ты не узнаешь Его, так как хотелось тебе.

Ласкающая магией тела

Ласкающая магией тела,
Очерченная огненной плотью,
Прикованный взглядом, пленный,
Я режу тебя на ломоть
Соблазна и вдохновенья
От хищного, дикого бреда,
На кротость в податливой неге,
На буйство волны нетерпения.
Припала к любви покорностью
Дрожащая сладость Венеры,
Проженная вседозволенностью,

Ликующая танцем тела.

Грация сновидения

Мне кажется, ты знаешь, что мне снилось,
В густой траве, в цветных хмельных лугах,
Когда слезой речной душа катилась
К твоим объятьям и в твоих руках
Венком сплелась из солнечной приправы,
Открыла взор и задышала в сказ,
Мне не хватало, как мне не хватало
Всей этой нежной краски твоих глаз.

Мне кажется, ты знаешь, что я видел
На алом полотне цветочных уст,
Я видел нежность дорогой и милой
Дороги в сад, сад позабытых чувств.
Я плакал солнечным, тепличным ярким светом,
Я освещал пустыню мглы ночной,
Мне кажется, ты знаешь песню ветра,
Что мне принес в ночлег святой покой.

Пляски духов

Дождь спадает пьяной лаской,
Над паутиной изумрудного леса
Небо бредит хрустальным вальсом,
В зеркале глаз
Светлая грусть летнего хора.

Ночь поглощает тяжесть глаз,
Тишина врезается в сердце лунной симфонией,
Я умираю в горьком звездном облаке спящей птицей.

Мои вольные песни превратились в холодную сталь,
Мои направления обрезаны скупым размахом крыла,
Крыла, обожженного лучом солнца в щели окна.

Мы смешали в тихую гавань все реки,
Мы забылись отчаяньем моря,
До прибоя тысяча лет,
Мы молчим в совершенстве любви.

Раскрась меня в черное,
Я буду, как ночь

Падать на крыши
Звездной метелью
Забвенья и пустоты,
Разрываясь прерванным сном.

Сомкни объятия шелком вдохновенья,
Что устилает путь во тьме густой
И наполняет душу краской неба.

Плоть Евы

Нежная плоть Евы
От любви превращается в мед...
Адам собирает сливки
С ее янтарных волос
С ее змеиной улыбки,
С ее огненной кожи....
Ева спадает в закат
Благоуханием роз.

Из плеяды моего сердца

Где-то на одиноких полях
погасла звезда
из плеяды моего сердца,
Где-то там
исчезло дыхание
в слезах
росы небесной,
Где-то там, где-то там...
Проросшими шрамами
изрезаны тропы,
отмерены сроки и даты,
Нескошенными травами
погребена судьба
полночного брата,
Вечного спутника
памяти ясной...
И промокший голос
шепчет ему
прощальной молитвой
лунный гимн,
Ты не один
в сиротливых полях,
с тобой дыхание
моих уст,
молчаньем сокрытых
в чуждом взгляде
разлуки...

И руки мои
еще знают, что ты где-то рядом...
Слышишь, но спишь, зарею укрытый...

Боль утихнет и останется, только лесная молва

Я схожу
На берег любви.

Я целую песок
И глотаю свежий ветер открытий
Нового неба в твоих глазах.

Моя вера
Крепнет твоей мечтой,
Когда теплое лето
Разносит нежность в крови.

Боль утихнет
И останется, только лесная молва
В моем сердце.

Я прочитаю историю
Солнечных красок в твоих волосах,
Я распушу их цветами,
В благоухании этих роз
Шипы
Покажутся мягкой постелью
Изумрудного леса.

Слуги
Любви
Склонят перед тобою колени,
Охраняя покой твоих сладких ночей.

Я сойду на берег влюбленный,
Одаренный
Слепотой
От свечей
Твоих глаз.

Я хочу слышать, как ты играешь на струнах безмолвия

Я хочу слышать,
как ты играешь
на струнах безмолвия,
только лишь взглядом цыганской души
под небом свободным.

Слышишь, грехи,

грешу, если знаешь
волю
огненной страсти диких сердец.

Под венец
златоглавого солнца
веди свой танец
бурным теченьем реки,
нет ей конца и начала.

И где-то там, у причала
я одену в стихи
твое ремесло
глубокого чувства.

Если вдруг повезло
отречься от пыли асфальтовых склепов
и нежить ветры
в степи,
то лети
дугой радуги за горизонт событий и нравов
стен городских.

Слышишь, я хочу...
я кричу в твои сети
пойманной птицей.

И мне снится
любовь без границ
и узлов.

Стрелок. Эта пуля жаждет новых мишеней

Под корень вбить себе надежду,
Это значит, даже посыпая голову пеплом,
Находить в себе путь.

Это значит, убить к себе нежность,
Отложив пистолет.

Эта пуля жаждет не сердца,
Что бьется гейзером в твоей груди,
Эта пуля жаждет новых мишеней
и противоборств среди
огненных глаз, озаряющих ночь мистерий.

Курок, как руки продолжение.

Рука в предчувствии смерти
крепка.
По венам кровь

с закваской на жаре.

А, значит не важно
куда стрелять.
Так выбери двери
осажденного Иерусалима
крестовым походом
в любовь.

Священнодействие

Облака наливаются
клюквенно-золотым соком
вечернего пламени.

Вдохновенна печаль солнца.

Непреклонна богиня ночи
в придыхании леса.

Легенды забытого богом
края
оживают
в речных червоточинах.

Порезами
скользит первых звезд
пробуждение.

Колоннады теней
затмевают пороком глаза.

Нас уже ждут образа
расстеленных рощ.

Ночь,
как хозяйка
запретной любви
жаждет вести прием.

Мы проводили
горячие ветры степей,
пойдем.

Июль. Уединение в цвет

Я задел солнечный сон
твоих воздушных,
бархатных фантазий.

Я увидел
парящий огонь
в архитектуре летнего праздник.

И не смел
шевелинуть губами,
чтобы не сбить тонкого пения
собственного
сердца...

Зелье августа

Сладкое, нежное зелье августа
капает на язык тела
возбужденной природы.
Мышцы земли пьянит волною тепла.
Небо разжалось
лимонным, спелым
вулканом.
Золотым половодьем
дышит
вечно зеленое сердце лета.
Посмотри,
как вновь
души красота
сливается тождеством света
с нишей
любви
в палящей раскраске цветов.

Сюрреалистическая Мадонна

Сюрреалистическая Мадонна
Благовествует в спину
Солнцем рождения на погибель.
Под хребет холодный
Воздух резинового
Времени в кабине
Полдня.
По стеклу волны
Липкого августа.
Мягкая сладость
Приближающихся осенних десертов
Уродует вкус
Еще зеленой травы,
Пробившей асфальтовый дым
И копоть седых
Выхлопов магистральных змей.
Мысленный уксус,
Сонный елей,

Ветром
Разбазарило время
По бумаге душевных писем.
Мятые листья
Движений
Болтаются в пустоте словесного фона.
Сюрреалистическая Мадонна
За спиной наблюдает
Жжение
В области сердца
От синей краски
Небесных окон,
От лая
Телефонных гудков.
Мне позвонил август.

*****(в мехах облаков)**

Слезы радости
в мехах облаков
будоражат
теплую кровь земли –
это алмазный дождь,
купающий твою негу.
Одухотворенная вода,
ветер,
сладострастная дрожь
листвы,
они чувствуют, как ты срываешь
плоды
священного
грехопаденья Эдема.

Неизреченная надежда

Тихая весть.
Светлая скорбь,
одухотворенная печаль
в глазах Богоматери.
Жертвоприношение любви.
Близкая даль
сердца.

Цветок заката

Цветок заката
алтарем взорвется.
Твое дыхание
вольется в тишину,

как ветер
средиземноморский.
Я созерцанием прильну
к нагому небу
твоих глаз.
Не задавай вопросов,
пусть руки скажут
линиями ласки.
Не останавливай попытки
расплесканной луны
лишить рассудка дня.
Лови движения огня
в объятиях безумца.
Пои меня
своим молодым вином.
Душа весны открыта
распущенностью звездных многоточий.
Не обернуться,
чтоб не потерять.
Отдаться одиночеству
вдвоем.

Апрельская роса

Капельки алмазной сахарной росы,
с твоих пробужденных губ,
преломляются нежным рассветом.

Цвет весны,
словно чистый лотос,
небесные сети
раскинулись
прозрачной медузой
и ароматом лесным
наполняется воздух.

Дыши полной грудью любви...

Мягкое солнце золотом
течет в твоих волосах,
распущенных пластикой ласки.

Взгляд, созерцаньем раскованный,
розы на влажных губах,
жемчуг на пальцах атласных,
легкости облачный дым,
свежесть мятной травы
в теплых беседах...

Проснись со мной,
апрельской зарей

раскрытая для любви,
растворенная льдом неба...

Пеленай, оборачивай руки. Звездой на поднос

Ветер близости майской,
Будто легкий бархат огня
От пальцев твоих на спине.
Роза солнца взъерошенной пастью
Льет яичную слепоту
Да лед сердца срывает с петель.

Поднеси мне в спасенье нектаром
Теплоту и сладость зари наливной,
Когда месяц потянет в могильник ночи.
Я запомню речного пульса ударом
Влагу взгляда и пепельный твой
Силуэт на краю закатной свечи.

Роскошь близости майской
Осыпает жемчуг с плеч и волос,
Бирюзой свод небесный крошит.
Мы куда-то идем, где, возможно, еще одно счастье
Упадет нам звездой на поднос,
В серебристую вязь дороги расшив.

Ну, а если не так, все равно, по пути,
По душе, по любви и слова – мертвый груз,
Так начертано верой весны в ране нового дня.
Будто нежными мхами огня веди,
Пеленай, оборачивай руки и пусть,
Я в цене слишком скуп, но бесценно что для меня,

То не в этой земле прорастает,
Не этой ждет признательной меди
Луны городской,
Пряности птичьей,
Многоцветности душной волны...
Расплачусь вдохновением мая
В каштане рассветном
Да небесной тоской золотой
На просторах степного величья,
На сапфирах морской ширины...

Собиратель горизонтов

Я прах, ничто, песка по ветру выдох,
Я собиратель горизонтов и закатов,
Мне пена из подножия Киприды
Смочила слог соленою заплатой.

Я стон тумана, переплавленный рассветом,
Я дегустатор дыма сентября,
Что канареечной звенит монетой,
И разбивается мелодикой огня.

Я беглое, потерянное лето,
Вечерних теней ржавая тропа,
Я отливаю черные куплеты,
Чтоб осветить их пылью серебра.

Я вдавлен в медь земли рукой Его,
В плевок небес, в початок плоти с кровью,
Что ищет человека своего,
Из праха, но с душой живой до боли.

Шепот и влага кофейных глаз

Когда мягким туманом утро падает в окна,
Когда распускается астрой рассветных ласк
Новый день, день помнящий, лишь Твое Имя,
Я собираю надеждой, солнцем сотканный,
Шепот и влагу кофейную глаз,
Шелест травы под ногами твоими
(как я хотел бы сейчас быть этой травой).
Как много времени без тебя съедено пустотой,
Как мало, что нам подарено краткосрочным движением
Календаря. Но это малое и есть истинное,
Но это малое и есть преобразование
Мира, созданного во имя твоей близости...
И когда утро прыснет лазурной высью,
Когда рассвет обожжет глаза одиночеством,
Я повторю себе, этот день – еще одно, что приблизит
Меня к твоей ласковой ночи...

На дороге тень упала. К Андрею Белому

Дикая, пьяная степь
В мертвый простор задувает,
Неба жемчужная сеть,
Пылью душа кочевая,
Взглядом тропы не задеть,
Взгляд горизонтом смывает.

Костью кровавой зари
Прах разбросало по травам,
Режутся алым угли
Глаз и болотом шафранным
Переливаются дни,
Пересыпаются камни.

Вечная, дальняя стынь –
Глубь бирюзового моря,
Ты мне руки раскинь,
Хмеля сонного поле
Ты на меня опрокинь,
Чтоб умереть мне на воле

Да не польститься тюрьмы
Мягких перин, теплых кровель.

Vacuum*

Со мной говорит хлесткая свежесть дождя.
Серебряно-топазные сливки загустевших бровей
городского неба пробуждают роскошь палитры.
Сырость асфальта паром въедается в кожу.
Кто мы, откуда, куда мы идем? Гоген
Всплывает воспоминаньем на киноплёнке проезжей части.
Ленивые глаза витрин торчат обнаженными ребрами
Радужных красок. Лишенная смысла болтовня
Сквозит электрическим ветром в приборе весеннего воздуха.
Список поспешных дел ложится супрематизмом Малевича,
Дел, забытых через минуту, дел, потребных неизвестно кому.
Мне раскрывается утренний вакуум,
Невесомый, словно “прогулка влюбленных” Шагала,
Обжигающий, словно “пожар парламента” Тернера.
Я с ним заодно, я пуст, я вбираю неопределенность, неизвестность,
Многомерность горизонтов, встречных потоков
Вседозволенностью выбора, движения, смысла и любви...

vacuum – *англ.* — вакуум.

В колодцах парковых прудов

Что нового расскажешь мне, печаль?
Изрытых тротуаров толк весенний,
Крем прошлогодних трав, седая даль,
Хрустящий воздух на древесных гребнях,
Аллей коричневая плавь в огранке фонарей,
Беспутный ветер на клетях балконов.
И тот же свет луны, больничной желтизной
Текущей по карнизу, тех же фей
Дыхание на улице ночной, бездонной,
И от свободы вин плодящей гульбищ зной.

Что нового расскажешь мне, апрель?
Голодный взгляд прохожего бродяги,
Собачья брань в рассадниках теней,
Дождей слюна шампанского прохладой,

Изжеванных дворов кривая сыпь,
Гробы подъездов, листопады окон.
И то же половодье киселем
В глаза разливом смоляным колотит,
Речною складкой ввинчивает око
И выметает взгляд за окоем.

Что нового откроешь мне, мой друг?
Мой старый добрый спутник, грех весенний.
Все тот же плеск, прибоя пенный звук
От неба грузного овчиною нетленной,
Кристалл души в колодцах парковых прудов,
Степенный вечер в лавочках цветистых.
И что же дальше, там, за видимости гранью...
Бродячая с усмешкою любовь,
Алмазная ночная пристань,
И я, несущий сердца раскаленный камень
Чернильной пястью в ветхий дом стихов.

Держись моих рук, беги в мою ночь

Вишневая ночь дрожит на ветвях,
Соль звезд опьяняет смолу сонных крыш,
Зефиры скрипят, раскрываются тайны...
Держись моих рук, беги в мою ночь,
Зажги поцелуй на теплых губах,
Как сок медоносной луны, как разлив
Июльского мягкого лада,
Как хмеля соснового вихрь...
Я буду хранить эту ночь
В прозрачных озерах памяти,
Я буду встречать тебя золотом
Закатных престолов и синей волной
Небесного моря, изнеженным льдом ...
Пророчь, надеждой пророчь...
Сомкни расстояния,
Планы, движения, ноты,
Я сделаю так, чтобы стали огнем
Прикосновения глаз.
Верь мне, перечеркни все строгие клятвы.
Пойдем...
Держись моих рук, беги в мою ночь.
Я с тобой,
Как в последний расстрельный час,
Разбиваюсь о нежности бархат...

Overturing*

Ржавые лужи портят
самовоспитанный лоск отражения гордецов,

так ломает разум коан,
но может, это и есть
истина образа и подобия
послебожественного,
обожженного в печи природы,
забывшей себя.
В мире, где подлинна, лишь
ложь презентации, каждый стремится
играть лучше, но не себя,
так рождается фрактальная геометрия Мандельброта
в социальной плоскости.
Инстинкт потребления изживает качество,
вещие сны подменяются,
разделанным ночным небом, торжищем звезд,
обжорство не утоляет, а нагоняет голод,
на меру уже не хватает терпения
в пределах обступающей скорости.
Круг личности разрастается в точку,
солнце в пятно, если считать каждый шаг
до финишной ленточки.
Золото лета сливается ртутью, если не видеть
в нем, одинокого дыханья ячменно-бордовых закатов,
дельфийского предсказания любви в лесах,
соленой пустоши морского влечения
на диком побережье.
Кружа в паутине мозговых нейронов,
зарываясь в таблицы, графы, значения, следствия,
перерабатывая хлам памяти,
насилуя алкоголем грань восприятия,
синтез слов отменяет одно касание
трогательным мотыльком
с ромашковых губ любимой.

overturning – *англ.* — *опрокидывание.*

Reflections*

Весенний снег в плюс десять, кормящий колдовством
паучью сеть холодного рассудка, микробов рядового сна.
Развернутое сердце строкой упанишад.
Тугая нить причин и следствий разрывается хлыстом,
бьет пробуждением по устам,
что вишней новобрачной нырнут в апрельский сад –

взойдут словами без резонансов, оснований,
но, содержащими в себе намек природных глаз,
что наша жизнь и наша смерть, лишь данность эпизода,
что наше все – ничто и для всего мы малость,
горсть пепла в турбулентности энергии и массы,
а это - идентично, хоть и спорно,

для созерцания трехмерной простоты.
За нами тащится тень времени, зарубок колея,
мы называем это памятью, нейронных связей пеной,
их миллиарды и у каждого свои,
а значит и история своя,
одноразмерность в миллиарде воплощений.

И наша жизнь, и наша смерть, мгновение, что нами
изложено же нам, уложено в тома увесистых значений,
где между строк пылится вечный смысл тетради.
Мгновенной сладостью ночи заброшенные в пламя
морской пучины бытия, мы коротаем Одиссеем время,
располагаем мнением – куда, но знаем ль – чего ради,

и ждет ли Пенелопы нежный дух, иль верность уж не в моде.
Весенний снег в плюс десять, магия абсурда,
осколки ницшеанского боренья, всплеск души
на стекла послеливневого неба. Лучше, о погоде,
да, лучше, о погоде помолчать и будет,
и будет день, а значит пища согрешить.

reflections – *англ.* — *размышления.*

Березовый свет

Березовый свет покрывает глаза.
Хрустящих кустарников кляксы
размазаны ветром.
Тихий разлив апрельского неба.
инициирован солнечной грушей.
Леса молва пернатым базаром
раскинута. Шелест куплетов
травы прошлогодней (карее сено),
остановись, сядь рядом,
послушай...
Лица темнеют, ноги теряют следы,
вещи бесформенны, время отброшено в угол.
Мята груди через край,
облачный дым в волосах –
рви горизонты души.
Лужиц помол, блюда мутной воды.
Корней выуженных пугало.
Шепот тропинок. Скрипучий сарай
оврага.
Остановись, сядь рядом,
послушай...
Рощица
режется
березовым морем.
Их было двое.
С ними была надежда.

Patterns*

Я смотрю на огранку пространства,
в сотый раз мною узнанного,
в сотый раз с новых широт говорящего об одних и тех же
значениях,
с постоянством,
с укоризной,
с надеждой.

Как часто вещи приобретают смысл
далекий от своего первоначального замысла, воплощения,
очеловечиваются, начинаются атмосферой, дыханием жизни,
музыкой.

И как музыка рождается в переплетении нотных движений,
так в переплетении судеб рождается жизни мысль,
словно борьба с одиночеством в душном автобусе в час пик,
в больном столкновении случаев.

И в этих глазах, от пота и соли влажных,
в запеченных жалостью, рвущей за душу,
я не верю в бессмысленность боли,
в большинстве своем, в будущем, каждый,
получает, то, что заслуживает,
пусть и внешне обманчив собою.

В сочетанье бродячих тонов -
не иметь, то, что любишь, а любить, то, что имеешь –
видится наилучшим,
если вообще осмелишься
на любовь, на ненависть, на веру в ненависть и любовь.

patterns – *англ. — выкройки.*

Circulation*

Вначале шел снег, искрясь разливом алмазной крошки и ослепляя молоком,
затем распустилась душа ручьев, проклюнулся юный малахит, воскресли псалмы леса,
после солнце налилось соломенным жаром, пробился нервом лазурным гром,
вскрылись озера хрустальной влаги, вечер, качаясь на ветреной леске,
обдавал сердечным теплом, и, наконец, расшатанный тон природного бала
вскружился золотом сна, обрядился дождливым листовным свечением, заревой грустью,
а потом опять были барочные этюды снежных призраков, невесомость ренессанса вальсом
водных магистралей...

Мы прошли круговорот состояний, не расплескав первоначальной прелести музыки,
запечатленной в глазах безумцев, забывших о праведности каменных церемоний,
потерявших значение мира памяти (если в ней не ютились совокупные символы),
нашедших оправдание боли в надежде на наслаждение новым
священным грехом сердца под древним покровом Иерусалима.

И вот, уже май крадется шашлычным дымком, ароматом цветущих парков, янтарным
вином рассветов,
мы стали больше, мы стали ближе, но ближе, как раньше, как год, век

тысячелетие, вечность назад. Шелк трав в волосах, нас скоро венчает лето,
но помнишь, вначале шел снег...

circulation – *англ.* — *круговорот.*

Черный бриллиант

Хоть и платья твои порою черны, словно ночи запруда,
Как Матисс, со светом играя, преломлю их в лунные всходы.
Хоть слова и эфирны, как ветра стокрылые губы,
Я в них скульптором высеку солнца пурпурную тогу.
Ты иди лишь, ступай по песку, золоти его мели,
Ты шепчи лишь, теплым дождем в сухие пространства.
Где кончается ум, начинается разум на вере,
Где кончается власть, начинается нежность всевластья.
Обреченным на смерть каждый вдох приносит цветение жизни,
Обреченный тобой, задыхаться мне жемчугом лилий.
И когда осенней печалью теряло лето записки,
Между строк, золотом, почерк твой находил я.
Меня плел изумрудной лозой по таинствам Вакх,
Я плескался в руках мессалин, Эроса проказой звеня,
Память – гниль, и слиянием глаз в бирюзовых небесных холмах
Не нашел – что мне встретить, чего не встречал, что ценит, ценнее тебя.
Сохраняй – уют неба прозрачен, день свеж, воздух сладок;
Береги – вечер западом густ, вишней полнится сумрачный сад.
Отшумят города, опуститься ночь на прилавок,
И я вспомню черное платье и черный его бриллиант.

Плачем священного леса

Откройся мне
И разбужу тебя плачем священного леса.
Сыграй со мной
Симфонию нот золотых на плитах горного сна.
Вбирай мой покой,
Навеянный черной полночной пьесой.
Я знаю с тобой
Одно лишь слово, поднятое морем со дна –
Любовь.

Веди мою руку
По вечным пристанищам лунных колосьев.
Сжимай мое сердце,
Оно бьется в такт небесной сети дождя.
Я птицей совьюсь.
Я буду с тобой разбивать хрустальные звезды
Под ноги, ведущие
Тропами света, дорогами, что лежат
В наслаждение мира.

Откройся мне
И я доверю тебе свидетельство вешего края,
Где плачем священного леса,
Симфонией нот золотых и пьесой ночной
Проступает душа.
Мое ремесло твой хмель на губах собирает,
Сгорая, как феникс,
Чтоб снова родиться крылатой зарей
Любви.

Вест. Закат, согревший лед

Забудь мою дерзость, пропахшую виски
и крепким отваром сигар,
забудь мои взгляды, что ночь пропитали
в бессвязных аллеях.
Я знаю одно, что с тобой
я теряю свой дар
кричать в пустоту,
без любви, без надежды, без веры.

Ты больше, чем есть,
чем ты знаешь, чем думаешь, чем представляешь,
в моем окружении снов –
твое место венцом серебра и нежным вином.
Я вижу дороги,
они, изливаясь от края до края,
в полях созерцанья
цветут и поют лишь тобой.

Я слышу вдали
хор света несет пробужденье,
я знаю в тебе
найдется тепла для двоих.
Дотронься огнем,
он ласков, он чуток движеньем
июньского неба,
он вечер пускает в разлив

заката, согревшего лед.

Полная чаша

Красное, как кровь, вино –
это твой закат провожает меня в ночную степь.
Движения свободны и легки, словно языки огня.
Я растворяюсь ароматом трав.
Сладость мгновенья льется на сердце прохладным дождем.
Горный хрусталь взгляда ласкает твои плечи.
Образы из осколков древних святилищ

питают губы поэзией.
Принеси мне свое откровение полной чашей любви.
Мне всегда было мало средней величины,
я хочу через край умываться твоим светом,
я хочу находить тебя в каждом кадре души нежного леса.

Вдыхая дождь

Вдыхая сливки дождя, смахивающего пыль с высушенных
ресниц деревьев, отдающего музыкой железнодорожных веток,
льющего хрустальный блюз в родниковые ладони,
я смотрел, как меняется небо, как тянутся непослушные,
но прекрасные заросли облаков, как пустеет уличный спектр
в одиночестве тротуаров и в прохладе полдневной тонет
телосложение каменных плит. Город вынес водой
старый хлам и мне виделись парков кудрявые тропы,
ключевая сосновая тишь, пруда пестрая зелень.
Я когда-то носил цветы в волосах, я когда-то бродил там с тобой
по заблудшим полянам, под тенью болотной,
я когда-то любил этот взгляд в покосившийся берег,
я когда-то любил надежду и верил в ее перевес
над черной лозой. Дождь дал памяти силу творить
новизну забытого света, от усталости стертого в кость.
Все проходит, но только не это, что шептал малахитовый лес,
наше право вязать дороги, наше право бесправно любить,
находить и терять, и снова терять, и терять, пока гвоздь
души вколочен в плоти доску, пока сердца колотится крест.

Молись за тех, кто умер от солнца любви

Познавай тишину на крыльях
снежного горного сна.
Следи за океаном души
пустыней внутренних глаз.

Вей осенней листвой,
шелковой легкостью путь свой раскрась.
Следуй ходу огня,
духу воды, тени орла.

Танцуй ночной тенью
под кровотоками звезд.
Рисуй на весеннем воздухе
фигуры ветра, дождя.

Приходи к дарам виноградников,
чья лоза изумрудов полна,
срывая их свежесть,
молись за тех, кто умер от солнца любви,
за тех, кто летит под откос...

Когда нежный лев теряет своих детей

Когда нежный лев теряет своих детей, он теряет свое сердце.
Делая выбор во имя одного, он словно готовит железный оскал саморазрушения, душевное самоубийство.
Боль разъедает глаза, губы, движения, музыка саванн покидает его, он становится заложником собственной памяти и собственной любви.
Ночь делается ближе, свет превращается в угольный туман.
Как только на небесный погост просочится кровь луны, гнев подступает к прожженному горлу, сны обретают форму утерянной реальности.
Ярость льется горячим источником его молчаливого рыка.
Опустошение низводит до ненависти.
Когда нежный лев теряет своих детей, он находит мужество.

Собирай мой воздух

Где застыл теплый мед солнца,
Где шумит прибой одиноких лугов,
Собирай мой воздух
Нектаром губ,
Собирай мой воздух
Ожерельями рук,
Средоточием взгляда, что вобрал
Влаги тенистой лесной
Родниковый кристалл,
Дождь ключевой...
Собирай мой воздух
Белоснежным сном,
Розовым садом души,
Сердца рассветной свечой...
Я там брожу крылатой весной,
Летом палящим, осенью спелой,
Зимней вьюгой горных вершин.
Влагой тенистой прольются леса,
Свежим дыханьем расстелется дождь,
Будь мне сестрой, надеждой и верой,
Храмом эфирным облачной пены
Я унесу тебя к вечным кострам
Пробуждения звезд.

Шелк. Говорящая с ночью

Черный парус ночи
распускался шелковым крылом,
чтобы вдохнуть мелодию Андалузии
в глаза спутницы полной луны.

Сердце, вскрытое кистью звезд,
разбивалось о побережье забытого сна.

Она задыхается сладостью,
она чувствует разогретую сталь ветра,
незримую топь елей,
мягкую ладонь неба.

Вокруг носятся демоны древних песен,
и за каждым шагом следует бриз
ее влажных гранатовых губ, шепчущих
о брачном единстве любви и бархатной тьмы.

Точка возврата

Отдышаться, отдышаться от прессы
горячих глаз июньских созвездий,
вдохнуть кедров и маков,
спеть не стоном треснувших ветхих дубов,
но вишней юной в закат опуститься.
Обрести мягкий сон
на теплых камнях у волн серебристых,
в лоскутной траве среди роз золотых,
на крылатых тропах ангельских танцев.
Только стоит поймать и мгновение исчезнет,
только стоит нащупать и миг растворится,
только стоит отчаянно вырезать сердце
и надежда блистает Египетским полднем,
и кричат маяки и сплетаются струны
белым руном, музыкой неба Господня.
Забыть и тут же вспомнить песней ручьев,
где нимфы прекрасны телами, как жемчуг,
где соком гнездятся плоды винограда
и пьяной свирелью свобода кипит,
свобода от собственных мыслей,
от гнета дыханья, от взгляда в свой черный
паучий капкан и дремучий рудник.
Я вижу тебя, вдохновенное летнее пламя
души.

В перекрестках июньской жары

Вечер сгущался кроваво-гранатовым фоном
над серым могильником города.
Мы шли, больные от хмеля усталости
в перекрестках июньской жары.
Неизвестность плела горизонты туманом
в соках дышащей молодости.
Мы держали в руках пол мира,
мира в лучах новой жизни и старой любви.

Не бойся, я рядом, пусть хоть солнце
бездонно утонет в лунном котле,
Пусть хоть ветер сорвется с петель
и дороги покроются ржавой листвой.
Реки впадают в моря, моря в океаны,
ты не одна и я не один, мы вдвоем и вдвойне,
А значит, пристанище есть, есть огонь,
есть что-то, что нас приведет непременно домой.

Тени поют

Пустота глубока.

Пустота разлива гор, призрачной облачной кроны,
безбрежно разбросанной кофейной долины,
полной целебного безмолвия, такую пустоту
зову я сердцем дикой поэзии.

Тени поют.

Небо вскрывает кристальное лоно,
взгляд – водной лилией,
слух – орлом за версту,
прикосновения – шелковым лезвием.

Слушай.
Безмолвствуй.
Тени поют.

Уходи от себя метелью горного воздуха.

Потусторонность

Я хочу рассказать вам о море человеческих душ,
Снующих по коридорам одиночества и безысходности,
Об отверженных и выброшенных к границе молчания,
Где бешеный ветер безразличия обрывает связки псалмов,
Где вечная ночь смолой разъедает глаза,
И холод струится нектаром январских прелюдий.
Их души, согретые погребальными кострами, ползут по сырым улицам,
Их беглые тени заглядывают в ваши окна, отлитые уютom,
Их ветхие фрески растворяются черной пылью,
Неузнанные, неприметные, обреченные.
Их бояться и поэтому их ненавидят, их ненавидят и поэтому их не знают,
Их не знают, но они здесь, волочат свое озябшее сердце по частоколу кровавых будней,
Через надежду на возвращение, через непризнанную область своего права
На спертый глоток воздуха...

Процесс. Динамика. Направление

Я пью жару, вдыхаю солнца пепел,
В моих ладонях тающий июнь,
В моих глазах огнем слезится лето,
И бриллиант озерных, свежих струн.

И я иду, сливаясь бредом полдня,
И кто бы знал, о чем поет мой шторм,
Мой звездный прах на черной преисподней,
Мое молчание в печали снежных гор.

Одиночество. Нехватка времени не дает право на одиночество, на внутренний безмятежный монолог, на прохладную тень под покровом глубокой тишины самосозерцания. Одиночество – это благодатная почва в саду тех, кто умеет видеть большее, чем данность чувственного опыта, это возможность, открывающая двери к собственному неразгаданному сердцу, к первообразу мистической природы души, к подсознательному постижению невыразимой истины духовной борьбы. Раскрываясь безмолвием, наедине, сущность мысли растворяется в медитативном море, являя нам электрическое мерцание неподдельных ориентиров на фоне, плотных своей беспроглядностью, аллеи жизни. Одиночество мысли – это ее безраздельность...

Свет гаснет, ночь разводит крылья.
Проснусь ли завтра, жив ли был сегодня?
Взбиваю сны осклизлой пеной мыльной.
Усну ли завтра в радости, иль боли?

Все слов набор, абсурд, теки рекою
По руслу дней и берега питай
Надеждой, радостью, отчаяньем и болью,
Пока есть ветер, ад любви и рай.

Солнце говорит мне, вставай. Солнце опускает на плечи свои лучезарные волосы, швыряет янтарные копы в пульсирующую грудь, заставляет двигаться по направлению к цели, эта цель – познание рождения, жизни, смерти, познание смысла вещей, событий, явлений. Солнце говорит мне, живи, люби, дыши свободно, не ищи того, чего нет для вечного хаоса одухотворенного бытия...

Диалог. Nature

Холодное дыхание арктических льдов,
Ржаво-лимонная просторность тундры,
Болотно-каряя вязь тайги,
Пунцовая свежесть смешанных лесов Евразии,
Песчаное море Среднеазиатской пустыни,
Туманно-снежный гранит Центрально-азиатских гор,
Горячая солома Африканской саванны,
Разноцветный ветер тропических лесов Америки,
Влажная радуга тропических лесов Азии,
Бордовый вакуум Австралии,
Лилейные берега Антарктики –
Слышат меня...

Я седой, как туман и в глазах моих скрежет метели

Я седой, как туман и в глазах моих скрежет метели.

Кровавой желтизною листьев клена
опало солнце в горизонт моей души.
И снежный камень утреней луны
напомнит вскользь погост зари вечерней,

но путь мой искретен, пока луга свежи,
и небеса разливом тень ласкают,
земля тепла, реки доступен пульс,

но путь мой неподделен,
пусть минором
горло
плещет,

сцепленьем гор я навсегда вернусь
к твоим молитвам, в тот июльский вечер,
когда воздушных токов розы оплетали
аллеи наши, наши руки, наши плечи.

Пряный прилив июля

Тонкая сладость розы
веет с твоих берегов.
Я подхватчу каплю нектара
робким движением пальцев.
Робость прорвется радостью, радугой брызнет цветов
взгляд, и поднимет парус
медом душа-скиталица.
Тает закат поцелуем,
ты воскресила полночь.
Ты мне открыла сердце
шелковым ветром настезь.
Ветер прогонит тени, нежность придет на помощь
моим расстрелянным песням,
что ты в близость поманишь.
Пряный прилив июля,
мир, потерявший время.
Я принесу на ладонях
музыку рек алмазных,
скал седовласых верность и, обманув мгновенье,
дам ему имя - вечность,
вечность, застывшая в красках
тонкой сладости розы.

Амедео

Тонкость цвета, чуткость силуэта,
одухотворенный примитив,
резкость, острота икон портретных,
Модильяни и Париж,
Моди и Жаннетта...
Словно в руках скульптора
линий тишина и выразительность
сплетаются душой,
душа струится краской,
(там от Боттичелли, Пикассо, Сезанна)
человек – вот, что его интересует,
вот источник, вот природы месса.
И отверженному вторит винный зной,
дух гашиша, нищета бульваров,
мятежом на холст прессуя
тридцать шесть в посмертной маске,
миллиард и двести миллионов в бытие ударов
сердца дерзкого...

Элегия. Пока я рядом

Ты слышишь, ночь поет о разлуке,
о надежде в кристалликах слез,
когда возвращение неизбежно.
Звезды прорвали черную ткань,
сгусток луны красноречиво безмолвен,
пыль золотых цветов в твоих волосах,
губ мятная свежесть,
память открывшихся ран,
чистое поле –
душа.
Ты знаешь меня, я всего лишь паломник,
беглец от асфальтовых лож в бериллы лесов,
помни меня, чтобы было куда вернуться,
чтобы было разлито тепло и вином
разбавлена непогода.
Янтарная пыль цветов,
лунное блюдо,
губ пурпурных огонь.
Ты слышишь, мне нельзя не вернуться
туда, где один поцелуй на вес
седого дыханья вселенной.
Если спишь, попробуй проснуться,
попробуй скалы отвесной
ветер на вкус,
снег морской соли,
люминесценции леса
взглядом черпай,
пока я рядом...

Этюды

Болотная овчина леса,
соль облаков, эфира плеск,
кустарный драп, цветов разводы,
жемчужный взгляд
в дороги даль,
где мой покой
не сохранить
для сердца полноводного...

Цитрусовый вечер
обдает соцветьем,
тянет нить сирени
горизонта лен,
пряди ветра льются
на тростник ресниц
чистым бытием...

Шорох, шелест, песнь листвы,
сеть древесных изваяний,
переплеты изумрудов,
длани тонких чувств весны,
меланхолия шафрана
под осенние псалмы,
и я сбрасываю кожу
верой дикой, слухом пьяным...

Форма

Вечер усталостью ломит пыльные кости.
Лунные ясли провисли в бледный иней свинца.
Мраморный череп зажат между лопастей сквозняков.
Звезды толпятся у входа в заводь ночную серфингом шляпным.
Я раздираю губ занавески, но слов липкие гроздья
оседают в гортани массой застывшей. Сегодня словца
не вытянуть, песни не протянуть сквозь черный озноб,
сегодня я форма без содержания, слог, упрятанный
в подсознание серых проспектов, в глину сырых фонарей.
А лето травит загаром, а ночь возвращает желанье дышать,
но дыханье – безмолвно, лишь скрип, диафрагмы дугой.
К чему шаркать, плевать стилистикой вакуума,
все сказано, все написано, все там, где звездных огней
пропитые глаза чахнут забвеньем. Бежать!
Бежать за их пеклом, хромать под их звон бороздой,
доколе рассветная медь не засучит рукав

в крахмале и блеске классики буднего жанра.
Но доселе, я форма без содержания, я анклав
в тисках течений, перебродивших небесной манной.

Вдохновением полной луны

Вдохновением полной луны
Я черпал ночную прохладу,
Бинтовал сумасшедшие дни,
Что стреляли в память бравадой.
Теплым шелком надежд пеленал
Беспокойное время томлений,
Я нашел, лишь, когда потерял,
Я поверил, лишь сдавшись сомненьям.
Откровением лунного сна
Я вдыхал наваждение ночи,
Ты со мною моя сторона,
Сторона одичалых пророчеств.
В мягких тканях спасительных слов,
В звездных ветрах на новых помостах
Я забылся, вспомнив любовь,
Я ответил, уйдя от вопросов.

Пьяная осень

Мироточащее светом слово –
Евангелие от распятого лета,
Осень в наших краях снова
Бродит ржавчиной хриплого ветра.
Я завяжу чувственность солнца
В узел тугой, да сброшу дождями,
Душа по воде расходится кольцами,
Сердце в тисках листопада зажало.
Я концентрирую холод неба
В черных глазах, как в черных оковах,
Сводит остывшие, сжатые вены
Рек, золотом мажет живое,
Золотом, что отзвенело печалью
В трубах похмельных летнего пира,
Осень в наших краях причалила,
Бродит пометом сиплых зефиров.

Леность озёрной сини

*“С тех пор купался я в Поэме океана,
Средь млечности ее, средь отблесков светил”
Артур Рембо*

Леность озёрной сини
Я собираю в песни,

Воздух смакуя винный,
Солнца румяны свесив
На обожжены плечи,
Да на медовые очи,
Что расстилают далече
Взор, добрым небом сочный.

Вектором лиха сносит
Душу в приток полноводный,
Соком зеленым гроздя
Леса плюют поодаль.
Связки озёрной ряби
Я собираю в хоры,
Солнце струится кальяном
В сердце, разлитое морем.

Призрак Питера

В зеркальном холоде Невы
оставил я воспоминанья
о красоте короткой встречи
имперских нордовых огней

Я претендую на ласку мертвого солнца

Догнивают в листве тени летней надежды,
Я претендую на ласку мертвого солнца.
В черную гавань парусник ночи вползает неспешно,
Гирей луна провисает в сети голых погостов.

Оплеухою ветра сыт на обед, да справен на ужин,
Взор горизонта – далекая статья, першит сквозняками.
Прими меня в свои объятия подвальная стужа,
Я так переполнен твоей пустой в осеннем оскале.

Я претендую на золото в черной оправе,
Давится влагою сало размытого неба.
Отчего же печаль так прекрасна и сердцу отрадна,
Понимаешь, все это исчезнет, исчезнет бесследно.

Кровавое солнце ацтеков

Кровавое солнце ацтеков
Пожирает свежее мясо,
Сердце вырвано ветром
Шаманского дикого пляса.
В храме пернатого змея
Головы ядрами наземь,
В небо ведут ступени,

У неба кровавый праздник.
Воин – жертвенный агнец,
Боги – голодные судьбы,
Ты далеко, испанец,
Значит, еще повоюем.
И духи вешают бурю,
Будет великой охота,
Теплому солнцу на блюде
Дар наш холодной плотью.

Потенциальная реальность Дали в исполнении сновидения

В двенадцатое измерение
Похлебка сонной реальности
Наваривается галлюцинацией.
Крайностью
Сингулярность безумия
Того и гляди взорвется
В прострации безразмерности.
В бесконечность зеркал
Карамелью растянуты формы,
Параллельно
Перекошенным небом кормят
Созерцание дьявола.
Гениальный бал
Воображения,
Извержение красок
На полотно души.
Дали из-под толщи масок
Смотрит сквозь
Расчлененную жизнь,
Вбивая гвоздь
В крышку гроба
Будничных трупов.
И вот уже новое
Тринадцатое измерение
Под сонную лупу
Художника
Просится вдохновением
Неудержимости.
Срывается тишина
Бездонного сердца,
Открываются двери,
Крестятся люди,
Дьявол сошел с ума.

Изживай свое тело, убивай своё "Я"

Изживай свое тело,
Убивай своё "Я",

Пустота знает дело,
Это дело стезя
Без потери
На вере,
Без труда
На ветра,
Без расчета и меры,
С грудью полной огня,
В незнакомую волю,
Но родную по крови,
К прародителям снов,
Там, где бредит любовь
Откровением целостным духа.

Волчица

Где снежный ворс – девятый вал,
Во тьме глухой лесной химеры
Я мать-волчицу повстречал,
Как миф, сошедший с уст Гомера.
На расстоянии огня,
Глазами веры беспробудной
Она смотрела на меня,
Как на щенка печалью лунной.
Молитва стаи – песнь во льдах,
Ее манила утешеньем,
А в моем сердце бился страх,
Но страх любви, благоговенья.
Стояли мы, как мать и сын,
Как мир у дикого причастья.
Она растает, словно дым.
Я знал, свобода, выше счастья.

Весь в скитаниях нараспашку

Весь в скитаниях нараспашку,
Непричесанным полем проветрен,
Я плешивое небо раскрашу
Белоснежным облачным пеплом.
Изумрудною коброй совьюсь
В роскошь леса, в винные хвои,
Не хватает слов, не хватает чувств,
Только сердце примет такое.
Кто мне выдал этот карт-бланш,
Приневолил меня поверить,
Беспардонная синяя блажь,
Мое небо открытой дверью.
На простуженных тропах оседлый,
Весь в скитаниях неумытый,
Я ищу себе жизни неверной,

Чтобы голодом сердце насытить.

Шамбала внутри

Это крылья души,
на кончике перышка
дыхание Неба

Гармония сфер и магия слов

Гармония сфер и магия слов,
Жизнь познанием смерти,
Томление духа,
Великий уход
Инициацией сердца
В охотника веры, в божественный свет.

Несотворенным мифом,
Предопределением прожитых лет,
Метафизическим вихрем,
Мы коды слепой эволюции масс,
Мы мировоззренческий слалом,
Мы домостроители здесь и сейчас,
Того, что до нас и пред нами.

Преодоление разума

Глубокие, как наперстки,
Тяжелые, как крылышки мотылька,
Я мыслей мокрые простыни
Развешу сушить по бокам,
Да сгину пропастью лета
На жаркие степи гласности,
Простая нехватка света,
Лишь гадит в пространства ясности.
Простая уловка местности
Сбивает с пути вольготного,
Вас сколько, пропавших без вести,
В погоне за истиной потной.
Измеренный, как вселенная,
Промерзший, как солнце на полную,
Я мыслей пивную пену
Сдуваю в чистую формулу.

Непал. Расходясь амплитудой гор

Расходясь амплитудой гор,
Растворяясь идеей бездны,

Меня здесь нет, но я во всем,
Вдыхающим ритмом поэзии.
Спускаюсь горной водой,
Засвеченный снежным блеском,
Меня здесь нет, но я с тобой,
Флейта ветров небесных.
Размеренность синих широт
В медитативном венчании
Одухотворенность жует,
Сплёвывая молчанием.
Я молчание вознесенное
Изловлю, пропитаю в легкие,
Как найденная, обретенная
Душа на разрыв, осколками
Звезд лепестковых просеяна,
От тяжбы греха отвращенная,
Да озером чистым застелена
Во Слово не нареченное.

Я ночь захлеб до краев

Я ночь захлеб до краев
Размажу по стенкам горла,
Да в млечное небо верну песней вольной,
Обернутой лунностью слов.
Я вылечу черный сад
Унылых улиц и скверов,
Своим вольнодумством и мерой
Безмерных бродячих баллад.
Я ночь разгрызу по швам,
Пусть чрево ее разродится странником,
Черным ангелом, черным всадником,
Что ветры судьбы связал,
Связал в этом месте лунной породой,
Да выплеснул мне в лицо,
Как лезвием тьмы, как звездным свинцом
Прострелено сердце свободы.

Наедине с Куинджи

Медитация белых холмов
молочным пухом
ложится на пустошь души.
Воздух искрится холодной зарей.
Сон небесных долов
чистым спокойствием
тишины
поедает тревогу мою,
да печальную проповедь сердца.

Метафизика Анжелики

Я сморю, но не вижу изъяна
Прикосновений плотской руки.
В светящихся кудрях зарею румяной
С постели цветочной встает в стихи,
И льется лирикой синих закраин,
Что в горизонт уплывают безбрежностью.
Жрица Венеры, ты золотом плавишь
Сладость взгляда, мякотью нежности
Слава подносишь к престольному мрамору,
Танцем колдуешь у замерших муз.
Я смотрю и слышу молитву Паллады
Щебетанием света, катящимся с уст.
В этих глазах пьяной амброзией
Пиршество ангелов рвется по струнам,
И лишь утренний ветер метаморфозами
Спокойно пылает на сердце юном.

Бриллиант прохлады

Кровоточит алмазными копьями дождь,
Серебрятся воздушные сени,
Лакирует асфальтовый студень галдеж
Озорной, перелетной капли.
У дождя есть особенный, ветренный дух,
Есть богатство травы свежеспелой
Бриллиантом прохлады, да тысяча рук,
Что ласкают эфирную пену.
Раскисает, курится непрошенный дождь,
Налипает на губы невеждой,
Да сшибает усталость, как вздорную вошь,
Возбуждая просохшие вежды.
У меня же есть грусть, есть сердечный пробел,
Он настоян в кисель эпизодов,
Я сегодня его бодрой влагой воспел,
Отпустил в долгосрочные воды.
Молчаливым законом, безмолвием сил,
Свод небес в макияже провиснет,
И с потоком умрет смысловой ориентир,
Иль найдется судьба, что сверх смысла.

Глазами импрессиониста

Мазок ожившего сознания,
Мелодия блуждающей струны,
Передо мной движенье мирозданья
В прожилках солнца, в плеве сочной тьмы,
Эмоции невспаханных полотен,

Бомбардировка предзакатных искр,
Гуашь души, размазанная потом
Налитых яблонь, да колосьев золотых.
Кудрявый шелк волос подруги верной
Я подмешал к палитре спелых уст,
Палящий взор оставил кистью нервной
В переплетенных волнах взбитых чувств.
Мазок ожившего, прирученного света,
Оркестр экспрессии расшатанных свобод,
Передо мной безумие поэта
В стенаньях грома, в розгах синих вод.

Чья здесь пуля моя?

Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
У смерти не спросишь.
Кровью цедила заря,
Кровью цедила заря,
Кровью цедила заря,
Да билася оземь.

Ой, не готова душа,
Ой, не готова душа,
Ой, не готова душа,
Да кто тебя спросит.
В прах, как слепой урожай,
В прах, как слепой урожай,
В прах, как слепой урожай,
Листьев по осени.

Сердце приняла земля,
Сердце приняла земля,
Сердце приняла земля,
Да в травы застила.
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Да кто ж знает, милый.

Чёрны потухли глаза,
Чёрны потухли глаза,
Чёрны потухли глаза,
Беззвездною ночью.
Знать нацедила заря,
Знать нацедила заря,
Знать нацедила заря,
Крови проточной.

Коньячное небо закат оросил

Коньячное небо закат оросил,
Слюной облаков багровея,
Раскисшее солнце свалилось без сил
В трясиину овражного клея.

Шершавые доли обмякли пунцом,
Струясь в горизонта резину,
Я сгусткам кровавым подставил лицо,
Засахарился малиной.

Вареньем души раздобрел по степи,
Откинулся светом предсмертным,
Уставшее солнце провисло без сил
На тросах ночного ветра.

Холодные звезды оскалом взошли
На ватман чумазого неба,
Я течи стальной подставил кувшин,
Упился сверкающей пеной.

Венеция. Фрагменты на воде

На площади Святого Марка,
Средь голубиной мишуры,
В скрипачных слезах огнепалких,
Соборы золотом цвели.
Дух Гете, Пруста, Твена, Манна
Глотком вина сплетал строку
Меж столиками “Флориана”,
Под колокольную тоску.
Венецианские порталы,
Нептуна сеть, да Марса перст,
Фруктово-рыбные развалы,
Дворцов соседствующих спесь.
Палаты дождей – зал тщеславья,
Встречают сонм открытых ртов,
Из камня высечен печалью
Венец колонн, мостов и львов.
Шарманка оперного хора
Вздувает “Ла Финичи” нимб,
Здесь все исполнено простора
Морских кровей, морских глубин.
Адриатические косы
Раздел мой взгляд в плавучий сквер,
Где по канальным веткам носит
Лихую песню гондольер.

Пластилиновая меланхолия желтого вечера

Ощущение осенней свежести
На вечернем пустыре души,
Я выстилаю листвою небрежной
Шепот шагов, что дождям вслед спешит.
Город плывет в монотонном забвенье,
Сердце коптит светофором огня,
Память корчится, как убиенная
В жерле историй опавшего дня.
Ищет словесной отдушины усталъ,
Взгляд в проводах запутался плетью.
Вечер. Осень. Приятная пустошь
Мягкой души фарами светит.
Видишь, видишь, она еще дышит,
Дышит любовью неосторожной.
Место и время найдут свою нишу
В липкой прохладе, в рассоле дорожном.

Тонкая природа слабого взаимодействия

Поэтика безмолвия –
непростительная роскошь
нашей эфемерной, сиюминутной близости,
Рефлекс безусловный
такой условной сцены,
но все же такой притягательной искренности.
И руки прочь
от наивного созерцания,
от лепета детского
моих ищущих глаз,
Я сегодня
вновь строю здание,
небоскреб вдохновения
для умозрительных нас.
И пусть разорвется в клочья,
сгорит синим пламенем
бестия легкой взаимности,
Страсть моя,
поэтика безмолвия,
подыграй,
распахни грудь наизнанку,
урони к ногам ее
сердцем невинности
природу стройной весны.

Покажи мне путь в Аваллон

Покажи мне путь в Аваллон,
Где белый лотос ложится
Душою неблизкого мира,

Где ястреб хрустального ветра
Поет в пустыне из льда и огня,
Где бродят восемь бессмертных даосов,
И Ра в золотой колеснице
Спускается с неба пурпурным рассветом,
Введи меня в Аваллон.
Открой сады Аваллона,
Где сердце Ахилла срывается с цепи,
Где Веста согреет елеем домашним,
И страстью Иштар плодородна,
Где старый Конфуций законы справляет,
Законы земли и Неба,
Я знаю, что нет твоих вечных покоев,
Мифический Аваллон,
Великая тень мироздания.

Алхимик. Он просто любил слушать ветер

Говорят, он был алхимик,
Не то, чтобы маг, не то, чтобы мэтр,
Он просто любил слушать ветер,
Да закат апельсиновый
Собирать лунным взглядом,
Ледяную прохладу
Разводить рукавом,
А потом,
Молчать вдохновенно,
И верно
Что-то знать.
Не то, чтоб ведун,
Не то, чтоб загадка,
А просто сладкий
Нежный ветер
Любил ему петь
В сенях лун,
В прихожей ночного гостя.
И если спросят,
Как его имя,
Отвечай – тишина,
Полная музыки,
Да вина
Терпкого голоса
Его прислужника,
Вечера или рассвета.
Ведь он просто любил слушать ветер.
Просто любил слушать ветер.

Творческий дух несовершенства

Независимость от свободы – есть любовь.

Беспричинность всех причин – это ты.
И громадой нетронутой вскинут на чашу весов
Творческий дух несовершенства, где я святым
Орудием сердца вытачиваю произведения,
Что за тобою бредут впотьмах, как во смертной глуши,
Где я сколачиваю разобщенные звенья
Творческого несовершенства своей души.
Независимость от свободы, мне, как сахар,
Когда несвободен тобою, когда от тебя не на шаг,
Знаешь, этому блеклому почерку хватит и взмаха
Хилой строфы, чтобы воспеть блеск всех благ.
И я распахиваю ворот тугой рубахи,
Чтоб окунуться полным глотком в воздушную кому,
Знаешь, этой сини крыла хватит и взмаха,
Чтобы накрыть собою бездну влюбленного дола.
Творческий дух моего несовершенного действия,
Это действие идет от меня, изливаясь в утопию слова,
Знаешь, я многое видел, много сыграл слезой лицедейства,
Но только впитав твое благо принял благо земное.

Инстинкт самодостаточности

Доверится первому встречному мгновенью,
И осознать ураган интуиции
В подкожных прожилках рассудка,
Терпение,
Терпение, друг мой, все разрешится
Именно так, как должно в твоём сердце,
В душевном скелете, наращенном болью
Неровностей жизненных сфер,
Пусть верится,
Пусть верится даже нелепицей
Веры парадоксальной.
Здесь и теперь
Рождается новая стройность из хаоса ночи,
Из беспорядочных нитей судьбы
Узел созвучия
Прорастает, как песня пророчеств,
Что напевала добрая мать.
Смотри,
Смотри в свой горизонт, он намного богаче
Туманного скрежета чьих-то посулов и откровений,
Доверится первому встречному,
Не иначе,
Взывает истинность бытия,
Рождается это мгновенье.

Пшеничное солнце

Пшеничное солнце скользнуло в расщелину дня,

Открой свою дверь, на пороге ласковый ветер,
Он несет золотую пыль сказаний огня,
Он держит на хрупких плечах преданья рассвета.

А за ним по пятам одинокий бродячий напев,
О вражде и о дружбе, о счастье и горести душ,
Открой свои окна, за ними солнечный свет
Золотистой пшеницы в озерном расчесе луж.

Пшеничное солнце полощется вновь в янтаре,
Для чего этот миг наливается праздничной краской?
Может быть для того, чтобы просто подумалось - верь,
Так загадано светом и ветра прожженного лаской.

Прописалась ты во мне

Прописалась ты во мне лаской трепетной,
Погубила ты меня сладким окриком,
Обратила ты меня властью северной
В южной вьюги непокой, что жжет соколом.

Непроста твоя заря, ослепляющая,
Нелегка твоя звезда, заплутавшая,
Только это мне не в страх застывающий,
А в свободное безумие бесстрашное.

Куда помыслы спешат – неопишущи,
Куда тропы мнут траву – в прыть сердечную,
Прописалась ты во мне взором любящим,
Захватила ты меня силой нежною.

Летал ворон черною судьбою

Летал ворон черною судьбою,
Беспросветной колеей долов,
Чуял ворон сок горячей крови
На прополках сложенных голов.

Летал ворон мертвою дорогой,
Разносил о смерти рваный клич,
Как не плач, да ходим все под Богом,
А Его, лишь смертью и постичь.

Оседал гонец на крест раскосый,
Слагал крылья, да кричал судьбе,
Взглядом дерзким плавил черны слезы,
Чтоб напомнить жизни о цене.

Странник пойманной зари

Зачем разлился этим утром,
Зарею бодрости сожжен?
Быть может должен ты кому-то,
И долг твой красен платежом.
Иль может случая возможность
Несет коней рассвета вширь,
Толкая поступью тревожной
На совершения души.
Зачем, зачем явился, странник,
В подлунный мир своей стезей?
Чтоб был покусан и облаян,
Чтоб слушал муз и пас покой,
И этих яств судьбы отведав,
Ты вопрошал –
Зачем, зачем?
А после, ум пресытив бредом,
Опять ложился спать не с чем.
Зачем раскрылся этим утром,
Зарею молодой проветрен?
Ты разве помнил в ту минуту,
Кому светило солнце это.

Пыльные трубы Иерихона

Старый путник, Иерихон,
Твои стены усыпаны пеплом,
Твои храмы-святилища вязнут в дыму,
Но древний скиталец, Иерихон,
Поет на восточных проспектах
Истории давних времен,
Тех, что хранят тишину
Глухих, дремучих столетий.

Звонок в далекое близкое

Голоса, запутавшиеся
в проводах
электрической бурей,
Пойманные
в стальные плети
чувства и расстояния.
Ты шепчешь
на том конце,
Я отвечаю простудой
связок надорванных,
Так скрипит расставание.

И все же, ты рядом,
незримая,

но сердцем закованная,
затянутая в глубину
моих глаз-молитв.
Голоса, пересеченные
обрывками провода,
как железное эхо,
расплавленное
кипятком задыхающейся
любви.

По линиям, по прямым
спешу, спешу
излиться музыкой,
Больной и прекрасной,
услышь, вспыли
каждой нотой.
Прости за спешку,
за то, что
такой необузданный
голос рвется наружу,
стреляя икотой.

А значит ты помнишь,
а значит ты также
хмельна
от раздраженной волны
грозового пения.
Мой голос –
твой голос,
и пусть между нами стена,
стена расстояний,
Мы учимся страсти в терпении.

Песнь инка

Вечной девственностью совершенны,
Жены Солнца заняты пряжей
Супругу-Светиле.
Затворничеством безупречны
Дети золота и серебра
Слагают хвалебные гимны Луне.
Пока в Храме Солнца танцуют боги,
Наши дороги
Ведут золотыми садами
По снежным эфирам,
По горным тропам
Отечества
Куапак Ньян.
Пусть крепости стен заоблачных
Старой вершины горы
Хранят духов предков,

И кипу несут
Благую молву вождей,
Пусть дар благородный
Возносится к солнцестоянию,
Когда Мать-Земля
Питает наши следы
В садах и долинах Анд,
Под небом хищного Кондора.

Степь. Чешуей заката

Чешуей заката
Вымажу глаза,
Степью неопрятной
Тропы подвяжу,
Звезды разбавляют
Неба паранджу,
Где среди них пробьешься
Ты, моя звезда?

Серая дорога
Бороздит змеей,
В дьявола иль бога
Обратится мать,
Тишина рассудит,
Верить, не соврать,
Черная тревога
Да в степной покой.

Первенцем лучистым
Пробужусь в заре,
Захлебну пречистого
Жемчуга росы,
Дальняя дорога
Солнцем моросит,
Солнечным ожогом
Бродит степь во мне.

Костры ночного Диониса (Марина, посмотри на ночь)

Марина, посмотри на тишь,
Что свесила с карниза крылья,
И словно стаей голубиной
Звезд серебро бросает с крыш.
Пойдем гулять в ночную сласть
Неутомимой тенью ветра,
В руках сжимая свечи лета,
И осени златую масть
На сердце грея, как голубку.
Марина, посмотри на ночь,

Что вдохновенна, что не прочь
Принять в свои объятия чутким
Дыханьем неба тишину,
Сокрыть под проповедью темной
Взор грез, луною опаленный,
Марина, ночь найди мою.
Разбейся в ее звезд капризы,
Они расскажут больше слова
На что душевной мглой готовы
Костры ночного Диониса.

Моне и лилии на воде

Забери меня в край белых лилий,
Отрави меня колером мела,
На молочной траве в коме синей,
Паутиной снежного плена
Расскажи мне о бледных приливах
На озерах, заросших светом,
Забери меня в край белых лилий,
В отражениях малахита
Да навьюченных облачных ветров.

Попробуй молочную грусть

Укутай мой слух
прозрачной свирелью воды,
Разлей в кратер полдня
кувшин солнечного вина,
Забудь дальний свет,
откройся с другой стороны,
Что знает о нас больше слов,
да приходит сама.

Смирись безысходностью неба
в синеющем пульсе,
Попробуй молочную грусть
облачной бездны,
Забудь не покой
и страх, что придется вернуться
К словам без конца и начала,
к молчанию сердца.

Кочевая закваска. Охотники, кочевники и воины

Култ хищника на варварских клинках
(О, коим страх не страх)
Вспорол Европу.

Наездника степного
Отведала развратная тоска
Империи, что на семи холмах.

Ты, Пантеон, сложи великолепье
Перед восточным зверем,
Что зачат, был Волком-демиургом
В лоне степи.

Ты дичь всего лишь гуннам и аварам,
Монголам, тюркам и другим дитя
Небесного родителя,
Шаманам,
Властителям свободной стаи ветров.

Так пусть свистают стрелы
Сменой резвой,
И Мать-сыра земля несет коня
По степи огнеспелой.

Я кофейной смолой гримирую рассвет

Я кофейной смолой гримирую рассвет,
Я пластическим нервом улыбку сошью,
За кормой новый день растянулся в ответ,
Я уже на подходе, я снова спешу
В твои сети дорог, в переплет твоих глаз,
На заброшенный берег наскучивших рифм,
Многоточьем имен, перекличками фраз,
Оставляя слова на форматах пустых.
Веретеном движения осени
Вязкое сердце стучит по мозгам,
Жжем фонарей обмякшие гроздья
Во взгляде тумана, дыша по слогам.
Я кофейной ночи притупляю глоток,
Этой ночью я умер, я сном принял бой,
Но миксер небес взбивает желток
Настырного солнца, значит снова живой?

Пьяное просветление

“Сдерем шкуру с солнца, рухнем в сон”
Курт Кобейн

Пьяное просветление
На хмельную вотчину,
Ты мое спасение,
Ты моя обочина.

Разливай по вечеру,
Да гуди по утречку,

Мы с тобой полечимся,
Пустим все на дурочку,

Пьяное просветление,
Где твои пророчества?
Где твое спасение?
Съело одиночество.

Дозою заправскою
Охмурили полчища,
Не пойду в отказную,
Век надежд просрочил я.

Зелие поганое
Проливай цистернами,
Начали забавами,
Кончились похмелием.

Блудница

Спутница легкого помысла,
Тело змеи вобравшая,
С моих глаз прорисована,
В этой ночи не спящей.

Кажешься настоящей,
Страстью пылкой и нежной,
Только в задор горящий
Вкралась давно небрежность.

Тысячи рук постылых
В твоих уладах стерлись,
Ты их еще не простила,
Они опять распростерлись.

Свалка из лиц

Свалка из лиц
В мусорной яме
Телеэфира,
Катится вниз
С обрыва
Лира последних певцов
Достойного радости.
Застойное
Желе
Из хохмачей
И бочек пороха
Сердце жует,
Пожелтевшее от налета.

В сумрак ночей
Обращается взором,
Да звезд не ведать
Ни на йоту,
Где вы, полеты
Мыслей заздравных,
Виснут на дамах
В бикини и без,
Протест,
Или голая правда,
Складно,
На вес золота,
Зелено.
Прямым эфиром
По миру
Сплетней несется
Довольство бессмыслия,
Нравится,
Все под копиру,
Нравится,
Все продается,
Да не все покупается.

Другие контрасты, та же печаль

Другие контрасты,
та же печаль.

Быть может, забудем,
но
свежее на поверку
опять уже где-то пройденное.

Хлопай дверью.
Беги.

Память рассудит,
время поймет.

Прости за любовь.
Прощай.

В сердце сквозняк.
Свобода?
Или плач одиночества.
Кто разберет
на руинах
страсти.

Пределы прочности
нашего счастья

лопнули
одночасьем,
скорой разлукой осев
в стихах.

Поблагодари зарю

Поблагодари
Зарю,
За то,
Что у тебя есть
День сегодняшней,
В причинно-следственных
Узах
Найдешь
Однажды ты
Единственно
Правильный
Выбор.

Ночь хороша
И без сна,
Если есть время
Выпить вина,
А сердце умыть росой
Молитвы.

Быть здесь или не быть,
Уже не вопрос,
Ответ
На языке,
Как песня повис.

Проветрить степью
Сухарь гортани,
В воздух
Оркестры
Горных ручьев.

В рассветной
Плазме зарниц,
На которые
Ты уповал
Благодарностью,
Пусть не застанет
Тебя врасплох
Вера, надежда, любовь.

***** (кто ценит не потерей)**

Кто ценит не потерей,
Тот от рожденья сыт,
Кто верит, лишь на вере,
Богат на перемены,
Кто в доброте побит,
И пошлостью отмерен,
Печален,
Но наверно,
Судьбою не забыт.

Собери мою боль

Собери мою боль,
Да разлей по чашам сочувствия,
Вырви нервы мои,
Я устал,
Потушили свечу мою
Эти гиблые дни,
Эти серые тучи затмения,
Я один на один.
Где ты, друг мой?
Растаял мгновением.
Собери мою боль,
Да развей по полю бескрайнему,
Сожги сердце мое,
Я узнал,
Впереди расставание.

Бродяги

Погребенные в подворотне
Грязью,
Желтозубые, пьяные,
Потные,
Вязнут на трубах
В лохмотьях драных,
Не видя завтрашнего дня.
Вот они,
Переставшие плакать о боли,
Толпа конченная,
Кто услышит ее бред?
А за глазами, смоченными
Едкой слюной алкоголя,
До плахи
Чья-то судьба,
Все же судьба,
Да привет
Со дна
Страха.

Вера команданте

Команданте, к оружию,
На мушке революционного вещания
Сердце мира.
К мишеням слуха
Словом горящим,
Глазами отчаянными,
Верую духа.
Команданте, Гавана уже готова
В знаменах пылать
Партизанской милей.
К оружию веры
Горящим словом.

Ты гнешь свой предел
К боливийской могиле,
Но смертью гремишь,
Свободы, свободы!
Для тех и не тех,
Своих и чужих,
Прописанный мифом
Кровавого пота,
Да порохом сердца
В подпольях сырых.

Зима, зима, распутная метель

*“Ночь без сна –
Петлей на шее,
Я не верю,
Что весна
Обратится в жизнь-голубку,
И из кубка
До красна
Раскаленной выпью неги.
Здесь, лишь плачь
Да горы снега
И душа ревет с креста”
Автор*

Зима, зима, распутная метель,
Трещит по коже инея щетина,
Снег хлопком придавил морщины
Земли.
И льдом под акварель
Загладила в серебряные воды
Дорога босоногая свой шлейф.
Ей ласково студеный ветер дрейф
Дарил
И завещал холодный,

Бездушный блеск
Сведенной мышцы солнца.
А тишина сменяла тишину,
Как на погосте.
Тяжестью ко дну
Что-то ушло, то, что еще вернется.

Вольнопашец

Вдохновенные равнины
Лугового половодья,
Да пшеничного застолья –
Ненасытный пир души.

Злаки, солнцем налитые,
Васильковы перезвон,
Хлебосольный чернозем,
И по ветру не души.

Сокрытое в лунной осени

В моей крови обнаружили
Музыку южных морей,
Мое дыханье прижилось
Ментолом северных сосен,
И если ты спросишь,
Куда течет жизнь,
Смотри не разлей
Соленого сердца прибой,
Да речную слезу моих глаз.
И звездная россыпь
Заломит тоску
Движением сфер,
Я помню надежду,
Я знаю о чем говорить в эту ночь,
За тысячу лет
Ледяного молчанья
С тобой тот же свет,
В твоих волосах серебрится
Лунная осень.

Дрожащая мантра

Скандалит поздняя нагота
Осеннего настроения,
Ноябрь ликер разливает тоской,
И наше спасение
Ждет нас не там,
Где мы оказались с тобой.

Заучены песни до дыр
Ветров судорожных,
Вечер склоняется тьмой,
Кисель фонарей,
Затянутый стужей
В лед,
Освещает немой
Уличных пастбищ размах.

Срывается голос осколком надежды,
Виноградным сердцем Вакха
В груди
Качаем вино по сосудам нежным,
Одежды, одежды, больше одежды,
Дрожащая мантра бледной зари.

Во мне твой свет

В этих глазах я когда-то нашел

Оправдание хрупкому миру,

Они так полнятся в небесный хрусталь,

Что мир не мог стать другим.

К этим губам я когда-то пришел

Изобильем заснеженной мили,

Но выпив их солнца, отбросил вуаль

С прекрасного сердца весны.

Иррациональное Дао

Тень Лао-Цзы
Спит на холмах
Волости Ли.
Легендой о “старом младенце”,
Сыне “нефритовой девы”,
Разносится лютня воды.
Дракон Поднебесной
Слушает сердцем
Песнь надеяния
О воплощении Дао.

Дао, что обличает
Себя в эфирных словах,

Не есть неизменное Дао,
Имя, что может осесть
На легковесных устах,
Не есть непрерывное имя.
Поэтому, тот, кто волен над страстью,
Тот знает великую суть,
Поэтому, тот, кто в жажде бессилён,
Лишь носит конечного пульс.
Дверь ко всему феерическому
Есть перевод глубочайшего
Из одного в другое.

Осознание линии холода

Не уходи, не превращайся в плач
Дождей свинцовых,
Не забывай, затмение глаз не прячь
В глубокой ночи.
Под сердцем призрак ждёт восстанья
Памяти бессонной,
Я это небо снова пролистаю,
Чтоб найти твой почерк.

Лишь сохрани, лишь удержи по ветру
Озябшее тепло,
Лишь иногда луной туманной бреди
В сторону мою –
Слепая сторона.
Мы ещё встретимся, пророчит боль,
Я знаю сто,
Сто шансов на любовь,
Пока не позабудем.
А значит, не забудем никогда.

Возбуждение невесомости

В атмосферных фронтах ароматом сирени
Облака шерстяные полощут весну,
Собирает вода фильтром медной капли
Чёрный снег, его горечь слизну.

Мандариновым солнцем впивается день,
И растёт теплокровная ночь
Воздыханием звезд в медоустрастный катрен,
Ты плывешь, я тоже не прочь.

Ты паришь ожиданием теплых молитв,
Прививая закат и рассвет,
Твое хрупкое сердце весной болит,
В нем жар моря, я тоже согрет.

Небесный лед

Скучает зимы седина
В голодном до зелени смоге,
Стирая на сердце дороги,
И ночь поднимая со дна.
Мы грезим остатками солнца
В расколах небесного льда,
Застыли в глазах зеркала
Его тишины,
И смеется
Унылая вьюга в груди.
Под снегом задушено слово
Псалмов огнегривых,
И кома
Сползает в дыханье любви.

Сливки теплого вечера

Сливки теплого вечера
Собираются в сгусток любви.
Ты пьяна безнадежно желанием,
И вслед за тобою беспечная
Луна проплывает вдали,
Вдали, где я жду у костра
Твоих обожженных губ,
Твоих безудержных глаз.
Сливки теплых минут
Собирает в сердце весна.

Монблан

Раскрепощенная лазурь
Встает над белизной альпийской,
Предел французский, итальянский
Рубеж.

В гранит лилейных бурь
Слились горбатые утесы,
В зеленых заголовках леса
Звенит речная поэтесса,
И солнце нежится в плену
Изгибов волн и спин заснеженных.

Внизу
Ползет туман меловым соком,
И сон молчанием глубоким
Разносит шапки облаков,

Пока душа таит любовь
В тени скалистого порога.

И только смиренная флейта

В полночную медитацию
Спускается тьмы водопад.

На плечи ложится стагнацией
Межзвездный эфирный заряд,
Взрывающий стылое небо.

И тысячи жалящих искр,
Клюют непроглядное тело,
Змеясь в горизонта карниз.

Запачканный лунным лаком,
Замешан в смуглый фантом.

Впиваются в ноздри маки,
Сбивает сумбурностью сон.

И только смиренная флейта
Какой-то далекой веры
Молчит звездой неприметной
В созвездии черных мистерий.

Аффективная психоделика воды

В намыленной овчине облаков
Спешу дождями накормить пустыню глаз,
И засуху прокуренного горла.

Придавит улицы раскисших луж атлас,
Блеснет души стальное отраженье,
И нам привидится дыхание покоя
В руках любимой.

Серебром движенья
Мы откровенье уместим дождливых фраз,
Мы донесем алмазное брожение
К подножию уставших и немых,
Пусть хоть на миг
Вдохнут живого слова.

И в ожерельях
Порванных небес
Водой накатит вздох,
Вам будут веры и надежды подношенья
Из уст того, кто сердце в вас обжег.

Пейзажные зарисовки дхвани*

В купальне рябиновых зорь,
В фиолетовой снежной вечерне
Обнаженной зимы,
Ветер-вор
Поливал тишину,
И одежды
Обрывал с озябшего неба,
Унося облака в дальний стан.

Хлопком туман вышивает
На озере Пхеватал,
В прозрачную гладь
Отражением
Падает горный аврал.
Сведение
Неба и тверди подлунной
В пространстве безвременья.

В Долине смерти
На дьявольском поле,
Песчаные дюны ласкает
Лунная ночь.
Безжизненным морем
Смотрит сухая
Природа
В глаза подсвеченной тьмы.

* **дхвани** - санскр., буквально — отзвук.

Зодиакальный свет в вечернем благовесте

Зодиакальный свет в вечернем благовесте
Свалился на зениты куполов
Смиренной легкостью.

За колокольным треском
Приспущен нежный воздух
В разгуляй.

На ниве жара полевых духов
Прохлада хлещет умиротворенья,
И свечи лета раздувают искровую
Лилейных звезд.

Господь глядит устало
На вдохновение
Громады атмосферной,
Обернутой медовыми псалмами.

Ромашковым отваром облаков

Ромашковым отваром облаков,
Да сахарно-малиновой зарей,
Обжег глаза.

Стою в незрячей неге,
И это все любовь,
И это все со мной,
Прозрело в слепоту.

Связал
Огонь дорожный
Звезду
Плодоносящую Софии.

И хмелем чистым вызревает
Гармония
Обугленных полей,
В карминных минералах зорь,
В закатах вешних.

Прибуди моей,
Пройди сквозь узел сердца
Охватом гор.

Я уже знаю
Сто дорог в надежду.

Находящая Адониса

Ты любила собирать цветы
И дышать вечерним вдохновеньем,
Ты носила светлое стесненье
За улыбкой солнечной весны.
Мистицизмом уличала взмах
Встречных ветров
Да берез молочных,
Ты любила собирать цветочный
Аромат весны.
И на губах
Оставляя органику ручьев,
Хороводы расплетать лесные,
Под белесо-облачной пушниной

Ты сводилась в светотень цветов.

Лица багрянец жжет истерикой метель

Лица багрянец жжет истерикой метель
И падает под ноги лужей вязкой,
Такой ноябрь, так осени развязка
Сошлась в тумане мрачных фонарей.
Течет толпа, исполненная спешки,
Машины роем оплевали перекрестки,
Взъерошенный зефир рвет под одеждой кости,
Глаза в асфальт и дрожью неизбежно
Струится гнев простуженных эмоций
На эту слякоть непогоды сердца.
Такой ноябрь, так осенью пригрелся
Дождливый шторм метелицы раскосой.

Гимны вольных хлебов

Хрустальный бокал солнечной браги
До дна, до дна!
Хмель золотой да синяя влага
Небес видна
В полдне цветущем,
Тянет дорога
За горизонт,
Ветрам послушны,
Ходим под богом,
Всяк без забот.

Мир расплескал вселенские краски,
Косим любовь
Верой и правдой,
Пока не погаснут
Пьяные звезды вольных хлебов.

Вольного хлеба свободная житница
В скуку войной,
Вечное небо лихом кружится
Над головой.

Восхождение Ницше

Декабрь пылает льдом созвездий,
Демоническое свечение холода,
На столе бумага, чернила
И острое лезвие
Мысли, вином одиночества
Раскованной.

Со стены глядит призраком Босха
Искушение святого Антония,
Застывшая поза
Внутреннего созерцания,
Средь апокалипсического поноса.

Поэзия звезд прилипает к горлу
Хриплой струной,
Адским нервом.
Ночь впивается в кровь
Гремит железной тьмой,
Познает свою иррациональную Волю.

Декабрь наливается свинцом
Голографических лун
В лабиринтах зеркальных объятий,
На столе музыка хриплых струн,
Да острое лезвие
Мысли, распятой в своем восприятии.

Лига неприкаянных

У святой воды
Бьет ключом елей,
Да живет любовь
Меж оливковых рощ,
У моей беды
Сотни сыновей,
Да один приют
Темноброва ночь.

На далеком дне
Жемчуг, серебро.
На седых волнах
Месяц золотой,
А в моем окне
Неумытый двор,
Да костров угли
На траве густой.

У святой воды
Благородный свет,
Ветер шелковый,
В мед заправленный,
У моей орды
Степи да рассвет
Во туман слепой,
Окровавленный.

Затмение пополам

Стотонной любви багаж
Переплетаю сердечными жилами,
Пусть ночь водой сливает шабаш
В глаза непогрешимости.
Я раскурю дремучие сны
Приправой безумств безбожных,
Пусть женственность хлещет ручьями весны
В объятия неосторожные.
Взирают алчно стыдом закованные
В бесстыжее зелье уст твоих,
Любви багаж потрошу стотонный,
Имею право,
Чувствую.

На ладонях снег

На ладонях снег,
Как век
Неспокойный, маетный,
Все глядится в бег,
Брег
Теряет,
Горизонты путает,
Да аукает
В холод.
Словно снег
Суетный,
Рисуемый
Вьюгой
Да другом
Северным,
Ветром отбеленным,
Ветром хлестким.
На ладонях блестки,
Как известка
Душ потерянных,
Неуверенных
В боге,
В себе,
В любви,
В беде
Промокших,
Прошлым
Отброшенных,
Будущим
Невозможных.
Так и мающихся,
Как снег на ладонях
Тающий

В агонии,
В надежде не подающей.
А за ними дом,
Днем с огнем
Не сыщут,
Не выщупают
Его окон,
Блоков,
Соков
Сладких
Безмятежности.
Просят нежности
Жесткостью,
Не пространства
А плоскости,
Не любви,
А тщеславия.
Слабая,
Слабая вертикаль
Срублена
Под корень,
Под век.
В небе море,
А на ладонях снег.

Нефритовое море

Нефритовый залив
Сосновых изваяний
Элегией свежести в бронхах сквозит,
Умоемся хвойной тоской
В прохладную тень.
Кифарою Феб лучезарный
Наполнит вакуум лесной,
Сойдя в окружении нимф
В последних богов полдень.
Небес царственных лень
Опустит сапфировым свитком
На дольную пашню весну.
Из пены морской Афродита
Опять возвестит красоту,
И плодоносящую волю
Воды в нефритовом море.

Блеф осенней души (Аморфное насыщение)

Отбросить все и жить, не зная горя,
Блаженной поступью слепца,
Без поиска, без жажды своеволя,
Не видя жизнь, не ведая конца.

Склонять глаголы чужеродных истин,
Не биться в кровь об опыта шипы,
Не покорять, а ползать низко-низко,
Чтоб не открыться страхом высоты.

Больные дни лечить железной негой,
Скулить друзьям о происках в сердцах,
И запрягать скрипучую телегу
В петлю “как всех”, достойных на местах.

Отбросить все и разложиться тенью
По улицам конвейерным в балласт.
Кому ты врешь, то блеф души осенней,
Не больше и не меньше в этот час.

Сиддхартха, познающий собственную смерть

Сиддхартха сидит под банановым деревом
В тени несовершенного мира,
В огне четырех благородных истин.
Сиддхартха сносит аскезой умеренность,
Сиддхартха царским покоем призван,
Но только желание близко,
Но только правда брахманов крива,
Но только страдание вечным капризом
Сердце вселенной скрывает под пылью.
Сиддхартха ищет самоубийства,
Самоубийства Я.

Импровизация на фоне дождя

Импровизация на фоне дождя.
Танцоры-блики,
Гусли-всплески,
Хрустальной подвеской
Струны воды,
Как свист соловья
В духе промокшем.
Живая вода.
Больше, больше!
Дышать, дышать
Травянистой бодростью ветра,
Змеей земля,
Метки,
Следы,
И плывущая в небо душа.

Нежность моя, о тебе лишь радуется

Нежность моя, о тебе лишь радуется,
Имя мое, лишь тобою озвучено,
Магия цифр сошлась в многозначии,
Когда тобою обрел свою участь.

Кто же ты, алая прелесть рассвета,
Что на губах твоих солнцем раним?
Кто же ты, легкое облако лета,
Что просочилось дыханьем твоим.

Слабость моя – медитация ласкою,
Воля моя, лишь тобою приручена.
Кто же ты, милая, сладкая, ясная
Песня моя в искренний случай?

Узнай меня лучше

Я река – текучее и неизменное,
Я небо – необъятное и созерцаемое,
Идти и идти, не оборачиваясь, не вглядываясь,
Мгновением
Оттачивать намерение и познание,
Вот моя первая и последняя благородная истина,
Вот мое извечное правило.
Чтобы тебе было проще, назови меня мистиком,
Но чтобы быть проще, ты должен знать главное,
А главное в том, что я, лишь одна видимость
В твоём восприятии, в конструкциях мысли и опыта.
Поэтому между нами не может быть близости,
И я говорю, я река безбрежная и полноводная,
Поэтому я говорю, я небо бескрайнее и неприступное.
Узнай меня лучше, но я для тебя всегда
Другой и другое, чем в истинном свете звезда
Моего восхождения к миру святого безумия.

Перекрытый в закатной пыли

Перекрытый в закатной пыли,
Поседевший сумраком вечерним,
Рассыпался солнечным печеньем
В горизонта лед.
Свечой застыли
Твои грезы и томленья света,
Мой собрат, зарею опаленный,
Перезвоном пепельного ветра
Зачарованный и сладко упоенный.
Перекрытый красным следом неба,
Покоренный тишиной раздутой,
Рассыпался в поле теплым хлебом,

В хмель златой тропой переобутый.

К Винсенту

Плавает,
мечется,
беснуется,
жжет,
бредит
и падает
откровением красок,
дрожью
безразмерного
одиначества,
элегантным капризом,
пламенное,
драматическое,
протестующее,
болезненно-напряженное,
порывистое,
в контрастах цвета,
в свободной динамике,
творчество
сына пастора,
художника,
смертельно раненного из револьвера
душевного кризиса.

Последний огонь

*“Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!”
А.Башлачев*

Господи, объясни мне
В какой стороне безумец,

Что видел Тебя.
На севере или на юге,
В дорожной грязи
Или с улиц
Он смотрит на мир.
Я слышал крик соловья,
И он говорил о простуде
Не веривших в Свет.
Но в бледных пещерах могил
Еще сохранилась память
О тех, кто Тебя
Знал сердцем безгрешным,
И робкой печалью просил
О нас безутешных.
Господи, расскажи мне
В какой стороне мне плавать,
Чтоб пить из Тебя.

Режь по живому

Я творю в своем пространстве,
Грязной лапою не лезь,
Не учи меня, засранца,
Стилю, ритму, строю мест.
На искусанной картине
Кожи матушки-души
Швами штопал я малину
Дыр кровавых, ты не рви
Этой нити свежий воздух,
Серебро моей страды,
Не в надел мне чей-то посох,
Я склоню горб у беды,
Окунусь в ее засолы
Да раскинуся петлей,
Я творю своим простором,
Нервным словом холостой,
Пьяный, вольный да не в блеске
Позолоченных судей,
Пусть кривится слух до треска,
Мне, убогому, елей
Сладострастных песнопений -
Сто мозолей в лоб да в бок,
Безмятежное паденье
Все честней, чем стадный столб.
Я творю в своем бараке,
Заходи, вино сдавай,
Мне рецензии собаки
Отписали в дружный лай.
Обещали тут бессмертья
Стоны классиков, гляжу,
А ко мне приплыли черти,

К черту, бесы, согрешу.

Янтарно-лазурный Христос

Желтые шапки церквей
Расцелует синяя сдоба,
Хрупкого взора сень
Заломит сердечной тоской,
Неба шаткая хата
В сердце выплеснет Бога,
Да на крестах развесит
Ветров свинцовых покой.
Молитвы дряхлых костей
Учуют колодцев ноздри,
Святою водой постель
Калека-душа заправит,
Желтые шапки церквей
Расстреляют синие грозы
Обнаженного неба Христа.
Дай мне, Боже, сил не ослепнуть.

Летопеснь

Печкою румяной солнышка
Выходило утро в полюшко,
Мошкарою облака туманил
Летнего запоя боженька.
Горемыки ветры красились,
Забулдыги тропы маялись,
Под рубахой синею, штопаной,
Сердце колокольчиком сваталось
За отраду реченьку полную,
За траву, распущену золотом,
Собирались песни цветочные
На щеках ручьями медовыми.
Свечкою румяной солнышка
Выходила душенька в полюшко,
Сеяла под кожей ветерком
Летнего запоя кровушку.

Накрахмаленные мальчики, обезвоженные девочки

Накрахмаленные мальчики сидят за столом,
Обезвоженные девочки любовь продают,
Душа пряника ждет, да наелась золой,
Подворотней срыгнула в чумазый приют.
А на светлой иконе поют небеса,
Вспоминаем о них не с чиста, а с греха,
Потому-то, наверно, разбили Христа

На свое - не свое, где вода, где уха.
Озверевшей шпаной набиваем бока,
Звонарем оружейным несем мир войной,
Сердце просит, да косит, да льется в стакан,
Пусть напьется печалью осенний собор.
Накрахмаленные мальчишки жуют, не живут,
Обезвоженные девочки любят, не любят,
А на светлой иконе молитвы поют
Небеса, проглотившие жадную пулю.
Не скупился Господь, раздавал по любви,
Принимали в уста, возвращали в клозет,
Но не плачь о себе, от себя не беги,
Где-то там завалялся непрошенный свет.

Не порвешь струны, не сыграешь

Синий лед небесами продавишь,
Флейтой сиплой высосешь дождь,
Не порвешь струны - не сыграешь,
Не охрипнешь душой - не споешь.

Солнце пухом багряным застелишь,
В слово ясное ночью смолчишь,
Не полюбишь с болью – не встретишь,
Не найдешь от греха – не простишь.

Синий лед барабанит по крыше,
Флейту ржавой водою напоишь,
Горло в плачь не сорвешь – не задышишь,
Сердце в прах не спечешь – не откроешь.

Белоснежное имя

Всякому дереву свой плод,
Но я выбираю тебя,
Всякой звезде свой свет,
Но я выбираю тебя.
Я буду верить в любовь,
Даже если любовь умрет,
Я буду греться о черные угли,
Даже если не будет огня.
И память сердца – священная мать,
Обратит мое время вспять,
Обратит мою душу в пульс,
Ведь я выбираю тебя,
Твое белоснежное имя,
Я в шепот его вернусь,
Я в крике его звеня
Обрушу колокол синий
Небес к пыльным ногам,

Они, небеса, еще не забыли
Твое белоснежное имя,
Твое белоснежное имя
Да твой разрушенный храм.

Эх, душа березовая

Эх, душа березовая
Да сердце рябиновое,
Как же вам непросто
Преть болотной тиною.
Кудри золоченые
Солнца расписного
В хмурь ночи вколочены,
Скручены золою.
Молодость бесстрашная
Съежилась морщинами,
Под венец опавшая
У глухой могилы.
Эх, душа березовая
Да сердце рябиновое,
Очи наши слезные
Насадить б на вилы,
Да прозренье чуткое
Мается за смуту,
Верует и чувствует,
Карты гнили путая.
Распишусь озерною
Синевою взгляда,
Эх, душа зазорная,
Что ж ты, тварь, не рада.

Дай мне огня, развяжи мне руки

Дай мне огня,
Развяжи мне руки,
В моих жилах пророчит любовь,
В моем горле застывшие звуки
Стихов
Резьбой впиваются в тело разлуки,
В вечную память о временах
Солнечных роз и поющих молитв.
И если болит, значит живо,
И если по жилам
Имя твое
Бьется в агонии,
Только скажи огню,
Только порви веревки,
Я сгорю,
Я разброшу объятья

На тысячи миль
За твоей одинокой крылатой заботой.
Дай мне огня
Свободных ладоней,
Дай мне право
Любить.

Красота ты моя нагая

Красота ты моя нагая,
Необузданная, неприрученная,
Изумрудная гладь степная
Да небесная синь дремучая.

Пелена ты моя непроглядная,
Раскудрявая, беспризорная,
Шелкопрядом лесов обрядная
Да полей янтарем раздольная.

Старина ты моя исконная,
Драгоценная, заповедная,
Песнь речная, блудная, вздорная
Да душа свежим ветром пленная.

Красота ты моя нагая,
Неприметная, позабытая,
Опьяненная гладь степная,
Под лазурью небес сокрытая.

Ночной певец

Догорает вечер,
Лунный камень брошен
В пустоту вселенной.
Черный дым излечит
Жар дневной палитры.
Спустится по венам
Тусклым серебром
Звездная молитва
Да зальется ветром
Таинство ночи.
Лишь глаза поэзии
Режет вдохновеньем,
Обрывая мрак,
Бродит ходом крестным
Зарево души,
Ищет в тенях знак,
Знак благословенья
На строку больную
Певчего в любовь,

Там в крошечной темени
Солнцем разрисует
Прорубь тишины
Друг крылатой девы.

Истина огня

Я знаю тысячи фраз,
Но все они пусты перед молчаньем глаз ребенка,
Я знаю тысячи песен,
Но все они молчат перед дыханьем океана.
Когда для нас
Закрываются двери всех дорог, я знаю тонкий
Путь воскресный
В молитве гор под небом звезды ранней.
Я знаю меру,
Что отмерит золото и шелк,
Но не измерить ей
Сердце, влюбленных безоглядно.
И я робею
Когда бьет в лицо закатный смог,
И я поверю
Только этой истине огня.

Давай разведем теплым медом

Давай разведем теплым медом
Настойку холодной зимы,
Давай укутаем руки в огонь
Поэзией памяти летнего сада,
Сбежим от раздавленной, мертвой природы
Простуды луны,
Пойдем на поклон
К горячему сердцу любви.
В ночном шоколаде
Растопим звездный коктейль
Да выпьем искрящую жизнь
Глазами святого безумья.
Поверь,
Тем, кто познал лучистое в сердце
Небо само прорисует
Тепло акварели на вышивке льда,
Тона сокровенных цветов
Преступной солнечной мессой.

Беспокойное время стихов

Беспокойное время стихов
Все сочтется влагою стужи,

Уходи, не томи за любовь,
За душевные ребра наружу.
Исписался я в клочья, устал
Исповедовать сопли бумаге,
Греть холодные дни у костра
Из поленьев души-бедолаги.
Мне на лоб прилепился туман
И в глаза изливается ладом,
Я рябиновым соком плевал,
Я спивался черёмушным ядом.
Как умел разгребал пустоту
И в живое закатывал вежды,
Я верстал за верстою версту,
Чтоб плескать по стаканам надежду.
Но напился, наелся, простыл,
Опротивел, забился под маты,
С языка осыпается пыль,
Да гортань распухает под ватой.
Я сижу на приеме в любовь
Перед богом в больничном халате,
Беспокойное время стихов
На меня одного ее хватит.
Ты живи у других сторожей,
Не серчай, забегай выпить чаю,
Да стекай маслом солнца с ножей,
Что меня рубцевали, прощаю.

Я – волк

Сапогом втоптали в снег,
Черный снег, кровью выжженный,
Жуй студеное, перемалывай
Глоткой сдавленной.
Я униженный
Травлей подлюю,
Спину гнуть под облавою
Не привыкший,
Воем ярым
Взвею к лесу духом гордым.
Я свободный, что ж ты жмешь,
Что ж ты скалишься,
Человечья шкура пыльная,
Сети я твои прогрызу душой
Вольных рощ,
Ветров сытых.
Ты останешься
Во сырой земле
Гнилью, плесенью,
Я ж пойду гулять
В кроны дикие,
Хоть скрути меня, я в заламах весь

Вырвусь песнею
На природу-мать,
Многоликим
Духом вольности –
Цепи в ключья.

Вот и ночь взошла,
Окрестила тьмой,
Я сорвался в даль,
Разогрет луной,
Не сдержат тугой
Чередой мой хлеб,
Хлеб дорожных скал,
Родников души
Холод лютой.
Соскочил домой,
Снежной мглой
Ожил,
Нюх лесной задрал,
Да в огонь укутал
Звездных острых жил
Взор серебряный,
Золотом луны
Подпоясанный.
На тропе исходной
Криком раздробил
Стену тишины
Праздный брат лесной,
Снова ветренный,
Льдом обласканный
Да свободный.

Саморожденная вера

¹Будем плотью голодны
Да духом сыты,
Будем слухом бедны
Да сердцем остры.

²Не во всяком найдем утешения,
Но во всем увидим себя.

³Если колени твои слабы,
Преклони их свету
И обретешь силу праведную.

⁴ нельзя веру насадить принуждением,
Нельзя верою обречь насильственно,
Но любовью и милосердием,
Но состраданием и добродетелью
Пусть жительствует она в сердцах людских

По велению добровольности усердной.

⁵Станемся скромны в исповедании своем,
Кротки в доказательности его
Да красноречивы в делах подлинных,
И очевидны в любви истинной.

⁶Прозреем в достоинстве неба
И да усомнимся в мире лукавом,
Чтобы обрести спокойствие на земле
Десницей небесною,
Чтобы в ожидании неба
Созревала надеждою подлунная
В духе горящем, нетленном, совершенном.

⁷Храм солнца твоего
Облеки золотом сердца,
Принимай все сиянием безропотности его
Во имя любви огненной,
Во имя веры истинной,
Во имя надежды примиряющей.

Мама, послушай, твой сын, как дворняга

Мама, послушай, твой сын, как дворняга
Скитается сердцем в помойках того, что вы
Записали мне в жизнь.
Мама, ответь мне, родная,
Где это царство небесное солнца,
В котором выжжены войны.
Мама, ты помнишь мою колыбель,
Мой крик и глаза, словно чистое небо
Да свет у окна,
Что согревал мою тень
И ложился на сердце
Звездной росой.
Мама, я позабыл твои руки,
Я бросился в путь, как бешенный пес,
Знаешь, родная, твоя наука
Лаской любви –
Это все, что нам нужно вернуть
В эту чертову жизнь.

Чувствуйте!

“Не” с глаголом – раздельно.
А если слитно?
Что, пробирает?
Уже слышу негодование отдельных.
Это хорошо

Когда эмоции заряжают
Калибром живым.
Мы им – слитно,
Они нас в “грамотеи”,
Наконец-то вас видно,
Сердца, души вспотели
Чувством!
Ощущением!
А то засели
В пыльные пиджаки.
Просыпайтесь!
Мы дураки
Вас научим дышать
Чистым хмелем.

Черный блокнот (из цикла)

Он страдает,
Потому что видит в человеческом
Только человеческое.
Но ведь должно быть что-то еще?
То, что колышется ветерком
На кончике алого лепестка,
То, что лучом скоротечным
Восхода опалает скол горизонта,
И на уста
Опадает медом и золотом
Поцелуя любимой.
В его горле ком,
Пульс в его висках
Неровен и остер,
Как стальное жало разлуки.
Он страдает,
Потому что видит в людях
Только людское.
Но ведь должно быть что-то еще?
Немое
И в то же время во всеуслышание
Провозглашающее любовь,
Бессмертное небо в глазах
Любящего сердца.

Умри со мной в одной постели,
Я научу тебя любить до капли последнего издыхания,
Я научу тебя быть проще,
Жить, верить,
Верить и жить осознанием
Смертельной любви.
Умри со мной в одной постели,

От дикого просветления
Ночи.

Она подтянута, шикарна, деловита,
Она придумала сказку
Для глупеньких девочек,
Она блистает в свете серой толпы
Безнадежных романтиков,
Она недоступна простой ласке,
Ее тела достойны, лишь патриции,
Ее душа принадлежит, лишь аристократии духа.
А вечером, она плачет,
Она рыдает
Над собственным ледяным панцирем,
Над черствой коркой потребных связей.
Он покупает сама себе цветы,
Оно алчет
Накормить подруг своей сказкой,
Которая с каждым днем превращается
В железный капкан.
Она возвращается к себе
И видит лишь пустоту,
Души мокрое полотенце.
А в окне
Звезды,
Не для нее возбуждают
Палитру сердца.

Опыты бессознательного. На грани (из цикла)

Я преступаю черту,
Я смотрю, что там творится
За горизонтом видимой условности,
Я преломляю небо,
И в глаза льется струя солнечной воды,
Я подношу спичку к зрачку
И взгляд вырывается
Из темноты пещеры лживого Эго
Птицей, легкой, как ветер,
Стрелой, неисповедимой, как Господь.
Я преступаю черту,
Я тону в невесомом восприятии
Нового дня, освещенного неизведанным,
И оттого прекрасным,
Как румяная плоть
Заката.

В моих снах

Тяжелой луной
Опускается сессия ночи,
Я вижу серебряный путь
На густых, черных коврах
Многообразием звездных клякс.
Сочные гроздья свежести
Питают душевное сердце,
Влагодетельное пространство
Омывается нежность
Пустыни дорожной.
Можно кричать
И никто не услышит,
Можно резать вены,
Никто не проснется.
Все ближе
Пропасть ума,
Бездонное свойство вселенной.

Солнце в синих простынях
(Дикая ухмылка света)
Обстрекало спину желтым,
Лучезарным стеблем полдня.
Я изжарен пеплом неба,
Я томим сухим прибором,
И затрещиной дождя
Бредит разум, сбитый с толку.
Плачь, небесной кладовой
Страж хрустальный,
Плачь, скули,
Видишь, воля на мили,
Я сдыхаю от пожара
Трупных ядов городских.

Сделай мне больно
И я напишу тебе о любви,
Я расскажу тебе о молчании
Рожденном в бессилии.
Отрежь кусок прошлого
От мягкой ткани души
И брось его мне в лицо,
Уходя в свободное плаванье,
Но только вначале прочти
Кривые буквы в блокноте моих седин.

А мне захотелось в ключья бумагу

А мне захотелось о тебе написать
без ритма, без рифмы, без слов,

А мне захотелось о тебе написать так,
как не писал не один сумасшедший,
А мне захотелось, чтоб кто-то сказал –
не видит краев,
А мне захотелось нервом тянуть
твою скоротечность.
А мне пружину под сердце загнать,
я б выстрелил сладко,
А мне бы еще одно небо на грудь
взвалить твоей далью,
А мне бы... а впрочем... чего говорить,
слова, как заплатки,
Скрывают стыдливо горячую масть
бумажной вуалью.
А мне захотелось в клочья бумагу,
словам швырнуть ветер,
А мне захотелось ожить для гибели
твоей картечью,
Я знаю... бесспорно... чего говорить,
лишь ближе на метр,
Но все же еще один метр-убийца
в движенье по встречной.

Будь ближе в ночь

Пойдем в дом,
Я разведу огонь,
Я укутаю твои руки
Покрывалом цветущих трав,
Я омою веки росой,
Собранной ранней молитвой,
Я прогоню шум,
Весь, до последнего звука,
Из музыки тишины...
Я буду искать твое сердце
Под сенью звездной палитры,
Что окна объяла блеском
Железного холода ночи...
Я разолью вино,
Мы будем пить безмятежность
Усталых мгновений...
Будь проще... со мной...
Будь ближе... со мной...
Будь нежность...

Сартр открывает сезон

Сартр садится за стол,
Мукой и принуждением,
Клейким лакомством и дурнотой

Интенсивность ложится в текст...
Сартр льет избыток хаоса
В тетрадь напряженной души.
Круиз в откровенность,
Нравственность буржуа
В умелых руках палача,
Дерзость мысли в сознание свободы ...
Разрушительное созидание
В охоте за миром реальности,
В ловле природного опыта
Жизни внутри тела абсурда...
И Сартр садится за стол
Отдельного человека,
Сартр открывает сезон
Отдельного существования.

Добавь в меня лилий

Добавь в меня пробуждение
Чувственных лилий
Поцелуем зари опаленной.
Оставь возлияния ночи,
Раскрой это небо шире
Молитвой проточной
В цвета вдохновенного спектра,
В постель, укрытую влагой
Прибора рассветного.
Мешай кофейную гущу
В глазах наготы первозданной,
Что светом задета.
Я люблю, когда ты хрупка
И ленна в поэзии ранней,
Как южные тени.
Я люблю, когда ты легка
И пьяна цветочным вином
В своем вожделье
Нового дня.

Можно прыгнуть в теплую ночь

Открой глаза,
Бешенный ритм моего сердца
Не даст тебе больше уснуть.
Открой глаза,
Мы под присмотром каменной ночи
Будем плясать голышом в призрачных тенях,
Твои небеса, мои небеса -
Одна бесконечная полоса
С которой свернуть только в бездну.
Хочешь, свернем,

Может, свернем?
Там интересней
Чем здесь
Среди душных окон и одеял...
Околесицей
Скатится разума стойло
К подножью кривых зеркал,
Искаженных мотивов и черт...
Беспробудным прыжком в тебя
Я осыплю глаза вождельнем,
Я сожгу последнее “нет”,
Чтоб тобой разбавить вино,
Чтоб тобой избавить себя
От себя же, как первого бога...
Если открыть окно
Можно прыгнуть в теплую ночь,
Прикурив от звездного дыма,
И сойтись на одном во многом
Я любим и ты любима...
Превозмочь,
Побороть,
Не пытайся,
Ты пойми,
В этом вся ты,
В этом весь я,
В это все мы...
Без грима.

Блюз вечерней звезды

Научи меня ходить по песку,
Не оставляя следов,
Покажи мне, как ходить по песку,
Не оставляя следов,
Мне кажется, ты знаешь
О чем поет вечерний ветер,
Целуя закат.

Расскажи, какого цвета огонь
Твоих вечерних грез,
Нарисуй, какого цвета огонь
Твоих вечерних грез,
Мне кажется, ты знаешь ответ
Кто написал закат
Горячей палитрой.

Отведи меня вслепую туда
Где начинается ночь,
Проводи меня вслепую туда
Где начинается ночь,
Мне кажется, ты знаешь узор

Южного сна,
Расшитого звездным небом.

Псалмы разлитого полдня

Чувствуешь, как пахнет весна,
Как спелые розы в твоих волосах
Запутались лаской ручьев,
Как ненасытна их красота
Простоты гениальной природы
До преклоненья к тебе,
И твоей погоде
Солнечных писем апреля,
Как они верят
Твоим глазам, остывшим в грусти священной...
И весны ощущение
Спускается в твои объятия,
Как оно кстати
К твоей улыбке, пронизанной далью,
Красочной далью сердца...
Знали бы,
Знали бы только руки, нежность твоей любви,
Спасение от пустоты и бегства, запах свободы,
Пламенной вестью
Сгорели б тогда уста,
Что поют о тебе псалмы
Разлитого полдня.

Какие тонкие струны

какое хрупкое равновесие,
какие тонкие струны,
не порвать бы, не оступится...
нет, лучше не думать и отвесно
соскользнуть в межлунье,
без теней, без лиц,
только то, что дано свободой,
осознание любого шага
в любом направлении,
желание полноводного
наполнения сердечной фляги
целебностью нетерпения...
какие призрачные строки,
пылевидные отголоски,
не сдунуть бы острием языка,
единым блоком
выстроенные наброски
не стереть бы штрихом осеннего листа...
какое сладкое обольщение
с горчинкой прошлого,

с примесью нежного настоящего
беспроводного...
не пресыщения,
не пошлости,
только что-то рядом парящее...
и кажется родное...

На золотом нерве

на золотом нерве
колеблется теплая связка чувств,
растворяется день
и ночь прорицает в сонный проем...
все идет чередом,
мыли в ветер сметены,
с неба блеском Венеры
чей-то взгляд,
чья-то тень
рядом незримая,
и я знаю, что это ты,
и я знаю, что это сон
обреченный реальностью...
подбираю хвосты
комет,
и бреду в свою лунную топь...
согревается
сердца ствол,
да души разгоняется сокол...
на золотом нерве
живой полет
безмерного,
я иду мимо твоих окон...

Я прочитаю по знакам

Я прочитаю по знакам
голых ветвей в тревожном волнении,
Здесь обретает весна
второе пришествие твоего ветра –
Холод, что согревает сладким
предчувствием встреч, где все звенья
вновь соберутся от сна
единым куплетом яркого света...

Я разложу по нотам
встречных шагов незримую поступь,
Так приходишь, лишь ты,
обручив звуки лесного шатра...
Жар, что осушает болота,
и в хмель раздирает воздух,

в твоих руках остается святым
прикосновеньем тепла....

Здесь бродят пьяные боги

Добро пожаловать в мою преисподнею.
Здесь бродят пьяные боги,
Здесь сны заплетаются в диком бреду,
И каждый свободный шаг,
Как в пропасть прыжок.
Здесь светится ночь
Огнями далеких миров,
Здесь любовь
Замешана в сладкие грезы,
Здесь розы плюются запахом солнца,
И стонет неистовый ветер души.
Здесь каждый грешит участием неба
И холодом вечной зари.
Смотри и учись,
Как сгорать изнутри,
И снова рождаться в весенних раскатах
Агонии чистой любви...

Вечерний шлейф сползает черным змеем

Вечерний шлейф сползает черным змеем,
В объятья улиц падает свеча
Немой луны, вино в бокале греет
Вакханки шепот, из-под звездного плаща
Глядит устало архитектор неба.
Она бредет по тонкой колее
Своей судьбы, листая дар бесценный –
Ложиться страстью в прах ночных сетей.
Кричит огонь, свистят ветра открытий,
Она сбивает шаг в полночный джаз,
Она скользнет по лезвию событий,
В который раз сгорев, в который раз.
Вечерний шлейф садиться смуглой птицей,
Сласть разбивает ее волосы в янтарь,
Она умрет с рассветом, чтоб присниться
Объятьям улиц, где в тенях справляют бал
Поклонницы горячей вереницы
Лукавых звезд...

Виноградным напитком твоих поцелуев

Наполняя чашу эмоций
виноградным напитком твоих поцелуев,
что пропитаны летним солнцем

и осенним рисунком дождя,
словно собственным сердцем рискуя
на закланье слепых перекрестков,
я вбираю движения дня
многоцветным безумством любви.
Я парю над обыденной версткой
шрифтом злата в страницах огня,
в ожидании трели звездной,
что уронит ночная стезя
в мои сны о тебе...

На склонах горного застолья

На склонах горного застолья,
где пир ведет
змеиное раздолье
речных бравад,
среди косм лесных,
что малахитом режут взгляд свободный
и троп глухих,
сходящихся беспутьем грустным,
там я гулял душой богат
и сердцем нерушим искусным...

Там каждой ветреной пылинкой
любовь дышала,
и лежало
в груди моей чистосердечье,
без диалогов, без наречий,
молчанием небесной бездны,
там собирались воедино
восток и запад, север юг,
там все вокруг
кружилось мирно
воспламеняя ясный дух
крылатой вестью...

На склонах горного застолья,
я был влюблен,
я нес собою
гром многоликого свиданья,
что освещен
орла полетом
на слитых тенях мирозданья,
я даль священных берегов
на горизонтах остроглазых
цеплял за хвост,
теряя фразы,
слова стянув в немой покров,
и забываясь, падал навзничь,
вдыхая мир,

дыша в любовь...

Ветхозаветный Одиссей

Окутанный волнами фимиама,
под звон кимвалов
пробужден звездой он ранней
в расхождении небес,
и златые херувим
дышат ветром огнегривым
в тень его...

Распахни себя

*“Мне нужно живое существо;
чтобы я мог работать, я должен видеть его перед собой...”*
А. Модильяни

Я пришел за тобой...
Открой пошире окно и ветру отдайся...
В легкость волос зачерпни весеннюю дрожь пробужденья нагого...
Я шел за тенью твоей, как по сладкому следу маков,
Собирая лимонный песок в теплоту
И разбрасывая одним словом
То, что сотни речей обнаружить не в силах,
Сокровенную краску жизни...

Триэтерии

Ночь. Декабрь. Тьма сочиться паром.
Стоны, смех и бездна факелов на апогеях гор.
Растерзанным платьем, неистовым ветром
Женская пляска трепещет в конвульсиях.
Сырое мясо капает кровью из уст ненасытных,
Голое чувство безумия, радость экстаза, пламя восторга
В сонме вакханок кружатся.
Мукой и наслаждением беснуется вера
Желанного Диониса

Вождение снега

Свора палящего снега,
Жгучий декабрьский дождь,
Лед синевою по небу,
Солнца простуженный штрих,
Острыми розгами ветра
Бьются тревожные сны.
Дай мне немного любви,
Чтобы согреться в объятиях света

Глаз твоих.
Коснись замерших губ
Жаждой дыхания,
Охвати мою боль,
Мою бессмертную грусть
Сладкой янтарной краской,
Бархатом южного храма.
Сквозь расстояние
Я слышу, как бьется в груди
Нежное пламя,
Я чувствую,
Как с кожи сочится елей,
Я вижу, как рвется наружу
Стон, пробужденный лаской
Твоих обнаженных полей.

Вслушиваясь в тишину

Вслушиваюсь в тишину,
в неуловимое колебание ночного воздуха,
в шепот капель воды из под крана.
Стеклоанным экраном
холод за окнами просится в дом,
и я приму...
Будь моим гостем
посланец свечи ледяных фонарей,
если ты не один, то зови и ветренный говор.
Просим,
в мою тишину призрачным хором,
места хватит на всех у дверей
моего уютного сна,
В дом мой входят без стука
такие, как вы.
Может немного вина,
или чашку крепкого чая?
Ни звука...
Вслушиваюсь в тишину,
в мимолетную тень бытия,
в шепот настенных часов.
Это любовь
безмолвного "Я"
ко всему, что умеет писать
музыку, не в плену
у нотного стана,
а в легкости молодой луны
импровизацией улиц пустых.
Стеклоанным экраном
холод присел на карниз, и вдали
звездами чертит сердца штрих –
еще рано...

Я пропитан железной дорогой

Я пропитан железной дорогой,
Оглушен стуком колес,
Адресован без дома и рода
В неизвестности беглый вопрос.
Незнакомые лица, приметы,
Цепь событий сказочной былью,
Я спешу за полуденным ветром,
Я ночью на станциях пыльных.
И летит, разрывается песней
По оврагам и теням лесным
Мое пьяное воздухом сердце,
Что вдохнуло оторвы-весны.
Позади, остается немного,
Наперед, лишь туманный прибой,
Я пропах железной дорогой,
Километрами рельс за спиной.

Не трави ты меня взглядом пепельным

Не трави ты меня взглядом пепельным,
Расстилая дождями небо,
Не пои ты меня вином летним,
Разбавляя горечь сердечную.
Не ищи ты меня следом,
Мои тропы – прокуренный ветер,
Да осеннее подвенечное
Золотое платье петлею...
Не зови ты меня флейтой тонкою,
Умывая слух теплым вечером,
Не прельщай ты меня бездонного,
Век живи, не постичь все, чем праведна.
Не ищи ты меня беспечного,
Мои тропы – ветра нескладные,
Да осенняя пудра сонная,
Что в ночное сыплет золою...
Отпусти меня соколом скорым,
Что сдирает небесные сети,
Расколдуй меня утром новым,
Что рассвету смиренно поклоню.
Мои тропы – измученный ветер,
Моя осень глухим застольем
Обернулась в слякоть да пепел,
Увязавшись вслед за тобою...
Не трави ты меня взглядом пепельным...

В кашле майских зефиров

В кашле майских зефиров
Собирал урожай дождей,
На простуженной лире
Отыграл партию сна.
Колесницей водных коней
Загонял тоску в путь-дорогу,
Да листал страницы убогих,
Перемытых, пасмурных дней.

Находил и терял в мутных реках
Истечение влаги любви,
Вспоминал откровение света
В оборотах холодной тьмы.
Где ты спишь, мое сочное лето,
Что плодилось медовой зарей,
Что румянило воздух дневной
Теплым шелком сердечного ветра.
Шли дожди...

Гимны Осириса

Первенец Нут и Геба,
Земли и небес,
Тот, что научил людей
Знахарством промышлять,
Взрачивать злаки,
Печь хлеб и готовить вино,
Богов почитать
И обрабатывать золото с медью.

Братоубийством Сета,
Сведенный на смертное ложе,
Поднявшийся в чарах Исиды,
Чтобы зачать светоносного Гора.

Владыка подземного царства,
Почивших судья и хранитель,
Мерило добра и зла
Для душ, алчущих
Райских полей...

Слава тебе,
Божественный отче Осирис!
Надежда на воскресенье
И вечную жизнь...

Сладкой черемухой в чуткость души

Сладкой черемухой
в чуткость души

изливается вдохновенье,
Свежей травой
в шаг проникает дыханье земли,
Я приобщаюсь
мгновению,
в светлый прибой
солнца подвязанному,
Развязанному
на тысячи верст
струнами-кренами
музыки золотой....
А за мной тянется
след сапфировый
в озерах зеркальных,
след каштановый
черноземом справленный,
след соломенный
полем обожженный,
след разбавленный
лесом изумрудным,
И я теряюсь талым
снегом облачным,
Небом скованный
в музыкальность
ветреного слова...
Сладкой черемухой
в остроту сердца
струится пространство
одушевленное,
Бодрой травой
стелется скатерть земли,
Я не ищу,
и меня находит само,
свободное
плаванье летнего зноя,
Заветное место
любви...

С растрепанного неба

смотрит дневное дуло
с растрепанного неба,
ноет пыльное тело
проезжей части,
ловишь мысли, как пули
в раскаленное чрево
мозга...

слабость свисает бороздами
ветвей,
слабость испытых минут

на больных рубежах...

страх
крадется лисицей,
мне все снится
самосуд
и скорей бы
проснуться...

но тут, как тут
дневное жерло
кипит дорожной блудницей
гудков...
изваляли
в пыли любовь...
изваляли душное сердце...

Снежный плач

Коля сердечная,
Снежной тишины
платье подвенечное
под алтарь луны.
Кони белогривые –
звездная метель,
Топь ночи ленивая –
черная капель.
Коля сердечная,
Сонная земля
в пух-мороз просвечена,
Где ж ты весть моя
светлую приметую
молодой зари,
Верю пропетая.
Эх, не говори...

Воля вольничья степная сестрица

“Мой дом везде, где есть небесный свод...”

М.Ю.Лермонтов

А доколе же мне пить этот холод,
Что пророс из земли родниками,
А доколе же искать в сердце повод,
Чтоб коней пришпорить вольными хлебами.
Ой, не ведает душа, ой, не знает,
Не испросишь у студеной водицы,
Отчего такие песни слагает
Воля вольничья степная сестрица.
А доколе же мне биться с нечистой,
Что обила пылью пороги,

А доколе же мне в сердце креститься,
Чтоб испили кони хмеля в дорогу.
Ой, не чует душенька маетная,
Не изведать спросом в молитве,
Отчего ушла скука праведная,
Да связала степь неумытая.

Тень обнаженных проспектов

Город стекает черной смолой
Под ноги призрачных душ
Снующих в проемах проспектов.
Ночь собирает в стаи дворняг.
Ночь расползается кляксами луж –
Дождь очищает от света
Дешевого лоска.
В каждом движении слышится страх,
Страх нарезает лунную дрожь
В выжженный воздух,
Пропитанный потом денег.
Ночью уже не солжешь
В холодной степи одиночества.
На сцене,
Лишь ты и твое отражение
В мертвых витринах,
А у виска
Волчий оскал фонарей.
Город спадает свинцовой периной
В следы у закрытых дверей,
За которыми прячется
Пустота,
За которыми тащится
Снов рутина.

Союз воды и огня

Ниже по течению
Нас ждет хрустальный водопад,
Ближе к горизонту
Нам руку протянет лимонное солнце,
И воздух вечерний
Наполнит своим поцелуем небесный фасад,
Когда ты напомним мне
О союзе воды и огня,
О свете луны в зеркалах бездонных колодцев,
О нервной волне, прожигаящей дрейфом песок,
О том, как пылает весна
В журчащей стихии ручьев,
И зелени сок
Возбуждает пластичные гроздья

Древесных плетей,
И сходит лавиной в сады Афродиты
Спячка снегов.
Когда распахнешь ты мне воздух,
Где ветры полощут любовь
Ненасытного мира.

Возвращение. Иди мелодией Орфея

И свет, который порождает день,
Во мне разлился колокольным звоном,
Волнуя сердца плавный океан,
Когда ты встретила мою ночную тень
В глазах, цветущих хмелем невесомым,
Во взгляде, облачившим в мрамор храм
Моих обветренных, заброшенных дорог.
Я перепрыгнул грань небесных сфер
И обратился облачной душой,
Когда ты полем вышла на порог,
Где пряный воздух в мгле рассвета рдел
И окроплял ночные льды весною,
Исполненной тепла и тишины,
Спокойствия божественного слова.
Я протянул ладонь свою к огню,
Он не обжег, он молвил мне, иди,
Иди мелодией Орфея к солнцу дома
И не оглядывайся больше на луну.

Проникновение июньского неба в созвездие осени

Распусти мне нитью Ариадны
Солнца осеннего луч остывающий,
Расскажи мне истории
Умиравших дней.
Там, на золотых одеялах
Осталась вода
Памятью летних дождей,
В дыхании теплого моря
Жемчуг песков размытый
Догорает на ледяных кострах.
Отпусти импровизацией сердце осеннее
В объятья июньских призраков.
На часах
Начало цветущего, хмелем плененного,
Капризного
Огня зарождения жизни.
Нанизывай летнюю краску
На осенних холстов приметы,
Доверься и я покажу тебе,
Ничто не ушло, не разграблено ветром,

Не сгнуло в паутине вечерних меридианов.
Только одно,
Все, что прошу тебя,
На ласке,
На легкости струн,
Золото собирающих,
Распусти мне нитью Ариадны
Солнца осеннего луч остывающий,
Там будет ждать нас всегда июнь.

Джаз разбитых стекол

Джаз разбитых стекол,
Блюз из-под ножа,
Тени возле окон,
Некуда бежать.
Ночь скрутила руки,
Разметала сны,
Мы цепляем звуки
Тяжестью луны.
Черное эхо симфоний
Угольных небес,
Нас уже не вспомнят,
Нет свободных мест
В зале освещенном
Звездным конфетти,
Мы ночные боги,
Сбитые с пути.
Джаз разбитых стекол,
Блюз из-под рубцов,
Кормят черным соком
Черную любовь.

Пожары июньских окон

Запах яда.

Непослушное тело
Извивается змеем.

Скоро смерть примет тебя,
А пока, спи со своими умелыми
Кошмарами-противоядиями.

Ты дрожишь, как осенняя листва,
Как горячий воздух,
И уже немного немало
Восемь утра.

Собирайся, скоро в путь

За новой дозой
Пронзительной песни летнего солнца.

Не забудь свою драную шляпу,
Укрывающую
От черного взгляда,
Идущих навстречу
С прискорбной мечтой
О вечности
Твоего небытия.

Тяжесть дыхания

Я оставляю свет.

Агония тонких пальцев,
Горящих от нетерпения.

Я собираю бред
По кусочкам внимания
В холод ночного пристанища.

К сожалению
Сны так призрачны,
Как умирающий взгляд
Шамана.

Сегодня
Я говорю иначе,
Чем в тот бордовый вечер,
Зализанный в смуглый закат.

Рана открыта
И бьется ключом.

Опять горячо
На пальцах
Покрытых
Дрожащей сталью струны.

Прими меня в дом забвенья
Под ядовито-желтой луной,
Отраженной в оконных кинопроекторах.

Вектором
Распрямяюсь
В тяжесть дыхания.

Освещение зари родниковой нимфой

Солнце встает,
как джин из бутылки,
вождей и исполнит день
любую прихоть твою,
моя нимфа
кровей родниковых.

Птицы полет,
также прекрасен
своей невесомой эстетикой,
как и твой взгляд,
что шелковой нитью
вьет во мне свет.

Утро воздвигнет
храм
в честь твоего пробужденья
на спинах холмов,
окрасив дымкой змеиные линии
их высоты.

Черпай во всем наслажденье,
переводи в любовь,
ты так ласкова в ее пламенных родах
истины каждого дня.

Смотри на меня,
во мне отраженье
страстной зари,
освященной тобой.

***** (Перебинтуй меня листьями нежными)**

Перебинтуй меня листьями нежными,
Травами свежими
спать уложи.

На ножи
горячего лета
маслом солнечным сброшусь,
чтоб расползтись на сотни лучей,
стекающих в твои глаза.
Где бирюза озер
остывает...

Черная Африка. Сны из залгани

Сны из залгани
(могильник времени
на языке суахили)

Дома из глины и хвороста.
Живой мертвец
у вечерних костров.

Обряды, инициации,
культы духов и демонов.

Пасть гиены, клыки кабана,
рога антилопы, хвост хамелеона,
комбинации мирового хаоса
на судебных церемониях.

Мистические превращения.

Человек-леопард,
заклинатель дождя,
творец
священного огня.

Танцы, маски,
ножи, копья, шкуры животных,
тропический экстаз,
экспрессионистическая оргия,
восхождение
в бездну,
посвящение
в легендарное прошлое.

Пикассо и Матисс в восторге.

Ночь под ломками отрекается

Швы расходятся.
Небо плавится.
Солнце сбрасывает
чешую.
Вином капает
да не кается
поле дикое
по утру.

Ночь под ломками
отрекается,
все плюется талой луной.
Где ты звонкая
песнь разгульная,
сердце мается,
дай-ка бой.

Очи светлые

слизь небесную
расстреляли
да выжгли дола.
Скука бледная,
сука пресная,
порублю тебя в щепь
на дрова.

Я видел в тебе море

Я видел в тебе море.
Сине-зеленое настроение волн,
нанизанное на шлейф горизонта.
Я видел твою душу
в ожерельях песчаного дна,
когда ветров соленый стон,
подпевающий чайкам,
мне голос твой подал.
Я слушал
и ты была
бескрайне прекрасна
в отчаянье
своей стихии.

Расскажи мне о том,
как небо печально,
что, лишь отраженьем своим
ласкает твой волнительный пульс.
И как сном
припадает к тебе луна.
Не томи,
причаль в мою грусть,
давай вместе с тобой погрустим
об утонувших в любви.

Дары Дианы

Ей нравился Бетховен, мне Шопен,
но мы сошлись на Моцарте,
она оставила шарм легкости,
я романтический прилив весны
и солнечные струны.

Ее волосы пахли кедром,
руки жасмином.

Голодной пчелой я собирал пыльцу поцелуев
с ее губ.

Ее молочная обнаженная кожа ловила

шелковый ветер,
иной ли достоин был,
иной ли был к ней хорош.

И небо
проливало самый теплый дождь
к ее ногам.

Мне нравилось любить, ей быть любимой,
но мы сошлись, устам
придав взаимность меда
из улиев Эдема.

Пред ритуальными кострами городского сна

Как Гауди, маэстро форм природных,
Леплю из света летнего июнь
Пред ритуальными кострами городского
сна.

Качает солнечный валун
тяжелый привкус духоты
по магистралям шумным,
И пелена
из лиц
встает перед глазами.

Ноздри, рты
глотают жадно пыль,
спеша насытить легкие полуденным
дыханием забот.

Картина
достойная и Дантевского Ада.
Вечерняя бравада
прохладных закоулков,
лишь оттянет раннего рассвета
окрик гулкий,
что раненную ночь на части рвет.

Когда леплю из света
летнего июнь,
из солнца бурь
выуживая мякоть
руками захлебнувшимися смуглым,
• и, как Дали, подмешивая сны,
• Я не сочту за наглость
• Послать весь этот город блудный,
• стороной,
• И сделаться одним
• из волчьей тени

- в призраке луны.

Танцы у горного озера

Танцы у горного озера.

На холодно-синем стекле воды
огненные поцелуи движений.

Молочно-снежные шапки гор
свисают суровым молчаньем.

Орлы кружатся в кристаллах воздуха,
нарезая следы
петлеобразных теней.

Хищные кошки, настороже,
прячутся в каменном логове.
Тем опаснее пляска людей
и грациознее возбуждение
каждого шага
церемонии посвящения.

Экстаз.

Окончание.

Гаснут костры.

Дым возносится духами
переплавленных чувств.

Тишина обретает законное
право звездным напутствием
страннику.

Ночь отдана охотнику.

Лунная влага
смывает запах присутствия.

Ангелы облачных сфер и звездных атоллов

Не спи, вокруг поют ангелы
седых облаков.

Их музыка прописалась дождем
на материнском инстинкте земли.

Она наполняет собой
обоженную глину усталых
душ,

предавая ей мягкость в любовь.

И ласковым сном

поглощая холодные прочерки
одиночества,
исполняется нужд
обреченных дорог в никуда.

Не спи, вокруг поют ангелы
звезд алмазных.
И одна звезда
всегда твоя.
В свежести стальной ночи
лови блеск ее струн,
цепляясь за ветер
источником
голодного сердца.
И в свете
тусклом
взрывайся огненной паутиной
сверхновой.

Только не спи, когда
вокруг поют ангелы
облачных сфер и звездных атоллов.

Морфием небо твое ползет

Морфием небо твое ползет
сквозь горизонт
моих мыслей.

Туман твой спадает на руки
пшеничной пыльцой.

Ни звука,
ни шороха
в долине вечных любовников
зрелой весны.

Плесни
дождем
по обезвоженным макам
губ,
лицо окропи в сапфиры речные.

В воде,
до самого дна,
знаки,
символы,
словно злаки,
прорастают в мечты
о тебе.

Круг
замкнулся.
Личина
желания обнажена.

Круги на воде. Чувствуя осень

От заостренного взгляда
Круги на воде,
Тревожа натянутую поверхность,
Разносят печаль
Осенних секретов.

Рядом
Стоит омертвевший туман.

По коже
Лед пробегает ветром
И оставляет шрамы.

Хламом
Золота носится лиственный бунт.

К устам
Прилипают непрошенный дождь.

Ты идешь навстречу
Волною ласковой флейты надежды.

И невежда
Ветер
Уступает тебе дорогу.

Прикосновение света,
Это все, что в тебе мне дорого,
Явственно необходимо,
Это все, о чем я прошу.

Я гляжу
На воду,
Я чувствую бога,
Что смотрит нам в спину.

Играя демиурга

Совершенная сладость творческого одухотворения,
как сексуальное возбуждение
проникает химией в паутину нервных узлов
и расщепляется на мед.

Свет пробивается под кожу,
разливаясь спелым вином
и награждая безумием в водовороте сердца.

Несите любовь
и ненависть
на золотых подносах.

В моем
ненасытном голоде
найдется всякому место
под солнцем.

Хочешь, я проведу тебя
по тонкому лезвию наслаждения,
по раскаленной боли
и созерцательной ноте печали.

Смерть и рождения
дня,
тяжесть закатной крови
и свежесть рассветной свечи
обвенчаются
словом.

Из нутра
заточив
фантазии лета,
прелюдии
зимних ласок,
солону осенних духов,
и пляски весны,
лед и пламень
единою ветвью
созидательных красок
упадут
с пера
в осязание слуха.

Нервы вязать лазурью

В глазах волка
черпая нежный огонь
хищного пламени,
Приручив эту рыжую бестию
лаской кнута
сердечной грозы,
Я пою без умолку
в распятую жизнь,
как в открытую рану,
И на воду пресную

солью крошу
чистой слезы
рассветных приправ.

Мне из веры
нервы
вязать
обучаться у храмов звенящих,
Мне из тени
пленной
лепить
святых ветров отметки.
Помолись за меня,
моя любя,
пока я живу настоящим,
Проводи мое эхо
к лазурной любви этих ветров.

И с звездой твоей,
обручаясь незримой дорогой,
упаду вслед любви
и у бога
спрошу твоих благ.
Волочась на огни
у знакомого сердцу порога,
я замру безрассудством
легенды ночной,
чем только богат.

Перепаханный в горе,
пропитанный тленом
и прахом,
Мне звездой напороться
твоею,
что скажет,
ты прав в своем зле,
это счастье твое,
твоя судьбина-рубаха,
примеряй от души,
солнце ляжет
теплом и к тебе.

Мистерия хвойных покоев

Сосновый воздух хранит
прилив наркотических снов.

Опустошаю легкие,
обветренные ледяным елеем.

В сердце горит

пламя цветов
полевых.

Протяни только руку,
неподалеку
синюю бездну роняет
чистое небо.

Перемешавшись
в звуках
птиц,
внутренний голос
алчет
до пений орфических.

Желтым прибором
ныряет
в тесто земли
солнца тление.

Хвойная пропасть
россыпью.

И безразличие
ко всему,
что не пропитано этим мгновением,
рядом с тобою,
Господи.

Пока распускалась вселенная

Та, что легка, как горная вода,
Проницательна, как туман молодой луны,
Говорила мне,
Что сны –
Это прогулки души,
Что дыхание –
Это пульс неба,
Что слова –
Живут в этом мире вечно.

Я слушал
И медленно
Засыпал, отпуская душу,
Я слушал
И дышал,
Нащупав небесную вену,
Я слушал
И отвечал
Вечным словом любви.

А вокруг, распускаясь вселенная
Бархатной ночи,
И огни
Звездных мгновений
Осыпали глаза серебряным пеплом.

Спасибо тебе,
Нежная, словно вечерний ветер,
Ясная, словно летний невод.

Жемчуг с рук твоих собирать

Песнями леса в слух ниспадая,
Жемчуг с рук твоих собирать,
Алые зори губ
Вдыхать поцелуем,
Завещание сердца
Блюсти
Лаской небесной.

Играть
На клавишах твоих шагов
Гармонию ветра вслед,
Цвести
Полевым огнем
В твоих глазах.

Это все помогла обрести
Ювелирная нежность-ночь
С твоим именем на устах,
Это все подарила
Учебой любви
Изумрудная леди-весна.

Эклектика гетеры

Соитие гармонии Эллады
И хаоса свободы авангарда
Придали геометрию любви
Ее скользящей тени.

Вдохнув согласия неба,
Безукоризненный
Пульс краски
Лугового сна,
Как итальянские холсты
Ренессанса,
Узор движений
Ее мира
Плел солнца

Жилы.

Венским вальсом
Она вскружила
Лиру
Сердца.
Нервозным
Пламененьем романтизма
Распахнула
Страсть.

Кислотным блеском
Импрессионизма
Разбрызгала
Духи морского бриза
По следу легкому.
И только
Повторяла правомерно
Фригийским ладом
Нежный плачь Венеры,
Пока я спал на травах ее ласк.

Кислота

В скверах,
Где прозябает время,
Кислота городского вечернего неба
Оседает
В шорох бесед не о чем.

Кто-то пьет.
Алкогольной микстурой
Штопает значимость этой минуты.
Кто-то курит.
В сером тумане
Ищет образы прошлого света.
Кто-то плюет
По-ветру.
Шарит своим направлением
В будущность.

Оперение
Мятых газонов
Принимает собою
Влюбленных
В собственную любовь.

Разжигая костры витражей
Магазинных очередей,
Город не спит, город вновь
Зазывает на праздник

Гордого одиночества.

Архив снов

На крыльях летучих мышей
Ночные письма
Летят восточкой лунного возлияния.
Суть вещей
Невещественной мыслью
Скитается
По бессоннице мудрецов.
Подаяние
Звезд –
Тусклая течь дороги.
Боги
Разговаривают через сны
Со святыми безумцами.
У воды
Колдует камыш.
Занавеска
Черного воздуха
Ветром дрожит,
Крутя блюдце
Луны.
Хищной тенью
Крадутся
Сказания леса.

Алкоголь

Пока этот мир сходил с ума,
Я пил свое виски.
Пока этот мир сходил с ума,
Я пил свое виски.
Но, кажется, кончился лед,
Я встал и ушел по-английски,
Туда,
Где еще наливали
Холодный закат.
Да-а-а-а-а...
Черт возьми.
Туда,
Где еще плескался яд
Холодного веста.

Деформация

Выйди на улицу и помолись
Могильным плитам многоэтажек.

Глотни вина
И вдохни свежей пыли дорожного бреда,
Как солнечной манны.
Сегодня такой прекрасный день,
Чтобы забиться в улей
Прокуренных баров.
Сегодня все будет иначе,
Сегодня все будет не так, как всегда.
Наслаждайся самообманом,
Несчастливая жертва внутренней пустоты,
Ведь скоро мы все умрем,
А возможно тебя уже нет,
Лишь присутствия тень обличает твой след
На холодном грунте любви.
Душа вдребезги, сердце к стене,
Сегодня ты обретешь,
Еще одну порцию лжи
Для нового вечного завтра.

Тринадцатый. Обращение Савла

Савл, помнишь дорогу в Дамаск.
В терзание церкви дышал ты
Грозами и убийством.
Ты, крещенный духом святым,
Одно сердце, одна душа
С великой любовью,
Сосуд избранный, отверзший уста,
Чтоб благовествовать Слово.
Как не ел и не спал три дня,
Ослепленный сиянием неба,
Как преломлением хлеба
Христова
Поднялся над прахом книжным своим,
И именем Павла принял Его кровь
В свою душу,
Как слух и уши
Обрезал в любовь.
Савл, помнишь молитву рассвета
И солнечный ветер
В груди,
Всколыхнувший незрячее сердце.
Расскажи о борьбе
Очищения
Еще раз,
Тем, кто забыл
Уроки Иерусалима,
Расскажи о светлом посте
И о плаче святых,
О собраниях Антиохи,
Финикии и Самарии,

Сирии и Киликии,
Македонии и Коринфа,
Положенных в свет язычникам.
Расскажи, как безропотно
Возмущал и питал обычай
Влагою воскресенья
Через цепи судилищ.
Да, Бог не имеет нужды,
Но ты,
Побитый камнями и костью
За Бога живого,
Счастливейший
Из грешивших
На этой земле, прожженной страстями
Властных до крови
Агнца,
И алчных до яств
Пурпурной Голгофы.
Благо
Помнить
Наследие
Уз твоей скорби
В огне
Раскаянья.
Савл, помнишь дорогу в Дамаск.

Серебряный кубок холода

Алые губы
прилива заката
в алмазном фужере вина.

Вечер роняет инстинкт наслажденья.

Шелк халата,
тихим паденьем
к обнаженным ногам,
вскрывает мрамор
горячей плоти.

Охота
за звездами
бредит
серебряным кубком холода.

Рваным
движением ветра
выстрелы пульса,
кровоточа в висках,
отсчитывают предсмертную страсть.

Костры
перекрестков
бьются в истерике света.

Полная,
глубокая
власть
магической ночи.

Жертвенность блудной луны.

Легенды

Нервный треск хвороста.
Запах сочного мяса
собирает волчьи тени
связкой тревоги.

У костра новые гости,
ветром лесных трещин
вливаются в пение
ночи.

Доспехи черного неба
укрывают таинство тихих легенд,
рассказанных странниками.

Раненная
луна
плавится в ленной
утробе призрачных глаз.

Проходи к огню, садись
кто бы ты не был,
отшельник багряных дорог.

Звон
родников.
Экстаз
шамана.
Свист
разбойничьих шаек
поодаль.

Вздохи
могучих дубов
охраняют сон.

В атмосферных фронтах сентября

Симфонии погребального солнца
Разлетаются
Горящими крыльями сентября.
Хлыстом извивается,
Ломит кости
Ветер северных рубежей.
Жрицы огня
Прячутся в храме небесной ваты.
В золоте и дожде
Выносят на подиум сна
Желтое платье
Простуженного кутюрье.
В груди
Воздух птиц перелетных,
Плесенью
На ресницах
Горчащие сливки рассвета.
Вложи в руки дрожь.
Веди
Разговоры о боге
В дьявольских ножнах
Осени,
Пока не остыло сердце
Любовников лета.

Ренессанс Италии

Священники,
Держащие публичные дома.
Монахини,
Читающие «Декамерона»,
И отдающиеся оргиям,
Осадком -
В грязных стоках
Скелеты детей.
Папа Александр четвертый
С сыном
Под ночные своды
Собирает толпы
Куртизанок.
Герцог Альфонс
Гуляющий по улицам в полдень
Нагой.
В Милане Талеаццо Сфорца
Лелеет себя за столом
Полотнами содомии.
И флорентийские розы
Искусства,
Идеальный город,
Рожденный открытием перспективы.
Да Винчи, Брунеллески,

Донателло, Мазаччо.
Величие пространства
Человеческой природы.
Цветущая эстетика
Весеннего винного
Братства.
Карнавалы масок,
Турниры, уличные спектакли.
Краски
Молодости.

Импульс полусна

Я хотел бы видеть,
Как ты плачешь от счастья,
Срывая взглядом
Созвездия летних ночных садов,
Где спряталась тень моего дыханья.

Где все линии
Радугой красок,
Кляксами свежести винной,
Чертят грехопадение,
Воспевая любовь.

И рядом,
Бессвязно
Вяжут мне вены
Воздушными нитями серебра
Демоны
Лунной прохлады.

Как звуки
Задыхаются в крике безумца,
Тобою распятого
До утра.

Призраки девственной памяти

Распятое сердце,
чувствуешь
древнюю связь
ремесла кузнеца,
знахарства, колдовства
с искусством поэзии.

смешение демонической первоосновы
и божественной творческой бездны.

ценность смерти,

завершающей переход
к перерождению духа.

холодные звуки
погребальных камней,
песни умерших,
ставших богами
сакральных
плодов
цветенья земли.

календари
свинцовых
лун.

извитость
мрачных пещер
и их ритуальную роль.

непостижимую тайну
и боль
разгрома Творения
своим Творцом.

Жажда-осень

Пробуждай меня
Кричащей наготой
Любви,
Расплавленной в золоте
Осени.

Снаряжай меня
Жаждой святой
До твоих лугов.

Слушай голос,
Размолотый
В музыку снов,
Осевших в постели листвы.

Рерих. Канченджунга

Лиловые волны воздуха,
Растянувшиеся ветхим туманом
На изломах пунцовых гор.
Согревающая пустота.
Облака узкоглазой россыпью
В бездне пьяного
Вдохновенья тектонических плит.

И сапфиром горит
Живая вода
Души.
Тишина заморожена
Благословеньем.
Не единого лишнего звука
От линий-струн
Горизонта.
Только небесные соты
Падают в руки
Художника.

Волхвы с востока

Осеннее утро.
Туманное шоссе.
Лесопосадка.
Три призрачные фигуры
движутся по влажной
пустынной дороге
в направлении рассветной звезды.
Одиноким аллюром
из седой дымки
ковыляет пастушья собака.
дорожный указатель –
Вифлеем, три километра.

Смерть собаки

Смрад утра.
Треск тормозов и гудков...
Остывшее тело Волчицы
На сырой, бездыханной земле.
Под железной сенью амбара
Ютится
Плач щенков
И холодное жало
Боли ранней,
Обретшей надел
В пасти дорожной.
Неподвижность любви
Глухотой в пустоту.
Кто-то, просто, куда-то успел,
Вот и все...
Объясни им, дворнягам таежным,
Отчего так горчит молоко.
Не могу...

Одетая в воздух

Одетая в воздух
танцует священный танец любви...
(в постели луны
взятая мягкостью света)
одетая в воздух
срывает плоды истерической ночи...
и каждый день,
жертвой рассвета,
одетая в воздух
бросает свой храм,
исписавшись до точки
в поэзию дьявольских ласк
и ангельских гамм...
чтобы завтра снова творить
рождение красок
любви
в радуге
ночи...

Три четверти

Мы смотрели на раскаленный уголь солнца.
Город замер, железные рептилии поездов забились в норы депо.
Уютная вселенная проплывала под старым мостом.
Предаваясь бессмысленным размышлениям,
Как мы были мудры, обнажены сокровенным дыханием вечера.
Этот закат и сегодня тает в моем сердце.
Полнота восприятия плавилась глупость мира.
Я сказал, что хочу отвести тебя к сладкому берегу,
Ты взяла мою руку, и мы поплыли по летней реке
К горизонтам невесомого света.

Тогда ты ушла в полночь и лунная дрожь липким медом
Оседала в слабости блестящих печалью глаз.
Твое лицо озарялось золотом в наивной по-детски улыбке.
Собрав поцелуем остатки нежности в твоём шепоте
Я проводил уносящийся в пустоту городских преданий маршрут,
А лето осыпалось июльскими звездами на рассеянные волосы
Скиталицы-ночи.

Потом, святой тоской пришла осенняя степь.
Янтарный ветер, замешанный в дождливый хрусталь,
Вел нас по аллеям сонного парка.
Венки из листвы украшали головы
И ты кружилась огнем в палитре умирающей природы.
Ледяной туман фонарей, пропитанные холодом руки,
Дома нас ждал согревающий аромат вина, гостеприимство скромной постели –
Убежище бархатной, нетерпеливой ласки.
Я слушал твои милые рассказы и плел из них узоры новых историй,
Оседающих молодым инеем на губах.

Проводы солнца. Лавочка у бриллиантовых волн небольшого озера.
В теплоте прикосновений воскресает призраком
Тонкий, музыкальный прибор лазурного побережья,
Белоснежные птицы, пронзительный, вдохновенный танец свободы
В небесном океане.
В безмолвие пестрой памяти бесцеремонно врывается
Истерия проезжей части.
Пойдем, напишем еще одну ночь вдвоем.

Асфальтовый сумрак, отливающийся грязным серебром.
Отречение зимнего плена.
Молочные хлопья снега, сползающие под воротник.
Кристалльный декабрьский сок каменеет стеклянными лужами.
Накрой меня атмосферой лунного мистицизма,
Насыть меня дымом полночных созвездий,
Жемчугом тела сыграй со мной драму желаний.
Дальше...ты узнаешь сама...
Ты увидишь сама...тебе подскажет закат,
Что тает в моем сердце, тем июльским протуберанцем.

Расстрел

Раз!
Два!
Три!
Выстрел.
Кровавая акварель
по стене
мертвым эскизом.
Следующий!
Палач бессмысленно
жмет на курок.
Приказ сверху,
исполнение снизу,
холодная простота.
Смерть у ног
пробирается змеем
по трупам.
Тот, что еще
секунду назад
жадно глотал раскаленный воздух
и до последнего счета
верил,
уже потерял свой страх.
Смерть потирает потные
руки,
слизывая
желудочный сок
на устах
и принимая позу

эстета-Нерона
перед пылающим Римом.
Мрачные мины
карающих кукол
скрываются тьмою,
оставляя бездушную плоть
слезам матерей.
Точка!
Разойдись!
Ветра свист
продирает пугало
ночи.

Ржавые поры
тюремных решеток
впиваются в неба обрывок.
Шаги за дверью
хлыстом по нервным
канатам.
Под жестким
присмотром
расписанных датами стен
осталась в живых,
лишь вера.
Ватная пустота
капает с вен,
здесь кровь обесцвечена.
Вечером
очередной приговор
найдет своей жажды
отдушину.
Душно.
Душно от ожидания
и пережаренных
мыслей
на углях неизвестности
неизбежной.
Просит свидания
дерзкая пуля,
нежная
сталь
смотрит в упор
прищуром,
мерещится в каждом движении
пьяных теней.
Стигмы луны
падают бликами
в дрожь безумных,
молящихся глаз.
Какие сегодня вести?
Ко мне!
На выход!

К стене!
Раз...!

Коридоры.
Призраки-двери.
Опять коридоры.
Отравленный страхом эфир.
Сомнения
здесь неуместны,
за все решил
кровоподтеком автограф
сознательного
гражданина-убийцы,
и если отыщется правды
забитая тварь,
то только не в этой жизни.
Аккорды
могильных нот,
как дар,
написанной
смертью прелюдии.
Скрежет зубов
пойманной дичи.
Подпевай!
Железное марево.
Даль.
Боль.
Живого дыхания голод.
Тянется вал
обреченного мира
сквозь голое
безразличие.
Камера.
Руки!
Пошел!
Тюремных решеток
ржавые поры...

Сворачивая время

Когда идешь по краю чувств,
и кругом беспроглядная, демоническая ночь
распускает соцветия остроглазых звезд,
сознание поглощает мертвую тишину
жадными порциями,
и ощущения сливаются в черный фон
воздушного плаща,
ничто - становится всем,
а все теряет свое первостепенное значение,
и истина кажется такой легкой и близкой,
что слова утрачивают смысловые направления

и разбегаются вместе со взглядом
по ароматным хвойным силуэтам.

Одиночество меняет полярность
и образует единую гармонию
с каждым прожитым вдохом,
с каждым шагом,
отпечатавшемся во временном коридоре.
Безмятежность наполняет голову
прохладной пустотой,
но эта пустота точно знает ответ
на тревожные, душные приступы
дневной лихорадки.

Когда идешь в смуглый горизонт неизвестности
и по душе расползаются тени ночных ангелов,
нашептывая ветром полусонный блюз,
только тогда возможно любить
во всем великолепии сердца
каждый мимолетный интервал
истечения жизни.

Солнечная мать

А на привале
солнечная мать
заплетает косы лета,
А кто оставил
свой порог,
раздели со мной
попутный ветер,
Да седую прядь
мудрости упрямой,
Синий парус
знает печаль неба,
Собирать
нам дождины влагу
теплым хлебом.

А за стеною
грозовых огней
верная застава,
А за весною,
в шрамах ледяных,
солнечная слава,
Обогреть,
уложить землей
разношерстны тропы,
В сердца степь
собирать огонь,
да глядеть далеко.

Ты змеись
песня золотая,
матушка-зарница,
Не кривись,
все равно сыщу я
на твоих страницах,
Бубенцы
утренней молебны
солнечной росы,
Ты неси,
да любви отведай,
у моей весны.

Цыганская люба

Где-то
стонет вечер от костров закатных свеч,
Ветер
упадет воздушным шелком с утомленных плеч,
Там раскроет небо парусник ночного бденья,
И заплачет, как младенец,
дух проникшихся огнем.
Мирра
от слезы луны туманной растворяется в воде,
Сыро,
это дождь, разлучник-дождь, под ноги стеклится,
но мне,
ясно при твоём учтивом свете,
моя заблудшая капель,
пойдем.

Мера,
что отмерил пригубил по праву своих дел,
Белый
дым растаял, серебро ночных свечей раздел,
Эти звезды, словно капли ледяного ветра,
Что припали к тишине
ночного неба сном богов.
Я здесь
остаюсь ночным свиданием холодной крови,
Праздность,
распевая колыбельною ночного вора,
я украл покой дыханья, я взрываюсь под дождем,
ты верна мне кротким боем,
моя любовь-цыганка.

Мистификация нового дня

Смотри, как туман

Белым налетом
Оседает в глазах
Рассветных минут,
Читай по губам
Нового дня,
В твоих руках
Шанс на судьбу.

В твоих слезах
Соль бездорожья,
В твоих молитвах
Шрамы грехов,
Вызови страх
Приступом “можно”,
Срежь тишину,
Да стреляй за порог.

Смотри, как туман
Серый разбойник
С маткой-землей
Водит венчальную,
Читай у костров,
Ветра достойных,
Стихи про любовь,
Псалмы о печали.

Свет на серебро

Бледная звезда
Загляни в окно,
Свет на серебро,
Тени на глаза.

Сонная звезда
Распишись огнем,
Свет на серебро,
Плачут образа.

Черная звезда,
Где твоя свеча,
Вьюга да печаль,
Серебро Христа.

Звездная хандра,
Бледная капель,
Вьюга да метель,
Мера ты моя.

Плачет по нам тишина, да убитая горем осень

Не прячь сердце
От моей вести.
Где ветер глотает пыль,
Где ночь стройна,
Как черная месса,
Там кто-то кого-то любил.

Где песни живут
В полуденном зное,
Где бродит пастух откровений,
Я видел огонь,
Я грел им покои
Глаз, исполненных неба.

Не прячь слух
От моей вести.
Где ветер глотает память,
Где ночь светла
Свежестью месяца,
Там кто-то сердце оставил.

Все как прежде

Все как прежде,
машин перебег за окном,
нагоняя циклон размышлений,
в ритуальный процесс,
перед облачным сном,
день к закату клонит постепенно.
Все как надобно,
шагом крадется луна
по перине ночного убранства,
свежий воздух глотком затяжным,
вязь вина,
оплетает хандру постоянства.
Все как издавна,
издали видели мы,
покидая сегодня с капризом.
На дороге опять
пляшут грустно огни,
растекаясь мечтой по карнизу.

Змеиный яд - в орлиный клюв, и с богом

Вобравши случаем орлиную свободу,
Влачусь опять склоненною змеей,
По лабиринтам повседневных кодов,
По узилищам терны бытовой.

В унылом жанре вечных расписаний,

В минорном игрище непреходящих тяжб,
В коловращении бессрочных состояний,
Так просится неистовый пассаж.

Неисполнимая охота мчит за мною,
Настырным вождельем наводя,
Размерность вздернуть ветреной петлею,
И подковать шального скакуна.

Змеиный яд - в орлиный клюв, и, с богом.
Над скалами раздастся моя песнь,
Созвучным эхом, всем мирским дорогам,
С пристрастьем на бродяжничаю честь.

Спящий город

Тесных улочек томный покой,
Темные арки умолкших дворов,
Опочивальня глухой мостовой,
В проблесках спящих фонарных столбов,
Тянется вяло в Селеновой дымке,
Промеж гряды колоссов-домов.
Звездный зефир трется в развилках,
Дремой укутав витринный покров.
Тверди небесной, застыв, изваянье,
Град сервирует, в отсветах своих,
Зрелищем мертвенно мерных созданий,
На заготовках полупустых.
Сердце недвижно доменных кузниц,
Стынет жарынь душистых пекарнь.
Томная сдержанность узеньких улиц,
В собранных грезах ночных икебан.

Морская песнь

Перст провидения час улучит,
В коем отбросим швартовы к нечистой,
Вскинем ветрила за Эос лучистой,
Трюмы сполна и в сольную пучину.

В хляби рифленной морского творца,
Волны срубая, пробьем горизонт,
Курсом открытым нордовых звезд,
Крепкой кормой, вослед беглецам.

Шлейфом полнощным отринем штормá,
Лютых обставив проворным узлом.
Гладь распростертая - отчий мой дом,
Шири лазурь - отрада жена.

Никому неизвестная проза

Никому неизвестная проза,
Никого недостойной жизни,
Не смотри на меня раскосо,
Мне не станет от этого стыдно.

Не кори, не пеняй на другого,
Пусть другой над собою глумится,
Лучше вверь мудреца мне такого,
Что своею судьбой не кичится.

Непонятные ходят слухи,
Будто вымерли мы с тобою,
Не усердствуй, отдай им в руки,
То, что алчут они до боли.

И в покое найдется лира,
Что гармонией ляжет пред нами,
Никому неизвестная сила,
Ни за кем незамеченной тяжбы.

Рукописным штрихом прокладываю

Рукописным штрихом прокладываю
Путь-дороженьку лет отмеренных,
На развилках веет прохладою,
По прямой, оно ведь уверенней.

Но в прерывистом этом почерке,
И включает себя вся истина,
Мне спокойная степь, как прочерки
С омертвевшей душой перелистовать.

Подсыпает судьбинушка пороху,
Я же дам огоньку искрящего!
Мне не жалко, пусть строки шорохом
Разрывают бумагу спящую.

Милая окраина

Кинута, заброшена
Родная сторонущка,
Травушка не скошена
Под игривым солнышком.
Домик ветхий вдавлено
В землю накреняется,
Все давно оставлено
Без присмотра маяться.

Дикий зверь хозяйничает
В тех краях отброшенных,
Дождик с ветром чайничают
У крыльца заросшего.
Кровелька дырявая
В гости ждет луны ребро,
Горницу чтоб малую
Выписать под серебро.
Этим лишь и радуя
Пору одиночества,
Где ж еще отраду то,
Сыщешь на обочине,
В пыль копыт изъезженную,
Видавшею многое,
Туда вдаль, надеждою
Пролагал дорогу я.
Ты теперь в развалинах,
Долго мы не виделись,
Милая окраина,
Что в стихах привиделась.

Люблю я зиму русскую

Люблю я зиму русскую,
Под толщею сугробов
Мороз, искрясь похрустывает,
На грунте босоногом.

Запорошит дороженьку
Метелица развязная,
Кружась в мелу восторженно,
Румяны щек обвязывая.

В безбрежье течи звездной
Таинственно бескрайней,
Люблю я Русь морозную
Со вьюгою нахальной.

После дождя

Катятся мелодии дождя
В изголовьях бархатного леса,
Теребят цветистые поля
Гроздями струящейся завесы.

В пересветах радужных поют
Хороводы птиц многоголосых,
Бродит вздорно ветер-баламут,
По березовым ветвистым косам.

Запряжен уж облачный картеж,
Уносясь, и солнцу уступая,
Воздух, в желтизне небесных вежд,
Луговым дурманом накрывает.

Мотыльки кружат пестрящей мглой,
Мать-земля вдыхает свежесть ливня,
Зазывая тропкою грибной
Сердце в край мечты и изобилья.

Тройка

Бежит тройка удалая,
Бубенцов задорный звон
Разнося с собой по краю,
Скрытый инеем и льдом.

По сибирским белым степям
Держит путь она далек,
Запрягли их на рассвете
И погнали на восток.

Скакуны вздымают ноздри,
Ветра мерзлого хватив,
Снег искрится, словно слезы
В копнах густовласых грив.

Мчит стремглав, гонима стужей
Тройка вороных коней,
И по вольной-воле тужит,
А та тянется за ней.

Солнечный джаз

Плюется огненное солнце
Рубцами позолотых стрел,
Слепящей негой задается
Земли обхваченный надел.

Искрится танго водных бликов
В прозрачной синеве озер,
Янтарный блин на самом пике,
Вскарабкался над скопом гор.

Лелеют лиственные шапки
Гонцы полуденных лучей,
И движет по небу украдкой
Десница тысячи свечей.

На берегу реки в ноябрьскую пору

Ветви клонятся к водице,
Скоро белая метель
Будет в их кистях гнездится
Рядя снежную постель.
А досель, ноябрь правит
На туманных берегах
Речки стылой, прорастая
Дымкой бледной в небесах.
Осень, ведая кончину,
Припасла в заветный час
Чуть согретую личину
Своих бледно-желтых глаз,
И омыв в них краской спавшей
Наши алые сердца,
Запорхает, попрощавшись,
С отведенного крыльца.

Оскал рубиновый заката

Оскал рубиновый заката
Зардел над мглой морской гряды,
Хотел я день и ночь сосватать
Чтобы с тобою быть, увы,
Ты с первой звездочкой растаешь,
Оставив мне ночную грусть,
Все исчезаешь, исчезаешь,
Когда, лишь страсть воздела грудь,
И ложе знойное готово,
Разостлано желаньем душ,
Но исчезаешь, снова, снова,
Мотивами дурацких нужд.
Оскал рубиновый угаснет,
Сойдет ночное бремя сна,
Где я так счастлив и несчастлив,
Ведь ты со мной и нет тебя.

И эти холода переживем

И эти холода переживем,
Под толщей льда, давай, как прежде верить,
В тепло объятий, рук,
ведь нам вдвоем
С тобою столько предстоит еще отмерить.

Озноб и дрожь дыханьем укротим
Горячих поцелуев, слов сердечных,
Мороз не страшен, когда вместе с ним
В душе влюбленных летняя беспечность.

Мари

Мари, Мари, далекий образ,
Мечта, сокрытая от глаз,
Чей рядом слушаешь ты голос
В полночный, заповедный час.
Кому дозволено касаться
Руки твоей, зовя с собой,
Любить и тут же не бояться
Проснуться в келии пустой.
Мари, Мари, земная сказка,
Видений искушенных миг,
Ты угрожающе прекрасна,
Для тех, кто так и не постиг,
Любви искусства в этом сердце,
Желанной слабости от ласк,
Ответных вожделенью действий
Из твоих уст, из твоих глаз.

Дорога

Не подкупна и сурова,
Откровенна и пряма,
Моя дальняя дорога,
Что на сердце вскорь легла.
По изгибинам и кочкам,
По косматым терням рощ,
По бурьянам непроточным,
Убегая лентой в ночь.
Зазывая вдаль лукаво,
Расстилая горизонт
В солнцедышащей оправе,
Швом, скрепившим синь высот.
Смотрится в свои узоры
Над туманами полей,
Опоясавших просторы,
И влечет соблазном с ней.

Молодецкая

Мило моё солнышко,
Сочна моя травушка,
Вбейте сердце кольшком
За родной оградушкой,
Не пущайте в дальние
Страны неизведаны
Молодца отчаянного,
Путь-дороге верного.

Коли дом покинет свой,
Не вернется, знает он,
Часом жалуйте покой
Удали раскованной.
А когда придет пора
С миром уж проводите,
Зорька, ясная сестра,
Месяц путеводный мой.

Егерь

Егерь, баньку растопи,
Я устал с дороги,
Чаем с медом напои
Странника лесного.
Путь мой долог был к тебе,
Всех ночей не хватит,
Чтоб поведать о судьбе
Ловящей удачу.
Предложи ночлег и кров,
Отплачу за дружбу
Чем богат, весь мой улов
Сердца благодушье.
Расспроси чем я живу,
И о чем мечтаю,
Скрасив сумрак тишину,
В своем диком крае.

И вот я снова, как ребенок

И вот я снова, как ребенок,
Срываю голос в склоках фраз,
Скрипя дыханием неровным
При виде ее карих глаз.

Шучу нелепо и несмело,
Блещу геройством на словах,
И замирая, между делом,
Казню неловкий свой рассказ.

Ловлю в ее устах улыбку,
Как теплый луч весенних дней,
Вниманьем ревностным проникнув
К ней, мыслью трепетной о ней.

И вспоминаю долгим часом
Мгновений мимолетный след,
Которые нарек – прекрасным,
Дороже коих в жизни нет.

Румяный вечер стынет мирно

Румяный вечер стынет мирно,
Глощает космы горизонт
Солнцеворота, звездной тиной,
Уж скорым часом ночь всплывет.
Роняет свежесть лик небесный
Подвижной рябью ветерка,
Готов сфероид тяжеловесный
Луны взойти, издалика
Стреляя серебром туманным
В гранат закатной пелены,
И тонет невесомо-плавный
Бордовый оттиск, мера дни.
Сточились суеты потуги,
Осела пыль дорожных пут,
И разлилась простором смуглым
Предтеча колыбельных сутр,
Благоговейная сонливость
Густых лесов, цветных лугов,
С ней черной мантией забилась
Плоть ночи в ледяной остов.

Выбивают пыль копытца

Выбивают пыль копытца
По дорожке нарезной,
Дикий конь сквозь поле мчится,
Сотрясая зной дневной.

На восточные просторы,
Чрез бескрайний горизонт,
Устремлен широким взором
Его резвоногий ход.

Рассекает ветер гриву,
Ноздри всасывают дух
Изумрудных переливов
Трав, играющих вокруг.

И несется прытью статной,
За лучистою зарей,
Миг свободы вороной,
В край далекий, безвозвратный.

Нанизывают гроздьями дождя

Нанизывают гроздьями дождя
Испарину небесные каналы,

По толстобрюхой смуглости скользя,
Сливают наземь влажную усталость.

Строенем облачным ползет небесный стан,
Гонимый рыком грома ломового,
Слезятся локоны кудрявых икебан
Прожженных туч и воздуха дневного.

И взвевтся озябший дух воды
По всем окрестным взгорьям и ложбинам,
Протяжной тенью небо заследив,
Под россыпь легковесности дождливой.

Ходить по улицам вечерним

Ходить по улицам вечерним,
И напевать сердечный ритм,
Не предаваясь во значенья,
Не сторонясь пустых обид.

Не гнать тревогу восвояси,
А хмелем легкость припускать,
Быть в своей главной ипостаси,
Иль хоть на миг ее принять.

Вот бытия стезя любима,
Вот просветленье для ума,
Ведь ты душа, ты так ранима,
Ведь ты душа совсем одна.

Так воспорхай над тьмой ночью,
Сверкни в подсветках фонарей,
Лети над беглою толпою
Далеких звезд, ночных огней.

Дайте хлеба теплого с золотых полей

Дайте хлеба теплого с золотых полей,
Родниковых вод глоток холодный,
Из лазурных неба простыней
Ласки солнца, да ветров проворных.

Дайте тенью сосен чистоту,
Полевых цветов красу простую,
И многоголосье по утру,
Что несется птичьим сабантуем.

Дайте мне земли родной комок,
Я слеплю свой мир из рыхлой горсти,
Я вдохну в него природы легкий слог,

Коего так сердце яро просит.

Осень запрягает сани золотые

Осень запрягает сани золотые,
Холодом дождливым мечет по углам,
Птичьих уст свирели все насквозь простыли,
Замостил брусчатку листопадный хлам.

Каплями плевки солнца собираем,
Торжествуем с каждой спазмою тепла,
Кашляет уныло ветров бурных стая,
И счищает лето осени метла.

Травяные лохмы заплелись соломой,
Долговязость ночи состригает дня
Светлые мгновенья, близится истомой
Мертвого простоя сонная пора.

Зыбкая надежда тает редкой искрой
Солнечных насмешек в стылой конуре,
И небесным плачем вновь наружность стиснув,
Расплескалась осень в сочном янтаре.

Морская пьеса

Свирепствует пьеса морская,
На бреге взрываясь волной,
Бежит непроглядная стая
Посыльных стены дождевой.
Сверкают разряды огнива
Небесного, лязгает гром,
По всхолмленным яростным ливнем
Обширностям матовых волн.
Гудят ураганы и с ревом,
Крушат своды мачт кораблей,
Громят паруса под напором
Неистовства, сотней чертей
Спускаются к палубам суден,
В приплясе погибельных бурь,
И дьявольским выдохом будят
Штормов скалозубую хмурь.
Мчат черным наездником тучи
Над гневной материей вод,
И хлещет размытую сушу
Бичом пенным водоворот
Пучины морской, льется драмой
Окрест мореходцкая песнь,
Разносится грозною славой,
Напутствием в штиль чтоб осесть.

Чистый образ детских снов

В поле вольном, в поле диком,
Солнце градом льет тепла,
На густые малахиты
Травяного волокна.
Мчат зефиры, бьют ключами
Ледяные родники,
Шевелюрою качают
Рощи пышной цветники.
Дух грибной и запах ягод,
Воздуха полнят приливы,
И парит небесным садом
Облаков белёсых грива.
Запинаются тропинки,
В островках болотных мхов,
И смахнув с листка росинку,
Как не верить по старинке
В чистый образ детских снов.

Бичуют капли зеркала размытых лужиц

Бичуют капли зеркала размытых лужиц,
Нахмутив брови, пелену стянула высь,
Дробь водяная, нагнетая сырость, кружит,
Погодной хворью мысли задались.

В них отражение небесное – слезинкой,
В них поминание унылых кораблей
Туманов и испорченные снимки
Погожих дней, погожих, ясных дней.

И шепчет дождь мне что-то по секрету,
Роняет крохи стылой мокроты,
А в голове рождаются приметы
О том, да сем, в протрации воды.

Дышать Богом

Видеть и слышать,
Что в наших силах, что в нашем праве,
Видеть и слышать рассвет на горящих волнах
Под крепкой десницей Бога.
Ты еще дышишь,
Значит ты ветер, значит ты с нами
Дышишь рассветным огнем,
Это здорово.
Знать,

Это то Слово, что озаряло начало начал,
Верой
Видеть и слышать,
Видеть и слышать,
И снова,
Снова дышать,
Как парус вселенной,
Что в нашем сердце.

Приросла к земле под солнцем деревенским

Приросла к земле под солнцем деревенским
Душенька крестьянская Руси,
Распылилась синей занавесой
Над мехами облачных трясин.
Темный бор, да полюшко златое
Воедино прижились в углу степном.
В сердце русское, открытое, простое
Забивается березовым хлыстом
Тишина, молчащая дорога,
Одиноко свитая вдали,
Леса многоствольные пороги
Что облюбовали соловьи.
Песни, пляски, сказы и поверья,
Рёбра пашен, мирные дома,
На устах, медовых от забвенья
Сохранила юности пора.
Приросла к земле под солнцем спелым
Ветрогонка, русская судьба,
Соловьем мне на ухо пропела,
Что нам горе, горе не беда.

Зимняя

Холодное солнце – звезда снежной свиты,
Зима обивает пороги домов,
В замочную скважину стонут сердито
Полярные ветры, острожники льдов.
За ними метели, за ними морозец,
И белые улицы сонной грядой,
И длинные ночи, посланцы бессонниц,
И волны сугробов над твердью земной.
Пора ожиданий, обитель смиренья,
Надежд старых кран и для новых разгон,
За белой метелью, за снежною тенью
В мечтах новогодних нестися вдогон.
А все, как и ране, молочные тучи
Спускаются пухом на крыши домов,
На плети деревьев, на вечер тягучий,
На бледную кожу и стылую кровь.
Холодной луны обрывок печальный

Гримасой своею устлал мне глаза,
Зима в сердце тихо и мирно скучает,
По плеску речному, живым голосам,
По жгучим лучам, по пескам золотистым,
По пряже пахучей лужаек цветных...
Зима обреченно вздохнет ветром чистым,
И мне улыбнется бесовка на миг,
Все теплые грезы в прозрачную стужу,
И старую песню затянет натужно,
Холодные ставни – затворки души,
Вся ночь впереди, куда нам спешить.

Зимний день

Мишурой молочной снега
Зимний кутается день,
Коротает время беглым
Солнцем и ныряет в тень
Длинных ночек, сном природы
Убаюкивая час,
Закупоривая воды
Пленкой в ледяной каркас,
Обнажая кудри леса,
По земле метелью мчит,
И спускается навесом
Алебастровым, молчит
Меланхолией угрюмой,
Лишь мороз трещит молвой,
Сея пору для раздумий,
Сыпя вьюгой заводной
На заваленную кровлю
Коченеющих домов,
Лепеча немногословно
Про холодную любовь,
Про студеное влечение,
И про ледяную страсть,
Рядя в снежное свечение
Мерзлоты бездушной власть.
Морося лилейной крошкой,
Снег тропинки порошит,
И в оконные обложки
Иней росписи крошит.
В зимний день, под зимней ночью,
Освежает сердце пыл,
Зарываясь в снежных клочьях,
Спит в берлоге хлада мир.

Мимолетная Москва

В муравейнике пробок дорожных,

Серенадой гудков озвученном,
Мы ползем по асфальтовой коже,
Через заборы высоток скученных.

Жизнь дыханием спешным разносится,
Жизнь с рекламных подмостков красуется,
Суматоха на сердце просится,
Как витрина душа рисуется.

Мы ныряем с Тверской восхищением,
На Кремлевской равнины символы,
Мы плюем фотовспышки свечением,
Собирая мазки застылые.

И опять в болото подвижное,
И опять мимо храмов каменных,
Нам пора возвращаться к ближнему,
Этот ближний – дорога дальняя.

Законсервированная душа

Законсервирована паутина
Души в доспехи тела,
Размазана по руслу вен,
Скитается в трущобах тлена.
Обрезки крыльев лечит спиртом,
Кует свободы отголоски,
И мается природой клетки,
Рядясь в подкожные обноски.
Глядит невзрачными глазами
На сон дурманящего лета,
Грустит по рощам райских дланей,
И ад несет за жизнью ветхой.
Забитая клеймом в свой век,
Души поклажа сиротело
Сочится изредка на свет,
Строкою срыгивая спелой.

Вечер скован, ветер стонет

Вечер скован, ветер стонет
В преклоненной голове,
Ставни глаз устало ломит
Сквозняками фонарей.

Кремом бледно-белым снега,
Заряжая у виска,
Катят зимнюю телегу
Грусть, унынье и тоска.

Насаждаются пустоты
Размышлений, подо тьмой
Звезд стеклянных вьются соты,
Отливаясь в хром луной.

Вечер стиснут, ветер мысли
Разгоняет, как чертей,
На глазах печаль повисла,
Под глазами серость дней.

Ты слов не жалея

Ты слов не жалея для испытанных душ,
Что верой и правдой служили,
Как вы пережили сто вьюг и сто стуж,
Напомни и расскажи им.

Ты дел не забудь, что отваги полны,
Борьбы пред судьбой незавидной,
Друзей поддержи в эти трудные дни,
Друзей, за которых не стыдно.

Наполни очаг теплотой тех сердец,
Бок о бок, что доблесть ковали,
Вдыхали огонь и глотали свинец,
Но правды своей не продали.

Ты слов не жалея, закаленных в крови,
Для тех, кто ее с тобой делит,
Для тех, кто лежал у холодной земли,
И так же отчаянно верил.

Распинали на сердце любовь и надежду

Распинали на сердце любовь и надежду,
Провожая чумазый закат,
Возбуждались на кровь и похабную нежность,
Пьяным заревом били в набат,
Скорлупой показухи плодили легенды,
Восхищались хромой красотой,
Пережитки души искромсали на ленты,
Схоронив омертвевшей весной.
Оплевав простоту, возвели в ранги глупость,
Приценили совесть рублем,
Развели по углам недоверье и лютость,
Проедая друг друга живьем.
И обманная свежесть гнилого пространства,
Заливая глаза, усыпляла умы,
Как чума, зарывались во смраде мещанства,
Истекаясь желчью слюны.

Но пришел час, когда растворяется небо,
И крошится земля в серный прах,
Мы просили тогда о воде и о хлебе,
А спасение было в ногах.
Мы бежали до края пустого оврага,
Кто-то падал и кто-то вставал,
Скрылось солнце, а мы еще верили в благо,
Но его уже каждый продал.

Сумасшедший поэт с большой дороги

Выжму все соки из пресной молвы,
Да наскребу суку-рифму,
Черное небо, ночь говорит
Со мной,
Прошита мифами.
Огненным залпом выпью тоску,
Да разметаю безбожно,
Складом разгульным сброшу в весну
Лицо с пожелтевшей обложки.
Степь балагурную вкусят глаза,
Штопором ветер навьючит,
По бездорожью, ни шагу назад,
Сердцем рифмуя случай.

Кто умеет видеть

Кто умеет видеть,
Тот полон тайны
прекрасного,
Кому дано любить,
Тот тверд в надежде света.
За кем идет огонь,
Тот освещает вас
Из тьмы заблудших душ,
Смирненным лунным ветром.
Где вписаны слова,
Сокрытые от мира,
Там пробил час зари,
Вещающей о дне,
Когда сойдет печаль,
И воцарится лира
Прозрения сердец,
Нашедших путь в себе.

Зачехлило зиму половодье горластых ручьев

Зачехлило зиму половодье горластых ручьев,
Тетивую дождя неба серый ковер растянулся,

Умываясь в тепло, талый снег испускал наземь кровь
Ледяного престола и мокрою грязью тянулся,
Через прорези зелени, жизни вдохнувшей едва,
Через улиц нагие пространства и думы прохожих,
Пробужденных капелью и песней от белого сна,
После коего топи метели в разбросанных лужах подножья.
Изумрудные соты на смену белесым волнам,
Поспешили взвихриться, гудело в ушах от восстанья
Освежающей длани весны, заковавшей морозы в свой храм,
Что спешит жарить солнце и сердце зовет на свиданье.

Кто я, бард, иль поэт, нет, не знаю

Кто я, бард, иль поэт, нет, не знаю,
Но одно утверждать я берусь,
Что от песни душа – живая,
А от музыки ласковой грусть.

И внимая аккордам плывущим
По волнующей ряби ладов,
Я забуду о хлебе насущном,
Чтоб припомню молодку любовь.

На мелодию стянуться мысли,
Обратившись в гармоник поток,
Вспрянут лёгкие воздухом чистым,
И прорежется истово слог.

Пой, моя шестиструнная любя,
Прыская эхом мажорных валов,
И горя минором потугим,
Лей мне веру, надежду, любовь.

То ли дождь, то ли снег

То ли дождь, то ли снег на задворках зимы,
То ли гром, то ли лед под ногами дал треску,
Опускаю глаза, покалено воды,
Поднимаю, все в белой нарезке.

То ли течь, то ли стынь, то ли свет, то ли тьма,
Чехарда межсезонных фантазий,
Молодится трава, опускаю глаза,
Под ногами развалины грязи.

То ль ручьи-соловьи, то ли стигмы земли,
То ль влюбленность, то ль старое бремя,
Этот дождь, этот снег у краин зимы
Все смешали на сердце в мгновенье.

Исповедь сердцу

Сердце, не молчи, открой,
Мне завесу своих таинств,
Я последую с тобой,
Как невидимый скиталец,
По извиистой судьбе,
С легким вдохом откровенья,
Обратив свой взор к тебе,
И ища благословенья,
Как напутствий в добрый час,
Чтоб светило верой правой,
Чтоб хрусталь усталых глаз
Душу не томил прохладой,
В дуновении любви,
На пороге твоих таинств,
Что желанны и новы,
Что с тобой во мне рождались.

Я сам дизайнер своих снов

Я сам дизайнер своих снов,
Искусных мнимых зарисовок,
Посею мир, пролью и кровь,
На полотно ночных массовок.

Приближу явь видений тех,
О каковых в дневных раздумьях,
Помыслить счел б за тяжкий грех,
Но ночь стирает грань безумья.

Найду тебя в кромешной мгле
Шальных рисунков воспрятья,
В который раз позвав к себе,
В который раз сомкнув объятья.

Я сам творец полночных грез,
Растленных смолкнувшим сознаньем,
Умытых песней горьких слез,
И радостью очарованья.

Солнца всплеск лимонной сетью

Солнца всплеск лимонной сетью
Путы вьет навстречу мне,
Тень моя крадется ветром
По заваленной земле
Ворсом трав, в колючий омут
Движет след, сгораю я

В неизвестности бездонной
Твоих троп, земля моя.
Плодородная царица,
Заплутал я во степях,
Полно волею напиться
Даришь мне, но на устах
Шепот устали, привалом
Сердце грезит мне вдогон,
Душеньки стрекает жало
Возвращением домой.
Но суровостью твоею
Я не первый год пленен,
И с закатом багровея
Все откладываю в сон.
А на утреннем прорыве,
Снова одержим зарей,
Когда вектор солнца вскинет
Желтый плащ, тропой прямой
Пролагаю вихрем дали
Долготы и широты,
Нету места для печали
В диких пленниках версты.

Пульс жизни

Режет небо синевой,
В солнце день искриться,
Так гуляй душа и пой,
Лейся по страницам
Светом утренней зари,
Радостной прохладой,
И цветы любовь внутри
Белокурым садом.
Распускай свои плоды
В сердце молодецком,
Под небесные шатры
Прорываясь с блеском.
Нагнетай своей игрой,
Восхищая праздно.
В омут кинусь за тобой,
В твоей мгле увязну.
И дойдя до врат златых,
Постучу в надежде,
Разжигая яркий миг
Ветром твоим нежным.
Пробегу твоей тропой
По бескрайней роще,
Променяв души покой
На цветные ночи.
Что мне бледная луна,
В пламенном светиле,

Пусть кружиться голова
На безумном пире.
Счастье в гости завлеку,
Утоплю тревогу,
Другу я ль открыт, врагу,
Все равны пред Богом.
На просторах своих лет
Заживу по царски,
Молод, стар ли, воли нет,
Бросить нрав бунтарский.
Да простит меня судьба,
Что ею не приручен,
Дом мой – вечная весна,
Ей душа созвучна.
В стороне моей всегда
Юная беспечность,
Что мне жизни чехарда
Во хмелю сердечном.
Мне б нестись по склонам гор
В творческом посыле,
И вести горячий спор
Пока свежи силы,
С безнадегой и страдой,
Рвущихся на воздух,
Что летая надо мной
Строят свои козни.
Признаю я лишь одно
В серости лукавой,
Что до нас ей, все равно,
Так забудьте ж, право,
Ее бледный, жалкий вид,
Сердцу не перечьте,
Пусть пылает и горит,
Его гимны вечны.

Серпом месяц косит ночку

Серпом месяц косит ночку,
Распыля звездный прах,
Ватной ширмой лезут клочья
Тьмы, запутавшейся в снах.
Мы с тобой кружимся тенью
В ручейках фонарных свеч,
Под немое восхищенье,
Под размеренную течь
Чернотелых переулков,
Обесточенных домов,
Чтоб взрывался эхом гулким
Мир возлюбленных дорог.
Мы с тобой слетим в безумство
Единением ветров,

Каждый шаг мой, дань искусству,
Когда с ним твоя любовь.

Станцуй мне фламенко

Станцуй мне фламенко, танцовщица с юга,
Мятежной волною огня
В мелодии ветра, что с уст шестиструнных,
Пленит созерцаньем меня.

Блесни на подмосткам звездой чернокудрой,
Вьюном в ритмах ходких змеясь,
Опутов в изгибах слепящей фигуры
Зеницы взволнованных глаз.

Испанскою страстью, затми стынь грядущих
Времен, без улыбки твоей,
Когда я оставив сей берег цветущий,
Уйду с чередой кораблей.

В сердечную память, на долгие годы,
Что нашу приязнь разлучают,
Станцуй мне фламенко, прощальным аккордом,
У гавани скрытой печали.

Раздели со мною

Раздели со мною терпеливый труд,
Ремесла любви в обличье послепраздном,
Нимф сердечных сонмы пусть уют куют,
Чувствами, в горниле недосказанного.

Пронеси со мною тягости пору,
Что забилась льдом под моим крылом,
Закопай в земле скорби городьбу,
И засеи ее солнечным теплом.

Пробудись со мною в русле свежести,
Пусть минувшее нежит рассказы,
Нет до них у нас принадлежности,
Когда вслед любви мы не порознь.

Спадает облачная пена

Спадает облачная пена,
Вскрывают ставни небеса,
И солнце, вырвавшись из плена,
Теплом ложится на глаза.

Стеклянных капель звонкий лепет
Съедает вырвавшийся луч,
И радостью рожденья светит,
Гоня тоску унылых туч.

Беснуется поток воздушный
Под легким натиском ветров,
И вьется лучик прямодушный
На изумрудный скос лугов.

Идет на убыль тучей тина
За полноводною рекой,
Где солнца луч неутомимый,
Бродя синеющую ниву,
И сотрясая жгущей гривой,
Стреляет златом надо мной.

Кому грех, а кому жизнь

Кому грех, а кому жизнь,
Кому воздух, кому дым,
Зла на сердце не держи,
Если выпало вам с ним
Через воду и огонь,
Через тернии болот
Разделить приютом дом
Черных дней и непогод.
Он другой и он неправ,
Он ползет, а ты паришь,
Ты не лезь в его устав,
Ты его еще простишь.
Лучше дай ему зарю
В восхожденье ваших солнц,
Кому жизнь, кому игру,
Кому реку, кому мост.

Город

Дышит город парами заводов,
Греет торс кровотоком машин,
Дегустирует сточные воды,
Источая неоновый дым.

Смотрит наземь с фонарных обрезков,
Стопы кутает в мусорный хлам,
Бранью сыпет по улицам тесным,
И спешит к покаянию в храм.

Отрывается чванно на nive
Мракобесия и кутерьмы,

Наживая бессчетные зимы
Вечных льдов небоскрежной тюрьмы.

Тянет в темень подрядом жестоким,
Попивая души нищей сок,
В недоверии всех одиноких
Обитателей душных берлог.

Не живетя по накатанной

Не живетя по накатанной,
Сердце в праведном спокойствии,
Словно соткано заплатами,
Но под ними нет довольствия,
Только раны дремлют жгучие,
Только язвы точат лезвия,
Так от случая до случая,
А затем, опять над бездною.
Без туманов, нету ясности
Взора чуткого, беспутного,
Жизнь моя болеет гласностью,
Смерть, лишь дань сиюминутности.
Там за дальними кордонами
Страны и моря неведомы,
Не задышит сердце сонное,
Пока шрамов не отведает.

Играй на бубне мне шаман

Играй на бубне мне шаман,
Хозяйка лей кумыс
В черепахой кувшин, Алтай,
Явись во сне, явись.

Витай в дыму свободный дух,
Хранитель древних тайн,
Играй шаман, играй, пусть слух
Кружит сегодня пьян.

В край первобытной старины
Лети напев, лети,
Цепляя горные хребты,
За звездные персты.

Стояла девушка у моря

Стояла девушка у моря,
Тоской исполнена была
Пучина волн, она одна

Была созвучна ее доле.
Стояла робко и дрожа,
Но взгляд сцепившись с горизонтом,
Был строг и ясен, и о ком-то,
Скорбил он, в сердце дорожа.
Глаза, как ночь, пронзали свет
Что ниспадал с луны туманной,
И тешил призрачным обманом,
Что рядом тот, кого уж нет.
Она не верила, ждала,
Ждала, не смея на надежду,
Но море плакало как прежде,
А девушка была одна.

Желоба размытых дорог

Желоба размытых дорог
Обрамляют пространную пустошь,
Ускользя в небесный поток,
Горизонт подпирая, ревуший
Окровавленным телом заката.
Уплывает течение взгляда
В рассыпного огня палаты,
В потускневшего дня обряды.
Сердце, пьяное бодрым эфиром,
Преподносит восторженный отклик,
В колыбели бездонного мира,
Багровея лучистою топкой,
И крича, что есть мочи, в дальний,
Наполняемый ночью остров
Утомленной земли, зная
Водружают светильники-звезды
Сонной темени, тают дороги,
Искушая ночлегом цели,
И травой заплетаются ноги,
И скрываются в лунной постели
Помышления о грядущем,
Ждущем свежего дня восходе.
Окропляет дорожную гущу
Зыбь Морфея гипнозом, и снова
Желоба размытых дорог
Режут леской ветвистой равнину,
Сколько их, знает разве, что Бог,
Мне еще отсчитать мерой львиной.
Я иду, не могу не идти,
Я плыву, не возможно сдержаться,
Ведь я только на полпути
К тому дому, где с миром остаться
Повеленьем укажет тропа,
Приручив уютom заветным,
Где лазурью осев, высота,

Мне откроется жизнью и смертью.

Мы маскируемся под лица

Мы маскируемся под лица,
Мы жизни видимость растим,
Один, под властный нимб стремится,
Другой, прислуживает им.

Мы создаем коммуникаций
И жизней-образов миры,
Боясь безличными остаться
На гребне слухов и молвы.

И день за днем рисуем браво
Авторитет, престиж, успех,
Борясь неистово за право
В ответе быть за вся и всех.

Мы маскируемся под роли,
Мы в режиссерский метим клан,
Но режиссер, без нашей воли,
Свистит, кто пан, а кто пропал.

Мгновенье жизни – срок немалый,
Мгновенье сердца – краткий срок,
Поймать его, почесть за славу,
Сберечь его, считай, что бог.

По нити тонкого призванья,
Не оборвав струны, пройти,
То тусклый свет предначертанья,
Что знает, истина – в пути.

Янтарная река

Зажги свечу,
Ее пламя – твоя душа,
Зажги свечу,
Ее тепло – твое дыхание,
Смотри на огонь,
Смотри в себя,
Видишь свет,
Это солнце, это луна,
В твоих глазах замирают
Янтарной рекой.

Моя жизнь

Я такой же обычный парень,
Я пишу обычные песни,
Мне сказали, это призванье,
Я ответил, куда только лезет.

Я шпаною занюханный угол,
Я ломоть, отрезанный богом,
Я шатаюсь ветром по ульям,
Я ищу пни, да сугробы.

Грязным снегом, подрезанным стеблем,
Это я, всем, чем вздумался городу,
Мои тени, черным по белому,
Мои улочки, белым по черному.

Я вином поднимаюсь в горы,
В темну ночь западаю похмельем,
Не в богатство мои годы,
Не в надежду моя вера.

Мои годы песок у моря,
Моя вера волны, да тина,
Я не знаю другого горя,
Кроме жизни сердцем невинной.

На меня смотрят с укором,
На меня вешают что-то,
Это нравится моим волнам,
Это мой песок гладит кто-то.

Я такой же обычный парень,
Я не знаю ноты и формы,
Мне сказали, стихов валом,
Я ответил, так было больно.

Отзовись мне

Отзовись мне лаской летней,
Усмиряя хлад зари,
Приближая день заветный,
Где мы будем, лишь одни,
Под сокрытьем нераздельным
Свитых тождеством начал,
На разостланной постели,
У любимого плеча.
Отзовись мне бодрым ливнем,
Унимая зной небес
В гроздях облаков чернильных,
Духоте наперевес.
И разлейся речью струнной,
Наполняя пустоту

Ночки лунной, я безумный,
В эту пору не усну.

Собираю с неба

Собираю с неба
реликтовый фон
через приёмник сердца.
Кажется,
и не верится,
вселенная дышит музыкой.
Симфония пустоты,
предание вечной ночи.
Этот шум полон блюза,
он
печален,
как золото осени.
Изливаются в ручейки
подкожного трепета
ноты.
Можно,
я сделаю громче,
Господи.

Воскресла утра поцелуем стать земли

“

Воскресла утра поцелуем стать земли,
Залились краской маяки зари-молодки,
И песней-пляской ручейки задор несли
По линиям овражным и высоткам.

Из литургии ночи в марш дневной
Глашатай неба, самородок солнца,
Вернулся моросить янтарной мглой,
Замкнув лучом звезд таящих оконца.

Снимая стражу полуночных фонарей,
Возводит утро свет на мирозданье,
И временной аллюр берет резвей
За суетой ожившего сознанья.

В поле хмурый закат

В поле хмурый закат
Облизал небеса,
И ночная звезда
Пробивала фасад
Полутьмы, полусвета.

Закипал горизонт
В лаве солнца, полет
Моей мысли, как ветер
Разносился вокруг
Торжества двух границ,
Опаленных ресниц
Ока Ра, и на слух
Падал тихим шипеньем
Глас остывшего диска,
Золотым обелиском,
Что вещал пробужденье.
Смысл померк на словах,
И, лишь только в глазах
Отражалось души восхищенье,
Под студеной луной,
Приютив час ночной,
Разрываясь на части мгновеньем
Вдохновенных картин,
И, как в ночь пилигрим,
Унося меня звездным теченьем.

Вишневые зори

Ты помнишь вишневые зори,
И мягкие сени травы,
Листвы шаловливые вести,
Что наши с тобою следы
Игривой, волнующей песней
Навстречу багровому морю
Закатного часа вели.

Ты помнишь, идя без оглядки,
Как хлесткие стебли выюна
Сливались единою жаждой,
Напиться друг другом сполна,
И небо закатною сажей
На нас осыпалось в сладком
Вечернем дыханье огня.

Ты помнишь любви аромат,
Ручьев серенады, земли
Постель, согретую нами,
И глаз обжигающих пламя,
Сердец прожженных угли,
Поющих в вишневый закат.

Танец сезонов

Дождливый кисель смакует земля,
Под натиском капель чугунных осели

Зеленые гривы деревьев, а я
Смеюсь и танцую на мокрых аллеях.

Ползет раскаленного солнца ладья,
Под зноем ветров соломой черствеет
Степная щетина травы, но, а я
Смеюсь и танцую на ярких вкрапленьях.

Шлифуется льдами речная стезя,
Под снегом запряталось вьюги веселье,
Продрогнут ладони, но кто, как не я,
Станцует на стылом разгулье с метелью.

Болото вязкое, густая поросль

Болото вязкое, густая поросль,
Гуляла Машенька под небом звездным,
Бродила по лесу, да пела песенки,
Кружилась пляскою, болтала с месяцем.

Болото вязкое, густая поросль,
Ступала Машенька дорогой поздней,
Дивилась ноченьки, да умилялася,
Сегодня к милому она свидалася.

Болото вязкое, густая поросль,
Домой вернулася, встряхнула косами,
Взглянула в зеркальце, налилася сладостью,
Ко сну сготовились девичьи радости.

Болото вязкое, густая поросль,
Забылася Машенька ночными грезами,
Приснился суженый, да роца вешняя,
И сердце ясное, в любви утешное.

Над морским холстом бескрайним

Над морским холстом бескрайним,
Что волною дикой вышит,
Проносилась чаек стая,
Разрезая неба нишу,
Напевая песнь свободы,
Белоснежными крылами
Ветр ловя быстропроходный,
И блуждая с ним часами.
Солнце проливало золото,
Небо заходило синью,
И за чайками куда-то
Сердце моряка просилось.
Его парус, словно крылья

Чаяк, был судьбой раскинут,
Что отсчитывала мили,
Коей был он не покинут.

Блудная тень прошлого лета

Блудная тень прошлого лета
Носит прощанье,
Рьяно дрожа милым секретом,
Кадров сакральных.
Крепкой десницей бережно ловит
Лики истекшего,
Знай моя дальняя, время все помнит,
В сердце утешном.
Глаз благодарных не скинуть в забвенье.
Подлинно знаю.
Взора безбрежье не высушить тлением.
Правда родная.
Истово ширится мера контрастов
Яви и были.
В зимней сторожке, завтра угасло.
С летом остыло.

Ты отзывалась на эпитет Афродиты

Ты отзывалась на эпитет Афродиты,
Глаза морские поднимая на меня,
Русоволосой прядью о ланиты
Играя, точно ленточкой огня.

Ты исчезала и являлась мне внезапно,
Стремглав бросая живописный, яркий шлейф,
И жаждал я, что ожидаемое завтра,
Благословит два сердца на распев.

Ты вдохновляла музою покорной,
И убивала недоступностью сродства,
Желание вписавши своевольно
Любви прекрасной у расхожего холста.

Театр теней

Старый дом,
Театр теней над стеной,
Лепесток заплывшей свечи
Содрогается вальсом,
Хам-ветер рычит,
Разбивая оскал об окно.
Окрыленные сны туман на воде

Собирают,
Луна бьет в набат,
Старый дом,
Опаленные окна горят
Резкой памятью о тебе.
За тобою придет моя ветхая песнь,
Прорываясь завесой дождей,
Как поймашь,
В ладонях своих обогрей
Ее мокрую, зыбкую весть.
Под резиновый купол ночного угла
Собирается пыль тишины,
За тобою ползет мой фантом,
Лишь взгляни,
И оставь над стеной до утра,
У постели твоей
Под присмотром свечи,
Ее воск, как елей,
Помолчим,
Помолчим...

Помолись за меня, ночь

Помолись за меня,
ночь.
Я твое отражение
в зеркалах
бездонной поэзии.
Утешь напоследок,
скоро
заря прорежет,
блаженная,
стезей в новый день.
Тень спадет
и с тобой я расстанусь,
незримая,
заповедная роскошь
души.

Воспетая сладость

Воспевая сладость женских линий,
Я становлюсь бесконечной прямой
В геометрии хрупкого мира
Созерцательной тайны.
Если ты видел
Жадных до взора,
То знаешь и страсть,
Ее сила
В бессилии очарованья.

Моя плоть потрясает смиренье души,
Вожделение неба, обрушившись в ноги,
Замирает.
Все дороги,
Давно уж не в Рим,
Все дороги,
К тем немногим,
Что так хороши, правом нимф,
Порожденных в чувственном слоге.

Четырехсезонье

На степную благодать
Песен хороводы,
Красно солнце не унять,
Дай воды холодной.

Золотых ветвей тряпье
Пожинает ветер,
В иней слякоти бульон,
Не дождусь рассвета.

По морозной колее
Белая метель,
Сочный хруст, да лязг саней,
Вязкий сон в постель.

Развеселая гурьба
Сорванцов-ручьев,
В цвет забава трын-трава,
Роспись под любовь.

На степную благодать
Солнечная крона,
Дорогая, время вспять,
Встретились мы снова.

Когда осень слетает прохладой

Когда осень слетает прохладой,
Я смотрю в одинокое небо,
И под сенью желтого сада
Незаметной строкою беглой
Провожая солнечный образ,
Обрастая ветреным воем,
И срывая простуженный голос,
Укрываю глаза луною
В тихий холод, сошедший ликом
Вдохновенной, знакомой печали,
Осаждаясь дождливым рыком,

Что собою явит окончанье
Пережитого в жаркой отчизне,
И напетого в теплой неге,
Этих красок души живописной
Не опавшей листвой, не снегом
Не свести...

Глаза, отлитые в рассвет

Облачным пухом взбиваются сливки небес,
Даль моя светлая обруч янтарный вскатила,
Сердце по миру несет пробуждения песнь,
Взор отливается солнцем в рассветном горниле.
Сходит кофейная гуща фантомов ночного,
День новорожденный, новым глашатаем вьет
Гаммы, аккорды, тона и созвучия, словно
Кто-то еще здесь надеется, верит и ждет.
Мне ли надеется, верить и ждать дозволения часа
Вскрыть горизонты и плюнуть душою за них,
Кости мои, вы не крылья, вы брэнное мясо,
Вам ли плести меня в этот безудержный миг.
Облачной ватой крошится небесная поступь,
Даль моя светлая, дай мне ветров пободрей,
И оброни на меня свои жгучие, ясные косы,
Чтоб мои очи зарею созрели скорей.
Рвите канаты, топите в себе обреченность,
Грезы держайте, слетайтесь на мед перемен,
Так говорила свободная воля, с тем билась ученость,
Так ободрялся и тешился истиной тот, кто посмел.
Где-то зиждется дождь, где-то засухи корка,
Где-то в молочных снегах поля белизны,
Где-то найдет меня буря, но будет ли толку
Мне от смирения штиля, без этой грозы.
Мои глаза отливаются солнцем в рассветы,
Пусть и сожгу наперед, не за что, не про что и зазря,
Но, с тем, прочту в этой каше лучистого света
Имя свое, что разносится в струнах огня.

Стоптан морозом в тулупы зимы

Стоптан морозом в тулупы зимы,
Иней хватает за ребра,
Скользкими пальцами белые дни
Пишут метели-дороги.
Поле продрогло в молочных слезах,
Падает ветер ледышкой,
Голая тишь, да разутый монах
Храма солнечной вишни.
Пастью снежной поэзии
В слабости тел величие снов,

Просится смыслом прощанье,
Только одно,
Свеча-любовь,
Застывшим венам сознания
Грезит в тепло.

Молодые рассветы с востока ведут

Молодые рассветы с востока ведут
В опаленную степь
Мою душу-водицу,
Раскаляется небо, дороги поют
Позолотой полей,
Да слепую границей.

Память режет свинцом удаленных станиц,
Одиноких дворов,
Да забытой земли,
Расползается степь сором птиц-небылиц,
Переключкой ветров
На безбрежье мили.

Эх ты воля-судьба на разбросанных камнях,
Да стрелах речных,
Уноси мою веру,
Нам беда - не беда, мы с тобой расстоянья
Покроем молитвой
Нового неба.

И струной горизонта прорвем мирный сон
У застойных колодцев,
Да мертвых бараков,
Стать немая прогнулась, да в степь опален
Голос первопроходца
Собственных страхов.

Еще одна подведена черта

Еще одна подведена черта,
Сошлась узлом судьбы-дороги лента,
Созрели память, скорбь и пустота
От собранного траурного пепла.

Отмерен срок, отписаны года,
И все же, мало, как не грей сужденья,
Срослись слезою боль и тишина
В туннелях и пространствах сожаленья.

А мы живем, успеть бы ко всему,
А мы не ждем и получаем страхом,

Они ушли и мы у них в плену,
В плену вопросов к вечности и праху.

Весна, я твой великий грешник

Весна, я твой великий грешник,
Приспешник ветреных побед,
На оттепель душа-подснежник
Летит, как мотылек на свет.

Страда Венеры, сны Орфея,
Безумство жарких рук ночей,
Поют, закатом багровея,
Все ненасытней, горячей.

Весна, я твой голодный отпрыск,
Поймавший ветер роз птенец,
И лунный свет мне ломит кости,
И ночь зовет огнем сердец.

Доброю приметой

Доброю приметой
Раздувал костры
Солнечного света,
Да сносил дары
К идолам цветущим
Маком полевым,
За зарей ревущей
Тишину косил.
Развесел, румяно
Полнился надежд,
Под закат багряный
Крой ложил одеж.
Миррою ночью
Умывал печаль,
Вопрошал свечою,
Сердцем отвечал.
Доброю приметой
Ратовал за бой,
Где вы волки-беды?
Разбрелись луной.
Промыслом душевным
Подводил глаза,
Где вы хвори-шершни?
Вьлились в слезах.
Спешкой злата, поздно,
Я ж и меди рад,
Из ларцов довольства
Скромный мой уклад,

Не богат, не беден,
Не забыт, не знам,
Что огонь, что темень,
Что без стен, что храм.

Грустная песня

Мою грустную песню
Подхватила кисельная осень,
Мою грустную песню
Зализала в иней волчица-зима,
Мою грустную мессу
Продолжают осенние косы
Заклинаний дождей,
Да стенанья морозов.

Мое грустное чувство
Опрокинули ветры дремучих аллей,
Мое грустное чувство
Передали молитвы ночного огня,
Я не чую здесь вкуса
Запорошенных вьюгой-скиталицей дней,
Я не знаю тебя,
Моя рада, моя сторона.

Мое светлое время
Отодвинула в срок лиходейка-судьба,
Мое светлое время
Выжидает со снастью рожденных из пепла,
Моя дань во спасенье
Все равно по весне,
Как тоска б не брала,
Мне на этой земле
Этой волей-неволей согрета.

Жил-был дурак

Карамельные сумерки
вносят прохладу
на звездном фарфоре,
Мы с тобой умерли
для этой жизни,
для этой боли.
Мы с тобой вестники
черного света
ясной печали.
Ветры окрестные
нас убаюкали,
значит сначала.
Под невесомую флейту

ручьев
в рощу цветную,
Снова и снова
солнечный брод,
сердцем рисуя.
Веру в кулак,
мир на ладонь
ветром окрестным,
Жил-был дурак,
да только не тронь,
всякое к месту.

Легкая вода

Видимое, но неразличимое,
Слышимое, но не говорящее,
Сокрытое в знании, но не познаваемое,
То, о чем промолчат мудрецы седых гор,
Единство земли и неба,
Слияние света и тьмы,
Творящее сердце легкой воды.

Вплетаю в струны неба

Вплетаю в струны неба
Мелодию сердца,
Позволь, я буду надеяться,
С первой проталиной снега,
С первым лучом золотым
Солнечной перемены,
Что наша с тобою вера
Ватный туман, не дым,
Нежный рассвет, не пепел,
Вплетающий в струны неба
Первым лучом золотым
Мелодию чистого света,
Музыку ясного чувства,
Ветреный глас пробужденья,
Не ремесло, искусство,
Искусство прожить мгновенье,
Как целую жизнь без остатка,
На высоте живого
Забытого легкого слова,
Строки, откровением сладкой.

Черная ночь твоих глаз

Черная ночь твоих глаз
Преломляется таинством

Лунного ветра,
Я крадусь между звезд,
Между игрищем фраз
Полуночных бродячих поэтов.
Я слепец, я посланник
Крылатых речей,
Моя ночь опустилась затмением,
Я иду по пятам
Храма звездных свечей,
Я ищу в тебе страсть во спасенье.
Эта черная ночь,
Беспробудная даль,
Отворяется холодом неба,
Я бродячий аккорд,
Во хмельную печаль,
Что растает с рассветом бесследно.

Солнца спелого яблоко

Солнца спелого яблоко
разгорается полднем
лета пышного, лета знойного,
на небес синих пашенке.
Валит зелье цветочное
с плеч дурманную голову,
облаков гребни сочные
в луже неба полощутся,
размалеванной золотом.
Пудра света осыпала
сердцевину заросшую
леса тучного, взбитого,
продирающей свежестью
хвойной окрошки.
Солнца корж пропеченный
хорохорится, тужится
стоком огненным, кружится
над землею запруженной
желтокрылой пыльцой,
лето, двери открой,
на пороге стою я, твой суженный.

И я вернусь с крылатой колесницей весенних гимнов

И я вернусь с крылатой колесницей
Весенних гимнов, талою водой
Я разольюсь по солнечным страницам
Поэмы лета, чтобы быть с тобой
Моя надежда, ветренная дева,
Мое спасенье имя тебе дам,
Забудем все, что было, это небо

Отныне сердца любящего храм.
Ничто не станет смутю пред нами,
И смоем дождь слезой ручьев печаль,
И обнаженный ледяными небесами
Воскреснет в вере мой Святой Грааль.
Сомкнутся бреги в мост благословенья,
Протопчет землю истина пути,
И я вернусь с крылатым провиденьем
Весенних ветров, чтоб тебя найти
Моя надежда, блудная невеста,
Мое прощенье назову тебя,
Пропой мне светом утреннюю мессу,
Гранатом зорь день новый претворя.
Летите ангелы навстречу откровеньям
Души голодной до бурлящих нот
Морей соленых, штормовых течений,
Слепящих видов девственных свобод.
Степенностью не дайте захлебнуться,
И не жалеите таинств для мечты,
Ведь я вернусь, я обещал вернуться
В весенних маршах призраком воды.

Переверните небо

Переверните небо,
Чтоб черпать ладонями звезды,
Как кристаллы замерзшего снега,
Как проросшие инеем слезы.
Я мечтатель, мне нужен воздух,
Не оплеванный гарью серой,
А прозрачный и светлый, как звезды
На земле, искрящейся мелом.
Чтобы в пальцах воспрянула яркость,
Чтоб в ногах трепеталась легкость,
Кто-то скажет – глупая радость,
Но, а мне – сердца бездонность.
Я хочу сверкать вместе с ними,
Я желаю зрелищ, не хлеба,
Глядя огонь их мерцающей гривы.
Переверните небо.

Я вырос на пастбище жгучих ветров

Я вырос на пастбище жгучих ветров,
Меня воспитала ночная тоска,
Я вскормлен был солнцем, и ласка-весна
Плясала чечетку у моих ног.

Я щупальца видел дорог неземных,
В рожденьях звезд, в замиранье небес

На сфере вселенской, и осени блеск
Кружился шафраном в ладонях моих.

Я пил из горла дождливую слезь,
Я спал на брусчатке скалистых столбов,
Я брал с собой в путь, только хлеб, да любовь,
Я звал за собой только ветра посвист.

Серебро дождя

Серебро дождя на мольберте окна,
Водный хор муз небесного братства,
Размельченная стужа сырого угля
Облаков, мокротелая паства
Луж стеклянных на стрелах размытых дорог,
Колпаки громовых перекличек,
Седовласостью скрученный воздуха смог,
И сердечная клетка безразличья.
Хмурь мирского холста, песни сорванных струн,
В оцеплении насыпи бледной,
Ночь крадется лисой, светлячков-звезд изюм
Спрятан в ватные рукава бездны.
Липнет сон на глаза, и дождливая дробь
Все стучится погодным неврозом,
Я стою у окна, я считаю до трех,
И плююсь одичалостью в грозы,
Облепившие сетью шипов небеса,
Липнет дождь простыней, сон съедает глаза,
Серебро застывает во взгляде кристаллом
Мертвых улиц, усталых домов и кварталов.

Сверхновая

Коллапсирую, как сверхновая,
Чтоб рвануть свежееиспеченными
Элементами жизни,
Ломано,
Низвергаю искру, нареченную
Неминуемым, тропой пламенной,
На которой любви я баловень,
В теплых сенях нежной звезды.
Нет сомнения,
Солнце праведно,
Возгораюсь, светом сдобный,
На горячке дикой грозы
Я опять вам светить готов,
Свою душеньку множа в разы
Абсолютного.
Сею в любовь,
Распускаю слезы весны,

Собираю золото осени,
Отворяю желания,
Позднею
Стороной западаю во сны.
Весь из радужных красок взбитый,
Откликаюсь на сердца призыв,
Отливаюсь палитрой жгучей,
Как сверхновая, в мыслях вьючных,
Рвусь на нервы, роняя свой взрыв
На краю вселенского эха,
Прописавшись
Плачем молитв.
Колошусь дорожною вьюгой,
Ледяная корка былого
С миром треснет,
У сладкого луга
Мне судьба собирать свои песни.

Белым голубем в синь воздушную

Белым голубем в синь воздушную
Ветроносную, солнцекрылую,
Тенью хвойною в лето душное,
Упадут слова на любимую
С моих уст рубиновых.
Сердце
Лепестками лотоса в бархат
Обернется, и будет греться
В лютый холод, зимою ватной,
Когда вспомнит обеты свои.
Еще свидимся, в узел стиснуты
Пара судеб,
Что в вечность прописаны,
И заверены клятвой любви,
Под пологом свиданий беглых.
Моих глаз душистые вина,
Через время, памятью спелой,
Донесут слова до любимой,
В них, тепла волною оседлой,
Размягчится печали глина.
И прозрачным кристаллом ключей,
С бодрым сердцем второго дыханья,
В быстрых соколах сладких ночей,
Что веснушками звездных свечей
Преломляются,
Грозы желанья
Обретут безмятежность речей.

Душа ее – Атлантида

Душа ее – Атлантида,
Косы ее – травы цветные,
Губы ее - душистые маки,
Имя ее – в свете хранимо,
Во сны расписные окутано,
Лунной тропинкой во мраке
Ночи излито, начертано.
Звезды приветствия шлют,
Ветры несут восхищенье,
Утро возносит рассветами,
Ту, о которой поют
Гончие псы вождельня.
Страсть – ее родитель,
Радость – ее потомство,
Сладость течет по устам,
Когда любовь обитель
В сердце ее найдет,
Чувством, созвучным нам.

Ноябрь

Меня начинили светом
Эти холодные прикосновенья
Утренних зорь,
Меня пропитали пеплом
Эти туманные звездосплентенья
Ночных небес,
Пьяный Гермес
Весть мне принес
Крылатой молвой,
Будто бы скоро зима,
Будто бы осени слез
Мы понапились сполна,
Под язык соль, да мороз.

Меня обложили ворохом
Эти белые клочья
Снежной трухи,
Меня захлестнули хором
Эти многоголосья
Ветреной фуги,
Верные слуги
Мысли, да числа
Напомнят в стихи,
Будто бы скоро декабрь,
Будто бы осень провисла
В серую даль
Ледяного карниза.

Дай мне терпения горсть

Дай мне терпения горсть,
Усыпать тропу грядущего,
Дай мне глоток вина,
Забиться в томной процессии,
Ветер развеет следы,
Небо застынет бездушно,
И только нота смирения
Окажется песней песен.

Сделай, чтоб стало тепло,
Север крадется стеною,
Лед застигает дорогу,
Дорога путает след,
Я растерял языки,
Я забыл, что такое
Слово, лишенное права,
Мыслью твоей болеть.

В храме горит свет,
В храме чествуют солнце,
Это твое отражение,
Это проклятье со мной,
Я не знаю себя,
Только одно просится,
Дай мне свободу любить,
Чтоб вождедель покой.

Видишь, я пуст, как бездна,
Веришь, пущен по миру,
Ты обещала плакать,
Я обещание принял,
Ветер стальное лезвие
Скрипом холодной квартиры
Точит, я собираю
Память похлебкою винной.

Значит, вечность моя задышала весной

Если светел мой взор, если прост мой слог,
Значит, вечность моя задышала весной,
Если сердца рубин кровь елейную пьет,
Значит, вечность моя задышала весной.
Если востер мой слух, если разум пречист,
Значит, вечность моя задышала весной,
Если сито души, как нетронутый лист,
Значит, вечность моя задышала весной.
Если строен мой шаг, если верен мой путь,
Значит, вечность моя задышала весной,
Если в мире моем преисполнена суть,
Значит, вечность моя задышала весной.

Если в небе звезда златом славит любовь,
Значит, вечность моя за весной влюблена,
Если в вере моей меня ждет мой Господь,
Значит, вечность мою окрестила весна.

Свет мой, Александрия

Свет мой, Александрия,
Вспыхни со мной жаждой прекрасной,
Выйди ко мне, ливни косые
Путь тебе выложат лентой атласной.

Свет мой, Александрия,
Вспомни молитву нежности легкой,
Выйди ко мне, ветры босые
Взгляд твой направят поступью ловкой.

Свет мой, Александрия,
Спой мне любовь созвучием тесным,
Выйди ко мне, тени лесные
Тебе подскажут, где мое сердце.

Время зажечь костры

Время зажечь костры,
Время плясать на углях,
С нами дикая ночь,
С нами огонь вина.
Это наша слабость,
Скажет пьяный художник,
Это наша судьба,
Добавит старый шаман.
Время согреть холод,
Время забыть память,
Время, на время оставить,
Праведный воли полдень.
Красных углей пропись
В дикую ночь светом,
Глаз усталую прорезь
Хмелем размажет по ветру.
В дикую ночь слепую
Нас убаюкает сладость,
Там, где наша судьба,
Нам ничего не осталось,
В гари закатного плена,
В тлене прошедшего дня,
Кроме золы неба,
Кроме жара вина.

Крова родные стены

Крова родные стены
Пусть привнесут желанный
Мир и покой в обитель,
Где воцарилась радость
Солнечных дней с любимой.

Крепостью гор сплоченных,
Вкусом многообразья,
Ветром тонов многоцветных,
Дом твой рассвет украсит
В теплых лучах её губ.

Спросят, откуда родом
Красок богатство это,
Ты отвечай – то нежность
Глаз ненаглядных сердцу,
В храм мой вдохнула жизнь.

Бессонница

Хромает ночь в расщелины дверные,
Спускает псов чернеющая степь,
Взъерошены мерцающие гривы
Холодных звезд, ползет зефиров сеть
По окнам, прозябающим в затишье,
Опавший день устало в спину дышит,
И на глазах потухшая свеча.
Сны разбегаются по душам, лишь ничья
Моя голубка, утомившись от кошмаров,
Она звенит бессонницы ручьем,
Она поет свирелью в хор ночной,
Ей не до сна, она от снов устала.
И, как закат бодрит ее призыванье,
Так разбивает в прах ее рассвет,
Хромает ночь, загадывая желанье,
Вспылит заря, сойдет мечта на нет.

Колокольным звоном с молитвою

Колокольным звоном с молитвою
Я врачую хворь обуздавшую.
Созерцаньем радости полной
У святого лика Небесного,
Примираюсь с непогодицей
Души маетной искушением.
Собираю на исповедь
Прегрешенья невольные,
Силюсь верой целительной,

Да пророчу в стихи.

Идем на север

*Солнце мое – взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак,
И если есть порох - дай и огня
В. Цой*

Душа кипятком,
Сердце на вилы,
Глаза в ночь,
Слова льдом,
Дорожная песня
Вьюгой простыла,
Идем на север,
Идем.

Вера на веру,
Правда на правду,
Сны без фантазий,
Крепость вином,
Напутствие ветра
Закашлялось грязью,
Идем на север,
Идем.

Солнце за пазуху,
Нежность в кулак,
Радость огня
На потом,
Раненой птицей
Дорога в ногах
Петляет,
Звезды свинцом
Заливают глаза.

Голод на царствие,
Холод в друзья,
Черным небом
В кювет,
Слепнет дорога,
Не здесь и не я,
Мой промысел,
Северный свет,
Не даст мне померкнуть
В этой земле
Расстроенных струн,
И снежных причалов.

Я поднимаюсь
Северных лун

Рождением,
К точке отсчета
Своей печали.

Молитва отступника

Господи, дай определения мне на стезе узкой,
Ибо смятение мое не находит выхода без греха
За душою моей.
Ниспошли мне благодать нести свой крест
По Твоему всеумудрому усмотрению,
С Твоим повелением в сердце.
Господи, научи глазами Твоими мне зреть
Всяко павшее в сторону мою благочестие и гонение,
И силой Твоей согреть добродетель сердца
В тернии дольней.
Господи, запрети устам моим изъяснять,
Если слово лукавое жнет на их пашне,
И даруй волею своей беспредельной
Мудрость молчания в гневе
И светоч смиренья в речах обращенных.
Господи, образуй мою душу праведной мерой,
И, да прибудет на всем печать Твоего снисхождения,
И солнце благословления во всякое право земное.
Господи, благо Твое, сделай мои вожделием,
Ибо нет мне покоя и мира доселе творю беззакония,
К усердию тяжб Твоих дланью Своей
Сердце мое придержи.
Господи, пусть печаль моя будет Твоим утешеньем
За неправедный строй мой,
Но надежды моей не оставь, во свете Своем.
И, да свершится веление Царствия Духа на лета мои
И на всяко содеянное в них
По справедливости и милосердию Твоему.
Аминь.

Назови ее ласточкой

Назови ее ласточкой,
и она полетит к весне,
Назови ее ясною,
и она обратится зарей,
Окрести ее, ласкою,
и она обернется в шелка.
Это музыка нимф, что легка,
И свежа, как ветер ночной.

Дай ей имя - желанная,
и она тебе явит любовь,
Нареки ее славною,

и она будет доблесть ковать,
Вверх ей ночь беспроглядную,
и предстанет она звездным телом.
Это музыка ангелов белых,
Что на крыльях несут благодать.

Снежное сердце

Снежное сердце
Настроит метелью свирель,
Снежное сердце
Забьется мелодией вьюги,
Где-то во льдах
Ветер устроит постель,
И стужа супруга
Сойдет на белое ложе.

Платье хлопчатое
В холод заправит зима,
Блеск серебра
Сбросит в дорожную пустошь,
Снежное сердце
Справит смиренье огня,
Солнце придушит,
И вскроет меловые ножны.

Снежное сердце
Сны опрокинет на храм,
Где пьют во славу
Терний душистого лета,
Где-то во льдах
Иней цветет,
Хриплый ветер
Носит во чреве печали
Весенний плацдарм.

Когда обрушатся стены Иерусалима

Когда обрушатся стены
Иерусалима,
И Вавилонскую деву распнет под огнем
Страшный суд,
Я буду помнить, лишь
Как уронила
Ты золотой печалью,
На платье неба, слезу.

Если архангел в трубу пропоет
Мне на ухо,
И отрекутся мирские ваянья

От бремени дел,
Я буду знать одну бесконечную волю
Для духа,
Ты моя вечность,
Ты мой счастливый предел.

Пряди волос

*Давай воскресим богов
Все мифы столетий
Поклонимся идолам
Старого леса
Джим Моррисон*

Возьми эти пряди волос,
В низ запуталось лета дыханье,
С них крошится янтарь желтых слез
Ранней осени в ливнях хрустальных.

Свяжи их шелка лучом,
Эти косы под золото шиты,
Им дрожать бы в храме свечой,
Им бы реять звездой пиита.

Познай этих локонов сласть,
В них просеян дурманец цветочный,
С них струится заснежная вязь
Белых зим и ночей долгосрочных.

Спиши с них нежность воды,
Срисуй с них ясность небесную,
Возьми эти пряди весны
На солнца алтарь невестою.

Снам собирать серебро

Гремучая смесь
Бессознательных мифов
Вливается в ночь,
Присядь, я расскажу тебе
О благородстве огня,
Здесь собираются сны в серебро,
Здесь очищается дождь,
Здесь подают вино
Тем, кто уже не успел,
Но еще не устал.

До бесконечности глуп,
Знающий правду о нас,
Радостью светлой печален,
Знающий мудрость в себе,

Острых углов не срезать,
Здесь и сейчас,
Снам собирать серебро
На благородном огне
Бодростью духа,
Слухом слышать,
Словом сухо
Дышать в ответ.

Рассыпаться

Рассыпаться
тысячей звезд
на сумрачной лени.

Излиться
в серебро
прорезью света.

Еще одно
мудрое сердце
исполнится верности.

Впускаю,
неси мне свое
вдохновение ветра.

Прозрение одиночества

Сделанный из другого теста,
Нашедший сегодня, уже вчера,
Ты в узких кругах размахом известен,
Солнце пробилось,
Твоя конура
Ждет гостей.
Теплые нотки летнего ветра,
Ладан, сгорающий сладким туманом,
Окна раскрасит холодным рассветом,
Время пришло,
Пора,
Ждем новостей.
Взгляд валуном в стены пророс,
Твои гости – призраки ночи,
Твои новости – музыка звезд,
Впрочем,
Игра стоит свеч,
Впрочем,
Мечта,
То же пророчество,
Не плачь и не сетуй,

Когда с тобой
Прозрение одиночества.

Тот, кто уходит в ночь

Вектором холода утро
В сердце вонзилось,
Рассвет
Оповестил петушиный
Окрик,
Мир вскинул забрало.
Дрем я не смею прервать
Дух мой полуднем восходит,
Лишь
Ко движенья стезе.
Ночь черноглазая ближе
Моим усердиям скромным,
В ней нахожу я родство
И созидания повод.
Мать моя темная, скоро
Сын твой вернется к тебе,
Ныне заката гонцы
Ранние, осени правом.
Сызнова будем мы рыскать
Во философии звезд
Ветром раздумий прекрасных,
Когда пребудет со мной
Таинство лунной печали,
Как благодатная чаша,
Полная серебра
Образов непреходящих.

Если ты слеп

Если ты слеп,
То, что я могу тебе дать,
Если ты нем,
То, как я тебя услышу,
Выйди на свет
И сгори,
Мы задышим
Прахом новорожденных глаз,
Тех, что хотят сказать,
Как дорог этот ночной глоток
Ветров скрипучих,
Как долгожданно пляшут дожди
В кудрях аллей,
Но если ты слеп,
Что я могу озвучить,
Кроме бездушной воды,

Да мертвых огней.

Боль, как лекарство от скуки

Боль, как лекарство от скуки,
Грусть, как предтеча новин,
Солнце восходит, закатай мне руки
В сладкую вязь луговин.

Я здесь останусь тяжелым
Камнем у крови земли,
Полно искать чертей, полна,
Ангелы-крылья в пыли.

Скользкой росой пригубило,
Утро холодный мотив,
Млеет на всходах светило,
Небо рассветом скрутив.

Боль, как лекарство от скуки,
Грусть, как предтеча пути,
Не отпускай мои руки,
Мне от себя не уйти.

Напиши свое имя, дождь

Напиши свое имя, дождь,
В зарослях сонных небес,
Растопи безмятежную стынь на свинец,
Да отлей им холодны клинки,
Что пронзают зари обожженную дрожь,
Да сухой пласт сердец,
Да гнилой крой их вежд,
Пусть плодятся в венки,
Пусть вступают вразрез
С равнодушьем судьбы.

Напиши свое имя, дождь,
Хороводами чистых озер,
Да речной кутерьмой
Полноводных сестер,
Их молчанье ты ныне найдешь.
Посмотри, только выйди на свет,
Этой засухе душ нет конца и нет края,
Время сеять водой, да заутреню петь
Этой стае небес, сонной стае.

Выпить алую зарю

Выпить алую зарю,
Да по скошенной траве
Пробежаться по утру,
Вслед холодной пустоте.

По туманам, да ветрам
Расписать судьбы союз,
По взъерошенным лугам
Загребать душистый мусс.

Посидеть пред тишиною,
Да свалиться в плен души,
За дождливою стеною
С чаркой-засухой спешить.

Выпить тающий закат,
Да согреть огонь в груди,
Прикормивши, чем богат,
Ночь на стоптанном пути.

Ночь-тигрица

Нацедила закатной кровины,
И в лунную топь опустила десницы,
Зализала окно гуталином,
Да забила черною птицей.
Приютила огнем маяков,
Разбросала липкие сны,
Пролила на канаты усталых дорог
Молоком-серебром звездный дым.
Натянув тетеву одиноких молитв,
Промочила крылья дождем,
Обернула слезу, сиплым ветром простыв,
Да упала печалью на дно.
Проползла по душе ледяным сквозняком,
Хорохорясь в дикий припляс,
И встречая с порога, ласкала хлыстом
Фонарей, в мраке заспанных глаз.
Ночь-тигрица разбила шатры,
Заточила когти безмолвия,
Ночь-тигрица крадется тропой луны,
Снаряжая глухое застолье.
Ночь-тигрица стирает окурки свечей,
Да сбивает азарт огня-громовержца,
В клетке хищной тиши, задувай жар речей,
Я тебя отпускаю, дыши мое сердце.

Небо-наркотик

Небо – наркотик,

для тех, кто умеет,
Читать между строк сокола-ветра,
И день, погребаемый в солнечной вере,
Струною отпеть закатного пепла.

У листопада дорожных напутствий
Собраны вещие сны и приметы,
Пенятся легкие воздухом улиц,
Ночь хороша молчаливым советом.

Небо – присутствие,
тех, кто не с нами,
Мера души, обнаженной пред Богом,
Тонкая грань наваждения взгляда,
Или дорога, всего лишь дорога.

У меня есть путь

У меня есть путь,
Этот путь весна,
Красноликое солнце,
Да водой ключевой
Умытый рассвет,
С ним старуха-тоска
Кочевого тумана,
Да зефира плечо.

У меня есть свет,
Это свет полей,
Тишина золотая
Теплой крови земли,
Да немного веры,
Чтоб гонять чертей,
Чтоб просить не милость,
Да не войны для любви.

У меня есть нить,
Горизонт судьбы,
Да слепой мой след
На порог весны,
Провожает ночь,
Собирай рассвет,
Ты мой путь-огонь,
Догорай в цветы.

Созревший плод

Обозначен ли скорбью,
Или радужным светом исполнен,
Перекован ли страстью,

Или сухостью бью себя в грудь,
Я смотрю на себя постороннего,
И я спокоен,
Ибо это, не суть моего,
Ибо это, лишь путь.

Наречен ли апостолом,
Или отступником веры,
Облекаем в познание,
Или пустому проник,
Я смотрю через плоскости жизни
Без граней и меры,
В созерцании сердца,
Которое цельность хранит.

Ах, эти смолы черных очей

Ах, эти смолы черных очей,
Тянут-потянут в райскую вязь,
Вскинуты крылья зыбучих ночей,
Ветер разносит черную грязь.

Ах, это тесто заревых уст,
Чавкает солнечный бубен в рассвет,
Вздернуто небо, судорогой чувств
Весть отдается полночных бесед.

Эх, моя рада, душный простой,
Ночь, али день, все ты тоска,
Прячешься пылью в душе холостой,
День, али ночь, жизнь от станка.

Водка, да бабы, лекарь мешай,
Сведаем вкусного лакомства лжи,
Хей, мои беды, мои кореша,
Вечно со мной, а за мной не души.

По инерции время катится

По инерции время катится,
В воду канет едва ли заметное,
Моментальное, вечным хватится,
Пожиная плоды многолетнего.

От кичливого до посмешного,
Пробежавшись полоской изрезанной,
По разбойничьи вспомнит грешное,
И, дай Бог, простит бесполезное.

Затвердеют смятенья бывалые,
Оттрубят стремления пылкие,
И останется только малое,
А от малого, до великого...

Воскресение

Из голодной души высекаю чуть теплый огонь,
Согреваюсь моментом и снова под лед зарываюсь,
Этим льдом укрываюсь в протяжность я ночью и днем,
Чтоб чрез синюю корку копить впечатлений на старость.
Только в тех рубежах предсказуемость щиплет глаза,
Только там, на границе, обыденность роет мне яму,
Я стучусь в свое сердце, и вновь пламенеет азарт,
И волнует рассвет, умирать еще молодость рано.
И мне кажется клятвою этой навеки скреплен,
И в седых временах не найдется покоя и мира,
Будет вечно безумен и вечно безумно влюблен
Самодержец и царь, обреченный на маску сатира.
Иссыхают недели, как влага небесной росы,
Календарь пожирает конвейером призраки-числа,
Я последние силы кладу на простоя весы,
Чтобы с сонной души оборвать хоть еще одну искру.
Выдыхаются вина, что спели задором побед,
Приспускается занавес сцены, сносившей нам славу,
Мы уходим в мечты, оставляя истоптанный след,
И сидим на обочине, в даль упираясь упрямо.
Мы пределы судьбы заковали в ладоней узор,
Но, лишь верой сильна благородная, светлая участь,
Я сижу на обочине, как незадачливый вор,
Сам себя обокрал, а в судилище выносил случай.
Вот и солнце встает, я открою навстречу лицо,
Пусть стекает лучистость по тропкам морщинистой кожи,
Пусть похмелье стучит в голове, обливаясь свинцом,
Я беспечность достану из пыльных и стершихся ножен.
Той беспечностью голод и скудность души утолю,
Что от Бога наследует милость и всякую мудрость,
А коль встретят в штыки, без пристрастья обиду солью,
Дабы льда покрывало очей никогда не коснулось,
Дабы твердой ногою держать обозначенный курс,
Спотыкаясь о дебри не падать, а множить терпенье,
И надеждой смирять обуздавшую черную грусть,
Ибо в вере, лишь зрит благородная стать воскресенья.

Любовь

Воспаленные нервы гудят, словно пули шальные,
А с экрана глядит под фанеру безликий рой ног,
Мне бы первым бы снегом умыться, да выпить за веру,
Только верой у нас разродилась не вечность-любовь.

И плывет этот город нахрапом гудков и рекламы,
За рекламным щитком отражение нашей судьбы,
У подъездов разгульная степь, лишь убогим, да пьяным,
И для слухов надел благородным, но ветхим седым.
Где-то там, далеко, может быть, я оставил припевы,
О хорошем и добром, что смотрят прекрасной мечтой,
Эх, кому бы отдаться, одно все, что правым, что левым,
Утешенье мое, ты мне больше слащаво не пой.
Воспаленные нервы гудят, словно трубы заводов,
Я оставил свой цех, я сменил сто работ без огляд,
Мне бы первым бы снегом умыться, да слить с души воду,
Говорят помогает, да мало ли, что говорят.
И звенит в голове, замолчи и послушай совета,
Я советчикам рад, только им ли со мною грести,
Мудрецов наплодили и сели на мель без ответа,
От тебя, лишь, родная, не дай чистых глаз отвести.

Я смазал солнцем связки, я грудь проветрил вьюгой

Я смазал солнцем связки,
Я грудь проветрил вьюгой,
Пришпорив сердце страстью
Полночного досуга.
В глаза залил я небо,
Запутал руки в травы,
Я волком шел по следу,
Я чайкой реял в лаве
Воздушной морщи ветра,
Я бился громом оземь,
Я выстрелы рассвета
Вязал в стальные косы,
Я руслом принял свежесть
Речной волны скользящей,
Я в сердце сплел безбрежность
Закатов нисходящих.
Я шлифовал словами
Многообразье мира,
За пыльными коврами,
Под сводами квартиры,
Пред тусклым абажуром,
В черновиках бумажных,
Где жизнь моя уснула
За повседневной сажей.

Убиваю время в закваске дней спеченных

Убиваю время в закваске дней спеченных,
Провожу по сердцу линии добра,
Выбиваю пыль мыслей обреченных,
Пеленаю солнце, да гашу ветра.

Ухожу весною, да курю июнем,
Пью жары настойку, на газетах сплю,
Отмечаю ленью предрассветный студень,
Парками кудрявыми в пляс любви бреду.
Сокрушаю время, торможу пространство,
В трезвости погиблой воскресаю пьянством.

То, брат, не тоска

То, брат, не тоска,
То лихая правда,
А за мной пришла
Черная бразда,
Воронье, да нечисть
Заклевали храм мой,
Нацедило горе
Слез на два ведра.

То, брат, не печаль,
То судьбы потеха,
А за мной ступает
Серый караван,
Без обид, без крови,
На дожди не сетуй,
Отдохнуть дай солнцу,
Подставляй стакан.

То, брат, не унынье,
То, лишь время чая,
А мне сок полыни
Позалил глаза,
На худое дело,
Верись, не серчаю,
Будет то, что будет,
И опять весна.

Прелюдия полнолуния

Прелюдия полнолуния,
Холодная волчья песнь,
Судьба ты моя беспробудная,
Дай миром в душе осесть.
Интимная звездная сказка,
Расчесанный ветром вой,
Судьба ты моя несвязная,
Снесешь ли душе покой.
Надеждой рассвет теснее,
И все же, на черном теле
Границы охотницы-ночи,
Оставляю на верность себе я

Холодную песню волчью.

Опять ты ждешь

Опять ты ждешь, что завтра расцветет
Твоя душа под новыми тонами,
Но вот идешь, идешь, идешь, идешь,
Не оставляя ничего за нами,
А что-то там на лезвии ножа
Скребет разлукой и выносит в память,
Чтобы порвать тебя, пока свежа,
Моя душа, и в омуте разбавить.
Над алкогольной серою тоской
Я взгромоздил пространства и понятия,
Опять уйдешь ты завтра на покой,
И может обретешь во сне приятье.
Но меня гложет эта тишина,
И не дает покоя голос плоти,
Крадется мир по лезвию ножа,
И увязает ложью, как в болоте.
Свечой в луну тоскливо пропоет
Над бледным сумраком дыханье сигареты,
Опять ты ждешь, что завтра расцветет,
Но, лишь изводишь просьбами рассветы.

Вольница

Воскресай степное братство,
воскресай,
Загоняй коней ретивых, диким ветром,
в дикий пляс,
Хмель душистый лей на сердце,
разливай,
В добрый час, душа степная,
в добрый час.

Разлетайтесь путь-дороги кучей стрел,
скорых стрел,
Заряжай огнем свет-солнце, в вольну ширь
заряжай,
Обгоняй скакун проворный, свою тень,
смуглу тень,
В добрый край, душа степная,
в добрый край.

Осенний дождливый кефир

Осенний дождливый кефир
В хаботьях листвы желтоперой,

Коктейль из печали,
Росы замерзшие гроздь,
Историй,
Проплывших летней испариной,
Незавершенность.
Молчания след
В одиноких аллеях,
Проталины редкого солнца
В обед.
Бессилие воли к движению,
Поспевшее тесто забытых сентенций,
И взгляд на луну,
В отражении
Скисшейся слякоти сердца.
Костры папирос
Алкогольной селитрой залитые,
Искусна
Труба безголосая
Тремором ветра.
Споем?
Не проснутся...

Под рубашкой зимней

Под рубашкой зимней серебрится иней,
Парусник студень ветер распростер,
Небо ясной гладью в колыбели синей,
Выловило солнца плавящийся взор.

Снежные белила раздели ветви
Заспанных деревьев, стоптанных дорог,
В воздухе прозрачном свежесть дня воспета,
Из резных избушек валится дымок.

А душа, душа – парное молоко,
Так тепла, румяна, как младенца плоть,
Видится просторно, дышится легко,
Словно зимним платьем рядится Господь.

Разбуди меня поутру

Разбуди меня поутру,
С первым вздохом зари огнепалой,
Когда вскроют свою наготу
Переливы небесные храмов.

Отведи меня молча к ручью,
Смой сонливость хрустальной влагой,
И я сердце свое отпущу,
Кочевать по полям златоглавым.

Воротится когда оно в дом,
Приюти его сытным обедом,
Разведи в камине огонь,
И согрей теплотою беседы.

Пилигрим

Сумасбродная блудница,
Моя тропка средь трясин,
Ты куда ведешь сестрица?
Под знаменами осин,
Под распаханной землицей
С трудолюбцем ветерком,
От границы до границы,
Рея ливнем-босяком,
На простецкое убранство,
Пилигрима пут лесных.
Дай же, право, мне добраться,
Без подвохов ков твоих,
До искомой, до сторонки,
Что отмечена душой.
Соловей, что скажешь, звонкий,
“Я с тобой, с тобой, с тобой...”

В доме моем лунная гавань

В доме моем лунная гавань,
В окнах моих звездная пристань,
Там, за кормой, ночная плеяда
Гонит смуглую рябь по карнизу.
Там, в парусах, сонная мякоть,
В рог тишины колокольню дневную
Разом скрутила, чумазую слякоть
В вязких глазах смолою рисуя.
Выползли тени, сбились громады
Многоэтажек в горные бивни,
Я умываюсь звездной рассадой,
Я натираюсь лунною пылью.
В доме моем греются свечи,
Окна мои отражением машут,
Сердце мое выпило Млечный
Путь и теперь по небу пляшет.

Август

Заклубились рощи,
Расчесалось небо в солнечные пряди,
Ясностью день сложен,

Спорятся побеги пашни шоколадной.

Засвистит по телу струйка сладострастья,
Радужная нега,
Зарихтует белым, черное заквасив
В зимнюю беседу.

Тужит лето брюхо,
Нависая жаром, над сердечной ширью,
Дует в оба уха сочным перегаром,
Из цветочной пыли.

Колесят по жердям,
Да стреляют песней, златогласки-птахи,
Воскресает вера,
Да надежда свесит рукава рубахи.

А любовь из сада, а любовь из поля,
До чертей глядится,
Эх, бичуй, отрада, да, хлещи, раздолье,
Августа теплицей.

Перед сном в деревне

Сноп волос моих кофейных
Раззадорил встречный ветер,
Как соломенные стебли
Припустил гулять на свет,
В серебристые ветвленья
Диска бледного луны,
А в ушах ночное пенье,
Изливается в псалмы.
На глазах туманной синью
Окоченевшее небо растлен,
От приволья я в бессилье
Добреду до хаты стен,
Сяду молча у калитки,
В гриву звездную вопьюсь,
И под лунную накидкой
Мирным полусном зайдусь.

Разлетелась весточка в округе

Разлетелась весточка в округе,
Соловиной песней по ветвям,
Прокатился ароматной вьюгой,
Изумрудных крон цветной дурман.
Всколыхнул настил камыш упругий,
Пробудился топкий мир болот,
Солнце вдалось в сеть лесной дороги,

Орошая сласть медовых сот.
Полевой чертог лоснится златом,
Облака кудрявятся вдали.
“Мы богаты... как же мы богаты”,
Рвется сердце в тесноте своей груди.

Луг, околица, домишко...

Луг, околица, домишко,
Лай собаки во дворе,
Воздух свежим сеном дышит,
Растворяясь в синеве,
Солнцем залитого неба,
Веселится ясный день,
Топится с душистым хлебом
Печь, отбрасывая тень,
На укромное хозяйство,
На уют древесных стен,
Где давно не просыпался
Дух зыбучих перемен.
Жизнь полна укладом старым,
Невдомек ей суета,
Луг, домишко за оградой,
Да святая простота.

Вслед осенним ветрам

По горячим следам,
Вслед осенним ветрам,
Мы скучали по золоту
Мертвых аллей,
И молчала земля,
Запивая снега
Метелью.
Собирал солнца пепел,
И зерна от плевел
Листвы отделял.
От янтарного голода,
Зябший от холода,
Пал сугробами
У постели твоей
Непогодица,
И, как водится,
Ждал новостей
У неба бинтов,
Но раненья зимы
Не затягивал иней прозрачный.
Не скучай, красна-девка любовь,
Наперед
Мы с тобою на пару поплачем

О весенних забавах,
Да игрищах брачных
Огня и воды.
Распростимся в слова,
Погорюем на славу,
Да сгинем
Управой метели в следы,
Что судачат о снах
И о мере тоски
На изломах вьюги кричащей.

Научи меня

Научи меня пенью ручья,
Остроте соколиного взора,
Покажи первозданья очаг,
Где рождается течь небосвода.

Объясни мне закон естества,
Облачи в невесомость эфира,
Чтоб вкусить, как молодая листва,
Пробежится под беглою силой.

И в янтарных стрелах светила,
Что срывают ночную завесу,
Научи меня жить в этом мире,
Как невинного чувством младенца.

Чайка-Робинзон

Где громоздятся берега провисших скал,
И Посейдон взбивает пенный омут,
Прибоем, Одиссея дух витал,
И тень Ясона разносили воды.

Где ветра свист, как Прометея стон,
Где царь Аид разит проклятьем тлена,
Гнездо ночлега Чайка-Робинзон
Нашла под сенью сумрака Селены.

Где в молотах Гефеста кузня звезд,
И Дионис вдыхает бодрым хмелем,
Ютилась Чайка-Робинзон, Борей хвост,
За крыльями воздушными лелея.

Сияют горбатые волны мятежного моря

Сияют горбатые волны

Мятежного моря,
Отрыгивает частоколом
Лучей канареечных солнце,
Я пробую ветер на вкус,
Замешанный солью,
Я взором ловлю облака,
Перевитые в кольца.

Я тот, кому выпала честь
Сводит краски рая,
Я тот, кому сени эдема
Гнездо родовое,
Мне машет крылом вдохновенье
Беспечного края,
Мне лаской, бормочет прибой,
О морской своей доле.

Смирила небесная степь
Воспаленные нервы дождей,
Лоснится песочная кладка
Прибрежного плаца,
Кипящая пена воды
Сочится в елей,
Смывая следов безмятежных
Бродячую пляску.

Гуляет мое озарение
В брызгах лазури,
Заводит шарманку
Молочная чайка,
Протяжная вольница,
И праздных посулов,
Цыганских посулов,
Сияет благословение,
Когда взгорье волн,
Прохладным глотком,
По легким расходится.

Осыпаюсь перхотью снегов

Осыпаюсь перхотью снегов
В кашу придорожную,
Расскажи мне про свою любовь,
Тишина таежная,
Я с тобой венчаюсь по весне,
Разбрედусь по хвоям,
Зализавши шрамы на лице
Волчьей тропой.

Натянусь протяжною струной,
Да в сквозняк прорежусь,

Что дыханьем свежим, как свинцом,
Пробирает вежды.
Соль земли, просеявши огнем,
Серной пожну в травах.
Тишина таежная,
Пойдём,
Помолчим о главном.

За семью ветрами

За семью ветрами
Мое сердце,
В травы, да поля
Уносит взоры,
За семью холмами
Ловит зори
Холодом земли,
Да тьмой окрестной.
Ненаглядный путь
Ложится сором
Подвесных созвездий,
Да дождины,
Там слова мои
Кружатся дымом,
Оседая песней невесомой.
Соль морей -
Телесная приправа,
Треск волны
Елей вострого слуха,
Мне в грозу тепло, светло и сухо,
Пока носит мир
Души застава.
За семью ветрами
Мое солнце,
Сплет лучезарною молитвой,
Покраснеет,
Выйдет за калитку,
Обещает, что еще вернется.

Ночная фея

С давно затихли фонари
В березовой аллее,
Но ты не меркни, говори,
Моя ночная фея.
Тебе покладист мой убор,
Слиянья звездной дымки,
И никнет мгла перед тобой,
Осевши невидимкой.
Поведай же мне быль о том,

Кто правит краем сумерк,
И пригласи в свой лунный дом,
Чарованный рассудок.
Пока заутрени лучи,
Не подпалят на зорьке
Твои одежи, не молчи,
С собратом одиноким.

Зеленоглавых сосен частокол

Зеленоглавых сосен частокол
Волною чистой свежести мне шепчет,
Пройдись по моим стежкам вековечным,
Где воцарился солнечный престол
Дневного действия, во хмелю цветущем,
В распевах заливающихся птиц,
Где преломляется душой небесный ситц,
И бьется сердце ветром вездесущим.
Мне здесь приветлив каждый сладкий вздох,
Что мироточит грудью полноводной,
И обступает дикая свобода,
Маняще зазывая в свой чертог.

Отпускает ветер затрешины

Отпускает ветер затрешины,
Обривает щеки румянами,
Хлад-морозец, луною просвеченный,
Застывает одежей каляною.
Заплетаются косами снежными
Вдохи-выдохи зимнего говора,
Заплывают белилами нежными
Деревянных избушек коробы.
Нарезного инея фрески
Стелют окна фрактальной мозаикой,
Завывают протяжною песней
За калиткой метели развязные.
Я забьюсь в теплый плед, словно дитяtko,
Опрокину головушку грузную,
Положив себе бремя сытное
Завещаньем дыхания южного.

Весенняя песня

Небо стелется чистой скатертью,
В позолоте молодого луча,
По ветвистой расщелине катится
Колокольчиком песня ручья.

Подхватив напев, птицы звонкие,
Разнесут по лугам и полям,
Оросит ветерок листья тонкие
В такт мелодии ясного дня.

Дикий зверь оживится в окрестности,
Пробужденный мотивом весны,
И пойдет сладкогласна кудесница
По палатам владений лесных.

Долина солнечных палат

Разливается озерная лазурь
По душе распахнутого лета,
Солнцепеком позолотых бурь
Неба почивальня приедета.
Августовский лакомый кусок
Теплоты сочится в сердца пристань,
И охвачен бархатный песок
Ласкою и нежностью лучистой.
А поодаль изумруд лесов
Распростер цветущие объятия,
Хоровод крылатых песняров
В нем нашел отрадное занятие,
Разносить лилейный звукоряд
На волне порхающего лета,
О долине солнечных палат,
О равнине радужного света.

Напутственная

Добры молодцы,
Красны девицы,
Вами молимся,
В вас надеемся.
Стáры матушки,
Отцы строгие,
Ваши братушки,
Всея сорогою.
Дочи слаженные,
Длиннокосые,
Чад бесстрашных,
Станом рослых,
Берегите вы
Всею силою,
Чтоб густой травы
Не собирать с могил.
Вещим светлую
Вам судьбинушку,
Горечь ветхая,

Ходь чужбиною.
Будет ясною
Жизнь пригожая.
Сгинь ненастие,
С диток божиих.
Сами справны чем,
Тем поделимся,
С славным молодцем,
Да свет девицей.

Эх, ты воля

Эх, ты воля,
Чистое поле,
Стежка в ухабах,
Да месяц пьяный,
Что вылился наземь,
Ночку раскрасив
Тоном молочным
В светлые очи.
Эх, ты диво,
Бесова сила,
Ветра веселье,
Душистость сена
В воздухе носит,
Струятся колосья,
Во чистом поле,
У изголовья,
В травушке мягкой,
Где я украдкой
Сладко прилягу,
В звездной ватаге
Счетом забудусь,
Вечную юность
Выпью до донца,
Ждать буду солнце.

Песня казака

День пройдет, и то, славненько,
Ночка пролетит, и хорошо,
Я приду к моей маленькой
Со распахнутой душой.

Саблю зачехлю и на стену,
С сапога осядет пыль,
Посмотрю в глаза ясные,
Сказка ль это, али быль.

На столе хлеб-соль румянится,

Теплая постель в углу,
Мне ль от жизни щедрой маяться
На пригожем берегу.

Эх, судьба, лети реченькой,
Напои моих братьёв,
Утопи врагов отмеченных,
А казака нашла любовь.

Летучий голландец

Тонет ночь во взгляде смуглом,
Опоясавшись фатой
Звездной ткани, странник блудный
Возвращается домой.

Он несет с собой суровый
Свет далеких берегов,
Под раскаты волн студеных,
Острых молний и ветров.

Лунный оттиск, вечный спутник,
Проторяет колею
Звездной ткани, странник блудный
Колыбель ищет свою.

На восходах и закатах
Бьется об одном с давно,
Где рубеж судьбы предвзятой,
Где в отечество окно.

И ответа ждать не смея,
Продолжает дрейф морской,
С умывающей тоской,
Не ропща, и не надеясь.

Звездочет

Я вскрою вселенское ухо,
И своим пропою хором хриплым,
Ты священная моя старуха,
Не устала ли звезды сыпать,
Не сморилась ль лечить грехи нам
Своей солнечною приправой,
Самой темной ночи стихия,
Лишь найдет в нашем сердце правду.
Ты ж стяжай недоступных братьев,
Что родня многомерных сестер,
Нам оставив сносить проклятье,
Выковыривать атомов гвозди.

Окропи мне сознание ядом,
Я в чертогах твоих растаю,
Хороводы водить в плядах,
Так отрадней всей этой стаи,
За которой тянется разум,
Обезумие пряча на днище,
А в безумстве привольно глазу,
А в безумстве свобода рыщет.
Закрадусь я в кутеж вселенского,
И своей обозначусь моськой,
Старина ты моя небесная,
Не устала ли слыть громоздкою,
Не замаялась ль в судьбах поэтов
Продираться сиянием дали,
В нашем сердце не сыщешь ответа,
В этой бездне мы сами пропали.

Весна-сестрица

У сестры-весны распускаются
Косы зеленые, молодежавые,
У сестры-весны умываются
Лужами дороженьки ржавые.
Словно заливает соловушка
В радости светила яичного,
Теребит капелью на солнышке
Душеньку сестрица тепличная.
Озорных ручьев-перебежчиков
Трескотня разносится по миру,
Словно моя тяга беспечная,
Что цветеньем сердца исполнена,
Вместе со сестрицей, посыльною
Желтоперых дней, ночек ласковых.
Эх, весна, весна, блажь весенняя,
Захлебнулся свет твоей краскою.

Пряная девка любовь

Черные капли ночной воды,
Звонкие трубы зефиров,
Шероховатое тело листвы,
Сладкие, томные лиры
Сочного сна.

Пыль лугового распутства,
Грубые тени холмов,
Скрежет звездных напутствий.

Пряная девка любовь,
Ручьями дождя умытая,

Бродит,
Водит по небу пальцем,
Сетует в ночь запорошенную,
Да не находит
Скиталица места.

Румяна прелестница,
Да только, одна одинешенька.

В июньском солнечном бурьяне

В июньском солнечном бурьяне
Переплетёны скаты крыш,
Молчат небесные скрижали,
Лишь ветер прорывает тишь,
По проводам скача игриво,
И обдавая сквозняком
Деревьев скошенные гривы,
На придорожии пустом.
Машины мертво у обочин
Забылись летним, ватным сном,
Весь город пеклом обесточен,
Плюющим в облачный проем.
Асфальт иссушен, воздух тяжек,
Сезоном знойным встала жизнь,
Июньской солнечной рубашкой
Перекроена неба синь.
И хлады поздней зорьки жаждут
Районы, улицы, дома,
Когда спадет дневная сажа
За створки звездного окна.

Как приятен у камина, треск поленьев, крас углей

Как приятен у камина,
треск поленьев, крас углей,
пламень золотоигривый,
Когда вечер гуталином
тьмы густой стучится в дверь.

Обрамляет теплотою
стен окаменелый дух
жар огня, скользну ладонью
по его искрящей кровле,
смолкнет часом все вокруг.

И останутся, лишь двое
в этом мире, я и он.
Тот, кто сердца ждал покоя
подпалит истомным зноем

дня усталый небосклон.

Душ небесный – дожди

Душ небесный – дожди,
Радуй землю босую,
Грозами острыми жги
Воздуха прелую сую.

На загорелом челе
Выпиши мокрою кляксой,
Словно росой на заре,
Судеб дорожную маску.

В черные очи плесни
Вздорную водную брагу,
Да искупай в грязи
Злаки на пашне бумаги.

Душ небесный – дожди,
Слизывай горечь ночную,
Чистой молитвой плети
Щеки надежд в поцелуях.

Выплачь и вынеси сор
С моих подмостков грешных,
В слезах твоих утер
Худо тоски сердечной.

Паром осядем в хлам
Жара бесед и споров,
Ты же, читай по губам
Сердце, что ищет простора.

Душ небесный – дожди,
Снов колыбель проветри,
Да разгоняй ладьи
Огненных схваток рассветных.

Сыро, куда не плюнь
В век, от вина довольный,
Блажью своей проклюнь
Новый путь, беспризорный.

Влажностью выплесни сор
С моих кудрявых тропок,
Мир мой, не так матер,
В нем еще одиноко.

Душ небесный – дожди,
Ты расхлебай мою исповедь,

В реках судьбы разведи,
Участь душе ненавистную.

На загорелом челе
Миррой твоей засалится,
Все еще впереди,
Только б с собой управится.

Подоспела осень

Подоспела осень
Золотить дорожки,
Солнца пыл уносит
В дальнюю сторожку.

Усталь неба смотрит
В серые туманы,
Ветер песнь заводит
Канителью рьяной.

Подоспела осень,
Обдала тоскою,
И в дождливых космах
Память бьется зноем.

Летняя разлука,
Мрачная беседа,
Ах, какая скука
Эта усталь неба.

Судьбинушка

Ты большою игрой,
Мать-судьба, мне пророчь,
Я подброшу монету,
Нагадав серебро,
Я отмечусь на четном,
Ты скользнешь на зеро,
Я поставлю на черное,
Выпадет ночь.
Ты большою надеждой
В чарку жизни плесни,
Я кофейную гущу,
Соберу в светлый смысл,
Дай, лишь веру покрепче.
Наважденьем весны
На дороге ревущей
Любви придержись.
Не держай путь гнилой,
Не кручинь стариной,

По молитвам пророчь
В безмятежные сны,
И неожиданной бедой
Не стучись мне в окно,
Там, лишь звездная ночь,
Да обряд тишины.

Живослов

Лейся, слово,
Хрустальной артерией рек,
По полям, да долам,
Накрытое синей папахой небес,
Труби соловьиной поэзией
В красно-кудрявый рассвет,
Неси на крылах размашистых
Светопричастную песнь.

Лейся, голос живой,
По взъерошенным нивам,
Взвейся орлиной присказкой,
Свистом пастушьим,
Я не могу молчать,
Когда ветер впивается в гриву,
Когда солнце запалом плюется
В мотив прямодушный.

Матросы

Месяц в темени смеётся,
Купол звездный теребля,
Вдохом резвый ветер крадется,
Выдохом прибой-дитя.

У причала гул матросский
Льется из дверей таверн,
Мчится песнь мотивом сконым,
Чрез ущелья ветхих стен.

Ночь повита духом хмеля,
Легкомыслием любви,
Разрумянилось веселье,
Подавай хозяин зелья,
Завтра снова мы в пути.

Поступь ночи

Был вечер, сгусток зорьки хмурой
На стыке неба и земли

Обмяк звездой кроваво-смуглой
В потоках огненной пыли.

Ночным дыханьем реял ветер,
Сплавляя гарь движений дня,
И километр за километром
Рядилась в лунный свет земля.

И вот накрылся черной дымкой
Небесной мантии фасад,
И только лунные морщинки
С его туманных черт глядят
На тишь, отлитую в железный
Ночной пейзаж под звездной бездной.

И в этой мертвой тишине
Покой стучится сном ко мне.

Изгнанный ангел

Изморозь сковала крылья,

Лютый ветер залил глаза,

И гнездо на сердце вила

Ядом полная лоза.

Грозовая брань стрекала

Утомленное чело,

Тень его лишь признавала,

Как собрата своего.

Осужденного изгнаньем,

Вел его печальный дух,

Состраданья, состраданья,

Как он ждал в рассаде мук.

И летел забытый ангел

Искрой божьей, словно падал.

Я выносил лиру стройную из духа противоречия

Я не поэт, я мученик пера

Автор

Я выносил лиру стройную
Из духа противоречия,
Из томности летнего вечера,
Да вьюги зимы беспокойной.
Из солнца прожаренной мантии,
Да стен дождевины алмазной,
Из синего моря слякоти,
Да степи, простором развязанной.
Из страсти любви осадившей,
Да черных печатей разлуки,
Я выплеснул все, что вижу,
Из сердца, в легкие руки,
Что буквами память закляят
На годы в бумаге ветхой,
Где фразы окаменеют,
Как сердца рубцы и метки.

А по полю кони

А по полю кони,
А за полем речка,
За горбом-спиной
Дышит бесконечность
Сотканных заборов
Лесом чернобором,
А по полю кони,
Да небес Отечих
Парус белокурый,
Солнце апельсином,
Стоптаные губы
Ветром нелюдимым,
Щели наливные
Глаз устало-пьяных,
Плачем расписные,
Светом окаянных.

Стервенеют вечерние краски

Стервенеют вечерние краски
Непокорных, строптивых зарниц,
Небо журится лунной закваской
В переплете чумазных страниц.
Суицидом день сходит в берлогу
Горизонта туманных дорог,
Колыбелью усталого бога
Продирается ночь на порог.
Отмирает безумное соло,
Да беспечна балладная стынь,

Натирает ресницы до боли
Стать Морфея – винная пыль.
Протяженной, хрупкою связкой
В небесах гремит ключник звезд,
Я ушел в свое завтра лаской
Шелкопрядных теней и снов.

Танец ночного огня

Ты слышишь как вечер
Распускает крылья,
Ты видишь как ночь
Ползет по карнизу.

Небо в упряжке,
Черная грива
Звезд,
Ветер нанизан
На вернисажи
Грез.

Ты веришь всему,
Что пропитано сливками лунного дыма,
Ты знаешь о чем
Говорила с тобой вешняя роща.

Небо в ногах,
Черная грива
Звезд,
Слышишь все ближе
Ветер полночных
Грез.

Можно, я буду с тобою нежен

Можно, я буду с тобою нежен,
Может, я стану твоим откровеньем,
Сегодняшний день до встреч, так прилежен,
Поверь и растай мгновением.

Можно, я буду с тобою жалок,
Может, я стану твоим милосердием,
Ночь, да и та, мягкостью сжалилась
В неба холодном наследии.

Знаешь, легка красота, сопричастная
Сердцу, что тонет в величии радости,
Можно, я встречу тобою прекрасное,
Может, откроешься этому таинству.

Чувства

Ты нежна, как теплая ночь,
Как закат остывающий в море,
По волнам разносящийся прочь
Ветерок той пьянящей свободы.

Ты зажжешь потухшие свечи
В одинокой, усталой душе.
Звезды шепчут, еще не вечер
Я им вторю в святой тишине.

Ты прогонишь сердечные муки,
Унесешь в мир сладостных грез,
Я отдам этот мир в твои руки,
Чтоб не видеть твоих больше слез.

Я не знаю, что будет завтра,
Я забыл, что было вчера,
Я хотел бы уйти безвозвратно,
Только, как мне уйти без тебя.

Лилии губ твоих распускаются сахарной ватой

Лилии губ твоих распускаются сахарной ватой,
Колодцы глаз наполняются винным отваром,
Милует слух течь соловьиной пляяды
Голоса твоего.
Истинно верую в жизни награду,
Когда смотрю на создание нерукотворного чуда,
Когда рукой провожу по чертам совершенства,
Это ль не счастье, коего всюду
Я отыскать порывался.
Вот оно, в сердце,
Вот оно, греется в теплом углу чувственных ласк,
Вот оно, пышет зарницей доблестной страсти,
Не повинуюсь себе я отныне, твой, лишь наказ
Слышится, как приговор колдовского участия.

Ты опять смываешь краски

Ты опять смываешь краски
С полотна моих обид,
Озорной, манящей лаской,
Вторя играм nereid.

И несомый безмятежно
По волнам твоих очей,
Я сгораю страстью нежной

В пламени своих речей.

Колдовским очарованьем
Святости наперекор,
Я в невольном ожиданье
Руки в бездну распростер.

Ты опять смываешь краски
С потускневшего холста,
И опять кругом лишь маски
В свете твоего лица.

Богиня

Я, как художник, одержим
Всей пластикой тонких линий,
Что очертили грацию твою,
И содержанием мудрым дополняя
Движения неуловимых струн
В твоих устах, гармонию воспевших,
Они покоя не отыщут и во мне,
Как удостоен этой знатной чести,
Внимать их сокровенной глубине.

В болотных оперениях древесных

В болотных оперениях древесных,
Лесная нимфа танцевала танго с ветром,
Плела венки из поросли и мхов,
Купалась в солнце, с ручейками пела песни,
Закат сплавляла и ждала рассвета,
Сбивала звезды, ставив на любовь
Для сироты-души, не знавшей тяги
Запальчивых, неистовых скачков
Сердечных притязаний на безумство,
Она с утра лилась росистой влагой,
Сквозила вечером огнями светлячков,
Но были пусты все искусства чувству.
В бутылочных колосьях леса-сказки,
Болтала с птицами полей небесных нимфа,
Плела лучи, дождем топила скуку,
Ночную кладкою сгущала в сердце краски,
И стлалась ясным днем в цветочных рифах,
Гуляя с одиночеством под руку.
Не в той земле и не для этой жизни
Жила любовь ее, жила в другой отчизне.

Сокровенное

Любить тебя мне больно,
Но больнее не любить,
И лучше дум терзанье несть,
Чем о тебе не думать,
Порхал я пташкой вольной,
Но клянусь забыть
Свободы этой честь,
Чтоб быть с тобою всюду.

Любовь – это...

Любовь – это умение,
Умение все прощать,
Любовь – это уверенность,
Уверенность в самой себе.
И если зашили сомнения
Глаза твоей веры по швам,
То, только одно решение
На сердце дано тебе,
Что любовь- это Библия,
Библия всех языков,
Любовь – невеста завидная,
Солнечный посох слепых.
И если залило кривдою
Надежду-бабочку в лед,
То, только одно предвидимо
Для сердца холодной зимы,
Что любовь – это прекрасное,
Прекрасное время стихов,
Любовь – это участие,
Участие в каждом глотке
Воздуха, тех, кто на счастье
Ставит последний грош.
Добавим пороха к страсти,
И выпарим слезы в платке.

Я пахал, я сеял

Я пахал, я сеял
На земле сердечной,
Проросла душа
Злаком колосистым,
Обернулось солнце
Золотым колечком,
Ты меня нашла
Ветрокрылым свистом.

Я косил стогами
Бурияны смуты,
Подоспели вёсны,

Любы ясно взору,
Птицею погожей,
Поцелуем в губы
Распустили косы
Молодые боры.

Во тени дубравной
Почивал с усладой,
Ты нашла тропинку,
Примостилась рядом,
Доброе поверье
Сны нам отворяло,
На земле былинной,
В тишине нарядной.

Ночи черной акварель

Ночи черной акварель,
Пластилиновые сны,
Мы с тобою, верь, не верь,
В них, как никогда близки.
В размалеванной луне
Отраженье вечных чар,
Я гадаю на огне,
Кто же, пан или пропал.
Откололась суета,
Сон-покой стучится в дверь,
Как за пазухой Христа
Мысль с тобою, верь, не верь.
Отмирают фонари,
Звезды крошатся в глаза,
Сердце, что не говори,
Не забудет тот азарт.
Ночи черной бастион,
Золотые сны души,
Мы с тобою в этот сон
Одержимостью пришли.
Мы с тобою, две тропы
На одной большой стезе,
От любви и от беды
Зарекались по весне.
Ночи плотной чешуя,
Опоясывает мысль,
Мы с тобою, ты, да я,
Как с исходной, чистый лист.

Городская лирика

В моих окнах свет распростер ясный день,
В моих окнах небо рядится в прозрачность,

Пульс настенных часов безмятежно степен,
Отпускает душа многозначье.
В моих окнах липы змеятся под солнцем,
В моих окнах зеваки смешались толпою,
Ароматной волной чаепитие льется,
Сердце сносит приметы застоя.
А за мной весна выдыхает любовь,
А за мной листва напускает гламур,
Собирает в пространстве цветенье стихов
Окрыленный мальчонка Амур.
Я раскрою дверь, я впущу мягкий ветер,
Я сниму вуаль затверделых снегов,
В моих окнах день будет праздновать светом,
В моих окнах весной будет бредить любовь.

Истечение слабости сердца

Ты прошла.
Я видел поющие тени,
Несущие попятам
Твой шлейф,
Мрамор коленей
Гор,
Преклоненных тебе,
Сонный свет
Рассветного гонга,
Что схватил твою музыку
Летнего солнца.
Сладко и звонко
Отдавалась в груди
Эхом
Трещотка
Волн-шагов.
Ты прошла вдохновеньем
По сердцу,
Мой улов
Поющие тени
У алтаря надежды,
Да душа-невеста
На гребне мгновенья.

Сведи все краски желаний

Сведи все краски желаний,
И я нарисую тебя,
Впусти меня в свой покой,
И я возведу в нем храм,
Для злых языков
Не ищи оправданья,
Зависть их – праведность нам.

Там где лежали венки,
Ныне земля моя
Зацвела в любовь,
Ныне война моя,
Сдалась нежности глаз.
Вновь обретают ладони тепло,
Уста сладкогласье,
Для нас
Ночь – светлое время,
Стеной
Идут туманные гривы звезд,
Выжигая ненастья
Занозы.
Принес
Свежий ветер морозы,
Укутай мне сердце
в атлас,
Я полон терпенья,
Я полон надежд в эти дни,
Я вижу волнение
Глаз,
Я слышу дыхание бриза,
Что слизывал слезы мои.

Для тебя и для меня

Тишина,
Для тебя, лишь пустое место,
Для меня, начало начал.
Где луна
Для тебя поселилась ночь,
Для меня
Святая печаль.

Ты уснешь,
Я буду смотреть на нежную легкость,
Эта ночь
Для меня так важна твоим светом,
Как уйдешь,
Я оставлю себе памяти бодрость,
Про меня,
Холод зари, да скошенный ветер.

След дождя,
Для тебя, лишь вода, мокрое место,
Для меня,
В свежесть земли барды ручьев,
Песня за песней.

Скажи...

Скажи,
Кто написал твой образ
В моем сердце,
В нем пригрелся
Сладкий мотив.
Прижми
Руку к груди горячей,
Ветер спящий
Всколыхнется,
Нежность впустив.
Открой
Глаз бездонное небо,
Освети мне
Мою веру
Хрупкой любви.
Со мной
Тысячи откровений
В одном слове,
Лишь позволь мне
Их донести.

И исступленьем снова за тобой (акrostих)

И исступленьем снова за тобой,
Меняю страсть на опостылевшую мудрость,
Свиваются в терновник золотой
Моей любви всклокоченные кудри.
Свою любовь, заранее прощу,
Когда глаза в глаза погибелью встречаю,
Пред избранным уделом не ропщу,
На выпавшею долю не серчаю.

Вот тебе три строки

Вот тебе три строки,
Первая – негa теплых углей,
Вторая – ветреный дым,
Третья – зола и сажа,
Вот тебе три пути,
Первый - домашний елей,
Второй – пешая пыль,
Третий – уже не важно.

Вот тебе моя соль,
Сердце, накрытое небом,
Стопы, излитые полем,
Взгляд, пропитанный ночью,
Вот тебе мой покой,
Прими его, мне он не ведом,
Оставь его, мне он не волен,
Забудься в нем, как он порочен.
Вот тебе мое “Я”,
С самого темного дна,
Самым призрачным светом,
Первое – солнечный ветер,
Второе – зеркало льда,
Третье – твоим ответом.

В зеркале нового дня

В зеркале нового дня
Найди колыбель солнечной маски,
Где был зачат образ огня,
Я награжу тебя страстью.

В залежах смуглых дождей
Наполни колодцы небесной весной,
Где пела свежесть хвойных теней,
Я огражу тебя сном.

В шелке ночных покрывал
Сорви тайну звезд бездонностью глаз,
Где этот день закатом упал,
Я подарю тебе нас.

Берег

Берег.
Сокровенная пристань
Дикой волны.
Небо.
Синим хмелем провисло
В излучинах солнца.
Чайка рвется
В попутного ветра сети.
Мы одни,
Лишь рассветом
Обдает эти взоры
Утренний возглас
Пробуждения дня.
У меня
Осталась одна жажда жизни,
Что тобой упоенно смеется

И бредит.
Как близко
Аромат нежных губ
С придыханьем любовной молитвы.
Тебя ждут,
Тебе светят
Глаза ненасытного голода
Прикосновений сердца.
Чувством молодая,
В отклик любезна
Пора начинаний душевных,
И откровений холода
В теле скорой разлуки.
Еще мгновенье,
Пожалуйста,
Еще так рано
Для слуха
Минором скорбеть.
Берег.
Сокровенное лоно печали,
Дикой волною петь
Мне без тебя,
Мое лето.

Разлетаются мысли осенней листвою

Разлетаются мысли осенней листвою
По заросшим дорожкам былого,
Коей раз упираясь в вопрос непростой,
Был ли жребий достоин иного.

Или выбор заранее мне предрешен,
Как судьбы колесо завертелось,
И не выжжешь огнем, и не смоешь дождем,
Перевернуть, что так тщетно хотелось.

Каждый знак бытия, каждый ветреный миг,
За собою несет, что-то боле,
И в загадках клокочет раздумия штрих,
Моя участь, моя ли то воля.

Бедный край мой - пустырь, тишина, да молитва

Бедный край мой - пустырь, тишина, да молитва,
Глухомани далекой последняя дань,
Ты куда приведешь стариною забытой,
Ты к кому обратишь громовую печаль.

На кого уповаешь доверием в скорби,
Для чего тебе это молчанье ветров,

Я спою тебе песню о счастье и боли,
Но, а ты выбирай, когда будешь готов.

Бедный край мой – вместилище ветхих раздумий,
Позабывтая богом пространная степь,
Помолчим на прощание, ты это любишь,
И пойду я своею дорогой радеть.

Голгофа

Там где ангел спустился с небес,
С белоснежным крылом-самолетом,
Над землей он возвел себе крест,
Искушая кровью народы.
А она прозрачней воды,
В ранах билась чистым ключом,
И дожди смывали следы
Под распятием, сбиваясь на гром.
И кричало сердце его,
И вzywало имя Отца,
Но, лишь грешник, просил за него,
Полный света глаз мудреца.
Там где ангел роняет слезу,
Плач Голгофы слышен в дверях,
На пороге, Богом разут,
Ветер носит солнечный прах.

Созерцательное в себе

С кем ты, моя вера,
Строишь мосты в правое,
Делишь кровную участь,
Пишешь свою мудрость,
Празднуя в пламенном славное,
Снося побой пеплом,
С кем ты, моя заветная.

В чем ты, моя мера,
Сколько отсчитывать блага,
Сколько заимствовать зол,
Дабы найти покоя,
Если гостей незваных
Встречу на свой порог,
Что, лишь стяжают боя,
В чем ты, моя своевольная.

Где ты, мое умелое
В сонной печали сердце,
С кем ты под солнцем сеяло,
Чем приболело,

Смогли
если б мы только знать,
Где чрево истины зреет,
Там бы пустили плоды.

Не обижай того, кто нравом робок

Не обижай того, кто нравом робок,
Кто сердцем чист, но храбрецом не слыл,
Ты толстокож, а он душою тонок,
Ты всем на зависть, а он просто мил.

Не преступай порог ранимой веры,
Не умиляй достоинств скромных глаз,
Ты лучший стал, а он бывал лишь первым,
Всегда любим ты, он – единый раз.

Не заслоняй напористостью гибкость,
Не сдавливай упрямством компромисс,
Ему решать лишь, где проходит близость,
И для кого она имеет смысл.

На старой лавочке, в старом дворике

На старой лавочке, в старом дворике,
Где липы кивают мохнатыми шапками,
Где игрища спорятся детскою сворою,
Дышало счастье воздухом сладким.

Носилось дворами, да лузгало семечки,
Срывало траву, да подъездами пряталось,
Искало себе влюбленность беспечную,
Да нежным стеснением от нее маялось.

У ржавых качелей, в тихом дворике,
Где пахнет черемухой, грушей и яблоней,
Кострищем с картошкой, меж тропок окольных,
Сидела душа на знакомой завалинке.

Тайная вечеря

Пейте это вино, возьмите эти хлеба,
Это тело мое, апостолы-братья,
Сегодня случится беда.

Иуда, готовь поцелуй,
Иуда, делай, что должен,
Голгофа уж жаждой крови
И плоти невинной полна.

Возьми же свое серебро,
Отдай мне мой крест и гвозди,
Вбивая их в тело мое,
Грызи его мясо и кости
Предательскими устами.

Домой меня отпускаешь,
Прощаю тебя, о, незрячий.

И небо зайдется плачем,
И рухнут о землю громы,
Так выйдет Отче забрать
Сочащие язвы мои.

Но, истинно, свидимся снова,
Чтоб словом моим благодать
Нести вам по весям земли,
Сияя Заветом Новым.

Мистик Мо

Мистик Мо сидит у воды,
Мистик Мо вдыхает туманы,
Мистик Мо разжигает костры,
Мистик Мо расставляет капканы.
Он ловит сердечные раны,
Он греет их на углях,
Он кутает их в туманы,
Он смакует их на устах.
Мистик Мо отпускает грехи,
Мистик Мо прощает врагов,
Мистик Мо не пишет стихи,
Мистик Мо пишет любовь.
Он сидит у бурной реки,
Он слушает флейту ветров,
Мистик Мо не читает стихи,
Мистик Мо почитает любовь.

Вера, надежда, любовь

Откройте двери,
Впустите радость,
Не зная меры,
В замерах - слабость.
Зовите проще,
На отклик - легче,
И днем и ночью
Лепя беспечность.
Стучитесь громче,

Будите солнце,
Кто обесточен,
Тепла найдется.
Ищите рьяно,
Бросайте смело,
Ведь жизнь упряма,
А смерть умела.
Идите верно,
Куда укажет
Любовь и вера,
Надежды стражи.

Шаманка

Грела кровью жертвенный огонь,
Зазывала воронов к совету,
Иступленьем обращаясь в сон,
Билася змеею в лунном свете.

Бормотала духами воды,
Кочевала вихрем троп лесных,
Да смыкалась силою земли,
Лобызая червоток весны.

Рубцевала крики ран древес,
Обогнувшись лисьею рекой,
Да слегла в ночного брода тресь,
Чтоб волчицей разродиться в вой.

Пригорюнилась душою ратных тяжб,
Да очнулась чувством мутных глаз,
Пел ей песню сумерк, древних страж,
А она к сединам памяти неслась.

Проезжая часть

Проезжая часть.
На руках
ковыляет в старых лохмотьях
несчастливая,
исковерканная судьба.
Безногая,
но гордая,
туда-сюда,
упорно
не раз и не два,
а мили,
до боли,
прошивая движения студень
судорогой печали.

Какая сила,
какая надежда
какая воля
Кто-то пройдет,
кто-то плюнет.

Город в северном сиянье

Город в северном сиянье
электричества,
Сквозь джунгли
сочных выхлопов неона,
Я глотаю непроглядных
живописных токов стружку,
Взглядом полусумасшедшим
От пресытивших раскрасок,
Людям продают надежду
Из-под лицедейских масок.
Город, пеклом озаренный,
Город, спешкою набитый,
Кажется таким огромным,
Но в душе, такой забытый.

Дерево песен (отрывок)

Спроси у нее вдохновенья,
что сок виноградной лозы,
Сложи на колени старанья,
Водою прольется сама,
Поэзия горных вершин

Поймай, что рядом, найдешь и далекое,
Смотри во тьму и полюбишь свет,
Найди разум, которого нет, который мертв

Через порог восприятия
Бредет одинокая тень,
Тень костров и молитв

Немного музыки, для восхищенья солнца,
Немного света, для освещенья веры,
Немного силы,

сыграть еще одну партию

Головокружение осени -
Хмель золотой,
Лед погребенного солнца,
Заспанный свет фонарей,
Перерождение дня
В тревожной реке души

Я чувствую воздух в дрожащих ладонях,
И дым подсознания на зеркале ночи,
Застывший пятном сновидений.
Приятная отрешенность

Кисти леса заплетают
Свежесть, в косы сладких трав,
Родником желанной неги
Оставляя мысль в покое,
Я люблю это молчанье
Скромной красоты твоей,
Одинокая тропа

В зеркальном саду твоих глаз
Осыпали звезды дерево песен
Семенем серебра,
Пиши же свою молитву

У ног ковер листвой осенней...(отрывок)

У ног ковер листвой осенней,
в душе гуляет ветра стужа,
с тобою, и ее тепло ушло в темницы моей скорби.

Вспоролось солнце горизонта колею,
раскинуло корону золотую,
но нет мне света, нет огня, когда
одна любовь, рассвет впускать не буду,
пусть первый луч про утро не поет.

Ночь сгустила тона,
звезд рассыпался жемчуг,
неба степь убаюкала усталъ земли в сети грез,
ты мне снишься опять.

Закат склонился алым оком
над храмом шелковых полей,
когда-то здесь мы провожали
с тобою вместе гриву солнца
в опочивальню вязкой ночи,
теперь один я ему вслед
бросаю взор из льда и пепла.

Поют лесною флейтой родники,
шумят мохнатых елей исполины,
как призрак я крадусь в местах заветных,
неся любимой верность в своем сердце

Рукавом взмахнула осень,
позолотой осыпая, запорошенные тропки
наших ветреных следов,
где тебя я потерял
в многоточиях дождя.

Стеною по земле ползут туманы,
среди гряды, расписанных свободой
безбрежных странствий, вольничьих равнин,
здесь затерялося гуляющее эхо
моих дорожных песен и стихов.

Где свирепствовал вал грозовой,
где кончины витала предтеча,
об одном, лишь жалел в круге смерти,
что проститься с тобой не сумел,
и полнее с тем жаждою жизни
исполнялся бесстрашия дух.

Путь самурая (отрывок)

¹В небе читалось утро,

Солнечной колесницей,
Через порог горизонта
Луч златокрылый дрогнул,
Холод ночной растопив.

²Берег, дышащий бризом,
Взмывший волною пенной,
Принял простором диким
Поступь блудного духа,
Коей взрастил судьбу.

³Тянется змеевидной,
Вдаль уносящей лентой,
Россыпь песчаной глади,
В скалах заходится эхом
Чайки попутная песнь.

⁴Здесь обозначил дорогу
Храм одинокого сердца,
Здесь душа проложила
Поиска вдохновенье,
В вечных открытиях себя.

⁵Взгляд мой охвачен верой
В крае малознакомом
Угол сыскать достойный,
Где приживутся ответы
Разумом встретив покой.

Девять стрел

Солнце садится.
В гаснущем взоре
Тает шлейф горизонта,
Алой пылью
Оседает дня завершенность.

Выжито небо.
Слезы дождя
Сбились в ручьи,
Свежесть листвы
Благоухает на сердце.

Рыскает ветер.
В трепете волн
Сходит на берег,
Прибоем ведомый,
Дух одиночества.

В жемчуга небесные
Разодетая,
Тишиной соборною
Подпоясана,
Благородная жрица-ночь.

В абстракциях зимних форм,
За окном молоком
Проливается снег
На белые сливки льда.
Безмолвие совершенства.

В свидетели луна мне,
Без любимой,
Я сердце, как хрусталь,
На части расколю.
Его осколки – звезды.

Из тьмы души окованной
Я высек свет надеждой,
Тот, что печаль,
Тот, что разлука,
Что любовь.

Неутолим священный голод,
Горящий сердцем
Ненасытным, что так алкает,
Несть мгновеньем
Всей жизни, страсти нежной крест.

Из золотой тетивы - девять стрел,
Сердцу – стрела любви,
Разуму – мудрость, душе – добродетель,
Духу – доблесть, пять из остатка
В щедрость мою, для врагов.